

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

64

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME
INTELLECTUAL HISTORY REVIEW
2018 Issue 64

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2018 Выпуск 64

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Упсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

*Издание подготовлено в рамках научного проекта «Россия в мире»
Ассоциации содействия развитию академической науки и образования
«Институт перспективных исторических исследований»
(руководитель академик А.О. Чубарьян)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФНАНСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. ред.)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 64

Специальный выпуск. Россия в мире.
М.: ИВИ, 2018. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 64

Special Issue. Russia in the World.
Moscow: IWH, 2018. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» 36030

А К В И Л О Н

- © Общество интеллектуальной истории, 2018
- © Институт всеобщей истории, 2018
- © Журнал «Диалог со временем», 2018

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

РОССИЯ В МИРЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый специальный выпуск журнала посвящен большой теме – «Россия в мире». Этот проект – один из основных в деятельности Института всеобщей истории РАН. Проблема роли и места России в мировой истории всегда привлекала внимание научных кругов и широкой общественности. В наше время этой теме посвящается значительное число исследовательских трудов и документальных публикаций, которые охватывают период с древнейших времен до современности.

В методологическом и теоретическом плане это и вопрос о российской идентичности, о закономерностях и особенностях становления российской государственности, о взаимоотношении Древней Руси с окружающим миром. В комплекс этих проблем входит и христианизация Древней Руси и ее роль в будущем развитии России. Отдельная теоретическая проблема связана с географическим положением России как цивилизационного моста между Европой и Азией. В последние годы в рамках этой темы формируется новый взгляд на Евразию и евразийство, отличный от прежних представлений. Особую актуальность приобретают в наши дни также многолетние дискуссии о связях и взаимоотношениях России и Европы. И в этом контексте представляется важным преодолеть «изоляционистские» представления, согласно которым Россия и в прошлом, и в настоящем противостоит Европе. История России – это органическая часть мировой и европейской истории, что, конечно, не означает отказа от необходимости изучать национальные особенности России, ее своеобразие и традиции.

В широкой и многовековой теме «Россия в мире» представлены факторы экономические, становление и эволюция торговых связей. Применительно к XX веку – это взаимодействие России с остальным миром в сфере науки и современных технологиях. Особая и, может быть, одна из важнейших сторон взаимосвязи России с миром принадлежит к сфере духовного, к роли российской культуры в развитии мировой культуры и цивилизации. Здесь важнейшая роль связана с историей XIX и XX вв. Российская литература,

музыка, живопись, «русский серебряный век», «русский футуризм» поистине составляют неотъемлемую составляющую духовного развития человечества.

В мировой науке последнего времени получило широкое распространение и исследование взаимных представлений народов и стран друг о друге. В современной терминологии эта тема получила название «образ другого». В этом плане чрезвычайно актуален вопрос о представлениях о России и «русских» в других странах на разных этапах исторического развития.

Реализация проекта «Россия в мире» рассчитана на несколько лет; она предполагает издание научных трудов и документальных публикаций, в том числе воспоминаний и записок иностранцев, посещавших Россию в разные периоды истории.

Представленный специальный выпуск журнала призван внести свой вклад в разработку этой большой и важной исторической проблемы.

*РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА «РОССИЯ В МИРЕ»,
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН,
АКАДЕМИК РАН А. О. ЧУБАРЬЯН*

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

А. О. ЧУБАРЬЯН

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

В статье подводятся некоторые итоги дискуссий, связанных со 100-летием российской революции. Основное внимание обращено на проблемы и причины неизбежности революции, на роль первой мировой войны, на различие и преемственность февральских и октябрьских событий 1917 года, причины победы большевиков и кризис российских политических элит. Из статьи видно, какие задачи стоят перед российской наукой в освещении истории российской революции.

Ключевые слова: Россия, Европа, идентичность, образ Другого, диалог культур

Для историков во многих странах и прежде всего в России 2017-й год прошел под знаком 100-летия Российской революции. В Российской Федерации были проведены многие десятки конференций, фестивали, выставки и другие отечественные и международные мероприятия. Наиболее крупные из них проходили в сентябре-октябре 2017 года в Москве с участием десятков ученых из многих стран. Особое внимание общественности привлекло заседание Генеральной Ассамблеи Международного Комитета исторических наук, состоявшееся в Москве 29 сентября 2017 года (участвовало более 100 ведущих историков мира), во время которого проходила международная конференция на тему «Российская революция 1917 г. и ее место в истории XX столетия».

В распоряжении историков находятся также и многочисленные научные труды по истории, изданные в год 100-летия в самых разных государствах мира².

Все эти конференции и издания имеют не только общественно-политический смысл, но и важное научное значение. Они позволяют историкам подвести некоторые итоги научных дискуссий по истории революции за последние годы и наметить научные перспективы. Мы

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ № 17-78-30029 «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз в исторической динамике: мультидисциплинарное исследование».

² Российская революция 1917 года...; Абовская 2017; Журавлев 2017; Штейнберг 2017; Шубин 2017; Buisson 1917; L'année qui a changé le monde...; Martelli 2017; Miéville 2017, Buisson J.-C. 1917; Rappaport 2017.

хотим в этой небольшой статье сконцентрироваться на дискуссионных и спорных вопросах российской революции, особенно на тех, что выжились в связи с годовщиной.

Неизбежность революции

Такой подзаголовок дан совместной книге английских и американских историков, вышедшей в Лондоне и в Нью-Йорке³. Проблема причин и, следовательно, неизбежности, сегодня представляется одной из важнейших. В советские времена ответ на этот вопрос казался очевидным. Общий кризис империализма, катастрофическое состояние российской экономики к началу XX столетия, «кризис “верхов” и недовольство “низов”», поддержка народами России партии большевиков и другие идеи давали объяснения всему процессу.

Сегодня существует необходимость и возможность поставить российскую революцию в общемировой контекст основных мировых революций, включая их типологию и общие черты вызревания и эволюции. Ленин любил сравнивать русскую революцию с французской, при этом его привлекали совпадения и параллели с революционным террором французских якобинцев. Но нас сейчас больше интересует механизм начала, спусковой крючок английской, французской и российской революции. Вопрос состоит в том, чтобы определить, где та черта, где те социальные и политические факторы, выход за которые ведет к революционному взрыву.

Применительно к России важно обратиться к истории XIX века. «Великая реформа» 1861 г. не привела к кардинальному и окончательному решению крестьянского вопроса. Не завершили его и реформы Столыпина, который сам признавал, что понадобится срок в двадцать и более лет для осуществления реформы⁴. А ведь незавершенность крестьянских реформ являлась одной из важнейших причин российской революции 1917–1922 гг. Наследие XIX столетия имело еще один весьма существенный элемент. Речь идет о середине и второй половине XIX в., когда в рамках российского освободительного революционного движения широкое распространение получили насильственные методы. Покушения и убийства становились некоей формой борьбы с самодержавием. И эта опора на насилие перешла и на XX век, став важнейшим средством в арсенале партии большевиков. Мы часто встречаем в работах историков и философов зарубежных и даже отечественных авторов сравнение Ленина и Нечаева. Учет этого фактора представляется существенным при анализе революции 1917 года. Анархистские настроения активно распространялись в российских кругах, явно влияя на ментали-

³ Historically Inevitable?...

⁴ Федоров 2002; Сидоровнин 2007.

тет российских революционеров⁵. Вся эта дилемма «русской революции» освещена в романе Достоевского «Бесы».

В последние годы в отечественной историографии явно снизился интерес к роли революции 1905 года. Мы хотели бы здесь остановиться на двух аспектах. Во-первых, итоги революции 1905 года, государственный манифест и начало российского парламентаризма составили существенный элемент в общественной жизни России; но основные противоречия внутреннего развития России не были преодолены. В решающие недели 1917 года Государственная Дума не смогла взять на себя ответственность за судьбы страны и овладеть ситуацией.

Во-вторых, в революции 1905 года были опробованы и использованы те формы «насильственных действий», которые были распространены в 1917 г. и особенно в годы Гражданской войны. Это были массовые стачки, демонстрации, сожжения помещичьих имений, захват земель и прочей собственности. Эта переключка эпох и времен составила характерную приметку XX столетия.

Российское развитие накануне революции

В течение многих десятилетий советской эпохи официальная идеология концентрировала свое внимание на бедственном состоянии России к 1915 г. Наиболее часто повторяемым термином было определение России как отстающей страны. При этом приводились данные о низком уровне промышленного производства, об огромной задолженности России иностранным банкам и кредиторам (прежде всего французским и британским). Из этого постулата вытекал основной вывод – что именно социалистическая революция в октябре 1917 г. и партия большевиков стали «спасателями» России. Но в последние годы как бы в ответ на эти утверждения активно транслируется мысль, что Россия к 1913 году была на подъеме, что по темпам промышленного экономического роста Россия была впереди основных стран Европы и Америки, и что именно революция остановила этот процесс.

Война и революция

Введение в научный оборот новых данных об экономическом развитии России несомненно является весьма позитивным фактом, но ученым все же предстоит объективно проанализировать про- и контра и установить реальное состояние российской экономики перед началом Первой мировой войны. В течение длительного времени история Первой мировой войны была словно «terra incognita». Большевицкая формула империалистической войны, призывы превратить ее в войну гражданскую были официальными установками советской власти. Утверждения зарубежных ученых, что Первая мировая война явилась

⁵ Лурье 2001.

одним из важнейших катализаторов российской революции, оценивались в Советском Союзе как антинаучные и фальсификаторские.

Эта догматика ушла в прошлое. Стало бесспорным, что Первая мировая война послужила спусковым механизмом, который способствовал началу революции в России⁶. Теперь перед учеными стоит задача более подробно и обстоятельно раскрыть воздействие мировой войны на революционный процесс в России. Видимо, сюда следует отнести и разрушение экономики, и массовое разложение армии, уход крестьян, одетых в солдатские шинели, с фронта. Именно во время войны еще больше обострилось отношение российского населения к крестьянскому вопросу. Может быть, победоносная война помогла бы изменить настроение народных масс, но при том состоянии армии, которое было к 1917 г., на это трудно было рассчитывать, несмотря на отдельные успешные военные операции (типа брусилковского прорыва).

Ход войны подорвал надежды и расчеты солдатской массы и главным образом офицества на поднятие духа армии, что в конечном счете сказалось на революционизировании российского населения.

Роль политических элит

Самого серьезного внимания заслуживает вопрос о настроениях и действиях российских политических элит. Общее мнение исследователей сегодня и в России, и за рубежом состоит в том, что практически все слои элит отказали в доверии императору и с легкостью пошли на смену режима в России и на распад и крах империи. Это одна из наиболее обсуждаемых проблем истории российской революции.

Формирование российских политических элит – сложный и многоплановый процесс. На разных этапах российской истории менялись опоры царского режима. Боярство в XIV в., затем крупное и мелкопоместное дворянство в XVIII – начале XIX в. составляли основу императорского режима. В XVIII–XIX вв. появился класс предпринимателей и купечества, затем к ним присоединились представители финансовых кругов. Словом, это были те самые социальные слои, которые составляли основу главных стран Европы, а затем и США.

После революции 1905 года в России началось формирование политических партий различной направленности. Этот процесс набирал силу и более всего проявился в рамках Государственной Думы. Это были партии правого, левого и центристского толка. В Думе были и представители разных национальностей, проживающих в России. Но, как уже указывалось выше, при всей позитивной оценке, этот первый опыт российского парламентаризма был лишь началом пути, и законодательная политическая элита большого влияния на положение дел

⁶ Головин 2014.

в стране не оказывала и не имела прочной опоры ни в аристократических, ни в так называемых либеральных кругах.

Представители российской политической элиты были разобщены, конкурировали друг с другом и часто ориентировались на другие страны. В окружении императора были люди так называемой «немецкой партии», определенные круги аристократии тесно контактировали с английским посольством. Может быть, это в какой-то мере явилось отражением династических связей и родства российского императора с королем Великобритании и германским императором.

Слабость политической элиты также может быть отнесена к тем факторам, которые вели Россию к революции. Объединение офицерского корпуса произошло уже позднее, в годы Гражданской войны, на почве борьбы с советской властью⁷. Однако в тревожные и драматические недели начала 1917 г. российский генералитет был явно не на высоте понимания судьбоносных решений российского будущего.

Вообще, в последние годы тема роли политических элит стала весьма распространенной в мировой историографии. Историков разных стран интересует, как формируются элиты, их структура и возможности влияния на политику, экономику и социальную сферу.

Применительно к России этот вопрос особенно актуален. В марте 1917 г. в самых разных сферах российского общества господствовало равнодушие и явное непонимание серьезности момента и ситуации. Отсутствовала и, пожалуй, главная функция элиты – связь с населением, понимание его настроения, опасений и надежд. Фактически в России не было серьезного обсуждения происходящего, за исключением узких совещаний кучки деятелей в Думе и среди генералитета⁸. До сих пор необъяснимым остается та легкость, с которой эти самые элиты, включая генералитет и церковных иерархов, расстались с монархией, которая существовала в России многие годы. В отличие от других стран, в то время в России не случилось кровопролития; общепризнано, что февральско-мартовские события 1917 г. прошли без жертв и насильственных потрясений. Но в широкой исторической перспективе остался дискуссионным вопрос о конце империи в стране. Эта тема тем более интересна, если учесть, что на протяжении многих веков самодержавие было важнейшей и незыблемой скрепой российской традиции и общества, которая вроде бы должна была объединить страну от простого крестьянина до высшей аристократии.

Возникает вопрос: что же случилось в России, что эти скрепы исчезли? Объяснений может быть много – либо весь режим и инструмент монархии изжил себя, либо положение людей было доведено до

⁷ Гаман-Голутвина 1998.

⁸ Назаров 2004.

крайней степени, либо при апатии населения произошла деградация элит, которые утратили способность трезво оценивать ситуацию.

Роль российского либерализма

Во всяком случае после отречения императора, как известно, было образовано Временное правительство. И один из дискуссионных вопросов касается действий и роли Временного правительства. Но вопрос может быть поставлен в более широком плане – о роли и возможностях российского либерализма. В полемике минувшего года ставился вопрос о возможности развития России по либеральному пути и о том, мог ли российский либерализм составить альтернативу большевизму.

Вообще в России либералы не получали большинства ни в Думе, ни на выборах. Видимо, на российской почве не сложились условия для роста либеральных тенденций. Не случайно, на выборах в Учредительное собрание большинство получили партии другого направления – прежде всего эсеры и большевики.

Для многих ученых-историков и в нашей стране, и за рубежом сегодня остается весьма существенным вопрос о личности Александра Керенского, который считался главой либеральных сил России. В недавно изданной в России книге показано, что в стране фактически сложился культ личности Керенского. Он отличался необычным многословием, после его многочисленных выступлений Керенского выносили на руках⁹. Главный вопрос состоит в выяснении причин быстрого падения популярности Керенского. Это, конечно, связано с глубоким разочарованием населения России деятельностью Временного правительства. Оно, как и все либеральные партии тогдашней России, не уловило настроение масс. Фактически речь шла о месте и роли российского либерализма. Прошедший многолетний опыт истории начала XX века, казалось, обещал подъем партий либерального толка. Но в решающие недели марта-сентября 1917 г. эти партии не имели сильной поддержки у населения России. Видимо, можно говорить, что либерализм как политическое течение и как организованные структуры (в виде партий и Временного правительства) не прижились в России, и это предопределило их фактический уход с российской политической арены.

Но этот кризис коснулся и самой социал-демократии. Умеренно-либеральное направление, олицетворяемое Плехановым и Мартовым, уступило большевикам во главе с Лениным и Троцким. Известно, что меньшевики выдвигали на первый план более эволюционные формы борьбы за власть, против самодержавия.

Во всем этом кроется один из ответов на ключевой вопрос о том, почему именно большевики пришли к власти в октябре 1917 года.

⁹ Колоницкий 2017; Федюк 2009.

В чем причины успеха Ленина и большевиков

Сила большевиков, тогда весьма немногочисленной группы, состояла не только в том, что их программа лучше других соответствовала потребностям и интересам населения России, но и в том, что практически все противостоящие большевикам партии оказались слабыми и неспособными возглавить движение российских народных масс.

Важный вопрос касается идеологии и практики большевистского крыла российской социал-демократии и ее вождя Ленина. Мы уже указывали, что она представляла собой причудливое сочетание утопического социализма, общемарксистских установлений и экстремистских идей анархистского типа¹⁰.

Практически большевики взяли в октябре 1917 года власть, которая как бы лежала у них в руках. За символическим залпом Авроры и «штурмом» Зимнего ничего не было. Большевики взяли власть в октябре без сопротивления и без крови. Сопротивление сопровождало взятие власти в Москве, а дальнейшая острейшая Гражданская война – это была уже другая история.

Российская революция в истории XX века

Чрезвычайно интересный вопрос связан с местом российской революции в общемировой системе революций и судеб мировых империй¹¹. Как известно, Ленин любил сравнивать ситуацию в России в 1917 г. и в последующие годы с революцией во Франции в конце XIX столетия. И этот вопрос сегодня требует нового внимания и прочтения. Ранее мы связывали это сравнение лишь со сходством революционного террора. Действительно, лидеры большевиков почитали Робеспьера и его методы борьбы с противниками и оппонентами. Представляется, что вопрос о революционном терроре действительно был важным, но обращение Ленина к опыту Французской революции имело и более широкий смысл – опыт перехода от монархии к республике, взаимоотношения с другими политическими силами и партиями и т.п.

Обращаясь снова к внутренним аспектам событий 1917 года, следует отметить и вновь возросший интерес к ситуации в России в сентябре, и, в частности, к истории т.н. корниловского мятежа¹².

В зарубежной историографии активно проводится мысль, что если бы Керенский вместо противостояния с Корниловым объединился бы с ним, то, возможно, большевики не смогли бы с такой легкостью взять власть в октябре. Из мемуаров Керенского видно, что он действительно колебался относительно своего отношения к корниловскому мятежу. Но из этих же воспоминаний видно и то, что Керенский видел большую

¹⁰ Данилкин 2017.

¹¹ Селезнев 2017.

¹² Ушаков, Федюк 2006.

угрозу для своей власти «справа», т.е. от Корнилова, нежели «слева» от большевиков, силу которых он явно недооценил.

К числу более общих дискуссионных проблем истории российской революции следует отнести и вопрос о взаимоотношении центра и периферии. Один британский исследователь определил это термином «хрупкость» управления империей. Конечно, положение разных частей империи отличалось друг от друга. Большая самостоятельность Финляндии, очевидная свобода для националистических объединений и организаций Украины сочетались с часто весьма неразумными шагами царской власти по отношению к территориям Средней Азии (что показали, например, события в Киргизстане в 1916 г.).

Эта «хрупкость» управления империей также свидетельствовала о политическом кризисе в императорской России. Но для историков имперская проблема имела более широкое звучание, а кризис империй имел и общий смысл. Не будем забывать, что в это же историческое время рухнули и другие империи – австро-венгерская, османская и, наконец, германская. Конечно, в каждом случае имелись свои специфические условия и причины. На общий процесс повлияли в первую очередь итоги первой мировой войны и постановления Версальского мира. Но российский пример внес свою лепту в общую историю эволюции и распада империй.

В многочисленных трудах по истории российской революции, на конференциях и круглых столах неизменно обсуждалась проблема, получившая название «наследие революции». Конечно, эта проблема также имеет более широкий смысл; речь идет и об оценке всего советского периода, и о линиях воздействия российской революции на мировое развитие XX столетия. По вопросу о наследии революции сильно чувствуются различия в оценках российскими специалистами личностей Ленина и Сталина. Но, отвлекаясь от этих чисто политизированных оценок, все же отметим некоторые общие моменты.

Дискуссии на эту тему идут весьма интенсивно с начала 1990-х годов. Речь идет прежде всего о связи ленинизма и сталинизма. Уже в тот период определилось два подхода. Одни историки уверяли, что сталинизм явился логическим продолжением ленинской теории и практики. Для других сталинизм был извращением идей Ленина и классического марксизма. Сейчас большинство историков видят логическую и органическую связь сталинской политики с теми принципами и методами, которые были заложены в ленинский период.

В большой проблеме наследия революции есть и еще один весьма важный аспект. Он связан с тем, что именно во время российской революции были поставлены и решены многие аспекты социального развития, которые заняли столь большое место в истории XX века. Социальные реформы во многих странах в 1920–1930-е гг. проводились явно

под влиянием «русского опыта» и российской практики. Идеи социального развития и справедливости, столь популярные в марксизме и в практике большевиков, получили распространение во многих странах мира. Но, в то же время, как нам представляется, не следует преувеличивать значение только «русского плана». Социальное реформирование, внимание к этим вопросам в теории и на практике отражало общую тенденцию XX столетия.

В истории российской революции существует еще один важный аспект – проблема цены революции. Эта проблема, конечно, имеет более общий исторический контекст, но в данном случае следует понять, что количество жертв российских граждан, погибших в ходе революции и Гражданской войны, вызывает крайне негативное отношение к тому революционному насилию, которое ее сопровождало, и тем репрессиям, которые обрушились на страну в 1920–1930-е годы.

Дискуссии 2017 года (в том числе и на международном уровне), связанные со столетием революции в России, несомненно, будут иметь важное значение для отечественной и мировой историографии, стимулируя обсуждения одного из самых важных событий XX столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абовская С.Н. Аристократия и революция. М.: Абрис, 2017.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998.
- Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. Изд-во: Вече, 2014.
- Данилкин Л. А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2017.
- Журавлев В.В. Революция 1917 года глазами современников: В 3 т. Т. 3: Октябрь 1917 г. – январь 1918 г. М.: РОССПЭН, 2017.
- Колоницкий Б.И. Товарищ Керенский: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года).
- Лурье Ф.М. Нечаев: Созидатель Разрушения. М.: Молодая гвардия. 2001.
- Назаров М.В. Россия накануне революции и февраль 1917 года. Наш современник. 2004. № 2.
- Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
- Сидоровнин Г.П. Петр Аркадьевич Столыпин. Жизнь за Отечество. Поколение. Изд-во: Terra-Книжный клуб, 2007.
- Ушаков А.И., Федюк В.П. Лавр Корнилов (Серия «Жизнь замечательных людей»). М.: Молодая гвардия, 2006.
- Федоров Б.Г. Петр Столыпин. Я верю в Россию. Изд-во.: Лимбус Пресс, 2002.
- Федюк В.П. Керенский. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. М.: Кучково поле, 2017.
- Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб.: Питер, 2017.
- L'année qui a changé le monde. Paris, 2016.
- Buisson J.-C. 1917. L'année qui a changé le monde. Paris, 2016.
- Historically Inevitable? Turning Points of the Russian Revolution / Ed. by Tony Brenton. L., 2016.
- Martelli R. 1917-2017 - Que reste-t-il de l'Octobre russe? Paris, 2017.
- Miéville, China. October: The Story of the Russian Revolution. L., Verso, 2017. 384 p.
- Rappaport, Helen. Caught in the Revolution: Petrograd, Russia, 1917, 2017.

REFERENCES

- Abovskaya S.N. Aristokratiya i revolyuciya. M.: Abris, 2017.
- Buisson J.-C. 1917. L'année qui a changé le monde. Paris, 2016.
- Danilkin L. A. Lenin: Pantokrator solnechnyh pylinok. M.: Molodaya gvardiya, 2017.
- Fedorov B.G. Petr Stolypin. YA veryu v Rossiyu. Izd-vo.: Limbus Press, 2002.
- Fedyuk V.P. Kerenskij. M.: Molodaya gvardiya, 2009.
- Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie ehlyty Rossii. Vekhi istoricheskoy ehvolyucii. M.: Intel-
lekt, 1998.
- Golovin N.N. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne. Izd-vo: Veche, 2014.
- Historically Inevitable? Turning Points of the Russian Revolution / Ed. by Tony Brenton. L., 2016.
- Kolonickij B.I. Tovarishch Kerenskij: antimonarhicheskaya revolyuciya i formirova-nie kul'ta
«vozhdya naroda» (mart – iyun' 1917 goda).
- Lur'e F.M. Nechaev: Sozidatel' Razrusheniya. M.: Molodaya gvardiya. 2001.
- Martelli R. 1917-2017 - Que reste-t-il de l'Octobre russe? Paris, 2017.
- Miéville, China. October: The Story of the Russian Revolution. L., Verso, 2017. 384 p.
- Nazarov M.V. Rossiya nakanune revolyucii i fevral' 1917 goda. Nash sovremennik. 2004. №
2.
- Rappaport, Helen. Caught in the Revolution: Petrograd, Russia, 1917, 2017.
- Rossiyskaya revolyuciya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura / Otv. red. YU.A. Pet-rov. M.:
Politicheskaya ehnciklopediya, 2017.
- SHtejnberg I.Z. Nravstvennyj lik revolyucii. M.: Kuchkovo pole, 2017.
- SHubin A.V. Start Strany Sovetov. Revolyuciya. Oktyabr' 1917 – mart 1918. SPb.: Piter,
2017. L'année qui a changé le monde. Paris, 2016.
- Sidorovnin G.P. Petr Arkad'evich Stolypin. ZHizn' za Otechestvo. Pokolenie. Izd-vo: Terra-
Knizhnyj klub, 2007.
- Ushakov A.I., Fedyuk V.P. Lavr Kornilov (Seriya «ZHizn' zamechatel'nyh lyudej»). M.: Mo-
lodaya gvardiya, 2006.
- ZHuravlev V.V. Revolyuciya 1917 goda glazami sovremennikov: V 3 t. T. 3: Oktyabr' 1917 g.
– yanvar' 1918 g. M.: ROSSPEHN, 2017.

Чубарьян Александр Оганович, академик РАН, доктор исторических наук, науч-
ный руководитель Института всеобщей истории РАН, президент Государствен-
ного академического университета гуманитарных наук

Russia and Europe:

a view to the future in the context of the past and the present

The article sums up certain discussions connected to the Russian revolution centennial. The main attention is focused upon the problems and causes of the revolution's inevitability, on the role of the First World War, on the difference and continuity of the 1917 February and October events, on the causes of the Bolshevik victory and the crisis of the Russian political elites. The article shows what goals are facing the Russian historical scholarship in interpreting the history of the Russian revolution.

Keywords: Russia, Europe, identity, image of the Other, dialogue of cultures

*Alexander Chubaryan, academician, RAS, Dr. Sc. (history), academic supervisor, Insti-
tute of World History, President, State Academic University of Humanities*

В ОЖИДАНИИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье рассматривается развитие концепции мировой революции от ее формирования в середине XIX в. до начала практического осуществления в конце 1918 г. Показано, что концепция непрерывной «перманентной» революции, охватывающей передовые страны и их периферию, характерная уже для К. Маркса, получила подтверждение и частичное развитие в начале XX в. в текстах радикальных социал-демократов. Идея мировой революции получила «второе дыхание» в связи с Первой российской революцией и Первой мировой войной, в результате которой ожидалось (и произошло) социально-политические потрясения в глобальном масштабе. Ожидание мировой революции, в свою очередь, считалось ключом к решению внешне-политических проблем России в 1917–1918 гг. В период Брестских переговоров ставка на мировую революцию не оправдалась, что привело к тяжелому кризису большевизма и Советской власти. В статье рассматривается также реакция австро-германских элит на советскую революционную дипломатию. Для значительной части левой социал-демократии Российская революция с ее практикой Советов показала воплощением идеи мировой революции, но авторитарные черты практики большевиков вызвали критику со стороны лево-социалистических теоретиков.

Ключевые слова: мировая революция, К. Маркс, Великая российская революция, Брестский мир, В. Ленин, Ноябрьская революция в Германии, Р. Люксембург

Перманентная революция

Мировая революция была главной надеждой революционного марксизма и части немарксистских социалистических учений (например, анархистов) начиная с XIX века. Коммунисты и часть народников исходили из того, что в глобализирующемся мире не могли долго сосуществовать очаги социализма и мир капитализма. Раз начавшись, антикапиталистическая революция должна в ходе непрерывного (перманентного) развития охватить все развитые страны и привести к созданию мировой социалистической системы. К. Маркс и Ф. Энгельс писали в 1850 г.: «наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев»¹.

В начале века в центре внимания социал-демократии оказалась Россия, где разразилась революция. И не простая, а с неожиданно зна-

¹ Маркс, Энгельс. 1956. С. 261.

чимой для отсталой страны ролью пролетариата. Р. Люксембург писала: «Политические формы современного буржуазного классового господства завоевываются здесь не буржуазией, а рабочим классом в борьбе против буржуазии... Таким образом, нынешняя революция в России по своему содержанию далеко выходит за рамки ранее происходивших революций и по своим методам не примыкает ни к старым буржуазным революциям, ни к прежним парламентским боям современного пролетариата. Она создала новый метод борьбы, соответствующий как ее пролетарскому характеру, так и связи борьбы за демократию с борьбой против капитала, – революционную массовую забастовку. Итак, по своему содержанию и методам она – совершенно новый тип революции. Будучи формально буржуазно-демократической, а по сути своей пролетарско-социалистической, она как по содержанию, так и по методам является переходной формой от буржуазных революций прошлого к пролетарским революциям будущего, в которых речь уже пойдет о диктатуре пролетариата и осуществлении социализма... Судьбы не только русского общества, но и всего капиталистического мира решаются на улицах Петербурга, Москвы, Варшавы... Вместе с русской революцией мы уже вступаем в период перехода от капиталистического общества к социалистическому... Русская революция для германского пролетариата – великий наставник»².

Россияне были готовы не просто поделиться опытом, а зажечь пожар мировой революции. Полемизируя с меньшевиками, Ленин соглашается, что в России нет предпосылок для создания социализма. Поэтому в случае победы социал-демократии «Российская Коммуна» должна получить поддержку извне. Но для того, чтобы Европа помогла России, революционная Россия должна помочь западным товарищам: «мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота». Если буржуазия не свергает революционную диктатуру в России, «диктатура зажигает Европу...»³. Не только большевики, но даже меньшевик А. Мартынов считал возможным «толкнуть на путь революции Запад, как сто лет назад Франция толкнула на путь революции Восток»⁴. А Л. Троцкий и А. Парвус надеялись применить в России теорию непрерывной (перманентной) революции.

Если раньше русские социал-демократы готовы были стать филиалом германского социалистического переворота, то теперь, видя хроническое запаздывание коллег в развитых странах, их увязание в оппортунистическом болоте, Ленин и даже некоторые меньшевики стремились помочь западным товарищам. В России нельзя победить, но

² Люксембург 1991. С. 135-137, 140.

³ Ленин 1960. С. 31, 360.

⁴ «Искра». За два года. Ч. 2. 1906. С. 237.

из России можно развернуть наступление, в которое будут вовлечены более развитые страны.

Война и революция

Новый поворот обсуждение темы мировой революции приобрело в связи с угрозой мировой войны. В случае ее начала Ж. Жорес призывает повернуть события «к завоеванию независимости и свободы народов, к освобождению пролетариата»⁵. Эта позиция стала общей платформой Жореса и Ленина. На Штутгартском конгрессе Второго интернационала в 1907 г. В. Ленин, Р. Люксембург и Ю. Мартов представили поправку к резолюции А. Бебеля, которая предлагала использовать ситуацию начала войны для «крушения господства класса капиталистов»⁶. Благодаря косвенной поддержке Жореса эта поправка прошла. Таким образом, связь войны и грядущей революции была поставлена в повестку дня.

Второй интернационал не поддержал очередное предложение ответить на объявление войны всеобщей стачкой (в 1907 г. оно исходило от Г. Эрве). Других методов действенного протеста против войны предложено не было. Это предопределило «крах» Второго Интернационала. Он провозглашал необходимость бороться с угрозой войны, но не сумел найти против нее сколько-нибудь действенных средств. Ленин после начала войны выдвинул лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, т.е. – восстания. Аналогичные лозунги провозгласили только революционные синдикалисты и анархисты. 4 августа социал-демократы начали голосовать за военные кредиты (т.е. за эскалацию войны), затем они вошли в правительство – не только правые социал-демократы, но и центристы. Как писал идеолог эсеров В. Чернов, «пролетариат разных стран последовал «по пятам» – каждый за своей буржуазией – во всеобщую кровавую свалку»⁷. Этот морально-политический крах социал-демократии предопределил дальнейший раскол социалистического движения.

Война обострила социальные бедствия, но революция все еще запаздывала. В одних странах, по мнению Ленина, все ее предпосылки налицо, в других – нет; он уверен, что мир стоит накануне социалистической революции, но полагает, что она будет состоять из «долголетних битв, из нескольких периодов натиска»⁸. В ходе одного из таких «натисков» «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»⁹. Из

⁵ Молчанов 1986. С. 316.

⁶ История Второго Интернационала. Т.2. 1966. С. 211.

⁷ Чернов 1997. С. 112.

⁸ Ленин 1962. С. 57.

⁹ Ленин. 1961. Т. 26. С. 354.

контекста видно, что во время Первой мировой войны Ленин пишет о победе социализма как движения, а не о построении посткапиталистического общества в одной стране, тем более – не самой развитой, такой как Россия. От «победы социализма» в одной стране до социализма, как общества, сменившего капитализм – долгий путь «осуществления социализма». Приоритет – у развитых стран: «социализм осуществляют объединенными действиями пролетарии не всех, а меньшинства стран, дошедших до ступени развития передового капитализма»¹⁰.

Но как раз в этих развитых странах революционное движение пока все еще слабо. Война оказалась затяжной и привела (пусть на время) к внутреннему укреплению режимов. Чтобы остановить варваризацию и милитаризацию стран, вовлечённых в войну, необходимо добиться прекращения войны. Левые интернационалисты, боровшиеся за скорейший мир, были политическими аутсайдерами. Именно такие аутсайдеры В. Ленин, Г. Зиновьев, П. Аксельрод, Ю. Мартов, Л. Троцкий, Г. Ледебур, В. Коларов, Х. Раковский, М. Натансон, В. Чернов, Я. Берзин и др. собрались на Циммервальдскую конференцию 5-8 сентября 1915 г. Они находились на обочине политической жизни того времени. Но мы знаем эти громкие имена – всего через два года начнется эпоха расцвета их политики. Им удалось выдвинуть принципы, которые вскоре стали определять мировую повестку дня: мир без аннексий и контрибуций, самоопределение народов. Тогда это был план скорейшего прекращения войны «вничью», где выигравшими оказались бы не империи, а народы. Как получилось, что позиция политических маргиналов стала основной международной повестки дня? Ответ: революция в России.

«Похабный» мир вместо мировой революции

С началом Великой российской революции социалисты быстро наращивали влияние в России. Они возглавили Советы. 14 марта Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял декларацию по вопросам войны и мира – воззвание «К народам мира». Исходя из принципов Циммервальдской конференции, воззвание провозглашало, что российская демократия «будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира»¹¹. Для этого трудящиеся Германии и Австро-Венгрии должны свергнуть свое самодержавие по примеру России.

Но верность принципам Циммервальда в понимании социалистов-центристов не исключало обороны своего государства, революционно-оборончества. «Все вы отлично понимаете, что если внешний враг одолеет Россию, он прежде всего поспешит отнять у нас нашу свободу,

¹⁰ Ленин 1961. Т. 26. С. 111.

¹¹ Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. С. 319.

расправиться с нею и, значит, вновь ввергнуть страну в вековые бедствия. Я поэтому думаю, что никто не скажет: надо дать врагу возможность прийти к нам и предписывать нам свои законы. Я уверена, мы не желаем аннексий»¹², – говорила Е. Брешко-Брешковская делегатам совещания Советов, и эти слова были встречены аплодисментами. А до этого нужно оборонять свою родину.

Войдя в правительство, социалисты должны были заняться практической организацией ведения войны. Здесь были возможны два пути: либо перемирие де факто (противник, учитывая тяжелую ситуацию на других фронтах, не очень беспокоил российскую армию), либо помощь союзникам, нанесение удара по врагу. Циммервальдйская логика диктовала первое, военный министр А. Керенский избрал второе. Но циммервальдйцы оказались правы – в середине 1917 года российская армия не была способна даже на небольшую победу, большинство солдат не хотели проливать кровь в бессмысленных сражениях¹³, июньское наступление провалилось.

Большевики, хотя и потерпели поражение в ходе июльского кризиса, получили известность главных миротворцев страны, их радикальная социальная программа удачно дополнялась революционным пацифизмом, требованием немедленного перемирия, которое либо заставит партнеров по Антанте включиться в переговоры о мире, либо приведет к сепаратному выходу России из империалистической войны на условиях мира без аннексий и контрибуций. Сочетание социального радикализма и революционного пацифизма в условиях осени 1917 года способствовало восстановлению сил большевизма после июльского поражения. Более того – именно революционный пацифизм стал ключом к победе большевиков в борьбе за власть. Одним из первых актов Советской власти стал «Декрет о мире». Россия стала Меккой революционного пацифизма. Она предложила миру немедленный демократический выход из войны. Антанта отказалась участвовать в этом, а вот Германия отнеслась к декрету серьезно. 14 ноября 1917 года германское верховное командование дало согласие на ведение официальных переговоров о мире с представителями Советской власти.

9(22) декабря 1917 г. начались мирные переговоры между Россией и державами Четверного союза в Брест-Литовске. Советскую делегацию возглавлял А. Иоффе, Центральные державы представляли министры иностранных дел Германии Р. Кюльман, Австро-Венгрии О. Чернин и начальник штаба Восточного фронта М. Гофман. Германская властная элита в принципе была заинтересована в скорейшем мире, хотя бы на востоке. В зиму на 1917 год Германия голодала. Ощущалась

¹² Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. С. 24.

¹³ Шубин. 2018. С. 147-149.

также острая нехватка горючего¹⁴. Но слабость России давала невероятные шансы территориального расширения.

В сложившихся условиях никто не хотел ковать железо, пока горячо. Лидеры Советской России еще не осознали до конца, какая опасность исходит от возможного возобновления германского наступления в условиях разложения армии (даже Ленин придет к выводу о невозможности военного сопротивления во второй половине декабря, между всеармейским съездом по демобилизации 17 декабря и возвращением из отпуска 28 декабря), и выступали так, как будто были равной немцам силой. Немецкий генерал Гофман 17(30) декабря с возмущением прокомментировал, что «русская делегация заговорила так, будто она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну»¹⁵. Советские представители не претендовали на территорию соседних государств, но они понимали, что Германия остро заинтересована в мире и считали, что одно это защищает советские позиции.

Нельзя сказать, что такие расчеты были совсем уж неверными. Так, 22 декабря (4 января) в ожидании советской делегации О. Чернин писал: «Нет сомнения, что, если русские решительно прервут переговоры, положение станет тягостным»¹⁶. Когда нарком иностранных дел Л. Троцкий прибыл в Брест, немцев и их союзников охватило бурное веселье, сменившее напряженное ожидание. Э. Людендорф рассказывал о противоречиях между германскими представителями и Черниным, который был более уступчив в отношении большевиков. «Последний, чтобы нажать на статс-секретаря фон Кюльмана, стал совершенно непонятным образом угрожать заключением Австро-Венгрией сепаратного мира»¹⁷. Это тоже был хороший шанс для большевиков добиться успеха в случае затягивания переговоров.

Часть немецких и австрийских газет сочувственно относилась к агитации Троцкого в Бресте. «При таких обстоятельствах Троцкий должен был бы быть дураком, если бы он в чем-нибудь пошел на уступки, а он был много умнее и энергичнее»¹⁸, – считал Людендорф, и в этом отношении он едва ли хуже понимал ситуацию, чем историки и публицисты, которые задним числом судили Троцкого за авантюризм.

Однако пока большевики вели свою мировую игру, апеллируя к уставшим от войны народам, упрекая Антанту за то, что она не желает присоединиться к переговорам, 18(31) декабря 1917 г. в Брест прибыла делегация Центральной рады, которая вскоре вступила в согла-

¹⁴ Шубин 2018. С. 469.

¹⁵ Мирные переговоры в Брест-Литовске... Т. 1. 1920. С. 94.

¹⁶ Чернин 2005. С. 249.

¹⁷ Людендорф 2014. С. 490.

¹⁸ Там же. С. 495–496.

шение с австро-германской стороной, расколов российский дипломатический фронт. Украинцы произвели хорошее впечатление на партнеров в Бресте: «Они значительно менее революционно настроены, они гораздо более интересуются своей родиной и гораздо меньше – социализмом»¹⁹, – писал Чернин. Однако сближение с украинцами немцы проводили не ради их патриотизма, а ради продовольствия и обнаружившейся глубокой бреши в российском дипломатическом фронте.

5(18) января 1918 г., генерал Гофман предъявил советской делегации карту, на которой была начерчена линия немецкой сферы влияния, почти совпадающая с линией фронта. К западу от нее Германия сама позаботится о «самоопределении» Польши, Литвы и Курляндии. Троцкий взял тайм-аут. В партиях большевиков и левых эсеров развернулась жаркая дискуссия: что делать? Значительная часть тех и других считала капитуляцию перед немцами неприемлемой (так думали и представители других партий). Немецкий ультиматум уязвлял и патриотические чувства населения России, и принципы революционеров. Его принятие означало поражение мирового масштаба, так как капитуляция подразумевала предательство революционного движения оккупированных территорий, предоставляла Германии и Австро-Венгрии дополнительные ресурсы для укрепления реакционного милитаристского режима.

Прежде целостная большевистская доктрина перед лицом Брестского вызова стала расслаиваться. Коммунистическая стратегия соединяла антиимпериализм и программу строительства нетоварной плановой экономики. До 1918 г. связь этих двух сторон казалась неразрывной – предполагалось победить империализм и в мировом масштабе построить новое общество на его развалинах. Предложения демократического мира, выдвинутые большевиками в Бресте, должны были обеспечить важную моральную победу над империализмом. Но германский империализм не собирался уступать. И тогда пришлось выбирать. Ленин считал, что можно пойти на любой мир, чтобы начать строить социализм. Конструктивный пример Советской России обеспечит мировое торжество коммунистических идей. Левые коммунисты и большинство левых эсеров полагали, что капитуляция перед империализмом исключает продвижение к новому обществу. Россия будет зависима от империализма, который к тому же отнимает у России часть ресурсов, без которых вообще нельзя возродить экономику. Левые эсеры понимали также, что выполнение немецких условий углубит продовольственный кризис, и расплачиваться придется крестьянству, интересы которого левые эсеры и представляли в рабоче-крестьянском союзе. Троцкий пытался сблизить позиции левых и правых большевиков с помощью рискованной внешнеполитической игры. Если развал армии

¹⁹ Чернин 2005. С. 250.

неизбежен, ее нужно распустить, получив таким образом поддержку солдат во внутренней борьбе. Сопrotивляться немецкому наступлению не получится, но положение противника также тяжело – он не в состоянии продолжить войну. Велик шанс, что он не решится наступать. Можно рискнуть – отказаться от заключения мира до лучших (для Германии и России) времен. Тогда тяжелый выбор, расслаивающий коммунистическую идею, разделивший партию надвое, становится излишним. Это была авантюристичная игра, но она стоила свеч. Лозунг этой игры: «Ни мира, ни войны, а армию распустить»²⁰.

Кратковременная революционная волна в Европе в январе сыграла с большевиками злую шутку, заставив их примириться на почве затягивания переговоров в надежде на то, что проблемы в Германии и Австро-Венгрии будут нарастать вплоть до революции. Новости из дома оказали влияние и на позицию дипломатов Четверного союза. Чернин признавал: «Катастрофа, вызванная недостатком снабжения, стоит прямо у двери»²¹. Стачки в Вене и Берлине стали сильным козырем в руках не только большевиков, но и украинских националистов, которые, по выражению Чернина, «вылупляются очень быстро» и уже просто стали диктовать условия²². Р. Кюльман писал в Берлин: «Украинцы хитры, скрытны и абсолютно не знают меры в своих требованиях»²³.

Но решающее слово по-прежнему принадлежало немецким генералам, а они не намерены были упускать «плоды победы». Позиция германской военной элиты была авантюристична, так как затягивание мира перед лицом острого продовольственного кризиса, да еще когда русские предлагали честный мир, было чревато революцией. Но генералы были готовы рисковать, и не только из-за Прибалтики. Ставкой в игре стало украинское продовольствие. Переговоры представителей Центральной рады и Четверного союза явились спасением для обеих сторон. Немцам нужно было как можно скорее завершить переговоры и получить доступ к продовольственным ресурсам, а Рада стремилась отгородиться от большевиков (в т.ч. украинских) немецкими штыками. 9 февраля был подписан договор Украины с Четверным союзом.

10 февраля Троцкий, опережая неизбежный австро-германский ультиматум, заявил о прекращении состояния войны и отказе подписывать мир, а после начала австро-германского наступления 18 февраля поддержал позицию Ленина. 3 марта был подписан Брестский мир на тяжелых условиях – Россия отказывалась от прав на обширные территории, в т.ч. на Украину²⁴. Оккупация Германией и Австро-Венгрией

²⁰ Шубин 2017. С. 406-417.

²¹ Чернин 2005. С. 254.

²² Там же. С. 256.

²³ Советско-германские отношения... Т. 1. 1968. С. 228.

²⁴ Шубин 2017. С. 423-440.

Украины (по приглашению Центральной рады) с последующей экспансией уже на территории собственно России (немцы заняли Ростов и Батайск) и Грузии, нарушала связи Москвы и Петрограда с хлебными районами. Это усугубляло продовольственную проблему и еще сильнее обостряло отношения горожан и крестьянства. Левые эсеры теперь развернули агитационную кампанию против большевиков в Советах. Капитуляция перед Германией затронула глубинные пласты национальной психологии, настроив против большевиков миллионы людей независимо от их социального положения.

Вместо мировой революции политика большевизма привела к «похабному миру». Но большевики продолжили свою политику ожидания мировой революции в условиях разгоравшейся гражданской войны и интервенции двух блоков. Если с Германией удалось договориться о прекращении дальнейшей экспансии в соглашении 27 августа, то государства Антанты с июля расширяли свою интервенцию на Севере России и Дальнем Востоке. 29 июля, выступая на расширенном заседании ВЦИК, Ленин заявил: «война гражданская у нас теперь... слилась с войной внешней в одно неразрывное целое... Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все дело социалистической революции и втянуть нас в войну»²⁵.

Очаг социализма или варварства?

Но Антанта вела войну пока нерешительно – было не до этого, нужно было напрягать все силы для победы над Германией и ее союзниками. Для удара по очагу антикапиталистической революции не было больших сил. Но стоило ли пытаться потушить его малыми силами?

Внимательный французский наблюдатель отмечал глубокую укорененность большевизма в российскую традицию. Сотрудник французской военной миссии в России и добрый католик П. Паскаль, проникшийся симпатией к русской культуре и революции, писал в мае 1918 г.: «Пасхальная полуночная служба. Вместе с товарищами иду на удачу в Кремль... Мы прошли, не раскрывая рта, как, впрочем, и вся публика; миновали несколько постов охраны, и вот – Успенский собор... Это Россия. И солдатская масса, воины Красной Армии со звездочками на фуражке, острижены по уставу, серьезные и суровые – даже вон тот, несомненно командир, поскольку при сабле, во френче с тесным, широко расстегнутым воротником – все это православная Россия в новой форме»²⁶. Большевизм глубоко укоренён в российскую традицию, с ним очень сложно справиться, но его идеи мировой революции вторичны по сравнению с традицией и потому не так уж опасны.

²⁵ Ленин. Т. 37. 1963. С.13, 17.

²⁶ Паскаль 2014. С. 473-474.

П. Паскаля, как и других свидетелей событий из западных стран, ужасал начатый большевиками «красный террор»: «Террор? Дарси вернулся из Петрограда, там он два дня отсидел в Петропавловской крепости: до 20 (человек) в камере-одиночке, дышать трудно (на минутку открывали дверь), прогулок не было. Заключенным таким же образом русским давали пищу в воскресенье и больше ничего до вечера четверга, и притом за свои деньги. Зрелище «приличных» людей, набрасывающихся на еду, как животные. Сейчас арестованные французы имеют отдельное снабжение, постель и т.д. Вок хорошо. За ночь, проведенную там, Дарси насчитал 29 вызовов на расстрел»²⁷.

Доходя до Парижа, эти сведения вызывали возмущение. Исследователь А.А. Вершинин приводит такой эпизод 1919 года: «19 февраля с высокой трибуны заседания одной из парижских секций соцпартии Ренодель и Самба фактически оправдали интервенцию, возложив на большевиков ответственность за “ужасную бойню”, которая происходила на территории бывшей Российской империи, и прямо обвинив их в установлении диктатуры и организации террора. “Но у нас самих разве не было террора в [17]93 г.?” – послышался из зала вопрос с явным намеком на якобинский период Французской революции. “Никто не может сравнивать революцию, произошедшую более 100 лет назад, и те события, которые мы наблюдаем сейчас в России. Люди с тех пор изменились”»²⁸. Но изменились даже не все французы, и половина социалистов Франции смотрела теперь на Москву как на новую землю обетованную. Революция стала зеркалом для французской политической культуры с празднованием 14 июля и пением «Марсельезы». Воевать против революции, которая явно походила на французскую и даже сознательно куталась в её словесные одежды («комиссары», «трибуналы» да и сам террор), это значило бросать вызов собственным ценностям. И прошедшие 100 лет ничего не меняли, ведь Россия считалась страной отсталой, и она только сейчас созрела до того состояния, которое Франция переживала в конце XVIII века. А ведь в те времена революционный народ одерживал победы над контрреволюционными армиями. И это было предупреждением против интервенции.

Таким образом, отношение к российской революции и интервенции раскалывало французскую общественность на фундаментальном уровне. Радикальные демократы и социалисты видели в позиции современной Франции возвращение к контрреволюционной традиции. Но и с прагматической стороны вторгаться в этот растревоженный муравейник было крайне рискованно – летом 1918 г. большевики показали,

²⁷ Паскаль. 2014. С. 552.

²⁸ Вершинин. 2012. С. 40.

что не падут от слабого толчка. Зато опыт Французской революции подсказывал, что они так или иначе вернутся на путь мировой цивилизации. Если правы демократы, и российская революция аналогична французской, то наступит термидор. Если верны представления правых, то возьмет верх российская традиция, которая переварит большевизм, и он останется в российских пределах.

Осенью 1918 г. ленинская стратегия «передышки», которая обернулась широкомасштабной гражданской войной, стала приносить плоды. Советская власть, превращавшаяся в однопартийный коммунистический режим, отбила первый военный натиск антисоветских движений. «Кольцо фронтов», в котором она оказалась, несколько ослабло, но советская система милитаризовалась и стала настолько авторитарной, что свела к минимуму автономию самих Советов, формировавшихся теперь почти целиком под руководством партии коммунистов.

22 октября 1918 года Ленин выступил с докладом на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профсоюзов и ФЗК. Он предложил слушателям парадокс: «Товарищи, мне кажется, что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости, может быть выражено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, чем теперь»²⁹. Это сказано после Брестского мира, летне-осенних сражений гражданской войны, после покушения на него лично. Что за угроза нависла над большевиками, когда они уже утвердились в центральных регионах России? Ленин не отвечает сразу, а обрушивает на слушателей множество оптимистических новостей: революция вспыхнула в Болгарии и Сербии. Австро-Венгрия распадается, и буржуазия там не удержится, потому что «везде стучится в двери рабочая революция». Немного торопя события, Ленин даже утверждает, что в Германии началась революция³⁰. И действительно через две недели Германская революция свергнет монархию. Советскую республику приветствуют на социал-демократических и рабочих собраниях и в странах Антанты. «Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата!»³¹.

Гром аплодисментов, слушатели уже забыли об угрозе, которую Ленин анонсировал в начале речи. Но «чем ближе мы подходили к мировой пролетарской революции, тем больше сплывалась контрреволюционная буржуазия»³². Это выглядит как упражнение в диалектике. Но Ленин делает из него практический и весьма реалистический вывод

²⁹ Ленин. Т. 37. 1963. С. 111

³⁰ Там же. С. 112.

³¹ Там же. С. 114

³² Там же. С. 117.

– следует ждать нападения англо-французских сил с юга, через Дарданеллы. Этот прогноз в ближайшее время осуществится. Кончается Первая мировая война. Империализм объединится, будет создаваться послевоенный мировой порядок, в котором Советской России не может быть места. Значит, предстоит полномасштабная интервенция Антанты и уже подчиненной ей Германии против инородного образования, которое не вписывается в мировой порядок. Раньше можно было играть на межимпериалистических противоречиях, а теперь они на время исчезнут. И это – огромная опасность. Ей можно противопоставить только восстание, революцию. В этой борьбе советскому очагу мировой революции нужны союзники в лице левой социал-демократии западноевропейских стран. Начало революций в Германии и Австро-Венгрии порождало у большевиков надежды на успешное соединение европейских революций в единый мировой процесс.

13 ноября Россия разорвала Брестский мир. Первая мировая война закончилась, но война на просторах бывшей Российской империи только начиналась. Из Москвы казалось, что она находится в эпицентре мировой революции, глобальной вооружённой борьбы за осуществление коммунистического проекта. Красная армия двинулась на Запад и Юг.

Германских товарищей стоило даже немного сдерживать. 23 ноября Бухарин рассказывал на заседании Моссовета: «Так этот самый Барт, который теперь вступил в это подлое предательское правительство Шейдемана-Гаазе, этот самый Барт говорил мне: “дорогой Бухарин, мы не будем делать этих глупостей, как делали Вы, русские, мы не будем так мягки, мы перевешаем всех контрреволюционеров, перевешаем их столько, насколько у нас хватит верёвок”»³³. Но в Германии в ноябре 1918 года не было особой необходимости «вешать контрреволюционеров» – царила атмосфера, подобная марту 1917 года в России. А когда настанет час решительных столкновений, то социал-демократы со всей решительностью возглавят разгром коммунистов.

Как рассказывал Бухарин о своих беседах накануне падения Вильгельма II, «товарищ Либкнехт оказался даже левее нас». Он хочет «устроить с места в карьер вооруженное восстание в Берлине». Либкнехт объяснял Бухарину: «не важно, пускай мы будем разбиты, но в Германии рабочий настолько не привык стрелять на улице и настолько не привык, чтобы в них стреляли, что ему чрезвычайно полезно пострелять»³⁴. Либкнехт разошелся и мечтал о том, как восставшие рабочие будут расстреливать полицейских. Бухарин и другие советские представители с трудом уговорили Либкнехта ограничиться для начала организацией рабочей и солдатской демонстрации и посмотреть – сколько

³³ Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. Р-2562. Оп. 3. Д. 1. Л. 4.

³⁴ Там же. Д. 1. Л. 7.

народа выйдет. Если много – можно попытаться захватить объекты города³⁵. «Если не будет достаточного количества рабочих масс на улице, тогда решили ограничиться простой мирной демонстрацией, и в случае, если полиция будет пытаться загородить пути, то пострелять немножко в полицейских»³⁶. Однако Берлинский рабочий центр большинством голосов 22 против 19 решил отложить столь опасную демонстрацию. Ведь в случае столкновения с полицией рабочие организации могли быть разгромлены и подвергнуться жестокому репрессиям. И это – накануне назревавшей революции. Готовность Либкнехта к решительным, хотя и неподготовленным действиям, приведёт в январе 1919 года к его гибели и тяжёлому поражению германских коммунистов.

Но К. Либкнехт был не единственным лидером левой социал-демократии. Её теоретики, на поддержку хотя бы части которых очень рассчитывали большевики, не спешили признавать в большевистском эксперименте зарю социализма. Если до октября 1917 года большевистский проект представлялся социал-демократам слишком анархическим, то практика оказалась напротив – слишком авторитарной. К. Каутский настаивал: «Демократия и социализм различаются не тем, что первая – средство, а второй – цель; оба они – средство для одной и той же цели... Социализм как средство освобождения пролетариата без демократии немыслим»³⁷. Каутский, которому доставалось от Ленина в «Государстве и революции» за излишний этатизм и эволюционизм, теперь критиковал большевиков с демократических позиций. В центре его критики был террор – не меньшее варварство, чем война.

Каутский был одним из идеологов Независимой социал-демократической партии Германии, т.е. левого крыла германской социал-демократии. И если в борьбе за лево-социалистические умы концепция «Государства и революции», Советов как самоорганизации масс, была весьма привлекательна, то авторитарный радикализм большевиков разочаровывал и левый актив. Каутский уже не относился к референтной группе Ленина. Председатель Совнаркома резко раскритиковал, можно сказать разругал германского оппонента в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Но критика Советской власти с демократических позиций была очень опасна в той борьбе за умы европейских левых социалистов, которая с завершением войны приобретала решающее значение для распространения советской революции на Европу.

Теоретиком не только НСДПГ, но с декабря 1918 года – германских коммунистов была Р. Люксембург. Во время Первой мировой войны она актуализировала лозунг Маркса «Социализм или гибель в вар-

³⁵ Там же. Д. 1. Л. 7-8.

³⁶ Там же. Д. 1. Л. 8.

³⁷ Каутский 2002. С. 39.

варстве!»³⁸. Действительно, война нанесла такой удар по цивилизации и цивилизованности, что простое продолжение запущенных ею тенденций вело к варварству. Советская республика претендовала на роль очага социализма и антитезы войны. Но террор и авторитаризм были атрибутами скорее варварства, чем социализма, понимаемого как демократическое общество.

Люксембург отнеслась к Советской власти более благосклонно, чем Каутский. Ещё находясь в заключении до начала Германской революции, она писала о «гигантских задачах, к которым большевики подошли с мужеством и решимостью»³⁹. Но и она была настроена к большевистской модели весьма критически: «Разумеется, каждое демократическое учреждение имеет свои рамки, как, впрочем, и все другие человеческие институты. Но только найденное Троцким и Лениным целебное средство – устранение демократии вообще – еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений, – активную, беспрепятственную энергичную политическую жизнь широчайших народных масс»⁴⁰. Это была квинтэссенция отношения левых демократических социалистов к большевизму. С одной стороны, их подкупала решительность и новизна происходящего в России, модель Советов манила своим демократизмом, выражением непосредственной воли «рабочего класса и беднейшего крестьянства». С другой стороны, большевики пока демонстрировали подавление демократии, выраженное террором и разгоном Учредительного собрания (о разгонах Советов большевиками было пока мало известно за рубежом). Распространять большевистский опыт следовало осторожно – без его авторитарной составляющей, истоки которой можно было объяснить отсталостью России.

Главная ошибка большевиков в том, что они абсолютизируют свой опыт, «стремясь внести в его арсенал в качестве новых открытий все перекосы, обусловленные в России чрезвычайными обстоятельствами, в конечном счете явившиеся следствием банкротства интернационального социализма в этой мировой войне»⁴¹. Соответственно, модель мирового коммунистического движения и социалистического общества, стартовавших в России, должна вырабатываться не в России: «В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально»⁴².

³⁸ Люксембург 1991. С. 345.

³⁹ Там же. С. 327.

⁴⁰ Там же. С. 324.

⁴¹ Там же. С. 332.

⁴² Там же. С. 333.

Ленин не прочитал эту критику Люксембург, она тогда не была опубликована. Настроение Либкнехта внушало скорее оптимизм, по сравнению с ним даже левый коммунист Бухарин выглядел умеренно.

Однако уже в начале 1919 года, когда будет оформляться Коминтерн – политическая организация коммунистического движения за рубежами России, германские опасения выразятся в политическом демарше. Представитель КПГ Г. Эберлейн возражал против немедленного провозглашения Коминтерна, ссылаясь на формальные обстоятельства – сначала нужно разработать проекты основных документов. Как отмечают К. Макдермотт и Д. Ангю, «Публичные высказывания Эберлейна однако не передавали сути того беспокойства, которое испытывали германские коммунисты. Незадолго до своей смерти Роза Люксембург намекнула, что преждевременно созданный в Москве Интернационал неизбежно окажется под влиянием большевиков. Она предупредила руководство германской компартии, что такой Коминтерн будет “русской Крамерей” (лавочкой), с которой мы будем не способны справиться. Мы погибнем с ним»⁴³. Ленин был согласен с тем, что идеология Коминтерна должна формироваться на основе синтеза большевизма и спартакизма⁴⁴. Однако такая постановка вопроса на практике имела одно условие – германские коммунисты должны были победить в Германии. Но этого не произошло, Советская Россия превратилась в главный очаг и оплот коммунистического проекта. В итоге западные коммунисты постепенно либо приняли и поддержали большевизацию, т.е. все более авторитарный режим в международном коммунистическом движении, либо оказались за бортом Коминтерна.

Но и советская «мировая революция» в итоге не закрепились за пределами бывшей Российской империи (если не считать Монголию и Тыву), хотя восстания под лозунгом власти Советов поднимались и в Венгрии, и во Вьетнаме. «Проблема» была решена в России – как синтез российской исторической традиции и адаптированных к ней западноевропейских коммунистических идей. Такая модель социализма не была приемлема для западных политических культур, мировая революция на таких условиях не могла состояться и в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923 гг.). К истокам французского коммунистического движения. М.: Либроком, 2012. 204 с.
- Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздаг, 1928. 355 с.
- Искра за два года. Сб. статей из Искры. СПб.: изд. С.Н. Салтыкова, 1906. Ч. 1. 688 с.; Ч. 2. 244 с.
- История Второго Интернационала: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1965. 380 с.; Т. 2. 1966. 596 с.

⁴³ Макдермотт, Ангю. 2000. С. 28–29.

⁴⁴ Ленин. Т. 50. 1970. С. 227–228.

- Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тунике. М.: Антидор, 2002. 313 с.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд. политической литературы, 1967–1975.
- Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: Вече, 2014. 756 с.
- Люксембург Р. О социализме и русской революции. М.: Политиздат, 1991. 330 с.
- Макдермотт К., Ангю Д. Коминтерн: история международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000. 223 с.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1956. 690 с.
- Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. Т. 1. М.: Тип. III Интернационала, 1920. 268 с.
- Молчанов Н.Н. Жан Жорес. М.: Молодая гвардия, 1986. 400 с.
- Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. Екатеринбург: Гонзо, 2014. 592 с.
- Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М.: Политиздат, 1968. 785 с.
- Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. Р-2562. Оп. 3. Д. 1. Л. 4, 7, 8.
- Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 521 с.
- Чернов В.М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. 670 с.
- Шубин А.В. Революционный 1917 год. От февраля к Октябрю. М.: Академический проект, 2018. 331 с.
- Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. М.: Питер, 2017. 448 с.

REFERENCES

- Vershinin A.A. *Mirovaya revolyutsiya pod zvuki «Marsel'yezy» (1919–1923 gg.). K istokam frantsuzskogo kommunisticheskogo dvizheniya.* М.: Librokom, 2012. 204 s.
- Vserossiyskoye soveshchaniye sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov. *Stenograficheskiy otchet.* М.; L.: Gosizdat, 1928. 355 s.
- Iskra za dva goda. *Sbornik statey iz Iskry.* SPb.: Izd. S.N. Slatykova, 1906. CH.1. 688 s.; CH. 2. 244 s.
- Istoriya Vtorogo Internatsionala: V 2 t. Т. 1. М.: Nauka, 1965. 380 s. Т. 2. 1966. 596 s.
- Kautskij K. *Diktatura proletariata. Ot demokratii k gosudarstvennomu rabstvu. Bol'shevizm v tupike.* М.: Antidor, 2002. 313 s.
- Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. 5-ye izd.* М.: Izd. politicheskoy literatury, 1967–1975.
- Lyudendorff E. *Moi vospominaniya o vojne 1914–1918 gg.* М.: Veche, 2014. 756 s.
- Lyuksemburg R. *O sotsializme i russkoy revolyutsii.* М.: Politizdat, 1991. 330 s.
- Makdermott K., Angyu D. *Komintern: istoriya mezhdunarodnogo kommunizma ot Lenina do Stalina.* М.: АИРО-XX, 2000. 223 s.
- Marks K. i Engel's F. *Sochineniya.* Т. 7. М.: Gospolitizdat, 1956. 690 s.
- Mirnye peregovory v Brest-Litovske s 9 (22) dekabrya 1917 g. po 3 (16) marta 1918 g. Т. 1. М.: Тип. III Internatsionala, 1920. 268 s.
- Molchanov N.N. *Zhan Zhores.* М.: Molodaya gvardiya, 1986. 400 s.
- Paskal' P. *Russkij dnevnik 1916–1918».* Ekaterinburg: Gonzo, 2014. 592 s.
- Sovetsko-germanskie otnosheniya ot peregovorov v Brest-Litovske do podpisaniya Rapall'skogo dogovora. М.: Politizdat, 1968. 785 s.
- Tsentral'nyy gosudarstvennyy arhiv g. Moskvy. F. R-2562. Op. 3. D. 1. L. 4, 7, 8.
- Chernin O. *V dni mirovoj voyny. Memuary ministra inostrannyh del Avstro-Vengrii.* SPb.: Izd-vo SPbGU, 2005. 521 s.
- Chernov V.M. *Konstruktivnyy sotsializme.* М.: ROSSPEN, 1997. 670 s.
- Shubin A.V. *Revolutsionnyy 1917 god. Ot fevralya k Oktyabryu.* М.: Akademicheskij proekt, 2018. 331 s.
- Shubin A.V. *Start Strany Sovetov. Revolyutsiya. Oktyabr' 1917 – mart 1918.* М.: Piter, 2017. 448 s.

Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; *historian905@gmail.com*

Waiting for the World Revolution

The article is devoted to the development of the concept of world revolution from its formation in the mid-nineteenth century to the beginning of the practical implementation in the end of 1918. Article shows that the concept of continuous "permanent" revolution, covering the advanced countries and the periphery, was to be found in the works by Karl Marx and was adopted and developed further in the texts of radical social democrats in the early twentieth century. The idea of a world revolution received a "second wind" in connection with the first Russian revolution and the World War I. The expectation of the world revolution was considered the key to solving foreign policy problems of Russia in 1917-1918. The world revolution did not materialize during the period of the Brest negotiations, thus leading to a severe crisis of Bolshevism and Soviet power. The article also considers the reaction of the Austro-German elites to the Soviet revolutionary diplomacy. For the major part of the European left, the Russian revolution, with its Soviet practices, seemed to embody the idea of a world revolution, but the authoritarian features of Bolshevik practices have been criticized by left-wing socialist theorists.

Keywords: World Revolution, Marx, the Great Russian revolution, the Brest-Litovsk Treaty, Lenin, the November revolution in Germany, Luxemburg

Alexandr Shubin, Dr. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; *historian905@gmail.com*

Г. А. ФИЛАТОВ

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ПОРТУГАЛЬСКОЙ ПРЕССЕ ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКИ

Португальская пресса с вниманием следила за революционными событиями в России. Первостепенное значение при этом придавалось не столько свержению монархии, сколько приходу к власти большевиков. Если с февраля 1917 года в центре внимания печати было участие России в Первой мировой войне, то после октября – деятельность большевиков, оцениваемая в основном негативно. Печать, пропагандировавшая большевистские идеи, не получила в Португалии широкого распространения. Большинство же газет активно обличали действия большевиков, что способствовало консолидации португальских правых сил, нашедших общего врага.

Ключевые слова: Португалия, революция, 1917 г. большевики, монархия, печать

События 1917 года в России привлекли пристальное внимание на противоположном конце Европы – в Португалии, причем разные этапы революции в португальской прессе воспринимались по-разному. Сама по себе революция не была чем-то новым для португальской общестственности, пережившей в 1910 г. свержение монархии. Однако приход к власти в России большевиков, их радикальные преобразования заставляли следить за происходящим в далекой стране. События в России живо обсуждали как те, кто симпатизировал кардинальным преобразованиям, так и те, кто был их яростным противником.

Разные части португальского общества интерпретировали происходящее в России в соответствии с собственными политическими симпатиями. Политический расклад в самой Португалии в значительной мере влиял на то, как пресса освещала ход революции 1917 года. Примеры с другого конца Европы должны были помогать различным группам отстаивать свои собственные интересы.

Португалия в годы Первой республики

В XX в. португальское общество вступило в период острого политического и экономического кризиса. Политическая система турнизма, установившаяся в Португалии в последней четверти XIX в., когда две основные партии – либеральная и консервативная – сменяли друг друга по договоренности, перестала справляться с накопившимися проблемами. Попытка премьер-министра Жуана Франко изменить систему и ввести диктатуру провалилась¹.

Основой экономики Португалии было сельское хозяйство. Страна зависела от импорта большинства промышленных товаров, что приво-

¹ Serrão 1970.

дило к постоянному дефициту торгового баланса. На протяжении всего первого десятилетия XX в. инфляция была одной из основных проблем для правительства². Несмотря на экономическое отставание от ведущих держав того времени, государство проводило активную колониальную политику в Африке, что ложилось тяжким бременем на и без того небольшой бюджет страны.

После смерти от рук террористов в 1908 г. короля Карлуша I и его сына Луиша Филипе, герцога Браганса, на престол взшел Мануэль II. В начале своего правления он пытался улучшить ситуацию и найти компромисс с противниками монархии, в частности он отправил в отставку непопулярного министра Жуана Франку³. Однако добиться политической стабильности он так и не смог: за два года его правления сменилось семь правительств. В результате, несмотря на личную популярность молодого монарха⁴, в начале октября 1910 года республиканцы подняли восстание, к которому присоединились военные. К 5 октября Лиссабон оказался под их контролем, монарх бежал, и была провозглашена Португальская республика. Страну возглавил Теофило Брага, министром юстиции стал ярый антиклерикал Афонсу Кошта. Новая конституция, принятая в 1911 г., провозгласила гражданские права и свободы, отделила церковь от государства, были легализованы профсоюзы и право на забастовку. В то же время были упразднены религиозные ордена, а их имущество было передано государству. Однако попытки новых властей преодолеть экономический кризис не дали эффекта, и в результате политическая ситуация в Первой португальской республике тоже не отличалась стабильностью⁵.

Помимо экономических проблем, общей нестабильности способствовали и факторы политического характера. Республиканские идеи, а, следовательно, и революция 5 октября, пользовались абсолютной поддержкой лишь небольшого слоя португальского общества, в основном жителей крупных городов – Лиссабона и Порту. Но большинство португальцев проживали в сельской местности, были глубоко религиозны и консервативны. Из опасений, что это приведет к победе монархистов и католиков, избирательные законы 1911 и 1913 гг. сократили число имеющих право голоса⁶. К тому же довольно быстро обозначился раскол среди оказавшейся у власти политической элиты. Главный инициатор революции Республиканская партия распалась на несколько групп, и у каждой из них было свое видение целей и способов их достижения.

² Castro 1979.

³ Ramos 2001.

⁴ Wheeler 1972. P. 177.

⁵ Ribeiro de Meneses, Sharp 2010. P. 26; Anderson 2000. P. 142.

⁶ Luis Martín 2005. P. 229.

Наиболее радикальная в стане республиканцев, Демократическая партия, возглавляемая Афонсу Кошта, выступала за кардинальные и быстрые преобразования в обществе, причем зачастую антирелигиозного характера. Именно с ней ассоциируется фраза «тирания демократии», которая часто используется в отношении периода Первой Республики. Печатным органом партии была газета *O Mundo*⁷. Демократам и их радикальному «якобинству» последовательно противостояла Эволюционистская партия (*Partido Republicano Evolucionista*), во главе со сторонником постепенных преобразований Антониу Жозе де Алмейда. Под ее эгидой выходила газета *República*⁸. Центристские позиции занимал Республиканский союз (*Partido da União Republicana*), ключевую роль в котором играл Мануэль ди Бриту Камачу. Его печатным органом была газета *A Lucta*. Представители этой партии также были недовольны чрезмерным радикализмом Демократической партии⁹. Монархисты в этот период не смогли создать сколь-либо серьезной политической организации и были разобщены не меньше республиканцев. Наибольшим их успехом было провозглашение в 1919 г. Северной монархии (со столицей в Порту), просуществовавшей меньше месяца¹⁰.

Рабочее движение в преимущественно аграрной Португалии никогда не было сильным, но в годы Первой республики забастовочное движение разрасталось. В 1914 г. появился Национальный союз труда (*União Operária Nacional*), в нем состояло 90 тыс. чел., а его наследница Всеобщая конфедерация труда (*Confederação Geral do Trabalho*) насчитывала в 1923 г. 150 тыс. членов (печатный орган – газета *A Batalha*). Под влиянием анархо-синдикалистов она приобретала революционный характер, а ее руководители склонялись к использованию вооруженных методов борьбы¹¹. Социалистическая партия (*O Partido Socialista Português*) безуспешно пыталась ввести рабочее движение в рамки существующего режима. С 1918 г. параллельно существовали группы, вдохновлявшиеся приходом к власти большевиков, например, Федерация португальских максималистов (*Federação Maximalista Portuguesa*), образованная в 1921 г. в Коммунистическую партию Португалии; но ее численность в годы наибольшей популярности едва превышала 3 тыс. чел.¹² Октябрьские события в России вдохновляли и радикальную группу Красный Легион (*Legião Vermelha*), которая с 1919 г. совершала террористические акты в городах Португалии¹³.

⁷ Baiôa 2000.

⁸ Baiôa 2014. P. 2.

⁹ Ribeiro de Meneses, Sharp 2010. P. 35.

¹⁰ Comesaña Paz 2015. P. 246.

¹¹ Mónica 1985; Luis Martín 2005. P. 230; Freire 1988.

¹² Pacheco Pereira 1981. № 67-69.

¹³ Leal 2008.

На протяжении всего периода Первой республики ни одно из правительств не смогло создать основу для прочного и продолжительного правления, что вылилось в череду кризисов и переворотов. Во временное правительство, сформированное сразу после установления республики, вошли видные политики республиканского толка Антониу Жозе де Алмейда, Афонсо Коста, Бриту Камачу, однако, как выяснилось, будущее новой республики они видели по-разному. Наиболее последовательно проводилась антиклерикальная политика, направленная на секуляризацию португальского общества, что вызывало серьезное недовольство широких слоев населения, и результат оказался обратным: по всей стране начали возникать религиозные организации и ассоциации¹⁴. Попытки провести аграрную реформу были безуспешными из-за стремления всех, кто находился у власти с 1910 по 1926 гг., лавировать между интересами крупных землевладельцев и крестьян¹⁵. Такая политика не способствовала получению поддержки ни одной из этих групп.

Рабочие приветствовали легализацию профсоюзов и права на забастовку, но их экономическое положение не улучшилось, и забастовочная волна только нарастала. Власти жестко подавляли протесты, что настраивало рабочих против них¹⁶. Периодические попытки монархистов восстановить старый режим приводили к еще большей дестабилизации. Усиление конфликта между главой правительства Афонсу Кошта и оппозицией в январе 1915 г. дало повод президенту Мануэлю ди Арриага вручить диктаторскую власть генералу Жуакиму Пименту ди Каштру, в надежде, что он сможет навести порядок и предотвратить переход конфликта между радикальными и более умеренными республиканцами в открытую войну. Однако Пименту ди Каштру пошел по другому пути. Он не разрешил начать работу парламента, ослабил давление на церковь и провел широкую амнистию монархистов. Все это вызвало недовольство республиканцев всего спектра, уже в мае того же года генерала свергли, и Республика установилась «вторично». Ключевые позиции снова получили радикалы из Демократической партии.

В 1916 г. Португалия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты, чему способствовали традиционно сильные связи с Британией, а также опасения за судьбу своих колоний в Африке, на которые претендовала Германия¹⁷. Некоторые представители Демократической партии надеялись, что участие в войне позволит сплотить население против общего врага. Однако крестьяне и рабочие в большинстве своем не желали сражаться в далеких краях. Военные считали, что их

¹⁴ Manuel 2006. Pp. 102-103.

¹⁵ Luis Martín 2005. P. 233.

¹⁶ Wheeler 1978. P. 867.

¹⁷ Vincent-Smith 1974.

просто используют политики, а большинство монархистов были гермафилами¹⁸. В итоге обострились противоречия внутри страны. Правительство Демократической партии оказалось в изоляции, и в декабре 1917 г. к власти пришла военная хунта. Ее глава Сидониу Паиш стал сосредотачивать полномочия в своих руках, игнорируя парламент, за что его прозвали «королем-президентом». Система, которую он пытался выстроить, получила название сидонизм, но его сторонники предпочитали именовать ее Новой республикой. Преследования церкви и монархистов были ослаблены, появилась Национальная республиканская партия¹⁹. После убийства Сидониу Паиша в декабре 1918 г. страну захлестнула новая волна борьбы за власть между республиканскими группами. Однако монархическая угроза – провозглашение Северной монархии в Порту и монархический мятеж в самом Лиссабоне – заставила республиканцев объединиться для борьбы с общим врагом. В итоге «старая республика» была восстановлена.

До 1921 г. у власти находились консервативные республиканские силы, которые пытались сохранить некоторые элементы сидонистского наследия. На выборах в мае 1921 г. победу одержала Либеральная партия (возникла в результате слияния унионистов и эволюционистов), но военный переворот в октябре того же года вернул к власти радикалов из Демократической партии. На выборах в январе 1922 г. они получили подавляющее большинство. Однако смена политических элит не улучшала экономическую и социальную ситуацию. И участие в Первой мировой войне не принесло никаких выгод Португалии. Неспособность республиканских радикалов изменить положение дел привело к полному разочарованию в их политике. В результате, установление военной диктатуры 28 мая 1926 года получило поддержку почти всех остальных политических групп, а широкие слои населения не встали на защиту Первой республики, как это было в декабре 1917 года²⁰.

Восприятие крушения монархии в португальских СМИ

События международной жизни оказывали значительное влияние на внутривнутриполитические процессы в Португалии. Наиболее важное из них – Первая мировая война, участие в которой раскалывало португальское общество, но и революционные события в России имели значимый резонанс. Свержение монархии, приход к власти большевиков – все это получило широкое отражение в португальской печати.

Февральская революция не стала главным событием для португальской прессы – ее затмила мировая война. Об этом ясно высказалась

¹⁸ Teixeira 1996; Baião, Fernandes 2003.

¹⁹ Этот период Первой республики рассматривается в историографии как прообраз Нового государства, которое возникнет в 1926 г. – Teixeira, Pinto 2000.

²⁰ Ferreira 1992.

газета *A Manhã*: «Если бы не нынешний момент, события в России стали бы главной темой во всем прогрессивном и свободном мире»²¹. Республиканские издания оценивали падение царизма положительно, что неудивительно для Португалии того времени. Общую позицию хорошо иллюстрирует газета *O Liberal*. В одной из ее статей отмечалось, что не так важно, какое течение в итоге придет к власти – «демократическое» или «империалистическое», важно, что «закончилось время некомпетентных министров – и это самое главное для русского народа»²².

После Февральской революции португальскую прессу главным образом волновал вопрос об участии России в Первой мировой войне, что вполне объяснимо: страна сама в прошлом году вступила в войну на стороне Антанты. Крушение же монархии для португальского общества не было чем-то новым. Ежедневная газета *O Século* писала в марте 1917 года: Германия «уже признала, что «партия» проиграна», а «Россия пойдет до конца»²³. Русская революция не избежала сопоставления с французской, однако и это сравнение было привязано к актуальным событиям войны. В одной из статей *O Século* выражается надежда на то, что Россия, как и революционная Франция в свое время, сможет создать новую армию, способную разгромить центральные державы²⁴.

Перспективы выхода России из войны особо не рассматривались, что некоторые португальские авторы связывают с цензурой²⁵, стремившейся не допускать подобных рассуждений из-за неоднозначного отношения общества к участию Португалии в этом конфликте. Свидетельство этому – освещение в республиканской прессе подробностей кризиса во Временном правительстве, связанного с нотой Милюкова, в которой министр иностранных дел Временного правительства разъяснял, что новые власти собираются в полной мере соблюдать обязательства России перед союзниками в ходе вооруженного европейского конфликта. Эти заявления вызвали серьезное недовольство среди солдат и населения Петрограда, что привело к отставке Милюкова²⁶. Однако в СМИ события начала мая преподносились как нечто инспирированное небольшой группой деятелей, которая «мешает работать» законной власти – Временному правительству во главе со Львовым – и пытается создать «параллельное правительство». Именно в таком ключе газета *Diário de Notícias* описывала деятельность Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов²⁷. Таким же образом в респуб-

²¹ *A Manhã*. 18.03.1917.

²² *O Liberal*. 20.03.1917.

²³ *O Século*. 18.03.1917.

²⁴ *O Século*. 20.03.1917.

²⁵ Oliveira. 1973.

²⁶ Шубин. 2014. С. 212-213.

²⁷ *Diário de Notícias*. 06.05.1917. P. 1.

ликанской прессе подавалась и позиция Ленина. В *Diário de Notícias* кратко сообщалось, что после заявлений «лидера радикально левых» сил о необходимости заключить мир и «уменьшить Россию до размеров Московии, окруженной небольшими независимыми государствами», среди солдат и рабочих, перед которыми он выступал, поднялось такое негодование, что ему пришлось убежать²⁸. Не обошлось без заявлений о том, что Ленин служит интересам Германии. Другие газеты этого направления всячески подчеркивали, что позиция большевиков, желающих закончить войну, не вызывает никакого отклика в стране. Со временем повторять эти заявления приходилось все чаще, так как требования заключить мир звучали в России все сильнее.

Монархические издания, которые традиционно придерживались католических взглядов, пристально следили за событиями в России. Они отмечали «первые признаки религиозной свободы» как следствие окончания гегемонии православной церкви. Интересно, что монархическое и католическое издание *Echos do Minho* скорее положительно писало о революционных событиях в России. В начале мая оно подчеркивало, что «российская революция приняла чисто социальный характер завоевания прав человека»²⁹. Однако уже к концу месяца благодный тон сменился опасениями, что борьба различных фракций в России и окончание войны в Европе будут способствовать укреплению позиций социалистов³⁰, которых католики и монархисты считали одной из самых серьезных угроз для общества. Этот поворот объясняется заметным усилением в политической жизни России не просто левых, но радикально левых сил. Такие перемены в восприятии хода революции характерны и для подавляющего большинства республиканских газет.

Иначе освещала развитие ситуации левая португальская пресса. Характерен пример анархического ежемесячного журнала *A Sementeira*. В отличие от республиканской печати, этот журнал с большим интересом писал о формировании рядом с правительством второй власти, способной «оказывать давление в соответствии с настоящими революционными принципами»³¹. Левая пресса позитивно воспринимала возникновение и укрепление политической организации рабочих. Португальский журнал описывал новый, параллельный орган власти левых как пример того, как социалисты разной направленности смогли объединиться перед лицом и царизма, и империализма, что является «выдающимся уроком» для всех остальных³².

²⁸ *Diário de Notícias*. 21.04.1917. P. 1.

²⁹ *Echos do Minho*. 04.05.17. P. 1.

³⁰ *Echos do Minho*. 29.05.17. P. 1.

³¹ *A Sementeira*. 06. 1917. № 18 (70). Pp. 1-2.

³² *A Sementeira*. 06. 1917. № 18 (70). Pp. 3-4.

В мае португальская пресса перестала уделять большое внимание событиям в России, отдельные новости носили чисто информационный характер. Интерес к событиям на востоке Европы вернулся в июне, когда началось наступление Юго-Западного фронта. В это время пресса все больше обращает внимание на личность Керенского, который занимал пост военного и морского министра и активно поддерживал продолжение участия России в войне. Такая позиция импонировала представителям Демократической партии, которые в свое время втянули свою страну в Первую мировую войну. В близких им газетах, в первую очередь в *O Mundo*, Керенский все больше изображался как герой.

Провал наступления республиканская пресса списала на «предателей», в июле начавших волнения в Петрограде. В качестве главных организаторов назывались Ленин, Троцкий и Каменев. Почти в каждой публикации так или иначе подчеркивалась их связь со странами Центрального блока³³. Газеты не уставали объяснять читателям, что многие участники массовых выступлений в столице России были подкуплены. Даже в сообщениях о трагических событиях, о гибели людей в результате беспорядков, можно было прочесть, что при обыске в одежде погибших находили большие суммы от 350 до 1000 руб.³⁴ Демократическим изданиям вторила и юнионистская газета *A Lucta*. Ее авторы также рассматривали события в России через призму ее участия в войне. *A Lucta* отмечала, что в новой России Германия может «рассчитывать на сепаратистов и прогермански настроенных радикальных левых», в то время как в царской России, писала газета, в окружении императора было много германофилов, в том числе и жена Николая II³⁵.

Корниловский мятеж почти все португальские издания рассматривали как попытку контрреволюции. Португалия после свержения монархии не раз сталкивалась с попытками военных восстановить порядок старого режима, поэтому большинство изданий с воодушевлением писали о стараниях Керенского остановить это выступление через формирование отрядов красной гвардии³⁶. Диаметрально противоположно оценивали деятельность главы Временного правительства России католические издания: *A Ordem*, например, характеризовала его как «бутафорского диктатора»³⁷. При этом почти никто не писал о том, что большевики получили в отрядах значительное влияние.

Гораздо важнее для португальских властей и прессы оказалось сообщение о провозглашении республики, о чем написало большинство

³³ *O Século*. 25.07.1917. P. 1.

³⁴ *O Século*. 25.07.1917. P. 1.

³⁵ *A Lucta*. 31.07.1917. P. 1.

³⁶ *Diário de Notícias*. 16.09.1917. P. 1.

³⁷ *A Ordem*. 10. 1.17. P. 1.

газет. Волновали португальских журналистов и слухи о возможном переезде правительства из Петрограда в Москву. Большинство газет оценивали такой переезд положительно, объясняя это двумя причинами. Во-первых, опасениями продвижения немцев к столице России после того, как в августе была взята Рига³⁸. Во-вторых, отмечалось, что Москва менее подвержена влиянию большевиков, и это позволит законной власти чувствовать себя в большей безопасности³⁹.

Таким образом, португальская пресса рассматривала свержение самодержавия в России и дальнейшие события в контексте мировой войны. Республиканская пресса старалась подчеркнуть, что новое правительство продолжит участвовать в конфликте. Призывы остановить войну рассматривались либо как не имеющие широкого распространения, либо как связанные с германской пропагандой. Левые же газеты обращали внимание на новые формы самоорганизации рабочих, которые получают возможность влиять на принятие решений властью.

Португальская пресса о приходе к власти большевиков

Накануне прихода к власти большевиков, с сентября по конец октября, внимание к России в португальской прессе значительно ослабло. Сообщения с востока Европы ограничивались сводками с фронтов. Впрочем, это можно объяснить скорее усилением военной цензуры в Португалии⁴⁰, нежели падением интереса к революционным событиям на другом конце континента.

Приход к власти большевиков в России вызвал бурю недовольства в республиканской прессе, которая активно писала о них как об агентах Германии. *O Século* сообщала: «Петроград уже не Россия, а скорее похож на штаб немецкого влияния»⁴¹. *A Lucta* описывала действия большевиков как предательство «дела цивилизации и свободы», с одной стороны, а с другой – «предательство Родины, которую вручили Германии»⁴². Не мог вызывать энтузиазма и большевистский лозунг «Вся власть советам». Эволюционистская газета *A Republica* анализировала программу Петросовета и пришла к выводу, что, по сути, он призывает к заключению мира со странами Центрального блока⁴³. Примечательно, что именно пацифистская позиция советов, набравших тогда силу, в гораздо большей степени волновала португальские газеты, нежели факт того, что советы представляют из себя новую форму народовластия, которая могла угрожать традиционным социальным отношениям.

³⁸ *O Século*. 20.09.1917. P. 1.

³⁹ *O Século*. 21.09.1917. P. 3

⁴⁰ Lima 2012.

⁴¹ *O Século*. 10.11.17. P. 1.

⁴² *A Lucta*. 10.11.17. P. 2.

⁴³ *O Republica*. 04.11.17. P.3.

Католические газеты мало чем отличались в своих оценках большевиков от республиканской прессы. Но в отличие от нее, они видели путь спасения в приходе к власти военных. Газета *A Ordem* напоминала читателям, что «последняя благородная попытка спасти Россию и вернуть ее на правильный путь» была предпринята Корниловым. Керенский же, которого теперь преследуют «его старые друзья из Совета», не хотел тогда помочь «генералу-патриоту»⁴⁴. Республиканская же пресса всячески превозносила бежавшего главу Временного правительства⁴⁵.

Католические издания не устали описывать анархию, в которую погрязла Россия. Они отмечали, что такая ситуация стала следствием свержения монархии, а восстановить порядок может только твердая рука⁴⁶. Подобные рассуждения были нормой для правой прессы, их не стоит рассматривать именно в связи с событиями в России. Скорее это способ католиков и монархистов высказать недовольство ситуацией в родной стране, так как напрямую это сделать было невозможно из-за цензуры. Но никакая цензура не могла скрыть того, что сама Португалия переживала не самые стабильные времена. Уже через месяц после прихода к власти в России большевиков в Португалии будет установлен диктаторский режим Сидониу Паиша.

В отличие от республиканских и католических газет, левая печать приветствовала взятие власти рабочей партией, хотя сначала относилась к этому с осторожностью. Так, анархистский журнал *A Sementeira* предупреждал об опасностях якобинства, революционного террора и задавался вопросом, не превратится ли провозглашенная Лениным диктатура пролетариата в диктатуру партии и ее руководства⁴⁷. Несмотря на это, уже в январе 1918 года этот журнал опубликовал статью «Новая великая революция», в которой обвинял буржуазную прессу в дезинформации и предвзятом отношении к событиям в России, а сам всячески поддерживал радикальные меры, принятые Советом народных комиссаров⁴⁸. На восприятие прихода большевиков к власти во многом повлияло установление в декабре 1917 г. диктатуры Сидониу Паиша. Первоначально его поддерживала умеренная Юнионистская партия. Через свои печатные органы и, в первую очередь, газету *A Lucta* она оправдывала его правление опасностью повторения российских событий в Португалии. При этом газета проводила прямые аналогии и называла Сидониу Паиша «португальским Корниловым»⁴⁹.

⁴⁴ *A Ordem*. 10. 1.17. P. 1.

⁴⁵ *A Manhã*. 11.11.1917. P. 1.

⁴⁶ *A Ordem*. 10. 1.17. P. 1

⁴⁷ *A Sementeira*. 12.1917. № 24 (76). P. 2.

⁴⁸ *A Sementeira*. 01.1918. № 25 (77). P. 1.

⁴⁹ *A Lucta*. 17.12.1917. P. 1.

Печать, выступавшая за новый режим, использовала события в России для оправдания режима «Новой республики». В этом плане с ними были солидарны и католические издания. Например, *Echos do Minho* в одном из декабрьских выпусков расписывало благостную картину примирения и католиков, и республиканцев, и рабочих, которое предстоит при новом правителе. Отмечалось, что пролетариату теперь не нужны «грандиозные утопии новых социальных организаций», так как новое правительство собирается улучшить их положение⁵⁰.

Влияние правых сил в Португалии росло по мере того, как становилось все яснее, что республиканский режим не способен решить экономические и социальные проблемы страны. В связи с этим все чаще в прессе появлялись сообщения, в которых реалии большевистской России описывались в черных красках, самих большевиков изображали как беспринципных и ужасных фанатиков, готовых на все ради своих идей. Ежедневная газета *O Diário de Lisboa* на предпоследние страницы поместила статью под заголовком «В России теперь матери могут выходить замуж за своих сыновей»⁵¹. Аморальность и насилие должны были дискредитировать в глазах португальского общества путь, предложенный большевиками. «Угроза коммунизма» стала для правых не только способом дискредитации большевистской власти, но и инструментом в борьбе против правления республиканцев. С завидной регулярностью его сравнивали с тем, что происходило в России после февраля, подчеркивая, что нынешний португальский режим, ввергающий страну в кризис, готовит почву для прихода к власти коммунистов.

Совершенно иначе интерпретировали эти события газеты левого толка. Анархо-синдикалистская *A Batalha* начала проводить активную пропаганду событий в России с 1919 г. В ней появился целый раздел «Социальная революция в России», в котором рассказывалось о социальных изменениях на востоке Европы и, в частности, публиковались различные документы, которые издавались большевиками. Еще активнее распространять большевистские идеи старалось издание *Bandeira Vermelha*, официальный орган Федерации португальских максималистов, созданной под впечатлением от прихода к власти большевиков. Впоследствии эта организация стала Коммунистической партией Португалии (газета была переименована в *O Comunista* в 1921 г.). В случае с Португалией появление открытой пробольшевистской печати имело обратные последствия. Коммунистическая партия Португалии не смогла заручиться широкой поддержкой и оставалась довольно малочисленной. Однако ее активная пропаганда нового порядка пугала тех, кто находился правее в политическом спектре. Появление общего врага –

⁵⁰ *Echos do Minho*. 18.12.1917. P. 1.

⁵¹ *Diário de Lisboa*. 03.01.1921. P. 7.

коммунизма – помогло если не объединить разношерстные силы политической элиты, то хотя бы заставить их воспринимать друг друга с меньшей ненавистью. Независимо от того, какая партия находилась у власти, теперь все они вели борьбу против большевистского влияния. Примечательна небольшая памятка для солдат под названием «Что есть большевизм. Популярные беседы, которые предлагаются португальским солдатам». В ней подчеркивались ужасы власти большевиков, их аморальность и другие преступления⁵². Эта памятка издавалась правительством и активно распространялась в войсках.

Неудивительно, что на фоне распространения «красной пропаганды» в первой половине 1920-х гг. в Португалии стали появляться группы, пытающиеся объединить сторонников правых идей: правых республиканцев, монархистов, католиков. Наиболее известна из них Национальная крусада, которая заложила фундамент Нового государства, возникшего в 1926 г. В манифесте этого движения от 20 марта 1921 г. европейский порядок противопоставляется анархии, которую приносит революция, и в качестве примера приводятся события в России⁵³.

Приход большевиков к власти стал значительно более важным событием для португальской прессы, чем свержение монархии. С одной стороны, он вдохновлял радикально левые силы Португалии, но в гораздо большей степени опыт России способствовал объединению сил правого спектра, которые нашли общего врага.

До прихода к власти большевиков португальская пресса давала оценку событиям в России в зависимости от тех политических взглядов, которых придерживалось то или иное издание. Республиканские газеты разных направлений поддерживали свержение монархии и установление буржуазной республики, видя в этом отчасти повторение событий, произошедших в Португалии за 7 лет до этого. Наиболее важен был вопрос об участии России в войне, в которую недавно вступил и Лиссабон. Это в значительной мере определяло отношение республиканской прессы ко всем выступавшим за заключение мира, в т.ч. большевикам. Их стремление пойти на мир с Германией пугало республиканцев в 1917 г. гораздо больше, чем их смелые планы по переустройству общества. Газеты левого толка активно поддерживали не только свержение монархии, но и развитие революции – борьбу за права рабочих. Для этих изданий не было ничего предосудительного в мирных инициативах, исходящих от Советов или от большевиков. Монархические и католические газеты, поначалу одобрительно смотревшие на смену власти в России, к октябрю все больше писали об анархии, в ко-

⁵² Cabreira. 1919.

⁵³ Castro Leal. 1998.

тору погрузалась страна. Выход они видели в военной диктатуре, попытка установления которой Корниловым провалилась в августе. Однако эти публикации монархической и католической печати можно рассматривать как их видение происходящего в самой Португалии.

Падение царского режима и дальнейшие события не оказывали значительного влияния на политическую жизнь в Португалии, хотя и вызывали общественный интерес. Совершенно иначе обстояло дело с приходом к власти большевиков. Пример России с этого момента стал важной составляющей формирующейся правой идеологии. В ее основе была мысль о том, что жесткие меры оправданы для недопущения прихода к власти сил, подобных большевистским. Установление правления большевиков и их радикальные действия наложили отпечаток на восприятие сидонистского режима в прессе. Его сторонники считали, что Сидониу Паиш сделал то, что не удалось Корнилову: спас страну от ужаса анархии. Противники упрекали его в узурпации власти и диктаторских замашках. В дальнейшем такое видение ситуации будет распространяться и способствовать объединению правых сил, которые в итоге составят основу Нового государства в 1926 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Шубин А. В. Великая Российская революция: от февраля к октябрю 1917 года. М.: Родина Медиа, 2014. 452 с. [Shubin A. V. Velikaya Rossijskaya revolyuciya: ot fevralya k oktyabryu 1917 goda. Moskva: Rodina Media, 2014. 452 p.]
- Anderson J. M. The History of Portugal. Westport: Greenwood Publishing Group, Incorporated, 2000. 248 p.
- A Primeira República portuguesa: Entre o liberalismo e o autoritarismo / Ed. by Teixeira, N. S., Pinto, A. C. Lisbon: Edições Colibri, 2000. 222 p.
- Baiôa M. A. Elites Políticas em Évora da I República à Ditadura Militar (1925-1926). Lisboa: Cosmos, 2000. 344 p.
- Baiôa M. A Primeira República Portuguesa (1910-1926): partidos e sistema político // Arbor. 2014. V. 190. No. 766. P. 1-14.
- Baiôa M., Fernandes P. J., Ribeiro de Menezes F. The Political History of Twentieth-Century Portugal // E-Journal of Portuguese History. 2003. V. 1. No. 2. P. 3-4. URL: http://www.brown.edu/Departments/Portuguese_Brazilian_Studies/ejph/html/Winter03.html
- Cabreira A. O que é o “Bolchevismo”. Diálogo popular oferecido aos soldados portugueses. Lisboa: Liberty, 1919. 6 p.
- Castro A. de A Economia portuguesa do século XX (1900–1925). Lisboa: Edições 70, 1979. 290 p.
- Castro Leal E. A Cruzada Nacional D. Nuno Álvares Pereira e as origens do Estado Novo (1918-1938) // Análise Social. 1998. Vol. XXXIII (148) No. 4. Pp. 823-851.
- Comesaña Paz A. Dios, patria, rey y... contrabando. Tras las huellas del exilio monárquico portugués en España después de la derrota de la Monarquía del Norte (1919) // Espacio, Tiempo y Forma. Serie V, Historia Moderna. 2015. No. 25. Pp. 239–277.
- Freire J. M. Anarquistas e operarias, ideologia, ofício e práticas sociais: o anarquismo e o operariado em Portugal, 1900-1940. Porto: Afrontamento, 1988. 448 p.
- Ferreira J. M. O comportamento político dos militares: Forças armadas e regimes políticos em Portugal, Lisbon, Ed. Estampa.: 1992. 352 p.
- Leal E. C. Partidos e programas: o campo partidário republicano português, 1910-1926. Coimbra: Imprensa da Universidade, 2008. 355 p.

- Lima H. A. *Imprensa portuense e os desafios da modernização*. Lisboa: Livros Horizonte, 2012. 184 p.
- Luis Martín F. *El fracaso de la Primera República Portuguesa (1910-1926): razones de una crisis* // *Studia historica. Historia contemporánea*. 2005. No. 23. Pp. 221-248.
- Manuel P. C. *Religión y política en la península Ibérica: clericalismo, anticlericalismo y democratización en Portugal y España* // *Religión y política: una perspectiva comparada* (coord. por Wilcox C., Gerard Jelen T). Madrid: Akal, 2006. Pp. 93-128.
- Mónica M. F. *O Movimento Socialista em Portugal (1875-1934)*. Lisboa: Imprensa Nacional-Casa da Moeda, 1985. 240 p.
- Oliveira C. de Os Limites e a Ambiguidade: o movimento operário português durante la guerra de 1914-18 // *Análise Social*. 1973. Vol. X. No. 40. Pp. 679-702.
- Pacheco Pereira J. *Contribuição para a história do Partido Comunista Português na I República (1921-1926)* // *Análise Social*. 1981. Vol. XVII. No. 67-69. Pp. 658-697
- Ramos R. João Franco e o fracasso do reformismo liberal (1884-1908). Lisboa, Imprensa de Ciências Sociais: 2001. 196 p.
- Ribeiro de Meneses F., Sharp A. Afonso Costa: Portugal. London: Haus Publ. Ltd, 2010. 224 p.
- Serrão J. Portugal: del Sebastianismo al Socialismo. Madrid: Seminarios y Ediciones, 1970. 111 p.
- Teixeira N. S. *O poder e a guerra (1914-1918)*. Lisbon: Editorial Estampa, 1996. 417 p.
- Vincent-Smith J. Britain, Portugal, and the First World War, 1914-16 // *European History Quarterly*. 1974. Vol. 4. Iss. 3. Pp. 207-238.
- Wheeler D. L. P. The Portuguese Revolution of 1910. *The Journal of Modern History*. 1972. Vol. 44. № 2. Pp. 172-194.
- Wheeler D. L. A Primeira República Portuguesa e a história // *Análise Social*. 1978. Vol. 14. No. 56. Pp. 865-872.

Филатов Георгий Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; georgefilatov@gmail.com

Perception of the Russian revolution of 1917 in the Portuguese press of the First Republic

The Portuguese press followed closely the revolutionary events in Russia. The newspapers and magazines paid more attention to the Bolsheviks coming to power than to the overthrow of the monarchy. From February 1917, the press concentrated more on Russia's involvement in the First World War, and since October the focus shifted to the activity of the Bolsheviks, which was depicted primarily in negative terms. The press promoting Bolshevik ideas had little popularity in Portugal. Most newspapers vilified the Bolsheviks, contributing to the consolidation of the Portuguese right-wing forces, which found a common enemy.

Keywords: Portugal, revolution, 1917, Bolsheviks, monarchy, press

Filatov Georgy Andreevich, PhD in History, research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; georgefilatov@gmail.com

В. П. САПОН

“THE MYSTERY MAN OF COMMUNISM”: И. В. СТАЛИН В ОСВЕЩЕНИИ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ 1920–1923 гг.

Статья содержит анализ представлений американской прессы об особенностях функционирования советской политической элиты в 1922–1923 гг. и, в частности, о возрастающей политической роли И. Сталина, который получил репутацию «загадочного человека коммунизма». Выясняется, что уже в начале 1920-х гг. Сталин представлялся американским аналитикам одним из серьезных претендентов на высшую власть в Советском государстве.

Ключевые слова: американская пресса, И.В. Сталин, советская элита 1922–1923 гг.

Впервые на страницах североамериканских газет Сталин появляется как вполне заурядный советский и партийный чиновник, выполняющий соответствующие функциональные обязанности. Так, в декабре 1920 г. газета «Great Falls Daily Tribune» проинформировала читателей об энергичных мерах, принятых правительством Грузинской республики против «советских агентов» (несколько заподозренных в «советских махинациях») были высланы из Кутаиси). По ее сведениям, грузинские коммунисты получили задание организовать на севере страны революционный комитет и призвать на помощь Красную Армию. Грузинская компартия приняла резолюцию и направила ее «комиссару Сталину» в Баку для последующей передачи в Москву¹. В сентябре 1921 г. «The Washington Times» в нескольких строках поведала о том, что, по некоторым сведениям, Троцкий, Томский, Сталин и Дзержинский (Djerchinski) вышли из состава некоего Центрального Комитета (have resigned from the central committee of the Soviet at Moscow). Показательно, что заголовок заметки содержал лишь одну, наиболее известную на Западе, фамилию: «*Trotzky Reported to Have Quit Soviet*»².

В начале января 1922 г. имя Сталина упоминается в списке членов нового советского правительства, сформированного «премьером» Лениным. Отмечается, что большинство наркомов по национальности русские, двое (наркомвоенмор Троцкий и нарком труда Шмидт³) евреи, нарком внутренних дел (Дзержинский) – поляк, а нарком по делам национальностей и по совместительству нарком Рабоче-крестьянской инспекции Сталин – грузин. Впрочем, интерес американцев к нацио-

¹ Great Falls Daily Tribune (Great Falls, Montana). December 29, 1920. P. 2.

² The Washington Times. September 1, 1921. P. 2.

³ По некоторым сведениям, нарком труда В.В. Шмидт был по национальности немцем. См., напр.: Непесов (<https://svpressa.ru/society/article/69677/>)

нальному составу Совнаркома оказался не столь сильным, как желание прояснить политические пристрастия советских лидеров, которые могли иметь влияние не только на внутреннюю, но и внешнюю политику России. Наблюдательный американский журналист, опираясь на некие местные советские источники, пришел к выводу, что «все члены кабинета относятся к так называемым правым коммунистам, которые следуют за премьером Лениным». (Вероятно, по этой причине «ведение революционной пропаганды [Третьим] Интернационалом затихло», хотя большинство членов указанного советского кабинета являлись также работниками указанной ультралиберальной организации⁴.)

Весной и летом 1922 года фигура И.В. Сталина начинает приобретать все более весомые политические параметры. Например, 9 апреля 1922 г. газета «The New York Herald» вышла с краткой информацией о перспективах участия Советской России на Генуэзской конференции⁵. Заканчивается эта заметка констатацией факта, что «большая пятерка», составляющая Политбюро Центрального комитета Коммунистической партии (Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский и Каменев) находится не в Генуе, а в своей стране. «Каковыми бы ни были экономические результаты, именно эти люди оказывают решающее влияние на события в России», – резюмировал автор заметки⁶. Отметим, что уже на данном этапе в глазах западных политиков и их партнеров в СМИ Сталин повышается в статусе, превращаясь из заурядного чиновника министерского уровня в члена узкого руководства советского государства.

Новая волна интереса к личности Сталина формируется в американских газетах в середине июня 1922 г. – в то время, когда на Запад приходят известия о тяжелом заболевании основателя Советского государства⁷. Одной из первых в США, 13 июня 1922 г., информацию на эту тему поместила газета «The Washington Times». Данное издание сообщило, что Ленин страдает то ли от кровоизлияния в мозг, то ли от вызванной отравлением инфекции, при этом именно Сталин был назван «наиболее вероятным преемником» советского лидера⁸. Есть опасение, что в случае назначения наркома по военным и морским делам Троцкого на пост председателя Совнаркома, тот восстановит политику «воен-

⁴ The Evening Star (Washington). January 14, 1922. P. 3.

⁵ Генуэзская международная конференция проходила с 10 апреля по 19 мая 1922 г. в Генуе (Италия). На ней рассматривались взаимные финансово-экономические претензии западных стран и РСФСР, которые на данном этапе так и не были разрешены. Тем не менее, Советской России удалось прорвать дипломатическую изоляцию, заключив Рапалльский договор с Германией.

⁶ The New York Herald. April 9, 1922. P. 6.

⁷ В конце мая 1922 г. В.И. Ленин пережил первый инсульт, находясь на отдыхе в Горках.

⁸ The Washington Times (Washington, D.C.). June 13, 1922. P. 1.

ного коммунизма» и даже установит личную диктатуру, однако, как отмечалось в цитируемой заметке, в «ответственных российских кругах» существует предположение, что в случае смерти Ленина, его место займет не Троцкий, а кто-то другой и это приведет к политической либерализации в России. Видимо, Сталин представлялся весьма подходящей кандидатурой для столь желаемого на Западе перехода Советской России на более умеренный внешнеполитический курс⁹.

С этого дня в американской прессе начинается кампания по обсуждению политических перемен в Советской России после предполагаемой смерти ее вождя. 14 июня 1922 г. в нью-йоркской газете «The Evening World» вышла заметка с интригующим заголовком: «Новый триумvirат контролирует Россию». В ней, со ссылкой на берлинский источник, отмечалось, что на время шестимесячного отсутствия «преьера» Ленина по состоянию здоровья управление Советской Россией взяли на себя три человека: И.В. Сталин, Лев Каменев и А.И. Рыков. Сталин, грузинский большевик «турецкой национальности» (?) (а Georgian Bolshevist of Turkish nationality) характеризовался источником как сильный человек, Каменев (председатель Московского совета) как либерал, а Рыков, «один из первых защитников новой экономической политики», якобы придерживался либеральных взглядов, но не считался сильным человеком. «О назначении этого триумvirата неофициально сообщила Коммунистическая партия»¹⁰, – так заканчивалась заметка.

Вышедшая в тот же день нью-йоркская «The Evening Star» повторила многие из указанных сведений (тем более что у американской прессы был общий источник в Германии). Тем не менее, было высказано мнение, что если указанный триумvirат и будет создан, то реальное руководство перейдет в руки Каменева. Американский журналист, отметив вслед за своим германским коллегой сходство между советским триумvirатом и аналогичными формами власти в Древнем Риме и во Франции в эпоху Директории, подчеркнул, что такие переходы «неизбежно ведут к ослаблению республик и прокладывают путь более масштабным трансформациям»¹¹.

Свои акценты в эту новость внесла столичная “The Washington Times”, указав, что британские официальные представители рассматри-

⁹ Впрочем, в данной публикации упоминается и другая альтернатива Троцкому как потенциальному лидеру Советов. Ссылаясь на телеграмму из Копенгагена, автор заметки предположил, что нарком по иностранным делам Георгий Чичерин «весьма вероятно, станет преемником Ленина в случае его смерти и выберет “средний курс” в политике» (ibid.).

¹⁰ The Evening World (N.Y.). June 14, 1922. P. 5. – Дословно указанное сообщение было опубликовано и в ряде провинциальных американских газет. См., напр.: Great Falls Tribune (Great Falls, Montana). June 15, 1922. P. 2.

¹¹ The Evening Star (Washington, D.C.). June 14, 1922. P. 1.

вают формирование триумvirата для осуществления исполнительной власти во время шестимесячного отпуска Николая Ленина как преддверие борьбы большевистских лидеров за контроль над коммунистической Россией. Весьма существенно, подчеркнул автор заметки, что Лев Троцкий, нарком по военным делам и общепризнанный глава коммунистов-милитаристов (chief of the Communist Militarists) не стал членом триумvirата. В него вошли Каменев, Рыков и Сталин, причем первый и последний «сравнительно хорошо известны во внешнем мире», а Рыков скрыт в безвестности (veiled in obscurity). Предполагается, что все они «поддерживают умеренную политику»¹², резюмировал автор.

«The New York Herald» не ограничилась общим изложением новости, а попыталась проанализировать расклад сил в советской элите, вызванный уходом Ленина из активной политики, при этом источником для нью-йоркского корреспондента послужили «здесьние большевики, которые имеют тесную связь с Москвой»¹³. Перечислив фамилии членов тройки, которую коммунистическая партия назначила «принять обязанности большого вождя» (Сталин¹⁴, Каменев, Рыков), автор публикации гораздо больше внимания уделил другим политическим фигурам. В частности, подтвердил сообщение о том, что нарком иностранных дел Георгий Чичерин, особо приближенный Ленина (Lenine's particular adjutant), отодвинут на второй план: «он сейчас сидит в Берлине, соблюдая приличия, но при этом признается своим друзьям, что снова стал частным лицом». Его пост в Москве временно занял «молодой грузин» Карахан. «Это первая серьезная перемена с тех пор, как Ленин начал терять контроль [над делами]», – подметил корреспондент. Положение наркома внешней торговли Л. Красина также неустойчиво, поскольку и он близок к Ленину (is under the protection of Lenine). Коммунисты (видимо, упомянутые выше источники, имеющие прямую связь с Москвой) полагают, что у Красина хорошие шансы сохранить свой пост, поскольку он единственный кто может компетентно вести дела с границей. Большие проблемы могут возникнуть с заместителем Ленина на посту председателя Совнаркома, поскольку только этот политик пользуется широкой популярностью среди российских коммунистов и в случае его ухода советское правительство «потеряло бы свой высочайший престиж»¹⁵. Троцкий, из-за своей энергичной и милитаристской манеры управления, имеет многочисленных врагов в РКП(б),

¹² The Washington Times (Washington, D.C.). 1922. June 15. P. 1.

¹³ The New York Herald (New York). June 15, 1922. P. 1. – Далее в статье в качестве интервьюируемого упоминается «один из друзей Троцкого».

¹⁴ В этой статье тоже настойчиво подчеркивается, что выходец из Советской Грузии Сталин на самом деле турок (is really a Turk).

¹⁵ Ibidem.

вследствие чего партия вряд ли выберет его преемником Ленина в качестве главы правительства. Председатель ВЦИК РСФСР Калинин (по версии газеты – Kalenin), сообщается далее, также не обладает необходимой компетентностью для руководящей работы в правительстве, поскольку не имеет правильного представления о мировых делах. Преображенский (Probrashensky), Семашко (Kempaschko), Осинский (Ossinski) – вот имена, которые, по сведениям газеты, чаще всего упоминаются в коммунистических кругах как возможные наследники Ленина. Любопытно, но в указанном списке Сталин отсутствует.

Через несколько дней американские читатели смогли узнать еще ряд пикантных подробностей о коллективном советском руководстве и Сталине, в частности. 17 июня 1922 г. газета «The Washington Times» «уточнила» пришедшую ранее из Берлина информацию, сообщив, что Россией управляет не триумвират, а четверка из «совета пяти»: Троцкий, Каменев, Сталин и Дзержинский (пятый – вышедший из строя Ленин). Сталин, по версии этой газеты, человек знатного происхождения (of noble descent), его настоящее имя – граф Чегодышев (count Tshegodysheff). «Его очень уважают коммунистические руководители, и многие верят, что он унаследует (succeed) Ленину». (В заключение автор отметил, что шансы Троцкого в этом плане невелики, так как опасаются его милитаризма (There is fear of his militarism)¹⁶.

В июле 1922 г., освещая проблему голода в России, некоторые американские газеты вновь возвращаются к проблеме преемственности власти в советском государстве. Никто вне узкого руководства не может сказать, что же случилось с Лениным и как долго будет продолжаться его отстранение от власти, сетовала по этому поводу «The New York Herald». Если навсегда, что «весьма вероятно», то никто не сможет сказать, перейдет ли власть к левым или правым в партии большевиков. Вероятность прихода к власти Льва Троцкого невелика, полагал автор цитируемой статьи, зато Сталин является наиболее предпочтительной фигурой на роль преемника Ленина (seems to be the favorite to succeed Lenine). Далее следует любопытное примечание: «В настоящее время государственные дела ведет совет семи, состоящий из Сталина, Каменева, Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Дзержинского и Рыкова, ...перечисляемых по степени своего влияния»¹⁷.

В декабре 1922 г. американские газеты дали информацию о заседании Всероссийского съезда Советов, на котором речь шла о финансовом и экономическом положении страны¹⁸. Сталин, «комиссар по де-

¹⁶ The Washington Times. June 17, 1922. P. 1.

¹⁷ The New York Herald. July 22, 1922. P. 4.

¹⁸ См.: The Ogden Standard-Examiner. Dec. 27, 1922. P. 8; The Evening Star. Dec. 28, 1922. P. 33; The Press and Banner. Dec. 29. 1922. P. 4.

лам национальных меньшинств» (commissar of national minorities), представлен в этих публикациях как один из главных докладчиков, который изложил аргументы в пользу «унификации» союзных советских республик: так, началось сокращение Красной армии до 600 тыс. чел., тем не менее, советское государство не гарантировано от внешних агрессий, в силу чего ему для защиты требуется сильная единая армия. Сталин «утверждал, что другим побудительным мотивом для объединения Советских республик в единую социалистическую федерацию является экономическая ситуация, поскольку все ресурсы России почти исчерпаны. Небольшие автономные республики, сказал он, не смогут нормально существовать без России и, с другой стороны, Россия не в состоянии удовлетворительно восстановить свою национальную жизнь без их совместной поддержки»¹⁹. По сведениям прессы, сталинский проект объединения не встретил оппозиции на съезде, в связи с чем было решено созвать специальный съезд для его реализации.

К этой теме американская пресса вернулась уже весной следующего года. Так, 28 апреля 1923 г. в газете «Evening Star» публикуется информация о решениях съезда XII РКП(б), в т.ч. о резолюции, которая воплотила «план Сталина по сплочению 60 миллионов нерусских жителей в Соединенные Штаты России без расовых проблем»²⁰.

Весной и летом 1923 г. американская печать в очередной раз озабочилась вопросом «Что произойдет после смерти Ленина?»; особенно много места этой теме уделила вашингтонская «Вечерняя звезда». Так, 9 апреля вышла заметка, в которой журналист Ф.А. Маккензи, только что прибывший в Варшаву из Москвы, поделился своими актуальными соображениями. По его убеждению, и те, кто не ждет перемен, и те, кто предсказывает возвращение старых порядков, будут в равной степени разочарованы: «старый режим имеет не больше шансов вернуться к власти в России, нежели короли Ганноверской династии – править в Вашингтоне»²¹. По проницательному замечанию Маккензи, «трудности у большевиков начнутся скорее из-за различий в рядах коммунистической партии, чем вследствие реакции». Во время болезни Ленина правительство возглавлял Каменев, который, даже по признанию врагов, делал свое дело лучше, чем кто-либо еще, чему способствовал его

¹⁹ The Press and Banner. Dec. 29. 1922. P. 4. В других газетах эти формулировки повторяются буквально. При этом в "The Ogden Standard-Examiner" репортаж начинается именно с пересказа речи Сталина, затем излагаются доклады наркома финансов Г.Я. Сокольникова и председателя ВСНХ П.А. Богданова. Также упомянуто, что, помимо наркомов Сталина и Сокольникова, на съезде в качестве делегатов присутствовали другие представители советской элиты: Л. Троцкий, председатель Московского совета Л. Каменев, председатель ВЦИК РСФСР М. Калинин.

²⁰ The Evening Star (Washington, D.C.). April 28, 1923. P. 14.

²¹ The Evening Star (Washington, D.C.). April 9, 1923. P. 1.

опыт «организатора большого бизнеса до его перехода в коммунизм». Решение о преемнике вождя будет принято Центральным комитетом партии, и оно станет обязательным для всей России. Однако лидеры компартии еще не имеют единой позиции, за лидерство борются две группировки – сторонники соответственно Троцкого и Рыкова. Последний характеризуется автором статьи как старый революционер (и в то же время почему-то как «новый член партии»), действующий заместитель Ленина в правительстве – «никто не вызывает столь сильного восхищения и столь острого отторжения в России, чем он»²². Далее приходит черед Сталина (еще одного заместителя Ленина в СНК, наряду с Каменевым, о чем упомянуто в публикации). По словам Маккензи, Сталин – это загадочная личность в коммунизме (the mystery man of communism). «Грузин по рождению, секретарь коммунистической партии, избегающий публичности и много работающий, он пользуется поддержкой многих». Сталин контролирует партийный аппарат и имеет большое число сторонников, однако многие полагают, что «он предпочтет быть властью, стоящей за треном»²³, – такой прогноз был сделан о политике, который уже через несколько лет сумеет выйти из тени.

Ф.А. Маккензи продолжил изложение персональных характеристик советских вождей в одном из июньских номеров «The Evening Star». Довольно подробно описав Троцкого, Каменева, Чичерина, Дзержинского и др., американский журналист уделил Сталину всего лишь один абзац (впрочем, Зиновьеву и Радеку, например, досталось не больше внимания). Сталин согласен оставаться за кулисами власти, повторил свою мысль Маккензи. «Много шепчутся о нем, о его высоких методах, беспощадности и небывалой эффективности. Насколько это соответствует действительности, я не могу сказать. Уже один этот факт многое говорит об этом человеке, поскольку я живу в Москве и моя работа состоит в том, чтобы знать такие вещи»²⁴, – честно признался автор статьи, невольно поддерживая репутацию генерального секретаря ЦК РКП(б) как загадочной личности в коммунистическом руководстве. (Уместно отметить, что цитированные выше статьи время от времени сопровождалась портретами Троцкого, Каменева, Рыкова, но ни одного изображения Сталина обнаружить не удалось.)

Пожалуй, одна из самых ярких публикаций, посвященных советской революционной элите (включая Сталина), появилась на страницах американской прессы в мае 1923 г. Автором этой статьи был все тот же

²² При этом автор сообщения почему-то упоминает о якобы еврейском происхождении Рыкова, которое «очень сильно мешает ему в борьбе за лидерство». Но шансы Троцкого в данном контексте он никак не комментирует.

²³ The Evening Star (Washington, D.C.). April 9, 1923. P. 1.

²⁴ The Evening Star (Washington, D.C.) June 19, 1923. P. 30.

Маккензи. Развивая свой тезис о различиях в рядах советского руководства, американский журналист пишет, что Центральный Комитет правящей партии состоит из 30–40 членов, за ними стоит Полибуро (5–7 чел.) – «подлинные аристократы новой России». Ни одно государственное учреждение не смеет прекословить им; если узкому руководству становится известно о каких-либо политических поползновениях группы или класса, по их распоряжению в дело вступают карательные органы (ГПУ или, как каламбурит автор, «Gay-ray-oo»). В «великую пятерку», правящую с первых лет революции – Ленин, Троцкий, Каменев, Дзержинский, Зиновьев – теперь следует включить Сталина и Радека (отсюда название параграфа – «Семь самодержцев»). Все решения в указанном кругу принимаются только после совместного обсуждения: они научились работать вместе еще до революции, в подполье и ссылки. Яркой особенностью управления в России является то обстоятельство, что руководители ничего не получают для себя лично, они живут просто. «Можно критиковать их за их идеи и идеалы, однако никто не верит, что они копят личные богатства. Они – идеалисты, фанатики, если хотите, но честные фанатики». Однако им приходится иметь дело с подчиненными (из числа рабочих), которые часто некомпетентны, коррумпированы и нелояльны. Лидеры мечтают о создании эффективной демократии, но они все еще не преуспели в этом. По мнению американского публициста, одной из трагедий исследуемого этапа советской истории стало несоответствие политических целей и практических результатов: «люди, пожертвовавшие своими здоровьем и свободой во имя страстной любви к свободе были вынуждены превратиться в создателей и руководителей самого деспотического правительства в мире, эти ненавистники бюрократии вынуждены были возглавить супербюрократический режим, даже более бюрократический, чем царский; эти приверженцы мира во всем мире были вынуждены провести свой народ через годы гражданской войны и в настоящее время должны стоять во главе одной из самых сильных армий мира»²⁵.

Как видим, в освещении американских средств массовой информации фигура И.В. Сталина буквально за несколько лет претерпела существенную трансформацию, последовательно увеличивая свой политический масштаб. Если в 1920 г. он едва упоминался, как и многие другие советские деятели среднего звена, то в связи с первыми признаками перераспределения власти в Советском государстве он все чаще фигурирует как один из достойных соискателей верховной власти. Так, если в апреле 1922 г. нарком по делам национальностей упоминается американскими СМИ в числе нескольких вершителей советской поли-

²⁵ The Evening Star (Washington, D.C.) May 25, 1923. P. 3.

тики, то уже в июне того же года кое-кто прочит его на пост преемника уходящего Ленина. При этом американскими наблюдателями его «правая» политическая позиция противопоставляется (и в каком-то смысле одобряется) радикальной левизне Троцкого. Тем не менее даже для тех западных наблюдателей, кто мог непосредственно изучать политическую жизнь в России, Сталин в указанный период остается загадкой, человеком, наделенным мощным властным потенциалом, но скрывающим свои амбиции и стратегические цели.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- 1,800 Trillion of Russian Rubles // The Press and Banner (Abbeville, S.C.). Dec. 29, 1922. P. 4.
 Freedom-Mad Russia Lashed By Dominant Autocrat Group // The Evening Star (Washington, D.C.) May 25, 1923. P. 3.
 Georgians Expel Moscow Agent; Plan War on Plotters // Great Falls Daily Tribune (Great Falls, Montana). December 29, 1920. P. 2.
 Lenin Increases Russian Cabinet // The Evening Star. January 14, 1922. P. 3.
 Lenin Lies Dying, But Passing Will Not Alter Soviet // The Evening Star. April 9, 1923. P. 1.
 Lenine Loses Grip; Triumvirate Rules // The New York Herald. June 15, 1922. P. 1.
 Lenin May Give Up Rule to Triumvirate // The Evening Star. June 14, 1922. P. 1.
 N. Lenin Has New Setback // The Washington Times. June 17, 1922. P. 1.
 New Ruble Issue Planned by Russ // The Evening Star. Dec. 28, 1922. P. 33.
 New Triumvirate Controls Russia // The Evening World (N.Y.). June 14, 1922. P. 5.
 Politics Alone Can Prolong Famine // The New York Herald. July 22, 1922. P. 4.
 Recovery of Lenin Hopeless // The Washington Times. June 13, 1922. P. 1.
 Russ Finances Near Collapse // The Ogden Standard-Examiner. Dec. 27, 1922. Last edition. P. 8.
 Soviet Limits Concessions // The New York Herald. April 9, 1922. P. 6.
 Three Men Chosen to Handle Lenin's Job // The Washington Times. 1922. June 15. P. 1.
 Trotsky Reported to Have Quit Soviet // The Washington Times. September 1, 1921. P. 2.
 Triumvirate Directs Soviet Government While Lenine Away // Great Falls Tribune (Great Falls, Montana). June 15, 1922. P. 2.
 "U.S. of Russia" Scheme Launched // The Evening Star. April 28, 1923. P. 14.
 Vigor Marks Trotsky as Doer Among Russia's Stern Leaders // The Evening Star. June 19, 1923. P. 30.
 Нересов Ю. Совнарком коренной национальности // <https://svpressa.ru/society/article/69677/>

Владимир Сапон, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина; vladimail2008@mail.ru

“The mystery man of communism”

I.V. Stalin in the light of the American press in 1920–1923

The article presents an analysis of the views of the US mass media on the peculiarities of functioning of the Soviet political elite in 1922–1923 and in particular on the growing political role of Stalin, who gained a reputation as the “mystery man of communism”. It turns out that already in the early 1920s, Stalin was seen by American analysts as one of the real contenders for Supreme power in the Soviet state.

Keywords: US mass media, I.V. Stalin, Soviet political elite of 1922–1923

Vladimir Sapon, Dr. Sc. (History), Professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin; vladimail2008@mail.ru

РОССИЯ И МИР В ПРОСТРАНСТВЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Е. А. МЕЛЬНИКОВА

«ПУТЬ НА ВОСТОК – ПУТЬ К ХРИСТИАНСТВУ»¹ РУСЬ И ВИЗАНТИЯ В ПРОЦЕССАХ ХРИСТИАНИЗАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ

В современной зарубежной историографии господствует мнение, что в христианизации Скандинавских стран (конец X–XI вв.) основную роль сыграли два фактора: миссионерская деятельность Гамбург-Бременского архиепископства и крещение местных правителей. Однако в «латентный» период христианизации (конец VIII–X вв.) значительная часть населения Скандинавии знакомилась с христианством во время походов не только на запад, но и на восток. Многочисленные археологические материалы, а также сформировавшийся в сознании средневековых скандинавов образ Византии и Руси как источников христианства свидетельствуют о значительной роли восточных связей в проникновении новой веры на север, прежде всего в Восточную Скандинавию.

Ключевые слова: христианизация, Скандинавские страны, Русь, Византия

В скандинавской историографии еще в XIX в. утвердились – и сохраняются до сих пор – два базовых концепта о путях христианизации Скандинавских стран: основополагающая роль Гамбург-Бременского архиепископства в этом процессе и миссионерство как главный способ обращения скандинавов в новую веру². Формированию этой историографической традиции способствовало состояние источников – письменных, на которые опираются историки: наиболее ранние и подробные из них происходят из самого архиепископства и имеют своей целью прославление его миссионерской деятельности. Как Римберт (ум. 888), второй архиепископ Гамбурга и автор «Жития св. Ансгария», «апостола севера» (написано до 876 г.)³, так и Адам Бременский, приближенный гамбург-бременского архиепископа Адальберта, написавший по его поручению историю своего диоцеза ок. 1070 г.⁴, не только подчеркивали ведущую роль Гамбург-Бремена в христианизации Скан-

¹ Это выражение принадлежит Г.В. Глазыриной и чрезвычайно точно отражает представления исландцев XIII в. об одном из направлений, по которому христианство проникало на север: Глазырина 1995. С. 85–87; 2010. С. 384–404.

² См., напр.: Nordens kristnande i europeiskt perspektiv...; Hellström 1996; Kristnandet i Sverige...; Staats 1997. S. 9–33.

³ Vita Anskarii auctore Rimberto...

⁴ Adam Bremensis. 1917; Рыбаков 2008.

динавии и в становлении скандинавской церкви⁵, но и замалчивали, очерняли или объявляли неправомерной деятельность проповедников «со стороны», в том числе из Англии⁶. Одновременно эти и другие источники, прежде всего франкские анналы, обращали внимание на крещение исключительно скандинавских правителей – южно-датского Харальда Клака в начале IX в., некоего Олава, также датского конунга и др. Поэтому картина, рисуемая наиболее ранними (современными или близкими по времени написания) источниками, существенно искажает и упрощает реальную картину проникновения христианства на Север.

Лишь в последние десятилетия в результате накопления большого массива археологических материалов и осознания тенденциозности письменных источников⁷ эти представления начали постепенно изменяться. Нет сомнений, что наиболее последовательно миссионерскую деятельность осуществляло именно Гамбург-Бременское архиепископство⁸, но известны миссии и из других стран Европы, причем английские миссионеры играли особенно важную роль в христианизации Норвегии. Вместе с тем, знакомство скандинавов с христианством осуществлялось далеко не только (а на раннем этапе и не столько) благодаря миссионерам, откуда бы они ни приходили. Миссии IX–X вв., действовавшие только в немногих крупных торговых центрах и недолгое время из-за враждебности местного населения, не могли оказать существенного влияния на население Скандинавских стран. Неудачей закончились миссии св. Ангария в датский Хедебю в 826 г. и в 829 и 861 г. в шведскую Бирку. Показательно резко отрицательное отношение к миссионерам в Исландии в самом конце X в., накануне официального принятия христианства, когда они бывали вынуждены бежать, спасая жизнь⁹. Даже обращение в христианство в середине X в. отдельных конунгов еще не вело к широкому распространению новой религии: так, норвежский конунг Хакон Добрый (ум. ок. 961), принявший христианство в Англии, где он воспитывался, был принужден бондами соблюдать языческие ритуалы под страхом изгнания из страны¹⁰.

Подвергся ныне частичному пересмотру и взгляд на христианизацию как кратковременное событие, связанное с крещением правителя. Пример Хакона Доброго красноречиво свидетельствует о том, что при

⁵ Собственные архиепископии появляются в Скандинавских странах в начале – середине XII в.; до этого создаваемые епархии подчинялись Гамбург-Бремену.

⁶ Saywer 1987.

⁷ Ibid.; см. также: Хагланд 2004. С. 259–286.

⁸ В 948 г. римский папа Агапит II издал буллу, передающую архиепископству полномочия осуществлять христианизацию народов севера.

⁹ Jón Hnefill Ádalsteinnsson 1978; Глазырина 2018. С. 231–238.

¹⁰ Saga о Хаконе Добром // Снорри Стурлусон... С. 67–87.

отсутствии подготовленного, хотя бы в какой-то его части, общества, распространение христианства было практически невозможно. Нисколько не отрицая важной роли «официального» принятия христианства правителем страны, с чего начинается широкое внедрение новой веры, теперь признается существенное значение «латентной» христианизации, предварающей «официальную» и продолжающуюся не одно столетие. Поэтому обращение Скандинавских стран в христианство ныне рассматривается как длительный, многовековой процесс восприятия различных культурных (в том числе и религиозных) импульсов скандинавами в ходе викингских походов, торговли и наемничества¹¹ – но практически исключительно в Западной Европе.

Молчание источников о миссиях из Византии (или Руси), действительно вряд ли достигавших Скандинавских стран¹² (тем более что миссионерская деятельность была не свойственна византийской церкви) считается надежным показателем того, что восточное христианство не участвовало в христианизации северных стран: «Контакты Скандинавии и Восточной Европы были интенсивными, но очевидные свидетельства религиозного влияния византийской церкви более или менее отсутствуют»¹³ – таков вердикт, разделяемый подавляющим большинством историков и историков церкви¹⁴. Однако многочисленные археологические материалы, а также памятники прикладного и изобразительного искусства красноречиво указывают на конфессиональные влияния с востока, а исландские саги сохранили – невзирая на «гамбург-бременскую цензуру», память о проникновении христианства из Византии через Русь. Исследование и обобщение всех этих разнообразных материалов, начавшееся лишь в последние 20 лет¹⁵, показывают, что пребывание скандинавов в христианской Византии в X–XI вв. не прошло для них бесследно, Византия наряду с Римом и Кентербери, стала одним из важнейших источников христианства на севере.

Знакомство скандинавов с христианством и христианской церковью начинается уже в преддверии походов викингов¹⁶. Древнейшим свидетельством скандинаво-византийских контактов является Петергофский клад серебряных дирхемов самого начала IX в., принадлежавший скандинаву (о чем говорят скандинавские рунические надписи на

¹¹ The Cross Goes North...; The Viking World... P. 622–625.

¹² Предположение А. Шёберга о византийской миссии на Готланде и в Швеции (Sjöberg 1985. S. 69–78) было подвергнуто справедливой критике.

¹³ Brink 2008. P. 626.

¹⁴ См., напр.: Beskow 2006. P. 559–563.

¹⁵ См.: Rom und Byzanz im Norden...; Från Bysans till Norden...

¹⁶ По концепции М. Карвера, первые контакты скандинавов с христианским миром следует относить еще к позднеримскому времени: Carver 2006. P. 3–14.

нескольких монетах): на одной из монет читается надпись *Zacharias*¹⁷. Два десятилетия позднее датируются первые сообщения о появлении скандинавов в Византии¹⁸ – об их военных нападениях, в ходе которых викинги сталкивались с проявлениями христианства¹⁹, а несколько позже и о принятии ими новой веры. Уже первый известный нам поход скандинавов в пределы Византийской империи познакомил их с христианскими реалиями. Согласно «Житию Георгия Амастридского», написанному Игнатием в 840-е гг.²⁰, у напавших на Амастриду, вероятно в 830-е гг., викингов, которые попытались ограбить раку святого, отняли руки; лишь после того, как похитители почтили христианского Бога, они выздоровели²¹. Рассказ основан на распространенном агиографическом топосе, но важно, что в этом повествовании условием реабилитации викингов было не крещение, как обычно, а «поклонение» Богу – неясно, в какой форме. Игнатий, очевидно, даже не предполагал, что возможно обращение грабителей в христианство, и это косвенно свидетельствует об отсутствии в его время подобной практики в Византии. Не было связано с крещением и посольство росов к императору Феофилу в конце 830-х гг.²²

Лишь между 860 и 866 гг. первая известная нам группа скандинавов принимает христианство из Византии. Неудачная осада Константинополя росами, вероятно уже обосновавшимися к 860 г. в Киеве, имела результатом их крещение, о чем сообщает в своем Окружном послании патриарх Фотий: по просьбе их вождей к ним были посланы проповедники, крестившие часть росов²³. Каковы были масштабы деятельности этих миссионеров, сказать сложно, поскольку новая волна скандина-

¹⁷ Мельникова 2001. № А-П.1. С. 115–119.

¹⁸ Обзоры поездок скандинавов в Византию: Васильевский 1915 а. С. 176–376; Blöndal, Benediktz 1978; обстоятельное исследование проблемы см.: Scheel 2015.

¹⁹ Предположение С. Манго о скандинавском происхождении епископа Никей Ингера, упомянутого в начале IX в., и отца жены императора Михаила I Евдокии Ингерини, исходя из имени *Inger*, которое он отождествил с др.-сканд. *Yngvarr* (Mango 1973. P. 18–19), видимо, несостоятельно. Эта гипотеза вызывает сомнения как с филологической (переход *-a-* второй основы в *-e-* трудно объяснить), так и, особенно, с исторической точки зрения: присутствие в Византии высокопоставленных скандинавов-христиан уже в начале IX в. крайне маловероятно. Представляется более достоверным выводить имя *Inger* из общегерм. **Yng(i)geirR* и предполагать в обоих Ингерах не скандинавов, а представителей тех германских племен (готов, лангобардов, вандалов), которые осели на территории Византийской империи еще в V в.

²⁰ Ševčenko 1975. P. 127.

²¹ Васильевский 1915 б. С. 1–71. См. также: Бибиков 2010. С. 129–130.

²² Бертинские анналы под 839 г. сообщают о приходе в Ингельгейм посольства росов, возвращавшихся от императора Феофила (*Annales de Saint-Bertin...* P. 28–30; Назаренко 2010. С. 17–21). В Византии, следовательно, это посольство находилось в 838 г. См.: Shepard 1995. P. 41–60; Назаренко 2013. С. 277–278.

²³ Кузенков 2003. С. 5–172; Бибиков 2010. С. 93–94.

вов-язычников, пришедших в Киев в конце IX в. вместе с Олегом, уничтожила не только возможно существовавшую в городе христианскую общину, но и само воспоминание об этом событии – древнерусские источники не знают ничего о «первом крещении Руси».

Однако в 944 г. в русско-византийском договоре уже отмечено присутствие значительного числа христиан в составе древнерусской элиты, состоявшей еще по преимуществу из скандинавов, – для них предусмотрено принесение присяги в церкви в отличие от русов-язычников, которые продолжают клясться «по своему обычаю» – на оружии и золоте²⁴. Несомненно, они, как и первые русские святые, варяги-мученики²⁵, приняли христианство в Византии во время пребывания в империи, останавливаясь в качестве купцов в Константинополе в квартале св. Мама, или в качестве наемников, служивших в византийском войске. Участие скандинавов в распространении христианства на Руси в X в. (до официального крещения Руси князем Владимиром в 888 или 889 г.) было столь значительным, что еще и в восприятии летописца начала XII в., отметившего, что: «беша бо мнози варязи крестияны»²⁶, этот процесс неразрывно связывается именно со скандинавами.

Очевидно, что за тридцать лет, прошедших между договорами 911 и 944 гг., число христиан существенно увеличилось, и именно эти «варязи», побывавшие в Византии и познакомившиеся там с христианством (а, возможно, и принявшие крещение), становятся проводниками восточного христианства в Скандинавии. Многие скандинавы, если они не погибали «на востоке» и не оседали на Руси, возвращались на родину, принося с собой материальные и культурные новации. Пользовались популярностью кафтан на пуговицах, туника²⁷; вошла в употребление техника зерни; вместе с предметами дружинного быта были усвоены их названия: «сабля», «седло», «хмель» и др.²⁸; зародившиеся в дружинной среде сказания о варяжских вождях возвращались на север, создав обширный пласт мотивов и сюжетов о подвигах викингов в Восточной Европе (например, рассказ о смерти героя от укуса змеи, выползшей из черепа коня)²⁹.

Само название Византии в Скандинавии – *grik(k)jar* «греки», вероятно, было воспринято скандинавами на Руси, где в отличие от древне-

²⁴ Лавр. Стб. 52–53.

²⁵ Рассказ о них помещен под 983 г. (Лавр. Стб. 82–83). См.: Melnikova 2005. P. 119–124; Лукин. 2008. С. 73–96.

²⁶ Лавр. Стб. 54. См.: Melnikova 2005.

²⁷ Один из воинов высокого статуса, погребенный в Бирке, носил напоминающую кафтан верхнюю одежду того же типа (скарамангий), что использовался в дворцовых церемониях в Константинополе (Hägg 1983. S. 213–214).

²⁸ Мельникова 1984. С. 62–75.

²⁹ Мельникова 2005 б. С. 95–108.

скандинавских моделей образования топонимов (ср. типичное для скандинавской топонимастики производное *Grikkland* «земля греков») употребление этнонима в значении хоронима/политонима было широко распространено³⁰. Наконец, Русь и Византия образуют на ментальной карте раннесредневековых скандинавов единый регион, находящийся на «востоке» (*austr*) и объединяемый общим водным путем от Балтийского до Средиземного моря (*Austrvegr*).

В контексте регулярных торговых и военно-политических связей X в. Руси с Византией, в которых самое активное участие принимали скандинавы, среди культурных импульсов, поступавших в Скандинавию из Восточной Европы, не могло не быть и христианство.

Первые материальные свидетельства контактов с Византией появляются в Скандинавии в середине IX в. Это находки трех печатей патрикия Феодосия, протоспафария и хартулярия, в крупнейших датских торговых центрах Хедебю³¹ и Рибе³² и в усадьбе местного вождя у озера Тиссе на западе о. Зеландия³³. Известно, что Феодосий был послан императором Феофилом к Лотарю I и в 840–841 гг. находился в Майнце. Предполагается, что целью его поездки было рекрутирование воинов в византийскую армию, терпевшую поражения от арабов, и, судя по находкам печатей, он (или его представители) добрались до северной Дании. Примерно к тому же времени относится печать военного чиновника Леона, найденная недавно на «Рюриковом» городище³⁴.

Наиболее зримым показателем контактов с Византией являются монеты (по преимуществу серебряные милиарисии): их найдено в Швеции более 600 (84% на Готланде, откуда происходят и несколько золотых номисм, единственных в Скандинавии), ок. 50 в Дании, в Норвегии меньше³⁵. Как в Восточной Европе, так и в Средней Швеции и Дании — хотя и в очень небольшом числе — обнаруживаются монеты, чеканенные при императоре Феофиле³⁶. Преобладание же монет X в. (до 989 г.), как и их обнаружение в основном в кладах (143 монеты; 9 монет найдено в погребениях в Бирке)³⁷ вместе с куфическими монетами³⁸ свидетельствуют о том, что они привезены из Византии восточным путем. Уже в X в. византийские монеты становятся образцами для мест-

³⁰ Мельникова 2005 а. С. 160–162.

³¹ Laurent 1978. S. 36–40.

³² Jensen 1991. S. 70.

³³ Jørgensen 2008. P. 203–204.

³⁴ Ениосова, Пушкина 2015. С. 47.

³⁵ Hammarberg, Malmer, Zachrisson 1989; Tusindtallets Danske Mønter... S. 66.

³⁶ Hammarberg, Malmer, Zachrisson 1989. P. 62.

³⁷ Müller-Wille 1997. P. 416.

³⁸ Kromann 1989. S. 88.

ной чеканки: монеты второй эмиссии в Хедебю подражают монетам Иоанна Цимисхия (969–976). Особенно показательно обращение к византийским образцам конунгов-христиан в Швеции (Олава Шётконунга в Сигтуне), Дании (Свейна Вилобородого) и Норвегии (Олава Трюгвасона)³⁹, в 1035–1042 гг. им подражает датский король Хардакнут⁴⁰.

Так же как элементы костюма, оружие и украшения, монеты свидетельствуют о контактах скандинавского Севера с Византией и Русью в целом, не выделяя среди них религиозные. Между тем, выявлено и несколько групп предметов, которые указывают на проникновение христианства, особенно на Готланд и в Восточную Швецию, с востока: это появившиеся в середине X в. нательные крестики определенных типов, энколпионы, паломнические капсулы, пасхальные яйца-писанки и др., причем византийские предметы более или менее равномерно распределяются в Дании и Южной Швеции, тогда как древнерусские сосредоточены на Готланде и в Средней Швеции, прежде всего в Упланде. Это означает, что предметы византийского производства поступали в Скандинавию как через Восточную, так и Западную Европу (Германию)⁴¹. Среди вещей, произведенных в Византии, пришедших на север через Восточную Европу и связанных с христианским культом, выделяются в Дании – т.н. «крест Дагмары» (ок. 1000 г.), на Готланде – статуэтка иконка и золотой нательный крестик с греческой надписью «Да поможет Бог носителю [этого креста]» – вещи безусловно, элитного характера, а также более примитивные: вырезанная из серебра голова святого или Христа, фрагмент энколпиона с изображением Богоматери; в Средней Швеции – крестики из крученой золотой проволоки и др.⁴² Древнерусские импорты представлены киевскими яйцами-писанками XI в. (четыре на Готланде, несколько в Сигтуне и Лунде)⁴³, распространенными по всей Руси бронзовыми энколпионами с чернью и др.⁴⁴ Наиболее богата русско-византийскими находками культовых предметов Сигтуна, основанная в 970-е гг. и в XI в. ставшая важнейшим церковным и торгово-ремесленным центром Упланда. Здесь обнаружено шесть крестиков различных древнерусских типов, створка бронзового триптиха, шесть гребней из слоновой кости, вероятно, византийского производства, большое количество византийского стекла и керамики, в том числе глазурованные сосуды, амфоры и др.⁴⁵ Предме-

³⁹ Jansson 2005. S. 38.

⁴⁰ Tusindtallets Danske Mønter... S. 78. Fig. 29.

⁴¹ Jansson 2005. S. 69.

⁴² Duczko 1997. P. 291–311.

⁴³ Jansson 2005. S. 68.

⁴⁴ Duczko 1997. P. 302–307.

⁴⁵ Roslund 1999. S. 325–388.

ты христианского культа из Руси и Византии пользовались такой популярностью, что северные мастера создавали многочисленные подражания им. Имитировались крестики с изображениями святых, некоторые энколпионы с чернью (например, из позолоченного серебра изклада в Старой Упсале XII в.), другие предметы⁴⁶. В середине XI в. крестики византийского типа отливались в Тронхейме (Норвегия)⁴⁷.

Обзор надежно определяемых археологических материалов⁴⁸ свидетельствует, что проникновение в Среднюю Швецию и на о. Готланд византийских и восточноевропейских предметов, связанных с христианским культом, начинается уже в первой половине X в., достигая пика на рубеже X и XI вв., когда идет активная христианизация страны. Если древнейшие из находок единичны, вероятно, вывезены из Византии или Руси скандинавами-язычниками и еще не отражают восточнохристианские влияния в Скандинавии, то со второй половины X в., особенно в начале XI в., их число возрастает настолько, что оно позволило В. Дучко и Й. Штекеру полагать, что в Сигтуне (а не исключено, что и вообще в Средней Швеции) более или менее постоянно жили выходцы из Руси и, возможно, русские священнослужители⁴⁹.

Сколь ни важны археологические и нумизматические материалы, наиболее показательны, с моей точки зрения, формирование в Скандинавии образа Византии как источника христианства, основы которого были заложены уже на рубеже X–XI вв. в скальдической поэзии. Недавно крестившийся Торарин Славослов, прославляя датского и английского короля Кнута Великого (ум. 1035 г.), уподобляет его Христу, покровителю греков: «Кнут защищает [свою] землю, как хранитель небесного царства [Христос] – Грикланд» (*Knútr verr grund sem getir / Griklands himinriki*)⁵⁰. Арнор Скальд Ярлов (вторая–третья четверти XI в.) в «Поминальной драпе», посвященной смерти Харальда Сурового Правителя (ум. 1066), называет Христа «доблестным защитником греков и Гарды [=Руси]» (*snjallan Grikkja vörðr ok Garða*)⁵¹. Эти скальды, жившие в период принятия христианства, подчеркивая особую связь Христа с Римом, Византией и Русью, очевидно, отражают уже сложившееся представление об этих странах как центрах распространения христианства на севере. Такое восприятие Византии основывалось не только на воспоминаниях о деятельности варягов в X в., но и на совре-

⁴⁶ Duczko 1997. P. 302.

⁴⁷ Bergquist 1989. Fig. 43.

⁴⁸ Критический обзор см.: Fuglesang 1997. P. 35–57; Duczko 1997. P. 291–311.

⁴⁹ Duczko 1997. P. 307; Staecker 1999. S. 382–388.

⁵⁰ Finnur Jónsson 1915. S. 298.

⁵¹ Finnur Jónsson 1915. S. 326.

менных скальдам событиях. 32 мемориальные стелы из Швеции (памятников аналогичного содержания в Дании и Норвегии нет), прославляют людей, побывавших в Византии⁵². Три рунические надписи XI в. из храма св. Софии в Константинополе⁵³, вероятно, принадлежали императорским гвардейцам, которым во время богослужений полагалось находиться на хорах храма. В XI в. появляется новый тип путешественников, путь которых также лежал через Русь и Византию, – это паломники в Святую Землю. Первые описания паломничеств, в т.ч. и в Константинополь, относятся к XII в.⁵⁴, но уже в трех рунических надписях XI в. упоминается Иерусалим⁵⁵. Несмотря на очевидные опасности пути – в надписи из Бробю (Упланд) сообщается, что некий Эйстейн «направлялся в Иерусалим и умер далеко в греках», а памятник из Стэкета (Упланд) установлен Ингирунн в память о ней самой, поскольку она собралась в поездку в Иерусалим⁵⁶, – паломничества были важным источником знакомства скандинавов с восточным христианством.

Не бесспорно, но вероятно византийское происхождение распространенной на рунических камнях конца X–XI в. инвокации «Бог и Божья мать да помогут его душе». Культ Девы Марии как Богоматери (*teotokos*), утвержденный Эфесским синодом в 413 г., был воспринят в Византии, но не в Риме, где она выступала прежде всего как Приснодева (*simper virgo*; определение принято на Пятом Вселенском Соборе 553 г.)⁵⁷. Да и вообще ее культ в это время был значительно более распространен в восточном христианстве, нежели в западном.

Наконец, в исландских родовых и королевских сагах, записанных в конце XII–XIII в., но основанных на устной традиции о событиях X и XI вв., содержится множество рассказов о поездках норвежцев и исландцев в Византию, прежде всего, об их службе в гвардии или полевом войске византийских императоров. Однако прямых упоминаний о крещении скандинавов в Византии или на Руси в них нет – за исключением одного сюжета, связанного с именем Олава Трюгвасона. Все саги, посвященные ему⁵⁸, рассказывают о том, что будущий норвежский конунг воспитывался при дворе Владимира Святославича, в юности служил в его войске, после чего отправился на запад, крестился в Англии, завоевал Норвегию, а в 1000 г. погиб в борьбе со шведским и датским правителями. Лишь в одной из них, но наиболее ранней – переводе

⁵² Мельникова 2001 б. Passim.

⁵³ Там же. А-Приложение. 1–2. С. 258–259. Публикацию третьей надписи см.: Мельникова 2013. С. 521–529.

⁵⁴ Мельникова 2001 а. С. 363–436.

⁵⁵ Мельникова 2001 б. Б-III.4.7, Б-III.7.20, Б-Приложение 1.2.

⁵⁶ Там же. Б-Приложение 1.2. С. 258–259; Б-III.7.20. С. 332–334.

⁵⁷ Hallencreutz 1997. P. 338.

⁵⁸ См.: Джаксон 2012. С. 123–228.

на древнеисландский язык латиноязычного жизнеописания Олава, написанного монахом Оддом в последние десятилетия XII в., излагается история крещения Олава в Византии и обращения в христианство Владимира и его жены Алогии привезенным им из Византии «епископом»⁵⁹. Историческая достоверность рассказа о крещении Олава в Византии не может быть верифицирована, но нет и прямых аргументов, опровергающих ее. Крещение Олава на «островах Силли» (в Англии), казалось бы, противоречащее сообщению Одда, в действительности отнюдь не может служить доказательством вымышленности этого сюжета – хорошо известны многочисленные случаи повторного (а подчас и многократного) крещения викингов. Вместе с тем, нельзя исключить и возможность возникновения сюжета о крещении Олава в Византии и, тем более, его сохранения в устной традиции под влиянием представлений о Византии как источнике распространения христианства в Скандинавии, а также сложившегося в Норвегии и Исландии образа Олава как крестителя этих стран⁶⁰. В пользу такого предположения говорит отсутствие упоминаний в древнескандинавской литературе о посещении Олавом Византии: в источниках речь идет о его пребывании только на Руси. Наиболее вероятным представляется предположение, что даже если Олав действительно принял крещение во время его пребывания у Владимира, то произошло это на Руси – перенос же действия в Византию (если не весь этот рассказ) был связан со стереотипным образом империи ромеев. Критический анализ сообщения саги показал, что доминирование в ней версии о крещении Олава в Англии, и, вероятно, отсутствие упоминаний о событиях, связанных с проникновением восточного христианства в других сагах, могло быть результатом «про-гамбургской» тенденциозности их авторов⁶¹, но эти события отразились в формировании мотива о приобщении викинга к христианству на востоке.

В скандинавском образе Византии, подробно разработанном в родовых и королевских сагах, безусловно, доминирует представление о ней как стране, где отважный воин приобретет своей службой почести и богатство. Заказчики рунических стел восхваляют своего сородича за привезенные из Византии сокровища, а рассказ о полученном Харальдом Сигурдасоном богатстве во время службы в Византии составляет в сагах отдельный мотив⁶². В сагах красочно описываются предметы, вывезенные из Византии: плащи, оружие, украшения. Саги приписывают своим героям непосредственную близость к императору, его особое

⁵⁹ Там же. С. 136–137, 149–150 (текст), 145–146. 153–154 (перевод), 210–214 (комментарий).

⁶⁰ Jackson 1994. P. 1–17; Джаксон 2000. С. 46–48; Успенский 2002. С. 391–400.

⁶¹ Хагланд 2004. С. 259–286.

⁶² Джаксон 2012. С. 481–483; Джаксон 2000. С. 149–154.

расположение к скандинавским воинам, награждение их самим василевсом ценными дарами и т.д.⁶³

Образ Византии – источника христианства наиболее отчетливо проявляется в «викингских сагах» и «сагах о путешественниках», что особенно показательно. «Викингские саги» были записаны (и, вероятно, сложились) позднее королевских и родовых, по преимуществу в конце XIII–XIV в., но рассказывают о событиях X – начала XI в. Их отличает целевая установка на развлечение аудитории, а не сообщение «истории», как королевские и родовые саги. Поэтому повествования о деяниях викингов насыщены эпическими мотивами и образами, за которыми с трудом и лишь иногда узнается историческое ядро повествования⁶⁴. Однако именно в силу своей традиционности и необходимой по природе жанра узнаваемости сюжетов и типов персонажей эти саги являются превосходным источником для выявления культурных стереотипов, господствовавших в исландском обществе XIII–XIV вв.

Именно в этом круге саг возникает и развивается концепт, удачно названный Г.В. Глазыриной «путь на восток – путь к христианству». Действительно, сюжеты таких саг, как «Сага об Одде Стреле» и «Сага об Ингваре», посвященных приключениям викингов «на востоке», осмысляются авторами-христианами XIII–XIV вв. как постепенное, в ходе путешествий по разным странам, приближение героя к постижению истины – христианской веры. После долгих странствий Одд принимает христианство в Византии и становится конунгом Гардарики⁶⁵. «Сага об Ингваре», посвященная крупномасштабному походу шведов на Русь, вероятно отправленных шведским конунгом в помощь Ярославу Мудрому, не упоминает о приобщении самого Ингвара к христианству (в саге лишь подчеркивается – как и в случае с Оддом – его неприятие языческих обычаев), но результатом его поездки становится крещение народов по «восточному пути».

Связь между приобщением скандинавов к христианству и Византией мы находим и в особой подгруппе «викингских саг» – «сагах о путешественниках»⁶⁶ Торвальде Кодранссоне и Эйреке, первая из которых

⁶³ Обзор см.: Damico 1995. С. 108–117; 1996. С. 199–214.

⁶⁴ Некоторые из героев саг, напр., Рагнар Кожаные Штаны, Хрольв/Роллон, известны также по таким источникам, как Англо-Саксонская хроника, франкские анналы и т.п.; участником похода шведского хёвдинга Ингвара посвящено более 20 рунических стел из Средней Швеции. – Mitchell. 1991; Глазырина. 2013. С. 435–442.

⁶⁵ *Ótvar-Odds saga*... С Оддом связан сюжет смерти героя от укуса змеи, выползшей из черепа коня, тот же самый, который в «Повести временных лет» соединен с именем князя Олега. Можно предполагать, что к образу Одда, героя ряда сюжетов, были привязаны мотивы дружинных сказаний об Олеге, перенесенные в Скандинавию вернувшимися на родину варягами. – Мельникова 2005 б. С. 95–108.

⁶⁶ Глазырина 2006. С. 26–32; 2010. С. 384–404.

возникла не позднее начала XIII, а, возможно, и в конце XII в.⁶⁷ В них герои также совершают дальние путешествия в поисках истинной веры и обретают ее в Миклагарде-Константинополе. Завершает свой жизненный путь Торвальд на Руси, основав монастырь около Полоцка (?)⁶⁸.

Таким образом, в сагах прослеживается существование в Исландии XII–XIV вв. устойчивого стереотипа: Византия является источником христианства для скандинавов. Он приобретает особое значение в отсутствие аналогичного стереотипа применительно к Англии и даже Германии – основным центрам миссионерской деятельности в Скандинавии. На протяжении менее 50 лет после первоначального расселения в Англии (870–880-е гг.) скандинавские поселенцы были крещены, они сохраняли тесные связи с родиной и через них в Скандинавию интенсивно поступали культурные импульсы: не случайно в материальной культуре Скандинавии отмечаются многочисленные англо-ирландские заимствования. В сагах, с одной стороны, и во франкских и английских хрониках и анналах, с другой, неоднократно упоминается крещение викингов, иногда коллективное (как, например, принятие христианства в 826 или 827 г. Харальдом Клаком и его дружиной, состоявшей из 400 чел.). Очевидно, что на западе скандинавы весьма активно знакомились с христианством, вероятно, более активно, нежели на востоке, если учесть, что до конца 980-х гг. Русь оставалась языческой. И тем не менее, именно и только Византия приобретает в сознании скандинавов (в первую очередь, исландцев) образ источника христианства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бибиков М.В. Византийские источники. М.: «Русский фонд содействия образованию и науке», 2010. (Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова).
- Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Васильевский В.Г. Труды. Пг.: Изд. Имп. Академии наук, 1915 а. Т. 3. С. 176–376.
- Васильевский В.Г. Житие св. Георгия Амастридского (тексты греческий и русский) // Васильевский В.Г. Труды. Пг.: Издание Имп. Академии наук, 1915 б. Т. 3. С. 1–71.
- Глазырина Г.В. «Ингвар будет полагаться на веру тех, кого он ведет к Богу» («Сага об Ингваре» о походе по большой реке) // Восточная Европа в древности и средневековье. XI Чтения памяти В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 151–158.
- Глазырина Г.В. В поисках рая: пространство в «Саге об Эйреке Путешественнике» // Восточная Европа в древности и средневековье. XVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 26–32.
- Глазырина Г.В. О генеалогии исландца Торвальда, странствовавшего на Русь в X веке // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 г.: Генеалогия как форма исторической памяти. М.: «Русский фонд содействия образованию и науке», 2004. С. 87–94.
- Глазырина Г.В. От язычества к истинной вере: Путь главного героя древнеисландской Саги об Одде Стреле // Церковная археология: Мат-лы Первой Всероссийской конф. СПб.; Псков, 1995. Ч. 1: Распространение христианства в Восточной Европе. С. 85–87.

⁶⁷ Глазырина 2004. С. 87–94.

⁶⁸ Глазырина, Джаксон 1987. С. 101–106.

- Глазырина Г.В. Путь на восток — путь к христианскому спасению. Сюжеты исландских саг о скандинавах-путешественниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 г. М.: «Русский фонд содействия образованию и науке», 2010. С. 384–404.
- Глазырина Г.В. Saga об Ингваре Путешественнике. М.: «Восточная литература», 2002. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Глазырина Г.В. Саги о древних временах // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: «Русский фонд содействия образованию и науке», 2013. С. 462–468.
- Глазырина Г.В. Странствующие миссионеры // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 г. М.: «Русский фонд содействия образованию и науке», 2018. С. 231–238.
- Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1987. С. 101–106.
- Джаксон Т.Н. Var þat svá mikít fé, at engi maðr noðr í lönd hafði sét í eins mannseigu: О природе исторической памяти в исландских королевских сагах // Восточная Европа в древности и средневековье. XII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 149–154.
- Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М.: «Русский фонд содействия образованию и науке», 2012. (Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы).
- Джаксон Т.Н. Норвежский конунг Олав Трюгвасон – «апостол русских»? (Источниковедческие заметки) // Славяноведение. 2000. № 4. С. 46–48.
- Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. 2015. С. 34–85. URL: <http://gnezdovo.com/wp-content/uploads/2015/11/32491088.pdf>
- Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год. М.: «Восточная литература», 2003. С. 5–172.
- Лавр. – Полное собрание русских летописей. М.: «Языки славянской культуры», 2001. Т. I: Лаврентьевская летопись.
- Лукин П.В. Сказание о варягах мучениках в Начальном летописании и Прологе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 73–96.
- Мельникова Е.А. Византия в скандинавских рунических надписях // Византийский вестник. 2005 а. Т. 64. С. 160–162.
- Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. М.: «Наука», 1984. С. 62–75.
- Мельникова Е.А. Древнескандинавские итинерарии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. М.: «Восточная литература», 2001 а. С. 363–436.
- Мельникова Е.А. Новая скандинавская руническая надпись из собора св. Софии в Константинополе // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М.: «Русский фонд содействия образованию и науке», 2013. С. 521–529.
- Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М.: «Восточная литература», 2001 б. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Мельникова Е.А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Шапову. М.: «Паломнический центр Московского Патриархата», 2005 б. С. 95–108.
- Назаренко А.В. «Король их именуется хаканом, а народ называется рос...»: «Бертинские анналы» // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: «Русский фонд содействия образованию и науке», 2013. С. 277–278.
- Назаренко А.В. Западноевропейские источники. М.: «Русский фонд содействия образованию и науке», 2010. (Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Т. IV).

- Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М.: «Языки славянских культур», 2008.
- Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: «Наука», 1980.
- Успенский Ф.Б. К анализу древнескандинавских представлений о крещении Руси – конунг Олав Трюгвасон как «апостол норманнов» в саге монаха Олда // Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М.: «Языки славянской культуры», 2002. С. 391–400.
- Хагланд Я.-Р. Христианизация Норвегии и возможные влияния восточных церквей // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 г.: Генеалогия как форма исторической памяти. М.: «Восточная литература», 2004. С. 259–286.

REFERENCES

- Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Hrsg. B. Schmeidler. Hamburg und Leipzig, Hahn, 1917 (MGH. Scriptores rerum Germanicarum).
- Annales de Saint-Bertin / Ed. F. Grat et al. P.: C. Klincksieck, 1964.
- Bergquist U. Gjutning och smide: Metallhantverkets utveckling i Trondheim ca 1000 – ca 1350. Trondheim: Riksantikvaren, 1989.
- Beskow P. Byzantine Influence in the Conversion of the Baltic Region? // The Cross Goes North: Processes of Conversion in Northern Europe AD 300–1300 / Ed. M. Carver. Woodbridge: Boydell Press, 2005. P. 559–563.
- Bibikov M.V. Vizantijskie istochniki. M.: «Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke», 2010. (Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. II / Pod red. T.N. Dzhakson, I.G. Kononovoj, A.V. Podosinova).
- Blöndal S., Benediktz B.S. The Varangians of Byzantium. Cambridge: C.U.P., 1978.
- Brink St. Christianization and the Emergence of the Church in Scandinavia // The Viking World / Ed. St. Brink in collab. with N. Price. Abington: Routledge, 2008. P. 621–628.
- Carver M. Introduction: Northern Europeans Negotiate their Future // The Cross Goes North: Processes of Conversion in Northern Europe AD 300–1300 / Ed. M. Carver. Woodbridge: Boydell Press, 2005. P. 3–14.
- Damico H. The Voyage to Byzantium: the Evidence of the Sagas // Византийский временник. 1995. Т. 56. С. 108–117; 1996. Т. 57. С. 199–214.
- Duczko W. Bysantine Presence in Viking Age Sweden: Archaeological Finds and their Interpretation // Rom and Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts / Hrsg. von M. Müller-Wille. Stuttgart: Steiner, 1997. Bd. I. P. 291–311.
- Eniosova N.V., Pushkina T.A. Nahodki vizantijskogo proiskhozhdeniya iz rannegorodskogo centra Gnezdovo v svete kontaktov mezhdru Rus'yu i Konstantinopolem v H v. // Sugdejskij sbornik. 2015. S. 34–85. <http://gnezdovo.com/wp-content/uploads/2015/11/32491088.pdf>
- Finnestad R.B. The Study of the Christianization of the Nordic Countries. Stockholm, 1990.
- Finnur Jónsson. Den norsk-islandske skjaldedigtning. København: Gyldendal, 1915. B. BI.
- Från Bysans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid / Red. H. Jansson. Malmö: Artos, 2005.
- Fuglesang S.H. A Critical Survey of Theories on Byzantine Influence in Scandinavia // Rom and Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts / Hrsg. von M. Müller-Wille. Stuttgart: Steiner, 1997. Bd. I. P. 35–57.
- Glazyrina G.V. «Ingvar budet polagat'sya na veru tekhn, kogo nu vedet k Bogu» («Saga ob Ingvare» o pohode po bol'shoj reke) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XI CHteniya pamyati V.T. Pashuto. M.: IVIRAN, 1999. S. 151–158.
- Glazyrina G.V. Dragon Motifs in Yngvars saga víðförla // The Fantastic in Old Norse/Icelandic Literature. Sagas and the British Isles. Preprint Papers of the 13th International Saga Conference. Durham and York, 6th–12th August, 2006 / Ed. J. McKinnell, D. Ashurst and D. Kick. Durham: Durham University Press, 2006. Vol. I. P. 288–293.
- Glazyrina G.V. Saga ob Ingvare Puteshestvennike. M.: «Vostochnaya literatura», 2002. (Drevnejshie istochniki po istorii Vostochnoj Evropy).

- Glazyrina G.V. O genealogii islandca Torval'da, stranstvovavshego na Rus' v X veke // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2002 g.: Genealogiya kak forma istoricheskoy pamyati. M.: «Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke», 2004. S. 87–94.
- Glazyrina G.V. Ot yazychestva k istinnoj vere: Put' glavnogo geroya drevneislandskoj Sagi ob Odde Strele // Cerkovnaya arheologiya: Mat-ly Pervoj Vserossijskoj konf. SPb.; Pskov, 1995. CH. 1: Rasprostranenie hristianstva v Vostochnoj Evrope. S. 85–87.
- Glazyrina G.V. Put' na vostok — put' k hristianskomu spaseniyu. Syuzhety islandskih sag o skandinavah-puteshestvennikah // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2009 g. M.: «Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke», 2010. S. 384–404.
- Glazyrina G.V. Sagi o drevnih vremenah // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov / Pod red. E.A. Mel'nikovoj. M.: «Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke», 2013. S. 462–468.
- Glazyrina G.V. Stranstvuyushchie missionary // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2016 g. M.: «Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke», 2018. S. 231–238.
- Glazyrina G.V. V poiskah raya: prostranstvo v «Sage ob EHjreke Puteshestvennike» // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XVIII CHteniya pamyati V.T. Pashuto. M.: IVI RAN, 2006. S. 26–32.
- Glazyrina G.V., Jackson T.N. Drevnerusskie goroda v drevneskandinavskoj pis'mennosti. M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1987. S. 101–106.
- Hägglund I. Birkas orientalska praktplagg // Fornvännen. 1983. Årg. 78. S. 204–223.
- Hagland J.-R. Hristianizaciya Norvegii i vozmozhnye vliyaniya vostochnyh cerkvej // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2002 g.: Genealogiya kak forma istoricheskoy pamyati. M.: «Vostochnaya literatura», 2004. S. 259–286.
- Hallencreutz C.F. What Do the Runic Stones and Adam Tell us about Byzantine Influences? // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts / Hrsg. v. M. Müller-Wille. Stuttgart: Steiner, 1997. Bd. I. P. 331–340.
- Hammarberg I., Malmer B., Zachrisson T. Byzantine Coins Found in Sweden. Stockholm; London: Gotab, 1989. (Commentationes de Nummis Saeculorum IX–XI in Suecia reperitis. Nova Series. T. 2).
- Hellström J.A. Vågar till Sveriges kristnande. Stockholm: Atlantis, 1996.
- Jackson T. The Role of Óláfr Tryggvason in the Conversion of Russia // Three Studies on Vikings and Christianization / Ed. M. Rindal. Oslo, 1994. P. 1–17.
- Jackson T.N. Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoj Evrope. Teksty, perevod, kommentarij. M.: «Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke», 2012. (Drevnejshie istochniki po istorii narodov Vostochnoj Evropy).
- Jackson T.N. Norvezhskij konung Olav Tryggvason – «apostol russkih»? (Istochnikovedcheskie zametki) // Slavyanovedenie. 2000. № 4. S. 46–48.
- Jackson T.N. Var þat svá mikit fé, at engi maðr norðr í lönd hafði sét í eins mannseigu: O prirode istoricheskoy pamyati v islandskih korolevskih sagah // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XII CHteniya pamyati V.T. Pashuto. M.: IVI RAN, 2000. S. 149–154.
- Jansson I. Situationen i Norden och Östeuropa för 1000 år sedan – en arkeologs synpunkter på frågan om östkristna inflytanden under missionstiden // Från Byzans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid / Red. H. Janson. Malmö: Artos, 2005. S. 37–96.
- Jensen St. Ribe zur Wikingerzeit. Ribe, 1991.
- Jón Hnefill Áðalsteinnsson. Under the Cloak. The Acceptance of Christianity in Iceland with Particular Reference to the Religious Attitudes Prevailing at the Time. Uppsala: Uppsala universitet, 1978.
- Jørgensen L. Manor and Market at Lake Tissø in the Sixth to Eleventh Centuries: the Danish 'Productive' Sites // Markets in Early Medieval Europe. Trading and 'Productive' Sites, 650–850 / Ed. T. Pestell, K. Ulmschneider. Macclesfield: Windgather, 2008. P. 175–207.
- Kristnandet i Sverige. Gamla källor och nya perspektiv / Red. B. Nilsson. Uppsala: Lunne böcker, 1997.
- Kromann A. Mønterne fra Byzanz // Bysans och Norden. Akta för Nordiska forskarkursen i bysantinsk konstavetenskap 1986 / Red. E. Piltz. Uppsala: Uppsala universitet, 1989. S. 81–90.

- Kuzenkov P.V. *Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah* // *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2000 god. M.: «Vostochnaya literatura», 2003. S. 5–172.
- Laurent V. *Ein byzantinisches Bleisiegel aus Haithabu* // *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu*. Neumünster: Karl Wachholtz, 1978. Bd. 12. S. 36–40.
- Lavr. – *Polnoe sobranie russkikh letopisej*. M.: «Yazyki slavyanskoj kul'tury», 2001. T. I: *Lavrent'evskaya letopis'*.
- Lukin P.V. *Skazanie o varyagah muchenikah v Nachal'nom letopisanii i Prologe* // *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*. 2008. № 3 (33). S. 73–96.
- Mango C. *Eudokia Ingerina, the Normans and the Macedonian Dynasty* // *Zbornik radova bizantoloskog instituta*. Beograd, 1973. Vol. XIV/XV. P. 17–27.
- Melnikova E. *Varangians and the Advance of Christianity to Rus in the Ninth and Tenth Centuries* // *Från Bysans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid* / Red. H. Janson. Malmö: Artos, 2005. P. 97–138.
- Melnikova E.A. *Drevnerusskie leksicheskie zaimstvovaniya v shvedskom yazyke* // *Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR*. 1982 g. M.: «Nauka», 1984. S. 62–75.
- Melnikova E.A. *Drevneskandinavskie itinerarii* // *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 1999 god. M.: «Vostochnaya literatura», 2001 a. S. 363–436.
- Melnikova E.A. *Novaya skandinavskaya runicheskaya nadpis' iz sobora sv. Sofii v Konstantinopole* // *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2011 g.: *Ustnaya tradiciya v pis'mennom tekste*. M.: «Russkij fond sodejstviya obrazovaniju i nauke», 2013. S. 521–529.
- Melnikova E.A. *Skandinavskie runicheskie nadpisi*. *Novye nahodki i interpretacii*. M.: «Vostochnaya literatura», 2001 b. (*Drevnejšie istochniki po istorii Vostochnoj Evropy*).
- Melnikova E.A. *Syuzhet smerti geroya «ot konya» v drevnerusskoj i drevneskandinavskoj tradiciyah* // *Ot Drevnej Rusi k novoj Rossii*. *YUbilejnij sbornik, posvyashchennyj chленu-korrespondentu RAN Ya.N. Shchapovu*. M.: «Palomnicheskij centr Moskovskogo Patriarhata», 2005 b. S. 95–108.
- Melnikova E.A. *Vizantiya v skandinavskih runicheskikh nadpisyah* // *Vizantijskij vremennik*. 2005 a. T. 64. S. 160–162.
- Mitchell S.A. *Heroic Sagas and Ballads*. Ithaca: Cornell University Press, 1991.
- Müller-Wille M. *Relations between Byzantium and the North in the Light of Archaeology. Some Concluding Remarks* // *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts* / Hrsg. M. Müller-Wille. Mainz; Stuttgart: Steiner, 1997. Bd. I. P. 405–422.
- Nazarenko A.V. «*Korol' ih imenuetsya hakanom, a narod nazyvaetsya ros...*»: «*Bertinskie annaly*» // *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istočnikov* / Pod red. E.A. Melnikovoj. M.: «Russkij fond sodejstviya obrazovaniju i nauke», 2013. S. 277–278.
- Nazarenko A.V. *Zapadnoevropejskie istochniki*. M.: «Russkij fond sodejstviya obrazovaniju i nauke», 2010. (*Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istočnikov*. *Hrestomatiya* / Pod red. T.N. Dzhakson, I.G. Konovalovoj, A.V. Podosinova. T. IV).
- Nordens kristnande i europeiskt perspektiv. *Tre uppsatser av P. Beskow och R. Staats*. Skara: Viktoria, 1994.
- Örvar-Odds saga / Hrsg. R.C. Boer. Leiden: Brill, 1888.
- Rom und Byzanz im Norden. *Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts* / Hrsg. von M. Müller-Wille. Stuttgart: Steiner, 1997–1999. Bd. I–II.
- Roslund M. *Brosamen vom Tische des Reiches: Byzantinische Funde aus Lund und Sigtuna (ca. 980–1250)* // *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts* / Hrsg. von M. Müller-Wille. Stuttgart: Steiner, 1999. Bd. II. S. 325–388.
- Rybakov V.V. *Hronika Adama Bremenskogo i pervye hristianskie missionery v Skandinavii*. M.: «Yazyki slavyanskih kul'tur», 2008.
- Sawyer B. *Scandinavian Conversion Histories* // *The Christianization of Scandinavia* / Ed. B. Sawyer, P. Sawyer, I. Wood. Ålingsås: Viktoria, 1987. P. 88–110.
- Scheel R. *Skandinavien und Byzanz. Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. Theil 1.

- Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm: Papers given at the 9th Spring Symposium of Byzantine Studies. Birmingham: Un-ty of Birmingham, 1975. P. 113–131.
- Shepard J. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? // Early Medieval Europe. 1995. Vol. 4. P. 41–60.
- Sjöberg A. Orthodoxe Mission in Schweden im 11. Jahrhundert? // Acta Visbyensia. Visby: Gotlands fornsal, 1985. T. VII: Society and Trade in the Baltic during the Viking Age / Red. S.-O. Lindquist, B. Radhe. S. 69–78.
- Snorri Sturluson. Krug Zemnoj / Izdanie podgotovili A.Ya. Gurevich, Yu.K. Kuz'menko, O.A. Smirnitskaya, M.I. Steblin-Kamenskij. M.: «Nauka», 1980.
- Staats R. v. Missionsgeschichte Nordeuropas. Eine geistesgeschichtliche Einleitung // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts / Hrsg. von M. Müller-Wille. Stuttgart: Steiner, 1997. Bd. I. S. 9–33.
- Staecker J. Rex regum et dominus dominorum. Die Wikingerzeitlichen Kreuz- und Kreuzfihanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänmark und Schweden. (Lund Studies in Medieval Archaeology, 23). Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1999. S. 382–388.
- The Cross Goes North: Processes of Conversion in Northern Europe AD 300–1300 / Ed. M. Carver. Woodbridge: Boydell Press, 2005.
- The Viking World / Ed. St. Brink in collaboration with N. Price. Abington: Routledge, 2008.
- Tusindtallets Danske Mønter fra Den Kongelige Mønt og Medaillesamling / Red. J. Steen Jensen. København: Nationalmuseet, 1995.
- Uspenskij F.B. K analizu drevneskandinavskih predstavlenij o kreshchenii Rusi – konung Olav Tryggvason kak «apostol normannov» v sage monaha Odda // Uspenskij F.B. Skandinavij. Varyagi. Rus'. Istoriko-filologicheskie ocherki. M.: «Yazyki slavyanskoj kul'tury», 2002. S. 391–400.
- Vasil'evskij V.G. Varyago-russkaya i varyago-anglijskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vekov // Vasil'evskij V.G. Trudy. Pg.: Izdanie Imp. Akademii nauk, 1915 a. T. 3. S. 176–376.
- Vasil'evskij V.G. Zhitie sv. Georgiya Amastridskogo (teksty grecheskij i russkij) // Vasil'evskij V.G. Trudy. Pg.: Izdanie Imp. Akademii nauk, 1915 b. T. 3. S. 1–71.
- Vita Anskarii auctore Rimberto / Rec. G. Waitz. Hannover, 1884 (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum).

Мельникова Елена Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; melnikova_2002@mail.ru

“The Road East – the Road to Christianity”

Rus' and Byzantium in the Christianization of medieval Scandinavia

Recent studies of the processes of Christianization in Scandinavia are dominated by the notion that the leading roles were played by missionary activities of Hamburg-Bremen archbishopric and by the baptism of local rulers. During the ‘latent’ period of Christianization (from the late eighth to tenth centuries), however, a large number of Scandinavians got acquainted with Christianity in the course of expeditions not only to the West but to the East too. Numerous archaeological finds as well as the emergence of an image of Byzantium and Rus’ as a source of Christianity point to a significant role of eastern connections in the penetration of the new faith to the North, first and foremost to Eastern Scandinavia.

Keywords: Christianization, Scandinavian countries, Rus’, Byzantium

Melnikova Elena Aleksandrovna, Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; melnikova_2002@mail.ru

И. Г. Коновалова

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В СИСТЕМЕ ЛОКАЛЬНЫХ И ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ ПУТЕЙ XII ВЕКА (ПО ДАННЫМ АЛ-ИДРИСИ)

Статья посвящена рассмотрению сведений о Древней Руси и Восточной Европе в сочинении арабского географа XII в. ал-Идриси. Применявшиеся ал-Идриси способы пространственного конструирования определялись характером находившейся в его распоряжении информации о Восточной Европе, а также композиционными рамками сочинения. Сочетание маршрутного характера информации о регионе, с одной стороны, и группировки материала по климатам и секциям, а внутри них по странам — с другой, привело к тому, что Древняя Русь и другие государства Восточной Европы охарактеризованы ал-Идриси в прямой зависимости от той роли, какую они играли в системе локальных и трансконтинентальных путей Евразии.

Ключевые слова: *Древняя Русь, Восточная Европа, ал-Идриси, маршрутные данные, локальные и трансконтинентальные пути, пространственное конструирование*

Проблематизация понятия пространства, вызванная «пространственным поворотом» в гуманитарных науках¹, заставила посмотреть на средневековые географические тексты и карты под новым углом зрения и рассматривать их не только как источники «позитивного знания» о географиях прошлого, но как авторские конструкции той или иной части мирового пространства². Стало ясно, что, даже заимствуя материал у своих предшественников, средневековый географ создавал «свое» индивидуальное пространство, субъективно считая его реальным.

Средневековые авторы использовали множество способов презентации географической информации в зависимости от задач своих сочинения и от выбранного ими масштаба – всемирного, регионального или странового. Благодаря этому в средневековой географии появились сочинения разных жанров. Наиболее разнообразной в жанровом отношении была средневековая арабо-персидская география – одна из наиболее значительных традиций землеописания как по объему собранных сведений, так и по форме их представления. Так, в арабо-персидской географической литературе сформировались жанры, представленные «книгами путей и государств», «книгами стран», «книгами чудес», космографиями, энциклопедиями, словарями и т.п.³ Границы между жан-

¹ Soja 1988. Эта новаторская монография стимулировала появление множества других исследований, к примеру: Thinking Space...; Kitchin, Blades 2001; Goodchild, Janelle 2010; Смирнягин 2016.

² См. обобщающие работ на эту тему: Geography and Ethnography...; Джаксон, Коновалова, Подосинов 2013; Джаксон, Коновалова, Подосинов, Фролов 2017.

³ Общий обзор арабской географии см.: Крачковский. 1957.

рами были подвижными, чему немало способствовало использование разными авторами сходных приемов описания. Одним из наиболее распространенных способов характеристики того или иного пространства в арабо-персидской географии были маршрутные данные. В ряде случаев сведения о маршрутах, связывавших между собой города и страны, становились структурной основой сочинений, тем самым выделяя последние в жанровом отношении в особую группу.

Хронологически первый тип географического описания с использованием маршрутных данных был разработан в середине IX в. Ибн Хордадбехом, автором «Книги путей и государств»⁴. Предложенный им способ описания был тесно связан с его профессиональной деятельностью в почтовом ведомстве халифата, где он имел доступ к информации о путях сообщения внутри халифата и вне его. Основную часть описания в книге Ибн Хордадбеха занимает перечисление маршрутов, относящихся к территории халифата. Эти сведения изложены в четырех больших разделах, соответствующих четырем сторонам света, где последовательно говорится о путях, которые вели из Багдада – центрального центра повествования – в Среднюю Азию, Индию и Китай, Северную Африку и Испанию, Византию и Закавказье, Аравию. После характеристики маршрутов по Аравийскому полуострову, завершающей описание южных областей Земли, говорится, сколько всего почтовых дорог было на территории халифата. Приводимая автором цифра в 930 дорог как бы подводит итог всему предшествующему изложению, после чего он обращается к новому сюжету – характеристике пересекавших Евразию с запада на восток и с севера на юг трансконтинентальных путей, а затем переходит к заключительному разделу книги – описанию чудес и диковинок Земли⁵. Разработанный Ибн Хордадбехом тип описания, в котором важнейшим инструментом презентации информации были маршрутные данные, оказался очень востребован в арабской географии и положил начало особому жанру географической литературы – «книгам путей и государств», – пережившему расцвет в X в. в работах представителей т.н. «классической школы» арабских географов (ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хаукал)⁶.

Маршрутные данные нередко включались и в произведения иных жанров, где их роль в композиции сочинения была не столь очевидной и, вследствие этого, недооцененной в историографии. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить роль маршрутной информации в структуре описания Древней Руси и Восточной Европы в географиче-

⁴ Ибн Хордадбех. 1986.

⁵ Ibn Khurrādādhbih. 1889. P. 18–155; Ибн Хордадбех. 1986. С. 61–124.

⁶ Крачковский. 1957. С. 194–218.

ческом сочинении крупнейшего представителя средневековой арабской географии и картографии ал-Идриси.

Сочинение ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Kitāb Nuzhat al-Mushtāq fi'khtirāq al-āfāq*), составленное им в 1154 г. по заказу норманнского правителя Сицилии Рожера II (1130–1154), внешне мало напоминает «книги путей и государств». Это иной тип географического описания – зонально-климатического по форме, но насыщенного этногеографическим и историко-культурным содержанием. Центральное место в труде ал-Идриси отводилось не сохранившемуся до наших дней серебряному диску с картой мира, которая содержала не просто генерализованную информацию географического толка, но являлась формой политического дискурса, манифестацией символической власти его венценосного патрона над пространством. Текстовая часть сочинения ал-Идриси представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной прямоугольной картой мира, которая не знает себе равных в средневековой исламской картографии по топонимической насыщенности⁷.

Взяв за основу известное еще со времен античности описание земли по широтным зонам, так называемым «климатам» (араб. *iqīm*), ал-Идриси, однако, отказался от каких бы то ни было астрономических принципов их выделения. Несмотря на то, что, по утверждению некоторых исследователей, на карте ал-Идриси можно обнаружить следы градусной сетки⁸, в описательной части его сочинения нет никаких признаков ее использования. Принимая во внимание огромное количество данных, которыми оперировал ал-Идриси (по подсчетам К. Миллера, на прямоугольную карту нанесено около 2500 наименований, а в тексте сочинения их в два с половиной раза больше), можно сказать, что система климатов использовалась географом прежде всего для упорядочения собранного материала. Не случайно, каждый климат ал-Идриси, в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций (*juz'*), равных по длине и ширине. Соответственно, описание стран и народов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов – по секциям, с запада на восток. Ал-Идриси, по его собственным словам, рассматривал климаты как воображаемые линии на поверхности земли⁹. Весьма вероятно, что такими же воображаемыми линиями он считал и секции, главной функцией которых была привязка данных к соответствующей секционной карте.

⁷ Al-Idrīsī. 1970–1984. В ряде рукописей сочинения ал-Идриси сохранилась и круглая карта мира, куда менее подробная, чем прямоугольная. О сочинении ал-Идриси см.: Крачковский. 1957. С. 281–299.

⁸ Dunlop 1947. P. 115; Kennedy 1986. P. 268; Ducène 2011. S. 271–285.

⁹ Al-Idrīsī. 1970–1984. P. 9.

Однако попытка географа соединить теорию климатов с описательной географией привела к отказу от астрономического принципа выделения климатов и от указания координат при описании и локализации географических объектов. Поэтому хотя группировка материала по климатам создавала иллюзию целостного взгляда на мир, в действительности за внешней климатической оболочкой сочинения ал-Идриси скрывались способы описания, подчинявшиеся собственной логике. Ниже они будут проанализированы на материале описания Восточной Европы (с преимущественным вниманием к описанию Руси)¹⁰. Следует заметить, что, употребляя термин «Восточная Европа» применительно к информации ал-Идриси, мы должны иметь в виду, что данный термин является довольно поздним географическим и идеологическим концептом¹¹, и что географ XII в. знал эту территорию под другими именами.

На пространстве современной Восточной Европы ал-Идриси выделял следующие страны и народы – Русь (*al-Rūsiyya*) в бассейне Днепра и Верхней Волги¹², Волжская Булгария (*al-Bulghāriyya*) на Средней Волге¹³, башкиры (*Basjirt*) в Волго-Уральском регионе¹⁴, куманы (*al-Qumāniyya*) в Северном Причерноморье¹⁵, буртасы (*Burtās*) в нижнем течении Волги¹⁶, хазары (*al-Khazariyya*) на Нижней Волге и на черноморском побережье Северного Кавказа¹⁷, аланы (*al-Lāniyya*) на Северном Кавказе¹⁸, земля тавастов (*Tabast*) и земля эстов (*Astlānda*)¹⁹ в Восточной Прибалтике, язычники-«огнепоклонники» (*al-Majūs*) на юге Восточной Прибалтики и в западных районах Руси²⁰.

Основная информация о Восточной Европе сосредоточена в четвертой, пятой, шестой и седьмой секциях шестого и седьмого климатов сочинения ал-Идриси. Отрывочные данные содержатся также в седьмой секции пятого климата (в составе описания Каспийского моря, народов Северного Кавказа и Нижнего Поволжья), в третьей секции шестого климата (где имеются сведения о некоторых древнерусских городах) и в третьей секции седьмого климата, где упоминается Русь.

Группировка материала по климатам и секциям, с точки зрения самого ал-Идриси, должна была обеспечивать последовательность и

¹⁰ Обзор восточноевропейского материала ал-Идриси см.: Коновалова. 2006.

¹¹ Вульф. 2003.

¹² Al-Idrīsī 1970–1984. P. 12, 899, 903–905, 912, 914, 919, 929, 951, 953, 955, 957, 960.

¹³ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 831, 834, 914, 917, 922–924, 929, 958–959.

¹⁴ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 834, 914, 919, 922–925, 935, 960.

¹⁵ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 905, 909, 913–914, 916, 957–958.

¹⁶ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 834–835, 919–920.

¹⁷ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 12, 828–829, 832–834, 905, 914, 918–920, 929.

¹⁸ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 12, 907, 914–915, 935.

¹⁹ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 953–954.

²⁰ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 953–955.

полноту изложения, позволяя охарактеризовать «город за городом, область за областью, не опуская ни одного сообщения о том, что... достойно упоминания»²¹. Материал каждой секции ал-Идриси стремился изложить, по его словам, «в виде законченного рассказа, согласно правилам глубокого исследования»²². С этой целью в пределах секции все сведения сгруппированы по странам, а саму секцию, как правило, предваряет вводная часть, где географ перечисляет те страны, населенные пункты которых он собирается охарактеризовать в этом разделе своего сочинения. Казалось бы, распределение сведений по секциям должно было обеспечить соответствие между текстовой и картографической частями сочинения. Однако в описательной части трактата ал-Идриси нетрудно заметить многочисленные повторы информации. Так, в пятой секции шестого климата в рассказе о морском пути вдоль северного побережья Черного моря ал-Идриси представляет его как фрагмент маршрута от Константинополя до Тмутаракани, большая часть которого уже была охарактеризована им в предыдущей секции²³. О городах Дунайской Болгарии (*Burjān*) говорится дважды: сначала в развернутом виде – в четвертой секции шестого климата, а затем в виде перечня – в пятой секции того же климата²⁴. Маршруты по Северному Кавказу и Поволжью также повторяются дважды: в седьмой секции пятого климата и в шестой секции шестого климата²⁵. Река Атил (*Athil*) – как целостный географический объект – охарактеризована четырежды в разных секциях: дважды в седьмой секции пятого климата и по одному разу в шестой и восьмой секциях шестого климата²⁶, не говоря уже о многочисленных упоминаниях отдельных участков реки в связи с описанием тех или иных населенных пунктов²⁷.

Еще одна характерная черта текстовой части сочинения ал-Идриси – невнимание к описанию границ между странами и народами²⁸. Эта черта объяснялась в историографии тем, что для ал-Идриси главными пространственными объектами были не столько страны, сколько города, в связи с чем описание стран и регионов в его сочинении давалось через рассказ о населенных пунктах этих территорий²⁹. Исключительная роль

²¹ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 58.

²² Al-Idrīsī 1970–1984. P. 121.

²³ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 896–897, 908–909.

²⁴ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 900–901, 911.

²⁵ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 834–835, 919.

²⁶ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 831, 834–835, 919–920, 928–929.

²⁷ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 12, 832, 916, 924, 960.

²⁸ Единственное исключение для рассматриваемого региона – описание естественно-географических границ Польши в третьей и четвертой секциях шестого климата (Al-Idrīsī 1970–1984. P. 888, 889, 903). На карте границы также отсутствуют.

²⁹ Brauer 1992. P. 84.

городов в структуре описания ал-Идриси, в свою очередь, была тесно связана со спецификой основных источников ал-Идриси. Начиная с работы В. Томашека, в литературе неоднократно обращалось внимание на то, что существенная часть сообщений ал-Идриси о Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе представляла собой маршрутные данные, почерпнутые из различных письменных и устных источников³⁰.

Действительно, описание мира по климатам и секциям служило для ал-Идриси общей рамкой, позволявшей представить мир как целое. Но когда надо было охарактеризовать ту или иную страну, основным способом описания становились маршрутные данные, которые давали сведения о путях, связывавших отдельные пункты, и одновременно содержали информацию о различных географических объектах (морях, реках, озерах, горах), флоре и фауне, полезных ископаемых, местном производстве, условиях жизни, состоянии торговли и т.п.

Текст ал-Идриси построен преимущественно по принципу «описания пути». Так, с композиционной точки зрения, четвертая секция шестого климата включает описание десяти маршрутов по Балканскому полуострову³¹, большую вставку о странах Центральной Европы, где также представлена информация о нескольких маршрутах³², а ее заключительная часть посвящена городам Юго-Западной Руси, которая также состоит из описания путей³³. В пятой секции шестого климата помещены подробные описания пяти маршрутов³⁴. В шестой секции шестого климата представлен рассказ о трех протяженных маршрутах, полный этнографических деталей³⁵. Четвертая секция седьмого климата включает пять маршрутов³⁶, шестая секция того же климата – один маршрут³⁷. Лишь пятая секция седьмого климата, очень небольшая по своему объему, не содержит маршрутных данных³⁸.

Маршрутные данные основаны прежде всего на устной информации, отражающей эгоцентрическую систему пространственной ориентации, в которой местонахождение объектов определяется по отношению к воспринимаемому субъекту, неподвижному или движущемуся³⁹. Сведения, приводимые ал-Идриси о городах Восточной Европы (как,

³⁰ Tomaschek 1887. P. 285–373; Лишев 1973. С. 83; Кендерова 1986. С. 35–41; Коновалова 2006. С. 60–61; Ducène 2008. P. 14.

³¹ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 893–901.

³² Al-Idrīsī 1970–1984. P. 901–904.

³³ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 904.

³⁴ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 906–913.

³⁵ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 914–919.

³⁶ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 953–956.

³⁷ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 958.

³⁸ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 957.

³⁹ Библиографию см.: Подосинов 1978. С. 22–45; Janni 1984; Коновалова 2006. С. 52–71; Podossinov 2016. P. 3–32.

впрочем, и многих других регионов мира), отличаются практической направленностью, тесной связью с повседневным опытом, в котором доминирующим является внимание к торговой жизни населенных пунктов и к благосостоянию их жителей. Эти данные, вероятно, вставлялись в текст в том самом виде, в каком они были получены ал-Идриси от его информаторов. Об этом свидетельствует и непосредственная форма передачи сведений, и использование естественных ландшафтных примет в качестве средства ориентации в пространстве, и эгоцентрическое восприятие пространства, пронизывающее материал большинства разделов сочинения ал-Идриси. Ал-Идриси как бы провозит своего читателя из города в город, сообщая при этом самые разнообразные сведения: о географическом окружении, о торговле, об обычаях и историческом прошлом тех мест, о которых рассказывает в своем сочинении⁴⁰.

В тексте ал-Идриси имеются и другие приметы эгоцентрической пространственной ориентации. К примеру, в различных частях описания Восточной Европы можно заметить структурообразующие топонимы (чаще всего наименования городов, реже – островов), относительно которых определяется положение целого ряда географических объектов. Так, при описании Черного моря неоднократно говорится, что оно «начинается» у Константинополя⁴¹, который служит отправной точкой при описании маршрутов каботажного плавания в черноморском бассейне. В рассказе о русских городах Поднепровья выделяются топонимы Кав (*Kāw*, Киев), Баразула (*Barazūla*, Треполь), Барасаниса (*Barāsānisa*, Пересопница); каждый из них является начальным или конечным пунктом для нескольких маршрутов⁴². В описании Кумании центральным пунктом служит топоним Нуши (*Nūshī*), связанный с городами «Белая Кумания» (*Qumāniyya al-bayḍa*), Кинийув (*Qīniyuw*) и Нарус (*Nārūs*)⁴³. В рассказе об Эстланде аналогичным структурообразующим топонимом является Анху (*'Anhū*), фигурирующий в сообщениях обо всех населенных пунктах этого региона⁴⁴. От города *Mampaxa* (*Maṭra-khā*, летописная Тмутаракань) измеряются расстояния до целого ряда объектов: города *Rūsīyā* (*Rūsiyya*, Керчь), устья «Русской реки» (Керченский пролив)⁴⁵, островов Саранба (*Saranba*) и Азала (*'Azala*)⁴⁶. Остро-

⁴⁰ Подробнее см.: Коновалова 2006. С. 35, 41–46, 58–62.

⁴¹ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 12, 831, 905.

⁴² Al-Idrīsī 1970–1984. P. 912–913.

⁴³ Ibid. P. 916–917. О локализации этих городов см.: Коновалова 2006. С. 229–231.

⁴⁴ Ibid. P. 954, 956. О локализации города Анху см.: Коновалова 2006. С. 261.

⁴⁵ «Русская река» – гидроним, созданный самим ал-Идриси и воплощающий представление о возможности пересечь Восточно-Европейскую равнину с юга на север по речным путям, см.: Коновалова 2010. С. 377–412.

⁴⁶ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 909–911, 916. Наименования этих островов, а также упоминаемого ниже острова *Гардиййа* не поддаются идентификации.

ва *Саранба* и *Гардиййа* (*Ghardiyya*) служат пространственными ориентирами при описании черноморских островов и прибрежных городов⁴⁷.

Маршрутные данные, включенные в текст ал-Идриси, далеко не всегда можно рассматривать как описания реальных путей, пройденных от начала и до конца именно в такой последовательности одним из информаторов географа. При детальном рассмотрении оказывается, что в ряде случаев маршрут, имеющий в описании все признаки реального, является не более чем конструкцией ал-Идриси, отражающая не действительное положение вещей, а пространственные представления самого географа, его способ интерпретации исходного материала.

Данные о расстояниях между населенными пунктами, полученные ал-Идриси от разноязычных информаторов и, соответственно, выраженные в привычных для последних метрологических системах, ал-Идриси не сводил к какой-либо одной единице длины, поэтому в тексте его сочинения расстояния приводятся то в пространственных, то во временных единицах, причем разных: в милях, фарсах, днях пути по суше, сухопутных переходах (*marḥala*), днях пути вниз/вверх по реке, днях морского плавания. Объединение в составе рассказа о каком-нибудь маршруте сообщений и городах, расстояние между которыми выражено в различных единицах длины, может, во-первых, указывать на наличие у географа нескольких источников сведений о городах данного маршрута и, во-вторых, являться свидетельством того, что тот или иной маршрут, фигурирующий в сочинении ал-Идриси, мог быть «сконструирован» самим географом из сообщений нескольких лиц.

Это в полной мере относится к дорожнику из четвертой секции шестого климата «Перемышль – Зака – Бармуни – Галич на Днестре», где расстояния между пунктами определяются то в милях, то в переходах, а описание маршрута приведено дважды. Сначала ал-Идриси говорит о нем, характеризуя путь из Кракова на Русь: «От Икраку (*Iqrāqū*, Краков) до Джиназна (*Jināzna*, Гнезно) восемьдесят миль. От Джиназна до Бартислаба (*Bartīslāba*, Вроцлав) шестьдесят миль. От Бартислаба до Рамисли (*Ramisli*, Перемышль) сто миль. От Рамисли до Зака (*Zāqa*)⁴⁸ двенадцать переходов. От Зака до Бармуни (*Barmūni*)⁴⁹ сто восемьдесят миль. От Бармуни до Галисиййа (*Ghalīsiyya*, Галич на Днестре) двести миль. Бармуни и Галисиййа принадлежат к Руси»⁵⁰. В изложении ал-

⁴⁷ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 910–911.

⁴⁸ *Зака* — один из городов русско-польского пограничья, возможно, летописный Звенигород Червенский на р. Белка (Коновалова. 2006. С. 160–162).

⁴⁹ *Бармуни* — один из городов на торговом пути, пролежавшем из Галицко-Вольнской Руси на Дунай и в Византию, возможно, Пятра-Нямц (Камень) (Коновалова. 2006. С. 162–167).

⁵⁰ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 903; Коновалова 2006. С. 113.

Идриси сведения о расстояниях между польскими и русскими городами сгруппированы так, как будто они составляли единый маршрут «Краков – Гнезно – Вроцлав – Перемышль – Зака – Бармуни – Галич». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот дорожник – как целое – был плодом кабинетной работы географа, пытавшегося согласовать между собой сообщения нескольких информаторов о путях, которыми были связаны города Польши и Юго-Западной Руси. В составе дорожника совершенно отчетливо выделяются две части: собственно «польская», отражающая движение от Кракова к Гнезно и оттуда к Вроцлаву, и «польско-русская», ведущая от Вроцлава к верховьям Днестра. Второй раз в этой же секции ал-Идриси упоминает эти пункты среди городов Руси: «Что касается города Рамисли, то он стоит к северу от реки Данаст (Днестр). Эта река течет на восток, пока не достигнет города Зака; между ними двенадцать переходов. От города Зака, который расположен на упомянутой реке, до города Бармуни девять переходов. От Бармуни до [города] Галисийяа двести миль»⁵¹.

Налицо явные свидетельства того, что оба сообщения ал-Идриси об этих городах опираются на данные не одного, а двух (или нескольких) информаторов. На это указывает использование географом разных мер длины при определении расстояний между городами. При первом упоминании этих населенных пунктов в составе маршрута, ведущего из Польши в Поднестрие, расстояние между Перемышлем и Зака измеряется в переходах, а между всеми остальными городами дорожника, в том числе Зака, Бармуни и Галич, – в милях. Когда обо всех четырех городах заходит речь вторично, при описании Юго-Западной Руси, расстояние между Перемышлем и Зака, а также между Зака и Бармуни выражено в переходах, а путь от Бармуни до Галича измерен в милях. Кроме того, о существовании у ал-Идриси нескольких источников информации говорит и отнесение Перемышля и Зака то к польским, то к русским. Наконец, состав сообщений о рассматриваемых городах в сокращенной версии сочинения ал-Идриси показывает, что в распоряжении ал-Идриси имелись и другие маршрутные данные об этих городах, не включенные им по каким-то причинам в состав основного сочинения⁵². Таким образом, есть все основания полагать, что приведенный ал-Идриси единый маршрут «Перемышль – Зака – Бармуни – Галич» на самом деле является реконструкцией географа, составленной им по материалам различных источников информации.

Аналогичным образом построен и маршрут по древнерусским городам Поднестрия в пятой секции шестого климата:

⁵¹ Al-Idrisi 1970–1984. P. 904; Коновалова 2006. С. 114.

⁵² Tallgren-Tuulio 1936. P. 40–42.

«Что касается города Барамуниса (*Baramūnisa*, Туров), то он расположен на реке Данабрис (*Danābris*, Днепр); это красивый город. От него до города Синубули (*Sinūbulī*, Смоленск) шесть дней [пути]; это большой процветающий город, [стоящий] на реке Данабрис, с западной стороны. Точно так же от города Барамуниса до города Кав (*Kāv*, Киев), [стоящего] на реке Данабрис, вниз по реке шесть дней [пути]. От него до города Баразула (*Barazūla*, Треполь), [находящегося] к северу от реки, пятьдесят миль. От него до [города] Авсийя (*Awsiyūa*, Ушеск) по суше два дня [пути]; это маленький цветущий город. От города Авсийя до города Барасаниса (*Barāsānisa*, Пересопница) два дня [пути]; это многонаселенный красивый город, [расположенный] в стороне от реки. От него до города Луджага (*Lūjagha*, Луческ) два дня [пути] на север. От города Луджага до города Арман (*Arman*, Владимир-Волынский) три небольших перехода на запад. Точно так же от города Арман на восток до города Барасаниса четыре перехода. От [города] Барасаниса до города Мулиса (*Mūlisa*, Олесье), [стоящего] в устье реки Данабрис, пять переходов. А Улиски (*Uliskī*, Олесье) – это город, [расположенный] на восточной стороне устья реки Данабрис. От города Улиски до города Канив (*Qaniw*, Канев) три перехода. От вышеупомянутого города Баразула вниз по реке до города Баразлав (*Barazlāw*, Переяславль Русский) один день [пути]. От города Баразлав вниз по реке до вышеупомянутого [города] Канив полтора дня [пути]. От города Кав до города Най (*Nāy*)⁵³ из страны ал-Куманийя (*Qumāniyūa*, Кумания, Половецкая степь) шесть переходов»⁵⁴.

Как видно, это описание скомбинировано ал-Идриси из нескольких маршрутов, пройденных, как минимум, шестью путешественниками:

Туров→Смоленск (шесть дней пути)
 Туров→Киев (шесть дней пути вниз по реке)
 Киев→Треполь (50 миль)
 Треполь→Ушеск→Пересопница→Луческ (2+2+2 дней пути)
 Луческ→Владимир-Волынский→Пересопница→Олесье→Канев
 (3+4+5+3 переходов)
 Треполь→Переяславль Русский→Канев (1+1.5 дня пути вниз по реке)
 Киев→Най (шесть переходов).

Один из них (или, возможно, двое) отправились из Турова в Смоленск и Киев и измеряли расстояние в днях пути. Второй ездил из Киева в Треполь и использовал мили для подсчета расстояния. Третий проехал из Треполя в Луческ и считал расстояние в днях пути. Четвертый проделал путь от Луческа до Канева, измеряя пройденный путь в переходах. Пятый ездил из Треполя в Канев вниз по реке, а шестой путешествовал из Киева в половецкий Най, считая расстояние в переходах.

Широкое использование ал-Идриси маршрутных данных с присутствующей им эгоцентрической пространственной ориентацией привело к тому, что в каждой секции его сочинения нашли отражение множе-

⁵³ *Най* – город кочевой орды коуев, входившей в зависимый от киевских князей союз Черных клобуков в Поросье (Коновалова 2006. С. 210).

⁵⁴ Al-Idrīsī 1970–1984. P. 912.

ство субъективных точек зрения на организацию того или иного пространства. Тем не менее, это не привело к дезинтеграции текста. Персональные пространства информаторов географа при всей их субъективности не были изолированы друг от друга, потому что все они являлись частями какого-либо пути. Таким образом, региональный и всемирный масштаб описания достигался в известной мере именно за счет использования маршрутных данных, благодаря которым обрисовывались связи между городами и странами. Фактически сведения о различных маршрутах играли роль каркаса повествования наряду с разделением на климаты и секции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с. (Historia rossica).
- Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. Imagines mundi. Античность и средневековье. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 424 с. (Studia historica. Series minor).
- Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., Фролов А.А. Северная Евразия в картографии античности и средних веков. М.: Аквилон, 2017. 528 с.
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велihanовой. Баку: Элм, 1986. 428 с.
- Кендерева С. Балканский полуостров в «Географията» на ал-Идриси // Библиотекар. 1986. Т. 33. № 1. С. 35–41.
- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. 254 с.
- Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. 328 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Коновалова И.Г. Топоним как способ освоения пространства: «Русская река» ал-Идриси // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (Исследования и переводы) / Сост. и общ. ред. М.С. Петровой. М.: Кругъ, 2010. С. 377–412.
- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. IV. 919 с.
- Лишев С.Н. Географията на Идриси като исторически извор за българските градове през XII в. // Античная древность и средние века. 1973. Сб. 10. С. 80–83.
- Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М.: Наука, 1978. С. 22–45.
- Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19.
- Brauer R.W. Geography in the Medieval Muslim world: Seeking a basis for comparison of the development of the natural sciences in different cultures // Comparative civilizations review. 1992. No. 26. P. 73–110. URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/ccr/vol26/iss26/5/>
- Ducène J.-Ch. Les coordonnées géographiques de la carte manuscrite d' al-Idrīsī (Paris, Bnf ar. 2221) // Der Islam. 2011. Bd. 86/2. S. 271–285.
- Ducène J.-Ch. Poland and the Central Europe in the Uns al-muḥaj by Al-Idrīsī // Rocznik Orientalistyczny. 2008. T. 61/2. P. 5–30.
- Dunlop D.M. Scotland according to al-Idrisi, c. A.D. 1154 // Scottish Historical Review. 1947. Vol. 26. P. 114–118.
- Geography and Ethnography. Perception of the World in Pre-Modern Societies / Ed. by K.A. Raaflaub and R.J.A. Talbert. Malden, MA / Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2010. 357 p.
- Ibn Khurrādādhbih. Kitāb al-Masālik wal-mamālik / Ed. by M.J. de Goeje. Leiden: Brill, 1889. (Bibliotheca Geographorum Arabicorum 6). 216 p.

- La Géographie d'Idrisi, un atlas du monde au XIIe siècle. Paris: Bibliothèque nationale de France, Montparnasse multimédia, 2000 (Collection Bibliothèque nationale de France / Sources). CD-ROM.
- Goodchild M.F., Janelle D.G. Toward critical spatial thinking in the social sciences and humanities // *GeoJournal*. 2010. Vol. 75. P. 3–13.
- Al-Iḍrīsī. Opus geographicum sive “Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare student” / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae; Leiden: Brill, 1970–1984. Fasc. I–IX. 1090 p.
- Janni P. La mappa e il periplo: Cartografia antica e spazio odologico. Roma: Bretschneider, 1984. 184 p. (Università di Macerata. Pubblicazioni della facoltà di lettere e filosofia 19).
- Kennedy E.S. Geographical Latitudes in al-Iḍrīsī’s World Map // *Zeitschrift für Geschichte der arabisch-islamischen Wissenschaften*. 1986. Bd. 3. P. 265–268.
- Kitchin R.M., Blades M. The Cognition of Geographic Space. L.: IB Tauris Publ., 2001. 272 p.
- Maqbul Ahmad S. Cartography of al-Sharīf al-Iḍrīsī // *History of Cartography* / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Vol. 2 (1). P. 156–174.
- Miller K. *Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten*. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1926. Bd. V. 184 S.
- Podossinov A. Karte und Text: zwei Wege der Repräsentation des geographischen Raums in der Antike und im frühen Mittelalter // *La letra y la carta: Descripción verbal y representación gráfica en los diseños terrestres grecolatinos. Estudios en honor de Pietro Janni* / Ed. by Francisco J. González Ponce, Francisco Javier Gómez Espelosín y Antonio L. Chávez Reino. Madrid: Servicio de publicaciones de la Universidad de Alcalá; Sevilla: Editorial de Universidad de Sevilla, 2016. P. 3–32 (Colección Monografías de Gahia 1).
- Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London; New York: Verso, 1988. 266 p.
- Tallgren-Tuulio O.J. Du Nouveau sur Iḍrīsī: Sections VII 3; VII 4; VII 5. Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d’après quelques manuscrits, centrale jusqu’à la péninsule balkanique au Sud. Édition critique, traduction, études. Helsinki: Akateeminen Kirjakauppa, 1936. 242 p. (*Studia Orientalia* 6, 3).
- Thinking Space / Ed. by M. Crang and N.J. Thrift. London: Routledge, 2000. 400 p.
- Tomasek W. Zur Kunde der Hāmus-Halbinsel, II: Die Handelswege im 12. Jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Iḍrīsī // *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. 1887. Bd. 113. S. 285–373.

REFERENCES

- Brauer R.W. Geography in the Medieval Muslim world: Seeking a basis for comparison of the development of the natural sciences in different cultures // *Comparative civilizations review*. 1992. No. 26. P. 73–110. URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/ccr/vol26/iss26/5/>
- Ducène J.-Ch. Les coordonnées géographiques de la carte manuscrite d’ al-Iḍrīsī (Paris, Bnf ar. 2221) // *Der Islam*. 2011. Bd. 86/2. S. 271–285.
- Ducène J.-Ch. Poland and the Central Europe in the Uns al-muḥaj by Al-Iḍrīsī // *Rocznik Orientalistyczny*. 2008. T. 61/2. P. 5–30.
- Dunlop D.M. Scotland according to al-Iḍrīsī, c. A.D. 1154 // *Scottish Historical Review*. 1947. Vol. 26. P. 114–118.
- Dzhakson T.N., Konvalova I.G., Podosinov A.V. *Imagines mundi. Antichnost’ i srednevekov’ye. M.: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi*, 2013. 424 s. (*Studia historica. Series minor*).
- Dzhakson T.N., Konvalova I.G., Podosinov A.V., Frolov A.A. *Severnaya Yevraziya v kartografii antichnosti i srednikh vekov. M.: Akvilon*, 2017. 528 s.
- Geography and Ethnography. Perception of the World in Pre-Modern Societies* / Ed. by K.A. Raaflaub and R.J.A. Talbert. Malden, MA / Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2010. 357 p.
- Ibn Khordadbeḥ. *Kniga putey i stran / Perevod s arabskogo, kommentarii, issledovaniye, ukazateli i karty N. Velikhanovoy*. Baku: Elm, 1986. 428 s.
- Ibn Khurraḍādhbih. *Kitāb al-Masālik wal-mamālik* / Ed. by M.J. de Goeje. Leiden: Brill, 1889. (*Bibliotheca Geographorum Arabicorum* 6). 216 p.

- La Géographie d'Idrisi, un atlas du monde au XIIe siècle. Paris: Bibliothèque nationale de France, Montparnasse multimédia, 2000 (Collection Bibliothèque nationale de France / Sources). CD-ROM.
- Goodchild M.F., Janelle D.G. Toward critical spatial thinking in the social sciences and humanities // *GeoJournal*. 2010. Vol. 75. P. 3–13.
- Al-Idrisi. *Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare student"* / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae; Leiden: Brill, 1970–1984. Fasc. I–IX. 1090 p.
- Janni P. La mappa e il periplo: Cartografia antica e spazio odologico. Roma: Bretschneider, 1984. 184 p. (Università di Macerata. Pubblicazioni della facoltà di lettere e filosofia 19).
- Kenderova S. Balkanskiyat poluostrrov v «Geografiyata» na al-Idrisi // *Bibliotekar*. 1986. T. 33. № 1. S. 35–41.
- Kennedy E.S. Geographical Latitudes in al-Idrisi's World Map // *Zeitschrift für Geschichte der arabisch-islamischen Wissenschaften*. 1986. Bd. 3. P. 265–268.
- Kitchin R.M., Blades M. *The Cognition of Geographic Space*. L.: IB Tauris Publ., 2001. 272 p.
- Konovalova I.G. *Vostochnaya Yevropa v sochinenii al-Idrisi*. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1999. 254 s.
- Konovalova I.G. Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoy Yevropy: Tekst, perevod, komentariy. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2006. 328 s. (Drevneyshiyeh istochniki po istorii Vostochnoy Yevropy).
- Konovalova I.G. Toponim kak sposob osvoyeniya prostranstva: «Russkaya reka» al-Idrisi // *Intellektual'nyye traditsii Antichnosti i Srednikh vekov (Issledovaniya i perevody)* / Sost. i obshch. red. M.S. Petrovoy. M.: Krug, 2010. S. 377–412.
- Krachkovskiy I.YU. *Izbrannyye sochineniya*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. T. IV. 919 s.
- Lishev S.N. *Geografiyata na Idrisi kato istoricheski izvor za blgarskite gradove prez XII v. // Antichnaya drevnost' i sredniye veka*. 1973. Sb. 10. S. 80–83.
- Maqbul Ahmad S. *Cartography of al-Sharif al-Idrisi* // *History of Cartography* / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Vol. 2 (1). P. 156–174.
- Miller K. *Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten*. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1926. Bd. V. 184 S.
- Podossinov A. Karte und Text: zwei Wege der Repräsentation des geographischen Raums in der Antike und im frühen Mittelalter // *La letra y la carta: Descripción verbal y representación gráfica en los diseños terrestres grecolatinos. Estudios en honor de Pietro Janni* / Ed. by Francisco J. González Ponce, Francisco Javier Gómez Espelósín y Antonio L. Chávez Reino. Madrid: Servicio de publicaciones de la Universidad de Alcalá; Sevilla: Editorial de Universidad de Sevilla, 2016. P. 3–32 (Colección Monografías de Gahia 1).
- Podossinov A.V. *Kartograficheskiy printsip v strukture geograficheskikh opisaniy drevnosti (postanovka problemy)* // *Metodika izucheniya drevneyshikh istochnikov po istorii narodov SSSR*. M.: Nauka, 1978. S. 22–45.
- Smirnyagin L.V. *Sud'ba geograficheskogo prostranstva v sotsial'nykh naukakh* // *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2016. № 4. S. 7–19.
- Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London; New York: Verso, 1988. 266 p.
- Tallgren-Tuulio O.J. *Du Nouveau sur Idrisi: Sections VII 3; VII 4; VII 5. Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusqu'à la péninsule balkanique au Sud*. Édition critique, traduction, études. Helsinki: Akateeminen Kirjakauppa, 1936. 242 p. (*Studia Orientalia* 6, 3).
- Thinking Space* / Ed. by M. Crang and N.J. Thrift. London: Routledge, 2000. 400 p.
- Tomaschek W. *Zur Kunde der Hämus-Halbinsel, II: Die Handelswege im 12. Jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Idrisi* // *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. 1887. Bd. 113. S. 285–373.
- Vul'f L. *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya*. M.: *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2003. 560 s. (*Historia rossica*).

Коновалова Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, зам. директора, Институт всеобщей истории РАН; irina_konovalova@mail.ru

**Old Rus in the system of local and transcontinental routes of the 12th c.
(according to al-Idrīsī)**

The paper is devoted to the analysis of information about Old Rus and Eastern Europe in the work of the Arab geographer of the 12th century al-Idrīsī. Al-Idrīsī's methods of space construction were determined by the nature of the information he had at his disposal about Old Rus and Eastern Europe, as well as the compositional framework of his treatise. The combination of the route character of information on the region, on the one hand, and the grouping of material by climates and sections, and within them by the countries – on the other, led to the fact that Old Rus and other Eastern European states were characterized by al-Idrīsī in direct proportion to the role they played in the system of local and transcontinental Eurasia routes.

Keywords: Old Rus, Eastern Europe, al-Idrīsī, routing data, local and transcontinental routes, space construction

Konvalova Irina Gennadievna, Dr.Sc. (History), Deputy Director, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; irina_konovalova@mail.ru

КОММУНИКАЦИЯ, КУЛЬТУРА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В статье на материале пребывания в Санкт-Петербурге с сентября 1767 по март 1768 г. по приглашению императрицы Екатерины II одного из лидеров французской физиократии и бывшего интенданта Мартиники Пьера-Поля Лемерсье де ля Ривьера, барона де Сен-Медар (1719–1801) предложены критерии «насыщенного описания» (thick description) социальных структур, в которых происходит коммуникативное действие, эволюция «систем символов», а также высказана гипотеза об истоках социальных представлений¹.

Ключевые слова: *Россия, Екатерина II, Лемерсье де ля Ривьер, французские физиократы, коммуникация, культурные представления*

Интересующий нас сюжет по-разному освещался в историографии. По мнению исследователей, пригласившая Лемерсье Екатерина II довольно скоро разочаровалась в госте, а его манеры и ссоры с Фальконе, работавшим в то время над статуей «Медного всадника», и с сыном петербургского губернатора генерала Глебова, вызвали насмешку с ее стороны, и она довольно быстро избавилась от «дочтура», как она его назвала. Академик Бильбасов полагал, что причиной недопонимания стала умелая интрига, организованная Н.И. Паниным, а видный специалист по истории русско-французских культурных связей Альбер Лортотари счел, что бывший интендант проявил «нескромность», убежденный в том, что «ему сделали подарок в виде роли законодателя у русских»². С ним соглашался и архивист Луи-Филипп Мэ, специалист по колониальной истории Франции. В новейших исследованиях встречаются схожие оценки, и Лемерсье выглядит авантюристом, стремившимся «поправить свои дела» в России³. Все же есть нечто общее, что настораживает в этих оценках, а именно попытка приписать Лемерсье черты характера, о которых отнюдь не свидетельствуют его переписка или воспоминания современников. Нельзя не заметить, что иной раз историки чрезмерно широкой кистью рисуют портрет исторического персонажа, невольно скрадывая отдельные и подчас существенные черты. Пожалуй, за исключением явных недоброжелателей вроде Фридриха-Мельхиора Гримма, Лемерсье почти единодушно считали скром-

¹ В основе статьи – краткое изложение методологической части диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенной автором в Университете Экс-Марсель в 2017 г.

² Бильбасов 1901. С. 3-83, Lortholary 1951. С. 181.

³ May 1975.

ным, весьма щепетильным в том, что касается вознаграждений или милостей, человеком твердых убеждений относительно долга и «служения» монарху, столь свойственных дворянству мантии. Не очень этот образ вяжется с портретом «авантюриста Просвещения»⁴.

Есть и еще одна загадка, привлекающая внимание в «Мемуарах» графа Сегюра, который со слов Екатерины II поведал о том, как заезжий «законодатель» якобы нанял «несколько смежных домов в Москве и, прикрепив над дверями вывески: «Военное министерство», «Морское министерство» и пр., собирался оттуда управлять империей. Это свидетельство – заведомая ложь, учитывая тот факт, что Лемерсье никогда не бывал в Москве. Одним словом, в том, что касается его личности и поступков, существующие оценки вызывают сомнения.

Интерпретация пребывания Лемерсье в Петербурге в духе «воспоминаний» императрицы, которые вполне соответствуют тому, что Поль Рикёр назвал «подтасованной памятью» (*mémoire manipulée*), стала в какой-то мере «общим местом» в историографии и завела ее в тупик. Вместе с тем, уместно задать вопрос: зачем же императрице потребовалось распространять абсолютно ложные слухи через двадцать лет после отъезда Лемерсье из России? Чем объяснить столь стойкую неприязнь, сохранившуюся в ее памяти? Вопрос напрашивается сам собой, при условии, конечно, что мы не готовы довольствоваться психологическим портретом исторического персонажа, написанным в стиле импрессионизма. Но есть и более важное обстоятельство, которое нельзя упускать из вида, а именно исторический контекст его путешествия в Россию, который раскрывают архивные источники.

На первый взгляд, данный сюжет относится к разряду тех самых «маргинальных», монографического исследования не заслуживающих, а скорее «тянущих» на главу в биографии. Вкратце, с внешней стороны дело обстояло таким образом. Барон Отто-Магнус фон Штакельберг, только что назначенный Посланником Российской империи в Испании, «задержался в Париже на пути в Мадрид», и посетил салон мадам де Оссэ (наперсницы герцогини де Помпадур), который служил физиократам своего рода штаб-квартирой. Там он близко сошелся с аббатом Рейналем, а тот познакомил его с Лемерсье, представив услуги последнего французской короне в самом выгодном свете. Посланник тотчас оповестил петербургский двор, что опытный администратор и экономист «ищет должность», пребывая в опале у Шуазёля. Царица тотчас наказала Никите Ивановичу Панину отписать князю Дмитрию Алексеевичу Голицыну, русскому послу в Париже, чтоб тот «перевез» (*transporte*) ценного специалиста к петербургскому двору. По словам Жоржа

⁴ Stroeve 1997. С. 302-303.

Дюлака, поездка в Россию «не удалась», а царица «выставила за дверь своего гостя в конце января 1768 года»⁵. Замечу мимоходом, что личный архив физиократа бесследно исчез после его смерти в первые годы Консулата в захолустной деревушке Гриньи в Иль-де-Франс, и пришлось кропотливо восстанавливать детали этой истории по документам, отложившимся в восьми архивах России и Франции.

Немного можно почерпнуть из материалов, прямо относящихся к поездке физиократа, если ограничиться описанием событий. Но существует несколько важных «но». Французский экономист и администратор, автор манифеста физиократии («Естественный и сущностный порядок политических обществ»), оказался, как об этом бесспорно свидетельствуют французские рукописи Екатерины II периода составления «Наказа» и ныне хранящиеся в ее «кабинетских делах» (РГАДА), объектом пристального внимания с ее стороны. Это произведение неутомимая читательница конспектировала наряду со статьей «О политической экономии» Ж.-Ж. Руссо⁶. Специалисты по истории общественной мысли России XVIII в. редко считают за труд сличать французские рукописи Екатерины с сочинениями тех мыслителей, которых она прилежно читала, а оно того стоит в гораздо большей мере, чем поиск переводной литературы в российских библиотеках и архивах, потому как переводили много и часто «на случай», а вот что читали и как использовали, прежде всего во власти, – это совсем другая тема.

Два слова о контексте поездки Лемерсье. Она предшествовала паломничеству Дидро и совпала с началом работы Уложенной Комиссии (август 1767 года), события, оставившего глубокий отпечаток в истории царствования Екатерины II. Более того, архивные изыскания выявили целый пласт записок, политических сочинений, написанных депутатами и просто «заинтересованными наблюдателями», преимущественно зарубежных. Интригует обширная, пропитанная физиократическими идеями рукопись под заголовком «Дух наказа ее Императорского Величества», авторство которой приписывали то Дени Дидро, то физиократу «средней руки» Гийому-Франсуа Ле Трону, но, как было нами установлено, это сочинение князя Дмитрия Алексеевича Голицына, друга Дени Дидро. В период поездки Лемерсье возникла атмосфера, а вернее сказать, возник симулякр диалога между властью и интеллектуальной элитой. Похоже, на это царица и рассчитывала, инициировав конкурс Вольного экономического общества на тему, прямо касающуюся отмены крепостного права в России, которое великий Леонард Эйлер предлагал просто-напросто отменить. Очевидно, в глазах Лемерсье, обстоятельства явно благоприятствовали сближению между властью и

⁵ Dulac 2004.

⁶ Здесь и далее резюме моей публикации: Zanin 2018.

философами, и он отправился в путь «безоглядно» (*sans regarder derrière*), как он выразился в письме Никите Панину. Дидро, поначалу приветствуя сочинения физиократов (вспомним, что именно он вычитывал текст трактата Лемерсье и даже заказал Пьеру Самюэлю Дюпону де Немуру его популярное изложение), а впоследствии – критикуя его отдельные положения, имел случай оценить экономическую и политическую ситуацию в России, побывав вместе с Фридрихом-Мельхиором Гриммом в гостях у «Северной Фелицы». После поездки в Россию, Лемерсье принял участие в дебатах о свободе торговли хлебом, ответив на критические замечания аббата Фернандо Галиани, и составил по просьбе эмиссара Барской Конфедерации графа Михаила Виельгорского проект реформ польского государства и постепенной отмены крепостного права путем развития капиталистических отношений в городе и деревне. Несомненно, взгляд на крепостное право был во многом навеян наблюдениями, сделанными по дороге в Россию, о чем свидетельствует переписка Лемерсье с Франсуа Кенэ и аббатом Рейналем, копия которой хранится в РГАДА (очевидно, прелюстрации) и нами опубликована полностью.

Одним словом, контекст поездки Лемерсье более чем любопытен, прежде всего в силу импульса, который он придал политической мысли Просвещения. И главное, что привлекло наше внимание – надежда его самого и его собеседников на скорые преобразования России под эгидой просвещенной императрицы, вера в исключительный характер исторического момента, переживаемого здесь и сейчас, когда казалось, что сбываются самые смелые упования. Все то, что Эрнст Блох четко и емко сформулировал в названии своего главного произведения: “*Das Prinzip Hoffnung*” («Принцип надежды»). В этой ситуации политические проекты, записки, обмен мнениями во время многочисленных встреч Лемерсье с подданными царицы, да и сама поездка оценивалась им самим и его собеседниками в некоей «системе координат». Ее и следовало выявить, выстроив метод исследования. В противном случае, невозможно понять ни почему возник этот импульс в виде существенного пласта политических проектов и записок, ни его направленность.

Благодаря постоянным контактам российских дипломатов с парижскими философами, общению Лемерсье по дороге в Санкт-Петербург возникла своего рода «сеть», во многом аналогичная той, которую Жан Фабр исследовал в своей известной диссертации, посвященной взаимоотношениям между королем Станиславом Августом Понятовским и мыслителями Просвещения⁷. В его замечательной работе были исследованы коммуникация, культурное взаимодействие, трансферы знаний и т.п., что сегодня волнует представителей «новой культурной

⁷ Fabre 1952.

истории Просвещения». Банальная, но от этого не менее верная фраза о том, что талант опережает время, более чем уместна в характеристике его сочинения. Диссертация Ж. Фабра опередила на полстолетия свое время и ныне оказалась почти забытой. Но все же, спустя 55 лет, его подход не показался нам исчерпывающим, ибо сам по себе анализ культурных связей не проливает свет на механизмы формирования и развития социальных представлений, в особенности, утопических

Как уже отмечалось ранее, историография интересующего нас сюжета не слишком интересна. Причина коренится не только в пренебрежении к историческому контексту, свойственной авторам специальных работ, посвященных этому сюжету, но, прежде всего, в подходах, свойственных историографии Просвещения в целом. Этот сюжет буквально на глазах «рассыпался» в трудах моих предшественников. Его обсуждали в рамках общих работ по истории Просвещения, затрагивая такие темы как «просветители и власть», «авантюристы Просвещения», мимоходом упоминали в биографиях Дени Дидро или Франсуа Кенэ. В результате он, будучи «поливалентным», не умещался целиком ни в рамки жанра интеллектуальной биографии, ни в рамки истории идей, ни тем более в рамки исследований «салонов» и «путешествий». И действительно, весьма трудно распознать собственные концепции Лемерсье в массе произведений физиократов⁸. Недаром его современники не без неприязни писали о том, то он якобы «переписал отрывки из сочинений доктора Кенэ». Это обвинение, конечно же, не выдерживает никакой критики, но доля правды в этом есть, а именно: «школа» доктора Кенэ всегда подчеркивала приверженность «началам», заложенным ее основателем. Главное произведение Лемерсье служило настольной книгой для ее последователей, которым однако же дозволялось обсуждать второстепенные сюжеты. Неудивительно, что крупнейшие исследователи творчества физиократов сосредоточились на характеристике «движения физиократов», а не на творчестве отдельных его представителей. По той же причине невозможно проследить изменения и выявить смысловые оттенки в употреблении базовых понятий физиократии, таких как «порядок» (*ordre*) и «явность» (*évidence*), следуя по пути, предложенному Мишелем Делоном в его замечательной диссертации «Идея энергии на исходе Просвещения». Одним словом, в силу специфики источников не получится провести анализ «развития идей» Лемерсье.

Как провести и анализ идей Лемерсье в контексте развития общественной мысли России XVIII в., когда те немногие сочинения, которые посвящены этой важной и обширной теме, представляют собой не более чем элементарное введение, как и ряд новейших публикаций

⁸Тем не менее попытки (более или менее удачные) выявить оригинальные идеи Лемерсье предпринимаются. См.: Herencia 2013.

отечественных авторов, которые можно отнести к рубрике «вокруг Н.И. Панина»?⁹ В сложившейся ситуации обсуждение избранного сюжета в рамках традиционной истории идей – занятие абсолютно бесперспективное, да и не нужное.

Изучая творчество Лемерсье де Ля Ривьера, трудно воспользоваться методами психологического анализа в духе Жана Старобински¹⁰. В отличие от Руссо, физиократ никогда не писал автобиографических сочинений, а его переписка, в т.ч. дружеская, в полной мере не раскрывает его личность. Сухой, подчас канцелярский, стиль его сочинений вызывал немало насмешек со стороны Фридриха-Мельхиора Гримма, Луизы д'Эпинэ и Этьена-Мориса Фальконе. В этой ситуации представляется невозможным изучение его творчества, так сказать, «изнутри».

А почему бы не исследовать «интеллектуальную и культурную среду», в которой жил физиократ? Это направление поиска поначалу показалось многообещающим: где, когда, с кем и по какому поводу он общался? Здесь на помощь могли бы прийти работы Франсуазы Вакэ, Поля Бенишу и Жоржа Гюсдорфа¹¹. Тема «Лемерсье де Ля Ривьер и интеллектуальная среда его времени» вполне вписывается в русло современных исследований вопроса, в т.ч. и у представителей «новой культурной истории», например Паскаля Ори и Жака Жюйара. Однако работы, ориентированные в первую очередь на изучение интеллектуалов в Новейшее время, мало помогают в изучении Просвещения.

Приведем в качестве примера работу Франсуазы Вакэ. «Я пришла к мысли о том, что сферу (*monde*) знаний следует рассматривать в качестве среды (*milieu*) [...], сферу, в которой совершают поступки и размышляют действующие лица, сферу, состоящую из центра и периферии, течений мысли, горизонт общепонятных значений», – разъясняет автор¹². Подобное исследование предполагает анализ «векторов передачи знаний от одних действующих лиц к другим. В общем, слова, документы, печатные произведения [...], а, кроме того, способы невербальной коммуникации, не забывая, наряду с образами, о жестах». Эти размышления методологического характера, казалось бы, открывают возможность изучения интересующего нас сюжета в новом ракурсе. Хотя и не сохранилось никаких документов автобиографического характера, архивные разыскания позволили восстановить переписку Лемерсье де Ля Ривьера с единомышленниками, относящуюся к периоду его путешествия в Россию. В их числе мы встречаем парламентариев (президента кассационной палаты парижского Парламента Дюрэ де Меньера или

⁹ Приведем в качестве примера работу: Whittaker 2003.

¹⁰ Starobinski 1976. Avant-propos.

¹¹ Gusdorf 1971, Bénichou 1974, Waquet 2010.

¹² Waquet 2010. P. 9.

адвоката аббата Нигона де Берти), философов (Дидро и аббата Рейналя), придворных (принца де Тюренна) и других лиц. Однако внимание Ф. Вакэ сосредоточено на относительно устойчивой институциональной «среде» (академии, университеты) с присущими им ритуалами, правилами и стилистикой коммуникации. Неудивительно, что она поставила перед собой цель исследовать «перекрестки жанров, ритуалов и знаний». А ведь даже в обыденной речи мы привыкли употреблять выражения «среда общения Франсуа Кенэ», имея в виду человека, который организует коммуникацию или выступает ее инициатором. В этом случае она осуществляется вовне институционализированной «среды», например, в «хижине на улице Анжу» (выражение Дидро), где состоялось знакомство Лемерсье с Д.А. Голицыным и Ф.-М. Гриммом. Одним словом, речь идет о коммуникации, которую Лемерсье поддерживал и развивал во время путешествия по Европе на разных ступенях социальной лестницы: в Берлине (с придворными и родственниками Фридриха Великого), в Риге (с остзейскими дворянами) и в Петербурге (с придворными и учеными). Выходит, что эта попытка донести свое учение до широкой публики была в конце концов воспринята в Петербурге как нарушение устоявшихся правил или придворных «ритуалов»?

Нет никакого сомнения в том, что физиократ стремился популяризировать свое учение и привлечь сторонников из числа коронованных особ и их министров. Но как возникли его представления (иллюзорные?) о миссии, которую ему предстояло исполнить в России? Каким образом он, находясь в Париже и беседуя с Голицыным, воспринимал «сигналы», посланные петербургским двором? Какое значение придавали его собеседники в Петербурге, Берлине и Риге совершаемому им «коммуникативному действию»? Обнаружив несовпадение собственных взглядов и взглядов императрицы и ее придворных, он вынужден был изменить свой взгляд на «законный деспотизм» (*despotisme légal*), центральную концепцию, обоснованную в «Естественном и сущностном порядке политических обществ»? Эти вопросы никогда не ставились позитивистской историографией Просвещения, не ставились они в рамках «истории идей» и оказались неинтересными для представителей «новой культурной истории Просвещения», которые пустились в рассуждения о «пространствах социальной мобильности и общения», заимствуя у литературоведов термин «среда» (*milieu*) и полагая, что он обладает неким особым содержанием, отличным, к примеру, от содержания понятия «публичное пространство»¹³. Как представляется, такой терминологический разнобой – лишь подтверждение эклектичности и недостаточности существующих в историографии подходов.

¹³ Некоторые литературоведы вообще считают, что значение этого термина очевидно, и его смысл не меняется с XIX в.: Versini 2005. P. 191.

Всякая коммуникация является одновременно и культурным действием. По Питириму Сорокину, культура есть «взаимодействие двух или более людей, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением». Именно поэтому она транслируется в первую очередь через язык с его «коммуникативной, мнемонической и когнитивной функцией, определяемой социальной структурой», и заключает в себе «различные способы обращения с символами»¹⁴. Проблема прочтения «поля смысла», «насыщенного описания» имеет существенное значение, коль скоро мы говорим о коммуникации исторического персонажа и тех «сигналах», которые он посылал своим современникам, по-своему интерпретируя те, что ему посылали собеседники. Здесь внимание привлекает культурная антропология Клиффорда Гирца, который анализирует «системы координат» или «культурные модели». «Стать человеком, – отмечал он, – значит обрести индивидуальность, и мы обретаем эту индивидуальность, руководствуясь культурными моделями, исторически сложившимися системами значений, с точки зрения которых мы придаем форму, порядок, смысл и направление нашей жизни... Именно в *жизненном пути* человека, в его характерном жизненном курсе, можно разглядеть, пусть нечетливо, его природу»¹⁵. Ориентиры деятельности человека, его социальная и культурная идентичность зависят от способности усваивать культурные модели или «системы символов», от умения их «прочитывать». Именно таким образом мы придаем определенное значение дискурсам, жестам и действиям окружающих. С этой позиции понятно замечание Гирца о том, что культура не состоит из «институтов и поступков», а представляет собой «контекст, нечто, в чем они могут быть описаны». Гирц развивал концепцию культуры в антропологическом и, согласно верному замечанию Рикёра, в «семиотическом ключе» – в той мере, в какой в центр его исследования попадает «символическое действие»¹⁶. Гирц обращал внимание в первую очередь на коммуникативный аспект культуры, объясняя, каким образом «символическое действие» выражается «в использовании риторики, ритма, иронии, аналогии и метафор», всем том, что в целом образует стилистику дискурса, «придающий публичную форму образу действия» человека¹⁷.

Уже с середины 1970-х идеи Гирца проникают в социологию социальных групп. К примеру, Абнер Коэн подчеркивает влияние «символических стратегий» и факт существования своего рода «идеологии», используемой «организованными и неорганизованными группами»,

¹⁴ Elias 2015. P. 13, 38.

¹⁵ Гирц 2004. С. 64.

¹⁶ Ricœur 1997. P. 336.

¹⁷ Ibid. P. 339.

отличия между которыми заключаются в том, что первые осуществляют принуждение в отношении своих членов, а вторые являются группами, объединенными общими интересами. Именно по этой причине «символическое действие» может осуществляться как в обществе в целом, так и внутри разных его структур, причем «системы значений», выстроенные «организованными и неорганизованными группами», передаются из поколения в поколения и часто превращаются в некий миф¹⁸. Согласно А. Коэну, коммуникацию следует изучать прежде всего в контексте социальной онтологии. Там, где «новая культурная история» ставит цель «как социальные разломы накладываются на культурные различия» (Р. Шартье), служащие «призмой, сквозь которую воспринимаются тексты»¹⁹, социологи изучают социальную структуру и культурные идентичности, подчеркивая разнообразие опыта, приобретаемого индивидами и группами, включая создание и усвоение «систем символов», которые ими воспроизводятся. Вместе с тем, социологические концепции Ч. Тейлора и Ю. Хабермаса не всегда учитывают культурную составляющую коммуникации, а в одном из самых сложных и неоднократно переработанных произведений немецкого социолога – «Идеализация и коммуникация» – лишь намечается анализ связки «культура-семиотика-коммуникация», которая нас интересует в контексте исследования пребывания Лемерсье в России.

Между тем индивид приобретает опыт не только в рамках «организованных и неорганизованных групп», сословий или классов. Существуют и иные формы коммуникации, позволяющие изучить динамику развития культурных связей, возникших в период путешествия Лемерсье в Санкт-Петербург. Их публичный характер подчеркивал Тейлор: «своего рода общее пространство возникает там, где люди обычно не встречаются, но при этом видят себя вовлеченными в дискуссию и считают себя способными достичь взаимопонимания. Да позволено будет ввести новый термин. Мы вправе говорить об “общем пространстве” тогда, когда индивидов объединяет общее действие, вне зависимости от цели, ритуала, будь то игра, беседа или нечто иное. [...] Я бы назвал “общим топическим пространством” то “общее пространство”, которое возникает внутри некоего локального собрания индивидов»²⁰.

В Санкт-Петербурге, как и в Берлине, Лемерсье стремился изложить в доступной форме свое учение принцу Генри Прусскому и «юным князьям Брауншвейгским», с аналогичной целью пытался вступить в переписку с Н.И. Паниным, а впоследствии с Екатериной II. Он взял на себя инициативу коммуникации с остзейскими дворянами (ба-

¹⁸ Cohen 1976. P. 81-101, 119.

¹⁹ Poirrier 2004. P. 88-89.

²⁰ Taylor 2011. P. 338.

ронами Будбергом и Кампфенгаузенем) и Д.А. Голицыным в Париже с целью расширить это «пространство» и надеясь рекрутировать новых сторонников «школы Кенэ». Его дискурс постепенно увлекал собеседников, между тем как «условия его приемлемости»²¹ определяли «ритуалы», целевые установки и «системы символов», принятые в устойчивых социальных группах, к которым принадлежали его собеседники. По мнению Ч. Тейлора, для того чтобы достигнуть взаимопонимания, они «нуждаются в том, чтобы представить себе (*imaginer*) общности социального бытия (*existence sociale*), приспособиться друг к другу [...], к ожиданиям друг друга, а также к образам и нормативным установкам, определяющим в сущности эти ожидания»²². Как мне представляется, это суждение может быть распространено и на коммуникацию в рамках «общего топического пространства», так как собеседники презюмируют то, что своего рода согласие может быть достигнуто между ними, несмотря на различие опыта, приобретенного в силу их принадлежности к «организованным или неорганизованным группам». «В новых, прежде не существовавших пространствах возникает потребность в новых мыслях и прежде не существовавших представлениях»²³. Между тем, каким образом те и другие могут возникнуть, иначе как в связи с определенной «системой символов»?

Как отмечал П. Рикёр, символ побуждает к размышлениям, а потому может быть проанализирован с точки зрения феноменологии и герменевтики²⁴, с другой стороны, символическая структура порождает представления и даже иллюзии: «Если мы не допускаем, что общественная жизнь обладает символической структурой, невозможно понять, как мы живем [...] каким образом наши действия проецируются на мысли. И невозможно понять, каким образом реальность становится мыслью, а жизнь порождает иллюзии»²⁵. Следовательно, «образы и нормативные установки», отмеченные Ч. Тейлором, необходимо связаны с восприятием «систем символов», которые возникают в процессе коммуникации, в частности, в «общем топическом пространстве»²⁶. Но, коль скоро коммуникация происходит в определенной социальной среде, а культура включает в себя «и действия, и символы», то изменение

²¹ Рикёр замечает: «мы объясняем, оправдываемся и извиняемся в первую очередь публично. Смысл, который мы вкладываем в эти слова подчиняется тому, что мы только что обозначили термином “условия приемлемости”, а они безусловно публичны» (Ricoeur 1986, p. 265).

²² Taylor 2011. P. 310.

²³ Ibid. P. 339.

²⁴ Ricoeur 1959. P. 9 и сл.

²⁵ Ricoeur 1997. P. 25.

²⁶ Гирц упрекал Тейлора за то, что он изучал историю естествознания XVIII в. в отрыве от культурного контекста: Geertz 2000. P. 149 и сл.

социальной среды, коммуникативных практик неизбежно ведет к изменению «систем символов», и потому «различные сценарии культуры более или менее быстро развиваются»²⁷.

Внесем некоторые уточнения. По мере того, как меняется социальное пространство, возникают «общие топические пространства» и образуются «мета-топические пространства» (термин, использованный Тейлором в качестве синонима «публичного пространства»), прослеживается эволюция «систем символов»: они неизбежно приспособляются друг к другу. Р. Дарнтон, признавая влияние идей Гирца на методологию, использованную при написания своей известной книги о кошачьем побоище, отмечал, что «простые люди оперируют материальными предметами или другими вещами, которые предоставляет им собственная культура, например обрядами или устными повествованиями»²⁸. Вопрос ведь в сущности заключается в другом, а именно, являются ли люди в конечном итоге простыми «пользователями» культурными моделями или же напротив, принимая во внимание приведенные рассуждения, следует прийти к выводу, что эти модели непрестанно меняются в конкретной социальной среде и благодаря коммуникации?

Нам представляется, что т.н. «использование культурных моделей» предполагает формирование определенных *представлений* о них, поскольку семья, брак, традиции и ценности воспринимаются нами и усваиваются в процессе социальной деятельности, а она предполагает общение. Руководствуясь этими представлениями, мы задаем ее ориентиры. В том, что касается изменений моделей, представляется справедливым замечание канадской исследовательницы Жозианы Булад-Айуб: «Именно эта социально-символическая деятельность, деятельность, направленная на повторное использование-повторение и семиотическую переориентацию (переоценка и перестройка символов), деятельность, нацеленная на коллективное соединение и слияние символом, определяет успешность использования в обществе артефактов культуры»²⁹. Но ведь не сама деятельность или поступок являются символическими, а ее восприятие в различных культурных контекстах. Именно в этом смысле следует толковать суждение Ф. де Соссюра, отмечавшего, что «толкование символа осуществляется только критиком [...] Для того, кто слушает то, что ему непосредственно рассказывают, точно так же, как и для рапсода, который принимает его у себя от своего предшественника таким, каков он есть, является непреложной истиной, что Хаген из Тронье бросил золото в Рейн. Не существует поэтому никакого символа в самом конце, и уж тем более не существовало его в самом

²⁷ Harris 1999. P. 14 and 26.

²⁸ Дарнтон 2002. С. 6-7.

²⁹ Boulad-Ayoub 1995. P. 93.

начале». Согласно объяснению Цветана Тодорова, по Соссюру символ – это своего рода «ошибочное суждение»³⁰. Но ведь подобная ошибка просто невозможна, коль скоро то, что, о чем поет слушателю «рап-сод», не имело места прежде и исчезает, как только песнь исполнена. Другими словами, нет ни предмета, ни последствий «заблуждения», но символ возникает, воспринимается в процессе коммуникации и эволюционирует в ее результате, а потому играет существенную роль в развитии культурных контекстов и моделей.

Несколько заключительных замечаний. Во-первых, следует задаться вопросом о том, в какой мере проекция «системы символов», которые собеседники представляют себе в момент коммуникации, на разные социальные контексты в целом определяет их видение «окружающей социальной среды»? Не с этой ли точки зрения возможно изучение социальных представлений, иллюзий и мифов? Во-вторых, представленный взгляд на коммуникацию основан на допущении, согласно которому индивид в принципе способен создавать и представлять себе «системы символов», определяя цели и порядок своей деятельности, даже независимо от нее. Изучая поездку Лемерсье в Санкт-Петербург, мы обнаружили, что его представления о том, что предстоит сделать в России, и о реформах, которые необходимо провести, далеко не всегда основывались на анализе достоверной информации или «объективных данных»³¹. Получив приглашение из Санкт-Петербурга, Лемерсье поставил перед собой задачу «оказать услугу человечеству» (*rendre service à l'humanité*, выражение, употребленное в письмах Н.И. Панину), и это представление о характере его миссии никоим образом не вытекало из соображений карьеры (*recherche d'un emploi*), ни, тем более, из тщеславного стремления стать «законодателем России», как на это намекала Екатерина II в беседах с Сегюром. Нет сомнения в том, что он решил уехать из России, отклонив предложения императрицы, ибо, как он признавался 2 декабря 1801 г. в письме Наполеону, «Екатерина II пригласила меня ко двору в надежде заставить меня служить устройству и укреплению деспотизма властителей империи». «Представление о символическом порядке» деятельности изменилось весной 1768 года, изменилась и сама деятельность. Философ, готовый «оказать услугу человечеству», не станет подручным деспота. Очевидно, что названное представление о «символическом порядке действия» опреде-

³⁰ Цит. по: Todorov 1977. P. 334.

³¹ Этот феномен хорошо объяснил Рикёр, отметив: «если принять во внимание индивидуальный аспект действия, то его субъект может отвлечься от соображений, побуждающих его действовать, и соотносить их с символическим порядком (*ordre symbolique*), который он представляет себе сам, не связывая его непосредственно с самим действием». *Ricœur* 1986. P. 273.

ляет и идентичность исторического субъекта. На пути в Санкт-Петербург расширялось «общее топическое пространство» – пространство коммуникации, возникала «система символов», благодаря которой собеседники не только определенным образом интерпретировали смысл и характер его поездки, но и уточняли для себя условия приемлемости его дискурса о «благе человечества» и реформах в России. «Общность представлений», о которой писал Ч. Тейлор, есть общность «системы символов», но это не означает, что они были изначально идентичными. Общность возникает в *процессе коммуникации*. Другими словами, анализируя структуру коммуникативного действия, мы не только констатируем «успешность использования в обществе артефактов культуры», в частности, культуры Просвещения, но и наблюдаем развитие последней, если угодно, в рамках микроисторического исследования.

Разумеется, размышления методологического характера, которые представлены в статье, нуждаются в развитии, главным образом в отношении символической структуры коммуникативного действия. Здесь же вернемся к истории, рассказанной Екатериной II Сегюру, и повторим вопрос: зачем было вспоминать историю двадцатилетней давности? Как-то в одном из писем к Ф.-М. Гримму она написала: «философы никогда не будут направлять мои поступки» (*les philosophes ne me guideront jamais*)³². С учетом сказанного, целесообразно сформулировать вопрос иначе, а именно: что отражает насмешка Екатерины, а лучше сказать, реакцией на что она является? Ответ напрашивается сам собой: она отражает вновь возникший культурный контекст. Понять его смысл позволяет «насыщенное описание», некоторые критерии, которыми следует руководствоваться при его создании, предложены в настоящей статье применительно к конкретному исследованию.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бильбасов В. Исторические монографии. СПб., 1901 [Bilbassov V. Istoritcheskie monografii. Saint-Pétersbourg, 1901].
- Гирц К. Интерпретация культуры. М.: РОСПЭН, 2004. [Geertz C. Interpretatzia kultur. M.: ROSSPEN, 2004].
- Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: НЛО, 2002. [Darnton R. Velokoje koshatshie poboistshe i drugie epizody iz istorii frantzuzskoj kultury. M.: NLO, 2002].
- Шартрь Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Искусство, 2001. [Chartier R. Kulturnye istoki Frantzuzskoj revoliutzii. M.: Iskustvo, 2001].
- Beaupaire P.-Y. La France des Lumières 1715-1789. Paris: Belin, 2011.
- Boulad-Ayoub J. Mimes et parades. L'activité symbolique dans la vie sociale. P., L'Harmattan, 1995.
- Chartier R. Au bord de la falaise. Histoire entre certitudes et inquiétude. P., Albin Michel, 1998.
- Cohen A. Two-Dimensional Man. An Essay on the Anthropology of Power and Symbolism in Complex Society, University of California Press, 1976, p. 81-101.

³² Dulac 2004. С. 468.

- Dulac G. «Sept ans de travaux de Ribeiro Sanches» // Culture française et archives russes. Une image de l'Europe au XVIIIe siècle. Ferney-Voltaire, Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2004.
- Fabre J. Stanislas-Auguste Poniatowski et l'Europe des Lumières, Étude de cosmopolitisme. Paris: Institut d'Études slaves, 1952.
- Geertz C. Available Light. Anthropological Reflexions on Philosophical Topics, Princeton University Press, 2000.
- Gusdorf G. Principes de la pensée au siècle des Lumières, Paris, Payot, 1971, t. IV.
- Harris M. Theories of Culture in Postmodern Times, London, Altamira press, 1999.
- Herencia B. «Enquête sur l'entrée de Lemercier de la Rivière dans le cercle de Quesnay», Cahiers d'économie Politique / Papers in Political Economy, 2013/1, n° 64, p.135-155.
- Lortholary A. Les philosophes du XVIIIe siècle et la Russie. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle, Paris: Boivin, 1951.
- May L.-Ph. Lemercier de La Rivière (1719–1801). Aux origines de la science économique, Paris: CNRS Éditions, 1975.
- Norbert E. Théorie des symboles. Paris, éd. du Seuil, 2015.
- Poirrier Ph. Les enjeux de l'histoire culturelle, Paris, Éditions du Seuil, 2004.
- Ricœur P. «Le symbole donne à penser», Esprit, 27/7-8 (1959). P. 1-19.
- Ricœur P. «La raison pratique», Du texte à l'action. Essais d'herméneutique II. Paris: Éditions du Seuil, 1986.
- Ricœur P. L'idéologie et l'utopie, Paris, Éditions du Seuil, 1997.
- Taylor Ch. L'âge séculier. Paris: Édition du Seuil, 2011.
- Stroev A. Les aventuriers des Lumières, Paris, PUF, 1997.
- Todorov T. Théories du symbole. Paris: Éditions du Seuil, 1977.
- Waquet F. Republica academica, Rituels universitaires et genres du savoir aux XVIIe-XXIe siècles, Paris, PUPS, 2010.
- Whittaker C. Hyla. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue, DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2003.
- Zanin S. «Le concept de réforme de Catherine II, La dynamique du changement politique et juridique: la réforme, Actes du colloque International, Aix-en-Provence, 2013. P. 131-143.
- Zanin S. Utopisme et idées politiques (Visite de Pierre-Paul Lemercier de La Rivière à Saint-Petersbourg). Avec la publication des inédits, P.: Classiques Garnier, 2018.

Занин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Отечества, медицины и социальных наук Самарского государственного медицинского университета; zansamara@mail.ru

Communication, culture and representation

An episode from the history of Russian-French cultural relations

The article is focused on the visit of Pierre-Paul Lemercier de La Rivière de Saint-Médard (1719–1801), a well-known French physiocrat and a former Intendant of the Isle of Martinique, to St Peterburg in September 1767 – March 1768 upon the invitation of Empress Catherine II. The analysis of the sources helps develop the criteria of a thick description of social structures, within which communication took place, as well as the evolutions of the “systems of symbols”, and a hypothesis of the origin of social views has been offered.

Ключевые слова: Russia, Catherine II, Lemercier de La Rivière, French physiocrats, communication, cultural representations

Sergey Zanin, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of History, Samara State Medical University; zansamara@mail.ru

А. А. МИТРОФАНОВ

РОССИЯ КАК “АНТИПОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ” ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЮРО ДИРЕКТОРИИ И ГЕНЕЗИС РУСОФОБИИ ВО ФРАНЦИИ

Статья посвящена конструированию образа России в революционной Франции. После переворота 18 фрюктидора V года Директория вводит цензуру, репрессии и создает секретную службу контроля за общественным мнением. Один из руководителей этого бюро, В.Р. Барбе рассматривает в своих сочинениях политическое устройство России. Возникновение «русофобии» связывают с последствиями наполеоновских войн и относят рождение этого феномена к первой четверти XIX в. На основе документов Национального архива Франции показано, что идея «русской опасности» для европейского баланса сил развивалась в 1797–1798 гг. неоякобинцами, которые фактически переняли эту идею у монархистов. Усилия Директории не породили в обществе «фобии», которая будет характерна для середины XIX века, хотя и усилили скептицизм относительно степени цивилизации России, которая оставалась удобной мишенью пропаганды.

Ключевые слова: фрюктидор, Ребель, Барбе, пропаганда, общественное мнение, пресса, Французская революция, Директория, Россия, русофобия

После государственного переворота 18 фрюктидора (сентябрь 1797 года) обновленная французская Директория вводит политическую цензуру, организует репрессии против роялистов и создает секретную службу пропаганды и контроля за общественным мнением – политическое бюро. Один из руководителей этого «бюро» – литератор, бывший якобинец Венсан Рене Барбе рассматривает в своих сочинениях политическое устройство России и предлагает различные политические линии политики в отношении русского двора. До настоящего времени возникновение «русофобии» связывают с последствиями наполеоновских войн и относят рождение этого феномена в разных европейских странах на конец первой четверти и вторую четверть XIX в. В настоящей статье на основе ранее неопубликованных документов Национального Архива Франции показывается, что идея «русской опасности» для европейского баланса развивалась в 1797–1798 гг. якобинскими публицистами, которые фактически переняли эту идею у таких монархистов как Малле дю Пан или де Пейсонель. Политические взгляды не создавали новой основы для восприятия внешней политики России в Европе, ее участия в делах польских и турецких. «Русский мираж», созданный философами Просвещения, утратил свою политическую актуальность в революционные годы, хотя в литературном мире образы просвещенных правителей России – Петра I и Екатерины II были все еще востребованы. Вместе с тем, даже пропагандистские усилия Директории в

печати не породили в революционном обществе настоящей «фобии», которая будет характерна для середины XIX в., хотя и усилили скептицизм относительно степени цивилизации России и политического развития ее народов. Французское общественное мнение в 1790–1800-е гг. было подвержено одной главной фобии – «англофобии», которая насаждалась властями очень активно и успешно. Россия же, как самый далекий враг революции, оставалась именно удобной мишенью пропаганды. Французское общество периода Революции обладало высокой степенью резистентности к идеологии и в нем все больше распространялось недоверие к прессе, что было результатом потрясений 1789–1795 гг., поэтому, политическая официальная печать, как и оппозиционная, распространявшая сведения о России, не была способна стать инструментом конструирования «фусофобии»¹. Запрос на имагологическую проблематику исследований остается весьма актуальным, так как сложности в международных отношениях порождены старыми стереотипами взаимных представлений и преодоление их во многом, если не полностью, зависит от глубины их понимания и интерпретации².

В историографии чаще всего уделяют внимание периоду Консульства и Империи, а потому вопрос об отношении французской печати последних лет XVIII столетия к России остается в тени³. Идеологи бонапартистской политики пытались строить позитивный образ России как возможной союзницы Франции при помощи традиционных и в целом негативно окрашенных стереотипных представлений, существовавших еще с середины XVIII века. Отличие было в том, что пропагандисты 1800-х годов вместо устаревшей идеи сдерживания российской экспансии при помощи «восточного барьера» предлагали заключить союз с Российской империей, сохраняя при этом прежний страх перед «северным колоссом»⁴. В наиболее отчетливой форме в более поздний период – периода Империи, это отражено в таких сочинениях как «Политика русской нации» (1807) и «О росте могущества России от ее истоков до начала XIX века» (1812)⁵.

Прежде чем обратиться к сочинениям периода Директории о Российской империи, в которых речь идет о противопоставлении политических систем Франции и России, отметим, что, в целом, французская «Россика» конца XVIII в. представляла собой пестрое сочетание противоположных мнений, где доминировал скептицизм относительно состояния и перспектив цивилизации России, в меньшей степени были

¹ Porkin 2011.

² Чудинов 2017. С. 234.

³ Митрофанов 2006.

⁴ Митрофанов 2006. С. 145.

⁵ *Politique de la nation Russe...*; Lesur 1812.

заметны сторонники философского «русского миража». Вместе с тем, немало авторов занимались разоблачением агрессивной, с их точки зрения, военной политики России против Турции, Польши и Швеции.

Среди череды сочинений революционной поры о России необходимо особо упомянуть три: «Об угрозе политическому балансу Европы»⁶ Малле дю Пана, «Философическое путешествие в Россию» Шантро и памфлет швейцарца Форнеро «Взгляд на современное состояние России»⁷. Два автора из трех упомянутых относились к представителям левого течения в Революции, но если Шантро в России никогда не был, то Форнеро ее посещал и работал здесь в качестве гувернера⁸.

Жак Малле дю Пан, книга которого вышла анонимно в 1789 г., очертил круг проблем дипломатических, военных и внутривнутриполитических, которые будут затрагивать все последующие авторы, обращавшиеся к России, его афористичные и яркие мысли станут основой для целой плеяды текстов на «русскую тему» следующего века и, хотя он отмечал, что «не существует государства от Каспийского моря до Гибралтара, чье спокойствие не поколебала бы Россия и не возбудила бы предусмотрительность», но цель его была в том, чтобы показать несостоятельность старой королевской политики Франции по созданию «восточного барьера» и указать на опасность роста влияния России на европейский баланс сил⁹. Сформулированные Малле дю Паном в самом начале революционного десятилетия темы положены в основу многочисленных докладов и записок департамента иностранных дел.

Среди схожих друг с другом текстов есть и «Дипломатическая записка о средствах помешать проектам России и раздавить эту огромную массу под ее собственным весом» некоего агента Дюрозуа, в 1796 г. развивавшего тему русской опасности для Турции и предлагавшего министру иностранных дел Директории конкретные действия: «Не стоит сомневаться, что кабинет Петербурга имеет планы на европейскую Турцию точно такие же, как и на несчастную Польшу. Нужно было бы совсем не иметь представления о честолюбии и упрямстве Екатерины, чтобы отказаться признавать такой очевидный факт. Три вида мер должны быть применены в обязательном порядке с целью разрушить замысел и сам колосс с помощью его же собственных сил. 1) Нужно заставить Порту признать изменников, что ее окружают, я имею в виду греков в министерстве, которые почти все склоняются в сторону России (я знаю имя и взгляды этих подлецов). Этот первый шаг, который примирит нас с турками полностью и укрепит турок в качестве наших

⁶ [Mallet du Pan] 1789.

⁷ Fornerod 1799.

⁸ Ржеуцкий, Банделье 2011.

⁹ Blanc 1968. P. 281.

союзников и обеспечит нам большое превосходство и влияние над ними. 2) Направить в Яссы талантливого патриота, который разъяснит грекам их подлинные интересы и представит в самых поразительных образах намерения петербургского двора. Следовательно, необходимо, чтобы он применил все средства с целью ослабить доверие русского посла при князе и других греческих сеньорах. С этого момента Молдавия не будет уже русской провинцией и не станет легким плодом их быстрых завоеваний. 3) Поскольку частью русской политики является постоянная поддержка внутренних врагов Порты, то это государство должно также постоянно поддерживать беспорядки в России и раздавить ее с помощью ее же самой. Чтобы добиться этой цели, Турция должна привлечь на свою сторону малых татар и казаков. Последние разделяются на три класса, то есть донские казаки, днепровские и украинские. Эти воинственные народы знают цену свободы, оплакивают свое право избирать главу и изгонять его по собственному желанию, они способны поднять 400 или 500 тысяч превосходных кавалеристов, ненавидящих русское ярмо и каждый год поднимают знамя восстания». План Дюрозуа базировался не только на обширной литературе о народах России, но и на хорошем знании истории. Написав о создании зоны нестабильности на южных окраинах Российской империи и сети секретных агентов, он заключал: «Нет иного средства победить этот колосс и остановить столь же быстрый, сколь и пугающий рост все увеличивающейся язвы. Нет другого средства вернуть Польше политическое существование, заставить воспрянуть Швецию и Данию. Мое пребывание в России в течение десяти лет убедило меня, что нет страны в мире более склонной к революции. Можно также почувствовать легче все причины к тому, чтобы не излагать их здесь»¹⁰.

Таким образом, дипломатические проекты относительно России «не для печати» существенно отличались от газетных статей, «русская угроза» Турции и косвенно интересам Франции рассматривалась здесь строго предметно, а не в качестве пропагандистского клише. Иная ситуация складывалась в области пропаганды, где к стереотипам «русского варварства» при описании политики России прибегали публицисты всех направлений, от оппозиционных монархистов до неоякобинцев.

Для темы настоящей статьи важен также и памфлет Форнеро, который в разгар военной кампании 1799 года, т.е. одновременно с другими пропагандистами Директории, пытался минимизировать в печати силу русской армии и заставить поверить швейцарцев и французов, что ей можно сопротивляться, развенчивая мифы о непобедимости и бесконечности русских войск. Крестьяне в России словно «несчастные

¹⁰ ААЕ. MD. Russie. XXXI. № 38. F. 331-332.

животные, которые, кажется, находятся посередине между человеком и зверем», армия же низкооплачиваема и плохо дисциплинирована¹¹.

В связи с особым интересом к русской теме и снятием цензурных ограничений с молчаливого или официального разрешения властей публикуются актуальные исторические сочинения о екатерининском царствовании Ж.А. Кастера, Ж.Ш. Лаво, К.К. Рюльера, исторический памфлет С. Марешаля¹². Но серьезная историческая литература оставалась уделом интеллектуалов. Для своих целей, как пропагандистских, так и дипломатических, правительство привлекало наиболее талантливых и близких к себе по политическим взглядам писателей и журналистов. В связи с этим стоит остановиться на фигуре журналиста Венсана Рене Барбе дю Бертрана, сыгравшего большую роль в организации политической пропаганды этого периода (1797–1799), прежде всего, своими попытками «мягкого» управления прессой и переосмысления отношений с ведущими державами. Все последующие авторы памфлетов о России в той или иной степени опирались на наследие периода Революции, хотя и не всегда ссылались на него.

Родившийся в 1770 г. в г. Туре, Барбе встретил Революцию в сутане ора토리анца, преподавал литературу в колледже Арраса. Его религиозные воззрения оказались не слишком устойчивыми, в 1789 г. он отказался от сана, женился и вступил в народное общество Арраса. В 1792 г. был арестован, но после падения монархии освобожден и назначен администратором дистрикта Бопом, оставаясь на этой должности до падения диктатуры монтаньяров. Немалую роль в судьбе Барбе сыграл видный монтаньяр, прославившийся своей жесткостью, комиссар Конвента Жозеф Лебон. После 9 термидора, когда для монтаньяров и особенно друзей Лебона в этом регионе наступили нелегкие времена, Барбе бежал и скрылся в Париже, где жил очень скромно, не занимая никаких должностей и зарабатывая преподаванием латыни. Только в 1797 г., за несколько месяцев до государственного переворота, член Директории Ребель принял Барбе на службу. После фрюктидора (в сентябре 1797 г.) при Директории под контролем генерального секретаря Лагарда создается бюро с целью способствовать исправлению общественного мнения в духе взглядов правящего триумvirата в Директории в составе Барраса, Ребеля и Ларевельера-Лепо. Бывший якобинец и журналист Барбе как нельзя лучше подходил для этой роли. Вместе с тем, он предпочитал не подписывать свои материалы подлинным именем, так как был не раз узнаваем в Париже как пособник «монстра» Лебона. Барбе занимался разными политическими вопросами и это отражено в архивных коллекциях, большая часть их хранится

¹¹ Corbet 1967. P. 37.

¹² Maréchal 1807.

в Национальном Архиве Франции и Национальной Библиотеке Франции, а незначительная часть переписки – в РГАСПИ (Москва)¹³. Документы Национального Архива и РГАСПИ, положенные в основу данной статьи, относятся к 1799 г., когда Россия уже вступила в военные действия против революционной Франции, и никогда не публиковались в печати, поскольку носили конфиденциальный характер, и требовалось одобрение генерального секретаря Директории или ее членов, чтобы сделать эти тексты достоянием общественности.

Сочинения Барбе о России 1797–1799 г. относятся к жанру политического памфлета, часть из них печаталась в парижской прессе «под влиянием», т.е. в интересах правительства, часть оставалась в рукописном виде и оказывалась на столе у членов Директории. Особенно интересно, что они созданы уже в период царствования Павла I, когда в среде французских дипломатов существовали надежды на урегулирование отношений между Россией и революционной Францией, но уже прорисовывались контуры Второй антифранцузской коалиции.

23 термидора VI г. Барбе направляет Директории мемуар «О политической системе России», который был рассмотрен и рекомендован одним из высших руководителей, возможно, секретарем Ж. Лагардом, к печати в парижских газетах с уточнением «если статья будет одобрена». В этом памфлете он предлагает широкую панораму российской политики, но в центре его внимания остается главный аспект – участие России в антифранцузской коалиции. Оставаясь верным традициям революционной журналистики, Барбе останавливается на отношениях русского двора с философами, отрекаясь от их заблуждений, а также делает вывод о том, что в российском климате и при необъятных территориях, по-видимому, невозможно создать цивилизованную империю, а потому российские государи с завидным постоянством обращают свои взоры в сторону Турции и германских земель. Екатерину II на троне сменил «мрачный» и «фанатичный» Павел I, обладающий к тому же «весьма слабым умом» и еще большими, чем у его матери амбициями. «Павел во власти своей химерической идеи, что он является единственным антиподом Французской революции, добавляет к этому изощренную теорию рабства, которую хочет представить при заключении сделки по мере развития наших принципов равенства, он извлекает из глубин памяти кого-либо из своих рабов, что кажутся наиболее ревностными в культе Святого Николая, чтобы устроить апофеоз, противопоставить, таким образом, одного многим великим, которых мы поместили в Пантеоне». Но, несмотря на столь нелестную характеристику русского императора, Барбе делает прогнозы возможного раздела влияния в Европе с участием России: «Очевидно, Павел, накапливает силы

¹³ AN / III / 45. Dossier 64; РГАСПИ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-12.

в широчайших владениях Турции, чтобы приблизить агрессивные планы и на остальной части Европы, его влияние доминирует в Германии с целью вступить в схватку с великой нацией франков. Равновесие Европы с этого момента перестает существовать, континент подвергается разделению между Францией и Россией, но господство на море остается за Великобританией и, таким образом, скипетр русских не более чем прут, по сравнению с ее трезубцем»¹⁴.

Именно Барбе принадлежит, как можно предположить, честь создания парадокса французской пропаганды периода войны со Второй коалицией: русский император Павел – защитник мусульманского культа и интересов Турции. «Неверный» с точки зрения исламской религии монарх, помогает султану подчинить себе других мусульман. 40 тыс. русских должны прийти и захватить Виддин у паши Пассван-Оглу, укрепить Константинополь за султаном, а для этого необходимо, чтобы Павел собрал на широких пространствах Турции свои войска. С легкой руки Барбе и его сотрудников-официозных журналистов, этот сюжет станет весьма популярным в прессе.

В интерпретации Барбе, внимание и интересы Петербурга переключаются с Босфора на земли Германии. При этом ни разу в обширной коллекции документов за подписью Барбе и его коллег не обнаруживается упоминаний «Завещания Петра Великого» и подобных апокрифов. Выводы и предложения Барбе касаются германских государей и австрийского императора, их взаимоотношений не только с Россией, но и с коварной Англией. Характерен совет, который автор памфлета дает венскому двору: «Окинь взором вокруг себя, обдумай твои рискованные возможности, которые британская политика рассеивает вокруг твоего трона, открой же глаза на твои собственные интересы, и ты станешь верным союзником Франции против узурпаций России»¹⁵.

В контексте объявления коалицией войны Французской республике, Барбе рассматривает отношения революционной Франции с Российской империей и в своем «Декадном обозрении», подготовленном в апреле-мае 1799 года специально для членов Директории. Рукописные «Обозрения» являлись продолжением традиции придворных альманахов, характерных для публицистики XVIII в., т.е. не предназначались для публикации, поэтому обратим внимание на термины и основные принципы советника Директории по пропаганде. «Австрия нам объявила войну до победного конца, но она составляет против нашего нового правительства заговор; ей не так уж важно, Директория или Бурбоны правят на берегах Сены, но знаки революции, что расцветают

¹⁴ AN /III/ 45. D. 164. F. 60.

¹⁵ AN /III/ 45. D. 164. F. 60.

вокруг нее, ее беспокоят, она боится, что ее императорский скипетр может ослабеть и хочет теперь революционизировать Германию с помощью русской системы и заняться Саксонией, Баварией, Швабией и Франконией; она призвала русских, чтобы подняться над капитуляциями, как было прежде, когда император оставался первым среди равных в республике между немецкими князьями [...] Бавария и Палатинат должны пассивно действовать согласно его верховной воле, последние события в Раштатте показывают, что больше нет необходимости в торжественном и бережном обращении с вещами, освященными законами, Павел, верный своей обычной линии, теперь придет и поддержит трон цезарей, чтобы наконец-то стать настоящим Дон Кихотом монархии, я полагаю, что этот варвар имеет глубокие потаенные амбициозные мысли и держит их в самой глубине своей души»¹⁶.

Очередной государственный переворот 30 прериаля VII года, серьезно изменивший соотношение сил во Франции, привел к тому, что система пропаганды Директории была реорганизована, а политическое бюро изменило функции. Тем не менее, Барбе продолжил обращаться в Директорию с конкретными предложениями по текущим политическим темам. Так в РГАСПИ сохранилась его переписка с членом Директории Ж.П. Баррасом, где он неоднократно возвращается к вопросу о роли России в новом балансе сил в Европе¹⁷. Однако, нигде в материалах политического бюро и в фондах внешнеполитического ведомства мы не обнаруживаем следов апокрифичных документов, все мемуары и обзоры имели четкую цель и аудиторию, как правило, оставаясь недоступными широкому читателю. Ссылки на европейскую прессу в текстах о России вызывали у республиканской элиты больше доверия, нежели фантазии на тему возможного «русского господства» на континенте. Сама же идея о страхе перед «русской угрозой», опасностью «роста русского могущества» на протяжении всех революционных лет оставалась только эхом реальных опасений французского правительства относительно военных возможностей России против Турции, а также таких стран, как Польша и Швеция, это вовсе не носило характера всеобъемлющей фобии. Только в самом конце режима Директории в общественном сознании впервые появляется представление о возможном столкновении с русскими войсками не только на чужих землях, но и непосредственно у границ Франции и в этом не было заслуг революционной пропаганды, поскольку впервые с 1789 года Россия принимала реальное участие в войне против Французской республики.

¹⁶ АФ/III/45. D. 164. F. 59-60.

¹⁷ Barbet au citoyen Directeur Barras. 12 fructidor, an VII. РГАСПИ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1-3.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гро Д. Россия глазами Европы. Триста лет смены ракурсов. Отечественные записки. № 5 (38). 2007. С. 6-28.
- Митрофанов А.А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800-1801 гг.) // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906-1976). М., 2006. С. 130-145.
- Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 320. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-12.
- Ржеуцкий В. С., Банделье А. «Республиканец» Форнеро: швейцарский гувернер против царской пропаганды // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011. С. 265-293.
- Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 280.
- Archives des affaires etrangeres. (AAE) MD. Russie. XXXI. № 38. F. 331-332.
- Archives Nationales (AN)/III/45. Dossier. 164. F. 59-60,142-143.
- Blanc S. Histoire d'une phobie: Le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 9. P. 265–293.
- Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris: Didier, 1967.
- Fornerod. Coup-d'oeil sur l'état actuel de la Russie, envisagée sous ses rapports physique, moral, économique, politique et militaire, ou les Russes tels qu'ils sont, par un ami de la vérité. Lausanne, 1799. 238 P.
- Lesur Ch.-L. Des progres de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX. siecle. Paris, 1812. 460 P.
- [Mallet du Pan] Du péril de la balance politique de l'Europe, ou exposé des motifs qui l'ont altérée dans le Nord depuis l'avènement de Catherine II au trône de Russie. Londres, 1789.
- Maréchal S. Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants, par l'auteur du «Voyage de Pythagore». Paris: Arthus-Bertrand, 1807.
- Politique de la nation Russe. Amsterdam, 1807. P. 380;
- Popkin J. La Presse de la Revolution. Paris, 2011. P. 356.

REFERENCES

- Gro D. Rossiya glazami Evropy. Trista let smeny rakursov. Otechestvennye zapiski. № 5 (38). 2007. S. 6-28.
- Mitrofanov A.A. Russko-francuzskie otnosheniya v zerkale bonapartistskoj propagandy (1800-1801 gg.) // Francuzskij ezhegodnik 2006: Napoleon i ego vremya. K 100-letiyu A.Z. Manfreda (1906-1976). M., 2006. C. 130-145.
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii. RGASRI. F. 320. Op. 1. D. 3. L. 1-12.
- Rzheuckij V. S., Bandelie A. «Respublikanec» Fornero: shvejcarskij guverner protiv carskoj propagandy // Francuzskij ezhegodnik 2011: Frankoyazychnye guverneri v Evrope XVII–XIX vv. M., 2011. C. 265-293.
- Chudinov A.V. Istoriya Francuzskoj revolyucii: puti poznaniya. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2017. S. 280.
- Archives des affaires etrangeres. (AAE) MD. Russie. XXXI. № 38. F. 331-332.
- Archives Nationales (AN)/III/45. Dossier. 164. F. 59-60,142-143.
- Blanc S. Histoire d'une phobie: Le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 9. P. 265–293.
- Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris: Didier, 1967.
- Fornerod. Coup-d'oeil sur l'état actuel de la Russie, envisagée sous ses rapports physique, moral, économique, politique et militaire, ou les Russes tels qu'ils sont, par un ami de la vérité. Lausanne, 1799. 238 P.
- Lesur Ch.-L. Des progres de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX. siecle. Paris, 1812. 460 P.

[Mallet du Pan] Du péril de la balance politique de l'Europe, ou exposé des motifs qui l'ont altérée dans le Nord depuis l'avènement de Catherine II au trône de Russie. Londres, 1789.
Maréchal S. Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants, par l'auteur du «Voyage de Pythagore». Paris: Arthus-Bertrand, 1807.
Politique de la nation Russe. Amsterdam, 1807. P. 380;
Popkin J. La Presse de la Revolution. Paris, 2011. P. 356.

Митрофанов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; paxgallica@gmail.com

Russia as an “antipode of the French revolution”.
The political bureau of the Directory and the genesis of “Russophobia” in France

After the revolution, on 18 Fructidor of the year V the Directory introduced censorship, initiated repressions and established a bureau for control of public opinion. One of heads of this bureau, a Jacobean V.R. Barbet discussed the political system of Russia. Emergence of “Russophobia” is often connected with the consequences of Napoleonic wars and the birth of this phenomenon is usually dated by the first quarter of the 19th century. On the basis of documents of National Archive of France, it has been shown that the idea of "the Russian danger" to the European balance of forces was developed in 1797-1798 by Jacobeans who actually borrowed this idea from monarchists. The efforts of the Directory did not produce a “phobia” in the society, which would be characteristic of the middle of the 19th century, though it succeeded in increasing skepticism concerning degree of a civilization of Russia.

Keywords: Fructidor, Reubell, Barbet, propaganda, public opinion, press, French Revolution, Directory, Russia, Russophobia

Mitrofanov Andrey Aleksandrovich, researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; paxgallica@gmail.com

РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В КОНСТРУИРОВАНИИ ПАМЯТИ ФРАНЦУЗОВ О ПОХОДЕ В РОССИЮ В 1812 ГОДУ

В начале XIX в. Россия еще оставалась малоизвестной для европейцев страной, путешественники из Европы не часто имели возможность исследовать различные уголки империи. Собранные накануне войны 1812 г. французской разведкой материалы по географии России, в сочетании с собственными впечатлениями участников похода, легли в основу представления французов о роли географических факторов в поражении Наполеона в России. В статье анализируются механизмы взаимодействия сведений из литературы, аналитических материалов разведки и источников личного происхождения при формировании исторической памяти о войне 1812 г. во Франции.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., общественное мнение, география России, представления народов друг о друге, Наполеон*

На протяжении XVIII – начала XIX в. в Европе было опубликовано значительное число сочинений различного жанра, посвященных российскому государству, отдельным монархам, географии и природе России, ее населению¹. Благодаря распространенной в Европе моде на французскую литературу, искусство и философские идеи, именно французские авторы играли важную роль в формировании европейских представлений о России. Философы, дипломаты и литераторы эпохи Просвещения создали две конкурирующие концепции изображения России. Дипломаты и государственные деятели чаще описывали Россию исходя из потенциальной угрозы, которая могла от нее исходить по отношению к интересам Франции. Тогда как влиятельные авторы философско-литературных произведений положили начало формированию т.н. «русского мифа», весьма популярного в середине – второй половине XVIII столетия². В борьбе этих двух концепций постепенно все большую популярность набирали негативные по отношению к России картины и эта тенденция заметно усилилась в период Французской революции и Первой империи из-за регулярно происходивших прямых столкновений двух стран на полях сражений³.

Революционные события конца XVIII – начала XIX в. катализировали во многих европейских странах процессы национального строительства. Для общества внутри Франции это был очень значимый период в процессе самоопределения и самопознания, формирования новой

¹ См. об этом: Вульф 2003.

² Подробнее см.: Lortholary 1951.

³ Промыслов, Прусская, Митрофанов. 2015. С. 346-347.

постреволюционной идентичности. Всякое самопознание связано со сравнением себя и «Другого»; для многих европейских стран важным конституирующим «Другим» в силу различных причин уже в XVIII в. стало российское государство, и во многом оно до сих пор сохраняет эту роль. При описании других стран авторы всегда делают акцент на специфических чертах и отличиях от своего народа и страны⁴. Отличия России от европейских государств, в первую очередь Франции, часто выражались через описание необычного климата и географических характеристик империи царей, которые часто связывали с более низким уровнем развития цивилизации. События похода Наполеона 1812 года дали богатейший материал для формирования представлений французов о России благодаря множеству газетных публикаций, иных пропагандистских материалов, данных разведывательных служб, а также частной переписке и мемуаров участников похода. И в памяти об этой кампании особенности российской географии и климата стали играть одну из ключевых ролей в оправдании поражения Наполеона.

Подготовка к кампании против России велась Наполеоном более года. Современные исследователи утверждают, что император французов принял окончательное решение о необходимости войны с Александром I в октябре 1810 г., рассчитывая завершить подготовку к марту 1812 г.⁵ За это время были мобилизованы ресурсы многих европейских государств: собраны резервы войск, провиант, фураж, велся активный сбор информации о территории будущего театра военных действий. Была подготовлена и отпечатана на французском языке весьма подробная для того времени карта Российской империи⁶.

Сбор информации о России начался с октября 1810 г. по указанию Наполеона. Единой разведывательной службы во Франции в тот момент не было. Агентурной работой занимались несколько разведцентров: в Варшаве им руководил будущий историк Л.П.Э. Биньон, в Данциге – генерал Ж. Рапп, в Северной Германии (Гамбург) – маршал Л.Н. Даву. В декабре 1811 г. бюро Биньона получило конкретные задачи – военная разведка, перлюстрация и перевод перехваченных бумаг, допрос перебежчиков⁷. Кроме того, Биньон должен был собрать информацию не только о приграничных районах, но и обо всех территориях вдоль главных дорог от Вильно на Петербург и Москву. Все данные из посольств поступали в МИД, где был создан информационный отдел

⁴ О роли образа «Другого» в процессе формирования наций см.: Репина 2012.

⁵ Земцов 2017. С. 19.

⁶ Подробнее о подготовке французской карты см.: Ададунов 2011. С. 21-42; Безотосный 2004. С. 190-202; Попов 2010. С. 100-118.

⁷ Безотосный 2004. С. 40-41.

(Бюро внешней статистики) для систематизации и анализа сведений об иностранных армиях. Во главе отдела стоял Л.Ф. Лелорнь д'Идевиль, который имел большой опыт разведывательной деятельности в Пруссии и России и к тому же владел русским языком⁸. Он же осуществлял поиск информации по архивам французского МИД. Одновременно, французские посольства в других странах собирали сведения о России.

Помимо информации исключительно военного характера собирались также топографическая и статистическая информация о российских губерниях, на территории которых потенциально могли вестись боевые действия. При подготовке сводных материалов⁹ их авторы активно использовали географические описания Российской империи, опубликованные в Германии и России¹⁰. Печатными источниками при подготовке сведений пользовались не только сотрудники в Париже, но и находившийся в Варшаве Биньон, которому не хватало проверенных данных от агентов¹¹. В этих материалах, представленных в виде больших таблиц и рукописных тетрадей, наряду с топографической и статистической информацией, можно найти размышления авторов об истории России в целом и отдельных ее провинций, описания быта и нравов проживающих здесь народов.

Обязательной частью тетрадей, посвященных отдельным губерниям или более крупным регионам, был раздел о климате. Правда информация представлена в разных тетрадях весьма неравноценно. Так, для Эстляндии со ссылкой на многолетние наблюдения указаны температурные минимумы и максимумы за год и в целом климат характеризовался как «умеренный и здоровый»¹². Погода в Курляндии была обрисована более схематично: «Климат хороший, но суровый... может быстро переходить от жары к холоду и от холода к жаре. Часты дожди и туманы»¹³. Эта информация не могла ответить, например, на такой важный вопрос: в каком месяце может понадобиться французским солдатам зимняя форма. В объемной тетради по Лифляндской губернии уже довольно точно указано время прихода зимы: «Зима начинается с приближением ноября и продолжается до марта. Иногда холода бывают и в апреле... Снег начинает идти часто в октябре, а иногда даже в

⁸ Безотосный 2004. С. 39.

⁹ Один из наиболее полных комплексов материалов по России, подготовленных французской разведкой накануне войны отложился в архиве военного ведомства: SHD DAT, Фонд 1М. Картоны 1488–1489. Копии этих же материалов можно найти также и в других архивах Франции и России.

¹⁰ Важными источниками сведений о российских губерниях стали: Ehrmann 1807; Hassel 1809; Petri 1809; Storch 1795; Storch 1797–1803; Георги 1799.

¹¹ См.: Промыслов 2013. С. 195–210; Михайлова, Промыслов 2015. С. 64–80.

¹² SHD DAT. M1. 1488. Statistique de Gouvernement d'Esthonie. P. 1–2.

¹³ SHD DAT. M1. 1488. Statistique de Courlande. Tableau topographique. P. 1.

сентябре. Но он быстро тает и потому дороги, на которые уже выпалал снег, нельзя использовать до конца ноября или даже начала декабря»¹⁴.

Очень подробные и точные данные о климате содержались в тетради о Московской губернии. Со ссылкой на труды побывавшего в Москве в 1790–1791 гг. немецкого исследователя Э. Вихельхаузена¹⁵ авторы указали число солнечных и дождливых дней в году и описали традиционный режим ветров на протяжении года¹⁶. Относительно невысокое количество солнечных дней, как полагали авторы, задерживало развитие цивилизации в регионе, что опять-таки соответствовало теориям, увязывавшим климат и уровень развития цивилизации. В материалах о Московской губернии указывались также минимальные (–21 градус по шкале Реомюра) и максимальные (+24 градуса) температуры в году, упомянув о случаях экстремальной жары (до 27 градусов), а также чрезвычайных морозов (от 30 до 32 градусов), при которой начинала замерзать ртуть¹⁷. При этом утверждалось, что холода в Москве слабее, чем в Петербурге, но сильнее, чем в западных странах, которые находятся на той же широте. Зима, по мнению авторов, длится в Московской губернии с 15 ноября по 15 апреля, и всего за год насчитывается до 160 дней с отрицательными температурами. «Зима дает себя почувствовать в конце октября длинными сумерками. Реки начинают замерзать в середине ноября. Ледяной покров достигает 24–33 дюймов и более плотный здесь, чем в других регионах, так что может выдерживать пушки. Снег выпадает уже в октябре. Однако только в первые месяцы нового года зима становится необычайной для жителей южных стран. Потепление начинается в середине апреля, в редких случаях – в конце марта. Жара летом здесь вполне сравнима с погодой в самых южных странах Европы»¹⁸. Украинский исследователь В.В. Ададуrow в опубликованной в 2017 г. монографии утверждает, что «эта статистическая информация послужила важнейшим источником формирования представлений французов о Российской империи»¹⁹. Однако автор не приводит документальных подтверждений того, что эти материалы получили широкое распространение среди командования и офицеров среднего звена Великой армии. Скорее всего, можно говорить о том, что сами эти материалы были созданы в рамках определенных традиций изображения России и ретранслировали эти представления распространив их вширь и дополнительно актуализировав.

¹⁴ SHD DAT. M1. 1488. Gouvernement de Righa ou de Livonie (2, 78 p.). P. 5–6.

¹⁵ Wichelhausen 1803.

¹⁶ SHD DAT. M1. 1488. Gouvernement de Moskva, P. 6.

¹⁷ SHD DAT. M1. 1488. Gouvernement de Moskva, P. 9.

¹⁸ SHD DAT. M1. 1488. Gouvernement de Moskva, P. 10–11.

¹⁹ Ададуrow 2017. С. 150.

Поражение Наполеона в России произвело на Европу сильное впечатление, и потому объяснить его причины было для императора французов очень важно, поскольку война не закончилась в 1812 г. и ему необходимо было удерживать союзников и вдохновить на новые жертвы население Франции²⁰. Основу легенды о победе морозов над Наполеоном заложил 29-й бюллетень Великой армии, направленный из России в начале декабря. Позднее, в сочинениях, продиктованных в ссылке, он еще раз повторил и развернул данный тезис.

До начала боевых действий у участников похода не было недостатка в источниках информации о климатических особенностях будущего театра военных действий. Многие авторы, которые писали о России в XVII–XVIII вв., указывали на то, что зимы здесь холоднее, чем в большинстве европейских стран. Немало внимания особенностям российской погоды уделяла французская пресса, которая на рубеже XVIII и XIX вв. наряду с вполне реалистичными описаниями текущей погоды в России (например, ежегодно газеты писали о ледоставе на Неве, Западной Двине и некоторых других реках) довольно часто публиковала стереотипные байки о том, что в этой стране птицы замерзают прямо на лету²¹, а от чрезвычайных морозов гибнет значительное число людей²². Подобные описания не были исключительной привилегией России. Французские газеты начала XIX в. любили публиковать сообщения о необычных холодах, чрезвычайных снегопадах и иных климатических чудесах в разных странах, которые во Франции традиционно называли северными. Кроме России аналогичные сообщения в изданиях эпохи Наполеона можно найти о Польше, Пруссии, Швеции и Дании. По большей части сообщения об ужасах северной погоды носили развлекательный характер, и только в 1812 г. погода была объявлена ключевым действующим лицом кампании в России.

Распространенное представление о России как о пустынной стране с ужасным климатом использовалось наполеоновской пропагандой при описании Российской империи во время кампании 1812 г. в зависимости от сиюминутных потребностей. На протяжении большей части похода, материалы, упоминавшие погодные условия в России, должны были корректировать или даже опровергать представление об ужасном российском климате. Однако при необходимости французская пропаганда оживляла это глубоко укоренившееся представление, но не акцентировало внимание на описаниях подробностей. Подобная тенденция обозначилась еще перед началом войны, однако более всего проявилась во второй половине 1812 г. уже в ходе боевых действий.

²⁰ Тартаковский 1967. С. 188.

²¹ *Moniteur*. N 81. 1811. 22 mars.

²² *Moniteur*. N 97. 1811. 7 avril.

Климатические стереотипы прежних эпох использовались наполеоновской пропагандой в тех ситуациях, когда необходимо было подтвердить превосходство Франции. В первые месяцы войны французские газеты активно включились в «войну перьев», выступая с опровержениями русских пропагандистских листовок. Например, в листовке, обращенной к русским солдатам, нужно было создать в целом отрицательный образ России, и потому «французские гренадеры» гневно отвергли предложение переселиться в империю Александра I. Они отказывались покидать «нашу замечательную страну ради вашего ужасного климата»²³. Похожие слова были вложены и в уста «немца», отвечавшего на листовку Баркляя де Толли²⁴.

Но гораздо больше усилий тратилось на преодоление подобных представлений в общественном сознании, так как необходимо было успокоить родственников сотен тысяч французских солдат, воевавших в далекой России. Пропаганда в этом отношении работала по двум направлениям: во-первых, французов старались убедить, что армия снабжена всем необходимым и никакие погодные явления ей не страшны, а во-вторых, что российский климат не столь суров, как о нем привыкли думать. Причем император французов убеждал в этом не только жителей Франции и остальной Европы, но проводил ту же точку зрения и в личных беседах со своими приближенными²⁵.

Без упоминаний о погоде в России не обходился практически ни один бюллетень Великой армии. Так в первые месяцы кампании в них неоднократно упоминалась необычайно жаркая погода, установившаяся в России, и даже утверждалось, что в настоящий момент там жарче, чем в Италии²⁶. В сентябре-октябре в бюллетене от 9 октября российскую погоду сравнивали с французской: «Здесь светит солнце и теплее, чем в Париже в это время года. Незаметно, что это север»²⁷. Сообщения, направленные на корректировку традиционных представлений о российском климате, публиковались газетами вплоть до середины ноября²⁸. Однако в конце войны Наполеон вернулся к традиционным климатическим стереотипам о России. В 28-м бюллетене, опубликованном в Париже 29 ноября, сообщалось: «до 6 ноября погода была прекрасной, но 7-го началась зима, и земля покрылась снегом. Дороги стали очень скользкими и труднопроходимыми для тягловых лошадей. Многие из них погибли от холода и усталости, очень много лошадей не пе-

²³ Moniteur. N 220. 1812. 7 août.

²⁴ Moniteur. N 221. 1812. 8 août.

²⁵ См., напр.: Коленкур 1994. С. 219–220.

²⁶ Moniteur. N 231. 1812. 18 août; N 234. 1812. 21 août; N 249. 1812. 5 septembre; N 255. 1812. 11 septembre.

²⁷ Moniteur. N 302. 1812. 28 decembre.

²⁸ Moniteur. N 322. 1812. 17 novembre.

режило ночных бивуаков»²⁹. В знаменитом 29-м бюллетене, повествовавшем о катастрофическом отступлении Великой армии из России, Наполеон утверждал, что начавшаяся практически в одночасье зима стала главной причиной неудачи французов в России.

Несмотря на все собранные разведкой материалы и публикацию в 1811–1812 гг. ряда атласов Российской империи, представления о географии России у большинства французов оставались весьма приблизительными. Перед открытием боевых действий в Европе получили распространение слухи о том, что поход против России может превратиться в более далекое путешествие в направлении Индия или Египта. Капитан О.М. Дюпен в письме отцу (3 декабря 1811 г.) пересказывал слух о том, что из России они могут отправиться в Китай³⁰. Гренадер Дельво дважды писал родителям 18 апреля и 9 июня 1812 г., что армия идет в Индию или Египет, что для него не имело значения, поскольку он любит путешествовать и хочет посмотреть весь мир³¹. Многие авторы воспоминаний подтверждали циркулирование слухов, о том, что поход против России станет началом более далекого путешествия. Бургонь заявлял, что не раз слышал, что армия якобы будет вынуждена отправиться в Монголию и Китай, чтобы захватить местные владения Англии и усилить тем самым Континентальную блокаду³².

Согласно Л. Вульффу, в эпоху Просвещения в Европе был сформулирован концепт Восточной Европы как нецивилизованного, отсталого региона. Не оспаривая концепцию американского историка в целом, сделаем некоторое уточнение по части географических координат. В текстах XVIII в. данный регион, хотя и считался неким единым географическим пространством, связанным общими цивилизационными чертами, но чаще именовался «северным», чем «восточным». В мемуарах участников похода 1812 г. можно найти множество упоминаний о принадлежности покоряемых пространств к северу. По мнению де Ла Флиза, Смоленск был близок к северному полюсу³³, а Бургонь утверждал, что во время скитаний под Березиной ночью ему дорогу освещало северное сияние, которое часто можно видеть в здешних краях³⁴.

По территории Российской империи солдаты Великой армии традиционно проводили ментальную границу между Европой и Азией. Нередко такой границей называли Днепр, который многие авторы пи-

²⁹ Moniteur. N 334. 1812. 29 novembre.

³⁰ Du Niémen à la Bérézina... P. 51.

³¹ Chuquet 1912. T. 1. P. 6.

³² Bourgogne 1910. P. 58.

³³ Ла Флиз де. 2003. С. 24.

³⁴ Bourgogne 1910. P. 137.

сем и мемуаров называли на античный манер Борисфеном³⁵: древнегреческие авторы входили в круг обязательного чтения образованного человека того времени и такое наименование было, возможно, более известным читателям. Дополнительную значимость Днепру как географическому рубежу между варварством и цивилизацией придавало то, что в XVII–XVIII вв. эта река являлась границей между Речью Посполитой и Россией. Поэтому понятна радость О. Боне, достигшего Смоленска после отступления из Москвы: «Мы очень рады оказаться на древних границах Европы. В нескольких лье отсюда – граница Польши. И очень приятно оставить позади эту дьявольскую (infernale) Россию»³⁶.

Граница между Европой и Азией нередко помещалась авторами и в районе Москвы. Бургонь полагал, что, когда армия вышла из Москвы по направлению к Калуге, она сразу оказалась в Азии³⁷. Ц. Ложье вообразил себя на границе Азии, как только увидел Москву с одного из холмов³⁸. В описаниях российских городов можно найти множество характеристик, которые помещали их в контекст Востока. «В Гжатске, как и в Смоленске, и в Вязьме, отчасти случайно, отчасти по татарскому обычаю, базар (bazar) расположен в азиатской части города»³⁹. Таким образом, в одном предложении Сегюр трижды напомнил читателю о восточных чертах страны, в которой он очутился.

Лучшей иллюстрацией переплетения в России азиатских и европейских черт являлась Москва, поскольку в большом количестве обладала и теми, и другими. Награбленные здесь богатства не только свидетельствовали о тесных связях с Востоком, но придавали самому городу восточные черты. Сибирские меха, кашемировые шали и иные товары, которые назывались индийскими или китайскими, напоминали читателю о близости восточных стран. В Москве имелся также китайский город (la ville chinoise), где, по словам Булара, можно было найти китайские товары⁴⁰. Неизгладимое впечатление произвела на участников похода архитектура Москвы. В мемуарах можно найти множество описаний церквей и дворцов. Будущий маршал Каstellан отмечал, что у каждой греческой церкви, которых много сохранилось после пожара было пять или шесть колоколен с золочеными или покрашенными в зеленый цвет куполами⁴¹. Сегюр полагал, что в Москве было 295 церквей, золоченые купола которых производили огромное впечатление на путешественника, 1500 дворцов с садами, а также большой базар, где

³⁵ См., напр.: Chuquet 1912. Т. 2. P. 68, 268; Lettres interceptées... P. 205, 213.

³⁶ Lettres interceptées par les Russes... P. 252.

³⁷ Bourgogne 1910. P. 56.

³⁸ Ложье 2005. С. 101.

³⁹ Ségur 1824. Т. 1. P. 258.

⁴⁰ Очевидно, так Булар перевел название Китай-город. – Boulart 1892. P. 263.

⁴¹ Castellane 1895. Т. 1. P. 158.

продавались товары четырех сторон света⁴². Сержант Куанье полагал, что дворцы занимали половину территории города⁴³.

Многие мемуаристы уже побывали в составе наполеоновских войск в разных странах, но древняя столица России заняла среди покоренных городов совершенно особое место. «Многие столицы, которые я видел, такие как Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид, произвели на меня заурядное впечатление, – писал сержант Бургонь, – но здесь [в Москве] все было иначе, здесь я, как и все другие, ощущал что-то магическое». В ожидании вступления в Москву французы, по словам Бургоня, забыли об усталости, бедах и лишениях и могли думать только о предстоящем удовольствии⁴⁴. Подобный настрой перед вхождением в российскую столицу был в первую очередь связан с ожиданием скорого мира, но поскольку мемуары писались через много лет после завершения кампании, это соображение авторы опускали. В результате читатель приходил к заключению, что забыть об усталости позволяло именно магическое впечатление, порожденное одним именем города.

На описания Москвы как в письмах, так и в мемуарах участников похода, большое влияние оказали тексты бюллетеней Великой армии особенно 19-го бюллетеня от 16 сентября. Связано это было с тем, что до начала большого пожара только небольшая часть войск Наполеона получила право квартироваться в городе, тогда как остальные должны были расположиться вокруг него. Во многих письмах можно найти строки о красоте и величии города, который, вслед за бюллетенями, активно сравнивали с Парижем, и иногда это сравнение было в пользу российского города⁴⁵. О значении Москвы для экономики Российской империи также часто упоминалось в переписке. «Этот город является центром торговли всей России» – констатировал генерал Грандо⁴⁶. «Именно здесь – вторил ему Ван Бекоп – находились запасы всей торговли империи с Азией. Здесь было 15000 лавок и складов только материи и фарфора»⁴⁷. Упоминание Азии ставило саму Москву в соответствующий географический контекст, напоминая о том, что вся Россия является отчасти азиатской страной, что объясняет и поведение ее жителей. «Город построен в азиатской манере и включает огромное количество куполов церквей и мечетей,» – писал Проспер своему отчиму⁴⁸.

Территорию Российской империи французы делили на несколько регионов, имевших свою, в т.ч. цивилизационную, специфику. Так, за-

⁴² Ségur 1824. Т. 2. P. 5–6.

⁴³ Coignet 1883. P. 327.

⁴⁴ Bourgogne 1910. P. 13.

⁴⁵ Lettres interceptées... P. 22, 24, 27.

⁴⁶ Lettres interceptées... P. 38–39

⁴⁷ Lettres interceptées... P. 50.

⁴⁸ Lettres interceptées. 1913. P. 150.

падные губернии определялись как Русская Польша или Литва. Этот регион простирался от западных границ России до границ бывшей Речи Посполитой. Г. Роосу Литва показалась лучше устроенной и организованной по сравнению с Герцогством Варшавским, в то время как Ла Флиза песчаные дороги в окрестностях Вильно навели на мысли о египетских пустынях⁴⁹. Большую разницу между старой Россией и Литвой отмечал фон Иелин, хотя в чем именно состояла эта разница, он не пояснил⁵⁰. Особое внимание этому региону в рамках подготовки кампании 1812 г. уделяли офицеры польского происхождения, находившиеся на службе Наполеона. В 1811–1812 гг. император французов получил несколько записок с предложениями по организации восстаний в польских губерниях Российской империи, а также о послевоенном устройстве этих территорий. В сообщениях информаторов французского правительства польские владения России оценивались как находящиеся «в состоянии детства», но имеющие огромный потенциал развития благодаря близости к Европе⁵¹. Сам Наполеон так и не зафиксировал ни в одном документе своего отношения к идее восстановления Польши «от Одера до Днестра» и, судя по всему, не имел никаких определенных планов относительно возможных послевоенных границ России⁵².

Сибирь во многих текстах XVIII – начала XIX в. выступала одновременно и полюсом холода, и полюсом страха. Солдаты Великой армии не дошли до ее границ, но нередко в письмах и мемуарах высказывали опасения, что в случае пленения их могут направить именно туда. Страх отправиться в Сибирь стал дополнительным стимулом для Бургоня сбежать из-под стражи в первую же ночь плена⁵³. По мнению Коленкура, после того как Великая армия вошла на территорию России, «страх кнута и Сибири», распространенный среди местных жителей, не позволял французам добывать сведения о русской армии⁵⁴.

В частной переписке участников похода тема погоды и климата являлась одной из центральных. Ее значение было тем более велико, что многие солдаты и офицеры уже с июня–июля были вынуждены

⁴⁹ Роос 2003. С. 20; Ла Флиз 2003. С. 54.

⁵⁰ Иелин 2003. С. 192.

⁵¹ Ададуров 2011. С. 24.

⁵² Ададуров 2011. С. 23. В современной украинской историографии распространено мнение о наличии у Наполеона каких-то специфических планов относительно Украины и ее возможной судьбы после победы над Александром I, однако основанные на архивных документах исследования показывают, что подобные заявления являются элементом национальной мифологии. Подробнее см.: Ададуров 2007; Захарчук 2011. С. 72-91.

⁵³ Bourgne 1910. P. 300.

⁵⁴ Caulaincourt 1933. T. 1. P. 412.

ночевать под открытым небом. С конца же сентября тема погоды становится одной из самых популярных, поскольку приближалась зима, а армия в этот момент находилась в Москве и могла воспользоваться запасами продовольствия и теплой одежды, которые сохранились даже после пожара. Лейтенант Ф.Ш. Лист писал 22 сентября, что уже несколько дней идут дожди и скоро должны начаться заморозки, а потому он должен заняться приготовлением к неудобствам здешнего сурового климата⁵⁵. В последний день сентября полковник Ф. Парге так описывал погодные условия в России: «Дождь, ветер, снег, заморозки и низкая температура, вот какова сегодня московитская погода»⁵⁶. В тот же день Жорж в письме жене утверждал, что ночью уже были заморозки и образовался довольно внушительный слой инея⁵⁷.

Вслед за пропагандой некоторые французские военачальники и сановники пытались опровергнуть распространенные стереотипы об ужасном российском климате. Так, Маре в письме от 26 октября из Вильно к Макдональду, пересказывая сведения, полученные им от самого императора, утверждал: «Последнее письмо от Его Величества я получил еще из Москвы, оно датировано 18-м числом... Против всех ожиданий, погода очень благоприятная»⁵⁸. Жюно в письме к м-ль Каролин от 16 октября также писал о неожиданно хорошей, весенней, погоде в это время года⁵⁹. Однако в письмах нижних чинов можно найти и несколько иные оценки. Так Э. Мунье сообщал 30 июня из Вильно: «Погода холодная и облачная, как у нас в ноябре»⁶⁰. В конце августа он в другом письме отмечал довольно сильные перепады температур днем и ночью, добавив, что это обычно для России⁶¹, но, судя по всему, он не испытывал еще большого дискомфорта от таких природных условий.

В 28-м и 29-м бюллетенях Великой армии император французов утверждал, что настоящая зима началась внезапно 7 ноября⁶². Однако в частной корреспонденции уже с середины октября участники похода сообщали о выпавшем снеге и холодах. Клод Соала утверждал 13 октября, что первый снег уже выпал⁶³. Его сведения подтверждал генерал Мутон, утверждавший в послании от 14 октября, что снег идет уже два дня⁶⁴. Итасс в послании кузине иронично замечал, что снег доходит до

⁵⁵ *Lettres interceptées*. 1913. P. 27.

⁵⁶ *Lettres interceptées*. 1913. P. 61.

⁵⁷ *Lettres interceptées*. 1913. P. 63.

⁵⁸ Chuquet A. 1912. T. 2. P. 117.

⁵⁹ *Lettres interceptées*. 1913. P. 165.

⁶⁰ Chuquet. 1912. T. 2. P. 65.

⁶¹ Chuquet. 1912. T. 2. P. 70.

⁶² *Moniteur Universel*, 1812. NN 334, 352.

⁶³ *Lettres interceptées*. 1913. P. 336.

⁶⁴ *Lettres interceptées*. 1913. P. 95.

колен, сковывая движения и мешая шутить⁶⁵. Несмотря на то, что Итасс в своих письмах явно преувеличил силу природных стихий, несомненно одно – холод уже начал давать о себе знать.

В начале ноября холода явно усилились, авторы писем все чаще стали жаловаться на то, что страдают от такой погоды. Маршал Мюрат в начале ноября упоминал о наступлении суровой зимы и говорил, что к такому холоду привыкнуть невозможно⁶⁶. Вопреки тому, что утверждали бюллетени, еще 4 ноября маршал Макдональд писал герцогу Маре о том, что погода ужасно испортилась, как и положено в это время года для подобного климата: уже замерзли некоторые реки⁶⁷. Безусловно, погодные условия в Курляндии, где стояли войска Макдональда, отличались от условий в окрестностях Смоленска, где в тот момент находилась Главная квартира Наполеона. Однако есть свидетельства того, что и в районе действий основных сил Великой армии погода была весьма холодной. Генерал Барагэ д'Ильер 4 ноября писал, что все реки в районе действий его дивизии замерзли до такой степени, что могут выдержать человека⁶⁸. Маршал Мортье в тот же день утверждал, что лично пересек по льду довольно большое и глубокое озеро⁶⁹.

В период, когда основные силы Великой армии подходили к Смоленску, погода заметно ухудшилась. Майор Маршал писал 7 ноября, что снежный покров уже достиг фута и довольно холодно⁷⁰. И с этого времени в корреспонденции можно найти множество упоминаний об обморожениях. Ж. Пюни де Монфор пишет, что получил обморожение, которое доставляет ему много страданий⁷¹. Неизвестный хирург рассказывал о большом числе замерзших насмерть французов, которых нашли на дороге⁷². Состояние фланговых корпусов было немногим лучше. Н. Удино докладывал 16 ноября Бертье, что его корпус не может вести маневренную войну, так как любой переход стоит ему больше людей и лошадей, чем большое сражение⁷³.

Просматривая эти письма можно сделать интересное наблюдение: описывая свои страдания от холодов в России, авторы довольно редко связывали их с отсутствием продовольствия, фуража и теплой одежды. Проследить эту тенденцию можно и на уровне самых высокопоставленных чинов французской армии. Так, маршал Бертье в приказе Вик-

⁶⁵ *Lettres interceptées*... P. 108–109.

⁶⁶ *Lettres interceptées*... P. 317.

⁶⁷ Chuquet. 1912. Т. 1. P. 111.

⁶⁸ *Lettres interceptées*... P. 344.

⁶⁹ *Lettres interceptées*... P. 238.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 18.

⁷¹ *Lettres interceptées*... P. 219.

⁷² *Lettres interceptées*... P. 250.

⁷³ Chuquet 1912. Т. 2. P. 142.

тору отмечал, что «холод убил всех лошадей»⁷⁴. При этом начальник Генерального штаба не упомянул о недостатке фуража и специальных подков как возможной причине массовой гибели конского состава.

Большинство участников похода редко сталкивались в прежней жизни с холодами, подобными российским, но многие имели представление о том, чего ждать зимой в этих широтах, именно поэтому солдаты и офицеры Великой армии массово скупали теплую одежду в период нахождения в Москве. Отголоски того, что традиционные представления о российской зиме были распространены весьма широко, можно найти в письме А. Бейля Ф. Фору от 9 ноября: «Мороз легкий, два или три градуса, но, так как мы в России, каждый убежден, что он замерзает»⁷⁵. Трудности, испытанные французами в 1812 г., еще больше укрепили сложившийся в прежние эпохи образ «холодной России», ибо в восприятии широких слоев населения факты плохого снабжения войск и недостатка теплых вещей ассоциировались с особенностями страны и ее климата, а не со слабой работой интендантской службы.

Авторы мемуаров о Русском походе Наполеона, развивая «климатическую» теорию поражения Великой армии, заявляли, что и лето в России оказалось для них очень тяжелым. Так, майор Булар утверждал, что никогда не страдал от жары так, как в России⁷⁶. И это при том, что его карьера началась еще во времена Революции, и он не один раз сражался в Италии, в том числе летом, а также участвовал в испанской эпопее. От жары под Москвой 9 сентября страдал и офицер итальянской гвардии Цезарь де Ложье⁷⁷.

Очень активно идею о том, что климат стал главным победителем Великой армии в России, развивал в своем произведении Ф. де Сегюр. Постоянно упоминая о погоде, он подводил читателя к мысли, что с самого начала похода французам приходилось больше бороться со стихиями, чем с людьми. При переходе через Неман русская армия не пыталась, по его словам, противостоять неприятелю, и только начавшаяся гроза символизировала те силы, с которыми французы будут бороться в России⁷⁸. В дальнейшем мемуаристы развернули спор между собой о том, была ли гроза в момент перехода французов через Неман⁷⁹. Подобная дискуссия вокруг столь небольшого сюжета, показывает какое значение придавали авторы сочинений о войне 1812 г. фак-

⁷⁴ Chuquet 1912. Т. 2. Р. 219.

⁷⁵ Стендаль 1959. Т. 15. С. 126.

⁷⁶ Boulart 1892. Р. 251.

⁷⁷ Ложье 2005. С. 97.

⁷⁸ Ségur 1823. Т. 1. Р. 109–110.

⁷⁹ Например, Булар соглашался с Сегюром (Boulart 1892. Р. 242), тогда как Бургонь опровергал (Bourgoigne 1910. Р. 2.).

тору климата, и потому не могли обойти вниманием любое природное явление, имевшее место в России в 1812 г.

Неоднозначный исход Бородинского сражения Сегюр также связывал с погодой, а точнее «с преждевременной суровостью российской осени»⁸⁰, которая вызвала недомогание императора. Своеобразным резюме отношения Сегюра к погодным условиям в России можно считать его следующие слова: «Таков уж здесь климат! Он состоит из крайностей. Небо либо все иссушает, либо все сжигает или замораживает эту землю со всеми ее жителями, которых оно как будто должно защищать. Коварная жара ослабляла нас и делала более восприимчивыми к холоду, который должен был вскоре дать себя почувствовать»⁸¹.

В отношении времени наступления холодов и их влияния на состояние армии большинство мемуаристов придерживались хронологии бюллетеней, хотя далеко не все из них пытались запугать читателя упоминаниями запредельных температур. Майор Булар подтверждал, что, когда армия подходила к Смоленску, погода сделалась холоднее, но не приводил на этот счет никаких подробностей. По-настоящему сильные морозы, по его мнению, настигли армию только в начале декабря между Молодечно и Сморгонью, когда температура опустилась до 26–28 градусов⁸².

Были и те, кто не старался обвинить во всех бедах Великой армии российский климат, и утверждал даже, что при должной подготовке к холодам можно было избежать многих несчастий. Эти авторы возлагали определенную ответственность за произошедшую трагедию на окружение императора и косвенно на него самого. Так, Коленкур (был в 1807–1811 г. послом в Петербурге) писал, что в сентябре-октябре погода была чрезвычайно теплой для данной местности, о чем говорили даже местные жители, и холода наступали постепенно, давая себя почувствовать со второй половины октября⁸³. По утверждению Каstellана, еще третьего ноября «днем было по-летнему жарко, а ночью – холодно»⁸⁴. Де Ла Флиз называл главной причиной больших жертв среди французских солдат отсутствие теплой одежды и сытного питания⁸⁵.

Таким образом, никто из мемуаристов не опровергал первостепенного значения погоды в поражении Великой армии в России. Но одни авторы концентрировали внимание читателя на стихийных факторах, другие – отмечали, что холодная зима не должна была стать сюр-

⁸⁰ Ségur 1823. Т. 1. P. 305.

⁸¹ Ségur 1823. Т. 1. P. 164.

⁸² Boulart 1892. P. 277.

⁸³ Caulaincourt 1933. Т. 2. P. 42, 54.

⁸⁴ Castellane 1895. Т. 1. P. 180.

⁸⁵ Ла Флиз 2003. С. 60.

призом для французов, и потому большие потери от обморожения стали скорее следствием недостаточной подготовки к суровому сезону. Таким образом, эти критики косвенно выдвигали обвинение в большом количестве жертв против самих французов.

С климатическими стереотипами были тесно связаны и представления о пустынности России. «Мы находимся в пустыне... в холодной стране», – писал интендантский служащий Ф. Шартон⁸⁶. Впечатление о пустынности территорий, по которым в июле-августе проезжал Мунье, было вызвано обилием редких для Франции еловых и березовых лесов⁸⁷. Холодный климат и пустынность России, в представлениях французов, были тесно связаны с бедностью населения и страны как таковой⁸⁸. И даже обстановка весьма изысканных домов высшей московской знати, которые успел еще до пожара посетить А. Бейль, не помогли будущему писателю освободиться от традиционных стереотипов восприятия: «Мы прошли через великолепную конюшню и сад, который был бы прекрасен, если бы на деревьях этой страны не лежал, на мой взгляд, неизгладимый отпечаток бедности»⁸⁹.

Сочинения философов, путешественников и литераторов XVIII в. о России получили распространение преимущественно в среде интеллектуальной и политической элиты Франции, тогда как широкие слои населения имели подчас очень скудные представления о Российской империи. После Революции и Наполеоновских войн растиражированные пропагандой и последующими мемуарными сочинениями представления о России распространились в обществе намного шире. Большое число участников похода, которые на правах очевидцев могли считаться окружающими квалифицированными экспертами, способствовало распространению этих представлений в Европе.

При объяснении причин поражения похода 1812 года в Россию устоявшиеся за многие годы стереотипные представления о российской географии и климате были очень удачно использованы наполеоновской пропагандой. Все попытки их корректировки были забыты, и неожиданная и суровая русская зима, заставшая солдат Наполеона в пустынной местности, была названа главным противником Великой армии в период кампании 1812 г. Такая трактовка событий, выстроенная в 28 и 29 бюллетенях Великой армии, поддерживала миф о непобедимости Наполеона и надолго закрепились в общественном мнении Франции и

⁸⁶ Lettres interceptées... P. 49.

⁸⁷ Chuquet 1912. Т. 2. P. 68.

⁸⁸ Lettres interceptées... P. 173.

⁸⁹ Стендаль 1959. Т. 15. С. 114.

всей Европы. Многочисленные заявления мемуаристов, да и самого императора о том, что погода в тот год сильно отличалась от обычной для этой местности, порождены лишь желанием французов оправдать собственное поражение чрезвычайными условиями, которые, якобы, невозможно было предсказать. Тем не менее, в реальности Наполеон еще в начале 1812 г. обладал весьма точными описаниями русской зимы, основанными на многолетних наблюдениях, и реальная погода второй половины 1812 г. довольно точно совпала с этими описаниями.

Несмотря на значительное количество материалов о России, ее географии, климате и общественном устройстве, она предстает на страницах мемуаров о походе 1812 г. во многом мифологизированной. Война против такой страны становится эпическим событием, которое по значению стоит сравнивать с Троянской войной, походами древних римлян и крестоносцев. «Цивилизованные» французы вынуждены сражаться здесь не только с людьми, но и с многочисленными стихиями (сперва жарой, потом морозами и снегом), дикими животными (медведями и волками), а также преодолевать огромные и пустынные пространства. Дикость и варварство русских также становятся одной из стихий, с которыми пришлось бороться солдатам Великой армии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Письма французских солдат, перехваченные русской армией во время войны 1812 года. РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 266.
- Le Moniteur Universel (1811–1812).
Service historique de la Défense à Vincennes, Фонд 1М. Картоны 1488–1489.
- Адауров В. Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Том 1: Религия – Язык. Киев: Лаурис, 2017. 400 с.
- Адауров В.В. От ментальной картографии к военной топографии: представления французов о восточноевропейском пространстве накануне кампании 1812 г. (на примере юго-западных окраин Российской империи // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М., 2011. С. 21–42.
- Адауров В. «Наполеонида» на Сході Європи: Уявлення, проекту та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку ХІХ ст. Львів, 2007. 560 с.
- Безотосный В.М. Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 г. // Новая и новейшая история. 2004, № 4. С. 190–202.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 548 с.
- Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. 4 т. СПб., 1799.
- Захарчук О.Н. Элементы мифологизации наполеоноведения в современной постсоветской науке // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М., 2011. С. 72–91.
- Земцов В.Н. Начало войны между Францией и Россией в 1812 году (по французским архивным документам) // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 18–32.
- Иелин Х.Ф. фон, Записки офицера армии Наполеона // Роос Г.У. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003.

- Коленкур А. Мемуары. Таллинн, Москва, 1994. 450 с.
- Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 2003. 166 с.
- Ложье П. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 2005. 279 с.
- Михайлова Ю.Л., Промыслов Н.В. Сведения французской разведки о прибалтийских губерниях Российской империи в 1812 году (по материалам Военного архива сухопутных сил Франции) // Россия и Балтия. Вып. 7. М., 2015. С. 64-80.
- Попов А.И. Инженеры-географы Великой армии в кампании 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. 10. М., 2010. С. 100-118.
- Промыслов Н. В., Прусская Е. А., Митрофанов А. А. «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII – начала XIX вв. // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. М. 2015. С. 346-347.
- Промыслов Н.В. Сведения французской разведки о Московской губернии в 1812 году в материалах Военного архива сухопутных сил Франции // "Сей день пребудет вечным памятником..." Бородино 1812-2012: Материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. Можайск, 2013. С. 195–210.
- Репина Л.П. "Национальный характер" и "образ Другого" // Диалог со временем 2012. №39. С. 9-19.
- Роос Г.У. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. 206 с.
- Сегор Ф. Поход в Россию: мемуары адъютанта. М., 2002. 284 с.
- Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. Том 15. Письма. М.: «Правда», 1959. 368 с.
- Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967. 222 с.
- Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 336–365.
- Boulart J.F. Mémoires militaires. Paris, 1892. 370 p.
- Bourgogne A.J.B. Mémoires du sergent Bourgogne. 1812-1813. Paris, 1910. 356 p.
- Castellane B. de. Journal du marechal de Castellane: 1804-1862. T. 1 1804-1823. P., 1895. 478 p.
- Caulaincourt A. Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, Grand écuyer de l'Empereur. T. 1–3. Paris, 1933.
- Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Notes et documents. Paris, 1912.
- Du Niémen à la Bérézina. Lettres et témoignages de soldats français sur la campagne de Russie. Ed. par M. Roucaud et François Houdecek. Paris, 2012. 312 p.
- Ehrmann T.F. Neueste Länder und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände. III Band. Russland. Weimar, 1807. 598 p.
- Hassel J.G.H. Statistische Uebersichts-Tabellen der sämtlichen Europäischen und einiger aussereuropäischen Staaten. Goettingen, 1809. 300 p.
- Les cahiers du capitaine Coignet (1799–1815) / publ. par Lorédan Larchey. Paris, 1883. 491 p.
- Lettres interceptées par les Russe durant la campagne de 1812 / publ. par S.E.M. Goriainow. Paris. 1913. 442 p.
- Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII-e siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIII-e siècle. P., 1951. 451 p.
- Petri J.Ch. Neuestes Gemähde von Lief- und Ehtland, unter Katharina II. und Alexander I. in historischer, statistischer, politischer und merkantilischer Ansicht. Auch als ein Beytrag zur Kenntniss des Russischen Reichs. Leipzig, 1809. 646 p.
- Segur Ph.P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Paris, 1824.
- Storch H. Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen. Riga, 1795. 133
- Storch H. Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs. Riga, 1797–1803; Rußland unter Alexander I. St. Petersburg, 1803–1811.
- Wichelhausen Engelbert, Züge zu einem Gemähde von Moskwa in Ansicht auf Klima, Cultur, Sitten, Lebensart, Gebräuche, vorzüglich aber statistische, physische und medicinische Verhältnisse, Berlin, 1803. 158 S.
- Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Standford University Press, 1994. 456 p.

REFERENCES

- Pisma frantsuzskikh soldat. perekhvachennyye russkoy armiyey vo vremya voyny 1812 goda. RGADA. F. 30. Op. 1. D. 266.
- Le Moniteur Universel (1811–1812).
- Service historique de la Défense à Vincennes, Fond 1M. Cartons 1488–1489.
- Adadurov V. «Napoleonida» na Skhodi Evropi: Uvavlennya. proyekta ta diyalnist uryadu Frantsii shchodo pivdenno-zakhidnikh okrain Rosiyskoi imperii na pochatku XIX st. Lviv. 2007. 560 s.
- Adadurov V. Voyna tsivilizatsiy. Sotsiokulturnaya istoriya russkogo pokhoda Napoleona. Tom 1: Religiya – Yazyk. Kiyev: Laurus. 2017.
- Adadurov V.V. Ot mentalnoy kartografii k voyennoy topografii: predstavleniya frantsuzov o vostochnoyevropeyskom prostranstve nakanune kampanii 1812 g. (na primere yugo-zapadnykh okrain Rossiyskoy imperii // Napoleonovskiyey voyny na mentalnykh kartakh Evropy: istoricheskoye soznaniye i literaturnyye mify. M.. 2011. S. 21-42.
- Bezotsonnyy V.M. Napoleonovskiyey razvedyvatelnyye sluzhby v voyennoy kampanii 1812 g. // Novaya i noveyshaya istoriya. 2004. № 4. S. 190-202.
- Boulart J.F. Mémoires militaires. Paris, 1892.
- Bourgogne A.J.B. Mémoires du sergent Bourgogne. 1812-1813. Paris, 1910.
- Castellane B. de. Journal du maréchal de Castellane: 1804-1862. T. 1 1804-1823. P., 1895.
- Caulaincourt A. Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, Grand écuyer de l'Empereur. T. 1–3. Paris, 1933.
- Chudinov A.V. S kem voyeval russkiy muzhik v 1812 godu? Obraz vruga v massovom soznanii // Frantsuzskiyey ezhegodnik 2012: 200 let Otechestvennoy voyny 1812 goda. M., 2012. C. 336–365.
- Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Notes et documents. Paris, 1912.
- Du Niémen à la Bérézina. Lettres et témoignages de soldats français sur la campagne de Russie. Ed. par M. Roucaud et François Houdecek. Paris, 2012. P. 51.
- Ehrmann T.F. Neueste Länder und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände. III Band. Russland. Weimar, 1807.
- Georgi I.-G. Opisaniye vsekhn obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov. obyknoveniy. odezhd. zhilishch. upravneniy. zabav. veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey. SPb.. 1799. T. 1-4.
- Hassel J.G.H. Statistische Uebersichts-Tabellen der sämtlichen Europäischen und einiger aussereuropäischen Staaten. Goettingen, 1809.
- Ielin Kh.F. fon. Zapiski ofitsera armii Napoleona // Roos G.U. S Napoleonom v Rossiiyu: zapiski vracha Velikoy armii. M., 2003.
- Kolenkur A. Menuary. Tallinn. Moskva. 1994.
- La Fliz de. Pokhod Napoleona v Rossiiyu v 1812 g. M., 2003.
- Les cahiers du capitaine Coignet (1799–1815) / publ. par Lorédan Larchey. Paris, 1883.
- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / S.E.M. Goriainow. P., 1913.
- Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII-e siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIII-e siècle. P., 1951.
- Lozhye Ts. Dnevnik ofitsera Velikoy armii v 1812 g. M., 2005.
- Mikhaylova Yu.L., Promyslov N.V. Svedeniya frantsuzskoy razvedki o pribaltiyskikh guberniyakh Rossiyskoy imperii v 1812 godu (po materialam Voyennogo arkhiva sukhoputnykh sil Frantsii) // Rossiya i Baltiya. Vyp. 7. M., 2015. S. 64-80.
- Petri J.Ch. Neuestes Gemähle von Lief- und Ehstland, unter Katharina II. und Alexander I. in historischer, statistischer, politischer und merkantilischer Ansicht. Auch als ein Beytrag zur Kenntniss des Russischen Reichs. Leipzig, 1809.
- Popov A.I. Inzheneriy-geografy Velikoy armii v kampanii 1812 g. // Epokha 1812 goda: Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. Vyp. 10. M., 2010. S. 100-118.
- Promyslov N. V., Prusskaya E. A., Mitrofanov A. A. «Russkaya ugroza» vo frantsuzskoy presse kontsa XVIII – nachala XIX vv. // Frantsuzskiyey ezhegodnik 2015: K 225-letiyu Frantsuzskoy revolyutsii. M. 2015. C. 346-347.

- Promyslov N.V. Svedeniya frantsuzskoy razvedki o Moskovskoy gubernii v 1812 godu v materialakh Voennoy arkhiva sukhoputnykh sil Frantsii // "Sey den prebudet vechnym pamyatnikom..." Borodino 1812-2012: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 3-7 sentyabrya 2012 g. Mozhaysk. 2013. S. 195-210.
- Repina L.P. "Natsionalnyy kharakter" i "obraz Drugogo" // Dialog so vremenem 2012. № 39. S. 9-19.
- Roos G.U. S Napoleonom v Rossiyu: zapiski vracha Velikoy armii. M., 2003.
- Segur Ph.P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Paris, 1824.
- Segur F. Pokhod v Rossiyu: memuary adyutanta. M., 2002.
- Stendal. Sobraniye sochineniy v 15 tomakh. Tom 15. Pisma. M.: «Pravda». 1959.
- Storch H. Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs. Riga, 1797-1803; Rußland unter Alexander I. St. Petersburg, 1803-1811.
- Storch H. Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen. Riga, 1795.
- Tartakovskiy A.G. Voenneya publitsistika 1812 g. M., 1967. S. 188.
- Vulf L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya. M., 2003.
- Wichelhausen Engelbert. Züge zu einem Gemälde von Moskwa in Ansicht auf Klima, Cultur, Sitten, Lebensart, Gebräuche, vorzüglich aber statistische, physische und medicinische Verhältnisse, Berlin, 1803. 158 S.
- Zakharchuk O.N. Elementy mifologizatsii napoleonovedeniya v sovremennoy postsovetsoy nauke // Napoleonovskiyey voyny na mentalnykh kartakh Evropy: istoricheskoye soznaniye i literaturnyye mify. M., 2011. S. 72-91.
- Zemtsov V.N. Nachalo voyny mezhdru Frantsiyyey i Rossiyyey v 1812 godu (po frantsuzskim arkhivnym dokumentam) // Novaya i noveyshaya istoriya. 2017. № 5. S. 18-32.
- Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford University Press, 1994. 456 p.

Промыслов Николай Владимирович, кандидат исторических наук, проректор Государственного академического университета гуманитарных наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; npromyslov@list.ru

The role of geographical factors in the construction of the memory of the French about the campaign to Russia in 1812

In the early 19th century, Russia still remained a country little-known to Europeans; travelers and explorers from Europe did not often have the opportunity to investigate the various corners of the empire. A lot of materials were collected on the eve of the war in 1812 by the French intelligence on the geography of Russia. These materials, combined with the impressions of the participants in the campaign and some stereotype viewings, which had existed before 1812, formed the basis for the French presentation of the role of geographical factors at the Napoleon's defeat in Russia. The article analyzes the mechanisms of interaction of information from literature, analytical intelligence materials and personal letters in the formation of historical memory of the war of 1812 in France.

Keywords: Napoleon's Russian campaign 1812, public opinion, geography of Russia, cross-cultural communications

Promyslov Nikolay Vladimirovich, PhD (History), Vice-Rector, State Academic University for the Humanities, research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; npromyslov@list.ru

О. В. ЗАЙЧЕНКО

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСА «РУССКОЙ УГРОЗЫ» КАК РЕАКЦИЯ НА КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На основе анализа французской и немецкой либеральной публицистики 1790-х гг. делается попытка проследить процесс формирования комплекса «русской угрозы» во внешнеполитическом дискурсе и его взаимосвязь с кризисом европейского самосознания, последовавшего за Французской революцией, потрясшей традиционные общественные устои Европы.

Ключевые слова: Французская революция, комплекс «русской угрозы», европейское самосознание, французская и немецкая политическая публицистика

За относительно короткий период между 1789 и 1812 гг. Европа изменилась больше, чем за несколько предыдущих столетий. Французская революция совершила переворот в сознании европейцев, разделив их на два противоборствующих лагеря. Политические пессимисты, остро переживавшие удар, нанесенный по сословно-монархическим устоям, рассматривали революцию в рамках эсхатологического дискурса. Либеральные оптимисты, которые уже видели себя победителями над «старым миром», встраивали революцию в утопическую картину счастливого будущего. С развитием революционных тенденций и национального самосознания старая Европа окончательно утратила свое иллюзорное единство и ощущение цивилизационного превосходства над остальным миром. Этот процесс кардинальных мировоззренческих трансформаций сопровождался также глубоким кризисом идей Просвещения, авторитет которых казался незыблемым в предшествующие десятилетия, а теперь был подвергнут пересмотру с целью «очищения от предрассудков и наследия запятнанной в веках тирании»¹.

Французская революция, ужаснувшая современников массовым террором и зверствами неуправляемой толпы, безжалостно развеяла веру в рациональное начало человеческого разума как основу непрерывного общественного прогресса, центром которого являлась Европа. Как констатировал в 1790 г. немецкий дипломат и просветитель барон Фридрих Мельхиор Гримм: «Ярость галлов за несколько месяцев совершила дело нескольких веков постепенного упадка Европы»². Политический раскол и разрушение традиционных общественных устоев Французской революцией, последовавшая за ней череда кровопролит-

¹ Бачко 2006. С. 250.

² Письма барона Мельхиора Гримма... Т. 33. 1881. С. 292.

ных войн в Европе, с одной стороны, и стремительное усиление периферийных центров в виде России и Северной Америки, с другой, окончательно дискредитировали идею исторического евроцентризма. Возникшее чувство растерянности спровоцировало новый виток духовных метаний консервативно настроенных интеллектуалов, часто сопровождавшийся обостренным ощущением неизбежной деградации европейской цивилизации и ростом эсхатологических настроений относительно будущего Европы. Одним из первых суть основных тенденций нарастающего политического пессимизма в среде традиционалистов сформулировал в одном из своих писем Екатерине II все тот же Фридрих Мельхиор Гримм: «Так как всякая бедственная эпоха дает нам повод для предсказаний, – писал он русской императрице, – то я тоже выскажу свое. Без сомнения, если безумие Франции не будет быстро подавлено, оно может быть пагубно для самого ядра Европы, ибо невозможно, чтобы чумная зараза не опустошала и ее соседей. Политический хаос и уничтожение военной дисциплины будут одним из прямых последствий этой заразы. В этой ситуации для свирепых варваров-мусульман Европа стала бы легкой добычей. И это предсказание, безусловно, очень скоро сбылось бы, если бы русский орел не был недосягаем для французского исступления. Росийская империя и дисциплина ее армий в случае надобности обуздает и уничтожает варваров и предохранит от их вторжения ядро Европы, которое на наших глазах покрывается густым мраком. Два государства тогда поделят между собой все преимущества цивилизации, всю силу гения в науке, искусстве, военном деле и промышленности: Россия со стороны Востока и освобожденная в наши дни Америка со стороны Запада. А мы, народы ядра Европы, должны будем деградировать и прийти в такой упадок, что только глухие предания будут нам напоминать, чем мы были прежде³».

Основной вывод, к которому приходит Гримм в своих рассуждениях, состоит в том, что Европа, сотрясаемая нынешней и последующими за ней революциями, никогда больше не будет прежней: она не будет больше ни центром мира, ни центром всемирной истории. Кроме того, помимо эмансипации Северной Америки он выделяет основные составляющие европейского политического пессимизма, которые на протяжении последующих десятилетий будут определять консервативный дискурс: страх перед разрушительной силой революций и новой европейской войной, а также вера в Россию, как главный бастион «ядра Европы», как единственную защиту от революционного хаоса, неподвластную его разрушительному воздействию.

³ Барон Мельхиор Гримм – императрице Екатерине II от 20 (31) декабря 1790 г. Письма барона Мельхиора Гримма ... Т. 33. С. 293.

Но то была не единственная точка зрения, распространенная среди европейских интеллектуалов. Годом раньше в Лондоне было анонимно опубликовано на французском языке произведение «Об угрозе политическому балансу Европы»⁴, немецкий перевод которого вышел в 1790 г. сначала в Лондоне, а затем в Лейпциге. Это быстро ставшее популярным сочинение содержало анализ современного состояния Европы, сделанный с совершенно противоположных позиций, заложив основы комплекса «русской угрозы» и политической русофобии. Предполагаемым автором этого политического эссе, переведенного на основные европейские языки и выдержавшего в Германии, по меньшей мере, три издания, был уроженец Швейцарии, Жак Малле дю Пан – монархист, сторонник реставрации Бурбонов, доверенное лицо Людовика XVI в 1791–1792 гг. Как и большинство просвещенных консерваторов той эпохи, Малле дю Пан был космополитом, самоидентификация которого была связана скорее с Европой, чем с конкретной нацией. Так же, как и Гримм, источник неизбежной деградации европейской цивилизации он видел во внутреннем политическом кризисе системы, сопровождающемся вторжением чужеродных элементов извне. Но если для немецкого просветителя источником эсхатологических прогнозов будущего были «революционный хаос» внутри Европы и внешнее «нашествие варваров-мусульман», то, по мнению одного из ведущих теоретиков роялизма Малле дю Пана, гибельным для европейской системы являлось, прежде всего, нарушение баланса сил, ослабляющее Европу изнутри и связанное с «русской угрозой», надвигающейся извне. «Держава, о которой почти ничего не было известно в Европе еще в прошлом веке, последние тридцать лет, постепенно, год за годом, расширяла свои границы за счет всех своих соседей, – писал Малле дю Пан о России. – С этих пор в мире нет больше государства, от Каспийского моря до пролива Гибралтар, чье спокойствие не было нарушено Россией и взгляд в будущее не вызвал бы опасений. Каждый год демонстрировал нам все новые посягательства со стороны России: все они определенно были связаны с неким генеральным планом. И его осуществлению не препятствовали больше никакие барьеры...»⁵.

Взгляд на Россию исключительно через призму ее внешней политики порождал множество спекуляций. Спасительница Европы, по версии Грима, у Малле дю Пана становится ее главной угрозой. Создавая собственные политические конструкции, оба автора, сами не желая того, наиболее четко обозначили комплекс вопросов, поиск ответов на которые серьезно повлияет на трансформацию самосознания интеллектуальной элиты в наступающем XIX в., став важной частью дискурса о

⁴ Über die Gefahr...

⁵ Ibid. S. 3.

европейской идентичности в целом. «Что есть современная Европа?» и «Что есть Россия в современной Европе?» – так можно было бы обозначить дискуссионную повестку европейской публицистики на ближайшие полвека. Найденные ответы одним давали повод для надежды, другим – для пессимизма, так как присутствие нового сильного, не вписывающегося в европейские стандарты государства на восточной окраине континента окончательно стало политической данностью, еще более усугубив кризис европейского самосознания. Во всяком случае, в конце XVIII в. уже мало кто вспоминал о концепции “*Tabula rasa*” Готфрида Лейбница, первым включившего Россию в «политическое созвездие Европы»⁶ и пытавшегося подвести ее под «европейскую одинаковость абстрактного универсализма»⁷, почти не обращая внимания на ее специфику и «знаковость». Теперь вопрос состоял не в том, чтобы изменить Россию, сделав ее похожей на остальную Европу, а в том, следует ли признавать за ней право играть ведущую роль в европейской политике при сохранении присущей ей самобытности. Причем полная и окончательная включенность России в политическую систему Европы не всегда являлась достаточным основанием для восприятия ее как полноправной великой европейской державы, особенно после попыток включить в европейский баланс сил также и Северную Америку⁸, что окончательно размывало представление о Европе и ее границах.

В свете сказанного интересно проследить процесс формирования комплекса «русской угрозы» во внешнеполитическом дискурсе и его взаимосвязь с кризисом европейского самосознания, последовавшего за Французской революцией. Исследование опирается на анализ французской и немецкой политической публицистики, заложившей основы мифа о «русской угрозе». Речь идет об упомянутом эссе Малле дю Пана, а также о сочинениях немецких радикальных публицистов 1790-х гг., развивших и дополнивших идеи французских интеллектуалов. В поднятой во французской прессе дискуссии Россия рассматривалась в основном в рамках дихотомии «Европа – Азия» и «цивилизация – варварство», будучи частью внешнеполитического дискурса о сохранении баланса сил. Для Германии, оказавшейся зажатой с Востока и Запада между двумя сильнейшими державами Европы – Россией и Францией, вопрос о том, какую роль должна играть Россия в системе европейской безопасности, и можно ли ее рассматривать в качестве политического противовеса Франции, был чрезвычайно актуален.

Французская революция, вызвав огромный резонанс в политической и культурной жизни Германии, окончательно способствовала пе-

⁶ Groh 1961. S. 37.

⁷ Нойманн 2004. С. 112.

⁸ Groh 1961. S.148 – 167.

реключению немецкого общественного сознания, занятого до этого почти исключительно проблемами философии, морали и эстетики, на политические вопросы. Именно французская публицистика сыграла ключевую роль в формировании восприятия немецкими интеллектуалами России и ее международной политики. Практически вся выходявшая во Франции политическая литература моментально переиздавалась в Германии, а содержащиеся в ней идеи получали широкое распространение среди немецкой читающей публики. В результате большинство политических сочинений, изданных в германских землях, были написаны как полемический ответ на французскую литературу или как дальнейшее развитие сформулированных в ней идей, часто с обширными цитатами или прямыми заимствованиями из нее.

Разгром Россией непобедимой Швеции, ее успешные войны со слабеющей Османской империей, последующее русское вмешательство во внутренние дела Шведского королевства, Польши и германских государств требовали осмысления «русского феномена», и первыми взяли на себя эту миссию французские и немецкие просветители. Благодаря им Россия вошла в европейское сознание как «страна ожидания», которая хотя еще находилась в «темноте невежества», но все же, пусть медленно, но двигалась к «свету» цивилизации, внушая надежду на победу Просвещения также и в этой части света, раскинувшейся между Европой и Китаем. Российские монархи-реформаторы – Петр I и Екатерина II – ставились просветителями в пример европейским государям в качестве образца «просвещенных правителей», осознанно осуществляющих свою историческую миссию.

Если в середине XVIII в. немецких и французских просветителей Россия интересовала, прежде всего, как новый объект научного исследования, то уже после 1879 г. начинается быстрая политизация восприятия «северной» империи в общественном мнении Европы. Сначала во французской публицистике, а затем и в немецкой либеральной среде происходит стремительная коррекция «заблуждений» философии классического Просвещения, и, прежде всего, пересмотр мифа о прогрессивной роли добродетельного монарха, волевым усилием преобразующего государство и общество. В итоге первой под удар газетной критики попала здравствующая российская правительница Екатерина II, будучи главным персонифицированным воплощением просветительского мифа о «философе на троне». На первом этапе трансформации образа русской императрицы, в период якобинского конвента, Екатерина II еще не выделялась из общего ряда европейских монархов – членов антифранцузской коалиции⁹. Она изображалась таким же «деспотом» и «чудовищем», как и прочие «коронованные тираны», объединившиеся

⁹ Митрофанов 2010.

против французской республики, только более ловкой и умной, так как ее удачные «имиджевые акции», частная переписка с «философами» помогли ей «вскружить головы даже умнейшим людям своего времени»¹⁰. Но по мере нарастания военной угрозы образ Екатерины II стал все больше превращаться в репрезентацию абсолютистского режима современной России, а ее правление рассматривалось сквозь призму прогрессирующей русской экспансии в Европу. Прежде всего это касалось успешной русской политики в отношении Швеции, Турции и Польши – исторических союзников Франции, входивших в систему враждебного России, т.н. «восточного барьера», защищавшего сначала Францию, а затем и Европу от русской экспансии. В результате тема нарушения Россией баланса сил постепенно становилась одной из главных в европейском внешнеполитическом дискурсе.

Все эти нарождающиеся тенденции, соединившиеся затем в комплекс «русской угрозы», впервые были в наиболее целостном виде сформулированы в уже упомянутом анонимном политическом сочинении, полное название которого звучало так: «Об угрозе политическому балансу Европы или анализ причин, поколебавших его основы на Севере со времени восшествия на российский престол Екатерины II»¹¹. Вопрос об авторстве этого эссе с особым акцентом на анализе позиции Швеции, появившегося в разгар русско-шведской войны (1788–1790), долгое время оставался не до конца проясненным. Сначала его довольно долго приписывали перу шведского короля Густава III¹², затем в историографии была распространена версия, что памфлет был написан по заказу правительства Швеции посланником Пруссии при шведском дворе¹³. Наконец автор был установлен по самому полному каталогу «произведений, переведенных или изданных на французском языке, анонимно или под псевдонимом с именами авторов, переводчиков и редакторов» (1806–1808), ставшему плодом многолетних трудов известного французского библиографа А.-А. Барбье (1765–1825)¹⁴. Сегодня с большой долей уверенности можно считать, что памфлет принадлежит перу публициста и политического мыслителя Ж. Малле дю Пана.

Анализ состояния европейской системы в этом, во многом новаторском, сочинении строился вокруг образа Екатерины II, воспринимаемого как квинтэссенция российской государственной власти (а, следовательно, и самой России), который был подвергнут планомерной критике, причем не со стороны революционного республиканизма, как то-

¹⁰ Летчфорт 2001. С. 145.

¹¹ [Mallet du Pan] 1789.

¹² Groh 1961. S. 78.

¹³ Anderson 1958. S. 154.

¹⁴ Dictionnaire des ouvrages anonymes... № 14036. 1824. P. 25.

го следовало ожидать из уст умеренного консерватора¹⁵. Снимая последние романтические покровы с созданного просветителями образа «мудрой правительницы» и низводя его до уровня «коронованного тирана», Малле дю Пан пытается доказать, что любое проявление деспотизма является злом и варварством. Облаченная силой и жаждой экспансии, тирания несет в себе угрозу для всего просвещенного человечества, провоцируя общеевропейскую «войну цивилизации и свободы против варварства и деспотизма». В качестве примера им был выбран наиболее актуальный для Европы феномен царствования Екатерины II, рассмотренный через призму ее внешнеполитической экспансии на «Север» и «Юге», которая в первую очередь затронула страны «восточного барьера» – Швецию, Польшу, Османскую империю, – вплотную приблизившись к германским землям.

Для характеристики образа российской императрицы Малле дю Пан использует три составляющие. Во-первых, это узурпация власти, сопряженная с кровопролитием, прежде всего, на примере переворота 1764 г., что, по мнению автора, говорит об отсутствии легитимности не только в правлении Екатерины, но и в ее вмешательстве во внутренние дела Европы. Во-вторых, это тема имитации – «коварство и фальшивый блеск реформ», беспринципность, прикрытая лицемерием, вводящим Европу в заблуждение. И, наконец, злоупотребление властью, переходящее в деспотизм. Деспотизм, в свою очередь, как отсталая и полностью неэффективная система, несет с собой рабство и деградацию, как для русского народа, так и для всех народов Европы, если они подвергнутся русской экспансии. Итак, сначала автор ищет подтверждение своим тезисам во внутренней политике Екатерины, которую он оценивает, как губительную для России, а затем проецирует доказанную им склонность императрицы к узурпации власти, лицемерию, беспринципности и деспотизму на политику внешнюю, ведущую к опасному нарушению баланса сил, что и должно было формировать у европейского читателя комплекс «русской угрозы». Таким образом, Малле дю Пан рисует образ беспринципной воинственной правительницы, стоящей во главе огромной «армии рабов», стремящейся к увеличению своего и без того значительного влияния на европейском континенте любыми способами: «Повинуясь присущему ей постоянному узурпаторскому духу, пренебрегая всеми мирными договорами, русская императрица всегда тайно стремилась к захватам, непрерывно плетя заговоры и интриги против соседей, особенно против шведов, поляков и османов. Кто не знает о последних деяниях этой государыни в Швеции и о сомнительных средствах, что используют ее министры, дабы посеять здесь повсеместные беспорядки и раздоры... С помощью своего раз-

¹⁵ Пискунова 2008.

вращающего деспотизма она повсюду стремится насаждать собственные законы, яркие примеры чему нам дают Швеция и Польша¹⁶».

Выводя причины экспансионистской политики России в Европе из личных порочных склонностей ее правительницы, которая вместо того, чтобы заниматься внутренним развитием страны и заботой о подданных, одержима жаждой власти и территориальными захватами, автор памфлета впервые переводит мотивы русской внешней политики из сферы международного права и здравого смысла в область иррационального, а потому непредсказуемого, пугающего и опасного. Беспринципностью Екатерины, которая для достижения своих целей не остановится ни перед чем, автор объясняет шокирующую европейцев «варварскую жестокость» русских на захваченных ими территориях, утверждая, что «все успехи царствования этой государыни буквально омыты кровью»¹⁷. А действия русских в Польше он вообще сравнивает с разрушительным природным бедствием, с ураганом, который вот-вот перекинется на остальную Европу¹⁸. Таким образом, создавая образ «русской угрозы», Малле дю Пан ассоциирует ее с надвигающейся извне стихией, управляемой нелегитимной волей одного человека, не признающего законов международного права, которой пока безуспешно пытается противостоять цивилизованная Европа. Недаром, говоря об уничтожении «польской свободы» «русскими штыками», автор, по сути, рисует апокалипсическую картину гибели европейской цивилизации: «Екатерина мечтает с помощью своей армии невежественных рабов господствовать над всей просвещенной Европой, и это обернется настоящей катастрофой для последней, потому что тогда рабство будет господствовать над свободой, варварство – над цивилизацией, невежество – над просвещением»¹⁹. Таким образом, Малле дю Пан одним из первых увязывает всеобщую растерянность и эсхатологические настроения, определявшие в тот период кризис европейского сознания, с идеей «русской угрозы», конструируя причинно-следственную связь неизбежности «гибели Европы» и русской экспансии в случае, если европейским державам не удастся консолидировать свои силы под предводительством Франции для спасения «свободы и цивилизации».

Важным компонентом теории Малле дю Пана, который должен был давать европейцам надежду на спасение и преодоление «русской угрозы», является введение в широкий оборот и наполнение новым смыслом полузабытой метафоры о «колоссе на глиняных ногах», которая до сих пор ассоциируется с Россией. Впервые эта амбивалентная

¹⁶ Über die Gefahr... S. 107.

¹⁷ Ibid. S. 100.

¹⁸ Ibid. S. 101.

¹⁹ Ibid. S. 102.

формула, затем подхваченная Дидро, появилась применительно к России в анонимно изданном в Париже 1736 г. памфлете «Московские письма»²⁰, предположительным автором которых считается итальянский авантюрист, ставший впоследствии успешным дипломатом, Франческо Ласкатели Лани. Она одновременно отражала страх перед Россией и несла в себе успокоительный посыл о «призрачности» ее мощи. Малле дю Пан, который, очевидно был знаком с памфлетом Ласкатели, охотно использовал эту метафору. Так, говоря об усилении влияния России на всем Средиземноморском пространстве по итогам русско-турецкой войны 1768–1774 гг., он замечал: «Теперь железный колосс российской империи стоит одной своей глиняной ногой на Камчатке, а другой – в Херсоне, но недалеко то время, когда, не выдержав собственной тяжести, он рухнет и погребет под собой всю Европу»²¹.

Таким образом, во-первых, Малле дю Пан неоднократно подчеркивал, что крах и распад России, которая контролирует и сдерживает массу диких азиатских племен, не менее опасен для Европы, чем ее усиление в результате экспансии. Во-вторых, он одним из первых связал военную экспансию России с истощением ее ресурсов, которое неизбежно должно было привести империю к распаду²². Впоследствии уязвимость российской империи будут связывать, прежде всего, с расширением ее территорий. Считалось, что слишком большие пространства, населенные разноплеменными народами, не имеющими между собой ничего общего, являются для России непосильной обузой, поэтому при продолжении экспансии она неизбежно должна будет развалиться на несколько самостоятельных образований. Во всех случаях, по мнению Малле дю Пана, последствия «попирающих международное право», агрессивных действий беспринципной узурпаторши-императрицы, стремящейся любыми способами утвердить свое преобладание в Европе, будут губительными для европейской цивилизации.

Влияние французской публицистики в Германии в 1790-е гг. выразилось не только в формировании страхов и надежд среди образованных сословий и прочих формах манипулирования общественным мнением, но также и в ответном мощном развитии немецкой, прежде всего, либеральной журналистики и политической публицистики. В последнее десятилетие XVIII в. в немецких государствах появилось большое число газет, брошюр, листовок, журналов и сочинений различного рода, освещавших международные события. Все немецкие журналы того времени, независимо от их направления, писали об изменении баланса сил, вызванного Французской революцией, и последствиях, грядущих

²⁰ [Locatelli, Francesco] 1736.

²¹ Über die Gefahr... S. 108.

²² Ibid. S. 103.

вслед за ней неизбежных глобальных перемен для судеб Европы. Разделы Польши занимали второе место по упоминаниям в немецкой периодике, но сильно уступали Французской республике по значимости и масштабу влияния на массовые настроения. В результате между журналами завязывается ожесточенная полемика, идет борьба за общественное мнение. Если издания, отражавшие точку зрения правящих кругов германских государств, призывали к объединению всех усилий, чтобы не допустить распространения «французской заразы» на другие страны Европы, то во многих либеральных изданиях Франция воспринималась как спасительница. Оккупация Рейнской области французской революционной армией в 1792–1793 г. у их читателей поначалу практически не вызвала протеста. А с возникновением первой демократической республики в Майнце в 1792 г. появляется немецкая радикальная публицистика и журналистика. Опасения, что революционная Франция не сможет противостоять натиску «Тройственного союза» «деспотических монархий» России, Австрии и Пруссии и будет, в конце концов, разделена между ними, окончательно рассеялись после поражения союзной австро-прусской армии под Вальми в сентябре 1792 г. Но Российская империя с подачи французской пропаганды продолжала восприниматься либералами в Германии как самый могущественный противник молодой республики. Поэтому неудивительно, что наиболее последовательно комплекс идей Малле дю Пана о «русской угрозе» развивали в своих сочинениях радикально настроенные немецкие публицисты. Самыми яркими среди них были Эрнст Людвиг Поссельд, Георг Фридрих Ребманн и Йозеф фон Гёррес, видевшие в «деспотической империи» угрозу не только «завоеваниям революционной Франции», но и «еще не до конца уничтоженной немецкой свободе»²³. То есть они развили и дополнили используемую Малле дю Паном дихотомию «варварство-цивилизация» противостоянием «деспотизма» и «революции», внедрив его в европейский дискурс о России.

Молодой профессор истории из Карлсруэ Эрнст Людвиг Поссельт (1763–1804) одним из первых вступил в дискуссию о будущем Европы в контексте противостояния революционной Франции и деспотической России. С 1795 по 1804 г. он был главным редактором ежемесячного политического журнала «Европейские анналы» («Europäische Annalen»), выходившего в Тюбингене на деньги известного издателя и книготорговца Иоганна Фридриха Котта. Главной темой этого одного из самых влиятельных в Германии изданий стала попытка осмыслить «современную историю на стыке эпох». В программной статье первого номера (февраль 1795 г.) Поссельт писал: «Ни одно мыслящее существо не может сомневаться, что современную историю определяют кру-

²³ Preußens Friede mit Frankreich... S. 38.

шение старого мира и рождение нового, которые образуют великий рубеж эпох, равный по значению вселенскому потоку или основанию Рима»²⁴. Исходя из этого, автор оценивал все современные события.

Первый номер журнала открывает большая аналитическая статья Посселята «Ретроспективный взгляд на 1794 год», в которой он рассматривает все политические события прошедшего года с дуалистической позиции: Европа разделена на два противоположных полюса, древнюю Францию и молодую Российскую империю. С этими полюсами связаны все традиционные антитезы политического дискурса о России – от географических и климатических до цивилизационных: «древность – молодость», «центр – периферия», «Юг – Север», «цивилизация – варварство», «республика – деспотия». Но несмотря на кардинальные различия обе эти великие державы – «явления одного порядка», они являются «кровавыми хищниками», стремящимися к постоянной экспансии безжалостными захватчиками. Именно противостояние двух великих держав, России и Франции, по мнению автора, определяет настоящее и будущее современной Европы. Все, что находится между ними, будет завоевано и присоединено к одному из полюсов. Предвидя неизбежную войну между двумя антиподами, Посселят в конце статьи риторически вопрошает: «Что произойдет, если колоссальная Франция передвинет свои границы на Север и Восток, а не менее колоссальная Россия распространится еще дальше на Юг и Запад? И какая борьба начнется тогда, когда Север и Юг, республика и деспотия, русский и француз сойдутся, чтобы воевать друг с другом?»²⁵.

Следующий 1795 год стал для Посселята логическим продолжением предыдущего и прошел под знаком окончательного уничтожения польской государственности. «Польша больше не существует, – пишет он в самом начале программной статьи «Взгляд на Европу 1795 года». – Государство, которое в эпоху своего расцвета диктовало собственные законы всему Северу Европы, теперь существует только в древних преданиях. Сегодня его нужно искать на картах России, Австрии и Пруссии»²⁶. Россия и Франция, два сильных «хищника», политика которых построена на «праве сильного», не признающего «никаких договоров и взаимных обязательств», опять вышли победителями. Причем России Посселят уделяет гораздо больше внимания, чем Франции. В анализе ее современного состояния главное место занимает тема «русской угрозы» – не столько Германии, сколько всей Европе, – обоснование которой почти полностью построено на прямых заимствованиях из французской политической публицистики, переведенных на немецкий язык.

²⁴ Posselt 1795. S. 2.

²⁵ Ibid. S. 6.

²⁶ Posselt 1796. S. 4.

В частности, Поссельт приводит целые куски из речи, произнесенной одним из выдающихся ораторов Термидорианского Конвента Франсуа-Антуаном Буасси д'Англа (1756–1826) на заседании конвента 30 января 1795 г., не ссылаясь при этом на первоисточник²⁷. Также автор продолжает развивать начатую еще Малле дю Паном тему «колосса на глиняных ногах», который с каждым годом разрастается все дальше: «Сегодня этот колосс, все это время счастливо побеждавший в самых кровопролитных и ужасных войнах, стоит одной ногой на побережье Черного моря и угрожает оттуда Константинополю, а другой ногой – на берегах Вислы, у ворот Германии и Южной Европы». Однако, соглашаясь с первой частью идеологемы о «растущем железном колоссе», Поссельт готов поставить под сомнение ее вторую часть о «глиняных ногах», так как за последнее время этот «азиатский Геркулес» «уже успел пугающе быстро европеизировать себя, сочетая в себе в чудовищном смещении силу азиатской дикости со всеми искусствами европейского Просвещения»²⁸. Он вступает в полемику с Буасси д'Англа, оспаривая его главный тезис, что постоянное расширение территорий за счет экспансии неизбежно должно привести Россию к ее распаду на отдельные части, которые «погребут» под собой остальную Европу. Поссельт считает, что французы специально приводят этот аргумент, «чтобы побороть страх перед этой огромной силой и последствиями, которыми она грозит Европе», а также привлечь на свою сторону другие европейские государства в «грядущей великой битве двух колоссов». Отстаивая свою пророческую идею о том, что новый век начнется с войны между Россией и Францией, Поссельт считает, что силы обеих держав приблизительно равны – ни та, ни другая еще не знали ни одного поражения, – и поэтому исход этой войны не может быть предreshен заранее, а в основе французской теории о разрушении России «под бременем собственных размеров» лежит «в большей степени недостаток силы, который ощущают слабые потомки, неспособные сохранить то, что было создано и передано им великими предками, но это в наименьшей степени пугает Россию»²⁹. Она впрямь продолжит двигаться «в направлении густонаселенных равнин Европы», поэтому ее столкновение с Францией неизбежно. И когда этот момент придет, «Европе придется выбирать между фригийским красным колпаком и русским кнутом»³⁰.

²⁷ В качестве примера можно привести известную тираду, несколько вольно переведенную Поссельтом: «За семьдесят лет он [русский колосс] успел присоединить Ливонию, Эстландию, Ингерманландию и часть Финляндии. Он усмирил китайцев, расселил своих колонистов на побережье Америки, завоевал Кавказ, захватил Грузию, части Персии и Крым, покорил татар и уничтожил Польшу, и т.д.»

²⁸ Posselt 1795. S. 10.

²⁹ Ibid. S. 13-14.

³⁰ Ibid. S. 97.

Если Эрнст Поссельт в 1796 г. еще стоял перед выбором, то другой радикальный немецкий публицист Георг Фридрих Ребманн (1768–1824) в 1798 г. этот выбор уже сделал, потому что предсказанная Поссельтом война между «деспотической» Россией в составе второй антифранцузской коалиции и республиканской Францией уже началась. Для Ребманна это война не между коалициями, а между «свободой и деспотизмом», и он выбирает «свободу», т.е. сторону революционной Франции. Удивительно, как за два года возрос градус напряженности и неприятия России в немецкой радикальной публицистике. На примере сочинений Ребманна можно судить о том, как в корне поменялась риторика, связанная с российским государством и появились новые акценты в немецком европейском дискурсе. В 1798 г. в Страсбурге выходит сборник его острополюемических эссе «Политический зодиак или знаки нашего времени», в котором слово «кнут» уже используется как метафора России³¹. Ребманн одним из первых отказывается от дихотомии «Север – Юг» в отношении России, перемещая ее с «Севера Европы» на «Восток». Согласно Ребманну, по степени распространения тирании Россия скорее является восточной деспотией, наподобие древнего ассирийского царства, нежели европейской империей, образцом которой он считает древний Рим эпохи расцвета³². Таким образом, Ребманн пытается задействовать новую дихотомию «Запад – Восток» для выражения цивилизационного и политического различия двух противоположных миров. Причем, если понятия «варварство» и «деспотия» являлись частью образа Востока, то, следовательно, Россия с северных окраин Европы перемещалась в Азию, за пределы Европы.

Переставляя акценты, Ребманн возвращается к комплексу «русской угрозы»: он многократно усиливает его, приписав России «азиатскую природу». При этом он, как и Поссельт, полностью отказывается от мифа о «глиняных ногах железного колосса». Ребманн считает, что слишком обширные территории – это не недостаток, а скорее преимущество: Россия обладает огромными ресурсами и, будучи расположенной во всех климатических поясах, полностью самодостаточна. Кроме того, с ней невозможно воевать на ее территории. В итоге для усиления эффекта Ребманн сравнивает Екатерину с Аттилой, а ее армии называет «гуннами нашего времени». «Народы Европы, – взывает он, – одумайтесь! Удар будет ужасен, варварские орды московитов сметут вас всех! Новый Аттила приближается, объединяйтесь, пока еще есть время!»³³.

Несмотря на всю свою революционную непримиримость, уже через несколько лет, когда большая часть Европы оказалась под француз-

³¹ Der politische Tierkreis... S. 323.

³² Ibid. S. 330.

³³ Ibid. S. 341.

ской оккупацией, а в германских землях начал созреть дух национального сопротивления захватчикам, Ребманн, как и большинство его современников, глубоко разочаровался в идее Французской революции. И это не удивительно. По мере усиления французского политического гнета в германских землях можно все чаще наблюдать резкий переход самых радикальных публицистов и философов от ненависти к «деспотической» России к надежде на «русское будущее для Европы». Эта надежда давала им возможность перенести свои ожидания «справедливого политического устройства», потерпевшие неудачу в центре европейского континента на его окраины, которые опять заняла Россия. Кто-то, как Г. Гейне или Эрнст Мориц Арндт, поменяли свои взгляды лишь на время в связи с изменениями политической конъюнктуры, а кто-то, как Йозеф фон Гёррес, – на всю оставшуюся жизнь.

Иоганн Йозеф фон Гёррес – один из самых ярких радикальных политических журналистов и пропагандистов в первой половине своей жизни, и выдающийся католический мыслитель, историк и теолог – во второй, считался современниками «голосом Германии». Сначала он призывал к объединению Европы для защиты революционной Франции, а затем к объединению Европы для борьбы против Наполеона. Уроженец Кобленца на Рейне, 22-летний Гёррес, выступая рьяным сторонником идей революции, издает в 1798–1799 гг. два революционных журнала („Das gothe Blatt“ и „Rübezahl“) и является сторонником присоединения оккупированных рейнских областей Германии к Франции.

Со времени установления Директории в 1795 г. и началом последнего этапа Французской революции, несмотря на постоянную турбулентность и неустойчивость власти внутри страны, можно заметить поначалу неявную, но принципиальную смену приоритетов во французском внешнеполитическом дискурсе: противостояние революции и контрреволюции в европейском масштабе постепенно вытесняется геополитическими противоречиями, что нашло свое отражение в изменении пропагандистской риторики. Первым на это обратил внимание еще Поссельт в 1795 г., когда писал, что «продолжающаяся война вслух больше не именуется борьбой за существование республики, а называется войной за более выгодные условия мира»³⁴.

В ходе войны второй коалиции стало очевидно, что Франции вполне по силам сломить Австрию, подойдя вплотную к ее границам, но она не в состоянии нанести серьезный удар ни по Англии, ни по России на их территориях из-за их периферийного положения. В результате из традиционного противостояния Франции и Австрии на суше и Франции и Англии – на море убирается Австрия как «центральная» европейская держава, утратившая свое первоочередное значение

³⁴ Posselt 1795. S. 5.

для французской политики. А затем постепенно складывается новая оппозиция из периферийных империй, озвученная еще в начале 1795 г. Буасси д'Англа в речи о политической ситуации в Европе на заседании конвента 21 января: «Россия стремится к владычеству на суше, тогда как надменный Альбион – к владычеству на море». Именно этих двух главных врагов Франции необходимо «исторгнуть из вселенной» и «изолировать от мира»³⁵. По его мнению, борьба континентальной революционной Франции против морской «деспотической» Англии могла закончиться только победой одной из сторон, так как «правительство природных захватчиков англичан не может сосуществовать вместе с французской республикой. Из-за своего окраинного положения Англия не заинтересована в воцарении мира и благоденствия в Европе»³⁶. Следовательно, теперь Франция, как представитель центра Европы, противопоставит ее периферии, причем не только Англии, но и России, которые связаны общей целью ослабления европейской системы.

Таким образом, изменения в идеологических установках французской внешней политики вносят коррективы в европейский дискурс. Традиционное франко-английское противостояние расширяется под давлением политической конъюнктуры: Франция, будучи по праву доминирующей силой Европы, борется с истинными врагами европейской системы – Россией и Англией. Народы цивилизованной Европы, которые она ведет за собой, должны объединиться вокруг французской республики против «варварских орд» русского государства как главного агрессора на суше, вместо того, чтобы тратить силы в войне с Францией, в которой Россия – это единственная выигравшая сторона.

Наиболее полное развитие тема о русско-английской угрозе нашла в публицистике Гёрреса. В аналитической статье «Исторический обзор новейших политических событий», открывавшей шестую часть первого тома его журнала „Das rothe Blatt“ («Красный листок») он пишет об угрожающей всей Европе «всемирной диктатуре английской торговли и русской военной политики»³⁷. Англия с помощью золота и флота господствует на море, Россия с помощью «кнута и страха» – на суше, но обе с одной целью – «порабощение новых народов», а, следовательно, несут в себе «тиранию», «рабство» и «деспотизм».

Если вспомнить, что уже у Ребманна «азиатская деспотия» является антитезой «европейской империи», то связанная с ней противоположность «цивилизации» и «варварства» автоматически получает у Гёрреса новое развитие: «Англичане и русские находятся вне Европы, таким образом, морские потоки и льды Севера окружают ее двух наи-

³⁵ Groh 1961. S. 106.

³⁶ Ibid. S. 107.

³⁷ Görres. 1798/99. S. 175-185.

более жестоких врагов»³⁸. То есть, Англия является воплощением варварства на море, а Россия – оплот варварства на суше.

Обращает на себя внимание то, что если в самом начале, говоря о стремлении к мировому господству, Гёррес использует еще традиционный в таких случаях термин «универсальная монархия», то затем контекст заставляет его применить относительно новое понятие «всемирная диктатура», которое имеет еще более негативную коннотацию, так как подразумевает не просто отсутствие легитимности, но узурпацию и произвол власти. Еще один моментом, который бросается в глаза при оценке уже непосредственно России, это ее подчеркнутая амбивалентность: «Россия – это колосс, возникший из сплава снега, льда и крови, наделенный слабой, но цепкой жизненной силой амфибии, у которой, как у крокодила, наибольшая мощь сосредоточена в огромном хвосте... Но если уметь уклоняться от его удара, он становится жертвой своей собственной неповоротливости»³⁹. Будучи одновременно сильной и слабой, опасной и беспомощной, Россия, по мнению Гёрреса, подобно амфибии, в силу своих размеров и истории принадлежит сразу к двум цивилизационным мирам, двум культурам: азиатской и европейской: «Россия объединяет в себе все промежуточные ступени цивилизационного перехода от европейского Просвещения к самому дикому варварству, и от него снова наверх – к китайской квази-культуре»⁴⁰. Более того, для Гёрреса, Россия, несмотря на пропагандистские пассажи, позаимствованные из французской прессы, не столько чужеродный для Европы элемент, сколько современная quintessence ее собственного неприглядного прошлого, «чудом сохранившийся до настоящего времени реликт архаичной европейской культуры XIV столетия»⁴¹.

Однако Гёррес, несмотря на влияние изменившейся французской риторики, остается якобинцем: для него основными полюсами, определяющими картину мира, являются не «цивилизация» и «варварство», а «деспотизм» и «свобода». Поэтому Россия и все европейские монархии составляют для него единый лагерь «деспотизма», которому противопоставит «новое государство свободы» французская республика. Если до революции, пишет Гёррес, «государственное здание Европы трещало по всем швам при повторяющихся ударах азиатского чудовища», то после революции напуганные европейские «деспоты» бросились в объятья «деспотизма» России, чтобы, объединившись вокруг него, «с громким лаем и диким воем» нападать «на новое государство свободы»⁴².

³⁸ Görres. 1798/99. S. 185.

³⁹ Ibid. S. 178.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid. S. 181.

Однако, доведя идею о «русской угрозе» до ее кульминации, немецкий последователь французских якобинцев, тем не менее, предлагает новый оптимистичный взгляд на будущее Европы. Уже в 1798 г. юный Гёррес начинает выстраивать свою прогрессистскую концепцию истории, согласно которой «существуют четко определенные, неизменные законы, на основе которых человечество поднимается из плотных миазов деспотизма и варварства к ясному эфиру свободы и культуры»⁴³. Поэтому дни деспотизма и варварства уже сочтены, о чем свидетельствуют «недвусмысленные симптомы», указывающие на «скорый кризис» европейских монархий. Прогресс и свобода обязательно победят варварство и деспотизм, и даже «колосс на Востоке, подобный гротескостеру во главе всех еще оставшихся обломков когда-то господствующего над миром деспотизма»⁴⁴, не сможет помешать этой победе. Таким образом, на рубеже веков, с помощью разработанной им теории романтического детерминизма в истории, Гёррес одним из первых предлагает европейцам надежду на будущее и выход из охвативших интеллектуалов растерянности и пессимизма, связанных с кризисом европейского самосознания.

Источники

- (Anonym.) Über die Gefahr des politischen Gleichgewichts in Europa oder Auseinandersetzung der Ursachen, die dasselbe seit der Thronbesteigung der russischen Kaiserinn Katharina II. im Norden erschüttert haben. London: Cadell & Davies, 1790; Leipzig: D.Y.K. Verl., 3te Aufl., 1791. 170 S.
- (Anonym.) Preußens Friede mit Frankreich. Berlin, 1795. 211 S.
- [Locatelli, Francesco] Lettres Moscovites. Paris: Chez Huart Laine, 1736.
- [Mallet du Pan J.] Du péril de la balance politique de l'Europe ou Exposé des causes qui l'ont altérée dans le Nord, depuis l'avènement de Catherine II au trône de Russie. Londres, 1789.
- Der politische Tierkreis oder die Zeichen unserer Zeit/ Hrsg. von G.F. Rebmann. Strasbourg: bey Georg König, 1798 570 S.
- Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes composés, traduits ou publiés en français, avec les noms des auteurs, traducteurs et éditeurs /Par Barbier Antoine-Alexandre. Seconde édition. T III. Paris : Chez. Barrois L'Ainé, Libraire, 1824.
- Görres J. v. Historische Übersicht der neuesten politischen Ereignisse//Das rothe Blatt: eine Dekadenschrift. Bd. I, Heft VI. Koblenz: Lasaulx Verlag, 1798/99. S. 175-105.
- Posselt E.L. Blicke auf Europa 1795.// Europäische Annalen. Jahrgang 1796. Erster Band /Von Ernst Ludwig Posselt. Tübingen: in der J. G. Cottaischen Buchhandlung, 1796. S. 3 – 103.
- Posselt E.L. Rückblick auf das Jahr 1794 // Europäische Annalen. Jahrgang 1795. Erstes Stück von Ernst Ludwig Posselt. Tübingen: in der J.G. Cottaischen Buchhandlung, 1795. S. 4-65.
- Posselt E.L. Vorrede //Europäische Annalen. Jahrgang 1795. Erstes Stück von Ernst Ludwig Posselt. Tübingen: in der J. G. Cottaischen Buchhandlung, 1795. S. 2–11.
- Письма барона Мельхиора Гримма к Императрице Екатерине II (1764–1796) и к вице-канцлеру князю А.Н. Голицыну (1764 – 1765) с приложениями. //Сборник Императорского Русского Исторического Общества/Под ред. Я.К. Грота и Г.Ф. Штенмана. В 146 томах. СПб: Тип. Имп. Акад. Наук, 1867–1916. Т. 33. СПб, 1881. 551 с.

⁴³ Görres. 1798/99. S. 184.

⁴⁴ Ibid. S. 185.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. London: Macmillan, 1958.
- Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1961.
- Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и Революция // Пер. с фр. и Послесл. Д. Бовыкин М.: Baltrus, 2006.
- Летчфорт С.Е. Французская революция конца XVIII века и формирование образа России в общественном мнении Западной Европы//Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquiuma. Саратов 2–6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001.
- Митрофанов А.А. Образ России в общественном мнении Франции конца XVIII в. (по материалам публицистики и печати). Дисс. на соиск. уч. степени канд. истор. наук. М.: ГАУГН, 2010.
- Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
- Пискунова Е.П. Эволюция идеологии умеренных роялистов в период консульства Наполеона // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008. № 1(13). СМ. 63 – 72.

REFERENCES

- Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia, 1553 – 1815. London: Macmillan, 1958.
- Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1961.
- Bachko B. Kak vyjti i z terrora? Termidor i Revolyuciya. //Per. s fr. i Posleslovie D. Bovykin M.: Baltrus, 2006.
- Letchfort S.E. Francuzskaya revolyuciya konca XVIII veka i formirovanie obraza Rossii v obshchestvennom mnenii Zapadnoj Evropy//Evropejskoe Prosveshchenie i razvitie civilizacii v Rossii. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. Saratov 2 – 6 sentyabrya 2001 g. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2001.
- Mitrofanov A.A. Obraz Rossii v obshchestvennom mnenii Francii konca XVIII v. (po materialam publicistiki i pechati)/ Diss. na soisk. uch. stepeni kand. istor. nauk. M.: GAUGN, 2010.
- Nojmann I. Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004.
- Piskunova E.P. Evolyuciya ideologii umerennyh royalistov v period konsul'stva Napoleona // Vestnik VolGU. Seriya 4. 2008. № 1(13). SM. 63 – 72.

Заиченко Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; o.v.zaichenko@gmail.com

Formation of the "Russian threat" complex as a reaction to the crisis of European self-consciousness in the first decade after the French revolution

Based on the analysis of the French and German liberal journalism of the 1790s, the study aims to track the formation of the “Russian threat” complex in the foreign policy discourse and its interrelation with the crisis of the European self-consciousness that followed the French revolution, which shook the traditional social foundations of Europe.

Keywords: French revolution, a complex of "Russian threat", European identity, French and German political journalism

Olga Zaichenko, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; o.v.zaichenko@gmail.com

А. А. ЩЕЛЧКОВ

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ В XIX ВЕКЕ

Латинская Америка – один из самых удаленных от России регионов мира, регулярные связи с ней берут начало лишь в XX в. До того, несмотря на огромный взаимный интерес, контакты между народами России и южноамериканцами были ничтожны, не только из-за географических, но и политических препятствий и, в частности, упорного отказа правительства Российской империи признавать американские республики, бывшие «мятежные» провинции испанской монархии. Лишь единицы из южноамериканцев смогли своими глазами увидеть реальность «северного гиганта», однако не было такого крупного латиноамериканского мыслителя, который бы не обращался к истории и политике России. Уникальны заметки о путешествии в Россию видного общественного деятеля, одного из предшественников перуанского социализма Хуана Бустаманте, оставшегося очарованным не только страной, но и – что парадоксально, – её политическим строем, самодержавием.

Ключевые слова: латиноамериканский либерализм, русская Америка, Бустаманте, самодержавие, романтизм, утопический социализм

Россия первой половины XIX века была для образованной публики Запада terra incognita, привлекавшей путешественников не менее Нового света или экзотического Востока. Более того, Россия оставалась малодоступной для любопытных путешественников и исследователей точкой в Европе, возможно, даже более закрытой, чем обширные владения Оттоманской Порты на Востоке. К привычным сложностям посещения России в отношении испаноамериканцев добавлялись непреодолимые политические препятствия: Российская империя категорически отказывалась признавать существование латиноамериканских республик и по прошествии многих десятилетий по-прежнему рассматривала их как мятежные провинции испанской монархии, которая сама давно уже признала их независимость. Руководствуясь принципами легитимизма и монархизма, Россия не признавала новые республики ни де-юре, ни де-факто, поддерживая дипломатические отношения только с Бразильской империей, где «легитимно» правил дом Орлеан-и-Браганса, не считая краткого периода дипломатических отношений с «Мексиканской империей» Максимилиана Габсбурга в 1860-е гг. Соответственно, ни один гражданин или даже уполномоченный представитель южноамериканских республик не мог получить разрешение на посещение страны. Закрытые двери России лишь увеличивали интерес образованных латиноамериканцев к этой далекой и малоизвестной стране.

У нас преобладает интерес исследователей к заметкам русских путешественников и писателей о далеких странах, к описаниям Южной

Америки побывавшими там редкими мореплавателями и дипломатами. К сожалению, нет исследований о взгляде на Россию представителей латиноамериканского региона, что является наследием евроцентристского и «колониалистского взгляда» на культуру, цивилизацию в целом. Между тем, исследование взгляда на Россию с «далеких берегов» позволит в более полном виде представить «образ других» через восприятие нашей действительности и нашей собственной идентичности. Для описаний путешественников, иностранцев часто используется образ «зеркала», в котором мы четче видим свою реальность. Возможно, это так. Но чаще всего мы видим не отражение иной, «чужой» для авторов описаний реальности, а искаженный образ собственной – иная действительность всегда рассматривается сквозь призму образов и коллективного воображаемого наблюдателя, но никак не точное отражение. Через образ нашей страны глазами латиноамериканцев, через их реакцию на наши реалии более ярко вырисовываются их особенности восприятия мира и их собственной социальной действительности.

Другой важной составляющей образа «другого», в данном случае России, были не непосредственные контакты представителей латиноамериканского сообщества с реалиями России, а устойчивый комплекс коллективного воображаемого, состоящего из сложных и порой взаимоисключающих элементов, но всегда соответствующих представлениям о добре и зле того или иного общества. Латиноамериканцы XIX века черпали знания, информацию о нашей стране из европейских и североамериканских источников, не имея возможности напрямую познакомиться с реалиями далекой и недоступной России. Лишь единицы смогли преодолеть барьеры природы и географии, поставленные на пути нашего взаимодействия, и политические препятствия, умело введенные российскими властями перед иностранцами.

«Северная империя» в общественном мнении латиноамериканских республик

Единственным государством региона, сталкивавшимся на общей границе с Россией и русскими как соседями, была Мексика – ее север до аннексии США выходил на владения Русской Америки. Появление русских поселений и факторий в Калифорнии мексиканцы восприняли как прямую угрозу. Именно поэтому видный деятель движения за независимость страны Карлос Мария Бустаманте, будучи заключен в тюрьму испанскими властями, в 1819 г. начал писать книгу о России и её присутствии в Америке. Работа так и не была окончена, а часть рукописи опубликована лишь в 1994 г. В ней автор высказывал опасения по поводу в Калифорнии Новый Санкт-Петербург с бурной торговлей, ремеслом и процветающей русской провинцией¹. Вскоре место русских на

¹ Sobre Rusos y Rusia... P. 95-102.

севере Мексики заняли американцы, опасность утраты этих территорий возрослакратно, и о русской угрозе мексиканцы забыли навсегда.

Среди латиноамериканцев после завоевания странами континента независимости преобладало небезосновательное убеждение, что Россия является оплотом реакции и деспотизма в Старом Свете. Так, учитель Боливара и великий просветитель венесуэлец Симон Родригес называл Россию первой половиной века «всеобщим инквизитором»². Существует легенда, что Родригес в период своего пребывания в Европе с 1807 по 1821 г. умудрился побывать в пределах Российской империи. Аdjутант Боливара Д.Ф. О'Лири утверждал в своих воспоминаниях, что Родригес побывал в России. Сам Родригес рассказывал, что «управлял начальной школой в небольшом городке в России»³. Возможно, речь идет о западных губерниях Царства Польского, куда тот мог попасть из Пруссии, в которой он достоверно был, а возможно, что это позднейший вымысел его биографов. Для Симона Родригеса Россия была страной рабства и угнетения не только миллионов крестьян и ремесленников, но и целых народов, самым отвратительным и жестоким среди прочих он называл гнет над поляками и евреями. Вместе с тем, Родригес высоко ценил дух и способность русского народа к изменениям. Он писал: «Сказано, что естественная смерть нации всегда носит политический характер, но её дух, как и дух тех людей, которые её составляют, бессмертен. Общественный дух никогда не умирает, хотя тело нации уже не может ее удерживать, а стремится к новому, иному... Нация может изменяться, перемещаться в иные миры: Россия может это делать и в духе, и в теле...». Петр Великий, добавляет он, привнес в русских иной, новый дух и изменил страну⁴. Родригес верил в творческий потенциал русских, вопреки устоявшимся среди либералов убеждениям, что Россия остается центром косности и реакции.

Симон Родригес был великим просветителем, «учителем учителей», наставником Освободителей новой свободной Америки, его идеи оказали огромное влияние на общественную либеральную мысль таких стран как Чили, Перу, Боливия, Колумбия и Венесуэла. И его подход к России как великой стране талантливого народа, необъяснимым образом терпящего косный и деспотический режим, угнетающий не только многочисленных инородцев на территории империи, но свой собственный, был воспринят последующими поколениями латиноамериканских мыслителей, от либералов и социалистов до консерваторов.

Один из апостолов аргентинского либерализма Х.Б. Альберди всегда ставил рядом две страны, Россию и Турцию. В частности, он утвер-

² Rodríguez 1990. P. 12.

³ Rodríguez 1990. P. 318. Иных сведений об этом нет.

⁴ Rodríguez 1990. P. 194.

ждал, что только в этих двух странах все думают одинаково, в то время как во всех странах мира не найдется двух человек думающих одно и то же. Причина же – невыносимый русский деспотизм⁵. Альберди не просто взирал на далекую деспотию, а анализируя свою национальную действительность, искал подобные проявления в Аргентине: Россия не уникальна, в Южной Америке такой же режим был установлен диктатурой М. Росаса, патерналистски опекавшей безграмотное население, враждебно относившегося, как и в России, к идеям свободомыслия как иностранной ереси и подрывающей устои нации напасти.

Латиноамериканские либералы, даже самые крайние из них, как например, чилиец Х.В. Ластаррия, были убеждены в несокрушимом ходе прогресса и демократии в Европе. Ссылаясь на А. Токвиля, он утверждал, что умеренная конституционная монархия, установившаяся во Франции в первой половине XIX в., стала примером для подражания для всех монархий Европы, в т.ч. и российской, которую меньше всего можно заподозрить в симпатиях к Французской революции 1789 года⁶. И будущее России – в общем «хоре» либеральных государств.

Среди чилийских крайних либералов был уникальный мыслитель, предшественник чилийского социализма Франсиско Бильбао. Он разделял большинство расхожих среди либералов предубеждений против России, в которой видел угрозу всему миру. Однако опасность для человечества исходила не только от России, но и от самого демократического и образцового, по мнению либералов, государства – Соединённых Штатов. Он писал: «Российская империя и США, находящиеся в разных частях мира и представляющие разные политические системы, мечтают распространить на весь мир: одна, под прикрытием панславизма – рабство, а другая – господство индивидуализма янки. Россия далеко от нас, её щупальца нас не достанут, а США – близко и с каждым днем все более наступают на юг, на наши республики»⁷. Бильбао считал, что будущее мира будет написано двумя державами: Россией и США, и обе он считал варварскими, хотя в России было варварство деспотичной власти, а в США господствовало варварство демагогии. Обе эти державы созданы для мирового господства, и в их столкновении – будущее мира⁸. Удивительное предвидение для середины XIX в. Бильбао видел в России страшного монстра угнетения не только собственного народа, но жестокого колонизатора и агрессора, от которого страдают народы «героического Кавказа» и униженной Польши⁹.

⁵ Alberdi 1920. P. 308.

⁶ Lastarria Vol. 1. 1916. P. 113.

⁷ Bilbao 1920. P. 95.

⁸ Bilbao 1920. P. 107-111.

⁹ Bilbao 1920. P. 228.

Среди видных чилийцев XIX в. выделялся Висенте Перес Росалес, который долгое время находился в Европе с миссией, главная задача которой состояла в организации эмиграции на юг Чили в основном немецких колонистов. Перес Росалес был дипломатом в Гамбурге, где часто, но безуспешно вел переговоры с русским послом о возможных поездках чилийцев в империю и о признании Чили Россией. В своих воспоминаниях он сокрушался о неизбывном преклонении чилийцев перед всем европейским и особенно французским, при этом сам он испытывал восхищение русскими в их борьбе и защите Севастополя, который называл не иначе как «современной Троей».

Перес Росалес безуспешно добивался допуска чилийских граждан в российские порты. Российский посол предложил чилийцам пропуску в Россию с унижительной для чилийского патриотизма процедурой: эти паспорта должен был заверить посол какой-нибудь дружественной России страны, например, Бразильской империи, что, конечно, было с гневом отвергнуто чилийским дипломатом¹⁰. Между тем, Росалес, обуяемый страстью к российской культуре, искал контакта с её гражданским обществом, переписывался с Императорским Географическим обществом, посылал туда литературу о Чили, высоко ценил дружеские отношения с русскими дипломатами в Германии. Один из них заверил его, что несмотря на временное непризнание чилийской республики, Россия «инстинктивно и исходя из серьезного интереса» испытывает дружеские чувства и симпатию к южноамериканским странам¹¹.

Для бразильцев Россия не была слишком большой аномалией, к тому дружественной державой по отношению к Бразильской империи. Для бразильских либералов, консерваторов и даже утопистов Россия была примером, который оправдывал существование рабства, ибо до конца XIX в. в этой стране существовал консенсус среди белой элиты в отношении рабства и монархии. Даже борец за независимость испанских колоний под руководством Симона Боливара, предшественник социалистических идей в Бразилии, прозванный «генералом народа», Жузе Инасиу Абреу-и-Лима оправдывал русских монархов, сохранявших «крестьянское рабство», крепостничество, тем, что крестьяне сами не хотели свободы, о чем свидетельствовал провал закона о вольных хлебопашцах при Александре I¹². Среди некоторых латиноамериканцев бытовало представление о добром, патерналистском «гнёте» помещиков над не желающими свободы и равноправия крестьянами. Этот взгляд нашел отражение в работах бывшего борца за республику в Испанской Америке, бразильца Абреу-и-Лимы.

¹⁰ Pérez Rosales. 1886. P. 421-422.

¹¹ Pérez Rosales. 1886. P. 423.

¹² Abreu e Lima. 2010. P. 163.

Важной темой бразильской внутренней политики было влияние церкви и Ватикана, а главной проблемой внешней мировой политики середины века – т.н. «Восточный вопрос» и Крымская война. И в обоих вопросах Россия была в центре внимания бразильских публицистов. Абреу-и-Лима считал Россию образцом в организации отношений церкви и государства, при полном подчинении первой. Право России на протекцию Святых мест в Палестине не вызывало у него сомнений, хотя в реальности экспансия России на юг и борьба с Турцией, по его мнению, имела мало побудительных причин в религиозной сфере, а отвечала потребностям расширения империи на юг, что угрожало балансу сил в Европе¹³. Для Абреу-и-Лимы Российская империя – опасный и грозный противник европейских стран, агрессия которой угрожает всем прогрессивным странам мира, хотя внешне она направлена против Турции¹⁴. Что касается внутреннего развития России, то Абреу-и-Лима упоминал о борьбе западников и славянофилов, которая определяла выбор направления внешней политики. Он высказывал убеждение, что рано или поздно, и скорее в ближайшее время (работа писалась в конце 50-х годов) в России будут проведены реформы, и самодержавие уступит место цивилизованному правлению, а страна пополнить ряды прогрессивных стран Старого Света¹⁵.

Российский колосс глазами первых путешественников-южноамериканцев

Первопроходцем в знакомстве с Россией со стороны латиноамериканцев был национальный герой Венесуэлы и предтеча латиноамериканской независимости Франсиско Миранда, проехавший через всю страну с южных рубежей на Черном море до Петербурга, где при благосклонности императрицы Екатерины II был принят в высшем свете, поступил на русскую военную службу, несмотря на протесты мадридского двора, преследовавшего венесуэльца как мятежника и сепаратиста. Екатерина взяла его под свою опеку и защитила от претензий испанского правительства. Миранда вел дневник своего пребывания в России, который, однако, был опубликован только 1930-е гг.¹⁶

В первой половине XIX в. перуанец Хуан Бустаманте стал первым латиноамериканцем, побывавшим в России. Он посетил обе столицы, Москву и Петербург, и по завершении своего путешествия опубликовал многотомный труд, в котором немало страниц посвятил визиту в Россию, изложив свой оригинальный взгляд на жизнь и нравы Северной империи. Описание путешествия в Россию предназначалось не только

¹³ Abreu e Lima. 2010. P. 240-247.

¹⁴ Abreu e Lima. 2010. P. 256.

¹⁵ Abreu e Lima. 2010. P. 271-282.

¹⁶ Этот сюжет подробно описан в нашей историографии выдающимся отечественным латиноамериканистом М.С. Альперовичем. – Альперович. 1986.

для развлечения и просвещения перуанской (любой испаноязычной) читательской аудитории, но было частью поиска на примерах чужих стран альтернатив национальному развитию его собственной страны, Перу. Если Франция и Англия, как и другие европейские страны (за исключением бывшей метрополии – Испании) всегда воспринимались латиноамериканскими либералами как образец развития, иные социальные-политические и культурные модели, как например, Россия, вызвали интерес, позволяя больше размышлять о собственной самобытности, чем о копировании европейских образцов¹⁷.

Хуан Бустаманте прославился не только своими путешествиями, но и бурной политической карьерой, своеобразными общественными взглядами, героическими поступками. Для перуанцев он остался в истории их страны «как защитник и друг индейцев», борец за равенство и социальную справедливость, как предшественник индеанизма и национального социализма. Хуан Бустаманте был родом из горной части Перу, вел свою родословную от конкистадоров и индейской знати. Последующие поколения перуанцев стали приписывать ему и его семье родство с инками, что, возможно, является позднейшей легендой, порожденной мужественной борьбой самого Бустаманте за интересы индейцев и его трагической судьбой. Традиционные для его круга людей занятия политикой или коммерцией не удовлетворяли его, хотя он добился больших успехов в торговле, был избран депутатом Конгресса от родной провинции Лампа. Его манили дальние края, новые незнакомые люди, иные культура и традиции. В своих воспоминаниях Хуан Бустаманте отмечал, что им с раннего возраста «овладела страсть к путешествиям, к познанию нового мира, неизведанных привычек и обычаев многочисленных народов, населяющих нашу землю; они звали пройти их земли от края до края»¹⁸. За это стремление к путешествиям его в Перу прозвали «обошедшим весь мир», на кечуа *Mundo Purikuj*. Эту страсть к «перемене мест» Бустаманте сохранил на всю жизнь.

Сделать реальностью мечту увидеть мир, прежде всего Европу, а там, как знать, и древние страны Азии, позволило ему немалое состояние, унаследованное от родителей. Продав часть поместий, а затем покинув кресло депутата Конгресса, Бустаманте отправился в свое первое путешествие через Карибские острова и США – в Европу. В Старом Свете он поселился на некоторое время в Англии и во Франции, а затем двинулся на восток, через Балканы, Османскую империю в Палестину. В Риме он добился аудиенции у папы Григория XVI, а в Иерусалиме

¹⁷ К сожалению, у нас в стране, за пределами узкого круга специалистов по латиноамериканской истории, труды Хуана Бустаманте совершенно незнакомы. Мой перевод заметок Бустаманте о России см.: Щелчков. 2011. С. 180-208.

¹⁸ Bustamante. 1849. P. 1.

ме был посвящен в рыцари Гроба Господня, вполне в духе его романтических настроений. Он проехал через древние страны востока, Египет, Индию, добрался до Китая. Из Гонконга он отплыл в Южную Америку, пересек Великий (Тихий) океан, и через Чили в 1844 г. вернулся домой. На память не приходит ни один другой подобный маршрут южноамериканского путешественника в XIX столетии. Уже через год, в 1845 г. в перуанской столице увидели свет его путевые заметки об этом путешествии. Успех книги у образованной публики был столь впечатляющим, что в один год вышло два издания этой книги¹⁹.

Бустаманте не удовлетворился успехом первого своего путешествия. В 1848 г. он снова уехал из Перу в Европу. Его вновь ждали Англия и Франция. Среди новых стран в его планы входило посещение Северной Европы, Голландии, Дании, Швеции и, наконец, России. Завершив это новое путешествие по дальним странам, он издал новую книгу обо всех его встречах и впечатлениях. Именно в этой книге он описал Москву и Петербург, русские обычаи и порядки.

Россия в те годы неохотно открывала двери иностранцам, а тем более гражданам южноамериканских республик, легитимность которых в полном соответствии с принципами Венского конгресса Петербург не признавал. Чтобы обмануть бдительность российских властей, Бустаманте запасся четырьмя разными паспортами, в том числе, по-видимому, от бывшей метрополии, что и позволило ему получить пропуск для въезда в империю от российского консула в Любеке²⁰. Из Гамбурга он отплыл в Петербург в компании возвращавшихся на родину русских, которые в течение поездки с большим энтузиазмом и нежностью описывали ему Россию. В результате Бустаманте был полон самых радужных ожиданий, заранее чувствуя большие симпатии к этой стране²¹.

В Кронштадте Бустаманте впервые столкнулся с российской бюрократией и подозрительностью ко всему иностранному. Его подвергли изнурительной многочасовой проверке пограничные власти и таможня. Несмотря на все представленные документы, рекомендательные письма и финансовые гарантии пребывания, Бустаманте, как и другие его спутники с корабля, должны были подробно рассказать о своей профессии, вероисповедании, происхождении, о цели визита в Россию и намерениях. Особо удивил его тот факт, что помимо строгого полицейского контроля на границе, хозяева гостиницы отобрали у него паспорт, объясняя это своей обязанностью зарегистрировать гостя в полиции²². Как настоящий путешественник-оптимист, даже в этом утомительном спектакле

¹⁹ Bustamante. 1845.

²⁰ Bustamante. 1975. P. 13.

²¹ Bustamante. 1849. P. 433 – 435.

²² Bustamante. 1849. P. 437 – 460.

бюрократического рвения он смог увидеть положительные стороны, неожиданные откровения для русского читателя: никто из полицейских чиновников не прикоснулся к угощениям, предложенным им капитаном корабля, и все решительно отказались от подарков²³.

Российская северная столица, имперский помпезный Петербург произвел на перуанца огромное впечатление: «У меня захватило дух от вида множества сверкавших золотых куполов. Особо выделялся огромный купол Исаакиевского собора. Вид города при входе в устье Невы удивляет величиим и красотой»²⁴. Поселившись в гостиницу и обустроившись на новом месте, Бустаманте отправился на поиски Генриха Шлимана²⁵, представителя нидерландской торговой компании Кемпена, к которому у него были рекомендательные письма. Вскоре они подружились, и Шлиман стал его гидом, сопровождая Бустаманте по самым видным достопримечательностям Петербурга²⁶.

В сфере интересов Бустаманте оказались столичные театры, в основном императорский балет, а также французская труппа, дававшая постоянные представления. В то время в Петербурге блистала великая балерина Фанни Эйслер. Мимо его внимания не прошел огромный интерес русской публики ко всему модному и современному в театральной европейской жизни. Петербург был «Меккой» для многих великих европейских мастеров благодаря высоким гонорарам и успеху у публики. Бустаманте отмечал, что русские прилагают большие усилия, чтобы обучиться достижениям европейской культуры, особенно в области театра, музыки, балета. Он выражал уверенность, что такое отношение к искусству «приведет просвещение в этой стране к самому блестящему состоянию». Бустаманте указывал, что бросалась в глаза готовность русских не останавливаться ни перед какими расходами, чтобы привлечь иностранных мастеров искусства в свою страну, учиться у них, создавая собственные театр, балет, оперу, живопись²⁷.

Испытывая почтение и даже страх перед троном и персоной царя, Бустаманте не скрывал восторга от неожиданной будничности появления Николая I на публике: «Николая по сравнению с другими монархами чаще всего можно увидеть на улицах города. Я дважды встречал его на Невском проспекте, когда он проезжал в небольшой коляске, запряженной двумя лошадьми безо всякого сопровождения, лишь с кучером и лакеем на козлах. Он был в серой шинели, а на голове была надета драгунская каска. Никогда бы не догадался, что этот скромный человек

²³ Bustamante. 1849. P. 439.

²⁴ Bustamante. 1849. P. 441 – 442.

²⁵ Генрих Шлиман (1822–1890) – знаменитый открыватель Трои и сокровищ Приама. В качестве торгового агента в 1846 г. уехал в Петербург, где жил до 1850 г.

²⁶ Bustamante. 1849. P. 457 – 458.

²⁷ Bustamante. 1849. P. 525.

и есть августейший император всея Руси, если бы сопровождавший меня Генрих [Шлиман] не сказал: вон едет Николай...»²⁸.

Из Петербурга Бустаманте отправился в старую столицу – Москву, которую ожидал найти в руинах после облетевшей весь мир истории о пожаре во время нашествия Наполеона 1812 года. Несмотря на то, что прошло уже более трех десятилетий, он был убежден, что невозможно в такой срок залечить столь глубокие раны войны. Его книга полна восторга и потрясений от увиденного процветающего, ни на один из доселе им виденных столиц не похожего города, «с огромным числом прекрасных дворцов, улиц со множеством богатых немецких, французских и итальянских лавок»²⁹.

В первый же день он отправился в Кремль. Прохожие учтиво и приветливо направляли его в пути, отвечая на его вопросы на прекрасном французском языке. Правда, он тут же оговаривается, что обращался лишь к «благородным» горожанам. Москва встретила его первыми морозами. Однако напуганный образом жестокой русской зимы и славы ледяной столицы, Бустаманте сумел увидеть в этом редкий и радостный случай нового опыта, который вызвал новые восторги: «Утро встретило меня ярким солнцем и чистым небом среди заснеженных домов и улиц. И какой холод! Такого холода мне не приходилось испытывать никогда!» Кремль с его соборами произвел на него огромное впечатление. С высоты колокольни Ивана Великого он наслаждался городской панорамой древней русской столицы. Он писал: «Моя душа переполнилась удивлением и восхищением от увиденного: покрытые снегом здания казались сделанными из серебра, а купола, покрытые снегом, из-под которого блестело золото, переливались на солнце. Захватывающее зрелище, никогда в самом богатом воображении не представлявшееся мне ранее. Никогда не видел ничего подобного. Все казалось каким-то волшебным миражом в пустынях Египта, настолько все было нереальным. Нет другого такого места как Москва! Как парализованный, я простоял на башне четыре часа, не в силах оторвать свой взгляд от покрытого снегом величественного города»³⁰.

Зима преподнесла немало сюрпризов путешественнику из тропических краев. Бустаманте отмечал невероятные трудности передвижения по Москве после снегопада, когда дворники едва могли расчистить небольшие тропинки для пешеходов. А по возвращению в Петербург его ждало интересное открытие: «Поразила невероятная, почти гробовая тишина на улицах города, в то время как, покидая этот город несколько дней назад, я запомнил сильный городской шум от пёстрой

²⁸ Bustamante. 1849. P. 459–460.

²⁹ Bustamante. 1849. P. 486–487.

³⁰ Bustamante. 1849. P. 490–496.

нескончаемой толпы людей, от карет и колясок, пересекавших город в различных направлениях. Теперь это был заснеженный Санкт-Петербург, по мостовым которого не громыхали элегантные кареты и прочие повозки, а бесшумно скользили сани, горожане уже не стучали каблуками по мостовой, тихо и мягко ступали по снегу»³¹.

Дорога из Москвы в Петербург подарила Бустаманте близкий контакт не только с русским бытом, но и с нравами общества того времени:

«Во время переезда из Москвы в Санкт-Петербург не произошло ничего значительного. В дилижансе прошли три дня и три ночи, ровно столько же, сколько я потратил на дорогу сюда. Все путешествующие обедали в придорожной гостинице. Все пассажиры были благородными и достойными людьми. Среди нас выделялся один генерал-аристократ, сопровождаемый несколькими адъютантами, которые отчаянно бросались занимать места в столовой гостиницы, наверное, думая, что не хватит либо места за столом, либо еды. Когда я вошел в обеденный зал, то не нашел ни одного свободного места. Все было занято другими пассажирами. Между тем, за центральным столом, где сидели генерал и его приближенные, я увидел свободное место, которое без лишних церемоний и занял, исходя из принципа: плачу свои деньги и делаю, что хочу. Генерал, видимо, был шокирован моей простотой, ибо долго смотрел на меня с высоко поднятыми бровями, с видом, который говорил сам за себя. Поскольку я не обращал на него никакого внимания, а принялся заказывать блюда, которые мне хотелось бы попробовать, этот расшитый золотом мундир призвал распорядителя поездки и потребовал список всех пассажиров, выехавших из Москвы. <...> Я решил снять подозрения и вопросы. Громко обратился к распорядителю гостиницы и заказал бутылку мадеры. Мне тут же налили бокал, а я, изощряясь в любезности, пригласил генерала выпить со мной мадеру, а он пил бордо. Генерал продолжал изучать список путешествующих, и наконец-то, нашел меня: Х. Бустаманте, американец, капиталист и т.д., путешественник. После этого все поменялось, генерал вдруг стал самой любезностью, которую источали даже его глаза, развеяв всю неприступность и грозность. Он сам и его сопровождавшие сразу же стали проявлять мне различные знаки внимания и уважения»³².

После посещения двух русских столиц Бустаманте через Ригу и Польшу вернулся в Европу, а затем отправился на родину. Перед отъездом он договорился с депутатом конгресса Агустином Талаверой подробно изложить свои впечатления от поездки в книге, а также рассказать об интересном зарубежном общественном и политическом опыте, в т.ч. обещал привезти образцы законов и постановлений, которые могли бы быть полезны для реформ в Перу. В завершение повествования Бустаманте изложил свое понимание политической и социальной ситуации в Перу, предложив программу реформирования общества.

³¹ Bustamante. 1849. P. 509.

³² Bustamante. 1849. P. 502-508.

Во время своих путешествий Бустаманте познакомился с особенностями устройства самодержавной России, посетил Европу, когда там полыхала революция 1848 г., став свидетелем восстания парижского пролетариата. Он осуждал борьбу парижских рабочих за новую «коммунистическую и социальную систему без частной собственности и без института семьи», хотя понимал мотивы, побудившие их подняться на восстание: отсутствие у рабочих политических и социальных прав, эгоистическое желание правящих кругов не учитывать потребности пролетариата, закравших накануне восстания Национальные мастерские, дававшие тысячам парижских тружеников работу и пропитание³³.

Его рассказ о жизни парижских и лондонских пролетариев, об их нищете и бесправии контрастировал с восторженными строками, посвященными Российской империи, представавшей неким оазисом благоденствия, христианского мира и спокойствия. Республиканец и убежденный либерал в перуанской политике, поклонник работ европейского романтического социализма, Бустаманте в своих рассуждениях о российской политической системе неожиданно предстает защитником самодержавия. Он утверждал, что в России ровно столько же свободы, как и в европейских странах, а деспотизм русского самодержавия в отношении пребывавшего в состоянии «варварства» народа этой северной страны носил отеческий характер, был мягким и патерналистским:

«Население этой колоссальной империи достигает 64 миллионов душ разных классов. Между тем, в России на каждого свободного человека приходится 10 крепостных. Самое же болезненное состоит в том, что из такого огромного числа людей, обреченных на рабство, 40 или более миллионов человек являются абсолютной и исключительной собственностью 800.000 знатных людей. До того, как Петр Великий привнес цивилизацию в российскую империю, думаю, ни один даже свободный человек не был столь счастлив, как сегодня чувствуют себя те, кого мы называем рабами. Бесчисленные фабрики, бесконечные здания, появляющиеся сегодня, дают работу множеству рабочих, обеспечивая хлебом их семьи. Не кажется ли вам сегодняшнее положение России в сто раз лучше, нежели три, два или столетия назад? Да, российское правительство мудро, отечески заботливо, но своевольно. А как еще можно управлять столь варварским народом, каким является народ России? И если поменяется форма управления, будут ли возможны такие же достижения и величие, богатство и процветание, коего достигла страна при нынешнем правителе, и которые прославили Россию во всем мире?.. Нет такого путешественника, который бы не описывал положение в империи в самых черных красках, преувеличивая коррупцию правительства и угнетение подданных, деспотизм правления. Все приходят в ужас и замирают от страха, лишь прочитав писания на эту тему под заголовком “Тайны России”, являющиеся не больше чем пропагандистской уткой. Вы увидите там и инквизиторскую полицию, совершающую лишь преступления и раз-

³³ Bustamante. 1849. P. 615-616.

ного рода злоупотребления, до такой степени, что приходится удивляться, что Россия до сих пор не превратилась в одно большое кладбище!

Глупо отрицать явные несправедливости и крупные преступления российского правительства, но если уж и призвать его к ответу, то назовите хотя бы одну страну, которой нельзя было бы предъявить подобные или еще более серьезные обвинения? ... В действительности, существующие клише о России – это выдумки и наветы предубежденных людей, берущихся за перо лишь ради клеветы. Все они – европейские писатели или путешественники, смертельно ненавидящие Россию, а потому говорят о ней жестко, без украшательства, но и не уважая святую правду. В России есть столько же свободы, в том числе и личной свободы, как и в других европейских странах... Об этой империи пишут ужасные вещи, но я не верю ни одной из них, также не могу подтвердить их, хотя с этой целью и при разных обстоятельствах выспрашивал у своих бесхитростных друзей. Что касается меня, мне не на кого и не на что пожаловаться, ни на российское правительство, ни на полицию или секретный сыск; я ходил везде и в любой час, когда мне хотелось, никто не ограничивал мою волю, я говорил с полной свободой по политическим вопросам, и ни один русский не препятствовал мне высказываться.

Отчего же так несправедливо писали об этой великой империи путешественники и историки, упрекая ее в скандальном и позорном режиме рабства, угнетающем в XIX в. огромное большинство населения?.. Слово «раб», конечно же, вызывает ужас, когда задумываешься над его содержанием. Однако если этот раб более благополучен и богат, чем свободный, то какое значение имеет этот термин? Есть тысячи форм рабства в этом мире, и рабы есть во всех странах. Где еще есть более несчастные и вызывающие самое большое сострадание люди, нежели на островах под британским владычеством? Кто как ни рабы – тысячи нищих, населяющих все европейские государства? А как назовете вы азиатов или африканцев? Нет ли случайно таких же несчастных в свободной Америке? Достаточно бросить взгляд на нашу республику, и вы увидите, как под именем свободных и признаваемых законом граждан, на самом деле, скрываются большие рабы, нежели в этой северной стране. Где же то место, куда рабство не проникло? Франция? Где самая ужасающая нищета не есть действительное рабство? Именно это рабство стало причиной того, что французы убивают друг друга, при этом мы считаем по сравнению с другими народами их меньше всех страдающими от угнетения и обладающими самыми передовыми идеями, но они вынуждены выбирать: либо восстать с оружием в руках, либо умереть от голода. Я сам слышал, как они так говорили в дни революции, и еще чаще после нее. Блага – вот, что нужно человеку, который будет счастлив, имея их, и ему будет все равно, как его называют»³⁴.

Как видно из приведенного отрывка, Бустаманте, оставаясь сторонником свободы и равенства, в практической политической плоскости видел преимущества в патерналистском деспотизме, заботящемся о своих подданных, что противостояло в его воображении эгоизму и недальновидности свободных стран, в т.ч. латиноамериканских респуб-

³⁴ Bustamante. 1849. P. 528-533.

лик. Он открыто заявлял, что предпочитает жесткий, но отеческий режим русского царя, якобы заботящегося о мире и благополучии своих подданных, нежели свободные страны Европы, где во имя свободы унижается человеческое достоинство, царит нищета и несправедливость пролетариата. Его идеалистический образ «добрый» деспотии, русского самодержавия противостоял равнодушной и механистической системе «свободы умирать от нищеты и голода»³⁵. Впечатления Бустаманте об «отеческом режиме русского самодержавия» были почерпнуты от общения с «образованными и благородными сословиями», от созерцания лишь городской жизни столиц. Ему остались неведомы реальная жизнь русского народа, положение крестьянства. Вместе с тем, вполне понятно, что отсутствие в российских городах язв раннего капитализма, которые он наблюдал в Европе, вызывало у него симпатии к общественному строю России. Декларативной, мало связанной с реальностью свободой при полном равнодушии общества к страданиям пролетариата и народных низов Бустаманте предпочитал деспотию, гарантирующую, при отсутствии такой свободы, благосостояние народа. Таким образом, борец за правду, свободу и равенство в Перу оказался защитником самого реакционного в Европе XIX в. строя – русского самодержавия.

После этого путешествия Бустаманте больше не уезжал из Перу. Он уверился в необходимости использовать полученный за границей ценный опыт для политических и общественных преобразований на родине. Как считают некоторые историки, именно путешествие в Европу и знакомство с новыми социальными реалиями привели его на путь борьбы за освобождение индейцев. Бустаманте призвал политиков обратить свои взоры к положению коренного населения страны, страдавшего от экономического, политического и расового неравенства. Убедившись в том, что политическая деятельность по защите индейцев среди креольских политиков, пропаганда в рамках «Общества защиты индейцев» не могут радикально изменить их положения, он решил возглавить вооруженное сопротивление. В своей последней статье Бустаманте заключал: «Нет освобождения без освободителя, нет достоинства без жертвы! Итак, вперед!»³⁶. В конце 1867 г. Бустаманте возглавил восстание индейцев в своем родном департаменте. В опубликованном перед началом восстания «Манифесте» он заявил: «Гуманистическое чувство, братство, которые освящает наша религия... обязывают меня принять на себя бремя решения проблем индейцев. Мой лозунг и моя программа состоят в том, что индейцы не будут исключены из социальных благ, которыми пока пользуются только белые»³⁷. Перуанские

³⁵ Bustamante. 1849. P.531.

³⁶ El Viajero Bustamante. 1956. P. 34.

³⁷ Vásquez 1976. P.165.

газеты сразу нашли много общего в этом документе с идеями социалистов и коммунистов, проникавших в Перу из Европы. «Heraldo de Atequira» обвинила Бустаманте и его движение в стремлении «установить в Перу коммунизм»³⁸.

Однако судьба Бустаманте и индейского восстания была печальна. Армия подавила плохо вооруженные отряды крестьян-индейцев, захватив их вождя. 2 января 1868 г. в городке Пуси его публично пытали, а затем казнили. Смерть ждала и его сподвижников. Трагическая гибель Бустаманте и жестокая расправа над восставшими превратила его в легенду, в почти «святого» в исторической памяти индейцев Перу.

Для формирования взглядов Бустаманте огромное значение имел опыт и знакомство с реалиями Европы и Азии, и не в последнюю очередь России. В нем сочетались консервативно-патерналистские взгляды с передовыми гуманистическими и даже социалистическими идеями. Парадоксальность взглядов Бустаманте выделяет его среди политиков и мыслителей Латинской Америки XIX века. В нем было редкое сочетание миллениаристских, индеанистских взглядов, романтизма и социального утопизма с оправданием российского самодержавия.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. М.: Наука, 1986. [Alperovich M.S. Fransisko de Miranda v Rossii. M.: Nauka, 1986]
- Щелчков А.А. Предшественник перуанского социализма Хуан Бустаманте // Латиноамериканский исторический альманах. № 11. 2011. С. 180-208. [Shchelchikov A.A. Predshestvennik peruanskogo socializma Huan Bustamante // Latinoamerikanskij istoricheskij almanah. № 11. 2011. S. 180-208]
- Abramson P.-L. Las utopías sociales en América Latina en el siglo XIX. México: FCE, 1999.
- Abreu e Lima J.I. El Socialismo. Caracas: Biblioteca de Ayacucho, 2010.
- Alberdi J.B. Obras selectas. Vol.10. Buenos Aires: La Libertad, 1920.
- Bilbao F. El evangelio americano y páginas selectas. Barcelona: Maucci, 1920.
- Bustamante J. Apuntes y observaciones civiles, políticas y religiosas con las noticias adquiridas en este segundo viaje a la Europa. Paris: Impr. de Lacampre, 1849.
- Bustamante J. Viaje al viejo mundo, por el peruano Juan Bustamante, natural del departamento de Puno. Lo dedica a sus compatriotas. Lima: Impr.Masías, 1845.
- Bustamante J.A. El peruano Juana Bustamante. Primer viajero sudamericano alrededor del Mundo. Precursor del socialismo peruano, luchó por la raza aborigen hasta la muerte, resumen de su labor. Lima: s/d, 1975.
- Calsín Anco R. Bustamante el Precursor. Juliaca: s/d, 2008.
- El Viajero Bustamante, primer viajero sudamericano alrededor del mundo. Lima: Impr. Y publicidad, 1956.
- Lastarria J.V. América. Vol.1. Madrid: América, 1916.
- Pérez Rosales V. Recuerdos del pasado. 1814-1860. Santiago de Chile: Gutenberg, 1886.
- Rodríguez S. Sociedades americanas. Caracas: Biblioteca de Ayacucho, 1990.
- Sobre Rusos y Rusia. Antología documental / Enrique Arriola Woog (coord.) México: Lotería nacional, 1994.
- Vásquez E. La rebelión de Juan Bustamante. Lima: Juan Mejía, 1976.

³⁸ Calsín Anco 2008. P. 80.

Щелчков Андрей Аркадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; *sch2000@mail.ru*

Latin American View of the Russian Empire in the 19th Century

Latin America is one of the most remote from Russian regions in the world. Our relationships were established only in the twentieth century. Before that, despite the huge mutual interest, contacts between the Russians and the South Americans were insignificant, and the reason was not only geographical, but also political obstacles, in particular the persistent refusal of the Imperial government of St. Petersburg to recognize the American Republic, the former “rebel” province of the Spanish monarchy. Meanwhile, there was a great interest to Russia on the part of Latin-Americans. Only a few of them were able to see the real Russian Empire with their own eyes. Only the prominent Peruvian social activist and revolutionary, Juan Bustamante, one of the forerunners of socialism visited our country, and remaining fascinated not only by country, but, paradoxically, by its political system. Such an original view on the Russian Empire sharply distinguishes Bustamante from his European contemporaries.

Keywords: Latin-American’s liberalism, Russian America, Juan Bustamante, autocracy, romanticism, utopian socialism

Andrej Shchelchkov, Dr. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; *sch2000@mail.ru*

А. В. ВОЛОДЬКО

«НЕПОСТИЖИМАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ НАМИ» МОРИС БЭРИНГ И РОССИЯ

Статья посвящена популярному в конце XIX – начале XX в. британскому литератору, переводчику, журналисту, путешественнику, военному Морису Бэрингу, неоднократно посещавшему Россию, и его «итоговой» книге *The Mainsprings of Russia*, в которой обобщен его многолетний опыт контактов с нашей страной.

Ключевые слова: Морис Бэринг, Россия, история, народ, национальный характер

«Какая непостижимая связь таится между нами?» – этот гоголевский вопрос повторяет Морис Бэринг в начале последней главы своей книги *The Mainsprings of Russia*¹. Несомненно, он имеет в виду Россию и себя самого. Кто же этот человек, и что так сильно влекло его к России?

Морис Бэринг – представитель навсегда ушедших времен, конца XIX – начала XX в.² Этот британец обладал весьма многогранным талантом: он был довольно популярным в свое время литератором, переводчиком, журналистом, путешественником, военным. Бэринг – автор весьма плодовитый: только книг, художественных и публицистических, он написал больше пятидесяти. Впоследствии его литературные произведения вышли из моды, и теперь он почти забыт.

Морис родился в 1874 г., его отец – Эдвард Чарльз Бэринг, барон Ревелстоук, представитель богатейшей и влиятельной банкирской семьи Бэрингов. Морис получил домашнее образование, после чего учился в элитной Итонской школе, затем в Кембриджском и Оксфордском университетах, «не дружил» с точными науками, зато проявил необычайные способности к языкам и к гуманитарным предметам в целом. После Оксфорда Морис выбрал дипломатическую карьеру. Сдав необходимые для государственного служащего экзамены³, он был принят в Форин-офис и получил назначение в британское посольство в Париже. Затем его перевели в посольство в Копенгагене (где он, кстати, быстро выучил датский язык), после этого – в Рим. Однако в 1904 г. Бэринг ушел с дипломатической службы – рутина текущей повседнев-

¹ Baring 1914.

² Первый биографический труд о Морисе Бэринге был написан еще при его жизни композитором Этелью Смит (Smyth 1938). Научную биографию Бэринга и разбор его творчества см. в статье: Horgan 1988. Именно из этого труда заимствованы основные биографические сведения о Морисе Бэринге. О «российской теме» в его литературном и публицистическом творчестве см.: Королева 2016.

³ Who Was Who in Dulwich – Maurice Baring...

ной работы ему претила. Впрочем, именно непродолжительная дипломатическая карьера и привела его к «роману» с Россией. В Копенгагене Бэринг познакомился с семьей русского посланника графа Александра Константиновича Бенкендорфа (с 1902 г. – посла в Лондоне) и его семьей. Именно это знакомство пробудило у него интерес к России, сохранившийся до конца дней. Вот что говорит об отношениях Бэринга с Бенкендорфами известная писательница-эмигрантка Нина Берберова:

«Бэринг [так она пишет его фамилию] – фигура замечательная, какая могла появиться только в Англии, и только в устойчивом мире начала XX века. Его все любили, и он всех любил; он бывал всюду, и все его знали. Семейство русского посла, Александра Константиновича [Бенкендорфа], он попросту обожал, и не только самого посла... и графиню Софью, и их взрослых сыновей, Константина и Петра, но и брата посла, графа Павла Константиновича, гофмаршала и министра двора» (Впоследствии именно Бэринг переведет мемуары Павла Бенкендорфа на английский). «Бэринг обожал и всех домочадцев Бенкендорфа, начиная с домоправителя и повара (француза, конечно) до собак охотничьих, сторожевых и комнатных. Самым счастливым временем своей жизни он всю жизнь считал то лето в Сосновке, имении Бенкендорфов в Тамбовской губернии, куда он поехал и где он был обласкан, как ближайший друг и член семьи»⁴.

Благодаря своим лингвистическим способностям Бэринг без труда освоил русский язык, и, когда устроился в газету *Morning Post*, редакция отправила его военным корреспондентом в Манчжурию, на фронт Русско-японской войны. Там, как пишет Бэринг, он, общаясь с солдатами, проникся особой любовью к русскому крестьянину – ведь солдаты были в основном выходцами из крестьян. Итогом этой длительной командировки стала его первая книга о России «С русскими в Манчжурии»⁵. Следующие несколько лет Бэринг большую часть времени проводит в России в качестве корреспондента. Он стал свидетелем революции 1905 г., много путешествовал по стране, зачастую в вагонах третьего класса, чтобы иметь возможность общаться с простым народом⁶. Бэринг приобрел много знакомых среди российской элиты и в либеральных политических кругах. Одна за другой выходят его публицистические книги: «Год в России»⁷ – в основном о событиях 1905 г. и работе только что созданной Государственной Думы; сборник его статей для *Morning Post* «Статьи и рассказы о России»; «Русский народ»⁸.

В эти же годы в жизни Бэринга произошло еще одно очень важное событие – он, в прошлом агностик, принял католичество. Как он писал

⁴ Берберова 1991. С. 5.

⁵ Baring 1905.

⁶ Who Was Who in Dulwich – Maurice Baring...

⁷ Baring 1907.

⁸ Baring 1908; 1911.

позднее, «это единственный поступок, о котором могу сказать с уверенностью – я никогда об этом не пожалел»⁹. Вера в Бога играла огромную роль в мировоззрении Бэринга, и это сильно влияло на его отношение к России.

В 1912 г. газета *Times*, с которой он теперь сотрудничал, направляет его корреспондентом в Константинополь и на фронт Балканской войны. Однако Бэринг вновь и вновь возвращается в Россию, а в январе 1914 года привозит туда своего друга, знаменитого писателя Герберта Уэллса. Именно ему Бэринг посвятил свою «итоговую» книгу, где обобщается его многолетний опыт контактов с Россией и ее народом – *The Mainsprings of Russia* (Что движет Россией), над которой он как раз в это время заканчивал работу. Помимо этого, Бэринг опубликовал две работы по истории русской литературы: «Веги русской литературы»¹⁰ и «Очерки русской литературы» (написана в 1914 г., издана в 1915-м)¹¹. В посвящении к *The Mainsprings of Russia* Бэринг написал, что на последней книге о литературе, над которой он тогда работал (кстати, тоже в России), он планирует «закреть» русскую тему. Именно так и случилось. Началась Первая мировая война, ставшая для него, как и для многих европейцев, веривших в прогресс, полной неожиданностью. После этого Бэринг больше в России не был и книг о ней не писал.

С началом войны Бэринг – он всегда был патриотом – уходит добровольцем в армию, и служит во Франции, в штабе тогда еще небольших британских ВВС, выполняя функции переводчика (он отлично знал французский) и личного помощника командующего – лорда Тренчарда. На этом посту Бэринг, человек абсолютно невоенный (рассказывают, что он даже не мог самостоятельно намотать обмотки, и ему помог знакомый генерал)¹², сыграл немалую роль в превращении небольшого «Летного корпуса» в мощные военно-воздушные силы¹³. После его смерти лорд Тренчард опубликовал открытое письмо-некролог, назвав Бэринга «самым бескорыстным человеком из всех, кого я встречал и, скорее всего, когда-либо встречу. Летный корпус обязан этому человеку куда большим, чем мы осознаем и думаем»¹⁴. За свои военные заслуги Бэринг был удостоен Ордена Британской империи и почетного звания подполковника ВВС.

В 1920–1930-х гг. Бэринг активно занимался литературной деятельностью: написал книгу мемуаров о войне «В штабе Летного корпу-

⁹ Baring 1922. P 395-396.

¹⁰ Baring 1910.

¹¹ Baring 1915.

¹² Horgan 1988. P. 118.

¹³ Who Was Who in Dulwich – Maurice Baring...

¹⁴ Цит. по: Piers 2007.

са, 1914–1918» (вышла в 1920 г.), и автобиографию «Кукольный спектакль памяти»¹⁵, где немало места уделено своему «российскому периоду». Кроме того, он переводил Пушкина и Лермонтова, составлял антологии русской поэзии. Впрочем, наибольшую популярность ему в тот период принесли пьесы и романы, которые этот плодовитый автор публиковал с завидной регулярностью. О его литературном даровании в Британии отзываются по-разному, и даже диаметрально противоположно – некоторые авторы называют его «забытым гигантом английской литературы»¹⁶, другие считают второразрядным писателем.

Бэринг имел обширные знакомства в литературных кругах, но его ближайшими друзьями были два таких же ревностных католика, как и он сам – знаменитый писатель и философ Гилберт Кит Честертон и Хилэйр Беллок¹⁷. Последние годы жизни он уже не мог продолжать активную литературную деятельность из-за обострившейся болезни Паркинсона, и вынужден был жить у друзей в Шотландии, в замке Бофорт. Там же он и скончался 14 декабря 1945 года.

Морис Бэринг относился к тому довольно редкому в Британии типу людей, которых его друг Честертон в своих мемуарах назвал «англичанином-изгнанником, искупающим грехи англичанина-туриста». Честертон имел в виду «людей английской культуры, пылко и тихо преданных какой-нибудь из иноземных культур... Морис Бэринг именно так относится к России. <...> они помогают Англии, не одной Европе, доказывая литовским историкам или португальским географам, что мы не только мошенничаем и кичимся, но толкуем Плутарха и переводим Рабле. Изгнанников этих очень мало, как и любых англичан, разбигающихся что к чему, но они – закваска, и потому незаметны»¹⁸.

Впрочем, в начале XX в. такие «изгнанники», а точнее эксперты-русифилы – помимо Бэринга, можно назвать публициста Стивена Грэхема, журналиста Гарольда Вильямса и историка Бернарда Пэрса, основателя первого в Британии Института российских исследований при Ливерпульском университете, – играли заметную роль в формировании британского общественного мнения, и были «социально востребованы». Еще недавно, в конце XIX в. на отношение британцев к России накладывало отпечаток традиционное геополитическое соперничество двух стран на Востоке и, в частности, знаменитая «Большая игра» – борьба за влияние в Центральной Азии. Настрой в обществе был явно антироссийский – его образно выразил Редьярд Киплинг в известном стихотворении «Мировая с медведем» (1898), где рассказывается, как

¹⁵ Baring 1922.

¹⁶ Burns, Baring 2016.

¹⁷ Подробнее об этом «триумvirате» см.: Pearce 2010.

¹⁸ Chesterton 2016.

медведь, попав на мушку к охотнику, притворно вызвал у него жалость, а затем напал и искалечил. Бедняге только и остается, что предупредить других: «Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы»¹⁹. Кого Киплинг называл Медведем – очевидно, как очевидно и то, что русские в этом стихотворении – «другие», похожие на европейцев только внешне («ходит, как мы»), и доверять им никак нельзя. А персонаж из романа того же Киплинга «Ким», говорит о Большой игре так: «Кажда все умрут, тогда только кончится Большая Игра. Не раньше»²⁰. Иными словами, Россия – вечная соперница Британии.

Однако в первые годы XX в. ситуация начала меняться. «Большая игра» стала сходить на нет в условиях сближения двух стран перед лицом общей опасности со стороны нового международного конкурента – набирающей силу Германской империи. В 1907 г. русско-британское соглашение завершило формирование Антанты – англо-франко-русского военно-политического блока, направленного против Германии. В новой обстановке у британцев пробудился интерес к России, оживились культурные контакты, о которых Бэринг тоже упоминает в авторском предисловии²¹. И политическому руководству, и общественности требовалось больше знаний о новой союзнице, вокруг которой, как отмечает Бэринг (гл. 11), в Англии «в прошлом было столько предрассудков, о которой рассказывалось столько небылиц»²². (Неслучайно именно в это время британская разведка начинает активно отправлять в Россию литераторов с задачей сбора информации – из них наибольшую известность приобрел Сомерсет Моэм)²³. Бэринг с разведкой связан, судя по всему, не был: его «роман» с Россией начался раньше британско-русского сближения, и был обусловлен личными симпатиями, а не каким-либо «социальным заказом». Но в сложившихся условиях он считал самой актуальной своей задачей «пробудить в других тот интерес, что испытываю я сам».

В этом смысле книга *The Mainsprings of Russia* имеет особое значение, потому что она стала итоговым трудом Бэринга на русскую тему, в ней он делится всеми накопленными за десять с лишним лет мыслями и впечатлениями. Это не путевые заметки, не перепечатка газетных статей, а своеобразная смесь публицистического, научно-популярного и справочного жанра: помимо своих наблюдений о русском характере, Бэринг кратко знакомит английского читателя с историей России, некоторыми классами и слоями общества (крестьянством, дворянством,

¹⁹ Киплинг 1989. С. 267-268.

²⁰ Киплинг 2007. С. 445.

²¹ Baring 1914. P. 7-10.

²² Ibid. P. 322.

²³ Popplewell 1995. P. 230.

интеллигенцией), структурой госаппарата, системой образования, правосудия, православной церковью. Впрочем, многие весьма важные аспекты жизни страны – это прежде всего экономика и вооруженные силы – он оставляет за скобками, ссылаясь либо на обширность темы для сравнительно небольшой книги или на недостаточное знание предмета. Пожалуй, Бэринг здесь отчасти лукавит, ведь о российской государственной машине, судебной системе, православной церкви и образовании он дает весьма подробные и довольно точные сведения. Скорее всего, эти «скучные материи» попросту меньше интересовали гуманитария Бэринга. Равным образом он ничего не говорит и о современной внешней политике Российской империи: как мы помним, дипломатия тоже оказалась не его «коньком».

Начинает Бэринг с краткого очерка истории России, хотя и признает: «всякий раз, когда я открываю книгу, которая начинается с исторического экскурса, у меня возникает ощущение, что долг читателя – пропустить эту главу». Тем не менее, «ради обычного читателя» он проясняет «буквально несколько» исторических фактов, которые, по его мнению, «проливают свет на любую попытку объяснить любые аспекты русской жизни»²⁴. Книга Бэринга – отнюдь не учебник по русской истории: что-то он упрощает, где-то допускает неточности, а некоторые пассажи, призванные развеять заблуждения британцев, российскому читателю могут показаться удивительными. Так, он довольно пространно доказывает, что русские и татары – не одно и то же. Тем не менее, основные черты исторического развития России он схватывает верно, и лейтмотивом всего «экскурса» является мысль, прямо противоположная тезису Киплинга – Россия не чужда Европе, это не медведь, который только «ходит, как мы», а ее неотъемлемая часть. Более того, указывает Бэринг, Россия не раз оказывала последние важные «услуги». Так, ценой трехсотлетней «паузы» в собственном развитии она «спасла Западную Европу от опустошения ордами варваров» – монголо-татар, а затем «сломила могущество Наполеона»²⁵.

Весьма интересен анализ реформ Петра Великого. Дав весьма высокую оценку преобразованиям и личности императора, который «вернул России ее законное место среди европейских стран – место, которое она занимала в XI в., но утратила из-за монгольского нашествия», и «вел Россию по естественному руслу ее поприща», Бэринг в то же время отмечает, что его методы «обернулись и приискорбными результатами, до сих пор заметными в действии российской государственной машины и характере многих российских учреждений»²⁶. Чуть позже он

²⁴ Baring 1914. P. 16.

²⁵ Ibid. P. 20, 22.

²⁶ Ibid. P. 21-22.

раскрывает эту мысль, которая станет одним из лейтмотивов книги: реформы Петра и Екатерины Второй, проводившиеся «сверху» привели к появлению в стране «гигантского бюрократического аппарата»²⁷. Реформам Александра II Бэринг также уделяет большое внимание, ставя на первое место по значению отмену крепостного права – «акт государственной экспроприации» помещичьих земель, в результате которого крестьянину «был возвращен земельный надел, который он считал своим по праву»²⁸. Второй же по важности Бэринг, как истый британец, придающий важное значение праву, считает судебную реформу 1864 года, ликвидацию сословных судов и «новую систему судопроизводства, основанную на идеях, принятых современной цивилизацией и в теории, и на практике», которая «действует по-настоящему успешно»²⁹, а также создание независимой адвокатуры – «превосходного» института, «которым могла бы по праву гордиться любая страна мира»³⁰.

Переходя к недавним событиям, которым он сам был свидетелем во время поездок по России, Бэринг, как уже упоминалось, обрисовывает экономическую ситуацию в стране буквально в двух словах, ограничиваясь фразой: «Пожалуй, никогда прежде в России не было такого уровня материального благосостояния»³¹. В главе о крестьянстве он, отмечая бедность русского крестьянина в качестве фактора, тормозящего развитие, тем не менее, констатирует, что положение в аграрном секторе меняется к лучшему: у крестьян появляются капиталы и – за счет открытия сельскохозяйственных школ и помощи земских агрономов – возможности овладеть современными методами агротехники. Отвергая утверждения о косности и отсталости русского крестьянства, он отмечает: «Когда крестьянин будет иметь достаточно капитала и знаний (а такая перспектива, судя по всему, отнюдь не утопия), чтобы конкурировать с помещиком, обрабатывающим собственную землю, он попросту постепенно вытеснит последнего»³².

Действительно, с конца первого десятилетия XX века Россия, пережив после первого этапа промышленной революции период длительной депрессии, вызванный мировым экономическим кризисом 1900–1903 гг., Русско-японской войной и революционными потрясениями 1905–1907 гг., вступила в новый этап бурного экономического роста³³. В 1910–1913 гг. она занимала первое место в мире по темпам роста

²⁷ Ibid. P. 28.

²⁸ Ibid. P. 33.

²⁹ Ibid. P. 297.

³⁰ Ibid. P. 298.

³¹ Ibid. P. 129.

³² Ibid. P. 68.

³³ См.: История России. Ч. II. 1994; Анфимов 1994; Ковальченко 1991.

национального дохода (так в то время назывался ВВП) и концентрации промышленности (впрочем, этот показатель – палка о двух концах, ведь он оборачивается высокой монополизацией экономики), по объему промышленного производства вышла на пятое место в мире, а по валовому объему национального дохода занимала четвертое место – после США, Германии и Британской империи. В области производства сельхозпродукции она, наряду с США, занимала ведущие позиции в мире, а по ее экспорту находилась на первом месте. Такие высокие показатели обуславливались положением «догоняющего» в сфере модернизации – Россия вступила на этот путь позже великих европейских держав и Соединенных Штатов, – а также притоком иностранных инвестиций, активными стимулирующими мерами государства, преобразованиями на селе в результате аграрной реформы П.А. Столыпина. Однако масштабы этого «экономического чуда» не следует и преувеличивать. Накануне Первой мировой войны модернизация была далеко не завершена. Россия еще оставалась аграрно-индустриальной страной. По объему ВВП на душу населения, производительности труда и урожайности в сельском хозяйстве Россия сильно отставала от передовых стран того времени. Все это сказалось на положении России в условиях военного времени, а дальнейшее развитие экономики было прервано революционными потрясениями 1917 года.

Куда больше внимания Бэринг уделяет политической ситуации в России, которую он трактует в соответствии со своими умеренно-либеральными взглядами: он не принимает как политическую реакцию, так и революционный радикализм. Отдавая должное бескорыстию и самопожертвованию русских революционеров, он крайне отрицательно характеризует события 1905–1907 гг., отказывая им даже в названии «революция». Это «революционное движение», как выражается Бэринг, «оказало на население разрушительное, аморальное воздействие: оно породило в низших классах волну хулиганства, а в образованных классах – тенденцию к анархическому мышлению и поведению»³⁴. В конечном итоге разгул насилия и преступности, по его мнению, привел к тому, что основная масса населения («типичные русские») отказала революционерам в поддержке. Стабилизировать ситуацию помогла и политика П.А. Столыпина, на плечи которого «легла неблагодарная задача восстановления порядка в стране». И хотя теоретически его репрессивным мерам, по словам Бэринга, «нет оправданий», он делает оговорку: «справедливости ради следует заметить: иначе как суровыми методами восстановить порядок скорее всего было бы невозможно»³⁵.

³⁴ Baring 1914. P. 153.

³⁵ Ibid. P. 131-132.

Тем не менее, несмотря на наступившее успокоение и экономический рост – в истории России не найти периода, «когда у подавляющего большинства народа было бы меньше поводов для недовольства» – «безошибочные признаки недовольства в стране налицо»³⁶. Главная его причина, по мнению Бэринга, незавершенность, половинчатость политических реформ 1905–1906 гг. Государственное устройство России так и не стало конституционным: его можно назвать лишь «ограниченной абсолютной монархией, или самодержавием, косвенно ограниченным из-за существования законодательных учреждений». Поэтому принципы государственного управления России «на бумаге... производят превосходное впечатление», но «на практике политической свободы в России все еще нет, а политические гражданские права по-прежнему остаются несбыточной мечтой». «Беда в том, – отмечает Бэринг, – что правительство и государственный аппарат не могут идти нога в ногу с национальным прогрессом», преобразования все еще носят частичный характер, а на практике правительство по-прежнему одной рукой отбирает, урезает и ограничивает то, что оно же дает другой рукой»³⁷.

При всей справедливости этих критических замечаний в адрес консервативной российской власти, не готовой к резким переменам, представляется, что Бэринг несколько сгущает краски, возможно под влиянием высоких ожиданий своих друзей и знакомых в российских либеральных кругах, или отражая превалирующую на Западе (причем не только в ту эпоху) позицию: Россия должна реформироваться по западным образцам немедленно, а всего, что реально делается, недостаточно – политическая система меняется слишком мало и слишком медленно. Политический строй, сформировавшийся в результате преобразований, проведенных в начале XX в., действительно носил переходный характер, а реформы не были завершены. Тем не менее, эти реформы были уже необратимы, российский народ обрел беспрецедентные в истории страны политические права и свободы, и не только в теории, но и на практике. Дума, хотя власти различными манипуляциями обеспечивали там проправительственное большинство, постепенно превращалась в работоспособный парламент, свобода печати, хотя и стеснялась, все же существовала, происходил бурный рост политических партий, в том числе оппозиционных и радикальных.

Однако острая критика Бэринга в адрес властей, судя по всему, связана и с тревогой за судьбу столь любимой им России, с его неприятием революционных потрясений и поддержкой мирного, эволюционного пути развития. Беспокойство из-за хрупкости воцарившейся в стране стабильности после «революционного движения» 1905–1907 гг.,

³⁶ Ibid. P. 129.

³⁷ Ibid. P. 132.

проявляется, в частности, в такой его фразе: «Пока “сверху” не будет что-то сделано, чтобы исправить такое положение вещей, тлеющие угли недовольства, как я уже говорил, никогда не остынут, и в конечном итоге могут вызвать пожар весьма тревожного масштаба»³⁸. Эту мысль в разных формулировках неоднократно повторяется в книге, и со справедливостью подобных предостережений трудно поспорить.

Впрочем, в сложившейся ситуации Бэринг винит не только правящую верхушку. В главе о русской интеллигенции, в недрах которой зародилось революционное движение, и которая приобрела после создания Думы большое политическое влияние, он отмечает присущие этому «среднему классу», и прежде всего его наиболее многочисленной «полуобразованной» части, тем, кто «быстро, но поверхностно впитал идеи, витающие в воздухе по всей Европе», мировоззренческие изъяны – прежде всего поверхностный атеизм и религиозный «индифферентизм». «Быстро усвоенные знания «обо всем понемножку» оказались опасными: они порождают в голове человека «винегрет» из незрелой философии и поверхностного нигилизма, превращающийся в навсегда застывшие догмы». Эти полуобразованные интеллигенты «не взрослеют интеллектуально. Они достигают стадии бунтарского и разрушительного отрицания, и на этом останавливаются». Единственно возможные политические доктрины для них – это социализм или анархизм. «Если кто-то не является социалистом или анархистом, он – черносотенец, реакционер. Любой образованный человек, который верит в Бога и ходит в церковь, в глазах полуобразованных тоже черносотенец – фанатик, антисемит, обскурант»³⁹. Таким образом, консервативные власти и радикальная интеллигенция находятся в постоянном конфликте, с двух сторон «раскачивая лодку».

Радикализму и атеизму «полуобразованных» интеллигентов Бэринг противопоставляет мировоззрение крестьян, главная черта которого – глубокая религиозность, основанная «на здравом смысле». Именно здравый смысл, по его мнению, помешал крестьянам попросту захватить помещичьи земли в 1905 г.: они «смутно осознавали или «нутром чуяли», что единственным непосредственным результатом такого захвата будет повальная анархия». Природное здравомыслие подсказало крестьянину, «что настаивать следует на частичной продаже земли, арендуемой у помещиков, и пока удовлетвориться этим»⁴⁰.

Однако политика – все же не главное в книге Бэринга. В центре его повествования – русский человек, его национальный характер. Россия, пишет он, не состоит «исключительно из нигилистов и полицей-

³⁸ Ibid. P. 154.

³⁹ Ibid. P. 197.

⁴⁰ Ibid. P. 69-70.

ских», как можно было бы подумать, знакомясь с ее жизнью по статьям западной прессы. Это и не страна «сплошного уныния», как может показаться западному читателю по произведениям русской литературы. Иностранца, приехавшего в Россию, поражает прежде всего «жизнерадостность ее народа и незлобивый юмор простых людей». У русской жизни есть и «не просто приятная, но необычайно светлая сторона – та «светлая душа», о которой говорит русский поэт». Типичный русский, по его мнению, «образован, жизнерадостен, общителен, необычайно дружелюбен, гостеприимен, разговорчив, экспансивен, добродушен и доброжелателен. В России вы часто слышите такое определение русского характера – “широкая натура”. Это означает, что русский щедр, безудержен, незаносчив и добр. Потрясающее качество типичного русского – добродушие и даже великодушие»⁴¹.

Именно с характером русского человека связан главный политический тезис Бэринга: «типичный русский... – не герой, не гений, не подлец и не эстет. Но в конечном итоге именно его мнение имеет значение. Без его согласия и помощи никакие великие перемены в истории России были бы невозможны»⁴². Именно это «молчаливое большинство» сначала присоединилось к революционным требованиям и добились реформ, а затем, ужаснувшись наступившему в стране хаосу, отвернулось от революционеров. Поэтому «торжество политической свободы в России будет зависеть не от динамита и самопожертвования революционеров... и не от действий государственных мужей, ...а от воли и желания среднего человека. В тот день, когда средний человек по настоящему возжелает политической свободы, он ее получит»⁴³. Естественно, Бэринг здесь имеет в виду мирный, реформаторский путь.

В последней главе с красноречивым названием «Очарование России» Бэринг подводит итог высказанному в книге. Он говорит о скромном обаянии русской природы, прелести русской народной песни, а затем использует любопытный прием: от имени воображаемого «адвоката дьявола» приводит длинный перечень недостатков и изъянов русской жизни, русского характера, политического устройства, какими их видит человек с Запада. Стоит отметить, что в российской публицистике это «обвинительное заключение» часто преподносится как позиция самого Бэринга. Но это не так. Часть этих обвинений, поясняет он, полностью несправедлива, часть справедлива с большими оговорками, и лишь некоторые соответствуют действительности. Впрочем, главное для Бэринга – не разбор конкретных упреков. Он предлагает дать «адвокату дьявола» такой ответ: «Я все это знаю, и вы при желании могли

⁴¹ Ibid. P. 162.

⁴² Ibid. P. 176.

⁴³ Ibid. P. 181.

бы привести еще более веские аргументы. Я все это признаю, но, несмотря на это, а порой даже именно из-за этого Россия обладает для меня неизъяснимым очарованием. Несмотря на все, что вы сказали, я люблю эту страну, с восхищением и уважением отношусь к ее народу»⁴⁴. Таково его собственное отношение к России: он ее не идеализирует (разве что немного), а просто любит: «Я вижу в ней бесчисленное множество изъянов и недостатков», но в то же время «осознал и испытал на себе следствия других качеств и добродетелей, на мой взгляд, более значимых и важных, чем все возможные изъяны вместе взятые, и таких качеств неизмеримо больше. В результате всего этого Россия обладает для меня неодолимым очарованием, а ее народ – невыразимой привлекательностью»⁴⁵. И секрет этого очарования для Бэринга кроется в том, что «русская душа полна человеческого христианского милосердия, более теплого и глубокого, выражаемого с большей простотой и искренностью, чем все, с чем мне приходилось сталкиваться в других народах и странах»⁴⁶. Не желая показаться наивным, создать впечатление, что «восхищаясь их душевными качествами, я прохожу мимо их разума, или подразумеваю отсутствие у них твердости, решительности и практичности... будто я внушаю им: «Будьте добрыми, милыми детьми. Остальное оставьте тем, кто поумнее», он указывает, что русские, несомненно, умны, но «еще и добры, и их доброта даже важнее их ума, поскольку доброта вообще – более редкое и ценное качество, чем ум»⁴⁷.

В настоящее время впервые книга *The Mainsprings of Russia* (Что движет Россией) готовится к печати на русском языке, и российский читатель сможет познакомиться с глубокими мыслями и наблюдениями необычайно эрудированного и доброжелательного британского писателя-путешественника о весьма важном периоде истории России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анфимов А.М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах (опыт подтверждения и опровержения) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 58-76.
- Берберова Н.Н. Железная женщина. М.: «Книжная палата», 1991. 316 с.
- Грищенко Н.А. М. Бэринг о России // Современные исследования социальных проблем, 2017. № 3. С. 268-276.
- История России. Ч. II. Расцвет и закат Российской империи (XIX – начало XX в.) // Ред. В.П. Дмитренко М.: Институт российской истории РАН, 1994. 240 с.
- Киплинг Р. Рассказы. Стихотворения. Л.: Художественная литература, 1989.
- Киплинг Р. Маугли. Сказки старой Англии. Ким. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2007.
- Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа; мифы и реальность // История СССР. 1991. № 2. С. 52-72.

⁴⁴Ibid. P. 316.

⁴⁵Ibid. P. 317.

⁴⁶Ibid. P. 318.

⁴⁷Ibid. P. 325.

- Королева С.Б. В поисках настоящей России (сложный выбор Мориса Бэринга) // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 68-90.
- Супрун Т.Н. Английские русофилы на рубеже XIX-XX веков. Англичане с русской душой // Виноград, 2007. № 1(17). URL.: <https://vinograd.su/education/detail.php?id=42954>
- Baring M. With the Russians in Manchuria. L.: Methuen & Company, 1905. 266 p.
- Baring M. A Year in Russia. L.: Methuen, 1907. 319 p.
- Baring M. Russian Essays and Stories. L.: Methuen, 1908. 295 p.
- Baring M. Landmarks in Russian Literature. L.:Methuen & co, 1910. 299 p.
- Baring M. The Russian People. L.:Methuen & Company, Limited, 1911. 366 p.
- Baring M. The Mainsprings of Russia. L.: Thomas Nelson & Sons, 1914. 328 p.
- Baring M. An Outline of the Russian Literature. L.: Williams, 1915. 274 p.
- Baring M. The Puppet Show of Memory. L.: W. Heinemann, 1922. 475 p.
- Burns J., Baring M. The Forgotten Giant of English Letters// Posted on June 6, 2016. URL: <https://johnjburnslibrary.wordpress.com/2016/06/06/maurice-baring-the-forgotten-giant-of-english-letters/>
- Chesterton G.K. Autobiography. Adelaide: The University of Adelaide, 2016. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/c/chesterton/gk/autobiography/chapter15.html>.
- Horgan P. Maurice Baring Reconsidered, A Certain Climate. Essays in History, Arts and Letters. Middletown (Conn.): Weslean University Press , 1988. P. 107-141.
- Letley E. Maurice Baring: A Citizen of Europe. L.: Constable, 1991. 269 p.
- Pearce J. Maurice Baring, In the Shadow of the Chesterbelloc. CatholiCity, 24 July 2010. URL: <http://www.catholicity.com/commentary/pearce/08500.html>.
- Piers P.R. What's become of Baring? // The Spectator. 10 October, 2007. URL: <https://www.spectator.co.uk/2007/10/whats-become-of-baring>.
- Popplewell, Richard J., Intelligence and Imperial Defence: British Intelligence and the Defence of the Indian Empire 1904–1924. L.: Routledge, 1995. 364 p.
- Schenkel E. To Russia with love: Maurice Baring (1974–1945) // Facing the East in the West: Images of Easten Europe in British literature. N.Y., Amsterdam, 2010. P. 85-95.
- Smyth E. Maurice Baring. L.: Heinemann, 1938. 348 p.
- Who Was Who in Dulwich: Maurice Baring by Brian Green, publ. 01 January 2017. URL: <http://www.dulwichsociety.com/2016-winter/1438-who-was-who-in-dulwich-maurice-baring-by-brian-green>.

REFERENCES

- Anfimov A.M, Tsarstvovaniye imperatora Nikolaya II v tsifrakh i faktakh (opyt podtverzheniya i oproverzheniya) //Otechestvennaya istoriya, 1994. № 3. S. 58-76.
- Berberova N.N. Zheleznyaya zhenshchina. M., «Knizhnaya palata», 1991. 316 p.
- Grishchenko N.A. M.Bering o Rossii// Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem, 2017. № 3. S. 268-276.
- Istoriya Rossii. CH. II. Rastsvet i zakat Rossiyskoy imperii (XIX – nachalo XX vv.)// Red. Dmitrenko V.P. M.: Institut rossiyskoy istorii RAN, 1994. 240 c.
- Kipling R. Rasskazy. Stikhotvoreniya. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1989.
- Kipling R. Maugli. Skazki staroy Anglii. Kim, M., OLMA-PRESS, 2007.
- Koval'chenko I. L. Stolypinskaya agrarnaya reforma; mify i real'nost' // Istoriya SSSR. M., 1991. № 2. S. 52-72.
- Koroleva S.B. V poiskakh nastoyashchey Rossii (slozhnyy vybor Morisa Beringa) // Imagologiya i komparativistika. 2016. № 2(6). S. 68-90.
- Suprun T.N. Angliyskiye rusofily na rubezhe XIX-XX vekov. Anglichane s russkoy dushoy // Vinograd, 2007. № 1(17). URL.: <https://vinograd.su/education/detail.php?id=42954>
- Baring M. With the Russians in Manchuria. L.: Methuen & Company, 1905. 266 p.
- Baring M. A Year in Russia. L.: Methuen, 1907. 319 p.
- Baring M. Russian Essays and Stories. L.: Methuen, 1908. 295 p.
- Baring M. Landmarks in Russian Literature. L.:Methuen & co, 1910. 299 p.
- Baring M. The Russian People. L.: Methuen & Company, Ltd., 1911. 366 p.
- Baring M. The Mainsprings of Russia. L.: Thomas Nelson & Sons, 1914. 328 p.

- Baring M. An Outline of the Russian Literature. L.: Williams, 1915. 274 p.
- Baring M. The Puppet Show of Memory. L.: W. Heinemann, 1922. 475 p.
- Burns J., Baring M. The Forgotten Giant of English Letters // Posted on June 6, 2016. URL: <https://johnburnslibrary.wordpress.com/2016/06/06/maurice-baring-the-forgotten-giant-of-english-letters/>
- Chesterton G.K. Autobiography. Adelaide: The University of Adelaide, 2016. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/c/chesterton/gk/autobiography/chapter15.html>
- Horgan P. Maurice Baring Reconsidered, A Certain Climate. Essays in History, Arts and Letters. Middletown (Connecticut): Wesleyan University Press, 1988. P. 107-141.
- Letley E. Maurice Baring: A Citizen of Europe. L.: Constable, 1991. 269 p.
- Pearce J. Maurice Baring, In the Shadow of the Chesterbelloc. CatholiCity, 24 July 2010. URL: <http://www.catholicity.com/commentary/pearce/08500.html>.
- Piers P.R. What's become of Baring? // The Spectator, 10 October, 2007. URL: <https://www.spectator.co.uk/2007/10/whats-become-of-baring>
- Popplewell, Richard J. Intelligence and Imperial Defence: British Intelligence and the Defence of the Indian Empire 1904–1924. L.: Routledge, 1995. 364 p.
- Schenkel E. To Russia with love: Maurice Baring (1874–1945) // Facing the East in the West: Images of Eastern Europe in British literature. N. Y., Amsterdam, 2010. P. 85-95.
- Smyth E. Maurice Baring. L.: Heinemann, 1938. 348 p.
- Who Was Who in Dulwich - Maurice Baring By Brian Green, publ. 01 January 2017. URL: <http://www.dulwichsociety.com/2016-winter/1438-who-was-who-in-dulwich-maurice-baring-by-brian-green>.

Володько Анна Вячеславовна, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; avolodko@inbox.ru

"The inscrutable power between us" - Maurice Baring and Russia

The article is devoted to Maurice Baring, a British writer, translator, journalist, traveler, military man, popular in the late 19th – early 20th century, who visited Russia repeatedly, and is focused on his “final” book *The Mainsprings of Russia*, which summarizes his long experience of contacts with our country.

Keywords: Maurice Baring, Russia, history, people, Russian national character.

Anna Volodko, researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences: avolodko@inbox.ru

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

**«НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» – РУССКАЯ ИДЕЯ?
МЕДИЕВИСТИКА БИЦИЛЛИ, СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ**

Анализ авторской позиции и новаторства ранних работ П.М. Бицилли по социальной истории итальянского средневековья связан с интерпретацией идеи “Нового Средневековья”, выдвинутой представителями русской общественной мысли в эмиграции. Публикация Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) по социальной истории итальянского средневековья в Журнале Министерства народного просвещения, которая вышла в год двух русских революций, целиком посвящена теме протеста, радикального общественного движения, и особое внимание в ней уделяется проблеме описания протестного движения современниками. Важна данная работа и с точки зрения возможности ре-актуализации пластов средневековой истории, и в плане методологического новаторства исследователя. Уже сто лет назад интересно и плодотворно решалась русской школой медиевистики проблема интерпретации средневековых нарративных исторических источников, проблема объективности и общих установок интерпретатора – современника или близкого потомка героев событий, описываемых в рассказе. Данная проблема является актуальной и научно значимой на любом этапе развития исторической науки. В данной работе анализируются как популярная идея «Нового Средневековья», так и особенности академической культуры, проблема медиевализма и достоверности нарратива, а также актуализация средневековья в кризисные моменты истории. Настоящее исследование также фокусирует начало интеллектуальной биографии российского историка и будущего эмигранта П.М. Бицилли, поскольку с этим интеллектуальным наследием вековой давности сопрягаются все указанные общие темы.

Ключевые слова: *медиевистика, источниковедение, «русская школа», Новое Средневековье, проблема «объективности», П.М. Бицилли, Н.А. Бердяев, Умберто Эко*

О чем писал историк-медиевист век назад, как работал и мыслил представитель классической гуманитарной науки накануне революционных изменений, полного переустройства привычного ему мира, как научного, академического мира, так и общественного? Какие идеи и понятия могли быть вынесены из этого опыта представителями интеллектуальной элиты, последними историками эпохи Империи, в мир послевоенной Европы, куда приводила их эмиграция?

На заре XX столетия историческая наука в России развивалась весьма успешно, и именно накануне революционных событий, и в самый 1917-й год, активность академического сообщества, в частности, историков-медиевистов, была весьма высокой. Кроме того, эта рафинированная академическая и университетская культура на закате Империи искала и находила точки соприкосновения с общественным запросом и интересом к истории. Тому есть множество примеров, но я хочу выделить лишь один, который кажется мне знаковым и особенно ярким: это

работа о социальных конфликтах и движениях средневековья, созданная историком-медиевистом П.М. Бицилли.

Анализ авторской позиции и новаторства работы П.М. Бицилли по социальной истории итальянского средневековья – часть моего проекта *Медиевисты эпохи «Нового Средневековья»*, направленного на изучение наследия и биографий исследователей средневековья в России начала XX в., положения и роли историков в эпоху кризиса и мировых войн (начиная с рубежа XIX–XX вв. и до 1930-х гг.).

Мировая война, которую современники назвали Великой – Первая мировая – это маркер эпохи политического и социального кризиса и переустройства, особых вызовов времени и откликов интеллектуалов эпохи. События и последствия Великой войны для многих современников и очевидцев социальных потрясений стали восприниматься как своего рода Новое Средневековье, в частности, такую мысль высказывал религиозный философ Н.А. Бердяев, который ввел данный концепт в употребление, публикуя свое «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» в Берлине в 1924 г.¹

Разумеется, сделал это философ в иной манере, чем известный итальянский интеллектуал Умберто Эко, который подошел к формулировке понятия «нового», как бы возвращающегося средневековья, работая на стыке науки и публицистики в 1970-е гг. Затем цикл публикаций Эко 1973–1976 гг. был переиздан с незначительными вставками в начале 2000-х гг.², что вновь обострило интерес к «Новому Средневековью», и понятие сохранилось в популярном дискурсе как узнаваемое.

Но для меня нет сомнений, что идея сопоставления современности и средневековья вызрела и у медиевистов – современников Бердяева, и среди специалистов-историков ее выразил именно П.М. Бицилли. Разумеется, оба свидетеля заката Российской империи, и Бердяев, и Бицилли интерпретировали идею Нового Средневековья различным образом. Более четко, в названии публикации, эта тема была сфокуси-

¹ Бердяев 1924: «Нет возврата ни к тому образу мыслей, ни к тому строю жизни, которые господствовали до мировой войны, до революции и потрясения, захвативших не только Россию, но и Европу, и весь мир, и видевшего в послевоенном времени знаковую веху, смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа». «И замечательно, что этот конец старого мира и народжение нового одним представляется "революцией", другим же представляется "реакцией". "Революционность" и "реакционность" так сейчас перепутались, что потерялась всякая отчетливость в употреблении этих терминов. Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало *нового средневековья*». Существует также и сетевая версия этой работы (http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1924_21.html), которая воспроизводит текст в первом постсоветском издании сочинений Бердяева в 2-х томах (Бердяев 1994).

² Эко, Colombo 1973; Эко 2003.

рована Бицилли уже в эмиграции и несколько позже, чем это сделал Бердяев. Философ подвел общий итог рассуждениям о послевоенных судьбах России и Европы в 1920-е, а историк сформулировал особенно-сти своей концепции Нового Средневековья в доступном для широкой читающей публики виде только в 1930-е годы³.

Однако при внимательном изучении творчества Бицилли более раннего периода возникает сложный образ представлений о переключке времен и эпох, актуализации пластов социальной культуры прошлого и опасности вульгаризации и модернизации при интерпретации. На мой взгляд, правомерно выделить как особую проблему исторических исследований специфику работы академических историков, изучавших социальные катаклизмы прошлого, и одновременно, бывших свидетелями революционной поры. Есть все основания подчеркнуть значение таких работ: как их ключевой роли в интеллектуальной биографии ученого – очевидца трагических перемен, так и для понимания историко-культурного контекста эпохи. Ведь профессиональный взгляд историка должен был отметить нечто особенное в натяжении еще не порвавшейся ткани повседневности, а в научных штудиях прошлого должна была прорываться эмоциональная нота современности. По крайней мере, правомерно поставить вопрос о том, был ли конструкт «Нового Средневековья» схемой, рожденной в публицистическом поле и после вынужденного расставания с Россией, или же накануне крушения Империи историк интуитивно чувствовал себя свидетелем наступающего Нового средневековья? И пытался ли он в своей профессиональной деятельности донести эту идею актуализации Средневековья до читателей и учеников? И если да, то какие именно аспекты им выделялись?

П.М. Бицилли – историк нелегкой судьбы, который в дальнейшем стал эмигрантом, видным представителем интеллектуального русского зарубежья, в начале века проходил период долгого и сложного ученичества и формирования исследовательской и преподавательской манеры. Этот период жизни и творчества ученого исследован несколько менее, чем вклад Бицилли в мировую историческую науку и литературоведение, который был им внесен за рубежами России, в период изгнания и обретения новой родины⁴. При всем том, покидая Россию достаточно зрелым, сформировавшимся человеком, Бицилли мог и должен

³ Бицилли 1932. Данная работа известна исследователям, прежде всего, историкам русского зарубежья, в частности по исследованиям М.А. Васильевой, и я не буду специально здесь на ней останавливаться.

⁴ Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) – историк-итальянист и славист, а также литературовед и литературный критик, профессор Новороссийского и Софийского университетов. Значение его наследия анализируется как историками, так и филологами, литературоведами, и российскими, и зарубежными: Велева 2004; Васильева 2009; Каганович 1994; Ковалев 2004; Попова 2010; 2017.

был взять с собой и тратить именно символический капитал идей, доставшийся ему в прошлый период жизни, который стал и периодом социальных конфликтов, кризиса и падения Российской империи.

Один из последних учеников Бицилли в России, О.Л. Вайнштейн⁵ (1894–1980) станет известным исследователем средних веков в науке советского периода. То, что именно по учебнику Вайнштейна преподавали историю науки (историографию) в советских профильных вузах, сыграло важную роль в процессе формирования студентов-историков. В советской России также остался и медиевист И.М. Гревс, один из наставников Бицилли, из «семинария» которого вышла плеяда ученых, в т.ч. представители интеллектуальной части эмиграции. Таким образом, для отечественной школы исторической мысли, от «имперской» до «советской», Бицилли – недостающее звено в развитии, как это видится с одной из возможных точек зрения, но в другой интерпретации – именно этот «недостающий», почти забытый на годы элемент традиции исторической мысли, представитель дореволюционной школы явился важным представителем исторической мысли России в мире.

П.М. Бицилли до эмиграции не успел стать признанным авторитетом, не занял престижного места в академической иерархии, но прошел ученичество у виднейших историков и общался со своими сверстниками, европейски известными медиевистами: достаточно упомянуть такие имена как Л.П. Карсавин и В.Н. Забугин (последний рецензировал труды Бицилли на итальянском языке для европейского читателя). Будучи незначительно старше обоих коллег, Бицилли достиг статуса магистра несколько позже, с традициями Санкт-Петербургского университета и его научной школой кандидат соприкасался в основном при подготовке и защите диссертации, но по своей формации тяготел к другому образовательному центру: Бицилли получил образование в Новороссийском университете, преподавал в Одессе сам, из Одессы же эмигрировал на Балканы (Сербия и Болгария) в 1920 г., тем же путем, что и его старший коллега – византист и исследователь культуры средиземноморья Н.П. Кондаков, чья научная деятельность на начальном этапе также была связана с университетом в Одессе.

На первый взгляд, 1917 год не стал переломным в жизни и интеллектуальной биографии Бицилли: наиболее весомые публикации в период до эмиграции появились незадолго до и после этой даты, решение об эмиграции было принято позже. Таким образом, не год двух революций разделил жизнь ученого пополам, а скорее годы гражданской войны – ровно век назад. Однако именно в 1917 г. Бицилли опубликовал весьма любопытную работу под названием «Общественные движе-

⁵ Вольфцун, Галчева 2016.

ния в изображении средневековых историков»⁶, которая стала поводом для настоящего исследования. Примечательно, что заключение этой работы кажется прологом к изложению и звучит так: «Если мы узнаем в каком-либо комплексе явлений “революцию”, “реформацию”, “реакцию”, у нас невольно является склонность отыскивать в нем черты нам известных уже ранее “революций” и так далее. Но в средние века это делалось грубее и наивнее». Забегая вперед, скажем, что легко разобратся с той «наивностью» мог только блестяще подготовленный историк и латинист. Это была очень сложная источниковедческая работа.

Разумеется, статья Бицилли 1917 г. – строго научная публикация, свидетельствующая о высоком уровне корпоративной академической культуры в России. Тем не менее, очевидно, что, пусть и не в явной, лобовой манере, но для историков наступающего Нового Средневековья были важны исторические сравнения. Бицилли, медиевист и педагог, в 1917 г. проводит для себя самого и своего читателя яркие исторические параллели, актуализирует исторический материал, делает намеки и дает подсказки, которые на лету мог ловить читатель. Таким образом, в единый контекст, в общее поле зрения историка и его читателя этих лет, попадали и источники по истории средневековья, повествующие о социальных кризисах (о крестовом походе детей, возмущении простолюдинов от поборов на Крестовый поход) и о кризисе современной ученому социальной системы. (Илл.: см. *ниже*, с. 192-193).

Разумеется, опубликованная в 1917 г. работа, к великому сожалению, не привлекла в тот момент, да и позже, достойного внимания по многим причинам, именно по тем, по которым она интересной сегодня. Формат публикации, сам журнал, в котором она появилась, – знаковый и, можно сказать, уникальный. Журнал Министерства народного просвещения (далее ЖМНП) выходил со строгой периодичностью (раз в месяц) с 1834 по 1917 г. Даже по такому нейтральному, т.е. как бы неполитизированному образовательному периодическому изданию, как ЖМНП, можно понять в какой напряженной политической обстановке происходили публикации: на страницах журнала появляется манифест об отречении монарха, приказы и распоряжения Временного правительства печатались тут же с пояснениями о причинах задержки очередного выпуска. Однако, журнал продолжал выходить.

Если вернуться к статье Бицилли, вышедшей в тот роковой год, то и она по многим причинам – знаковая. Тема, избранная начинающим

⁶ ЖМНП. Новая серия. ч.69. №5. 1917. С. 67-88. Не так давно, т.е. уже в новом столетии, статья была воспроизведена в новой орфографии (Бицилли. 2006) и диктует необходимость цитировать именно по этому изданию. Однако, сверка с оригиналом в ЖМНП необходима из-за некоторых неточностей в передаче латинского текста, в тех многочисленных выдержках из источников, которые приводил Бицилли.

ученым и преподавателем – очень специальная, манера изложения может быть понята на современном уровне междисциплинарных исторических исследований как «плотное описание». Этому плотному описанию соответствует, можно сказать, плотное цитирование. Большой объем латинских текстов введен в само тело статьи, и выбор цитат так же примечателен, как и формулировки комментариев.

Особенно ценна идея Бицилли, которая была сформулирована так: «Когда в Европе стала складываться общественная жизнь, когда начались общественные движения, регистраторы текущей действительности, хронисты, оказались в затруднительном положении. Их историческое понимание формировалось в условиях полной пассивности «народов»; в их поле зрения попадали долгое время только “князья” и святые с их подвигами и чудесами. Восстания в городских общинах, великие религиозно-общественные движения застали хронистов врасплох. Историческая жизнь предстала пред ними более сложной и многообразной, чем она казалась им до сих пор». Бицилли выдвигает немедленно такой тезис: «Прежнее историческое понимание более не годилось; оно *должно* было замениться новым. Средневековые историки не отдавали может быть себе отчета в этом; во всяком случае они не теоретизировали. Но приспособляться к новым задачам им все же пришлось»⁷.

Почему и как именно средневековые авторы это сделали? Историк, находившийся в России в начале эпохи гражданских войн и революций, надеялся пролить свет на смысл средневековых событий и способы рефлексии по поводу социальных столкновений путем разбора двух примеров общественных конфликтов, анализируя параллели сложных казусов и перекличку источников, упоминающих о сходных исторических событиях. Но не менее важна была для историка и свидетеля круциального момента истории перекличка исторических эпох и кризисов развития общества с теми, которые он вынужден был наблюдать. Приспосабливаться к новым обстоятельствам пришлось, как и другим современникам событий, и историкам Нового Средневековья.

Работа, опубликованная в 1917 г., кажется составной, в ней ясно угадываются очертания двух очерков-статей, которые отличаются по стилистике и даже манере оформления (латинские цитаты в теле статьи в начале работы, но в сносках внизу страницы во второй части). Первый пример или конструируемый казус – это средневековая Пьяченца после 1000 года и происходившая в городе борьба пеших и конных, т.е. рыцарей и простолюдинов.

Пространные цитаты при разборе авторской позиции Бицилли совершенно необходимы для отражения ритма и стиля его работы. Начинается работа со специализированной вводной относительно источни-

⁷ Бицилли 2006. С. 85.

ков, демонстрирующей отличное знакомство с находками европейской науки, но также и желание дать собственный взгляд на анализируемые исторические свидетельства и их специфику: «О событиях этого времени повествуется в так называемой гвельфской летописи, автор которой по характеристике Пертца (предисл. к изд. *Annales Placent. Guelf* в MGSS, XVII) был прекрасно осведомлен о событиях, ему современных (XIII в.), раннюю же часть своего повествования заимствовал из не дошедшей до нас старой городской летописи (1012–1194)». Сейчас же у Бицилли проявляется важный штрих-наблюдение: «Собственно и эту раннюю часть, где помещен рассказ об интересующих меня событиях (1090 г.), можно разбить на две части. С 1154 г. летописные заметки становятся подробнее, переходят подчас в обстоятельные рассказы. До 54 г. на каждый год приходится одна-две строчки; нередко такие заметки: 1085 – «был сильный голод»; 1091 – «Пьяченца горела в св. Субботу». Однако, согласно анализу Бицилли: «Повествование о событиях 1090 г. составляет явное исключение: оно изобилует подробностями, но лишено литературных прикрас и некоторого пафоса»⁸.

Не лишен литературных достоинств и яркий перевод Бицилли строк средневековых хронистов, задача построения захватывающего нарратива, поиска *fiction in the archives* выполнена прекрасно, несмотря на тяжеловесность текста оригинала. Перевод-пересказ истории таков:

«В феврале месяце 1090 года между народом и рыцарями Пьяченцы вспыхнула великая распря вследствие драки, происшедшей в это время на пустыре между церковью Св. Марии Храмовой и дорогой, ведущей к замку. *Случилось ненароком*, что некий рыцарь с явным перевесом сражался с неким пешим, так что они не могли расцепиться. Простолудины, наблюдавшие за этой борьбой, заметили, что пехотинец не может сопротивляться рыцарю, и стали бросать в последнего камни и грязь. Бывшие там рыцари, в свою очередь, избili и отхлестали пехотинца. Поднялся всеобщий переполох, все городские рыцари собрались в одном месте, а пешие – в другом, и между ними завязался жестокий бой...»⁹.

С небольшими паузами, во время которых читатель не успевает переводить дух, Бицилли продолжает рассказ-цитирование: «На следующий день арена борьбы была перенесена за город». Однако вскоре, он поясняет, что по мнению хрониста, борьба, начавшаяся столь немотивированно, столь же немотивированно и окончилась: «после рья

⁸ Бицилли 2006. С. 85.

⁹ Там же. С. 86. Бицилли оговаривается здесь: «Начало повествования я приведу в подлиннике» Приведем и мы этот зачин текста источника, хотя бы первые строки: “*Millesimo nonagesimo de mense Februarii sedicio magna orta est inter populum et milites Plac., occasione pugne que eo tempore fiebat in terra vacua que erat inter ecclesiam S. Marie de Templo*”. Однако, не надо думать, что Бицилли недостаточно полно знакомит читателя со средневековым источником: и далее перевод постоянно сопровождается оригиналом, просто авторский перевод предшествует латинской цитате.

перипетий: случилось по Божьему изволению, что внезапно обе стороны устыдились и ощутили раскаяние, и, с плачем и восклицаниями: Рах! Рах! рыцари и воины стали обниматься и целоваться. Это происходило в Пьяченце, как сказано, в 1090 году». Тут же следует замечание медиевиста: «А в 1040 г. точно таким же образом началась социальная борьба в соседнем Милане»¹⁰.

Далее Бицилли приводит цитаты, характеризующие повествования двух хронистов – Арнульфа и Ландульфа, которые писали независимо друг от друга, но имели черты сходства и между собой, и с рассказом, составленным анонимным хронистом Пьяченцы. Бицилли подчеркивает особенность позиции одного из хронистов:

«Ландульф не говорит о поводе столкновения, зато указывает на его причину: угнетенное положение народа. Вследствие этого случилось, что во всех частях города капитаны и вальвассоры взяли над народом верх и бесчеловечно расправлялись с его представителями. Но народ, по обыкновению немилосердно разгневанный, *пожелал скорее умереть, чем жить без чести*, и, считая, что лучше умереть, чем влечить долгую жизнь в позоре, взялся за оружие и повсеместно стал громить рыцарей. Наконец, капитаны и вальвассоры, убедившись, что не могут справиться с народом в городе, посчитали, что им удастся одолеть и победить народ не мечом, а с помощью голода и многих лишений, осадив его со всех сторон, чтобы вернуть в прежнее рабство, поэтому они тайно и единодушно покинули город...» (Landulfi historia mediolanensis, MGSS, VIII, 63)»¹¹.

Далее Бицилли делает очень незначительный перерыв в плотном цитировании источника для следующей ремарки:

«Читатель, конечно, уже заметил, как много точек соприкосновения между рассказами Арнульфа и Ландульфа о миланских событиях и рассказом анонима о пьячентинских. На первый взгляд, в особенности в том, что касается фактической стороны, в этом нет ничего такого, о чем стоило бы говорить. В аналогичных условиях коммунальной жизни столкновения классов и партий могли возникать и протекать аналогичным же образом»¹².

Однако допустить, что события происходят во всех случаях, описываемых хронистами, здравый смысл исследователя принять отказывается, и Бицилли постулирует, что здесь таится общая тенденция или схема, которую можно выявить при сопоставлении частных трех рассказов, что он и делает вместе со своим читателем¹³. Простую идею принять за выдумку пропускающую схему ученый отвергает.

Без замедления дается еще один ряд важных рассуждений Бицилли: «При наличии обостренных отношений между “конными” и “пешими” отдельные, индивидуальные столкновения были, надо думать,

¹⁰ Бицилли 2006. С. 86.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 88-89.

делом обычным и в некоторых случаях легко могли развиться до размеров общесословной распри. В тесноте «соседской» жизни всякий сор обязательно выносился из избы, всякая домашняя неурядица затрагивала «родных» и «соседей», т. е. весь город, и в рассказе о пьячентинском или миланском рыцаре, избивавшем пьячентинского или миланского пехотинца, столь же неосновательно видеть а priori “легенду, порожденную склонностью драматизировать исторический процесс”, как и в рассказе о столкновении Буонделмонти и Амидеи, – столкновении, имевшем, по общему убеждению современников, значение “причины” раскола флорентинцев на гибеллинов и гвельфов»¹⁴. Здесь мы видим явную отсылку ученика к творчеству одного из своих учителей, а именно к работе Гревса¹⁵ (заметим, что отношения этой пары мастер-ученик были очень сложными, сочетавшими притяжение и отторжение).

Бицилли делает кардинальный вывод исследования, предвзято его любопытным суждением: «Но, с другой стороны, не менее верно и то, что если об одном и том же факте люди обыкновенно рассказывают разное (при условии их независимости друг от друга), то тем более мы должны ожидать встречи со значительными расхождениями там, где налицо несколько сообщений о различных аналогичных фактах». Таков предварительный итог выкладок интерпретатора-медиевиста.

Затем Бицилли формулирует важную для понимания дальнейшего мысль, которая лишь выглядит как отступление от текстуального анализа и интерпретации источника, но, на самом деле, автор именно здесь переходит в наступление и выводит интерпретацию на новый уровень путем сравнения исторического нарратива и произведения искусства:

«Художественная критика знает примеры произведений искусства, например, живописи, относительно которых возникают сомнения: принадлежат ли они кисти мастера или его “школы”. Ученик зачастую так точно воспроизводит “манеру” мастера, что по внешним признакам (колорит, рисунок, способ накладывать краски, мотив, типы и проч.) ни о чем судить нельзя. Остается только один критерий: органичности художественного произведения. Подражатель непременно выдаст себя наличием “белых” мест, отсутствием внутренней согласованности, что, как следствие, влечет за собою утрировку приемов того, кому он подражает; ибо этим подражатель как бы инстинктивно стремится сделать для чужих глаз незаметным свое бессилие возвыситься до усвоения художественной идеи своего образца»¹⁶.

Этим пассажем Бицилли предвосхищает, как мне кажется, свои будущие известные труды в качестве художественного литературного критика. Кроме того, изложенное выше – яркое свидетельство высокого уровня исследований, которого достигла отечественная историческая

¹⁴ Бицилли 2006. С. 87.

¹⁵ Гревс 1925.

¹⁶ Бицилли 2006. С. 91.

школа накануне революционных событий. Уже сто лет назад интересно и плодотворно решалась русской школой историографии и медиэвистики проблема интерпретации средневековых нарративных исторических источников, т.е. проблема объективности и общих установок интерпретатора-современника или близкого потомка, лиц и событий, описываемых в рассказе. Проблема анализа подлинности является актуальной в исторической науке постоянно (помимо того, что и сейчас вызывает сложности у берущихся работать с темой «объективности» и «фальсификации», анализируя особенности нарратива).

В определенный момент, после общего теоретического посыла, Бицилли возвращается к своему средневековому сюжету:

«Повторяю, что если мы допускаем зависимость анонима, автора анналов Пьяченцы (А.Р. – у Бицилли) от хроники Ландульфа, то у нас нет никаких оснований отрицать такую же их зависимость от Арнульфа. Но тем самым, что мы предполагаем эту двойную зависимость, вероятность нашего предположения возрастает: именно то, что схема, которую мы старались вскрыть из анализа трех отрывков трех хронистов, оказывается у двух налицо в частях, а у третьего в целом, является решающим доводом в пользу предположения, что у двух первых она находится *in statu nascendi*, третий же воспользовался ею в готовом виде».

И Бицилли сразу делает вывод по поводу достоверности нарративов:

«Другими словами, не служит ли наблюденная особенность показателем того, что Арнульфу и Ландульфу их схема была отчасти дана самим ходом событий, между тем как пьячентинский аноним располагал факты, которые ему были известны, по чужой, внешней по отношению к ним, схеме? Но если это верно, то мы не можем не пойти и дальше и должны будем предположить, что и там, где совпадения у А. и Л., с одной стороны, и А.Р. – с другой, такого рода, что сами по себе не вызывают подозрений (“сецессия” рыцарей, блокада ими города), все же всего вероятнее эти совпадения объясняются тем, что автор А.Р. дополнял свои сведения в угоду схеме сообщениями из своих источников, приспособленными им к своему повествованию»¹⁷.

В этом месте изложения позиции средневековых создателей хроник, Бицилли объявляет, что пора прийти к окончательному выводу. По его мнению, «анализируемое место пьячентинских анналов стоит... совершенно особняком. Это – очевидно позднейшая вставка в летопись. На ее месте в первоначальной городской летописи, вероятно, читалось летописно-сжатое сообщение о столкновении рыцарей и “пеших”»¹⁸.

Таким образом, речь идет не о намеренном искажении истории, но об использовании схем, готовых топосов, что являлось вполне легитимной практикой средневековых хронистов, искажение и дополнение делалось по эстетическим соображениям, а не из-за особой идеологической заинтересованности или с практической целью. Тем не менее,

¹⁷ Бицилли 2006. С. 91.

¹⁸ Там же.

многоступенчатая платформа фиктивного нарратива средневековым анонимом, ответственным за переписывание анналов, создавалась.

Не менее интересен, хотя и еще более труден в изложении второй составной блок работы Бицилли 1917 года. Отметим, что в основе второй части рассуждений т.н. *мятеж «пастушков»*, события, случившиеся в 1251 г. Этот еще более сложный, чем первый казус, конструируемый Бицилли, еще больше переключается с темой современного автору социального переворота и вовлеченности в него молодежи. Сам автор публикации поясняет переход от одного сюжета к другому таким образом: «в изложении выше мы имеем пример влияния литературной схемы повествования об общественном движении». Итак, пишет Бицилли: «Следующий пример относится к иному типу случаев: влияния схемы, выработанной общественным мнением»¹⁹. Сразу же, как и должен сделать толковый педагог, Бицилли дает краткую вводную о том, что представляет собой летописная традиция и какие именно источники свидетельствуют о т.н. движении *пастушков* (*pastoureaux*).

«Среди нескольких хронистов, писавших об этом движении, трое дают наиболее обстоятельные сообщения: это – Примат, Гильом из Нанжи, для которого Примат служил главным источником, и в особенности Матвей Парижский. По их рассказам, в общем совпадающим, движение представляется в следующем виде: появились в 1251 г. какие-то «злые обманщики народа»²⁰ (*aucuns mauges deceveurs du peuple*, P.; *quidam latronum principes* (некие главари разбойников), которые «уверяли, что имели видение Девы Марии, которая послала их проповедывать крестовый поход простым людям»²¹. «К ним стеклось множество пастухов, которые бросали свои стада и, не спросив родителей, следовали за вождями похода»²². Бесчисленная толпа их шла со знаменами, на которых изображалось чудо, вызвавшее проповедь похода («содержание этих видений они изображали в картинах, которыми украшали знамена и несли их перед собой»).

Весьма примечательна подмеченная историком наглядность лозунгов и пропаганды идеи движения, доступная эмблематика как мобилирующий фактор, но главный акцент в описании – достигнутая массовость движения, которая превращает особую спорную форму выражения религиозности почти что в революцию. Задумываясь о распростра-

¹⁹ Бицилли. 2006. С. 92.

²⁰ Бицилли. 2006. Там же.

²¹ «Их простоте и смирению Святую Землю, ибо Богу не угодна воинская гордыня французов. Он хвалился, что имеет грамоту и поручение от Пресв. Девы». Бицилли. 2006. С. 93.

²² *Laquele erreur desloable prist... mauves accroissement; car les pasteurs laissoient les bestes es partis, et s'en aloient sans saluer pere ne mere* (Это прискорбное заблуждение получило... дурное продолжение; ибо пастухи уходили... не попрощавшись ни с отцом, ни с матерью. И сколько бы пастухов он ни призывал к себе, оставляя стада, коров и лошадей, они следовали за ним, не слушая господ и родителей). – Бицилли. 2006. С. 93.

ненном названии участников движения, вникая в этимологию, Бицилли начинает сопоставлять это движение с детскими крестовыми походами. Он приходит к выводу, что некоторые общественные стереотипы мешали даже прямым очевидцам событий описывать их более адекватно, не прибегая к схемам восприятия, которые возникли раньше, под влиянием детского крестового похода 1212 года. В «пастушках» хотели видеть таких же чистых детей, не успевших проститься с отцом и матерью, затем подпавших под влияние злых людей, хотя с самого начала и до конца движение сохраняло совсем другой характер: агрессивный и антиклерикальный. Здесь среди рассуждений Бицилли ярко выделяется высказывание: «когда мы узнаем в каком-либо комплексе явлений “революцию”, “реформацию”, “реакцию”, у нас невольно является склонность отыскивать в нем черты нам известных уже ранее “революций” и так далее»²³. Сам Бицилли также следует этой логике источника и сопоставляет несколько радикальных религиозных движений.

Итак, мы имеем дело с филигранной работой текстолога, озабоченного поиском общих мест и пересечений тестов (своеобразных «мемов») хронистики и анналистики), а также принципов создания средневековых нарративов). Образ социальной борьбы в городе и религиозных движений и ересей привлекал ряд исследователей этого времени и в России (Гревс, Карсавин), и в Италии (Вольпе и Каджезе), но это конкретное, свежее и оригинальное для своего времени, исследование, в сущности вполне может быть использовано и сейчас – не как свидетельство этапа развития науки, но как пособие для занятий студентов.

Образ средневековья с акцентом социальной борьбы, который, явно намекал на актуальные, современные социальные бури, слишком детален и привязан к историческим источникам, и поэтому не смог сам по себе стать популярным у читающей публики, отделиться от исследовательской практики. Однако этот образ связан с наступавшим Новым Средневековьем не менее, чем образ, созданный Бердяевым и закрепившийся за ним. Можно сказать, что специалист-историк высказывался на ту же тему, что и философ-проповедник идеологемы Нового средневековья, но оттеняя эту мысль особым образом. Медиевист обращался к конкретным *подобранным историческим примерам* и препарировал идею и образ средневековых социальных переворотов и общественных движений иначе, чем философ, богослов или романтик.

Именно в силу понимания исторической конкретики, образ Нового Средневековья, отчеканенный медиевистом, не мог стать распространенным стереотипом, употребимым штампом. Примечательно, однако то, что в конце прошлого века, как и в период между мировыми войнами, идея «Нового Средневековья» звучала и была в интеллекту-

²³ Бицилли 2006. С. 100, 106.

альной моде. Вернее всего будет не спорить об авторстве концепта, а, вслед за Бицилли, постулировавшим общие литературные схемы или влияние общественного мнения на различных авторов средневековых текстов, увидеть и во взглядах, излагаемых Бицилли и Бердяевым некую общую схему – модель, вынесенную ими из общей для них интеллектуальной среды Серебряного века России – в эмиграцию.

Думается, то же самое утверждение, что касалось практики взаимных заимствований и обращения к общим образам восприятия истории, применимо и к творчеству создателей концепции Нового средневековья. Появился бродячий сюжет, мем, который воспроизводился и развивался разными интерпретаторами. Сам автор публикации 1917 года пояснял переход от одного сюжета к другому таким образом: «в изложенном выше мы имеем пример влияния литературной схемы повествования об общественном движении». Далее Бицилли указал: «Следующий пример относится к иному типу случаев: влияния схемы, выработанной общественным мнением»²⁴. Точно так же два мыслителя, историк и философ, сформировавшиеся в России Серебряного века и развивавшие свои идеи в изгнании после революции, пользуются некоторой общей образной основой, отражают и транслируют мнение своей среды, по-разному интерпретируя одно и то же понятие – Новое средневековье. Можно сказать, что данное представление не было лишено и литературной основы. Как справедливо указал Бицилли в заключение своей работы 1917 года, «многообразие феноменов “исторической жизни” мы в состоянии обнять, лишь бессознательно упрощая воспринимаемое, причем обычным путем является узнавание в “новом” “старого”, подведение данного материала под уже готовые “рубрики”, что неизбежно влечет за собою подчинение в нашем сознании этого материала готовым схемам»²⁵ (что мы и видим на примере историографии позднего средневековья в прекрасном разборе Бицилли).

Тема реактуализации средневековья в раннем произведении Бицилли, думается, проступает достаточно четко и ярко, и во многом предвосхищает более общее осмысление той же проблемы Нового средневековья, сформулированное и высказанное Бицилли в зрелые годы, в период эмиграции. То, о чем писал историк-медиевист столетие назад, думается, осталось актуальным и для Европы, и для самой России: как в смысле практики чтения средневековых источников и их интерпретации, так и в более широком теоретическом аспекте – с точки зрения определения средневековой культуры и форм «самопрезентации» средневековья в изложении историков той эпохи и историков новейшего времени, в плане переключки образов эпох в сознании.

²⁴ Бицилли. 2006. С. 92.

²⁵ Бицилли. 2006. С. 105.

Илл. 1

Илл. 2

Илл. 3

Илл. 4

Илл. 5

Илл. 1-4. Плакаты и открытки 1917 года.

Илл. 5. Вид итальянского города Пьяченцы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / [вступ. ст., сост., примеч. Р.А. Гальцевой]. М.: Искусство; ИЧП "Лига". (Русские философы XX века). [Т.] 1. 1994. 411 с.
- Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. Берлин: Обелиск, 1924. 142 с.
- Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы // Новое Средневековье. http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1924_21.html
- Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории России и Запада. М.: Языки славянских культур, 2006 г. 808 с.
- Бицилли П.М. Проблема нового средневековья // Новый град. №2. 1932.
- Бицилли П.М. Общественные движения в изображении средневековых историков // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 69. № 5. 1917. С. 67-88.

- Васильева М.А. "Проблематика индивидуальности" в трудах П. М. Бицилли: автореферат дисс. канд. филолог. наук. Москва: Изд-во Литературного института, 2009. 24 с.
- Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София: Гутенберг, 2004. 163 с.
- Вольфшун Л., Галчева Т. Учитель и ученик. Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. 2016. Вып. 77 (3-4). С. 162-175.
- Гревс И. М. Крoвая свадьба Буондельмонте: жизнь итальянского города в XIII веке / И. М. Гревс. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. 142 с.
- Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. Образ "другого" в культуре. М.: Наука, 1994. С. 256-271.
- Ковалев М. В. Научно-исследовательская деятельность П.М. Бицилли в Болгарии (1924–1953 гг.). Санкт-Петербург: Нестор, 2004. 209 с.
- Попова Т.Н. Бициллиеведение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины: (к 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли) // Історіографічні дослідження в Україні. Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2010. С. 155-169.
- Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 456 с.
- Eco U., Colombo F. Documenti su il nuovo medioevo. Milano: Bompiani, 1973. 349 p.
- Eco U. Dalla periferia dell'impero: cronache da un nuovo medioevo. Milano: Bompiani, 2003. 359 p.

REFERENCES

- Berdyayev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva [Tekst]: v 2 t. / Nikolay Berdyayev; [vstup. st., sost., primech. R. A. Gal'tsevoy]. Moskva: Iskusstvo; Moskva: ICHP "Liga". (Russkiye filosofy XX veka). [T.] 1. 1994. 411 с.
- Berdyayev N.A. Novoye srednevekov'ye. Razmyshleniye o sud'be Rossii i Yevropy. Berlin: Obelisk, 1924. 142 с.
- Berdyayev N.A. Novoye srednevekov'ye. Razmyshleniye o sud'be Rossii i Yevropy // Novoye Srednevekov'ye. http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1924_21.html
- Bitsilli P.M. Izbrannyye trudy po srednevekovoy istorii Rossii i Zapada. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006 g. 808 s.
- Bitsilli P.M. Problema novogo srednevekov'ya // Novyy grad. №2. 1932.
- Bitsilli. P.M. Obshhestvenny'e dvizheniya v izobrazhenii srednevekovykh istorikov // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya. ch. 69. №5. 1917. S. 67-88.
- Eco U., Colombo F. Documenti su il nuovo medioevo. Milano: Bompiani, 1973. 349 p.
- Eco U. Dalla periferia dell'impero: cronache da un nuovo medioevo. Milano: Bompiani, 2003. 359 p.
- Greys I. M. Krovavaya svad'ba Buondel'monte: zhizn' ital'yanskogo goroda v XIII veke / I. M. Greys. L.: Brokgauz-Yefron, 1925. 142 s.
- Kaganovich B. S. P. M. Bitsilli kak istorik kul'tury // Odissey. Chelovek v isto-rii. Obraz "drugogo" v kul'ture. M.: Nauka, 1994. S. 256-271.
- Kovalev M.V. Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' P.M. Bitsilli v Bolgarii (1924–1953 gg.). Sankt-Peterburg: Nestor, 2004. 209 s.
- Popova T.N. Bitsilliyevedeniye - novyy issledovatel'skiy landshaft v istoriogra-fii Ukrainy: (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya P. M. Bitsilli) // Історіографічні дослідження в Україні. Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2010. S. 155-169.
- Popova T.N. ZHizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsiy. Teoriya. Metodologiya. Praktika. Odessa: Bondarenko M.A., 2017. 456 s.
- Vasil'yeva M.A. "Problematika individual'nosti" v trudakh P.M. Bitsilli: avtoferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk (10.01.08). Moskva: Izd-vo Literaturnogo instituta, 2009. 24 s.
- Veleva M. B'lgarskata s'dba na prof. P.M.Bitsilli. Sofiya: Gutenberg, 2004. 163 s.
- Vol'f'sun L., Galcheva T. Uchitel' i uchenik. Otzyv P.M. Bitsilli na sochineniye O.L. Vaynshteyna // Sredniye veka. 2016. Vyp. 77 (3-4). S. 162-175.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; spesbona@mail.ru

Is “The New Middle Ages” - a Russian Idea? Bicilli’s *Medievistica*, medieval social movements and re-actualization of history

There are several topics under consideration in the article: philosophical concept, academic culture and social movements in the epoch of social conflicts in the early 20th century. The analysis of the early writings of the Italian historian Bicilli on the Italian medieval social history includes the interpretation of the idea- “The New Middle Ages”, which was also developed by the representatives of Russian Sociology in exile. The publication, issued in the year of two Russian revolutions in the “Journal of the Ministry of People’s Enlightenment”, written by P. M. Bicilli (1879–1953) on Italian social medieval history related to topic of radical social movement, which was of particular interest for contemporaries. Besides, this publication has a great methodological importance in the context of re-actualization of some phenomena from medieval history. One can find in this publication a new approach of the Italian historian to the problems, which were under discussion in Russian historiography some hundred year ago. The problem of interpretation of medieval sources, evaluation of the degree of objectivity of the interpreter-contemporary\or descendant of the actors, described in the historical narrative. This problem is still of particular importance for contemporary historical community as it was a hundred years ago, because it is difficult to establish “objectivity” or “falsification” in the content of narrative.

Keywords: Medieval History, source study, The New Middle Ages, problem of objectivity, P.M. Bicilli, N.A. Berdyaev, U. Eco

Nadezhda Selounskaya, PhD in History, senior research fellow, Institute of World History, Russian academy of Sciences; spesbona@mail.ru

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ

МИФОЛОГЕМА «РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ» КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»

Методология социокультурного подхода вызвала дискуссии о содержании базовых понятий, транслирующих субъективные измерения и оценки идентичности «беженцев из России», актуализировала значимость источниковедческих аспектов исследования. Весьма полезен опыт использования контекстуального и лингвистического анализа беллетризованных мемуарных источников и источников устной истории для аутентичного прочтения и раскрытия смыслов оценок социокультурной идентичности эмигрантов на персональном и групповом уровне, как например, «русский европеец», содержащихся в публикации «Мы, русские беженцы...» А.И. Куприна. Это – ресурс для обогащения знаний о характере изменений в самооценках, системах ценностей, восприятии «своего» и «чужого»/«иногo» пространства беженцами из России, которые репрезентируют их локальную/национальную идентичность.

Ключевые слова: беллетризованные мемуары, идентичность, мифологема, персональная история, «русский европеец», субъективное измерение, эмиграция

Рождение новых понятий, уточнение и корректировка их содержания и объема во многом связаны с развитием методологического и исторического знания. В частности, интерес историков к методологии социокультурного подхода проявился в очевидном обновлении языка исторических сочинений, введении ряда значимых концептов в исторический дискурс. Среди них особого внимания заслуживают понятия исторической памяти и идентичности. Подтверждением высказанным соображениям может быть состоявшееся в октябре 2016 года широкое обсуждение этих понятий на международной конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики»¹, полемический характер которого проявлялся в высказанных критических замечаниях. Так, отмечалось, что «по мере того, как концепт идентичности приобретал популярность в научной среде и становился предметом общественного дискурса, разворачивалась полемика по поводу кризиса самого этого концепта»². Неудовлетворенность «идентитарным подходом» была связана с «методологическими трудностями анализа идентичности», а также неопределенностью содержания и многозначностью понятия идентичности. Сложность состоит в том, что это понятие относится к категориям т.н. «субъективно-го измерения» в истории. Представляется важным в процессе категори-

¹ История, память, идентичность... 2016.

² Там же. С. 405.

зации специфицировать концепт идентичности в конкретном историческом контексте. Введение в оборот историками категорий «субъективного измерения» требует усилий по разработке специальных методологических процедур в исследовательских практиках их применения.

В дискуссиях о содержании концепта идентичности Л.П. Репина четко прописывает структуру идентичности как субъективного измерения. По ее мнению, понятие идентичности включает «принятие и усвоение совокупности представлений, ориентаций, норм, ценностей, форм поведения той общности (семейно-родственной, локальной, этнической, конфессиональной, профессиональной, национальной), с которой индивид себя отождествляет»³. В то же время историки подвергают сомнению утверждение о формировании идентичности лишь в «координатах ментальной и этнической детерминированности», считая его ограниченным и неполным. В дополнение предлагается рассмотреть такие спецификации категории идентичности как «надэтническую, интегрирующую идентичность», вариантом которой может быть, например, «европейская идентичность»⁴. Еще одним важным ракурсом раскрытия содержательного наполнения концепта идентичности является его тесная связь с понятием памяти. В современном дискурсе по проблеме идентичности ярко проступает тезис об «исторической идентичности» как основе коллективной идентичности, подчеркивается ключевое значение «представлений о прошлом» в структуре идентичности⁵.

Вот почему в исследовательских практиках следует особое внимание обратить на способы и методы выявления формирования и изменений идентичности, в т.ч. на источниковедческие аспекты исследования. Здесь важно найти «чувствительные источники», фиксирующие информацию об идентичности, а также раскрыть возможности аутентичного прочтения этого понятия. Такого рода попытки были предприняты в моем докладе на конференции, посвященном проблемам взаимодействия памяти и адаптации в процессе изменений социокультурной идентичности у представителей Русского зарубежья⁶.

В данной статье будет показана роль и функции понятия «русский европеец» как индикатора изменений индивидуальной социокультурной идентичности в переломные периоды жизни человека, его персональной истории. Особенно это относится к эмигрантам «первой волны», в состав которой входили представители интеллигенции и российской аристократии. Именно в процессе «самоосознания», который для интеллигенции был своеобразным способом ее существования и «са-

³ Репина 2011. С. 454.

⁴ История, память, идентичность... С. 382-384.

⁵ Репина 2011. С. 455.

⁶ Селунская 2016.

моразвития», можно наблюдать и сохранение русской эмиграцией культурно-исторической памяти, определяющей устойчивость ментальных и поведенческих традиций «своей» среды русскими эмигрантами и их адаптацию к новой культурной среде, т.е. восприятие присутствующей этой «иной» среде системы ценностей. В современной литературе, посвященной анализу причин «массового русского исхода из России в 20-ые годы» в контексте социокультурного подхода, подчеркивается преобладание среди «многочисленных выходцев из интеллигенции» мотивации психологического характера. Этой мотивацией было стремление к спасению и сохранению культурных ценностей, осознание своей главной миссией быть носителями национальной культуры, «оставаться русскими в иной культурной среде»⁷. И, вместе с тем, отмечается открытость российской эмиграции культурам стран проживания, свободное взаимодействие с ними при сохранении ощущения эмигрантами себя как органической части национальной культуры⁸.

В содержании понятий «русская эмиграция» и «русская диаспора» считается специфика осознания эмигрантами из России своей групповой национальной идентичности. Однако многие эмигранты сами себя таковыми не считали. Особенно это относится к эмигрантам «первой волны», которые называли себя «беженцами». Такое определение, связанное с обыденным сознанием самих представителей эмиграции, является предметом дискуссии в историографии. Так, представитель Московской патриархии игумен Иннокентий Павлов в докладе на международной конференции «Культурное наследие русской эмиграции 1917–1940» доказывал, что применительно к уехавшим из России в тот период более корректно применять термин «беженцы», так как их выезд происходил не в добровольном порядке⁹. При интерпретации национальной составляющей в идентичности русских эмигрантов следует учитывать и тот факт, что за пределами России все выходцы из России именовались «русскими». Вместе с тем, несмотря на общеизвестную устойчивость русских к ассимиляции за рубежом, она, конечно, не была абсолютной. В историографии справедливо предлагается пользоваться уточняющими определениями, указывающими, например, на место рождения, а не на этническую принадлежность при использовании как базового понятия «российская эмиграция», т.е. говорить о «выходцах из России», «уроженцах России», осознание общей идентичности которыми еще требует доказательства.

Таким образом, спорным является и понятие «русский» как индикатор национальной принадлежности эмигрантов-беженцев, и понятие

⁷ Макаренкова 2007. С. 240-241.

⁸ Новиков 1997. С. 8.

⁹ Фрейнкман-Хрусталева, Новиков 1995.

«эмиграция» как «объединяющая мотивация» применительно к покинувшим Россию в послереволюционный период, что также осложняет исследование идентичности эмигрантов на групповом уровне. Спецификация понятия «эмиграция» предполагает и рассмотрение взаимосвязи его с термином «диаспора» в контексте поставленной проблемы оценки этнокультурной идентичности представителей Русского зарубежья. Во Введении к сборнику «Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XXI вв.» Ю.А. Поляков дал определение понятию «диаспора» как этнической общности, находящейся в иноэтнической среде, интерпретируя смысл понятия «диаспора» как «население той или иной страны, принадлежащее этнически и культурно к другому государству»¹⁰. В том же сборнике, в статье В.А. Тишкова было особо отмечено, что история и культурная отличительность – это основа, на которой формируется феномен диаспоры. При этом особую роль, по мнению автора, играют «представления об общей родине», «выстраиваемые на этой основе коллективной связи», групповая солидарность и демонстрируемое отношение к родине. Была также подчеркнута необходимость анализировать и обратные по характеру процессы социальной адаптации, приводящей к «денационализации, абсорбации эмигрантов на индивидуальном и групповом уровнях, включенности их в новую социокультурную среду»¹¹.

Итогом дискуссий, ведущихся в историографии по поводу интерпретации ключевых понятий, является повышенный интерес историков к источниковедческим аспектам проблемы. Очевидно, что методология исследования идентичности представителей русской эмиграции включает как необходимый этап поиск, выявление и аутентичное прочтение источников, хранящих память о рефлексиях и восприятиях эмигрантов себя в новой среде, то есть о процессе их самоидентификации. И только успешно пройдя этот этап, можно переходить к процедуре раскрытия смыслов понятий и терминов, которыми оперирует историк при формировании исторического знания об изучаемом явлении. Эта процедура включает анализ «мифологем», созданных современниками и поддержанных историографической традицией изучения «русского зарубежья», русской эмиграции, национальных диаспор «в изгнании» вообще. Представляется, что наиболее привлекательной в плане емкости содержания и полноты описания идентичности русских эмигрантов «первой волны» является оценочная характеристика «русские европейцы». Это понятие бытует в отечественной традиции интеллектуальной мысли не одно столетие и может рассматриваться как определение «составной», «бинарной» идентичности.

¹⁰ Национальные диаспоры в России и за рубежом... С. 4.

¹¹ Тишков 2001. С. 14, 22.

«Русский европеец» представляется мифологемой конструирования индивидуальной и групповой идентичности, образа-архетипа российского интеллигента «нового времени». Исторический контекст во многом определяет раскрытие смыслов понятий – индикаторов идентичности на групповом уровне. Так, в оценочном концепте «русский европеец» первая его составная часть, отражающая национальную специфику идентичности представителей Русского зарубежья, сохраненную на основе памяти, требует дополнительной интерпретации в историческом контексте формирования и бытования феномена русской эмиграции. Известно, например, что Владимир Соловьев причислял себя к «русским европейцам», которые существовали, по его мнению, наряду с европейцами английскими, французскими, немецкими. Он также утверждал, что «европеец» – это понятие с определенным содержанием и расширяющимся объемом¹². Содержание отличается биполярностью составляющих его частей, весьма противоречивых по сути и оценкам. Так, если «европеец» является генерализирующей, типизирующей оценкой идентичности индивида, индикатором принадлежности его к «современному» модернизированному («европеизированному», «вестернизированному») обществу, то понятие «русский» фиксирует национальную специфику, сохранение особенного в проявлении общих черт и поведенческих стереотипов, характерных для модели идентичности, отраженной в понятии «европеец». Раскрытие данной характеристики как оценочной в исследовании сохранения и изменений идентичности представителей русских диаспор за рубежом требует особого внимания к мемуарным источникам и источникам, хранящим «устную историю» коллективной памяти и пережитого опыта.

О росте интереса историков к мемуарным источникам эмигрантов, свидетельствуют публикации информационно-справочных изданий, представляющих эту разновидность источников исторической памяти. Пример масштабного издания подобного рода с весьма амбициозными целями – публикация «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках». Этот аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.¹³ является совместным российско-американским проектом крупнейших институтов двух стран – Государственной публичной исторической библиотеки и эмигрантского центра США. В то же время руководители и авторы проекта замысливали его как продолжение и дополнение к наработкам П.А. Зайончковского, выпустившего фундаментальный библиографический справочник по истории дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Именно это обстоятельство и привело к «раздвоению»

¹² Соловьев В.С. Собр. соч. 2-ое изд. Т. 10. С. 149.

¹³ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках...

замысла авторов проекта, к попытке дать информацию и по России и по истории эмиграции, что чрезвычайно затрудняет работу с материалом. Справедливо отмечается в критической рецензии Е.К. Соколинского¹⁴, что авторам надо было «акцент делать на истории эмиграции и личности эмигрантов», но авторы «раздваивают внимание, формулируя свой предмет как Россия и эмиграция». Такой подход затрудняет поиск источников, так как материал классифицирован по комбинированным, «смешанным» принципам: то по тематике «россики», то по хронологическим основаниям. Специалисты отмечают неполноту указателя, пропуски авторитетных справочно-информационных изданий¹⁵, а также ограничение выявленных наименований московскими книгохранилищами, отсутствие дифференциации источников по их разновидностям и другие недостатки, которые весьма существенно снижают значимость данного справочно-информационного издания как основы для поиска мемуарных источников и формирования источниковой базы исследований по истории эмиграции, национальных диаспор, в частности.

Большой интерес представляют специализированные справочники сочинений, писем, беллетризованных воспоминаний и рассказов о жизни, например, русской литературной эмиграции, писателей, выехавших за рубеж после революции и гражданской войны: можно назвать такие издания как «Писатели русского зарубежья», «Русская литература в изгнании» и др.¹ В этих изданиях собрана библиография особого рода, представленная мемуарной литературой, которая может приближаться к документальному повествованию и в то же время представлять собой художественное переосмысление реальности в сознании писателей. Такого рода тексты не свободны от вымысла, однако они представляют несомненный интерес для исследователя как особая разновидность источника, содержащая не просто описание жизни эмигрантов, но и художественное обобщение, образность.

Проблемы, связанные с особенностями мемуарных источников, источников «устной истории» в контексте исследования истории русской эмиграции были предметом специального обсуждения на международной конференции «Русские в Финляндии», которая проводилась в 2003 г. в Петербурге. В ходе обсуждений историки отмечали, что воспоминания и даже рассказы самих эмигрантов («устная история») являются особенно востребованными при изучении истории российского зарубежья, или истории русской эмиграции в отдельных странах как источники изучения исторической памяти. На основе мемуарных ис-

¹⁴ Соколинский 2004. С. 33-35.

¹⁵ Так в рецензии Е.К. Соколинского отмечен пропуск публикации И.Л. Полотовской «Материалы для библиографии информационных ресурсов Русского зарубежья» (СПб., 2002).

точников была сделана попытка прочтения «составной» идентичности представителей русской диаспоры, сформулированной в определении «русские европейцы» и объясненной как следствие их способности и к сохранению общей памяти об их родине – России, и к адаптации исторгнутых из «своей» культурной среды эмигрантов к окружению «иного» (но нечуждого им) культурного пространства¹⁶.

Примером «записанной» устной истории русской диаспоры в Финляндии является интересная работа Натальи Башмаковой и Марьи Лейнонен, в которой содержится «много романтики» в представлениях о русском человеке в Финляндии», «которые подсознательно сводят всех представителей русской культуры в своей стране к одному понятию – эмигрант». Ценность «коллективной устной истории», реконструированной Н. Башмаковой, связана с личностью автора, которая сама писала воспоминания о себе и своих родных, а также записывала устные рассказы-воспоминания со слов эмигрантов в Финляндии¹⁷.

На сближение на протяжении XIX–XX в. такой разновидности источников как мемуары с жанром художественной литературы обращают внимание в своих исследованиях и историки, и литературоведы. При этом от романа, как наиболее популярного прозаического жанра, мемуары переняли такое качество как воздействие художественного эмоционального начала при изложении фактов. Художественная литература, со своей стороны, тянулась к истории, устав от «романтического вымысла». К ней стали предъявляться требования правдивого воспроизведения действительности. Документалистика втянулась в литературное пространство, исторический источник, представленный мемуаристикой, парадоксально сочетающей субъективность с достоверностью, вплотную приблизился к границе истории с литературой. Все это стало причиной появления т.н. беллетризованных мемуаров и писем. Они и представляют особый интерес для исследования идентичности через «считывание» и реконструкцию образов покинутой родины и/или обретенного «нового» (своего/чужого) пространства. Здесь стоит лишь отметить, что, как указывают специалисты, для мемуарных текстов XX в. особой вехой является 1917 год, который часто сопоставляют с подобным ему по значению рубежом для XIX в., каким являлся 1812 год. Эта роль сделала 1917 год маркером-вехой в разделении русской литературы и мемуаристики на советскую и эмигрантскую¹⁸.

Примером изучения индивидуальной идентичности русских эмигрантов, которая может быть охарактеризована понятием «русский европеец», на основе беллетризованных мемуаров и писем может быть

¹⁶ Российское зарубежье в Финляндии... 2004.

¹⁷ Башмакофф 2004.

¹⁸ Демидова 2003.

исследование персональной истории А.И. Куприна, в которой легко найти и сохраненную «русскость», и открытость к адаптации к «новой культурной среде», «европейским нормам жизни».

Основным источником изучения феномена «русского европейца» в контексте персональной истории А.И. Куприна является его книга «Мы, русские беженцы в Финляндии». Составителем этой публикации, основанной на коллекции дневниковых записей, наблюдений и очерков-воспоминаний Куприна, изданных в зарубежной эмигрантской периодике и посвященных его впечатлениям о жизни, быте, людях, с которыми он встречался, находясь в Финляндии, является профессор Хельсинского университета Бен Хеллман (Ben Hellman)¹⁹.

По воспоминаниям современников наружность Куприна была впечатляющей: «Широкоплечий, коренастый человек среднего роста с неизгладимыми следами стройной военной выправки. Широкое, скуластое лицо, красное от ветра и водки, длинные, опущенные татарские усы, острая бородка». В лице и походке Куприна сплелись самые разные свойства: «И мягкая кошачья вкрадчивость хищника, и острый, пристальный взгляд охотника, и такой же пристальный, только в другие миры направленный, не видящий собеседника, взгляд мечтателя..., и добродушие, и деликатность, и мягкость, и грубость, и лукавство, и беспечность, и веселый задорный смех, и пронзительная грусть, и что-то изящное, и благородное и смелое, и что-то детское, застенчиво-беспомощное, и удаль, и широта, и озорные огоньки в глазах, и во всем что-то неуловимое родное, ласковое, русское, любимое»²⁰.

Как это «русское» начало в А.И. Куприне проявлялось через восприятие им «европейского» возможно проследить по его записям и наблюдениям о жизни русских беженцев в Финляндии. Куприна удивил сразу тот факт, что «за Белоостровом уже с трудом понимают порусски. К полудню поезд проходит вдоль голых, гранитных громад, и мы в Гельсингфорсе. Так близко от С.-Петербурга, и вот – настоящий европейский город. Уличная толпа культурна.... Асфальтовые тротуары широки, городовые стройны, скромно щеголеваты и предупредительно вежливы, на извозчиках синие пальто с белыми металлическими пуговицами, нет крика и суеты, нет разносчиков и нищих»²¹.

Обращают на себя внимание характеристики, данные Куприным финскому обществу того периода, в т.ч. касающиеся положения женщин. «В Финляндии женщина всегда может быть уверена, что ей уступят место в вагоне, в трамвае, в дилижансе. Но ей также уступили место и в государственном сейме, и финны справедливо гордятся тем, что

¹⁹ Куприн 2001.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же. С. 313-314.

в этом деле им принадлежит почин. Они первые в Старом Свете послали четырех женщин блюсти высшие интересы страны вместе с достойнейшими». Европейские черты Куприн видел в том, что «Финляндия поистине демократична. Демократична вовсе не тем, что в ней при выборах в сейм победили социал-демократы, а потому, что ее дети составляют один цельный, здоровый, работающий народ, а не как в России – несколько классов, из которых высший носит на себе самый утонченный цвет европейской полировки, а низший ведет жизнь пещерного человека. И кажется, в этой-то народности – я бы сказал: простонародности – и коренится залог прочного, крепкого хозяйственного будущего Финляндии»²². В структуре наднациональной «европейской идентичности» Куприн выделяет и ранжирует пласты финской и шведской культуры, подчеркивая благородство одной и мужицкую природу другой: «Трогательно, иногда чуть-чуть смешно лежит на этой мужицкой внешности след старинной феодальной шведской культуры»²³.

Эстетизм восприятия Куприным европейской культуры даже в национальном финском варианте связан с его наблюдениями, по которым даже «в маленьком Гельсингфорсе больше цветочных магазинов, чем в Петербурге», «а по воскресеньям утром на большой площади у взморья происходит большой торг цветами, привозимыми из окрестностей... За полторы марки (пятьдесят копеек с небольшим) вы можете приобрести небольшую корзину с ландышами, гиацинтами, нарциссами. И это в исходе зимы»²⁴. В созданном Куприным образе финской культуры как варианта европейской, но с характерными «отступлениями», определенное место занимает описание праздников и характеристика ритуала дарения подарков, в котором проступает национальный характер: «На рождество, на елку, дарят друг другу подарки. Здесь опять-таки сказывается практический дух мужиковатого народа: дарят исключительно домашние необходимые вещи, большею частью своего изделия. Особенно принято дарить мужчинам теплый нижний вязаный костюм. Этот костюм обтягивает вплотную все тело, он вяжется целым от шеи до подошв и застегивается на спине. Большинство мужчин носят под одеждой такое теплое трико, и понятно, почему финны так легко одеваются даже в сильные морозы»²⁵.

Вместе с тем, наибольшее восхищение Куприна вызывали черты европейской культуры и «поголовная грамотность финнов». Например, он повествует о своих впечатлениях от посещения нового городского училища, находящегося на окраине города: «Это дворец, выстроенный

²² Куприн 2001. С. 338-339.

²³ Там же. С. 339.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 317.

года три-четыре тому назад, в три этажа, с саженными квадратными окнами, с лестницами, как во дворце, по всем правилам современной широкой гигиены. Я обходил классные помещения сейчас же после того, как окончились в них занятия. Всякий из нас, конечно, помнит тот ужасный, нестерпимый зловонный воздух, который застаивается в классах наших гимназий, корпусов и реальных училищ после трех-четырёх уроков. О городских школах и говорить нечего! И потому я буквально был поражен той чистотой воздуха, которая была в учебных комнатах финского низшего училища. Достигается это, конечно, применением самой усовершенствованной вентиляции, но главным образом тем, что финны вообще не боятся свежего воздуха и при всяком удобном случае оставляют окна открытыми настежь, с замечательной любовью и заботливостью. Пропасть света и воздуха, и, наконец, даже такая мелочь, как цветы на окнах, – цветы, которые с большим удовольствием приносят в школу сами ученики, – все это трогательно свидетельствует о внимательном и разумном, серьезном и любовном отношении к делу»²⁶. Как специфическую черту культуры Финляндии Куприн называет необыкновенную тягу финнов к спорту, который «здесь в большом почете, но опять-таки спорт разумный и даже, если хотите, патриотический». По его наблюдениям, почти ни одного мальчишку невозможно увидеть здесь на улице без коньков в руках, а по праздникам девушки, студенты, приказчики, конторщики, очень часто пожилые и даже толстые и седые люди, отправляются с лыжами куда-нибудь на край города. Летом финская молодежь собирается в гимнастические общества, занимается бегом взапуски, метанием дисков и копий, прыжками в ширину и в длину, и в особенности плаваньем, в котором финны не имеют соперников в Европе. «Я скажу не преувеличивая, что через такую здоровую, вольную школу, воспитывающую дух и тело, проходит каждый финн»²⁷.

Таким образом, А.И. Куприн в своем мироощущении и мировосприятии эталоном совершенства постоянно, порой подсознательно, порой осознанно и уверенно, представляет европейскую культуру. Это свидетельствует о его открытости европейским ценностям и принятии их. Однако писатель не говорит об отождествлении своей личностной персональной идентичности с ними, а использует «европейское» как критерий цивилизационного развития. Так, характеризуя непрестанно растущий успех Финляндии во всех отраслях изящных искусств, он подчеркивает, что «Суоми уже приближается к высоте великого европейского творчества и становится с ним рядом»²⁸.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 341.

А.И. Куприн видит различия не в пользу России, оценивая, например, публику, посещающую Atheneum, которая, по его мнению, «поражает наш русский глаз, привыкший видеть в наших музеях, картинных галереях, на выставках исключительно нарядную салонную публику». В гельсингфорском Atheneum'e, замечает писатель, «вы увидите в праздник самых серых тружеников – рабочих, разносчиков, прислугу, – но одетых в самое лучшее, праздничное платье». У русского писателя в его записках, наблюдениях, воспоминаниях «русского европейца» слышны и мотивы восхищения эмигранта Финляндией, и горечь беженца, хранящего память о России и узнающего отражения родины в истории страны Суоми. Он пишет: «Теперь Суоми свободна и самостоятельна, но некоторые вещи, более прочные, чем человеческое поколение, будут надолго, если не навсегда, напоминать о русской культуре. Это, во-первых, лиственнная аллея, насаженная Петром I в Куоккале, во-вторых, – Сайменский канал, где на последнем шлюзе выгравирована четкая надпись: «Построено русскими солдатами по велению императора Николая I в таком-то году; в-третьих, Свеаборгская морская крепость; в-четвертых, памятник императору Александру II против Сената и, в-пятых, Александровская улица, Александергатан»²⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Башмакофф, Наталия. Пряный вкус многоголосья, или в поисках утраченного семейного уклада // Отечественные записки. № 3. 2004.
- Демидова О.Р. Метаморфозы в изгнании. Литературный быт Русского зарубежья. СПб.: Гиперион, 2003. 296 с.
- История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. Материалы международной научной конференции 3-4 октября 2016. М.: Аквилон, 2016- 474с.
- Куприн А. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919–1921) / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Хеллмана при уч. Р. Дэвиса. СПб.: «Нева», 2001. 431с.
- Макаренкова Е.М. Проблема самоидентификации эмигрантов во Франции // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 239-251.
- Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XXI вв. / Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 2001. 329 с.
- Новиков А.И. Методологические проблемы изучения культуры Русского зарубежья // Наука и культура Русского зарубежья. СПб., 1997. Т. 146.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с.
- Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами СПб., 2004.
- Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннот. указ. кн., журн и газ. публ., изд. за рубежом в 1917–1991 гг. В 4 т. М.: ГПИБ, 2003.
- Селунская Н.Б. Память как основа ригидности и подвижности национальных диаспор // История, память, идентичность... С. 354-357.
- Соколинский Е.К. Мемуары эмигрантов // «Берега». СПб., 2004, вып. 3.
- Соловьев В.С. Собр. соч. 2-ое изд. Т. 10. С.-Петербург, 1914.
- Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – начале XX вв. Сб. ст. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 9-44.

²⁹ Там же.

Фрейнкман-Хрусталева Н.С., Новиков А.И. Эмиграция и эмигранты. История и психология. СПб.: СПбГАК, 1995. 153 с.

REFERENCES

- Bashmakoff, Nataliya. Pryanjy vkus mnogogos'ya, ili v poiskah utrachennogo semejnogo uklada // Otechestvennye zapiski. № 3. 2004.
- Demidova O.R. Metamorfozy v izgnanii. Literaturnyj byt Russkogo zarubezh'ya. SPb.: Giperion, 2003. 296 s.
- Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 3-4 oktyabrya 2016. M.: Akvilon., 2016- 474s.
- Kuprin A. My, russkie bezhency v Finlyandii: Publicistika (1919–1921) / Sost., vstup. st. i komment. B. Hellmana pri uch. R. Dehvisa. SPb.: «Neva», 2001. 431s.
- Makarenkova E.M. Problema samoidentifikacii eh migrantov vo Francii // Dia-log so vremenem. 2007. Vyp. 20. S. 239-251.
- Nacional'nye diasporы v Rossii i za rubezhom v XIX–HKHI vv. / Pod red. YU.A. Polyakova i G.YA. Tarle. M.: IRI RAN, 2001. 329 s.
- Novikov A.I. Metodologicheskie problemy izucheniya kul'tury Russkogo zarube-zh'ya // Nauka i kul'tura Russkogo zarubezh'ya. SPb., 1997. T. 146.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe HKH–XXI vv. Social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: «Krug», 2011. 560 s.
- Rossijskoe zarubezh'e v Finlyandii mezhdumy mirovymi vojnami SPb., 2004.
- Rossiya i rossijskaya eh migraciya v vospominaniyah i dnevnikah: annot. ukaz. kn., zhurn i gaz. publ., izd. za rubezhom v 1917–1991 gg. V 4 t. M.: GPIB, 2003.
- Selunskaya N.B. Pamyat' kak osnova rigidnosti i podvizhnosti nacional'nyh diaspor // Istoriya, pamyat', identichnost'... S. 354-357.
- Sokolinskij E.K. Memuary eh migrantov // «Berega». SPb., 2004, vyp. 3.
- Solov'ev V.S. Sobr. soch. 2-oe izd. T. 10. S.-Peterburg, 1914.
- Tishkov V.A. Istoricheskij fenomen diasporы // Nacional'nye diasporы v Ros-sii i za rubezhom v XIX – nachale XX vv. Sb. st. M.: IRI RAN, 2001. S. 9-44.
- Frejnkman-Hrustaleva N.S., Novikov A.I. EH migraciya i eh migranty. Istoriya i psihologiya. SPb.: SPbGAK, 1995. 153 s.

Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; selounsk@yandex.ru

A Mythologem “Russian-European” as a subjective dimension of identity of the “first wave” emigrants

Methodology of socio-cultural approach initiated the discussion on the basic concepts, translate so called “subjective dimensions” (evaluations) of the identity of the Russians emigrants. Besides, it brought forward the importance of source study’s contribution to the research. It seems to be very productive to apply linguistic and contextual analysis to memory sources as well as to the sources of “oral history” in order to discover the true content of the evaluations of cultural and social individual and group identity of Russian emigrants. For example, in the publication, written by Alexander Kuprin “Mi, Russkie bezentsi” we can find the mythologem of “Russian-European”, which could represent the local-national identity of Russian emigrants in the early 20th century.

Keywords: identity, empirical (derived from a source) knowledge, methodology, mythologem, personal history, “Russian European”, subjective dimension, emigration

Natalya Selunskaya, Dr. Sc. (History), Professor, History Faculty, Moscow State University; selounsk@yandex.ru

Е. О. ГРАНЦЕВА

ВЗГЛЯДЫ ИСПАНЦЕВ НА РОССИЮ XX ВЕКА ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА СТРАНЫ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Цель статьи – анализ проблемы трансформации образа России XX века в Испании и обзор российской и испанской историографии по этой теме. В статье отмечаются рассматриваемые в историографии ключевые вопросы, касающиеся восприятия испанцами России. Автор выделяет этапы трансформации взглядов испанцев на Россию XX в. Они связаны с ходом исторического развития двух стран, изменениями в их взаимоотношениях на официальном и неофициальном уровнях, влиянием модернизации, социальных, политических и культурных перемен. Представления о России зависели от дипломатических и культурных связей двух государств, внутренней ситуации, внешнеполитического курса и доступности информации.

Ключевые слова: *Испания, Россия, образ другого, стереотипы, историография, имагология, международные отношения, культурная политика, дипломаты, пресса*

Проблема этнокультурных стереотипов, «образа» страны связана с осмыслением идентичности, поиском и утверждением собственного места в мире. В современных исследованиях особое внимание уделяется анализу взаимных представлений и образов, их выявлению и соотношению с исторической действительностью. Как отмечает Л.П. Репина: «В конце XX – начале XXI в. расширяется и концептуально насыщается междисциплинарное исследовательское пространство исторической имагологии, опирающейся на конкретно-исторический анализ коллективных представлений народов друг о друге, этнических, национальных, культурных авто- и гетеростереотипов, путей их формирования, способов функционирования и процессов трансформации в контексте отношений «мы – они», «свой – чужой»»¹.

Обращаясь к проблемам российско-испанского взаимодействия, можно увидеть, что в отсутствие тесных контактов двух далеких друг от друга стран, «образ другого» складывался под влиянием культурных интересов и исторических событий. Как заметил И.Ю. Медников, «достаточно упомянуть общую борьбу против наполеоновской Франции и гражданскую войну в Испании 1936–1939 гг. И в том, и в другом случае эти масштабные исторические события, сблизившие наши страны,

¹ Репина 2012. С. 12-13. Основы имагологии были заложены в работах западных ученых, но существенный вклад в ее развитие внесли и отечественные исследователи. См.: Duijker, Frijda 1960; Dyserinck 2003; Pageaux 1988; Геллнер 1991; Fält 1995; Нойманн 2004, Хобсбаум 1998; Копелев 1994, 2002; Артемова 1990, 2000; Россия и Европа...; Образ России...; Синявский, Синявская 2006.

еще в течение многих десятилетий “подогревали” взаимный интерес испанцев и русских»².

Анализ испанского взгляда на Россию XX века подразумевает несколько направлений и уровней восприятия. Историография вопроса включает работы по истории России и Испании, среди которых выделяются общие работы и труды, посвященные истории двусторонних отношений³, а также исследования, связанные с изучением образа России/СССР в Испании. Российские и испанские историки исследовали многие аспекты взаимоотношений двух стран, однако эта обширная тема изучена неравномерно. Одним из «белых пятен» в истории российско-испанских отношений остается восприятие России/СССР в Испании, испанский взгляд на события российской истории.

Испанская историография, посвященная образу России или СССР в XX в., не содержит комплексных работ. Обзор того немногого, что написано в Испании по этой проблематике, дан в статье Магдалены Гарридо Кабальеро «Советский Союз в публикациях периодических изданий»⁴. Интересный материал, охватывающий период с начала 1920-х по 1990-е гг., представлен в совместной статье нескольких испанских авторов «Восприятие советского кино в Испании: среди войн, цензуры и демократизации»⁵. Чаще в испанской историографии встречаются исследования, в которых представлен взгляд испанцев на конкретные события и процессы, происходившие в нашей стране. Наиболее значимым среди таких событий была Октябрьская революция 2017 года. Именно ее восприятию посвящена работа Мануэля Пэлойе «Образ русской революции в Испании: постоянство и уточнения 1920-х до 1990-х гг.»⁶, где автор прослеживает трансформации образа российской революции в сознании специалистов-историков и простых испанцев.

Важная составляющая историографии образа СССР в Испании – исследования, посвященные воспоминаниям испанцев, посещавших СССР в межвоенный период. Сложившийся в этих воспоминаниях образ нашей страны был очень важен для испанцев, в связи с закрытостью Советского Союза и грандиозными преобразованиями, которые происходили в обозначенный период. Среди работ, посвященных путевым заметкам, надо назвать статью Хуана Кано Баллеста «Искаженный образ Европы: Мигель Эрнандес и его поездка в Советский Союз» и «Мигель Эрнандес в Стране Советов», исследование Магдалены Гарридо Кабальеро и книгу Андреса Сантаны Аррибаса «Вторая поездка

² Медников 2011.

³ Алексеев 1964; Крылова 1940; Клибанов 1987; Кулешова 1984.

⁴ Garrido Caballero 2006. P. 521-528.

⁵ Latorre Izquierdo, Martínez Illán, Llano Sánchez, 2010. P. 93-106.

⁶ Peloille 2010. P. 314.

Мигеля Эрнандеса в Россию»⁷. Особое место среди работ такого рода занимает анализ М. Пелойе воспоминаний испанского юриста Диего Идальго о поездке в СССР в 1929 г.⁸ В отличие от других путешественников, посещавших СССР, он приехал частным образом, не имея поддержки какой-либо организации или органа печати, его целью было изучить юридический опыт нового государства. Подробный анализ образа СССР в прессе в годы II Республики можно найти в работе Эгидо Леона «От советского рая до марксистской угрозы. Советский Союз в республиканской Испании (1931–1936)»⁹. Всплеск интереса к СССР в Испании произошел в период гражданской войны 1936–1939 гг., когда Советский Союз стал оказывать помощь Второй республике. Среди работ, посвященных этому периоду, можно назвать публикации каталонского исследователя Жозепа Пучсека Ферраса¹⁰.

Особое место в испанской историографии, посвященной образу России/СССР в XX в. занимает франкистский период. С одной стороны, период становления франкизма совпал с ростом влияния Советского Союза на международной арене, а с другой – константой франкистской идеологии был антикоммунизм, и «образ врага», как одна из доминирующих составных частей франкистской риторики был связан именно с восприятием СССР. Но несмотря на значимость темы, целостного исследования образа СССР во франкистской Испании, проведено не было. Большинство работ связано с рассмотрением отдельных событий и эпизодов в истории Советского Союза или его внешней политики и их отображению в прессе, публицистике или литературе. Среди таких работ – публикация «Образы ненависти и страха: таковы были красные! Антикоммунистическая выставка во франкистской Испании (1943)»¹¹. Ее авторы обращают внимание на то, как складывался образ СССР в период первого франкизма, когда негативный образ Советского Союза сливался с другими силами, враждебными режиму. Другой аспект проблемы можно найти в работе Хосе Нуньеса Сейкса «Были ли русские виноваты? Образ врага и оккупационная политика Голубой дивизии на восточном фронте: 1941–1944»¹², где проводится анализ различий восприятия образа СССР в Испании и нацистской Германии. Автор отмечает, что, в отличие от солдат Третьего Рейха, среди испанских солдат Голубой дивизии не было распространено представление об их биологическом превосходстве над русскими, но присутствовала идея культурного превосходства. Проблема образа СССР также отчасти

⁷ Cano-Ballesta 1985; Esquerrà Nonell 2012; Santana Arribas 2005.

⁸ Peloille 2010. P. 65–69.

⁹ Egido León 1988.

¹⁰ Puigsech Farràs 2012.

¹¹ López Zapico, Moreno Cantano 2016.

¹² Núñez Seixa 2006.

загравивается и в статьях М.Д. Ферреро Бланко об отношении испанцев к событиям в Венгрии 1956 года¹³.

Другая проблема – образ ГУЛАГа, в связи с анализом воспоминаний испанцев, столкнувшихся с советской пенитенциарной системой: солдат Голубой дивизии, оказавшихся в плену, и республиканцев, которые эмигрировали в СССР, но были репрессированы. Среди этих работ – исследование Х. Гусмана Мора «Заключенные в России: испанская память о ГУЛАГе в годы франкизма» и Э. Алонсо «Хосе Руано Феррер, 11 лет в ГУЛАГе»¹⁴, где рассматривается судьба испанца, который во время гражданской войны в Испании сражался на стороне республиканцев, а затем отправился на восток в составе испанских добровольцев и попал в плен во время сражения у Красного бора.

Период Холодной войны, оказавший существенное влияние на образ СССР в Испании, также нашел отражение в испанских публикациях, например, в статье «Холодная война в испанском кино» Рафаэля де Эспаньи и в книге «Испания – закадровый голос: теория и практика испанской прессы в контексте Холодной войны»¹⁵. В монографии М. Гарридо Кабальеро «Попутчики. История и воспоминания советско-испанских обществах дружбы»¹⁶ был представлен анализ работы Ассоциаций дружбы «Испания – СССР» и влияния политической и социокультурной модели советского режима в Испании.

Испанский взгляд на перемены 1980–1990-х гг. представлен в работах Хавьера Тусселя «СССР и Перестройка взгляд из Испании»¹⁷ и М. Гарридо Кабальеро «К России через Перестройку. Политическая пропаганда, культура и память о переходе»¹⁸. Р. Пок де Фелиу в работе «Эпоха перемен: Россия глазами испанского корреспондента» представил взгляд испанского журналиста, много лет работавшего в СССР и России, на события последнего десятилетия существования Советского Союза и проблемы посткоммунистической России¹⁹.

Книга «От России исторической к России современной. Образ России в испанской прессе»²⁰ стала результатом совместного испано-русского проекта. Ее авторы, сотрудники мадридского университета Комплутенсе и университета имени короля Хуана Карлоса, провели социологическое исследование, цель которого – отражение степени

¹³ Ferrero Blanco 2003; 2000.

¹⁴ Guzmán Mora 2016; Alonso 2014.

¹⁵ España 1991; Eiroa 2008.

¹⁶ Garrido Caballero 2009.

¹⁷ Tussel 1988.

¹⁸ Garrido Caballero 2011. См. также: Cusó 2002.

¹⁹ Пок де Фелиу 2005. О событиях 1990-х гг. рассказывают также работы московского корреспондента *El País* Пилар Бонет. См.: Bonet Cardona 1988, 1992, 1994.

²⁰ Малявина, Гарсия Бильбао, Занетти 2009.

объективности испанских печатных СМИ при подаче событий в России. Работа опирается на материал четырех крупнейших испанских периодических изданий и охватывает период с января по октябрь 2008 г. Несмотря на узость хронологических рамок, авторам удалось представить читателю краткий экскурс в историю российско-испанских связей и формирование традиционного образа России в Испании.

В российской историографии исследуемой темы представлено значительно меньшее число публикаций. Прежде всего это работы, которые носят литературоведческий, культурологический или междисциплинарный характер. Хронологически многие из них посвящены периоду до XX в. Так, неопенимый вклад в исследование образа России в Испании, переключки русской и испанской культур внесли работы В.Е. Багно²¹. В его книге «Россия и Испания: общая граница», посвященной истории русско-испанских связей в области литературы с XII по XX в., сделана попытка определить степень влияния двух стран друг на друга. Багно попытался дать определение пограничным культурам, связи этого концепта с культурным развитием России и Испании.

В монографии В.В. Кулешовой²² освещаются неофициальные советско-испанские связи, поездки представителей испанской интеллигенции в Советский Союз, впечатления от этих путешествий. В работе, впервые, была проанализирована деятельность Обществ друзей СССР и Ассоциации культурных связей в СССР. Статьи Н.Е. Индунтой также дают представление о развитии культурных отношений между Испанией и Советским Союзом. Опираясь на большой комплекс источников, автор рассматривает разные стороны советско-испанского культурного сотрудничества и его роли в формировании образа СССР в Испании²³.

Существенная часть отечественных исследований посвящена современному восприятию России в Испании. Среди них можно назвать работы П.П. Яковлева, Е.В. Астаховой, Е.Г. Черкасовой, Е.А. Кормана²⁴ и др. Репрезентацией образа России в современных испанских СМИ занимаются И.В. Кузмичева и М.О. Улитина²⁵.

Говоря об источниках, на основе которых возможен анализ образа России в Испании, надо отметить, что мало исследованы, но чрезвычайно интересны воспоминания испанских дипломатов об их опыте работы в России/СССР. Именно дипломаты формируют официальный образ страны, в которой они пребывают. Однако своеобразие отношений между Москвой и Мадридом наложило свой отпечаток на этот ис-

²¹ Багно 2006.

²² Кулешова 1975.

²³ Индунтая 1990.

²⁴ Яковлев 2008; Астахова 2010; Черкасова 2007; Корман 2013.

²⁵ Кузмичева 2008; Улитина 2010.

точник. Как уже говорилось, в XX в. в течение длительного времени дипломатические отношения между двумя странами были прерваны, в связи с этим, свидетельств о первой половине века очень немного и найти их можно только в периодической печати и архивных фондах. Наиболее интересны донесения последнего посла Испании в Российской Империи Франсиско Гуттьереса Агуэра де Байо, в которых он общал сведения о гибели царской семьи²⁶, а также статья Марселино Паскуа²⁷, представителя Испании в период гражданской войны, в которой он, как непосредственный участник событий, рассказывает об испанском золотом запасе, отправленном в СССР.

Более объемный материал представляют воспоминания представителей Мадрида, которые оказались в Москве после восстановления отношений в 1977 г. Среди них – «Олимпийские воспоминания» Хуана Антонио Самаранча²⁸, ставшего первым испанским послом после длительного перерыва. Часть книги его преемника Луиса Гильермо Перината «Воспоминания о жизни в странствиях»²⁹ посвящена его пребыванию в Москве в 1981–1983 гг. Интересные воспоминания оставил Хосе Куэнка Анайа, который находился в СССР в годы Перестройки. Этот опыт он обобщил в книге «От Суареса до Горбачева: свидетельства и откровения посла»³⁰. В воспоминаниях Хосе Антонио де Утуриаге «Португалия, Ирак и Россия: Дипломатическое сходство деликатных миссий»³¹ отразилось его видение конца 1990-х гг. в России³².

Очевидно, что образ страны играет определяющую роль в международных отношениях, внешнеполитическом, экономическом и культурном взаимодействии государств. В XX веке средства массовой информации, печатные и аудиовизуальные, стали играть решающую роль в формировании образа той или иной страны. Исследование образа России в Испании на основе материалов средств массовой информации позволяет выявить специфику восприятия страны и особенности трансформации образа России в Испании на протяжении XX века.

Важнейшим источником для анализа образа России в Испании являются материалы прессы, в первую очередь таких периодических изданий как ABC, El País, Ya, La Vanguardia Española, Arriba, Socialista, El Sol и др. Достоинством периодической печати является то, что в центре ее внимания находятся наиболее острые и актуальные проблемы.

²⁶ Gutiérrez de Agüera y Bayo 1980. P. 98-99.

²⁷ Pascua 1970.

²⁸ Samaranch. Memorias Olímpicas. 2002.

²⁹ Perinat 1996.

³⁰ Cuenca Anaya 2014.

³¹ Yturriaga 2007; Los órganos del Estado para las relaciones exteriores...

³² К тому же типу источников относятся воспоминания министра иностранных дел Испании Ф. Морана. См.: Morán 1990; Palimpsesto 2002.

Интересным источником является архив киноновостей «No-Do»³³ (испанская аббревиатура Noticias y Documentales). Первый выпуск был показан в кинотеатрах Испании в начале января 1943 г., последний увидел свет в 1980-х гг. До самой смерти Франко все кинотеатры были обязаны показывать выпуски «No-Do» перед киносеансами³⁴. До появления и широкого распространения телевидения в Испании в 1960-х гг. «No-Do» являлись единственным источником аудиовизуальной информации для испанцев. Как констатирует Г.А. Филатов «значимость этого типа воздействия на аудиторию трудно переоценить, так как его способны воспринимать все люди независимо от уровня образования»³⁵.

Анализ таких источников позволяет через взгляд на историю России XX в. со стороны лучше понять ее смысл. Эти материалы отличаются разнообразием и представляют и официальный, и неофициальный взгляд испанцев на нашу страну и исторические коллизии XX века.

Россия за последнее столетие дала почву для кардинальных изменений стереотипов ее восприятия. И Россия, и Испания в XX в. пережили годы гражданской войны, десятилетия авторитарного режима, массовую эмиграцию населения, смену идеологий и элит, переход от авторитаризма к демократии и проблемы примирения со своим прошлым. История поднесла нам зеркало, но оно обладало существенной кривизной. Две пограничные культуры, две империи с претензией на «мессианство», но позади каждой – собственное историческое прошлое, менталитет, экономическая база, социальная специфика.

В формировании представлений испанцев о России немалое значение имело постоянное соотнесение их с сопредельной культурной доминантой (в данном случае – с образом Западной Европы), но и взаимное влечение на первый взгляд бесконечно далеких культур, которое складывалось на протяжении нескольких веков и с новой силой реализовалось в XX в. А исторические события XX столетия давали повод для значительной трансформации восприятия нашей страны.

Образ России в Испании в начале XX в. неразрывно связан с увлечением классической русской литературы, а также с тем резонансом, который вызывали в Испании гастроли российских артистов. Эта специфика рождала почву для идеализации, Россия казалась бесконечно далекой, удивительной и загадочной. Вместе с тем, испанские интеллектуалы тонко воспринимали философскую основу русской культуры, чувствовали родственные связи с ней.

Информация о февральских событиях 1917 года проникала в Испанию по различным каналам. С одной стороны, испанские дипломаты

³³ No-Do.

³⁴ ВОЕ. 22.12.1942. №. 356. P. 10444.

³⁵ Филатов 2015.

подробно информировали Мадрид о развитии революции в России, с другой, повод для размышлений и формирования стереотипов давала испанская пресса, в частности, корреспонденции из Москвы испанской писательницы Софии Касановы, которые печатались в мадридской консервативной газете «АВС». Она рассказала испанским читателям о своих впечатлениях от событий, свидетелем которых оказалась. Изначально Касанова симпатизировала российским рабочим и с радостью встретила Февральскую революцию, но спустя полгода тон ее корреспонденций изменится – в конце концов она не примет диктаторских методов большевиков. Летом 1918 г. Касанова покинула Россию³⁶.

События Великой российской революции 1917 года преобразили дальнейшую историю нашей страны и всего мира. Революционные события представили испанцам Новую Россию, которая манила и отталкивала, но не могла оставить равнодушным. После революции начинает проявляться двойственность в восприятии России, а позднее СССР, связанная с внутренним дуализмом испанцев.

Революция и Гражданская война раскололи российское общество. В силу различных причин немало русских артистов, писателей, художников, музыкантов оказалось за границей. В 1920–1930-х годах искусство русского зарубежья, поражавшее богатством и многообразием своих проявлений, было наиболее яркой и самобытной составляющей культурной жизни Европы и Америки в целом и Испании, в частности.

Российская революция оказала большое влияние на политическую и культурную жизнь Испании. Она способствовала радикализации политической оппозиции (прежде всего республиканских партий и рабочих организаций) во время кризиса 1917 г. и «большевистского трехлетия» (1918–1920). Влияние Российской революции чувствуется также в Апрельской революции 1931 г. в Испании и в революционных преобразованиях Второй республики.

В ноябре 1918 г. испанское правительство отозвало дипломатическое представительство из Советской России и вплоть до 1933 г. советско-испанские связи носили исключительно неофициальный характер. По причине отсутствия дипломатических отношений между странами, развитие прочих контактов и распространение информации было чрезвычайно сложным. Несмотря на эти обстоятельства, образ Новой России вдохновлял испанцев. В 1923 г. в Испании было создано Общество друзей новой России, которое вскоре было запрещено. В 1924–1931 гг. в СССР побывали многие испанские писатели и журналисты: Альварес дель Вайо, И. Асеведо, Педро де Репиде, Хосе Бергамин, Хасинто Бенавенте, Родриго Сориано и др.³⁷.

³⁶ Blanco García 2010; Garrido Caballero 2017.

³⁷ Кулешова 1975.

После падения диктатуры Примо де Ривера в 1930 г. советско-испанские связи вышли на новый уровень. Значительно более частыми стали визиты представителей испанской интеллигенции в Советский Союз. В условиях демократического подъема в Испании стали появляться разного рода Общества друзей Советского Союза, в 1933 г. была создана общеиспанская Ассоциация друзей Советского Союза, которая сыграла большую роль в развитии испано-советских связей.

Особый этап в отношениях Испании и СССР – годы Республики и испанской гражданской войны. Именно в этот момент начинается активное межличностное общение, судьбы русских и испанцев переплетаются. 28 июля 1933 года министры иностранных дел двух стран обменялись телеграммами, где говорилось о необходимости восстановления дипломатических отношений. В период гражданской войны в Испании советская сторона принимала активное участие в помощи республиканским силам страны. В Испанию отправлялись добровольцы, оказывалась регулярная материальная помощь, отправлялись советские фильмы, книги и др. У республиканцев сформировался образ России – друга, надежного товарища, подавшего руку в трудный момент.

Правление Ф. Франко является одним из самых неоднозначных периодов в истории Испании. Первые десятилетия франкизма прошли под знаком жестоких репрессий против инакомыслящих. Франкистский режим формирует свой образ СССР – страны зла, страны «красной угрозы», сосредоточия всего, что враждебно «истинной Испании». Для борьбы с этим злом франкистский режим снарядил «голубую дивизию». Бойцы «голубой дивизии» ехали в «страну зла», сражаться с «красными демонами», но реальное знакомство со страной разрушило многие стереотипы. Свидетельство этого процесса – «Русские тетради» Дионисио Ридруехо, бывшего члена Национального совета Фаланги.

Образ врага выполнял важную функцию во франкистской идеологии. Однако Г.А. Филатов отмечает интересную тенденцию во франкистском режиме, которая не была свойственна другим государствам с подобной формой правления: «С течением времени непримиримое отношение к врагу постепенно уходило из идеологии франкизма. В какой-то момент даже был предложен официальный вариант примирения с некоторыми из старых врагов. И хотя, конечно же, это примирение в реальности носило ограниченный характер, в идеологическом плане оно было весьма заметным»³⁸.

В Испании второй половины 1960-х гг. можно было найти ранее запрещенные книги, увидеть фильмы. Безусловно, не могли остаться незамеченными и успехи СССР в науке (в физике, космонавтике и др.) и культуре (в области музыки, искусства, балета и др.).

³⁸ Филатов 2016.

Новые тенденции в восприятии СССР связаны с демократическим транзитом и началом нового этапа в истории Испании. Если на предыдущем этапе взаимодействовали две закрытые страны с недемократическими режимами, то теперь положение изменилось. Испания шла навстречу Европе, США. Ее взгляд на СССР теперь в первую очередь был обусловлен условиями «холодной войны».

В феврале 1977 г. СССР и Испания установили дипломатические отношения. С этого момента начался совершенно новый этап советско-испанского сотрудничества, и одновременно – новый этап трансформации образа СССР в глазах испанцев. В 1977–1985 гг. советско-испанское взаимодействие имело бессистемный характер, отсутствие договорной базы затрудняло развитие тесных взаимоотношений. С другой стороны, высокая идеологизированность советской внешней политики замедляла расширение двусторонних связей. Несмотря на это, взаимная заинтересованность между Испанией и СССР была очевидной.

В конце 1980-х – 1990-е гг. происходят важные перемены в экономической и политической областях, в социокультурной жизни двух стран. В этот период формируется критическое отношение части испанского общества к действиям советского правительства, появляются стереотипы, связанные с бедственным положением народа. При этом устойчивым остается образ, связанный с культурным наследием России, русской классической литературой и искусством авангарда.

На рубеже XX–XXI вв. происходит активизация российско-испанского межкультурного взаимодействия. Этот процесс связан с развитием туризма, эмиграцией русских в Испанию и программами внешней культурной политики двух стран, развитием испанского россиеведения. Вследствие межкультурного диалога происходит изменение восприятия России и ее истории в сторону большей объективности. При этом отмечается «мозаичность стереотипного образа России... что объясняется расширением сфер взаимодействия и свидетельствует о том, что на данный момент целостный образ России находится в стадии формирования и подвержен трансформациям за счет интенсивной динамики политической и культурной жизни обеих стран»³⁹.

Трансформация образа России в Испании происходила под влиянием модернизации, социальных, политических и культурных изменений в ходе исторического развития обеих стран и их взаимоотношений. Несомненно, что представления о России в большой мере зависели от характерных исторически обусловленных особенностей Испании и нашей страны, от их предыдущих исторических и культурных связей, внутри- и внешнеполитического курса того или иного периода, от распространения информации.

³⁹ Пак 2009. С. 12.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Alekseev M.P. Ocherki istorii ispano-russkix literaturny'x otnoshenij XVI-XIX vv. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta., 1964. 217 s.
- Alonso H. José Ruano Ferrer, 11 años en el GULAG // Aportes: Revista de historia contemporánea. 2014. № 84. Pp. 7-78.
- Artemova E. Yu. Kul'tura i byt Rossii posledney treti XVIII veka v zapiskakh frantsuzskikh puteshestvennikov: avtoreferat dis. ... kandidat nauk. AN SSSR. In-t Istorii SSSR. Moskva: In-t Istorii SSSR, 1990. 26 s.
- Artemova E. Yu. Kul'tura Rossii glazami posetivshix ee francuzov. Poslednyaya tret' XVIII veka. M.: IRI RAN, 2000. 256 s.
- Astakhova E.V. Rossiya i Ispaniya: vzaimny'e obrazy` // Lingvostranovedenie: metody` analiza, texnologiya obucheniya. M. 2010. S. 29-34.
- Bagno V.E. Rossiya i Ispaniya: obshhaya granicz. SPb.: Nauka, 2006. 480 s.
- Blanco García C. Sofía Casanova e Emma Goldman na revolució n rusa. En Pazos A. Vida e tempo de Sofía Casanova (1861—1958). Madrid: Editorial CSIC, 2010. 188 p.
- BOE. 22.12.1942. №. 356. P. 10444.
- Cano-Ballesta J. Una imagen distorsionada de Europa: Miguel Hernández y su viaje a la Unión Soviética // RILCE: Revista de filología hispánica. 1985. V. 1. № 2. Pp. 199-210.
- Corpus diplomático hispano-ruso (1667–1799) / Ed. M. Espadas Burgos. T. I. Biblioteca diplomática española. Fuentes 2. Madrid: MAE, 1991. 407 p.; Corpus diplomático hispano-ruso (1800–1903) / Ed. J.R. Urquijo Goitia. T. II. Biblioteca diplomática española. Fuentes 2. Madrid: MAEC - AECL, 2005. 402 p.
- Cucó A. La disgregación de la URSS en el debate del Parlamento español // La organización territorial del Estado: España en Europa: un análisis comparado (Farinós i Dasí J., Cucó A., Romero J.). Valencia: Universitat de Valencia, 2002. 210 p.
- Cuenca Anaya J. De Suárez a Gorbachov testimonios y confidencias de un embajador. Madrid: Plaza y Vladés, 2014. 376 p.
- Cherkasova E.G. Obraz Rossii kak politicheskogo partnera Ispanii // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya. 2007. № 9. S. 68-82.
- Duijker H.C.J., Frijda N.H. National Character and National Stereotypes: Confluence. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1960. 238 p.
- Dyserinck, Hugo: 'Imagology and the Problem of Ethnic Identity // Intercultural Studies, no.1, 2003. URL: <http://www.interculturalstudies.org/ICS1/Dyserinck.shtml>.
- Egido León A. Del paraíso soviético al peligro marxista La Unión Soviética en la España republicana (1931-1936) // Cuadernos de historia contemporánea. 1988. № 10. Pp. 139-154.
- Eiroa M. España voz en Off. Teoría y praxis de la prensa española en el contexto de la Guerra Fria. Valencia: Tirant lo blanch, 2008. 158 p.
- España R.de Introducción: la Guerra Fria en el cine español // Film-Historia. 1991. V. 1. № 3. P. 3–10.
- Esquerrà Nonell J. Miguel Hernández en el país de los soviets // Colindancias: Revista de la Red de Hispanistas de Europa Central. 2012. №. 3. Pp. 123-137.
- Fält O.K. The Historical Study of Mental Images as a Form of Research into Cultural Confrontation // Comparative Civilizations Review. 1995. No. 32. Pp. 98-110.
- Fält O.K. Global History, Cultural Encounters and Images // Between National Histories and Global History. Helsinki: S. Tönnesson et al. Helsingfors, 1997. 238 p.
- Filatov G.A. Izmenenie obraza vnutrennego i vneshnego vraga v period diktatury` Fransisko Franko // E'lektronny'j nauchno-obrazovatel'ny'j zhurnal «Istoriya». M., 2011. Vy'p. 8.
- Filatov G.A. Obraz SSSR v ispanskom kinokhronikal'nom zhurnale No-Do // Rossiya i Iberoamerika v globaliziruyushhemsya mire: istoriya i sovremennost'. Materialy` i doklady` Vtorogo mezhdunarodnogo foruma. T. 1. Sankt-Peterburg: SPbGU, 2015. S. 379-388.
- Garrido Caballero M. La Unión Soviética a través de publicaciones periódicas españolas // Anales de Historia Contemporánea. 2006. Vol 66, No 223. Pp. 521-528.
- Garrido Caballero M. Compañeros de viaje. Historia y memoria de las asociaciones de amistad hispano-soviéticas. Murcia: Universidad de Murcia, 2009. 335 p.

- Garrido Caballero M. Miradas españolas sobre la Rusia Soviética (1917—1929) // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 2017. T. 8. Vyp. 10 (64). URL: <http://history.jes.su/s207987840001999-7-1>
- Garrido Caballero M. Rusia tras Perestroika: Propaganda política, cultura y memorias del cambio. Murcia: Universidad de Murcia, 2011. 156 p.
- Garrido Caballero M. Vliianie Oktyabr'skoj revolyucii v Ispanii (na primere knig o puteshestviiyah, izdannyh v 1920-e gody) // *Rossijskaya revolyuciya 1917 goda i ee mesto v istorii XX veka*. M.: Ves' mir, 2018. 352 s.
- Gellner E'. Nacii i nacionalizm. M.: Progress, 1991. 126 s.
- Gutiérrez de Agüera y Bayo, F. El Relato de la Baronesa Buxhoeveden a D. Francisco Gutierrez de Agüera. ABC. 06.04. 1980. Pp. 98-99; Tras las huellas de la familia del Zar. ABC. 30.03.1980. Pp. 114-116.
- Guzmán Mora J. Presos en Rusia: la memoria española del Gulag durante el franquismo (1954-1975) // *Quaderns de filologia. Estudis literaris*, 2016, No. 21 (101).
- Hobsbaum E'. Nacii i nacionalizm posle 1780 goda. SPb.: Aletejya, 1998. 308 s.
- Imidzh Rossii v iberijskix stranax / pod red. P.P. Yakovleva. M.: ILA RAN, 2008. 148 s.
- Indutnaya N.E. SSSR-Ispaniya: kul'turnyj obmen (70-80-e gody) // *Voprosy` novoj i novshejshej istorii*. Kiev. 1990. №36. S. 22-43.
- Klibanov A.I. U istokov russko-ispanskix vzaimosvyazej (XV-XVI vv.) // *Rossiya i Ispaniya: istoricheskaya retrospektiva*. M.: IVI RAN, 1987. 136 p.
- Korman E.A. K voprosu ob obraze russkogo medvedya v sovremennom politicheskom diskurse Ispanii // V Sb.: La identidad nacional a través del diálogo entre culturas. Rostov-na-Donu: YuFU, 2013. S. 214-222.
- Krylova T.K. Otnosheniya Rossii i Ispanii v pervoj chetverti XVIII v. // *Kul'tura Ispanii*. M.: AN SSSR, 1940. 497 s.
- Kuzmicheva I.V. Reprezentaciya obraza Rossii v publicisticheskom diskurse SMI Ispanii // *Novy'e rossijskie gumanitarny'e issledovaniya*. 2008. № 3. s. 7; Ulitina M.O. Politicheskij obraz sovremennoj Rossii v ispanskix SMI // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obshhestvenny'e nauki*. 2010. № 604. S. 137-146.
- Kopelev L. Obraz «chuzhogo» v istorii i sovremennosti // *Lev Kopelev i ego «Vuppertal'skij proekt» / Pod red. Ya. S. Drabkina*. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2002. 224 s.
- Kopelev L. Z. Chuzhie // *Odissey. Chelovek v istorii*. 1993: Obraz «Drugogo» v kul'ture. M.: Nauka, 1994.
- Kuleshova V.V. Ispaniya glazami russkix puteshestvennikov vtoroj poloviny` XIX — nachala XX vv. // *Problemy` ispanskoy istorii*. M.: Nauka, 1984. 287 s.
- Kuleshova V.V. Kul'turny'e svyazi. 1917-1939. M.: Nauka, 1975. 224 s.
- Latorre Izquierdo J., Martínez Illán A., Llano Sánchez R. Recepción del cine soviético en España: una historia entre guerras, censuras y aperturas // *Anagramas: Rumbos y sentidos de la comunicación*. 2010. V. 9. N° 17. Pp. 93-106.
- López Zapico M.A., Moreno Cantano A.C. Imágenes de odio y miedo: ¡Así eran los rojos! Una exposición anticomunista en la España franquista (1943) // *Historia del presente*. 2016. N° 27. Pp. 19-33
- Malyavina S., Garsiya Bil'bao P.A., Zanetti D.S. Ot Rossii istoricheskoy k Rossii sovremennoj: Obraz Rossii v ispanskoy presse. De la Rusia eterna a la Rusia real // *Rossiya i Evropa. Rossiya v zerkale Yevropy Tom II*, M.: Veche, 2014. S. 63-160.
- Mednikov I.Yu. Rossijsko-ispanskije otnosheniya v gody` Pervoj mirovoj vojny` // *Istoriya: e'lektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal*. 2011. Vyp. 8: Novye perspektivy v izuchenii istorii Ispanii. URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/rossisko-ispanskije-otnosheniya.html>.
- Morán, F. España en su sitio. Barcelona: Plaza & Janés, 1990. 216 p.; Palimpsesto. A modo de memorias. Madrid: Espasa Calpe, 2002. 315 p.
- No-Do. Polnyj arxiv kinonovostej 1943–1981 gg. opublikovan na sajte ispanskoy teleradiokompanii TVE.
- Obraz Rossii: Rossiya i russkie v vospriyatii Zapada i Vostoka. SPb.: I.Kuchma, 1998. 464 s.

- Núñez Seixa J. M. ¿Eran los rusos culpables? Imagen del enemigo y políticas de ocupación de la División Azul en el frente del Este, 1941-1944 // *Hispania*. 2006. V. 66. № 223. Pp. 695–750.
- Pak E.V. Dinamika e' t'nokul'turny'x stereotipov v kommunikacii: Rossiya i Ispaniya. XX-XXI vek. Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata kul'turologii. Moskva, 2009. S. 12.
- Pascua, M. Oro español en Moscú // Cuadernos para el Diálogo No. 81-82. 1970. Pp. 32-34.
- Peloille M. La imagen de la Revolución rusa en España: amplificación y permanencias años veinte-noventa del siglo XX // *Actas del XVI Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas: Nuevos caminos del hispanismo*. Paris, del 9 al 13 de julio de 2007 / coord. por Civil P., Crémoux F. 2010. V. 2. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=433633>
- Peloille M. Un notario español en Rusia de Diego Hidalgo (1929) o la atracción de un burgués en el terreno del comunismo // *Historia Actual Online*. 2010. № 23. Pp. 65 – 69.
- Perinat L. G. Recuerdos de una vida itinerante. Madrid: Compañía Literaria, 1996. 298 p.
- Perrero Blanco M. D. La revolución húngara de 1956 según la diplomacia española // *Espacio, Tiempo y Forma, Serie V, H. Contemporánea*. 2000. T. 13. Pp. 335-368.
- Perrero Blanco M.D. Franco y la Revolución Húngara de 1956: la contribución de España en la resistencia frente a la URSS // *Papeles del Este*. 2003. V. 7. Pp. 7-32.
- Pilar Bonet Cardona. La Rusia imposible: Borís Yeltsin, un provinciano en el Kremlin. Madrid: Aguilar, 1994. 210 p.
- Pilar Bonet Cardona. Moscú. Madrid, 1988. Imágenes sobre fondo rojo: Estampas de la crisis soviética. Madrid: Aguilar, 1992. 315 p.
- Pok de Feliu R. Epoha peremen: Rossiya glazami ispanskogo korrespondenta. M.: Vremya, 2005. 260 s.
- Pozharskaya S.P. Obrazy Rossii i Ispanii glazami ispanskih i rossijskih poslov // *Rossiya i Evropa: Diplomatija i kul'tura [Russia and Europe: Diplomacy and culture]*. M.: Nauka, 2004. Issue 3. S. 75-85.
- Pozharskaya S.P. Russko-ispanskiye otnosheniya v konce XVIII-pervoj chetverti XIX v. (faktory interesa) // *Rossiya i Ispaniya: istoricheskaya retrospektiva*. Moscú: AN SSSR, 1987. Pp. 48-63.
- Puigsech Farràs J. Una comparativa republicanosoviética. La premsa governamental davant la imatge del consolat de l'URSS durant la Guerra Civil // *Fulls de recerca i pensament*. Vol. 27, №. 71-72, 2012. Pp. 267-285; El triángulo de la propaganda soviética en la Cataluña de la Guerra Civil // *Revista de historia contemporánea*. Nº. 14, 2012, Pp. 169-189.
- Repina L.P. «Nacional'ny'j xarakter» i «obraz drugogo» // *Dialog so vremenem*. 2012. Vyp. 39. S. 9-19.
- Rossiya glazami ispancev / pod red. P.P. Yakovleva. M.: ILA RAN, 2008. 154 s.
- Rossiya i Evropa v XIX – XX vv.: problemy` vzaimospriyatija narodov, sociumov I kul'tur. M.: IRI RAN, 1996. 227 s.
- Rossiya i Ispaniya: dokumenty` i materialy`. 1667–1917. V 2 t. T. 2. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1997. 364 s.
- Pageaux D.H. Image/Imaginaire. In: *Europa und das nationale Selbstverständnis: imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts* / ed. by H. Dyserinck and K. U. Syndram. Bonn: Bouvier Publ., 1988. Pp. 367–380.
- Samaranch, J. A. *Memorias Olímpicas*. Barcelona: Planeta, 2002. 439 p.
- Santana Arribas A. Segundo viaje de Miguel Hernández a Rusia. M: Lenand, 2005. 84 p.
- Senyavskij A. S., Senyavskaya E. S. Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniya «obraza vraga» (na materialax rossijskoj istorii XX v.) // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov*. Seriya: Istoriya Rossii. 2006. № 2 (6). Pp. 54-71.
- Soglashenie mezhdú Soyuzom Sovetskix Socialisticheskix Respublik i Korolevstvom Ispanii o kul'turnom i nauchnom sotrudnichestve // *SSSR. Dogovory. Sbornik dejstvuyushix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami*. Vyp. 35. M., 1981.
- Soglashenie mezhdú Soyuzom Sovetskix Socialisticheskix Respublik i Korolevstvom Ispanii o vzaimootnosheniyax v oblasti kinematografii // *Vizit M.S. Gorbacheva v Ispaniyu*. 26–28 oktyabrya 1990 g. Dokumenty` i materialy`. M.: Politizdat, 1990. 159 s.

- Tussel J. La URSS y la Perestroika desde España. Madrid: Instituto de Estudios Económicos, 1988. 360 p.
- Yakovlev P. P. Imidzh Rossii v Ispanii: glavny`e tendencii. [E`lektronny`j resurs]. <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=66259>.
- Yturriaga, J. A. de. Los órganos del Estado para las relaciones exteriores. Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación, Colección Escuela Diplomática, 2015. 549 p.
- Yturriaga, J. A. de. Portugal, Irak y Rusia: Semblanzas diplomáticas de unas misiones sensibles. Burgos: Dosssoles, 2007. 302 p.
- Yakovlev P.P. Imidzh Rossii v Ispanii: glavny`e tendencii. [E`lektronny`j resurs]. <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=66259>. Data obrashcheniya: 25.05.2018.
- Volosyuk O.V. Nauchnye svyazi rossijskih i ispanskih istorikov: 30 let sotrudnichestva (1981-2011) // Vestnik RUDN. Vseobshchaya istoriya. №1. 2012. S. 87-113.
- Volosyuk O.V. Rossiya i Ispaniya vo vtoroj polovine XIX veka: konfrontaciya, dialog ili al`yans? // Novaya i novejšhaya istoriya. 2015 №2. S.143-153.

Гранцева Екатерина Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; kgrantseva@yandex.ru

Spanish`s views on Russia of the 20th century: transformation of the image of the country and problems of historiography

The purpose of the article is to analyze the problem of transforming the image of Russia of the twentieth century in Spain and to review Russian and Spanish historiography on this topic. The article highlights the key issues discussed in historiography concerning the perception of our country by the Spaniards. Also, the author of the article highlights the stages of transformation of the Spaniards' views on Russia of the 20th century. These are connected with the course of the historical development of the two countries, changes in their mutual relations at the official and informal levels, the impact of modernization, social, political and cultural changes. The ideas about Russia depended on the characteristic historically conditioned features of Spain and our country, on the history of diplomatic and cultural ties between the two states, the internal situation, the foreign policy course and the availability of information.

Keywords: Spain, Russia, the image of another, stereotypes, historiography, imagology, international relations, cultural policy, diplomats, press

Ekaterina Grantseva, PhD (History), research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; kgrantseva@yandex.ru

Д. В. ФОМИН-НИЛОВ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО, СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПРОТИВЛЕНИЕ сравнительный анализ скандинавских примеров и опыта СССР во Второй мировой войне

В статье сделан акцент на рассмотрение опыта двух малых североευропейских стран (Дании и Норвегии), подвергшихся агрессии со стороны гитлеровской Германии 9 апреля 1940 года. Страны были оккупированы, а их элиты и народы выбрали разные модели поведения и отношений с Германией во Второй мировой войне. 22 июня 1941 года агрессии подвергся СССР и значительные его территории также были оккупированы. Впервые в наблюдаемой и документированной истории человечества война приобретала тотальный характер. Сравнительный анализ истории Дании, Норвегии и Советского Союза во Второй мировой войне позволяет под особым углом зрения рассмотреть проблему предательства, сотрудничества и сопротивления в Истории. Богатый фактический материал дает возможность более объективно оценить внутреннюю и внешнюю политику СССР в контексте сравнительного анализа исторического опыта скандинавских стран.

Ключевые слова: Вторая мировая война, тотальная война, коллаборационизм, сопротивление, СССР, Дания, Норвегия, коммунизм, социал-демократия, национал-социализм, Сталин, Штаунинг, Нюгордсволд, Квислинг

Вторая мировая война дала человечеству уникальный исторический опыт, когда огромные территории многих стран были оккупированы на длительный период агрессором – гитлеровской Германией и её союзниками. Миллионы людей оказались в условиях отсутствия легитимной власти и вынуждены были жить в экстремальных условиях оккупации, определяя собственное отношение к происходящим эпохальным событиям. Тотальный характер войны привел не только к ожесточенным и кровопролитным сражениям на фронтах, героическому труду в тылу, сопротивлению партизан и подпольщиков, но и к появлению феномена коллаборационизма (сотрудничества с врагом).

В постсоветской России в общественном и научном пространствах предпринимались попытки переосмысления роли и значения некоторых наиболее одиозных фигур, вошедших в российскую историю в качестве предателей Родины и пособников фашистской Германии. В основном акцент делался на их политические взгляды, носившие антисоветский и антисталинский характер. Некоторые исследователи даже предпринимали попытку оправдать сотрудничество с врагом как некую форму сопротивления коммунизму и борьбы с советской властью. Аналогичные процессы наблюдаются в некоторых странах Восточной Европы и ряде бывших республик СССР.

В центре внимания автора статьи – сравнительный анализ опыта двух малых скандинавских стран (Дании и Норвегии), которые подверглись в апреле 1940 года гитлеровской агрессии. При этом политические и интеллектуальные элиты этих очень близких в историко-культурном и социально-политическом плане стран выбрали разные стратегии поведения и модели реакции на глобальные геополитические вызовы. Датский и норвежский опыт, сравнение политических и военных решений элит этих стран позволяет оценить процессы, имевшие место в условиях гитлеровской агрессии в 1939–1945 гг., а также выбор населением и элитами на оккупированных территориях разных моделей поведения и отношений с оккупантами.

Методы

Научно-исследовательская тематика, связанная с историей Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, занимает в советской и российской историографии особое место. Грандиозные испытания и Великая Победа оставили неизгладимый след в исторической памяти. Поэтому вполне закономерным является наличие десятков тысяч научных работ, рассматривающих различные аспекты той эпохи. Очевидно, что подробное и всестороннее изучение всей имеющейся литературы не представляется возможным. Поэтому в рамках данной статьи было принято решение провести анализ современных наукометрических баз данных для определения круга научных публикаций, доступных современным историкам, использующим разнообразные Интернет-ресурсы.

По состоянию на май-июнь 2018 г. в Научной электронной библиотеке (elibrary.ru)¹ при поисковом запросе «Великая Отечественная война» в каталоге можно обнаружить 29.574 публикации из 30.694.144 имеющихся материалов. Однако при детализации запроса «Дания» и «Норвегия» число отечественных научных публикаций резко сокращается до 15 и 33 соответственно. Особый интерес российских историков вызывает судьба советских военнопленных и советско-скандинавские отношения в предвоенный и военный период².

¹ Платформа eLIBRARY.RU была создана в 1999 г. по инициативе Российского фонда фундаментальных исследований для обеспечения российским ученым электронного доступа к ведущим иностранным научным изданиям, а с 2005 г. начала работу с русскоязычными публикациями и ныне является ведущей электронной библиотекой научной периодики на русском языке в мире. На сегодня посетителям eLIBRARY.RU доступны рефераты и полные тексты более 26 млн научных публикаций, в т.ч. электронные версии более 5300 российских журналов. Общее число зарегистрированных институциональных пользователей (организаций) – более 2800. В системе зарегистрированы 1,7 млн индивидуальных пользователей из 125 стран мира. Ежегодно читатели получают более 12 млн полнотекстовых статей и более 90 млн аннотаций. См.: https://elibrary.ru/elibrary_about.asp

² Среди современных публикаций отметим научный очерк проф. Е.Е. Красноженовой, с общим обзором оккупационной политики и движения сопротивления

В отличие от истории малых скандинавских стран понятие «коллаборационизм» пользуется большей популярностью среди историков. При соответствующем запросе приводится перечень монографий, статей, тезисов и проч. в количестве 469 единиц, содержащих данный термин. Первая десятка самых популярных публикаций имеют от 19 до 116 цитирований, а 347 – ни одного. Наибольшим интересом в соответствии с РИНЦ пользуются работы проф. Б.Н. Ковалёва из Санкт-Петербургского института истории РАН, защитившего кандидатскую и докторскую диссертации по проблемам сопротивления и коллаборационизма в СССР в период Великой Отечественной войны³.

Целая волна изучения коллаборационизма прокатилась по региональным архивам и высшим учебным заведениям за последние 25 лет, но в Научной электронной библиотеке даже не получила отражения монография проф. М.И. Семиряги⁴. В целом российские историки уделяют большое внимание истории международных отношений и внешнеполитическим вопросам Второй мировой войны⁵. При освещении истории Великой Отечественной войны российские историки обращают внимание на участие оккупированных Германией стран в войне против Советского Союза своим промышленно-экономическим потенциалом и добровольческими формированиями. Вопросы их внутренней политики и социально-экономических условий в основном остаются вне поля зрения отечественных специалистов, что закономерно приводит к процветанию разнообразных исторических мифов⁶.

Однако в международных наукометрических базах данных Web of Science и Scopus практически нет отражения темы коллаборационизма в период Второй мировой войны. Незначительное число публикаций по данной тематике, преимущественно во Франции, наблюдалось в 1980-е и начале 1990-х гг., а в дальнейшем практически исчезло из поля исследовательских интересов исторического сообщества.

Важно подчеркнуть, что тема сотрудничества с врагом до сих пор остается достаточно трудной и болезненной для скандинавских историков. Начиная с 1945 г., на первый план выдвигались вопросы изучения даже самых малых форм протеста и борьбы с оккупационными властями, а сюжеты сотрудничества с гитлеровской Германией по возможности оставались в тени. Например, в более чем 500-страничной книге о Дании, подготовленной издателем Датской национальной энциклопе-

в странах Европы в 1939–1945 гг., преимущественно основанный на советской историографии и сборниках опубликованных документов. См.: Красноженова 2015.

³ Ковалев 2004.

⁴ Семиряга 2000.

⁵ См., например: Чубарьян 2008; Шубин 2016; Корунова 2017 и др.

⁶ Мединский 2017.

дии, периоду оккупации уделено только 7 стр. Период 1940–1943 гг. называется «мирной оккупацией», а министерства иностранных дел Дании и Германии продолжали взаимодействовать, правительство сохраняло контроль за армией, военно-морским флотом и полицией⁷.

Значительный пласт документов по проблемам предательства, разных форм сотрудничества с врагом, сопротивления представлен в большинстве архивов, имеющих фонды 1940-х гг. Тем не менее, в рамках небольшой статьи и предпринятого сравнительного анализа автор сместил акцент на изучение опубликованных материалов, доступных для читателей. Особое внимание уделяется внутренней политике Дании и Норвегии, предвоенным и военным общественно-политическим настроениям в этих странах, выбору различных ответов на глобальный вызов внешней агрессии и оккупации, то есть темам, не имеющим в отечественной историографии достаточного освещения.

Результаты

Скандинавские страны столкнулись с проблемами сразу после прихода национал-социалистов к власти в Германии. Из Германии стали постепенно прибывать беженцы, как из числа еврейского населения Германии, так и сторонники социал-демократической и коммунистической партий. В условиях имеющейся безработицы правительства скандинавских стран были достаточно обеспокоены этим явлением, так как многие беженцы не имели никаких средств для существования. В частности, за период с 1933 по 1940 гг. несколько тысяч человек переехали жить в Данию, 2680 – в Норвегию и около 7200 – в Швецию.⁸ Среднее количество безработных накануне войны составляло примерно 100 тыс. чел. в каждой из скандинавских стран и даже незначительный прирост в размере 3–5% негативно влиял на социальное положение. В скандинавских странах уже начинали формироваться условия для построения «государств всеобщего благосостояния»⁹.

В межвоенный период правительства скандинавских стран – Дании (включая Исландию), Норвегии и Швеции – в значительной степени приобрели левый и социально-ориентированный характер. Во всех трех странах накануне Второй мировой войны большинство мест в парламентах имели социал-демократы, которые формировали правительство, а партийные лидеры являлись премьер-министрами. В целом казалось, что королевская власть носила скорее номинальный характер,

⁷ Denmark... P. 466-473.

⁸ Sejerssted 2011. P. 96.

⁹ После 1945 года на протяжении нескольких десятилетий в скандинавских странах реализовывалась политика, направленная на построение *welfare state*, что подразумевало отсутствие нищеты и крайней бедности населения. Тогда еще никто не мог предположить, что только в феврале 1945 года Дания примет около 200 тыс. немецких беженцев из Восточной Пруссии. – Denmark... P. 473.

являясь данью традициям и обычаям. Во внешнеполитических приоритетах доминировало желание в случае какого-либо большого европейского военного конфликта сохранить нейтралитет любой ценой.

На протяжении нескольких десятилетий одним из самых популярных требований скандинавских социал-демократов (наравне с требованием о 8-часовом рабочем дне) являлось требование об антимилиитаризме и разоружении. Первая треть XX века прошла под флагами «сломанного ружья» на первомайских и прочих рабочих манифестациях. В результате социал-демократы вынуждены были во многом следовать этой партийной линии и после прихода к власти, сокращая или не расширяя расходы на оборону и вооружения¹⁰.

Итало-эфиопская война и Гражданская война в Испании показали слабость Лиги Наций, что сильно обеспокоило массовое общественное сознание в странах северной Европы. Одновременное усиление Германии, нарушение ею всех условий и пересмотр итогов Первой мировой войны свидетельствовали о неизбежности серьезных столкновений между сверхдержавами того времени: Великобританией, Францией, СССР и Германией. Во второй половине 1930-х гг. в ходе регулярных встреч на уровне премьер-министров и министров иностранных дел скандинавские лидеры отказались от идей о коллективной безопасности и формирования скандинавского оборонительного союза. С одной стороны, они опасались, что любые союзы или блоки могут быть негативно восприняты соседними сверхдержавами, а с другой – надеялись на повторение опыта Первой мировой войны, когда все воюющие стороны оказались заинтересованы в нейтральной северной Европе и не имели достаточных ресурсов для вовлечения этого региона в войну.

Правительства Дании и Норвегии продолжали придерживаться пацифистской и антивоенной политики, рассчитывая на поддержку Великобритании в деле сохранения их нейтралитета. Вопросы об увеличении военных ассигнований вызывали длительное обсуждение в парламентах и острую межпартийную борьбу¹¹. При этом Дания, понимая невозможность оказывать серьезное сопротивление Германии в случае претензий на часть её территорий, вынуждена была занимать все более прогерманскую позицию.

Тем временем в Швеции была развернута достаточно интенсивная кампания по перевооружению, усилению военно-воздушных сил, а в средствах массовой информации развернута активная агитация за необходимость массового вооруженного сопротивления в случае нападения на страну¹². Шведские политики были уверены, что угроза может исхо-

¹⁰ Фомин-Нилов 2010. С. 82.

¹¹ История Норвегии... С. 366.

¹² Gilmour 2010. P. 284.

дять как от нацистской Германии, так и от Советской России. С учетом того, что к концу 1930-х гг. все стратегически важные предприятия находились под значительным государственным контролем (в частности, государство выкупило акции рудодобывающих предприятий и таким образом контролировало добычу железной руды), именно правительством становилось одной из ключевых сторон переговоров об объемах и сроках поставок того или иного сырья и продукции.

В итоге Швеция смогла сохранить свой нейтралитет, а Дания и Норвегия были атакованы гитлеровской Германией и оккупированы. Формальным катализатором для подготовки планов нападения Германии на Данию и Норвегию стала советско-финская война 1939–1940 гг. («Зимняя война»). Дело в том, что командование Великобритании прорабатывало вопрос о поддержке Финляндии с транзитом войск через северную Норвегию и Швецию. Подобная «поддержка» Финляндии позволила бы взять под контроль железные рудники Швеции, прекратив поставки в Германию. Удивительным образом эти военные планы открыто обсуждались по всей Европе, а о планах Германии ни у кого не было ни малейшего представления.

В декабре 1939 года лидер норвежской нацистской партии «Нашунал Самлинг» Видкун Квислинг посетил Германию, где встретился в Берлине с Гитлером. Квислинг утверждал о наличии тайного соглашения между правительствами Великобритании и Норвегии о военной поддержке, что могло привести к высадке и занятию стратегических пунктов скандинавского полуострова британскими вооруженными силами. Квислинг предлагал предотвратить такую угрозу и организовать политический переворот, для которого ему требовалась поддержка с немецкой стороны. Однако Гитлер и главнокомандующий военноморскими силами Германии гросс-адмирал Эрих Редер решили иначе. После предварительного изучения вопроса в штабах в январе 1939 года началась подготовка операции под кодовым названием «Везерюбунг» («Учения на Везере») ¹³. Операция предполагала действия военноморского флота и военно-воздушных сил Германии с синхронизированной высадкой десантов, бомбардировками и занятием десятков городов, расположенных в длинных и извилистых фьордах. Само название говорит о том, что Гитлер рассматривал оккупацию Дании и Норвегии в качестве генеральной репетиции для возможной высадки и захвата Британских островов. Таким образом, желание установить контроль за проливами обуславливало необходимость оккупации Дании, а Норвегия рассматривалась в качестве тренировки перед более масштабными операциями, подготовки плацдарма для последующих военных операций против Великобритании, а также возможности препят-

¹³ Ристе 2003. С. 195.

ствовать английской морской торговле и поставкам через порт Нарвика железной руды, которая поступала из Швеции по железной дороге.

Нападение Германии на Данию и Норвегию, начавшееся 9 апреля 1940 года, оказалось полной неожиданностью для европейских сверхдержав и правительств скандинавских стран. Военные действия всегда вызывали интерес политиков и историков. Поэтому они достаточно подробно описаны во многих монографиях, энциклопедиях и учебниках по истории Второй мировой войны. В рамках данной статьи отметим, что датские и норвежские вооруженные силы оказали сопротивление гитлеровским войскам и понесли потери. Однако масштаб, характер и продолжительность сопротивления значительно различались.

Нападение на Данию началось в 4.15 утра, и в то же самое время гитлеровские эмиссары вручили министру иностранных дел Дании П. Мунку ультиматум, в котором обещали уважать политическую независимость страны в случае отказа от сопротивления. В итоге напряженного правительственного заседания и обсуждения с королем Кристианом X социал-демократическое правительство Т. Штаунинга приняло решение прекратить сопротивление. Это случилось примерно в 6 час. утра, и еще какое-то время ушло на доставку соответствующих приказов до всех подразделений. В итоге датчане потеряли 16 чел. убитыми и 23 ранеными. Дания сохранила иллюзию независимости и в её истории начался период «мирной оккупации». Датский король всячески демонстрировал необходимость соблюдения порядка и законности ради благополучия страны и всех датчан. Премьер-министр Штаунинг объявил о сотрудничестве между всеми партиями в рамках политики коллаборационизма. В результате был сформирован коалиционный кабинет министров под председательством Штаунинга. Опасения датского правительства, что немцы будут всячески поддерживать и продвигать во власть Датскую нацистскую партию оказались необоснованными. Гитлер предпочел сохранить в Дании легитимную власть короля, парламента и правительства. Дания в отличие от многих оккупированных стран смогла избежать политики нацификации¹⁴.

Британия отреагировала на оккупацию Дании только 12 апреля, захватив контроль над Фарерскими островами и аннексировав 2/3 торгового флота. Исландия разорвала личную унию с Данией, обеспечив размещение на своей территории британского военного флота, а с 1941 г. – американских вооруженных сил.

Абсолютно по другому сценарию развивались события в Норвегии, где у власти было социал-демократическое правительство Ю. Нюгордсволда. Военно-морской флот Германии незамеченным вошел во фьорды практически всех крупнейших городов страны. Немецкое ко-

¹⁴ Denmark. 2002. pp. 466-467.

мандование было уверено в полном отсутствии какого-либо сопротивления и более того, используя все доступные средства связи, призывало норвежцев присоединиться к Третьему рейху и проявить «арийский» дух солидарности. Однако на пути к столице Норвегии городу Осло в проливе Дрёбакка флагман германского ВМФ крейсер «Блюхер» был торпедирован и обстрелян из крепости Оскарсборг. В результате крейсер затонул, а план стремительного занятия столицы и пленения короля со всеми органами власти провалился.

Король Хокон VII совместно с членами правительства принял решение сопротивляться вторжению и покинул столицу. Соответствующие приказы были направлены всем военным подразделениям. Однако сопротивление практически во всех городах было сломлено в первые же дни после вторжения. Все крупные порты Норвегии были оккупированы, а борьба больше напоминала преследование немцами постоянно перемещающихся по стране разрозненных норвежских подразделений во главе с королем и членами правительства.

В середине апреля британские войска высадились в Норвегии и стали оказывать поддержку норвежцам, но к началу мая военные действия в южной Норвегии были завершены. Тем не менее на севере страны объединенная группа войск, включавшая норвежские, британские, французские и польские военные части смогла перейти в наступление и 28 мая освободить Нарвик. Из-за начавшейся военной кампании во Франции союзные войска покинули Норвегию и норвежское руководство имело только несколько возможных вариантов дальнейших действий. Полная капитуляция была полностью отвергнута королем, а продолжать сопротивление норвежскими силами не представлялось возможным. В результате было принято решение покинуть территорию страны и продолжить сопротивление за ее пределами. 10 июня в Трондхейме была подписана капитуляция, но она относилась только к войскам, находящимся на территории Норвегии.

В первый же день вторжения Квислинг провозгласил себя главой нового правительства и заявил о желании сотрудничать с оккупантами. 15 апреля Верховный суд Норвегии утвердил Административный совет для управления оккупированными территориями, признанный немцами в качестве официальной гражданской власти, а 24 апреля Йозеф Тербовен был назначен рейхскомиссаром. Гитлер отказался от услуг Квислинга и его маргинальной партии в надежде на сохранение видимости легитимного характера власти, рассчитывая подчинить себе норвежский парламент (Стортинг). В первые месяцы оккупации в стране доминировали пораженческие настроения. Будущие перспективы казались туманными и многие члены Стортинга готовы были участвовать в формировании новой системы власти. Президиум Стортинга призывал короля отречься ради сохранения мира и согласия среди граждан, были

попытки сформировать Государственный совет, но 25 сентября все переговоры закончились полной неудачей. Немцы вынуждены были отстранить от власти Административный совет, запретить все партии кроме «Нашунал самлинг» (Национальное единение). 1 февраля 1942 г. было учреждено т.н. «национальное правительство» во главе с Квислингом в должности «министра-президента»¹⁵.

Официальное правительство Норвегии показало свою слабость, продемонстрировало ошибки стратегического планирования и неумение обеспечить условия для сохранения суверенитета своей страны. Но в эмиграции король и правительство продолжили координацию и организацию сопротивления нацистской Германии. Огромное значение имел торговый флот, составлявший 7% всего мирового тоннажа (4 млн. брутто-тонн), включая 17% тоннажа мирового танкерного флота. Он был самым современным флотом в мире на тот момент, и 22 апреля все корабли, находящиеся вне территориальных вод Норвегии, были реквизированы правительством. Для управления торговым флотом была создана Норвежская миссия по судоходству и торговле в Лондоне, которая обеспечивала экономическую основу для работы правительства, вносила значительный вклад в общие военные усилия с союзниками.

Таким образом, в результате германской оккупации в Дании и Норвегии сформировались совершенно противоположные внутривнутриполитические модели управления. Две близкие по культуре, традициям, языку, экономическому и промышленному потенциалу страны оказались в абсолютно разных политических и социально-экономических условиях. Поэтому отношения внутри этих стран между разными социальными группами, внешнеполитическая ориентация, национальный вопрос, организация сопротивления оккупантам – всё это имело ярко выраженную специфику и уникальные особенности.

Героическое сопротивление на море, на суше и в воздухе, организация подполья и партизанского движения, формирование самостоятельных воинских частей как на территории Великобритании, так и нейтральной Швеции, позволило 7 июня 1945 года королю Норвегии вернуться на родину в качестве триумфатора, а Норвегии на полном основании быть полноправным членом могущественной коалиции, возглавляемой США, Великобританией и СССР.

Сохранение на протяжении нескольких лет легитимной власти и контроля над страной в Дании позволило: 1) спасти от нацистских репрессий практически всех граждан королевства еврейской национальности; 2) большинство военных кораблей по приказу вице-адмирала А.Х. Веделя были 29 августа 1943 года затоплены, чтобы не передавать их в руки гитлеровского командования; 3) правительство активно со-

¹⁵ История Норвегии... С. 368.

действовало и помогало движению сопротивления, оказывало помощь союзникам в антифашистской деятельности.

После победы и освобождения Дании и Норвегии начались судебные преследования лиц, проявивших себя активными коллаборантами и пособниками нацистской Германии. В Норвегии достаточно было быть пассивным (рядовым) членом партии Квислинга, чтобы предстать перед судом. В общей сложности судебным преследованиям подверглось 92.805 чел., но 37.150 были оправданы¹⁶. Квислинг и его ближайшие сторонники после обвинения в государственной измене и убийствах были казнены. А слово «квислинг» стало нарицательным, характеризующим предательство и коллаборационизм.

С учетом специфической политики Дании судебные и внесудебные преследования «коллаборантов» были ограниченными, но и в Дании более 40 человек были приговорены к смертной казни.

В целом при рассмотрении судебных дел особое внимание уделялось на наличие фактов государственной измены и совершение уголовных преступлений. Лица, которые добросовестно исполняли свои служебные обязанности по поддержанию порядка, по обеспечению жизнедеятельности и безопасности гражданского населения, не имели прямых контактов с оккупантами и не поддерживали нацистские мероприятия, в основном признавались невиновными или даже не подвергались какому-либо преследованию. Однако на протяжении более 50 лет после завершения войны тематика, связанная с сотрудничеством и пособничеством оккупантам, вызывала в скандинавских странах общественное напряжение. Даже в Швеции, формально сохранившей свой нейтралитет, принявшей еврейских беженцев из Дании, позволившей сформировать норвежские военные подразделения в своей стране, имеют место представления о том, что Швеция фактически «воевала» на стороне нацистской Германии и несет определенную меру ответственности.

В Советском Союзе в условиях однопартийной диктатуры ключевое значение для оценки тех или иных действий на оккупированной территории имело личное мнение И.В. Сталина. В основном грань между коллаборационизмом (предательством) и вынужденным сотрудничеством не проводилась, а репрессии часто носили внесудебный характер без проведения соответствующего расследования и без права обвиняемых на квалифицированную правовую защиту. При таком подходе размер и характер коллаборационизма в СССР подвергается достаточно сложным количественным оценкам, что уже на протяжении многих лет создает питательную среду для вольных интерпретаций.

В условиях высокой степени закрытости и недоступности многих отечественных архивных материалов исторический опыт Дании и Нор-

¹⁶ Sejersted 2011. P. 187.

вегии во Второй мировой войне представляет значительный исследовательский интерес. Обширный фактический материал позволяет изучить многообразие моделей поведения человека в условиях оккупации, оценить разные стратегии и тактики политических элит, проанализировать общественные механизмы самоорганизации и саморегулирования сообществ в экстремальных условиях вторжения и оккупации превосходящими силами противника.

Обсуждение

Проблема предательства, сотрудничества или сопротивления врагу является одной из вечных проблем человечества. На протяжении всей истории люди сражались друг с другом за ресурсы и территории, удовлетворение амбиций и тщеславия. Однако именно Вторая мировая война приобрела характер тотальной войны на право существования той или иной общественно-политической модели. В итоге напряженного глобального противостояния победа досталась тем странам, которые выступали за формирование справедливого и стабильного миропорядка, за мир с защитой прав и свобод человека на межгосударственном уровне. Традиционно в центре внимания историков находятся великие державы и их драматические взаимоотношения между собой, а изучение истории малых стран во многом остается уделом региональных историков. В то же время скандинавские примеры, благодаря незначительным масштабам, но высокой степени грамотности населения и доступности источников, позволяют совершенствовать инструментарий историка, снабжая его лабораторию ценнейшими данными по истории Человека и Общества в экстремальных условиях оккупации.

Две разные внешнеполитические и общественно-государственные стратегии, выбранные руководством Дании и Норвегии, позволяют дать научные оценки многим процессам, имевшим место накануне, в начальный период и на протяжении Второй мировой войны. На «лабораторном» и «экспериментальном» уровне этих малых стран Европы можно рассмотреть разные сценарии, представлявшиеся возможными для высшего политического руководства и граждан СССР в условиях тотальной войны.

Наиболее близкий сценарий для СССР был выбран руководством и народом норвежского королевства. Однако значительно отличался уровень подготовленности двух стран к войне. В отличие от Норвегии в СССР не было «пятой колонны», а уровень развития военно-промышленного комплекса позволил не только оказать достойное сопротивление агрессору, но и одержать величайшую в истории Победу. Руководство Советского Союза было убеждено в неизбежности большой мировой войны и уверено, что нейтральной страна остаться не сможет, а свои интересы и суверенитет необходимо защищать только с опорой на собственные ресурсы.

Проблема выбора – предательство, сотрудничество с врагом или сопротивление – на датско-норвежском историческом материале позволяет объективно оценить аналогичные процессы, имевшие место на территории Советского Союза. Предательство Родины, интересов своей страны и народа при любых обстоятельствах является преступлением, не имеющим срока давности и права на реабилитацию. При этом значительная часть населения на оккупированных территориях вынуждена была в той или иной степени сотрудничать с врагом, имевшим всю полноту власти на захваченных территориях. Между предательством и вынужденным сотрудничеством с врагом имеется четкая красная черта, которая отделяет исполнение административных и прочих служебных обязанностей в интересах сограждан от действий на стороне оккупантов и их поддержки. Сопротивление же в скандинавских странах было уделом избранных, выбравших путь национальных героев, память о которых должна передаваться из поколения в поколение.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Denmark. 2nd edition. Edited by Henrik Sebro and Judy Skov Larsen. Copenhagen: The Royal Danish Ministry of Foreign Affairs, 2002. 539 p.
- Encyclopedia of the Holocaust / Ed. R. Rozett, S. Spector. Jerusalem Publ. House Ltd., 2000. 527 p.
- Gilmour, John. Sweden, the Swastika and Stalin. The Swedish Experience in the Second World War. Edinburgh University Press, 2010. 322 p.
- Red Star in the North. Communism in the Nordic Countries. Edited by Asmund Egge and Svend Rybner. Stamsund: Orkana Akademisk, 2015. 355 p.
- Sejersted, Francis. The age of social democracy: Norway and Sweden in the twentieth century. Princeton: Princeton University Press, 2011. 543 p.
- Даниельсен Р., Дюрвик С., Грёнли Т., Хелле К., Ховланн Э. История Норвегии. От викингов до наших дней / пер. с англ. М.: «Весь Мир», 2003. 515 с.
- Документы внешней политики СССР. Т. 22-24. М., 1992-2000.
- История Дании. XX век / Отв. ред. Ю.В. Кудрина и В.В. Рогинский. М.: Наука, 1998. 379 с.
- Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ, 2004. 483 с.
- Корунова Е. В. Скандинавские страны накануне и в первые годы Второй мировой войны. В поисках формулы безопасности // ЭНОЖ «История». 2017. Т. 8. Вып. 4 (58). URL: <http://history.jes.su/s207987840001816-6-1>
- Красноженова Е.Е. Немецко-фашистская оккупация и движение сопротивления в Европе в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Труды кафедры нового и новейшего времени Санкт-Петербургского гос. ун-та. 2015. №15. С. 104-117.
- Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939-1945. 2-е изд. М.: Абрис, 2017. 702 с.
- Мюллер Рольф-Дитер. Враг стоит на Востоке. Гитлеровские планы войны против СССР в 1939 году /пер. с нем. М.: Изд-во «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2015. 399 с.
- Ристе У. История внешней политики Норвегии /пер. с англ. М.: «Весь Мир», 2003. 413 с.
- Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
- Советско-норвежские отношения 1917–1955: Сб. документов. М., 1997. 681 с.
- Фомин-Нилов Д.В. Норвежская рабочая партия: путь к власти (1887–1935). М.: Собрание, 2010. 191 с.
- Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 гг. М.: Наука, 2008. 476 с.
- Шубин А.В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. М.: Алгоритм, 2016. 495 с.

REFERENCES

- Chubar'yan A.O. Kanun tragedii: Stalin i mezhdunarodnyj krizis: sentyabr' 1939 – iyun' 1941 gg. M., 2008.
- Daniel'sen R., Dyurvik S., Gryonli T., Khelle K., Khovlann Eh. Istoriya Norvegii. Ot vikingov do nashikh dnei / per. s angl. M.: "Ves' Mir", 2003.
- Denmark. 2nd edition / Ed. by Henrik Sebros and Judy Skov Larsen. Copenhagen: The Royal Danish Ministry of Foreign Affairs, 2002.
- Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 22-24. M., 1992–2000.
- Encyclopedia of the Holocaust / Ed. by R. Rozett, S. Spector. Jerusalem Publ. House Ltd, 2000.
- Fomin-Nilov D.V. Norvezhskaya rabochaya partiya: put' k vlasti (1887–1935). M.: Sbornie, 2010.
- Gilmour, John. Sweden, the Swastika and Stalin. The Swedish Experience in the Second World War. Edinburgh University Press Ltd, 2010.
- Istoriya Dani. XX vek. / otv. red. Yu.V. Kudrina i V.V. Roginskij. M.: Nauka, 1998.
- Koronova E. V. Skandinavskie strany nakanune i v pervye gody Vtoroj mirovoj vojny. V poiskakh formuly bezopasnosti // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2017. T. 8. Vypusk 4 (58). URL: <http://history.jes.su/s207987840001816-6-1>
- Kovalev B.N. Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii. 1941–1944. M.: AST, 2004.
- Krasnozhenova E.E. Nemetsko-fashistskaya okkupatsiya i dvizhenie soprotivleniya v Evrope v period Vtoroj mirovoj vojny (1939-1945 gg.). V zhurnale: Trudy kafedry novogo i novejshego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, №15, 2015. S.104-117.
- Medinskij V.R. Vojna. Mify SSSR. 1939–1945. 2-e izd. M.: Abris, 2017.
- Myuller Rol'f-Diter. Vrag stoit na Vostoke. Gitlerovskie plany vojny protiv SSSR v 1939 godu / per. s nem. – M.: Izdatel'stvo «Pyatyj Rim» (OOO «Bestseller»), 2015.
- Red Star in the North. Communism in the Nordic Countries. Ed. by Asmund Egge abd Svend Rybner. Stamsund: Orkana Akademisk, 2015.
- Riste Ulav. Istoriya vneshnej politiki Norvegii /per. s angl. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2003.
- Sejersted, Francis. The age of social democracy: Norway and Sweden in the twentieth century. Princeton: Princeton University Press, 2011.
- Semiryaga M.I. Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroj mirovoj vojny. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEhN), 2000.
- Shubin A.V. Mir na puti k vojne. SSSR i mirovoj krizis 1933-1940 gg. M.: Algoritm, 2016.
- Sovetsko-norvezhskie otnosheniya 1917–1955: Sb. Dokumentov. M., 1997.

Фомин-Нилов Денис Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, ректор Государственного академического университета гуманитарных наук; fomin-nilov@mail.ru

The treachery, collaboration and resistance: comparative analysis of the Scandinavian cases and USSR's experience in the Second World war

The article focuses on the experience of two small North European countries (Denmark and Norway) that were subjected to aggression by Nazi Germany in April 1940. The countries were occupied, and their elites and peoples chose different models of behavior and relations with Germany in the Second world war. In June 1941, the Soviet Union was subjected to aggression and its significant territories were occupied. For the first time in the observed and documented history of mankind war acquired the character of Total war. A comparative analysis of the history of Denmark, Norway and the Soviet Union in the Second world war allows us to consider the problem of treachery, collaboration and resistance in History from a special angle. At the same time, the rich factual material allows a more objective assessment of the internal and foreign policy of the USSR in the context of a comparative analysis of the Scandinavian countries.

Keywords: World War II, total war, collaboration, treachery, resistance, USSR, Denmark, Norway, communism, social-democracy, national socialism, Stalin, Stauning, Nygaardsvold, Quisling

Denis Fomin-Nilov, PhD in History, rector of the State academic university for humanities (GAUGN); fomin-nilov@mail.ru

Г. Е. ГИГОЛАЕВ

СССР И ИТАЛЬЯНСКИЕ ЛЕВЫЕ В 1950-х ГОДАХ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ

Специфика взаимоотношений между СССР и Италией в послевоенном мире состояла в том, что, с одной стороны, Италия была членом военно-политического блока НАТО, противостоявшего СССР, а с другой – итальянская компартия (ИКП) была сильнейшей коммунистической партией несоциалистического мира. ИКП, имевшая огромное число приверженцев и до середины 1950-х гг. действовавшая в тесном союзе с Итальянской социалистической партией (ИСП), могла оказывать влияние на формирование образа СССР у значительной части итальянского населения. С этой точки зрения ключевыми событиями рассматриваемого периода являются XX съезд КПСС и события в Венгрии (1956), когда восприятие Советского Союза итальянскими левыми стало меняться и когда в самом левом лагере начались разногласия, приведшие к разрыву пакта о единстве действий между ИКП и ИСП.

Ключевые слова: Советский Союз, Итальянская коммунистическая партия, итальянская социалистическая партия, Итальянская социал-демократическая партия, холодная война, XX съезд КПСС

История культурного, политического, экономического взаимодействия народов России и Италии насчитывает несколько столетий. Соответственно, образ Другого формировался в общественном сознании в течение всего этого периода, подвергаясь существенным изменениям. Новая страница во взаимоотношениях двух стран открылась в XX веке, когда, по причине социальных изменений и революции средств массовой информации и международных коммуникаций, гораздо более широкие, чем прежде, слои населения смогли приобщаться к культурным достижениям, многократно увеличились объемы информации об окружающем мире, многие люди смогли посещать другие страны (между прочим, и в результате мировых войн, сотрясавших Европу в первой половине столетия). Таким образом, восприятие других стран и народов становилось менее фрагментарным и менее опосредованным.

Важное место в советско-итальянских взаимодействиях XX в. занимала левая идея. Российская революция оказала влияние на политическую жизнь Италии. В 1921 г. на XVII съезде ИСП (Ливорно) произошло выделение коммунистической партии (КПИ) из рядов социалистов. Основным критерием раскола соцпартии было отношение к присоединению к Коминтерну, а соответственно, в более широком плане, отношение к опыту русской революции¹. В послевоенный период Итальянская коммунистическая партия (ИКП) стала самой крупной и силь-

¹ Любин 2007. С. 219-221; Кин 1991.

ной компартией Запада. Коммунисты были одной из главных движущих сил Сопротивления. Самоотверженность и мужество в борьбе с фашизмом принесли им популярность и уважение в широких слоях населения. В годы борьбы с фашизмом между ними и социалистами (и движением «Справедливость и свобода») было заключено соглашение о единстве действий, которое продолжало действовать и после окончания войны. Вместе с социалистами коммунисты собирали в среднем 1/3 голосов избирателей на парламентских выборах (пик парламентских успехов ИКП приходится на середину 1970-х). Уже выборы в Учредительное собрание в 1946 г показали новую расстановку сил на итальянской политической арене. ИКП получила 19%, а ИСП – 20,7% голосов избирателей. Вместе они обошли влиятельнейшую немарксистскую партию Италии – христианско-демократическую (ХДП), созданную в годы войны на базе Народной партии и представлявшую интересы католиков (получила на выборах 35,2% голосов)².

Впрочем, не только итальянский политический пейзаж, но и мир в целом после Второй мировой войны изменился. Формировалась биполярная модель мирового устройства, опирающаяся на два центра силы – США и СССР. Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции превратились в соперников, причем не только в геополитическом и экономическом, но и в идеологическом плане. Последовала поляризация политических взглядов как в межгосударственных отношениях, так и внутри ряда стран. Одним из наиболее показательных примеров данной политической поляризации как раз и явилась Италия. С одной стороны, большинство итальянского населения исповедовало католицизм, и, логично предположить, что безбожный советский режим должен был восприниматься ими отрицательно. Более того, именно на итальянской почве зародилась христианская демократия, ставшая после войны одной из наиболее влиятельных сил. С другой – как уже отмечалось, после войны под влиянием традиций Сопротивления большой популярностью стали пользоваться левые, марксистские партии, при этом среди приверженцев ИКП и ИСП было немало верующих. Таким образом, одни граждане Италии выступали под знаменами антикоммунизма и рассматривали СССР как угрозу, другие, напротив, видели в СССР позитивную силу, идеал общественного устройства и пример для подражания. Учитывая подобные настроения в итальянском обществе, и США, и СССР оказывали на население Италии пропагандистское воздействие. Причем американская пропаганда (разумеется, в сочетании с целым рядом экономических, политических и, в частности, военно-

² Италия. 1973. С. 311.

политических факторов) оказалась эффективнее советской³. Соответственно, после начала холодной войны в основном симпатии сторонников Христианско-демократической партии и ряда других центристских и правых партий были на стороне Запада, и отношение к СССР было преимущественно негативным. Многочисленные сторонники левых партий, напротив, в целом относились к СССР с симпатией. Руководители ИКП и ИСП в основном ориентировались в своей политике на СССР. Это в сочетании с влиятельностью и массовой поддержкой левых побуждало руководство ХДП теснейшим образом сотрудничать с США, а США – активно помогать ХДП на внутриполитической арене, поскольку в противном случае не исключался вариант легального прихода левых к власти и возможной переориентации Италии на СССР⁴. При активном содействии США ХДП победила на выборах в парламент в 1948 г., увеличив свое представительство (по сравнению с Учредительным собранием) до 48,48%. ИКП и ИСП, выступившие на выборах вместе, в рамках Народно-демократического фронта получили гораздо меньше голосов – 31%⁵. Свое слово в вопросе размежевания итальянского общества сказал и Ватикан. Папа Пий XII в конце 1940-х гг. отлучил от церкви всех членов ИКП и ИСП и тех, кто за них голосовал.

Необходимо отметить, что представление итальянцев о советских людях и советских людей об итальянцах в послевоенный период основывались главным образом на информации СМИ и деятельности культурных организаций (исключение могли составлять разве что дипломаты, представители внешнеэкономических органов, а также военнопленные и перемещенные лица, оказавшиеся в Италии и СССР в результате войны). Взаимные поездки граждан были ограничены, поскольку после завершения Второй мировой войны СССР не возобновил туристический обмен с зарубежными странами – это произошло только в середине 1950-х гг. Посещение СССР в первое послевоенное десятилетие для итальянцев было возможно по линии негосударственных культурных организаций, так как на официальном уровне культурный обмен с началом холодной войны был заморожен. Речь идет, в первую очередь, об «Итальянском обществе культурной связи с Советским Союзом» (общество «Италия – СССР») и его советском контрагенте – «Всесоюзном обществе культурной связи с границей» (ВОКС). Образованное вскоре после окончания войны, в 1946 г., общество «Италия – СССР» в начале своего существования пользовалось поддержкой МИД Италии, поскольку правительство в тот период формировалось на базе коалиции всех антифашистских партий, включая коммунистов и социа-

³ Хормач 2005.

⁴ Любин 2011. С. 143.

⁵ История Италии... С. 275-278; Григорьева 2006. С. 178.

листов. После того как премьер-министр А. Де Гаспери (лидер ХДП) под влиянием американцев вывел левых из состава правительства и образовал четырехпартийный кабинет (1947), отношение итальянских властей к Обществу изменилось. Как явствует из советских документов, правительственные органы чинили деятельности Общества всевозможные препятствия, а само оно «рассматривалось как филиал компартии»⁶. Действительно, в конце 1940-х – начале 1950-х годов среди руководства и членов Общества преобладали коммунисты и социалисты. Поэтому советские дипломаты и представители ВОКС считали, что в Италии сложилось мнение о культурных взаимоотношениях с СССР как монополии коммунистов и это облегчало задачу итальянского правительства по борьбе с Обществом⁷.

Соответственно, как раз для представителей левых партий существовала возможность посещения СССР и ознакомления с его жизнью. Коммунисты – члены Общества «Италия – СССР» могли посещать СССР в ходе обмена делегациями по линии ВОКС, хотя итальянские власти создавали препятствия как для въезда советских делегаций ВОКС, так и для выезда граждан Италии в СССР (с апреля 1952 г. ограничивалась свобода передвижения по Италии для сотрудников советских учреждений и советских граждан в целом, а с ноября 1952 г. был затруднен выезд итальянских граждан в СССР – для этого требовались особые документированные мотивы)⁸. Поэтому итальянские граждане часто выезжали в СССР нелегально. Это касалось не только членов Общества «Италия – СССР», но и членов ИКП, направлявшихся в Советский Союз для партийной учебы в учебных заведениях КПСС.

Начавшееся после смерти Сталина потепление в международных отношениях коснулось Италии в незначительной степени, однако изменение внешнеполитической обстановки, несомненно, повлияло на исход парламентских выборов июня 1953 года, на котором левые увеличили свое представительство в парламенте, а ХДП и другие проправительственные партии, напротив, потеряли ряд мест⁹.

⁶ Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф.9576. Оп.6. Д.11. Л.2.

⁷ Российский Государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф.5. Оп.28. Д.232. Л.181-193. При этом после смерти Сталина в СССР деятельность Общества «Италия – СССР» стали оценивать как сектантскую, поскольку руководившие им итальянские коммунисты не развернули в достаточной мере работу по привлечению в Общество представителей более широких слоев итальянской общественности, а превратили его действительно в некий «филиал компартии».

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф.98. Оп.36. Папка 233. Д.25. Л.21-22.

⁹ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.232. Л.32-34, 95-96. Хотя в основном причины неудач ХДП были связаны не с внешнеполитическим фоном, а с разработанным министром внутренних дел Марио Шельбой т.н. «мошенническим законом», который

Дальнейшее развитие событий, связанное, прежде всего, с «ранней разрядкой» середины 1950-х гг. и с XX съездом КПСС в 1956 г. имело существенные последствия, для отношений как между СССР и западными странами, так между КПСС и зарубежными коммунистическими и рабочими партиями, в т.ч. с итальянскими коммунистами и социалистами. Несмотря на важность XX съезда в плане развенчания культа личности И.В. Сталина, можно вполне обоснованно утверждать, что с точки зрения советской внешней политики съезд имел ряд негативных следствий. Безусловно, съезд породил у ряда представителей руководства западных стран надежду на определенные изменения в политике Советского Союза, но, при этом, в левых кругах он вызвал растерянность и стал одной из причин раскола в мировой рабочем и коммунистическом движении, для которого разоблачение культа личности Сталина было сильнейшим ударом. Н.С. Хрущев фактически разрушил миф о безупречности советской системы. Одновременно, разоблачение сталинизма привело к тому, что в некоторых странах соцлагеря появились надежды на дальнейшие изменения, явным свидетельством чего стали польские и венгерские события 1956 г., которые, с одной стороны, стали порождением XX съезда и «оттепели», а с другой стороны (учитывая подавление выступлений в Венгрии советскими войсками), показали ограниченность этого курса¹⁰.

После XX съезда наметилось улучшение отношений советских дипломатических представителей с итальянскими социал-демократами (Социал-демократическая партия Италии – СДПИ). А ведь в 1947 г. группировка Джузеппе Сарагата выделилась из тогда единой соцпартии (ИСППЕ) преимущественно по вопросу отношений с коммунистами и, соответственно, по вопросу об отношении к СССР. Послу А.Е. Богомолу удалось, судя по документам советского МИД, наладить хороший личный контакт с лидером СДПИ Дж. Сарагатом¹¹. Социал-демократы, по мнению советского посольства, стали более позитивно оценивать политику СССР. Поэтому даже наметившееся сближение между ИСП и ИСДП не вызвало опасений в Москве, а было одобрено советским руководством¹². Весной 1956 г. советское диппредставительство высказывало предложение о возможном приглашении в СССР членов ИСДП

должен был позволить партии, набравшей свыше 50% голосов, получить 2/3 мест в парламенте. Не оказав подобной поддержки ХДП, итальянские избиратели тем самым выразили свое отношение к этому закону. Неприязнь большинства итальянцев к «мошенническому закону» объяснялась во многом тем, что он заменял пропорциональную избирательную систему мажоритарной, как при Муссолини. Через год после выборов этот избирательный закон был отменен.

¹⁰ Gaddis 2005. P. 107-108.

¹¹ АВП РФ. Ф.098. Оп.39. Папка 247. Д.12. Л.31.

¹² Любин 2007. С. 360.

Паоло Росси и Джузеппе Ромита, являвшихся членами правящего кабинета. В этих же документах говорилось и о том, что итальянская компартия «не развернула должной активности в вопросах реализации единства рабочего движения и относится к итальянским социал-демократам пренебрежительно, считая, что их связи с рабочими ничтожны, что не вполне правильно»¹³. После консультаций с лидером ИСП Пьетро Ненни и лидером ИКП Пальмиро Тольятти Москва благожелательно отнеслась к желанию делегации ИСДП посетить СССР: в ЦК КПСС было принято решение о возможности одновременного приглашения в СССР делегаций ИСП и ИСДП в октябре 1956 г.¹⁴ Однако подавление венгерского восстания перечеркнуло эти планы: поскольку лидеры обеих партий (Ненни и Сарагат)¹⁵ осудили советские действия в Венгрии, отделом ЦК КПСС по связям с зарубежными компартиями было решено снять вопрос о приглашении делегаций указанных партий. В итоге возможность наладить отношения с ИСДП была упущена, при этом, начались проблемы и с ИСП.

Как было отмечено выше, осуждение культа личности Сталина вызвало определенную растерянность среди коммунистов и социалистов, поскольку советская сторона сама выступила в роли разрушителя мифа о собственной непогрешимости. Конечно, для Тольятти, долгое время жившего в Москве и работавшего в Коминтерне, правда о сталинском периоде, скорее всего, не стала откровением. Но многие более молодые члены партии, вступившие в нее на волне Сопротивления, знали о советской действительности гораздо меньше.

Примером определенного изменения в восприятии СССР в среде итальянских коммунистов может служить «Письмо группы коммунистов-профессоров и ассистентов Римского университета в Дирекцию ИКП», в котором высказывались сомнения в глубине «движения по исправлению ошибок», поскольку, как отмечали авторы письма, культ личности явился не причиной, а следствием нарушений социалистической законности. В адрес руководства ИКП высказывалась критика, поскольку оно многие вещи считало бесспорными, только потому, что они исходили от Советского Союза¹⁶. После венгерских событий соответствующая тенденция только усилилась. В результате, социалисты разорвали много лет действовавший пакт о единстве действий с ИКП. Соцпартия начала свой дрейф вправо, постепенно сближаясь с ИСДП, а

¹³ АВП РФ. Ф.098. Оп.39. Папка 247. Д.12. Л.24. То есть поднимался вопрос о возможности достижения этого самого единства путем сотрудничества с социал-демократами и социал-демократическими профсоюзами.

¹⁴ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.417. Л.90-99.

¹⁵ Беседа Ненни с Богомоловым 7 декабря 1956 г. АВП РФ. Ф.098. Оп.39. Папка 246. Д.5. Л.118-121.

¹⁶ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.417. Л.34-50

также с ХДП, чему поспособствовала и политика «левого центра», проводимая левым крылом ХДП во главе с А. Фанфани. Несомненно, причины раскола между коммунистами и социалистами, и поворота последних к проведению политической линии, которая в итоге привела их в правительство, являются куда более глубокими. Принятое Ненни решение не было сиюминутным: оно базировалось на представлении о невозможности постоянно пребывать в глухой оппозиции вместе с коммунистами. По этому поводу есть определенное единство между отечественными и западными историками¹⁷. Однако нельзя отрицать, что 1956 год (эффект от XX съезда, а затем и событий в Венгрии) стал рубежом в этом движении ИСП вправо. 21 ноября Тольятти в беседе с советским послом информировал последнего о резкой перемене в поведении Ненни: тот перестал здороваться в парламенте с коммунистами, два месяца избегал встреч с Тольятти. Лидер ИКП предположил, что здесь замешан не только Сарагат, оказывающий на Ненни серьезное влияние, но возможно еще кто-то из «вражеского лагеря»¹⁸. Кроме того, одно дело – стратегия партийных лидеров, и совсем другое – настроения рядовых членов партии, для которых новая нелицеприятная правда о Советском Союзе могла стать слишком тяжелым потрясением.

Схожие проблемы испытывала и сама ИКП. Общаясь с советским послом в январе 1957 года¹⁹, председатель Контрольной комиссии ЦК ИКП Д'Онофрио жаловался уже на поведение Тольятти, который отстранил от активной работы тех членов руководства партии, которые были тесно связаны с СССР, в частности самого Д'Онофрио, а также Скоччимарро и Роботти, которые были переведены из ЦК в Контрольную комиссию и заменены более молодыми и, по мнению Д'Онофрио, сомнительными лицами (Спано, Пайетта и др.). Тольятти также отказался послать перед состоявшимся в декабре 1956 г. VIII съездом ИКП делегацию в СССР для обсуждения принципиальных вопросов, как бы подчеркивая автономию ИКП²⁰. Кроме того, по словам Д'Онофрио, лидер итальянских коммунистов употреблял слово «*degenerazione*» (вырождение) в отношении «советской демократии в его оценке причин, породивших культ личности» и, хотя указанные конкретные формулировки не были включены в отчетный доклад, общий смысл был

¹⁷ Nuti 2002; Холодковский 1966; Италия... С. 336-337.

¹⁸ Тольятти предположил, в частности, что Ненни является объектом шантажа из-за своих «финансовых комбинаций». АВП РФ. Ф.098. Оп.39. Папка 246. Д.5. Л.115-117.

¹⁹ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.488. Л.14-18.

²⁰ Хотя предварительный проект программного документа был прислан Скоччимарро в ЦК КПСС в сентябре 1956 г., позднее (6 ноября) он, правда был изменен, но в нем уже содержался раздел об итальянском пути к социализму. РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.417. Л.101-105.

сохранен. В целом, собеседник советского посла отметил, что рядовые члены партии увлеклись критикой СССР, именуя при этом всех сторонников СССР не иначе как сталинистами и сектантами. Осуждение действий СССР в Венгрии имело место даже со стороны некоторых членов ЦК и парламентской фракции. Здесь надо, конечно, принять во внимание поведение Д'Онофрио, который высказывался довольно резко и о Тольятти, и о других членах ЦК, подозревая некоторых из них в предательстве и связях с западными спецслужбами. Однако многое из того, что он говорил, описывая настроения в партии, было вполне достоверным. XX съезд и события в Венгрии оказали сильное влияние на левых в Италии. Сталин и СССР в целом, которые до этого были для коммунистов и социалистов иконой, становились объектом критики. На VIII съезде итальянской компартии было сказано об итальянском пути к социализму, о его отличии от революционного опыта Советской России и о том, что этот путь должен основываться на реформах в рамках итальянской конституции. В это же время был брошен лозунг «единство в многообразии», что подразумевало полицентристский подход и возможность большей автономии коммунистических партий.

Аналогичные тенденции в середине 1950-х гг. можно проследить в деятельности общества «Италия – СССР», которое, с одной стороны, было тесно связано с левыми партиями (ИКП и ИСП), а с другой – играло важную роль в осуществлении культурных связей между итальянскими гражданами и СССР и, таким образом, представляло собой, своего рода «окно» в Советский Союз. С середины 1955 г., на фоне ослабления международной напряженности, связанной с встречей глав государств и правительств СССР, США, Великобритании и Франции в Женеве, общество «Италия – СССР» активизировало свою деятельность. Была сделана ставка на привлечение широких кругов итальянской общественности, интересующихся Советским Союзом, даже если они не разделяли левых идей. Заметную роль в этом сыграл II Национальный конгресс Общества (25-27 ноября 1955 г.). Накануне начала работы конгресса группа деятелей культуры и науки (преимущественно сторонники левых взглядов) обратились к премьер-министру Антонио Сеньи с Памятной запиской, в которой речь шла о необходимости расширения культурного сотрудничества с Советским Союзом.

Видимо, с целью ухода от узкопартийного подхода и более массовой общественной поддержки на конгрессе вместо одного президента (этот пост занимал сенатор-коммунист, профессор Антонио Банфи) был избран Президентский совет в составе 6 чел., в который вошли два коммуниста, один социалист и трое независимых. В руководящие органы Общества: Национальный совет (130 чел.), директивный комитет, секретариат, – также были включены представители разных политических течений. Успешной работе Общества должно было поспособствовать и

определенное изменение отношения к нему со стороны итальянского правительства, ставшее возможным в условиях общего улучшения международной атмосферы. Так конгресс получил приветствия от ряда правительственных учреждений и политических деятелей, связанных с правительством и центристскими партиями (председателей верхней и нижней палат парламента, Чезаре Мердзагора и Джованни Леоне, министра народного просвещения социал-демократа Паоло Росси, директора политического департамента МИД Италии Массимо Маджистрати, мэра Флоренции Джорджо Ла Пира и др.). Советская делегация во главе с писателем К.М. Симоновым, направленная на конгресс по линии ВОКС, неожиданно быстро получила итальянские визы, которые затем, по просьбе делегации, были продлены (что само по себе уже было хорошим знаком). После того, как делегация вернулась в СССР, итальянским послом в Москве Марио Ди Стефано в честь ее членов был организован торжественный прием в посольстве Италии²¹. Сотрудники ВОКС делали вывод, что наконец-то широкие слои итальянского общества «признали общество «Италия – СССР» как одну из организаций, осуществляющих связи с Советским Союзом»²².

Принимая во внимание то, какой эффект имели события в Венгрии для деятельности левых партий в Италии, становится ясно, что они весьма негативно должны были сказаться на ситуации в обществе «Италия – СССР». Действительно, подавление венгерского восстания вызвало в руководстве общества замешательство. Один из членов Президентского совета, социалист Джанини, вышел из его состава. Среди коммунистов тоже было характерно критическое отношение к действиям СССР в Венгрии. Прежде всего, это касалось Генерального секретаря Общества Орацио Барбьери. Руководство Общества приняло заявление с осуждением действий СССР, получившее одобрение в ИКП, и только обращение советского посольства напрямую к Тольятти предотвратило публикацию данного заявления. Барбьери выступил в качестве одного из сторонников изменения устава Общества, превращения его в организацию, критически относящуюся к политике СССР (в резолюции говорилось о том, что членство в Обществе не запрещает высказывать суждения о политических акциях СССР). В СССР сделали вывод, что, скорее всего, критическими высказываниями в адрес СССР Барбьери пытался удержать в Обществе социалистов. В итоге, в 1957 г. в ИКП стали рассматривать вопрос о его смещении с поста Генерального секретаря Общества и замене его на Джулиано Пайетта (брата секретаря ЦК ИКП Джанкарло Пайетта). Однако наиболее наглядной иллюстрацией негативных изменений в восприятии к СССР является сокращение

²¹ ГАРФ. Ф.5283. Оп.16. Д.289. Л.13-17,33-35,36-39; Ф.9576. Оп.6. Д.11. Л.7-11.

²² ГАРФ. Ф.5283. Оп.16. Д.289. Л.38.

количества секций Общества к концу 1956 г. по сравнению с 1955 г. на семь, а числа членов – на 20 тысяч человек²³.

В итальянской коммунистической печати, в изданиях, связанных с обществом «Италия – СССР», стали появляться статьи критической направленности в отношении СССР. Так, главный редактор журнала «Рассенья советика» (Советское обозрение) Пьетро Цветеремич выступил в начале 1957 г. на страницах другого журнала Общества «Реальта советика» (Советская действительность) со статьей «Белые пятна», в которой говорилось о советских писателях, пострадавших в годы «культы личности» и указывалось на недостатки в процессе их реабилитации. В другой статье в том же издании литератор Л. Реначчи говорил о необходимости организовать «круглый стол» с участием советских и итальянских писателей, с целью обсудить сложившееся положение (он, как и другой видный «левый» литератор К. Леви, подписал соответствующее обращение к советским писателям). В статье также говорилось о диктатуре, об «ошибках в строительстве демократической жизни» и т.д.²⁴ В пропагандистских материалах Общества (1957), посвященных реформам в управлении советской экономикой, по мнению советской стороны, недопустимо «выпячивалась» советская бюрократия, которая называлась в качестве основной причины необходимости изменения системы управления (что в общем-то было верно)²⁵. Налицо было стремление итальянских коммунистов, осуществлявших культурные связи с СССР, мыслить самостоятельно и пытаться критически (пусть и в определенных рамках) оценивать советскую реальность.

К этому же временному отрезку относится дело с публикацией романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» на Западе. Как известно, рукопись в 1956 г. была передана через работавшего в Москве на радио итальянского коммуниста С. Д'Анджело итальянскому издателю и на тот момент члену компартии Дж. Фельтринелли. Несмотря на попытки советских властей, в т.ч. и через функционеров ИКП (П. Секкья и П. Роботти, а позднее и через Л. Лонго) вернуть рукопись²⁶, Фельтринелли отказался это сделать. Значительно позднее, как известно, он связался с ультралевыми террористами, создал организацию «Группа партизанского действия» (Gruppo di Azione Partigiana) и погиб при загадочных обстоятельствах в 1972 г.²⁷ Книга Пастернака была опубликована в Италии в 1957 г.: кстати, переводчиком и одним из тех, кто занимался

²³ ГАРФ. Ф.5283. Оп.16. Д. 289. Л.33-35, 63-65; Ф.9576. Оп.6. Д.11. Л.12-14.

²⁴ Там же. Ф.5283. Оп.16. Д. 289. Л. 44-62.

²⁵ Там же. Ф.9576. Оп.6. Д.11. Л. 12-14.

²⁶ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.417. Л. 106. Позднее, как известно, самого Пастернака «компетентные органы» заставляли писать Фельтринелли письма, в которых он просил вернуть ему рукопись якобы для доработки, но и это не помогло.

²⁷ Брис. 2008. С.545-546.

ее подготовкой к печати, был упоминавшийся П. Цветеремич, работой над рукописью также занимался редактор издательства В. Рива²⁸.

При этом, принимая во внимание важность событий середины 1950-х гг. для эволюции компартии, в эпоху руководства Тольятти, несмотря на деятельность, направленную на автономизацию ИКП, никогда не ставилось под сомнение «ее членство в коммунистическом мире», возглавляемом СССР. Разрыв между СССР и итальянскими коммунистами, как известно, произошел гораздо позже, но, нельзя отрицать, что 1956 г. был важной вехой на этом пути²⁹.

В августе 1964 г., незадолго до смерти П. Тольятти, находясь в Ялте в преддверие переговоров с Хрущевым, набросал памятную записку, ставшую позднее известной как «Завещание Тольятти». Документ был опубликован печатными органами ИКП (газета *L'Unità* и журнал *Rinascita*) 9 сентября, а на следующий день в переводе на русский язык был напечатан в «Правде». В своей памятной записке Тольятти писал не только о необходимости нового подхода к взаимоотношениям с католиками и деятелями культуры, а также о мирном итальянском пути к социализму, но и проблемах мирового коммунистического движения в целом. Он высказал отличное от позиции СССР мнение по вопросу об отношениях с китайскими коммунистами (осенью 1964 г. должно было состояться международное совещание коммунистических и рабочих партий, на котором предполагалось осудить КПК), заявил о нежелательности существования централизованной международной коммунистической организации, высказавшись в пользу большей автономии партий на местах с учетом местных условий. Он также напомнил о решениях XX съезда добавив, что их самих по себе недостаточно, и они нуждаются в углублении. Тольятти критически высказался о советской реальности, заявив, что демонтаж созданной Сталиным системы «подавления демократических и личных свобод» и возвращение к «ленинским нормам» осуществляются медленно, встречают противодействие³⁰. Известно, что «завещание Тольятти» оказало существенное влияние на развитие коммунистического движения в Италии и в Западной Европе в целом, на формирование «еврокоммунизма».

²⁸ Рива опубликовал книгу «Золото из Москвы» (Riva 1999), в которой polemизировал с книгой Дж. Черветти «Золото Москвы». В ней он пришел к выводу, что, несмотря на декларированный лидерами ИКП (Э. Берлингуэром) разрыв с политикой Москвы после ввода советских войск в Афганистан и отказ от финансовой помощи со стороны КПСС, итальянские коммунисты продолжали получать советскую помощь опосредованно, например, через коммунистов Сан-Марино. А позднее Рива пришел к выводу, что сам разрыв с Москвой был согласован с последней, а Берлингуэр до самой своей смерти оставался агентом влияния Кремля.

²⁹ Levesque. 1987. P. 4-5.

³⁰ Правда. 1964. 10 сентября.

Обращение к нему итальянских коммунистов означало дальнейший дрейф в сторону от СССР. Позднее, события в Праге и ввод советских войск в Афганистан предопределили окончательный разрыв между ИКП и КПСС. Еще раньше левая молодежь (в конце 1960-х – 1970-е гг.) стала искать новые формы самореализации в левом движении, приемыкая к ультралевым, маоистским группировкам, ряд из которых практиковал террористические методы («Красные бригады»). Во многом ими двигало неприятие практики «реального социализма», политики СССР, направленной на разрядку с империалистическим Западом, а также связанных с буржуазным обществом и парламентскими методами борьбы традиционных левых партий.

При этом также необходимо отметить, что одновременно с ухудшением отношений с итальянскими левыми происходило улучшение отношений между СССР и итальянским государством, что было тесно связано с процессом разрядки и активизировавшимся экономическим обменом между двумя странами. Начиная с рубежа 1950–1960-х гг. интенсифицировалась советско-итальянская торговля и культурный обмен. Соответственно, итальянские политологи констатировали относительный рост симпатий итальянцев к СССР (что не соответствовало аналогичной динамике в большинстве западноевропейских стран) именно в 1957–1961 гг. (видимо до обострения Берлинского кризиса и возобновления ядерных испытаний в СССР в 1961 г., что вызвало бурную реакцию в итальянском обществе), а также в начале 1970-х гг.³¹

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 98, Фонд 098
Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 9576, Фонд 5283.
Российский Государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Фонд5. Опись 28.
Брис К. История Италии / пер. с фр. Спб.: Евразия, 2008. 631 с.
Григорьева И.В. Италия в XX веке. М.: Дрофа, 2006. 256 с.
История Италии: в трех томах. Т. 3 / отв. ред. С.И. Дорофеев. М.: Наука, 1971. 546 с.
Италия. / отв. ред. Н.П.Васильков. М.: Мысль, 1973. 456 с.
Кин Ц. Выбираем правду // Полис. 1991. № 1. С. 154-171.
Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892–2006. М.: Наука, 2007. 463 с.
Любин В.П. Приключения образа. Восприятие России в Италии (XX – начало XXI века) // Родина. 2011. № 4. С.141-145.
Холодковский К.Г. Итальянская социалистическая партия: причины эволюции вправо // Мировая экономика и международные отношения. 1966. № 5. С. 128-136.
Хормач И.А. СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х гг. М.: ИРИ РАН, 2005. 940 с.
Gaddis, John Lewis. The Cold War: a New History. N.-Y.: The Penguin Press, 2005. 352 p.
Levesque, Jacques. Italian Communists versus the Soviet Union. The PCI charts a new foreign policy. Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1987. 56 p.

³¹ Rossi. 1985. P. 175-221. Хотя при этом отмечалось, что негативное отношение к СССР среди итальянского населения по-прежнему преобладало, т.е. рост симпатий был относительным, а не абсолютным.

- Nuti, Leopoldo. The United States, Italy, and the Opening to the Left, 1953-1963 // Journal of Cold War Studies. Volume 4, Number 3. Summer 2002. P. 36-55.
- Riva, Valerio. Oro da Mosca. Milano: Mondadori, 1999. 879 p.
- Rossi, Sergio A. Public Opinion and Atlantic Defense in Italy // The Public and Atlantic Defense. Totowa – London – Canberra, 1985. P. 175-221.

REFERENCES

- Arkhiv vnesheinei politiki Rossi'skoi Federatsii (AVP RF). Fond 98, 098
- Gosudarstvennii Arkhiv Rossi'skoi Federatsii (GARF) Fond 9576, 5283.
- Rossi'ski' Gosudarstvennii Arkhiv noveishei istorii (RGANI) Fond 5. Opis' 28.
- Brice K. Istoriya Italii (Brice, Katherine. Histoire de l'Italie) SPb.: Evraziya, 2008. 631 s.
- Grigor'eva I.V. Italia v XX veke. M.: Drofa, 2006. 256 s.
- Istoriya Italii: v trekh tomakh. T. 3 / otv. red. S.I. Dorofeev. M: Nauka, 1971. 546 s.
- Italia / otv. red. N.P. Vasil'kov. M.: Misl', 1973. 456 s.
- Kin C. Vibirayem pravdu // Polis. – 1991. – № 1. S. 154-171
- Lyubin V.P. Socialisti v istorii Italii: ISP I eye nasledniki, 1892 – 2006. M.: Nauka, 2007. 463 s.
- Lyubin V.P. Prikl'yucheniya obraza. Vospriyatie Rossii v Italii (XX – nachalo XXI veka) // Rodina. 2011. № 4. S.141-145.
- Kholodkovski' K.G. Italyanskaya socialisticheskaya partiya: prichiny evolyutsii vpravo // Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnie otnosheniya. 1966. №5. S.128-136
- Khormach I.A. SSSR – Italia I blokovoye protivostoyanie v Evrope: vtoraya polovina 40kh – pervaya polovina 50kh gg. M.: IRI RAN, 2005. 940 s.
- Gaddis, John Lewis. The Cold War: a New History. N.-Y.: The Penguin Press, 2005. 352 p.
- Levesque, Jacques. Italian Communists versus the Soviet Union. The PCI charts a new foreign policy. Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1987. 56 p.
- Nuti, Leopoldo. The United States, Italy, and the Opening to the Left, 1953-1963 // Journal of Cold War Studies. Volume 4, Number 3. Summer 2002. P.36-55;
- Riva, Valerio. Oro da Mosca. Milano: Mondadori, 1999. 879 p.
- Rossi, Sergio A. Public Opinion and Atlantic Defense in Italy // The Public and Atlantic Defense. Totowa – London – Canberra, 1985. P.175-221.

Гиголаев Герман Ефимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; g.e.gigolaev@yandex.ru

The USSR and Italian Left in the 1950s: problems of perception

The feature of the relationship between the USSR and Italy in the postwar world was that, on the one hand, Italy was a member of the NATO military-political bloc opposing the USSR, and on the other, the Italian Communist Party was the strongest Communist party of the non-socialist world. The Communist Party, which had a huge number of adherents and until the mid-1950's worked in close alliance with the Italian Socialist Party, could influence the formation of the image of the USSR in a significant part of the Italian population. From this point of view, the key events of the period were the Twentieth Congress of the CPSU and the events in Hungary (1956), when the perception of the Soviet Union by the Italian Left began to change and disagreements began in the left-wing camp that led to the end of the pact on the unity of action between communists and socialists.

Keywords: Soviet Union, Italian Communist Party, Italian Socialist Party, Italian Democratic Socialist Party, Cold War, Twentieth Congress of the CPSU

German Gigolaev, Ph.D., senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; g.e.gigolaev@yandex.ru

К ПАМЯТНЫМ СОБЫТИЯМ И ДАТАМ

О. С. ПОРШНЕВА

ОТ ЮБИЛЕЯ К ЮБИЛЕЮ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1914–1922 ГГ. В КОНТЕКСТЕ ДВУХ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ¹

В статье рассматривается влияние юбилеев Первой мировой войны и Революции 1917 г. на историческое осмысление этих феноменов. Определяющим трендом мировой историографии, проявившимся в ходе проведения юбилеев, стала историческая компаративистика, «вписывание» российского опыта эпохи Великой войны и Революции в более широкий общеевропейский и мировой контекст, а теоретической основой интерпретации эпохальных событий – концепция общеевропейского военно-революционного кризиса 1914–1921 (22) гг., нацеливающая на выявление его общих предпосылок, характеристик, тенденций, проявлений, а также специфики протекания в странах, втянутых в мировой конфликт. Юбилейные мероприятия, проекты, публикации выявили приоритетный интерес к изучению опыта войны, культуры и символического пространства военно-революционной эпохи, социальных практик и институтов военного времени, проблем исторической памяти. Юбилеи оказали стимулирующий эффект на развитие профессионального знания, в то же время став центральными точками взаимодействия и конфликтов политики памяти и естественных форм конденсации исторической памяти о войне и Революции.

Ключевые слова: юбилеи, историография, Первая мировая война, Российская Революция 1917 г., историческая память

Столетние юбилеи крупных исторических событий – Первой мировой войны и Российской революции 1917 г. наглядно продемонстрировали влияние политики памяти и актуальных общественных запросов на конструирование образов прошлого. В то же время эти «эпохальные» годовщины стали мощным стимулом для «инвентаризации» имеющихся исторических знаний по данной проблематике, разработки ее новых интерпретаций профессиональными историками. Монографии, статьи, материалы научных конференций и семинаров, международных научно-издательских проектов отражают основные тенденции в осмыслении эпохи военных и революционных потрясений начала XX в. в России. Важнейшей из них является рассмотрение событий Первой мировой войны, Революции 1917 г. и Гражданской войны как единой эпохи военно-революционного кризиса, во время которого получили развитие практики и процессы, порожденные войной, предвоенной модернизацией и международной нестабильностью.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

Концепция общеевропейского военно-революционного кризиса 1914–1921 гг. была глубоко обоснована П. Холквистом и Дж. Санборном² и отражала значимую методологическую тенденцию последних двадцати лет, сохраняющую свою актуальность и сегодня. Она может быть обозначена как историческая компаративистика, «вписывание» русской Революции, ее преобразований и опыта в общеевропейский контекст, порожденный формированием индустриальных обществ, феноменов массовой политики, пропаганды и насилия, противостоянием империй и национализма³. В приуроченном к 100-летию юбилею Первой мировой войны «Критическом словаре Русской революции: 1914–1921 гг.», составленном Э. Актоном, У. Розенбергом и В. Черняевым, следующим образом обосновывались хронологические рамки и основная идея труда: «Русская революция стала главной осью событий XX века и эпизодом Первой мировой войны (курсив мой – О.П.), как и Революции 1918 г. в Германии и Австро-Венгрии. Гражданская война порвала пуповину, соединявшую Россию с прошлым, и изначально была войной Октября с Февралем и поэтому частью революции»⁴.

В фундаментальной книге Холквиста «Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921» («Вести войну, ковать революцию: континуум кризиса в России, 1914–1921») ⁵ возникновение советского государства связывалось с практиками мобилизации и насилия, которые начали осуществляться в период Первой мировой войны и получили развитие в условиях Гражданской войны. Применяя, как и царское правительство, политику тотальной мобилизации и массовой пропаганды, порожденную мировой войной, большевики, по замечанию Холквиста, перенесли эти методы в политическую жизнь, а затем инкорпорировали их в послевоенную политическую структуру⁶.

Д. Хоффманн в работах, приуроченных к юбилею Российской революции, доказывает, что практики государственного насилия применялись в новое время и на Западе, и в России, достигнув наиболее широких масштабов в годы Первой мировой войны. Советское государство, родившееся в момент тотальной войны, институционализировало практики военного времени: концентрационные лагеря, слежку, цензуру, принуждение, превратив их в постоянные методы управления. Это делалось не только ради сдерживания внешних угроз, но и для развития экономики и переделки самого общества, подчеркивает автор⁷.

² Holquist 2002, Sanborn 2003.

³ Hoffmann 2017; Holquist 2002; Sanborn 2003, 2014; Ливен 2014; Эпоха войн и революций: 1914–1922; Критический словарь... 2014.

⁴ Критический словарь... С. 17.

⁵ Holquist 2002.

⁶ Ibidem. P. 141–239.

⁷ Hoffmann 2017. P. 626.

В том же ключе трактует практики Революции М. Стейнберг, акцентируя их общеевропейские черты. Он замечает, что большевистская политика «военного коммунизма» свидетельствовала о том, что «многие из этих авторитарных политических мер служили отражением и развитием практик, к которым прибегали власти многих стран Европы для мобилизации экономики и общества во время мировой войны – причем тон в этом отношении не в последнюю очередь задавала Германия, с ее политически консервативным “военным социализмом”»⁸.

Имперская составляющая кризиса российской государственности, обострившегося в период мировой войны и приведшего к Революции, также рассматривается исследователями в тесной связи с общеевропейскими и мировыми процессами⁹.

В преддверии столетия начала Первой мировой войны приобрела особую актуальность концепция военного опыта как инструмент изучения человека в условиях военно-революционных потрясений. Переход от истории событий к истории опыта и «маленького человека» является, по справедливому замечанию О.С. Нагорной и И.В. Нарского, характерной чертой современной историографии войн¹⁰. Д. Байрау констатирует связь опыта с коммуникативными и коммеморативными практиками: «понятие “опыт” включает в себя субъективные категории: разговоры, современные и более поздние рассказы и воспоминания – в общем, дискурс участников и их потомков о войне. Все эти компоненты образуют индивидуальный и коллективный опыт»¹¹. Российские сторонники этого подхода подчеркивают роль опыта в конструировании идентичности: «Опыт понимается не как результат, а как непрерывный процесс конструирования и обработки действительности, как инструмент поддержания и преобразования реальности через ее восприятие, истолкование индивидом и коллективом и обусловленное этим индивидуальное и групповое поведение»¹². Значимым направлением последнего десятилетия стало исследование опыта военной и революционной повседневности, российского и зарубежного плена, практик выживания и насилия в 1914–1922 гг.¹³ При этом интерпретация историками опыта войны и революции предпринимается на основе учета, осмысления и характеристики взаимосвязи данных процессов.

⁸ Стейнберг 2018. С. 161-162.

⁹ Smith 2017; Sanborn 2014; Ливен 2014; Engelstein 2017; Стейнберг 2018. С. 343-443.

¹⁰ Нагорная, Нарский 2014. С. 18.

¹¹ Байрау 2007. С. 28.

¹² Опыт мировых войн... С. 7.

¹³ Нагорная 2010; Нагорная, Нарский 2014; Асташов 2014; Булдаков 2014; Маленький человек и большая война...

Следует отметить, что «растягивание» хронологических рамок Революции, рассмотрение ее как процесса, а не события, ограниченно-го во времени, вызывает критику некоторых российских историков, озвученную Н.Н. Смирновым на юбилейной конференции в Санкт-Петербурге¹⁴. При этом именно Петербург является местом проведения международных научных коллоквиумов по Первой мировой войне, в работе которых проявляется приверженность его участников концепции военно-революционного кризиса 1914–1921 гг.¹⁵

К столетнему юбилею Первой мировой войны был реализован ряд крупных международных научных проектов. Среди них – Международная онлайн-энциклопедия Первой мировой войны 1914–1918 гг., созданная в октябре 2014 г. Она является совместным проектом крупнейшей сети исследователей Первой мировой войны и охватывает более 50 стран. С марта 2016 г. «1914–1918-онлайн» расширяется и дополняется, являясь частью DFG-проекта “Open Encyclopedia System”, направленного на обеспечение возможностей интерактивной работы пользователей с ее материалами¹⁶.

Другой международный проект, стимулированный юбилеем Первой мировой войны – реализуемое в США издание многотомного труда “Russia’s Great War & Revolution” («Великая война и Революция в России»), в полной мере отражает роль юбилеев в развитии профессиональной историографии и ее стремление усилить влияние на историческое сознание общества. Это исследование российских и зарубежных ученых отчетливо демонстрирует готовность историков к обновлению концептуального и методического инструментария, возможности международного формата приращения исторического знания, доминирование тенденции рассмотрения периода мировой войны и Революции в России как единого исторического этапа. Как говорится на сайте проекта, «“Великая война и революция в России” – научная работа интернационального коллектива исследователей, направленная на фундаментальное преобразование понимания “континуума кризиса” в России в 1914–1922 годах»¹⁷. Проект, основанный на новых методах исследования и источниках, как отмечается в его описании, направлен на переоценку концепций и событий этого периода, а также *повышение осведомленности общественности о вкладе России в историю двадцатого века* (курсив мой – О.П.). В его характеристике отражается понимание историками возможностей влияния на общество, создаваемых юбилей-

¹⁴ Смирнов 2017. С. 17.

¹⁵ См.: Россия и Первая мировая война...; Маленький человек и большая война...; Эпоха войн и революций...; и др.

¹⁶ <http://www.1914-1918-online.net/>

¹⁷ <http://russiasgreatwar.org/index.php>

ными коммеморациями: «Поскольку мы отмечаем столетнюю годовщину Первой мировой войны, общественное внимание обратилось к значению Великой войны в формировании истории человечества. Столетние юбилеи предоставили ученым уникальную возможность вовлечь в обсуждение и просвещать широкую общественность по проблемам мирового конфликта и его значения. Такая возможность имеет особенное значение для историков России. На протяжении большей части XX века Великая война в России была на задворках исторической мысли, будучи заслоненной тенью революции большевиков, гражданской войны и консолидации власти, так как советские и западные эксперты сосредоточили свою энергию на объяснении истоков и подъема русского коммунизма. В последние годы новое поколение исследователей начало пересматривать и переоценивать значение и смысл войны. Подкрепленные новыми архивными выводами и освобожденные от идеологического багажа предыдущих исторических дебатов, они начали анализировать Великую войну России не как прелюдию к Красному Октябрю, а как поворотный пункт, который привел в движение цепь событий, трансформировавших Евразию и большую часть мира»¹⁸.

Еще одним международным проектом, приуроченным уже к 100-летию Российской революции 1917 г., стало переиздание воспоминаний ее американских свидетелей “Americans in Revolutionary Russia”, реализуемое под руководством профессоров Н. Сола и В. Виссенханта с привлечением российских специалистов. Проект направлен на переиздание трудов, зафиксировавших опыт американцев, ставших свидетелями войны и революции в России в период между 1914 и 1921 гг. Подчеркивается, что большинство этих мемуаров не переиздавались с тех пор, как были впервые опубликованы сто лет назад¹⁹.

В России примером юбилейного научно-издательского проекта является «Россия 1917 года в эго-документах». Он направлен на публикацию (преимущественно впервые) воспоминаний, писем и дневников участников и свидетелей событий революции, сопровождаемую научным комментарием и справочной информацией. В настоящее время вышло три тома из четырех, запланированных в рамках серии²⁰.

О достижении современной историографией определенного консенсуса в понимании роли мировой войны в происхождении Революции 1917 г. и Гражданской войны свидетельствуют и материалы международного проекта по истории Февральской революции (осуществ-

¹⁸ <http://russiasgreatwar.org/index.php>

¹⁹ Издания снабжены введением экспертов, примечаниями, обширным справочным аппаратом: https://slavica.indiana.edu/series/Americans_in_Revolutionary_Russia

²⁰ Проект осуществляется в Институте истории и археологии УрО РАН под руководством Н.В. Суржиковой. См.: Россия 1917 года в эго-документах...

лен в Санкт-Петербурге к ее 100-летию)»²¹. Благодаря проекту появилась возможность осмыслить современную историографическую ситуацию на основе опроса ведущих российских и зарубежных историков по таким проблемам, как роль предвоенных процессов и Первой мировой войны в возникновении Революции, «историческая вина» за нее, роль конкретных политических сил в падении самодержавия, историческое значение Февраля и др. Результаты были обобщены В.В. Калашниковым в виде анализа материалов Вопросника по истории Революции, предложенного 25-ти ведущим историкам (в т.ч. 14 российским и 11 зарубежным)²². Большинство историков обозначили войну как сделавшую Русскую революцию «весьма вероятной», другие – «неизбежной», и только один историк высказал иную точку зрения²³.

Одна из приоритетных тем современной историографии – формирование и функционирование исторической памяти о войнах – получила новое дыхание на волне юбилейных мероприятий. Историки в полной мере осознают сложность взаимодействия образов, сложившихся в массовом сознании под влиянием юбилейной политики «военных коммемораций», социального опыта и, с другой стороны, предлагаемых историками. Кроме того, сами историки, будучи носителями исторической памяти и в определенной своей части – проводниками исторической политики властных элит, также подвержены поворотам меняющегося исторического сознания. В дни юбилеев Первой мировой войны и Революции 1917 г. не только в России, но и за рубежом остро проявилась напряженность в отношениях между официальной и неофициальными версиями коллективной памяти и истории этих событий, вызвавшая профессиональные и общественные дебаты²⁴. Э. Мукок отмечает, что позиция правительства Великобритании, заявлявшего, что его роль в проведении юбилея сводится к обеспечению руководства и поддержке в организации общественных коммемораций, хоть и понятна, но наивна, недооценивает свою роль в стимулировании идеологически обоснованных границ, касающихся того, как конфликт должен вспоминаться и что представляет собой его наследие для современного британского общества. Конструируя 100-летний юбилей Первой мировой войны в рамках «национального» дискурса, правительство, по мнению историка, «провалилось» в полном признании и осознании того, до какой степени мультинациональная структура британского государства

²¹ Февральская революция 1917 г. 2017.

²² Вопросник был предложен проф. Калашниковым и отредактирован проф. Индианского университета (США), известным специалистом по истории Русской революции А. Рабиновичем. См.: Февральская революция 1917 г. С. 137–174.

²³ Там же. С. 140.

²⁴ Мусок 2014; Петров 2017.

оказывала и продолжает оказывать воздействие на разделение, иерархизацию и фрагментацию памяти британского общества о войне²⁵.

Взаимодействие и борьба разных форм исторической памяти о войне и революции, их образы стали предметом презентации и обсуждения на международной конференции «Уроки Октября» (Париж, 16-18 октября 2017 г.), организованной Посольством РФ во Франции²⁶. Констатация неразрывной связи войны и революции прозвучала в докладе постоянного секретаря Французской Академии Элен Каррер д'Анкосс, автора фундаментальной монографии о В.И. Ленине²⁷. Революция, отменила докладчик, была порождена войной, а якобы имевшее место «планирование» революции 1917 г. Лениным – это миф. Глубокий анализ взаимосвязи исторической памяти и историографических парадигм о войне и Революции прозвучал в докладе «Великая Российская революция: проблемы исторической памяти», представленном директором Института российской истории РАН Ю.А. Петровым. Говоря о причинах Революции, он вышел на проблематику Первой мировой войны, которая была охарактеризована как событие, обусловившее резкую радикализацию настроений в Российской империи, переплетение ряда противоречий и кризисных процессов. Ю.А. Петров проанализировал влияние современных дискуссий о характере войны, Февральских и Октябрьских событий на историческую память о них. Как и в других своих работах²⁸, он выступил против получившей довольно широкое распространение в общественном сознании современной России и трудах некоторых историков конспирологической версии происхождения Революции. Проблематика исторической памяти о войне и Революции была также представлена в выступлениях директора Дома русского зарубежья В.А. Москвина, писателя В.В. Ерофеева, председателя Союза дворян Д.М. Шаховского, председателя Ассоциации «Франко-русский альянс» А.А. Трубецкого, Первого заместителя председателя Международного совета российских соотечественников Н.Д. Лобанова-Ростовского, переводчика и публициста Н.И. Кривошеина, председателя Клуба императорского морского флота А.Б. Жевахова.

Анализ докладов позволяет сделать вывод о сосуществовании процессов сближения и расхождения моделей исторической памяти и достижений историографии в разные периоды, в разных социокультурных средах. Конференция наглядно продемонстрировала, что, несмотря

²⁵ Мусock 2014. Р. 161.

²⁶ Автор статьи была участницей этой конференции, вела собственную запись докладов и использовала стенограмму, любезно предоставленную атташе по культуре Посольства РФ во Франции К. Пахоруковым.

²⁷ Каррер д' Анкосс 2008.

²⁸ Петров 2017. С. 15-16.

на усилия академических историков, стремящихся к объективному изучению проблем, в понимании Революции и связанных с ней процессов по-прежнему большую роль играют «неисторические варианты» исторической памяти, связанные с конспирологическими и иными версиями, психологическими и эмоциональными травмами, влиянием специфического поколенческого опыта.

Политика памяти, целенаправленное конструирование новой идентичности в условиях революционного и постреволюционного времени, рассматриваемые во взаимосвязи с коммеморативными практиками «снизу» и естественной конденсацией исторической памяти о Первой мировой войне, Революции и гражданской войне, стали сегодня важными направлениями осмысления раннесоветского периода²⁹.

Наряду с общим пониманием доминирующих тенденций и взаимосвязанных процессов эпохи военно-революционного кризиса в историографии сохраняется ряд дискуссионных проблем. Одной из них является вопрос о степени зрелости российской нации, роли мировой и гражданской войн, революции в ее формировании. Если большинство исследователей считают, что одной из главных причин революции и отката масс от войны стала несформированность национального сообщества с едиными представлениями о целях и интересах страны, то Д. Санборн и М. Стокдейл, напротив, отмечают значительную роль военного опыта в конструировании гражданской идентичности, формировании идеи нации³⁰. Стокдейл в одном из томов юбилейного издания из серии «Великая война и революция в России» пишет: «Можно скорее заключить, что опыт мировой войны помог укрепить в населении чувство принадлежности к великому национальному сообществу, чем стал проигранным тестом на патриотизм»³¹. Санборн показал влияние Первой мировой войны, создавшей тотально мобилизованное общество, а затем революционных процессов и периода гражданской войны на ускорение формирования и трансформацию облика и самой идеи российской нации. В частности, автор отмечает, что в годы гражданской войны большевики создали «классовую» нацию путем объединения в ней различных категорий «трудящихся» и исключения национальных «париев», так же, как предреволюционные официальные власти пытались объединить различные этнические группы под «зонтиком» «российскости»³². Автор рассматривает процесс формирования российской нации в связи с конструированием и усвоением гражданской идентичности, принимавшей разные, но во многом преемственные формы. Ми-

²⁹ Тихонов 2017; Солодянкина 2017; Petrone 2011.

³⁰ Sanborn, 2003, p. 205; Russian Culture in War and Revolution. P. 26.

³¹ Russian Culture in War and Revolution. P. 26.

³² Sanborn 2003. P. 205.

ровая война, революция, а затем и гражданская война обусловили утверждение идеала гражданина-солдата, но понимание того, что это значит, в этот период существенно изменилось. Новое поколение молодых мужчин, вступивших во взрослую жизнь в условиях войны, революции и массового насилия, проявляли качества нового типа – агрессии и соединении силы и дисциплины, инициативы и подчинения³³.

В юбилейном выпуске журнала «Slavic Review» Дж. Санборн и Э. Лор рассматривают Революцию 1917 г. в тесной связи с политическими и социально-психологическими процессами завершающего периода участия России в мировой войне. Суть этих процессов – общественная «демобилизация» (как противоположность национальной мобилизации первого периода войны) и государственный коллапс, вызвавшие апатию, разочарование и массовый поворот людей к практикам выживания в период Революции и Гражданской войны. Используя компаративный подход, авторы Лор констатируют: «Скорость и размах демонтажа полиции, государственной службы и армии помещают российский прецедент в дальний конец сравнительного ряда революций»³⁴, акцентируя тем самым внимание на специфике ее феномена.

Значимых результатов в исследовании политической культуры эпохи военно-революционного кризиса добились представители «новой политической» и «новой культурной» истории». Анализ российской культуры этого периода как единого пространства взаимосвязанных, обусловленных его обстоятельствами трансформаций, позволил реализовать культурно-символический подход, изучить роль образов, слухов, символов, эмоций в политической жизни и массовой культуре³⁵.

Столетний Юбилей Российской революции высветил также тенденцию изучения периода Революции и Гражданской войны в контексте истории советского «проекта», проблемы конструирования большевиками раннесоветского общества и государства. Этот тренд отражает пристальное внимание к роли социального проектирования в политике большевиков, их целенаправленное воздействие на сознание и поведение людей в революционную и постреволюционную эпоху. Он нашел яркое проявление в содержании докладов и статей на международных юбилейных конференциях последних лет³⁶. Широкое распространение практик социального проектирования, как показали историки, также связано с опытом Первой мировой войны. Благодаря трудам П. Хол-

³³ Sanborn, 2003, p. 206-207.

³⁴ Lohr, Sanborn 2017. P. 708.

³⁵ Figes, Kolonotskii 1999; Колоницкий 2012; Russian Culture in War and Revolution...; Булдаков 2014; и др.

³⁶ См.: Революция 1917 года в России... 2017; 1917 год в России: социалистическая идея... 2016; Эпоха социалистической реконструкции... 2017..

квиста обоснована определяющая роль войны в распространении представлений о роли и возможностях государства в деле «переделки» сознания и поведения человека, а вместе с этим и всего общества. Так, он обосновал важный тезис о том, что тотальная война была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами, переходом от управления территориями к управлению населением³⁷. Холквист обратил внимание на то, что во всех странах, включая Россию, в результате войны изменились функции надзора за населением: он стал предназначаться не просто для выявления мнений и настроений, как и не сводиться к контролю над населением – вся его цель заключалась в том, чтобы воздействовать на людей, изменить их. Во всех странах появились идеи создания более совершенного общества при одновременном превращении образующего это общество человеческого материала в более эмансипированных, сознательных и вообще лучших индивидуумов, т.е. создания «нового человека»³⁸.

Таким образом, анализ влияния 100-летних юбилеев Первой мировой войны и Российской революции 1917 г. на профессиональное осмысление этих эпохальных событий ярко демонстрирует их стимулирующее воздействие на развитие исторического знания. Это проявляется в активизации исследовательской и публикаторской работы, расширении источниковой базы и качественном обновлении методов получения и представления знаний, инвентаризации и обновлении концептуального багажа. Проведение в связи с юбилеями крупных исследований с привлечением историков из разных стран показывает перспективность международного формата научных проектов, его значительные возможности в деле приращения знания. Использование в рамках этих проектов цифровых и информационных технологий, интерактивного формата представления знания способствует расширению аудитории, приобщенной к актуальному историческому знанию о мировой войне и Революции. Юбилеи явно продемонстрировали сближение подходов российских и зарубежных историков в их осмыслении событий войны и Революции на основе интерпретации взаимосвязи процессов военного и революционного времени, использования концепции военно-революционного кризиса 1914–1921 (22) гг., раскрывшей свой эвристический потенциал.

Особенностью двух серий юбилейных мероприятий стала их тематическая взаимосвязь и преемственность. В то же время именно Юбилеи стали центральными точками взаимодействия и конфликтов политики памяти и естественных/неофициальных форм конденсации исторической памяти о прошлом, различных версий его восприятия.

³⁷ Холквист 1999. С. 84.

³⁸ Холквист 2001. С. 47.

Они выявили как возможности взаимодействия власти, общественности и профессиональных историков в выработке интерпретационных схем и символических образов этих событий, так и конфликты интерпретаций, вариативность исторической памяти, устойчивость и изменчивость социальной памяти о прошлом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 384 с.
- Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – нач. 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
- Байрау Д. Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2007.
- Будлаков В.П. Россия. 1914–1918: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М.: ИРИ РАН, 2014. С. С. 11-21.
- Каррер д' Анкосс Э. Ленин / Э. Каррер д' Анкосс; [пер. с франц. А.Н. Скобелкина] – 2-е изд. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.
- Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 336 с.
- Критический словарь Русской революции. СПб.: Нестор-История, 2014.
- Ливен Д. Россия в Первой мировой войне // Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М.: ИРИ РАН, 2014. С. 22-29.
- Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX- середина XX вв.: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 17-20 июня 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. 572 с.
- Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010.
- Нагорная О., Нарский И. Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // Российская история. 2014. № 5. С. 13-26.
- Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / [редкол.: И.В. Нарский и др.] Челябинск: Каменный пояс, 2007.
- Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 12-26.
- Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.И. Вебер и др.; науч. ред. Н.В. Суржикова. М: Политическая энциклопедия, 2015. 510 с.
- Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.Б. Ларионова, Е.Ю. Лебеденко, Н.А. Михалёв, С.А. Пьянков, Е.Ю. Рукосуев, Н.В. Серeda, О.В. Чистяков, М.И. Вебер; науч. ред. Н.В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 678 с.
- Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера / подгот. текста и коммент. Н.В. Суржиковой, М.И. Вебера, Я.А. Голубинова, Е.Ю. Лебеденко, Н.А. Михалева, С.А. Пьянкова; науч. ред. Н.В. Суржикова; М.: Политическая энциклопедия, 2016. 551 с.
- Смирнов Н.Н. О некоторых дискуссионных проблемах Великой русской революции 1917 года // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память». Материалы международной конференции, посвященной 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 16–22.
- Солодянкина О.Ю. Казусы идентичности: новая губерния, новые герои, новые иностранцы и новые коммеморативные практики // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память». Материалы международной конференции, посвященной 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 308–315.

- Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921 / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. М. Гершзона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 360 с.
- Февральская революция 1917 года: Проблемы истории и историографии. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.
- Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. СПб.: СПб. Институт истории РАН, «Дмитрий Буланин», 1999. С. 83–101.
- Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: «Самарский университет», 2001. С. 45–93.
- Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного colloquiuma. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований / глав. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 754 с.
- 1914-1918 online. International Encyclopedia of the First World War // URL: <http://www.1914-1918-online.net/>
- Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution. Bloomington: Indiana University Press, 1985.
- Engelstein L. Russia in Flames. War, Revolution, Civil War, 1914–1921. Oxford: Oxford University Press, 2017. 856 p.
- Figes O., Kolonotskii B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, London: Yale University Press, 1999.
- Hoffmann David L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. Volume 76. Issue 3 Fall 2017, pp. 619–628.
- Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass., London, 2002.
- Lohr E., Sanborn J. 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse // Slavic Review. Volume 76. Issue 3. Fall 2017, p. 703–709.
- Mycock, A. The First World War Centenary in the UK: 'A Truly National Commemoration'? // Round table: a quarterly review of the politics of the British Commonwealth. 103/2; 2014, 153–163.
- Petrone, Karen. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011
- Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 2. Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory / Ed. M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, M.K. Stockdale. Bloomington: Indiana, 2014.
- Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003.
- Sanborn J.A. Imperial Apocalypse. The Great War and the Destruction of the Russian Empire Oxford: O.U.P., 2014
- Smith S.A. Russia in Revolution: an Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford: O.U.P., 2017. 448 p.
- Steinberg M.D. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford; N.Y.: O.U.P., 2017.

REFERENCES

- Astashov A.B. Russkii front v 1914-nach. 1917 goda: voennyi opyt i sovremennost'. M.: Novyi khronograf, 2014. 740 s.
- Buldakov V. P. Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918. Usloviia voznikoveniia, khronika, kommentarii, analiz. M.: Novyi khronograf, 2010.
- Buldakov V. P. Rossiia, 1914–1918: voina, emotsii, revoliutsiia // Rossiia v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914–1918: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 30 sentiabria – 3 oktiabria 2014 g.). M.: IRI RAN, 2014. S. S. 11–21.

- Davydov A. Iu. Narod i Sovetskoe gosudarstvo v Grazhdanskoj voine: Protivostoianie v bor'be za khleb // Malen'kii chelovek i bol'shaia voina v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX vv.: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 17-20 iyunia 2013 g.). SPb.: Nestor-Istoriia, 2014. S. 318-335.
- Fevral'skaia revoliutsiia 1917 goda: Problemy istorii i istoriografii (2017) [The February Revolution of 1917: Problems of History and Historiography] SPb.: Izd-vo SPbGETU «LET». Karrer d' Ankoss E. Lenin / E. Karrer d' Ankoss; [per. s frants. A.N. Skobelkina]. 2-e izd. – M.: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 20008 (In Russian)
- Kolonitskii B. I. Simvoli vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revoliutsii 1917 goda. SPb.: Liki Rossii, 2012. 336 p.
- Kholkvist, P. Total'naya mobilizatsiya i politika naseleniya: rossiyskaya katastrofa (1914–1921) v evropeyskom kontekste [Total mobilization and population policy: the Russian catastrophe (1914 - 1921) in the European context] In Rossiya i Pervaya mirovaya voyna. SPb., SPb. Institut istorii RAN, «Dmitriy Bulanin», 1999. p. 83-101.
- Kholkvist, P. «Osvedomlenie – eto al'fa i omega nashey raboty»: Nadzor za nastroeniyami naseleniya v gody bol'shevistskogo rezhima i ego obshcheevropeyskiy kontekst [“Information is the Alfa and Omega of our Work”: Bolshevik Surveillance in its Pan-European Context»] In Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: Antologiya/ Sost. M.Devid-Foks. Samara: “Samarskiy universitet”, 2001. p. 45-93.
- Kriticheskii slovar' Russkoi revoliutsii. SPb.: Nestor-Istoriia, 2014. 768 s.
- Liven D. Rossiia v Pervoi mirovoi voine // Rossiia v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914–1918: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 30 sentiabria - 3 oktiabria 2014 g.). M.: IRI RAN, 2014. S. 22-29.
- Malen'kii chelovek i bol'shaia voina v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX v.: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 17-20 iyunia 2013 g.). SPb.: Nestor, 2014. 572 s.
- Nagornaia O. S. «Drugoi voennyi opyt»: rossiiskie voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Germanii (1914–1922). M.: Novyi khronograf, 2010.
- Nagornaia O., Narskii I. Proigrannaia voina, poisk vinovnikov i ten' natsizma: Pervaia mirovaia voina v nemetskoj istoriografii // Rossiiskaia istoria. 2014. № 5. S. 13-26.
- Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii / red.: I.V. Narskii i dr. Cheliabinsk: Kamennyi poias, 2007.
- Petrov Iu. A. Rossiia nakanune Velikoi revoliutsii 1917 g.: sovremennye istoriografi-cheskije tendentsii // Rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura / otv. red. Iu.A. Petrov. M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2017. T. 1. S. 12-26.
- Smirnov N. N. O nekotorykh diskussionnykh problemakh Velikoi russkoi revoliutsii 1917 goda // Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat'. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu Revoliutsii 1917 g. v Rossii. SPb., 2017. S. 16–22.
- Solodianskina O. Iu. Kazusy identichnosti: novaia guberniia, novye geroi, novye inostrantsy i novye kommemorativnye praktiki // Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat'. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu Revoliutsii 1917 g. v Rossii. SPb., 2017. S. 308–315.
- Steinberg M. Velikaia russkaia revoliutsiia, 1905-1921 / per. s angl. N. Edel'mana; pod na-uch. red. M. Gershzona. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2018. 360 s.
- Epokha voyn i revoliutsii: 1914–1922: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma. SPb.: Nestor-Istoriia, 2017.
- 1914-1918 online. International Encyclopedia of the First World War // URL: <http://www.1914-1918-online.net/>
- Engelstein L. Russia in Flames. War, Revolution, Civil War, 1914–1921. Oxford: O.U.P., 2017. 856 p.
- Figes, O., Kolonitskii, B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, London: Yale University Press, 1999.
- Hoffmann D.L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. Volume 76. Issue 3 Fall 2017, pp. 619-628.

- Holquist P. *Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914 – 1921.* Cambridge, Mass., London, 2002.
- Lohr E., Sanborn J. 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse // *Slavic Review.* Vol. 76. Issue 3. Fall 2017. P. 703–709.
- Mycock A. The First World War Centenary in the UK: 'A Truly National Commemoration'? // Round table: a quarterly review of the politics of the British Commonwealth. V. 103; No. 2. 2014, 153-163.
- Petrone Karen. *The Great War in Russian Memory.* Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011.
- Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 2. *Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory/* Ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, M.K. Stockdale. Bloomington: Indiana, 2014.
- Sanborn J. *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925.* Dekalb, 2003.
- Sanborn J. A. *Imperial Apocalypse. The Great War and the Destruction of the Russian Empire* Oxford: O.U.P, 2014.
- Smith S. A. *Russia in Revolution: an Empire in Crisis, 1890 to 1928.* Oxford: O.U.P, 2017. 448 p.
- Steinberg M. D. *The Russian Revolution, 1905–1921.* Oxford; N.Y.: O.U.P, 2017.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; porshneva@yandex.ru; o.s.porshneva@urfu.ru

The jubilee to the anniversary: interpretation of the war-revolutionary crisis of 1914-1921 in the context of two significant dates

The article focuses on the impact of the First World War and the Revolution of 1917's anniversaries on the historical comprehension of these phenomena. The thesis that the defining trend in world historiography, manifested in the course of anniversaries, was the comparative studies, the incorporation of the Russian experience of the era of the Great War and the Revolution into a broader European and global context. The theoretical and methodological basis for interpreting epoch-making events was the concept of all-European military-revolutionary crisis of 1914–1921 (22), aimed at revealing its general prerequisites, characteristics, trends, manifestations, as well as specifics of the processes in the countries involved in the world conflict. Jubilee events, projects, publications have revealed a priority interest in studying the experience of war, culture and the symbolic space of the military-revolutionary era, social practices and wartime institutions, the problems of historical memory. The jubilees had a stimulating effect on the development of professional knowledge, while at the same time becoming the central points of interaction and conflicts of the policy of memory and natural forms of condensation of the historical memory of the war and the Revolution.

Keywords: Jubilees, historiography, World War I, Russian Revolution of 1917, historical memory

Olga Porshneva, Dr Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; porshneva@yandex.ru; o.s.porshneva@urfu.ru

А. А. КУЗНЕЦОВ

РЕВОЛЮЦИЯ СПУСТЯ 100 ЛЕТ

Статья посвящена анализу коллективной монографии книги о юбилее революции 1917 г. в России – «Революция-100: реконструкция юбилея» (под ред. Геннадия Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2017). Авторы текста изучили разные аспекты юбилея Революции 1917 года в России и за рубежом. Контексты исследования юбилея: политический, социальный, культурный, коммеморативный, научный, архивный, религиозно-конфессиональный, региональный и визуальный.

Ключевые слова: *Революция 1917 года, Россия, юбилей, историческая политика, коммеморация, мониторинг*

Издание, которому посвящена эта статья, многомерно, противоречно, как юбилей и его событие. Редактору, идеологу издания Г.А. Бордюгову вместе с соруководителем Н.И. Ажгихиной предстояло решить сложные задачи выстраивания системы замеров, выбора оценочных шкал и, соответственно, формирования коллектива (со)авторов. Они должны были видеть цель большой книги, обладать необходимым объемом знаний по истории Российской Революции, владеть методическим и методологическим багажом в области коммеморативных практик и исторической политики. В этом свете большой подготовительной работой на протяжении почти четверти века выглядят коллективные издания АИРО-XXI. Из их немалого числа внушительный эффект в гуманитарном сообществе произвели масштабный серийный проект «Исторические исследования в России» (три его этапных сборника были объединены в итоговый компендиум¹); обобщающий коллективный труд, посвященный основным тенденциям в научном сообществе российских историков со времён Перестройки²; экспертно-аналитическое издание на тему 70-летия Победы³; высококвалифицированная подготовка корпуса текстов Е.М. Примакова и мемуаров о нём⁴. В этом ряду наиболее близкой по задачам и методике оказалась книга о юбилее Победы.

Экспертная работа по «сборке» 70-летнего юбилея триумфа советского народа и Красной Армии стала успешным опытом по организации трудоспособного коллектива авторов из разных городов и вузов России. Сравнение двух книг – о юбилеях 9-го мая и 7 ноября (25 октября) показывает, что организаторы и вдохновители «Революции-100»

¹ Между каниунами... 2013.

² Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. 2011.

³ Победа-70: реконструкция юбилея. 2015.

⁴ Примаков Е.М. Собрание сочинений. В 10-ти томах. 2016; Неизвестный Примаков. Документы. 2016; Неизвестный Примаков. Воспоминания. 2016.

ориентировались на позитивный опыт организации исследовательской площадки, «строительства» команды «Победа-70». Вообще, создание авторских групп, способных в короткое время адекватно поставленным целям и задачам выдавать качественный продукт, является визитной карточкой АИРО-XXI. Г.А. Бордюгову удалось создать пул авторов, из которого под каждый проект рекрутируется команда. Изучение в динамике коллективов разных проектов АИРО-XXI позволяет выявить своеобразную ротацию авторов, привлечение молодых исследователей, задействование опытных кадров из своеобразного резерва и сохранение определённого ядра. Такая политика обуславливает следование уже сложившимся традициям и привнесение новаций. Все эти характерные черты проявились в подборе экспертов-исследователей для представления модели юбилея Российской Революции.

Учёт опыта «Победы-70» при освещении 100-летия Революции был проведён творчески. Об этом заявлено авторами (с. 13–14): 1) по «...внешним параметрам настоящий проект похож на... аналогичное исследование АИРО XXI – «Победа-70...»»; «... в основу обоих экспертно-аналитических продуктов был положен мониторинг динамических изменений мнений, оценок, суждений, настроений, выводов и прогнозов, связанных с юбилеями масштабных исторических событий»; 2) «между обоими проектами имеются и существенные отличия»; к ним относятся юбилейное время (для Революции оно замерялось в течение года, а для Победы – от трёх до шести месяцев), более сложная и многомерная «проблемная сетка» Революции-100, более дифференцированная фокусировка – в связи с фазами революционного развития – на объект революционного юбилея, подвижность исторических вех в процессе праздничного, коммеморативного и юбилейного маркирования Революции в советском периоде истории, отсутствие социального согласия или даже «договора» на представление о Революции, внушительная выборка зарубежных мнений о 1917 г.

Методы и средства мониторинга «Революция-100» представляют собой результат дальнейшего развития инструментария, с помощью которого постигали юбилей Победы. Само это развитие было обусловлено спецификой предмета исследования (с. 15). Она же, как представляется, определила сознательный отказ руководителей проекта от навязывания авторскому коллективу жёстких хронологических рамок Революции-1917. Такая свобода рук оказалась оправданной, поскольку разные аспекты юбилея затрагивали историю коммунистических и революционных идей и практик, к которым апеллировали творцы Революции-1917, актуализировали связь 1905–1907 гг., революционно-контрреволюционное насилие раздвигало границы 1917 года до и после, закономерное «пожирание Революцией своих детей» неизбежно сопрягало юбилей Революции-100 и «1937 года»-80. Кроме того, пер-

сональная исследовательская оптика российских авторов и авторов зарубежных, авторов-историков и авторов-неисториков могла быть настроенной на «долгую Революцию» и Революцию-1917. Обратной стороной этого стала некоторая эклектичность монографии. В одной из её частей внимание фокусируется на коммеморации процессов, событий и людей 1917 г., а в других блоках временные рамки раздвигаются крайне широко. Эта двойственность была порождена не только сложностью, многогранностью и Революции, и её юбилея, но также сжатыми сроками подготовки книги авторами из разных стран и городов. В связи с такой разнородностью представление книги здесь проводится по её отдельным составляющим, где сразу обозначаются авторские достижения и проблемные стороны отдельного текста. Именно проблемные стороны, а не недостатки, поскольку в силу масштабов юбилейного предмета исследования и его исторического субстрата можно только вспомнить Козьму Пруткову: «Нельзя объять необъятное».

Книга, не считая Предисловия, Послесловия, Хронологии юбилея, Приложения и Сведений об авторах, состоит из 7-ми частей. Предыстория юбилея разбирается в первой, построенной на компаративистском сопряжении практик революционных юбилеев у «них» и у «нас». В.А. Невежин и Е.С. Сапрыкина рассмотрели первые революционные юбилеи 1876 г. в США и 1889 г. во Франции, органично вписали эти революционные юбилеи в эпоху «национализации» прошлого (с. 20), показали основные события юбилеев, их визуальные маркеры (например, статуя Свободы и Эйфелева башня). Через статую Свободы была осуществлена и своеобразная связь между двумя Революциями и сопряжёнными «воспоминаниями» о них. Затем был проведён экскурс в празднования 200-летий Американской (с. 25–34) и Французской революций (с. 34–46). Торжества по случаю этих памятных дат оказались соотносёнными со злободневными социально-политическими проблемами и дискуссиями (в США в большей степени). И эту ситуацию не смогла компенсировать установка на позитивные стороны вспоминаемых событий. Например, во Франции акцент ставился исключительно на 1789 год, и попытки католической церкви обратить внимание общества на жертв террора под символическим знаком 1793 г. оказались тщетными. Может быть, здесь сработал фактор усталости от деструктивных последствий майских событий 1968 г. Идеальный упор на позитивный потенциал крупных событий прошлого оказался общим для обеих революций, что проявилось, опять-таки, в осознанной сцеплённости юбилейных практик. Сравнение американского и французского визуальных рядов празднований демонстрирует преимущества второго – основание помпезных архитектурных сооружений, яркие красочные постановочные акции, на что были потрачены огромные суммы. Куда в меньшей степени авторы обратили внимание на создание юбилейных

текстов, которые являются наиболее важными в коммеморативной сфере каждого юбилея. Праздники проходят, рекреационные и развлекательные действия потомков тех, кто когда-то совершал революции или им противился, остаются только в памяти этих людей как моменты нарушения повседневности. Общественно-политические проблемы, по которым шли дискуссии на момент юбилеев, сменяются другими. Многие размышления публицистов, политиков, где затрагивались ценности революций, забываются. Архитектурные сооружения вписываются в городские культурные ландшафты, становятся привычными и только для мотивированного и знающего человека могут актуализировать аксиологическую сторону памятно-значимых событий.

Полноценную ценностную нагрузку юбилеев несут тексты – философские, исторические, социокультурные. Именно тексты воплощают смысл юбилеев – годов, завершающих «семь седьмин». Через 49 лет, на L-й год в Древнем Израиле закрывались все долги и обязательства, подводились итоги⁵. А там, где подводятся итоги, выстраивается и перспектива на будущее. Юбилеи «заставляют выстраивать историческую перспективу, создают некую линию исторического развития, протягивая нить не только от прошлого к настоящему, а и к будущему»; «побуждают оценивать пройденный путь, создают атмосферу диалога с прошлым, причем, в зависимости от политических, научных, идеологических установок, прошлое может выступать не в виде застывшей константы, но в качестве меняющейся действительности, подчас столь же жизненной, как и окружающая реальность»; «происходит постоянное взаимодействие и взаимовлияние прошлого и настоящего – в том виде, в каком они воспринимаются тем или иным действующим лицом политического процесса, и будущего – в тех формах, какие видятся участникам юбилея желательными и необходимыми»⁶. Понятно, что такая живая связь времён останется после громких юбилеев только в текстах.

По 200-летию Американской революции подобных текстов приведено не было. Все ограничилось замечанием, что американские авторы провозгласили «свою» революцию эталоном (с. 50). Применительно к празднованию 200-летия Французской революции «историографический контекст» построен на противопоставлении труда Фюре (либеральный пересмотр «революционного Катехизиса») и книги Корбьера и Маффеиса (новая левая апология Революции). Но вне поля зрения авторов остались коммеморативные исследования в духе Пьера Нора, который, впрочем, и сам давал оценки Французской революции, разбирая её как «место памяти». Недооценённым, думается, осталось влияние на французские юбилеи последнего романа Виктора Гюго «Девя-

⁵ Шифман 1987. С. 24–25.

⁶ Цимбаев 2005. С. 98.

носто третий год». Возможно, благодаря ему, тема обратной стороны революции (отнюдь не положительной) наличествует в коммеморативном поле Франции (как в России Отечественная война 1812 г. – благодаря роману Л.Н. Толстого «Война и мир»). И это, несмотря на то, что последняя экранизация романа Гюго состоялась в 1962 г.

В историографическом экскурсе юбилейного празднования Французской Революции ожидалась и проблема её изучения в России/СССР. Эта революция оказалась не просто одним из объектов исторических исследований. Она была своеобразным маяком, на который ориентировались и деятели Революции-1917 (в конце концов, ведь именно в России Французскую революцию назвали Великой), а потому лекала изучения французских событий рубежа 1780–1790-х гг. уже в советское время влияли на исследовательские модели событий 1917 г. Весьма интересным было бы проследить взаимосвязь между 200-летним юбилеем Французской Революции и попыткой пересмотра основного её концепта в отечественной историографии во время Перестройки. Тогда основополагающий труд А.З. Манфреда «Великая французская революция XVIII в.» (1956 и 1983 гг.) сменился «Очерками по истории Великой французской революции» В.Г. Ревуненкова⁷. Надо ли говорить, что социокультурные перспективы этого текста минимизировались после 1991 г., хотя он и дополнялся новыми трудами исследователя.

Справедливо отмечая, что в XIX в. произошёл «взлёт юбилейных дат» (с. 20), В.А. Небезин и Е.С. Сапрыкина не прописали, что в волне «коммемораций – торжественных празднований памятных дат»⁸ столетние юбилеи американского и французского потрясений были первыми отмечаемыми годовщинами революций. И в потоке юбилейных торжеств индустриального общества произошла своеобразная легализация революции как истока государств Нового времени⁹.

Г.А. Бордюгов рассмотрел предысторию юбилея-1917 в РСФСР–СССР (с. 51–94) и перекинул мост во второй раздел книги «Контекст». Он начинается статьей главного редактора «2017: Новые смыслы воспоминаний о революции» (с. 97–105), и с ней логически смыкается глава Д.А. Андреева «1917-й в тени выборов 2018-го: слабые и сильные стороны кремлёвского сценария юбилея» (с. 106–130). Эти тексты написаны в соответствии с поставленными в монографии задачами, на основе применения всего заявленного арсенала методических инструментов. Согласно примечанию автора, в разделе Г. Бордюгова исполъ-

⁷ Ревуненков 1989.

⁸ Копосов 2011. С. 42.

⁹ Укажем и на то, что авторы не задействовали британские рефлексии (а, может быть, и юбилеи?) по поводу событий и процессов XVII в., которые в российской (советской) историографии именуется Английской буржуазной революцией.

зованы материалы его работ «Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти» (М., 2010) и «Ожидаемая революция не придёт никогда» (М., 2012)). Эти издания надо расценивать как своеобразный полигон, где проходили «обкатку» многие методы и методики изучения юбилеев советских событий, а также публичной истории и исторической политики на постсоветском пространстве.

Тексты Г.А. Бордюгова и Д.А. Андреева воссоздают и предысторию, и контекст юбилея-2017. На протяжении практически столетия показаны смысловые вложения в каждое десятилетие (иногда и мельче) празднования Революции, соотнесения их с внутривнутриполитической ситуацией, ответом на вызовы извне, включая Победу и переформатирование праздника в постсоветское время, обозначены тенденции и общественные ожидания на каждом этапе и их прерывание. Этот раздел удался, хотя, возможно, требования по ограничению объёма «вывели за скобки» несколько проблем.

В рассказе о последнем советском юбилее-1917 в 1987 г. (с. 85–89) уместен был бы пассаж о юбилейном докладе генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва к 70-летию Октябрьской Революции. В тот момент, когда общество искало в прошлом и хотело воплотить в настоящем идеалы Революции, этот доклад не оправдал ожиданий. И как знать, быть может, данное обстоятельство сыграло не последнюю роль в прощании с СССР. Плодотворным могло оказаться внесение в советское юбилееведение проблемного аспекта смены поколений. Это позволило бы заострить проблему формирования общественной памяти в поколениях, в т.ч. о Революции. На протяжении всей советской истории воспоминания участников революционных событий укладывались в прокрустово ложе официального видения 1917-го года. Много революционеров, контрреволюционеров, большевиков, меньшевиков, эсеров, кадетов и других пали жертвами репрессий 1920–1930-х гг. Носителей живой и достоверной информации о Революции-1917 г. к 1985 г. осталось крайне мало, их впечатления о тех великих и трагичных днях ушли вместе с ними. Поэтому в распоряжении поколения, вступившего в активную социальную жизнь в 1980-х, остался только официальный советский мемуарный текст о Революции. На волне разоблачений он быстро обесценился, и после распада СССР потерял актуальность. Пришедший ему на смену после 1991 г. не менее тенденциозный текст эмигрантских воспоминаний не вызывал серьёзного интереса, поскольку проблемы революции в России не пользовались популярностью. Получается, что к 1987 и к 2017 г. дошёл мемуарный комплекс, просеянный через сито «Краткого курса истории ВКП(б)», несколько поновлённый во время «оттепели», и превращённый в канон в 1960–1970-е. Поэтому можно констатировать, что «живое дыхание» Революции в Российской империи угастро ещё лет за тридцать до её столетнего юбилея.

Замечание касается и собственно исторического аспекта контекста. Монографии «Революция-100...» недостаёт текста о самой революции (за исключением обзора С.Г. Антоненко, в котором разбирается конфессиональная ситуация в России 1917 г.). Он должен был быть ёмким, стремиться к объективности и содержать видение причин, предпосылок и хода революции, начиная с конца 1916 г. и завершая либо чехословацким мятежом, либо расстрелом царской семьи. В этот обзор следовало включить представления основных действующих лиц и необходимые проверенные статистические данные. При наличии такого материала удобно было бы соотносить «попадания» и «непопадания» юбилея-2017. Отсутствие исторического текста определяет некий релятивизм авторских наблюдений и данных мониторинга. На подобный стоило бы пойти, даже предчувствуя критику такого текста.

Ожидаемым, но не случившимся, в этой части книги был материал о юбилейном аспекте контекста Революции-100. Речь идет о каскаде юбилеев, первой ласточкой которых было празднование 850-летия Москвы в 1997 г. Затем прогремели на всю страну 200-летние юбилеи министерств, 1000-летия Казани и «круглые даты» других субъектов РФ, начавшиеся с 2010 г. «десятилетие» юбилеев (1150-летие Российской государственности, 400-летие преодоления Смуты, 200-летие победы в Отечественной войне 1812 года). Не считая празднования Победы и малозаметного 100-летия Первой русской революции, Революция-100 – это первый юбилей события советской истории. И, вопреки ожиданиям, его празднование прошло бледно, поскольку было девальвировано юбилеями, относящимися к прошлому России, «которую мы потеряли». Прошедшие до 2017 г. и ожидаемые после него празднования значимых событий в истории России заранее обесценили революционный юбилей. В пользу такого утверждения говорит тот факт, что многочисленными авторами монографии оказалось незамеченным чествование 100-летия начала Первой мировой войны, то есть сама Первая мировая война упоминается на страницах книги, но – не её юбилей. Судя по нижегородским наблюдениям, к нему стали готовиться в 2011–2012 гг., получив политический заказ от власти. Заказ был спущен в Общественные палаты субъектов РФ. Реализация данного проекта продолжается. Так, в Нижегородской области было профинансировано, как минимум, пять изданий по истории Первой мировой войны. А на общероссийском уровне 3 августа 2014 г. прозвучали слова Президента Российской Федерации В.В. Путина при открытии на Поклонной горе монумента героям, павшим в Первую мировую войну: «Россия выполнила свой союзнический долг. Её наступления в Пруссии и в Галиции сорвали планы противника, позволили союзникам удержать фронт и защитить Париж, заставили врага бросить на восток, где отчаянно бились

русские полки, значительную часть своих сил. Россия смогла сдержать этот натиск, а затем перейти в наступление. И весь мир услышал о легендарном Брусиловском прорыве. Однако эта победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы». Этот тезис, по сути, манифестировал отношение власти к грядущему юбилею-2017. Поэтому «Кремль хранил молчание» и до, и в момент юбилея. Данное обстоятельство позволяет в противовес Бордюгову и Андрееву утверждать, что власть, как минимум, за три года определилась в своём отношении к юбилею Революции и сознательно (не растерянно) «взяла паузу». При этом этикетно ведущие политики России давали свои оценки событиям 1917 г. (не считая коммунистов, в основном, в антиреволюционном ключе), но они не могли получить такого же веса и резонанса как те, что исходили бы от первых лиц «Государства Российского».

Аргументацию и фактографию тезиса Д.А. Андреева о реформативности праздника Революции в постсоветское время можно расширить ещё и тем, что после 1991 г. учебный курс «История Коммунистической партии» с его обязательным конспектированием документов был выведен из вузовского курса. Эрозия конкретного знания о революции, подкреплённого изучением текстов партийных документов, ленинских текстов, подготовила состояние умов для имплантации тех или иных, в принципе, критических для «делателей революции» трактовок и интерпретаций событий 1917 г.

Раздел III посвящён Среде юбилея, которую организаторы издания «сложили» из трёх сегментов – монументально-мемориального (автор П.Г. Черемушкин (с. 133–151)), цифрового (автор П. Опалин, (с. 152–177)), молодёжного (авторы Д.И. Люкшин, А. Межведилов (с. 178–203)), конфессионального (автор С.Г. Антоненко (с. 204–244)). Добротные представленные материалы подтверждают приведённый выше, но не прописанный в монографии, тезис: власть в России явочным порядком целенаправленно минимизировала юбилей-2017, поскольку он противоречил выстраиванию преемственности к досоветской России. Сохранение и незначительное приумножение монументальных образов Революции и Советской эпохи на фоне скульптурной реанимации героическо-идиллического прошлого страны до 1917 г. объяснимо внешним фактором («ленинопад» на Украине с 2014 г.), а также желанием не прерывать «эстафету» правителей и традиции преемственности к позитивному аспекту истории СССР.

Реакцией на замалчивание революции в год её столетнего юбилея стало своеобразное «активирование» информационной среды цифрового пространства, но, учитывая выводы об индифферентности молодёжи

к теме 1917 года, можно сказать, что информационная среда стала сферой общения заинтересованных в силу возраста или профессиональных занятий людей, которым уже за 35 лет. Опустевшую нишу официальной оценки юбилея поспешила занять Русская Православная Церковь. И, несмотря на разные подходы к теме Революции, именно РПЦ сумела предложить обществу темы осуждения 1917 г. и его последствий, общего покаяния, за которым стоит идея ответственности, и даже освоения советского периода историей России. И это было сделано, несмотря на конкуренцию течений в связи с освоением Революции-1917 внутри самой РПЦ (с. 228–239). Остаётся только посотовать по поводу малого представления позиций других религиозных течений к теме Революции, хотя было указано, что они предпочли остаться в стороне (с. 244).

Четвёртая часть книги была отведена под «Рефлексии»: по поводу лидеров (вождей) Революции (автор Т.А. Филиппова, с. 247–271), в связи с академическим (автор П.В. Акульшин, с. 272–301) и архивным (автор Л.В. Максименков, с. 302–358) дискурсами, отражения Революции в современной художественной литературе, кинематографе и сценических постановках (автор Б.В. Соколов, с. 359–422), презентации юбилея в выставках (автор И.С. Давидян, с. 423–484).

Глава о феномене революционного лидерства опровергает тезис, прописанный в ряде мест коллективной монографии. Согласно ему, историки уклонились от роли делателей смыслов юбилея-100. Даже если это была сознательная позиция, то объективно в дискуссиях о революционном лидерстве политические и общественные деятели, политики, философы, публицисты и журналисты не смогли обойтись без экспертного мнения историков. Среди них – В.П. Булдаков (неоднократно упомянутый в этом и других фрагментах книги), А.О. Чубарьян, Е.А. Котеленец, А.В. Шубин. И они сыграли в дискуссиях не вспомогательную роль, но роль полноценных акторов. На фоне виртуозной актуализации Т.А. Филипповой сугубо исторического спора о революционных лидерах за счёт анализа преимуществ и недостатков победителей и проигравших в 1917 г. и к 2017 г., моральных оценок, темы выборов президента в США и проч., остро ощущается дефицит конкретного биографического материала, хотя бы в виде справок. Без него глубокий, интересный текст доступен лишь осведомлённым в проблематике Революции-1917. Нет в нём и постановки вопроса о создании новой биографики Революции, той биографики, которая позволила бы ответить на многие вопросы, обозначенные в данном разделе.

Отсутствует биографическая проблематика и в квалифицированном историографическом обзоре П.В. Акульшина. Решение же её вопросов вывело бы изучение Революции-1917 в юбилейный год и позже на новый этап. Комплексная биографика, перетекающая в просопогра-

фию, позволила бы уйти от преувеличения в последнее время субъективно-личностного фактора – в постижение Революции-1917. Однако автор указал, что идущее с 1990-х «заселение» реальными людьми хронотопа Революции осложнено постоянной сменой «научного прицела»: советские репрессированные деятели, контрреволюционеры, либеральная оппозиция, монархисты и деятели белого движения... (с. 292). Впрочем, речь в разделе шла о тенденциях в академической среде, о наличии в ней интереса к той или иной проблематике. Справедливо отмечено, что очень многое в преддверии юбилея значили грантовая поддержка и появление большого числа акторов в лице самоуправляющихся групп, претендующих на то, чтобы сформировать видение обществом революции. Несмотря на политическую и идеологическую ангажированность данных сообществ, они всё-таки стали рупором историков. И этот тезис корректирует повторяющуюся в книге мысль о том, что историки сознательно отказались от формирования представления о Революции в её юбилейный год. Автором была проведена колоссальная работа по установлению институциональных рамок и проблемного поля исследований Революции-1917, в полной мере были представлены «властители дум» от исторической науки, те компендиумы, в которых были подведены историографические итоги и намечены перспективы, продемонстрированы их успехи и достижения. В свете этого убедительным выглядит вывод: историческая наука России накопила к 2017 г. столько фактографических, методических и методологических новаций, что теперь настал долгий период их осмысления и вмонтирование в корпус знаний о Революции-1917 (с. 301).

Данный вывод можно с рядом оговорок распространить на материал Л.В. Максименкова, условно назвав его «Архивы и Революция-100». По громадному фактическому материалу и его анализу данная статья образует одно целое с текстом П.В. Акульшина, сосредоточив читательское внимание на диагностических сторонах дела. Они-то и позволяют понять противоречия юбилея, отмеченные в монографии, и противоречия внутри нее. Главными архивными игроками в подготовке юбилеев от властей были назначены ГА РФ и РГАСПИ, что возродило советскую матрицу изучения Революции (с. 303). Более десятка федеральных и ведомственных архивов де-факто оказались выведенными из основного потока подготовительной работы. Надо попенять Максименкову за то, что в силу большого объема материала «на местах» он выбрал мероприятия архивов восьми областей РФ и остальное внимание сосредоточил на юбилейной подготовке в архивах национальных субъектов РФ. Деятельность архивов «по дороге» к юбилею курировалась рядом государственных чиновников. Они задавали мейнстрим, они же и способствовали, как кажется, тому, чтобы ограничить общественное

обсуждение Революции-1917. Такой контроль создавал благоприятную почву и для обнаружения недостоверных документов и ограничения доступа к документам революционной эпохи. Личные дела (и не только они) политических и общественных деятелей начала Советской эпохи, включая дело В.И. Ленина, засекречивались. И в свете этого высказанное здесь замечание о необходимости развития революционной биографии, видимо, останется благим пожеланием. Внешний стимул развития архивного дела в России – международные проекты, гранты – сводится к нулю из-за снижения интереса на Западе к теме Российской Революции. Ответственность за это, согласно Максименкову, лежит и на отечественных архивных руководителях, и на кризисе, в который впала советология на Западе (с. 336–337). Как оказалось, не имеющие навыков архивной работы и текстологии, многие «знатоки» СССР и его истории оказались «голыми королями». Эти и другие негативные или стагнационные явления, отмеченные в тексте, приводят к грустным мыслям о том, что тема Революции в социосфере России будет подниматься только по политическим мотивам. И, несмотря на введение в оборот новых документов, которые надо будет осмыслить, приходится согласиться с горьким выводом архивного мониторинга: «Архивам требуется реформатирование», причём за счёт омоложения руководства» (с. 352). Несмотря на личную заинтересованность и неравнодушные, автору мониторинга архивных мероприятий в связи с революционным юбилеем удалось остаться в рамках объективной, отстранённой экспертизы. В ином ключе подан материал о литературном, кинематографическом и театральном сопровождении 100-летия Революции.

Экспертный текст Б.В. Соколова противоречив, неравномерен по сочетанию описательного и аналитического материала. Предпослана ему история отображения Революции и Гражданской войны в СССР–России в литературе и кинематографе (с. 359–364). Наверное, анализ надо было начать с представления «вечных текстов» о Революции-100. Полномасштабного, эпического полотна о Революции в России, подобного «Войне и миру» Л.Н. Толстого, «Девяносто третьему году» Виктора Гюго, не было создано по разным причинам, в т.ч. и из-за просторов Российской империи, её поликонфессиональности и многоэтничности. Но общество имеет представления о Революции-1917 г., почерпнутые из произведений М.А. Шолохова, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова. Они выдержали испытания временем и являются мощным фактором визуализации Революции-1917 г. спустя сто лет. Обзору Б.В. Соколова присуще определённое уплотнение по времени периодов развития искусства, особенно кинематографа. Так, рассуждая о всплеске интереса к революционной теме в 1950–1960-х, автор без пояснений относит к этому времени и сериалы «Хождение по мукам» и «Адъютант его

превосходительства» (с. 362–363), хотя они появились в 1970-е. Небесспорно утверждение автора о выдающихся/значительных произведениях 1990-х–2005 гг. (с. 363). О вкусах не спорят, но при перечислении знаковых произведений того времени вспоминается неупомянутый сериал «Конь белый» (1993 г., реж. Гелий Рябов, авт. сценария – Георгий Адамович и Гелий Рябов). Вообще же, в данном аналитическом тексте было уместно поставить вопрос о художественной, философской ценности произведений о Революции и Гражданской войне, созданных после 1945 г. Разговор о художественной литературе и фильме «Матильда» (с. 364–382) наполнен излишними цитатами и критическими аннотациями. Размышлениям о телевизионных сериалах (с. 382–404) присуща такая же перегруженность. В этот раздел включена авторская точка зрения на гипотетический «белый» вариант второй части трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (с. 385). Альтернативному литературоведению Соколова можно противопоставить мнение о том, что герою романа Ивану Телегину не обязательно было уходить к Колчаку, достаточно было сменить военно-политический «окрас» и воевать на том же фронте, что и на страницах романа, но – с другой стороны.

Пространному разделу о телесериалах не хватает предыстории о том, как этот жанр в постсоветское время осваивал тему Революции и Гражданской войны. Это – произведения С.В. Урсуляка: 2 части «Исаев» (2009), снятых по мотивам романов Ю.С. Семёнова «Бриллианты для диктатуры пролетариата» и «Пароль не нужен»; экранизация «Тихого Дона» (2015); сериал С.О. Снежкина «Белая гвардия» (2012); фильм Н.С. Михалкова «Солнечный удар» (2014). Эти произведения весьма показательны в том смысле, что насыщают исходные тексты новыми смыслами за счёт обильного введения деталей, отсеечения неудобных сюжетных линий и фрагментов, переструктурированием диалогов и проч. По сути, речь идёт о создании совершенно новых текстов об эпохе революции – кинематографических. Оставляя в стороне вопрос о моральной допустимости подобных процедур в отношении великих произведений, надо отметить, что они проявились и в новом «изводе» «Хождения по мукам», и в сериалах «Демон революции», «Троцкий», где нет в основе какого-либо литературного текста. Его место занял текст Истории революции, которую, как оказалось, можно искажать по режиссерскому и сценаристскому произволу. Приводятся цитаты актёров, из которых следует, что они играли не исторических персонажей, а придумывали их, насыщали качествами инфернальных героев и проч. И это уводит от подлинной истории Революции. Зачем изучать документы, зачем обращаться к историкам (которые сами отказались от созидания юбилея или им отказали)? Кто же заказчик таких поделок? Б.В. Соколов пишет о государственном заказе, своеобразии коего было в предоставлении определённой творческой свободы (с. 421).

Думается, что в данном случае надо говорить не о государственном заказе, а о некоей его имитации, по аналогии с наблюдением, сделанным несколько лет назад: «Сейчас в элите, из среды которой выходят сигналы по конструированию общественной памяти, сложилась интересная ситуация. Чиновно-административной прослойке ввиду вала запросов из Кремля относительно юбилеев, предназначенных для “выработки национальной идеи”, сплачивания общества, вывода его из духовно-идейного кризиса, поддержания культурно-исторической самоидентификации, *нужны тексты историков, но не интересно их содержание*»¹⁰. Чиновникам от культуры тоже важно представить к юбилею фильмы определённой тематики, не особенно интересуясь их содержанием, благо сделаны они сценаристами и режиссерами, чьи принципиальные взгляды на Революцию и гражданская позиция не вызывают сомнений у власти. А потому кинодеятели заняли место историков, как и журналисты, ставшие в ряд главных творцов документальных фильмов о Революции. Согласимся с Б.В. Соколовым: документальные фильмы к столетию Революции утратили свою просветительскую роль. Однако мимо его внимания прошёл документальный сериал «Революция LIVE», демонстрировавшийся на канале «НТВ» в 2017 г. на грани полноты и ночи. Отстранённо-объективный взгляд в сочетании с организацией материала по принципу обмена информацией в социальных сетях делали просмотр фильма интересным и ярким.

И.С. Давидян в своём ёмком, удачно организованном обзоре выставок к столетию Революции, подводит читателя к выводу, что они страдали многоголосицей, выхватывали только фрагменты революционной реальности, оставляя за скобками весьма важные проблемы, лишили посетителей представления о едином революционном процессе от Февраля к Октябрю. А художники не предоставили достойного столетию Революции полотна (с. 452–453), что перекликается с замечанием Б.В. Соколова об отсутствии в современной литературе и кинематографе сколь-нибудь значимого произведения. В разделе о рефлексиях юбилея обойдённым оказался вопрос об адресате литературных, научных, архивных, кинематографических, репрезентационных текстов. Их потребителем оказывается узкий и плотный круг людей в возрасте старше 35 лет. Молодёжи они не интересны.

Раздел V «Страна» представляет Россию в юбилейный революционный год только на основе Европейской части страны – город трёх революций и трёх названий Санкт-Петербург (автор Ю.И. Басилов, с. 457–491), Нижний Новгород (авторы А.Н. Маслов, М.Г. Сапрыкина, с. 492–509), связанный со стыком Верхней и Средней Волги и Нижней

¹⁰ Кузнецов, Маслов 2011. С. 1450.

Оки, а также Средний Урал (автор А.В. Антошин, с. 510–538). Эта юбилейная география автоматически расширяется за счёт Москвы, поскольку многие выставки, театральные события и научные мероприятия, упомянутые в других частях книги, проходили в столице. Добавить можно и те субъекты РФ, которые приводились в качестве примеров в мониторинге академической и архивной деятельности. Но даже в таком случае, в выборке почти не представлена Азиатская часть России – Дальний Восток. В целом, региональные наблюдения позволяют сказать, что местные власти по отношению к Революции-100 тоже действовали по принципу «идучи не идячу»: проводился определённый набор этикетных мероприятий, революционный юбилей оказался затенённым ранее обрётёнными «местами памяти» (например, в Нижнем Новгороде – это события 1611–1612 гг.), воспоминаниями о прошлых юбилеях и ожиданиями будущих, отнюдь не революционных...

Контрастом монотонности российского юбилея Революции стала его многоцветная палитра за рубежом. Как пестры представленные впечатления о Революции-100, так широк и разнообразен круг их авторов. Вывод, который можно сделать, обобщив эти наблюдения: в каждой стране, каждой культуре столетие Российской революции соотносится со своими проблемами. В постсоветском пространстве преобладают мотивы начала национально-государственного строительства в связи с событиями 1917 года (Л.С. Гатагова). В Сербии увековечивают память Николая II (Н.И. Дедков). В Великобритании бурно и противоречиво обсуждали проблемы революции в России в связи осуждением коммунизма и практиками левых сил (Джон Ле Джун). В Германии в дискуссиях противопоставляли Революции Демократию (В. Хеделер), а в Китае превозносили её опыт (Инна Ли), как и в Латинской Америке, где этот опыт взят на вооружение (О. Голечкова, Х. Йепес). Весьма интересным видится материал по Польше, представленный Томашом Бохуном, известным в России специалистом по Смутному времени начала XVII в. Особенности и аспекты преломления эха революционного юбилея в Испании, Италии, Франции, США, Японии (с. 683–820) лишний раз показывает, от какого достояния отказалась Россия в 2017 г., какие задания по истории революции окажутся невыученными её населением на ближайшие полвека.

В разделе VII «Образы» (с. 823–970), написанном С.П. Щербиной, текстовый материал соотносится с богато представленным иллюстративным рядом. Для обработки этой изобразительной информации автор использовал теорию мемов Ричарда Докинза и весьма плодотворно с её помощью обработал, организовал и представил видеоряд Революции на протяжении века. По эволюции образов революции прослеживается, какой аспект её преобладал у того или иного поколения, как из обыден-

ного он становился монументальным, как торжественно-триумфальный настрой сменился на короткое время второй половины 1980-х гг. трагически-покаянным, а потом и вовсе лишился пафоса, ушёл из сферы сакрального в область карнавала, обесценивающего смеха. И в данном случае уместным было бы обращение к теории карнавала М.М. Бахтина. С.П. Щербина отказался от теории символа А.Ф. Лосева, от семиотических штудий Ю.М. Лотмана и его коллег. И это приумножение сущностей осталось открытой методической проблемой.

Богатую и противоречивую, как сама Революция-1917, книгу венчает Послесловие Г.А. Бордюгова (с. 973–975). Оно проблемно-афористично помещает юбилей Революции во флуктуационное поле возможностей, вариантов, прежде всего, для Российской Федерации. И от этого выбора зависит её будущее. На этом книга не заканчивается. Читатель получает возможность самому разобраться в ленте юбилейных событий, перечень которых составлен Д.Г. Коробковым (с. 976–1076).

Подытоживая, можно утверждать, что книга о юбилее «Революция-100» сама стала событием юбилея, событием значимым и важным. Фактом своей публикации монографии суждено сыграть роль раздражителя в сфере исторической политики, публичной истории, историографии Революции 1917 года и советской истории, а также новейшей истории России. С ней будут соглашаться, её выводы оспаривать, нерешённые вопросы коммеморации Революции-1917 будут напоминать о себе в политической истории России. И, несмотря на выводы о невосребованности в России 2017 года вдумчивого, обстоятельного разговора о 1917 г., книга будет способствовать оживлению научного, общественно-политического и культурного интереса к Революции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Кузнецов А.А., Маслов А.Н.* Диктатура юбилеев: мемориальный бум как призрак иной повседневности // Между канинами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2011. С. 1425–1461.
- Между канинами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М.: АИРО-XXI, 2013. 1520 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М.: АИРО, 2011. 520 с.
- Победа-70: реконструкция юбилея. М.: АИРО-XXI, 2015. 624 с.
- Примаков Е.М. Собрание сочинений. В 10 тт. М.: ТПП РФ; «Российская газета», 2016.
- Неизвестный Примаков. Документы. М.: ТПП РФ; «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. 560 с.
- Неизвестный Примаков. Воспоминания. М.: ТПП РФ; «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. 488 с. с илл.
- Революция-100: реконструкция юбилея / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2017. 1088 с. с илл.
- Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции, 1789–1799. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. 535 с.

Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.

Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир: (Ветхий завет как памятник лит. и общ. мысли древней Передней Азии). М.: Политиздат, 1987. 239 с.

REFERENCES

Koposov N. Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 320 s.

Kuznecov A.A., Maslov A.N. Diktatura yubileev: memorial'nyi bum kak prizrak inoi povednevnosti // Mezhdru kanunami. Istoricheskie issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let. M., 2011. S. 1425–1461.

Mezhdru kanunami. Istoricheskie issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let. M.: AIRO-XXI, 2013. 1520 s.

Nauchnoe soobshestvo istorikov Rossii: 20 let peremen. M.: AIRO, 2011. 520 s.

Pobeda-70: rekonstrukciya yubileya. M.: AIRO-XXI, 2015. 624 s.

Primakov E.M. Sobranie sochinenii. V 10-ti tomah. M.: Izdatel'stvo TPP RF; Izdatel'stvo «Rossiiskaya gazeta», 2016.

Neizvestnyi Primakov. Dokumenty. M.: Izdatel'stvo TPP RF; Izdatel'stvo «Rossiiskaya gazeta»; AIRO-XXI, 2016. 560 s.

Neizvestnyi Primakov. Vospominaniya. M.: Izdatel'stvo TPP RF; Izdatel'stvo «Rossiiskaya gazeta»; AIRO-XXI, 2016. 488 s. s ill.

Revunenkov V.G. Ocherki po istorii Velikoi francuzskoi revolyucii, 1789–1799. Leningrad: Izd-vo LGU, 1989. 535 s.

Cimbaev K.N. Fenomen yubileemanii v rossiiskoi obshchestvennoi zhizni konca XIX nachala XX veka // Voprosy istorii. 2005. № 11. S. 98–108.

Shifman I.Sh. Vethii zavet i ego mir: (Vethii zavet kak pamyatnik lit. i obsh. mysli drevnei Perednei Azii). M.: Politizdat, 1987. 239 s.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; nalbuzz@mail.ru

The Revolution – 100 years later

The article is devoted to the analysis of a collective monograph about the anniversary of revolution of 1917 in Russia. Authors of the text studied different aspects of anniversary of Revolution-1917 in Russia and abroad. Contexts of research of anniversary: political, social, cultural, commemoration, scientific, archival, religious, confessional, regional, visual.

Keywords: Revolution of 1917, anniversary, historical policy, commemoration, monitoring

Andrey Kuznetsov, Dr.Sc. (History), Professor, Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Л. А. АНДРЕЕВА

СЕКУЛЯРНАЯ СВЯТОСТЬ: КУЛЬТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ МУЧЕНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Автор рассматривает формирование квазирелигиозного культа революционных мучеников как одной из форм «переноса сакральности». Показано становление этого феномена в народовольческом движении в Российской империи второй половины XIX века. Особое внимание уделено изучению биографии В.И. Ленина через призму народовольческих идеалов и прижизненное, а также посмертное восприятие Ленина как секулярного святого.

Ключевые слова: *культ революционных мучеников, секулярная святость, квазирелигиозность, народовольцы, Российская империя, В.И. Ленин*

В 2017–2021 гг. исполняется 100 лет событиям Великой русской революции, оказавшей детерминирующее влияние на ход мирового исторического процесса. В этом свете тема революционной жертвенности, осмысление ее истоков, роли в революционных событиях становится актуальной как никогда. Начиная со времен Великой французской революции конца XVIII в. революционная жертвенность играет одну из ключевых ролей в революционно-преобразовательных движениях. Культ революционных мучеников как культ секулярных святых являлся составной частью коммунистической квазирелигиозности. Тема секулярной святости со времен «Вех» в эмигрантской, а затем российской исторической литературе служила полем обсуждения соотношения в революционной субкультуре рационального и мистического, футуризма и пассаизма¹. Однако, проблемы конструирования образа революционного мученика в общественном сознании, осмысление тех качеств, которыми должен обладать революционный «святой» не получили еще должного осмысления. Данная статья попытается восполнить существующую лакуну.

Жертва и жертвенность являются одним из ключевых культурных символов, с которого начинается процесс мифотворения Мира.

«Способность человеческого существа к жертве есть способ замещения некой изначальной природной данности символическим бытием, что, в свою очередь, представляет собой признак, определяющий понятие "антропологической реальности" в качестве указания на то, что есть Человек как особая реальность, полагающая нечто новое как мир истории. Специфика жертвенных механизмов состоит в том, что они являются не просто одним из факторов становления субъекта в истории. Будучи началообразующим, генетически

¹ См.: Бердяев 1990; Булгаков 1997; Безансон 1998; Тумаркин 1997; Жукоцкий 2004; Фирсов 2003; Андреева 2010.

определяющим, жертвенный акт "выпадает" из системы производящих им значений. И это подтверждается тем фактом, что жертвенные механизмы являются принципиально скрытыми структурами в жизни человека, ускользающими от прямого взгляда. Итак, жертвенный акт лежит в основании способности человека к символическому означиванию реальности².

Впервые культ революционных мучеников как «перенос сакральности» сложился во время Французской революции конца XVIII в.

Как замечает историк Л.А. Пименова, «наряду с празднествами в честь Разума, в 1793–1794 гг. распространилось и почитание "мучеников свободы". Их было трое: убитый Шарлоттой Корде в июле 1793 г. Ж.-П. Марат, М. Лепелетье, убитый роялистом в январе 1793 г., и казненный в мятежном Лионе в июле того же года глава местных якобинцев М.-Ж. Шалье. В отличие от культа Разума, поклонение "мученикам свободы" зародилось уже непосредственно в народной среде. Оно было ближе и понятнее народным низам, чем почитание слишком абстрактного для них Разума. Культ мучеников особенно усилился в разгар дехристианизации, когда с закрытием церквей на время было запрещено совершение католических обрядов. Отправляя новый культ, его приверженцы прославляли республику, причащались делу свободы и крепили свою революционную веру. При этом обряды в честь "мучеников свободы" совершались с поистине религиозной пышностью, с торжественными кортежами и участием хоров. В церквях, ставших храмами Разума, изображения католических святых сменились бюстами революционной троицы Марата, Лепелетье и Шалье <...> В частности, культ "мучеников свободы" был рожденной в ходе революции формой народной религиозности. Он возник, с одной стороны, благодаря популярности убитых якобинских вождей, в особенности "друга народа" Марата. С другой стороны, его истоками были христианский культ святых и поклонение мощам (почитатели "мучеников свободы" поклонялись не только их изображениям, но и останкам). Марат, Лепелетье и Шалье стали революционными святыми великомучениками и заступниками. Принимая рожденные революцией новые ценности и новых героев, народ выражал свое преклонение в привычных, традиционных формах»³. Заметим, что культ революционных мучеников тесно связан с культом учредительной жертвы, когда кто-либо принесит в жертву ради сотворения нового мира. Казнь Людовика XVI была именно актом учредительной жертвы Французской республики. Робеспьер в одном из «Писем к своим доверителям» писал о казни короля, что этот великий акт справедливости привел в отчаяние аристократию, уничтожил веру в божественную природу монархии и основал Республику»⁴.

В России культ революционных мучеников впервые отчетливо проявился в 1860-е гг. в среде революционеров-народников. Образцом для подражания для революционных демократов стали декабристы. Профиль пяти казненных декабристов был изображен на титульном листе альманаха «Полярная звезда», который издавался в 1855–1869 гг. в Русской вольной типографии в Лондоне, позднее в Женеве, А.И. Герценом и Н.А. Огаревым. Само название «Полярная звезда» было данью

² Круглова 2013. С. 308.

³ Пименова. Идея свободы во Французской революции XVIII в.

⁴ Собыль 1974. С.35.

преклонения перед декабристами (именно К.Ф. Рылеев и А.А. Бестужев-Марлинский издавали в Санкт-Петербурге в 1822–1825 гг. литературный альманах «Полярная звезда»). Революционная прокламация 1861 года, составленная М.И. Михайловым, с призывом свергнуть царизм, заканчивалась словами, обращенными к учащейся молодежи:

«Готовьтесь сами к этой роли, какую сам придется играть; зрите в этой мысли, составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов, число кружков, ищите вожаков, способных и готовых на все, и да ведут их и вас на великое дело, а если нужно, то и на славную смерть за спасение отчизны тени мучеников 14 декабря!»⁵.

Декабристы были первыми революционными мучениками, заплатившими жизнью или страданиями за свои революционные убеждения:

«...в великом деле народно-освободительного движения русская интеллигенция видела свое историческое призвание, весь смысл своего существования в русской культуре и истории. Но, чтобы реализовать его в условиях деспотического государства с многовековой традицией самодержавия, нужно было "сжаться в комок", стать общностью, духовно организованной и морально дисциплинированной, по-своему жесткой и воинственной, нужно было стать "монашеским орденом" (Н. Бердяев). "Тут сказалась глубинная православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащего, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества". Это во многом объясняет ситуацию, по сути, религиозной адаптации народных идей в России, а равно и тех общественно-политических образований, которые возникли как ее следствия»⁶.

В 1866 г. состоялась первая попытка убийства революционером-народником Д.В. Каракозовым царя Александра II, что можно рассматривать в качестве учредительной жертвы. На суде подсудимые называли себя «нигилистами». Князь-анархист П.А. Кропоткин вспоминал:

«...вся Россия читала с удивлением во время процесса каракозовцев, что подсудимые, владевшие значительными состояниями, жили по три, по четыре человека в одной комнате, никогда не расходовали больше чем по десяти рублей в месяц на каждого и все состояние отдавали на устройство кооперативных обществ, артелей, в которых сами работали»⁷.

Аскетизм рассматривался народниками как одно из необходимых условий успешного противостояния тоталитарному государству. Речь шла о добровольном принесении в себя в жертву ради счастья народа, ради построения идеального социалистического общества. Таким образом, уже четко просматривается *идеология революционной жертвенности*, как процесса отказа от более низшего, для того чтобы достичь более высокой, более желаемой цели. Этот тип людей найдет отражение в произведениях И.С. Тургенева и Н.Г. Чернышевского. Возникшее движение нигилизма отрицало общественную мораль, традиции, устой

⁵ Хрестоматия. 1990. С. 112-115.

⁶ Русская Реформация. С. 90.

⁷ Кропоткин 1988. С. 286.

тогдашней самодержавной России. Главное в их мировоззрении – искренность во всем. Если человек проповедует идеалы справедливости, то и он в своей повседневной жизни сам должен следовать им. Отсюда беспощадная борьба с моралью государственного Православия. Нигилисты признавали только один авторитет – разум⁸.

Мировоззренческая основа взглядов ведущих идеологов народничества была различной – позитивизм (Н.К. Михайловский, отчасти П.Л. Лавров), материализм (П.Н. Ткачёв). Позитивистская философия О. Конта оказала сильное влияние на народническое движение. Сама она явилась связующим звеном между теориями XVIII в. (Вико, Тюрго, Кондорсе) и глобальной теорией второй половины XIX в. – диалектическим материализмом К. Маркса и Ф. Энгельса. В целом была воспринята базовая идея Конта о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества (теологическая, метафизическая, позитивистская или научная). Переход на позитивистскую стадию мышления влечет за собой переход к лучшему, позитивному государственному устройству, разработанному Контом в «Системе позитивной политики». Это будет рациональное, гармоничное общество, все члены которого живут друг для друга. В реформированном позитивистском обществе главным мотиватором будет религия, которая избавится от богов или Бога («Катехизис позитивной религии»⁹) и найдет вдохновение в человечестве как Высшем Существо. Позитивистское жречество будет проповедовать истину разума и воспитывать в обществе дух коллективизма и сотрудничества. Раскол между верой и разумом будет преодолен. Главными адептами новой религии человекобожества окажутся ранее угнетаемые слои населения – пролетарии и женщины. Эти базовые постулаты философии Конта будут проявляться, осмысливаться, интерпретироваться как в народническом движении, так и в русском марксизме.

Народничество как особое направление в русской политической и правовой мысли возникло в атмосфере общественной неудовлетворенности результатами крестьянской реформы 1861 г. Идеология народничества основывалась на вере в самобытный путь развития России к социализму, минуя капитализм, на основе крестьянской общины. Вера в построение идеального социалистического общества, хилястическая по своей сути, берет начало именно в эпоху революционеров-народников.

Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) был настольной книгой нескольких поколений русских революционеров, в т.ч. В.И. Ленина. В чертах главного героя романа – Рахметова уже явственно просматриваются черты новой революционной квазирелигиозности. Вера в идеальное будущее сопряжена с верой в «нового человека», освобожден-

⁸ Кропоткин 1988. С. 284.

⁹ См.: Конт 2011.

денного от «грехов» прошлого. Рахметов стал для нескольких поколений русских революционеров эталоном «нового человека». Стремясь овладеть знаниями, которые воспринимались как ключ к спасению, он целенаправленно читал только ту литературу, которая базировалась на материалистическом мировоззрении (Л. Фейербах, Г. Бюхнер, К. Фохт). Именно материализм являлся для Рахметова ключом в постижении абсолютной истины. Следует отметить как принципиально важный момент, что почти всю революционную русскую интеллигенцию XIX в. (революционно-демократическую – В. Белинский, А. Герцен, Н. Огарев, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Н. Писарев, народническую – П. Лавров (частично), М. Бакунин, П. Ткачев и социал-демократическую, ориентированную на марксизм, – В. Ульянов (Ленин), Г. Плеханов, В. Засулич, А. Потресов, П. Аксельрод) *объединяло принятие материализма как фундамента мировоззрения.*

Учение материализма – своего рода новое «Евангелие», и Рахметов становится его адептом. Его облик внешне строится по канонам христианской аскетики: сон на гвоздях, отказ от личной жизни и общения с женщинами. Рахметов представляет собой квазирелигиозный тип нового социалистического «святого». Слова «святой», «пророк» обильно используются при разговоре о революционерах. Эту новую революционную святость Чернышевский воспекает в религиозных выражениях: «это соль соли земли»¹⁰. Сохранились свидетельства о том, что облик самого автора романа «Что делать?» воспринимался некоторыми его современниками в категориях «святости». Например, солдаты-конвоиры, препровождавшие в Сибирь Чернышевского, были поражены его нравственным обликом: «Нам говорили, что мы будем охранять страшного злодея-преступника, а это святой»¹¹. Вокруг Рахметова возникает своеобразная секта приверженцев новой «благой вести» – социализма и материализма. Сектантский дух революционеров-народников с его претензией на исключительность своей роли, доктрины, активный прозелитизм новых адептов, фанатизм в отстаивании своей веры и неприятие других учений, харизматический характер лидерства будет впоследствии целиком воспринят большевизмом.

В 1870–1880-е гг. в России уже не на страницах романа, а в жизни начал проявляться *квазирелигиозный культ революционных мучеников*. Это особенно наглядно проявилось в ходе процесса над революционерами-народниками по «делу 193-х». Судебный процесс проходил в Петербурге с 1877 по 1878 г. Подсудимыми были участники «хождение в народ», арестованные за революционную пропаганду в деревне с 1873 по 1877 г. К дознанию было привлечено 770 чел., к следствию

¹⁰ Безансон 1998. С. 119.

¹¹ Дунаев 2003. С. 134.

265, в результате жестоких условий содержания в тюрьме к началу процесса 43 из них скончались, 12 покончили с собой, 38 сошли с ума¹². Разбирательство проходило открыто, с участием присяжных, т.е. правительство как бы делегировало третьим лицам право определить меру наказания арестованным. Защиту представлял цвет русской адвокатуры: В. Спасович, Д. Стасов, П. Александров, Е. Утин, В. Герард и др. Суд оправдал 90 из 193 участников «хождения в народ», отсидевших по 3–4 года в предварительном заключении, а для половины обвиняемых (включая приговоренных к каторге) ходатайствовал о сокращении сроков наказания¹³. Обвиняемые взяли на себя роль обвинителей. Подсудимый революционер-народник И. Мышкин (легендарная личность среди народников, был известен своей попыткой освободить Чернышевского из тюрьмы в Сибири) обращался к суду с такими словами:

«Это не суд, а просто комедия или нечто худшее, более отвратительное, позорное <...> чем дом терпимости <...> осуждение такого суда — не клеймо, а удостоверение в принадлежности к числу людей, которые не погрязли окончательно в пошлых, мелочных, личных заботах, в погоне за наживой и чинами, а посвятили свои силы, в большей или меньшей степени, на служение обществу»¹⁴. Речь Мышкина, сразу напечатанная в мировой прессе¹⁵, а впоследствии нелегально напечатанная в России, сильно ударила по престижу царского режима. Характерен отзыв о речи Мышкина царского генерала: «Сотни нигилистов за целый год не могли сделать нам столько вреда, сколько нанес этот человек за один-единственный день»¹⁶.

Для интеллигентной России народники превратились в революционных святых. Народоволец А.Д. Михайлов накануне ожидаемой смертной казни написал в прощальном письме родным: «Своей судьбе, если позволит скромность, я могу улыбаться даже. Она приносит мне великое нравственное удовлетворение <...> Я отдал искренно, убежденно, веруя, все, что имел, моему богу <...> Вы сожалеете, мои родные, что я сбился с большой дороги. Позвольте, милые, напомнить вам слова великого законодателя нравственности и любви, в которого вы глубоко верите, слова о широком и тесном пути. Не все идут большими торными дорогами, идут некоторые и тесными, тернистыми»¹⁷.

В таких картинах И. Репина, как «Арест пропагандиста», «Не ждали», «Сходка», отчетливо ощущается христианская реминисценция. «Такая трактовка событий отражала безоговорочную поддержку интеллигенцией борьбы народников, осужденных на громких судебных процессах 1870-х гг. Здесь сказались и нравственная высота подсудимых,

¹² Стенографический, 1878.

¹³ 1 марта 1991, 1991. С. 197-198.

¹⁴ См. речь Мышкина: Государственные преступления... С. 270-283.

¹⁵ См. об этом: Lavigne, 1880.

¹⁶ Степняк-Кравчинский, 1963. С. 162.

¹⁷ Б.п. А.Д. Михайлов, 1917. С. 214-216.

самопожертвование и поддержка ими друг друга, их вера в свои цели и достоинство, с которым они держались на судах, а вместе с тем евангельская готовность принять страдания...». К этому типу восприятия относится и лучшая из народовольческого цикла картина «Исповедь»¹⁸. После цареубийства 1 марта 1881 г. акценты в восприятии народовольцев Репиным изменились. Однако в картинах «Не ждали» и «Сходке» Репин ставит персонажей в ситуацию, подобную «Узнаванию близкими воскресшего их мертвых» и «Тайной вечере».

Именно в это время начала складываться революционная агиография (жития «святых революционеров»). Одна из выдающихся книг этого жанра – книга революционера-народника С. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия»¹⁹ (1 изд. – 1882 г., Милан). Революционные «жития» новых святых культивировали фанатичную веру и преданность делу революции, неотделимые от стремления к самопожертвованию, мученичеству, страданию за «веру», что роднит адептов «новой веры» с ранними христианами. В этой книге описывается казнь в 1879 г. в Киеве террориста-народовольца, члена «Земли и Воли» В.А. Осинского:

«В течение всех десяти дней, которые протекли между судом и казнью, он оставался совершенно спокойным, даже веселым. Он ободрял своих друзей и ни на миг не изменил себе. Когда к нему на свидание пришли мать с сестрой, он, зная, что приговор уже утвержден, сказал им, что смертная казнь отменена; но тут же шепотом сообщил сестре, шестнадцатилетней девушке, что, вероятно, завтра ему предстоит умереть, и просил ее приготовить мать к этой тяжелой вести. Накануне казни он написал друзьям длинное письмо, которое можно назвать его политическим завещанием. Он мало распространяется в нем о себе и своих чувствах. Поглощенный делом партии, он рассуждает о приемах борьбы, которые, по его мнению, следовало бы усвоить, и предостерегает от повторения старых ошибок. Утром 14 мая его повели на казнь вместе с двумя товарищами, Антоновым и Брантнером. Из утонченной жестокости ему не завязали глаз, и он принужден был смотреть на предсмертные судороги своих друзей на виселице, на которую через несколько мгновений ему предстояло самому взойти. Это ужасное зрелище произвело такое потрясающее впечатление на его физическую природу, над которой воля человека бессильна, что голова Валериана в пять минут побелела, как снег. Но его душевная сила осталась непоколебленной. Подлые жандармы подбежали к нему в этот момент, спрашивая, не хочет ли он просить о помиловании. Валериан прогнал их с негодованием и, отказавшись от помощи палача, твердым шагом поднялся по ступеням эшафота. К нему подошел священник с распятием. Энергическим жестом Осинский дал понять, что так же мало признает небесного царя, как и царей земных. По приказанию начальства военный оркестр заиграл “Камаринскую”»²⁰.

В начале XX в., вдохновленный примером Осинского, член партии большевиков В.В. Оболенский выбрал псевдоним Н. Осинский.

¹⁸ Пospelов. Илья Репин (1844–1930): народовольческая серия...

¹⁹ Степняк-Кравчинский 1987.

²⁰ Степняк-Кравчинский, 2014. С. xlviii-xlix.

Заслуживают внимания «жития» казненного в 1879 г. Дмитрия Лизогуба, которого Степняк-Кравчинский прямо называет «наш святой»:

«Было бы слишком мало назвать Лизогуба чистейшим из людей, каких я когда-либо встречал. Скажу смело, что во всей партии не было и не могло быть человека, равного ему по совершенно идеальной нравственной красоте. Отречение от громадного состояния на пользу дела было далеко не высшим из проявлений его подвижничества. Многие из революционеров отдавали свое имущество на дело, но другого Дмитрия Лизогуба между ними не было. Под внешностью спокойной и ясной, как безоблачное небо, в нем скрывалась душа, полная огня и энтузиазма. Для него убеждения были религией, которой он посвящал не только всю свою жизнь, но, что гораздо труднее, каждое свое помышление: он ни о чем не думал, кроме служения делу. Семьи у него не было. Ни разу в жизни он не испытал любви к женщине. Его бережливость доходила до того, что друзья принуждены бывали заботиться, как бы он не заболел от чрезмерных лишений <...> И, однако, деньги, которые Лизогуб берег с ревнивой заботливостью Плошкина, были его злейшим врагом, источником нескончаемых мучений, каким-то вечным проклятием, тяготевшим над ним. При своей впечатлительной, крайне отзывчивой натуре, он безгранично страдал, будучи вынужден сидеть со сложенными руками, безучастным зрителем борьбы и мученичества своих лучших друзей. Находясь под строжайшим надзором, так как на него был сделан донос в принадлежности к революционной партии родственников, которые надеялись в случае его осуждения получить его состояние, он не мог ничего делать <...> Вынужденная бездеятельность тяжело должна была угнетать человека, подобного Лизогубу, который соединял в себе отважность бойца с пламенным энтузиазмом пророка. Но Лизогуб ухитрился превратить для себя эту бездеятельность в источник самых глубоких нравственных страданий. Со скромностью истинно великой души он не видел ни малейшей заслуги в том, что ему казалось естественнейшей вещью в мире, – в отречении от своего богатства и жизни, полной лишений»²¹.

Среди революционеров-народников 1870-х гг. 22% были выходцами из семей духовенства, в то время как доля духовенства во всем населении страны в 1870 г. составляла 0,9%²². Таким образом, религиозное мировосприятие легко трансформировалось в самые радикальные ментальные формы, чему способствовало то, что социализм с его идеей построения окончательного и совершенного миропорядка, искоренения зла и несправедливости путем тотального преобразования мира оказался психологически близок к христианству.

В нелегальной газете революционеров-народников «Земля и воля» (издавалась в 1878–79 гг.) социализм характеризовался как «высшая форма всеобщего, всечеловеческого счастья, которая только когда-либо вырабатывалась человеческим разумом, для него нет ни пола, ни возраста, ни религии, ни национальности, ни классов, ни сословий <...> только вера в свое служение всему человеческому способна возбудить тот пламенный, чисто религиозный фанатизм, который воодушевляет

²¹ Там же, с. lvii–ix.

²² Миронов 2003. С. 107.

социалистов и делает их непобедимыми, потому что самые гонения превращаются для них в источник блаженства на земле – блаженства мученичества и самопожертвования»²³. Вера Фигнер писала:

«Тот, кто подобно мне был когда-либо под обаянием образа Христа, во имя идеи претерпевшего оскорбления, страдания и смерть, кто в детстве и юности считал его идеалом, а его жизнь – образцом самоотверженной любви, поймет настроение только что осужденного революционера, брошенного в живую могилу за дело народного освобождения <...> Идеи христианства, которые с колыбели сознательно и бессознательно прививаются всем нам, и история всех идейных подвижников внушают такому осужденному отрадное сознание, что наступил момент, когда делается проба человеку, испытывается сила его любви и твердости его духа как борца за те идеальные блага, завоевать которые он стремится не для своей преходящей личности, а для народа, для общества, для будущих поколений»²⁴.

Большевики создали свой культ, сформировав в ходе Гражданской войны тип революционного мученичества (напр., культ Сергея Лазо или Виталия Баневура) неотделимый от приносимой ими учредительной жертвы (красный террор) ради построения нового мира²⁵.

Уже Февральская революция легализовала революционный культ борцов за свободу. 23 марта 1917 года на похоронах жертв Февральской революции на Марсовом поле впервые легально прозвучал похоронный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Этот похоронный марш можно назвать гимном революционным мученикам:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых...
Свой суд беспощадный над вами
Судьи-палачи уж давно изрекли,
И шли вы, гремя кандалами.

Идешь ты усталый, а цепи гремят...
Закованы руки и ноги.

Спокойно, но грустно свой взор устремил
Вперед по пустынной дороге.

Нагрелися цепи от знойных лучей
И в тело впились змеями.

И каплет на землю горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

Но ты молчаливо оковы несешь,
За дело любви ты страдаешь,
За то, что не мог равнодушно глядеть,
Как брат в нищете погибает.

²³ Революционная журналистика... С. 73.

²⁴ Фигнер 1964. С. 37.

²⁵ Именно в парадигме учредительной жертвы расстрел царской семьи и красный террор повторил события Французской революции конца XVIII века.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Уж чертит рука роковая!

Настанет пора – и проснется народ,
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный!

Похороны были организованы Петроградским Советом, в траурной церемонии приняло участие до 80 тыс. чел. Газета «Известия» писала: «Под гром пушек мы предаем сегодня земле тела наших братьев, павших в борьбе. Не впервые пролетариат опускает в могилу прах братьев <...> Но в первый раз российский пролетариат предает погребению останки героев... с воинскими почестями, которых заслуживает их подвиг <...> Так вечная память им, погибшим борцам жертвам Великой Русской Революции!»²⁶. Почти все манифестанты шли под красными флагами, именно тогда красный флаг приобрел статус общегосударственного символа. Планировалось на месте погребения возвести здание для парламента России, сознательно соединяя сакральный центр с легализацией новой власти. В речи на открытии временного памятника героям революции Б.Г. Каплун четко зафиксировал это понимание:

«Праздник годовщины великой пролетарской революции и в первую годовщину, и во вторую, и во все последующие будет начинаться с поклонения могилам героев революции. Пролетарии умеют ценить лучших героев земли, тех, которые отдали свои жизни за рабоче-крестьянское дело освобождения от ига капитала, от рабства бытия. Пусть нет их среди нас сейчас, пусть они зарыты в холодную, серую землю, но во все яркие минуты мы с ними <...> И сегодня, в великую годовщину, мы приходим к ним на могилу, чтобы молча, без слов сказать им: “Вас нет, вы ушли навсегда, за дело свободы вы отдали всё, что могли, но красное знамя, которое вы несли, не упало. Оно так же высоко поднято. С каждым днем под него становятся новые и новые тысячи рабочих и крестьян. Путь наш пока ещё так же труден, как и при вас. Но победа близка. Красное знамя пролетарской свободы скоро разовьется надо всем миром”. Нет ни одного честного пролетария, которого бы, проходя мимо братской могилы борцов за свободу, не охватывало какое-то особое состояние волнения. Что-то большое и глубокое наполняет всего тебя перед могилами тех, кто бессмертен. Что-то великое мощно зовет пойти по стопам зарытых в землю героев-борцов. Их судьба рождает зависть. Дух благородной ревности жив в каждом честном пролетарии, и не может он не родить этой зависти...»²⁷.

Но Марсову полю не суждено было выполнить функцию общероссийского пантеона новых святых – революционных мучеников. На смену Февральской пришла революция Октябрьская, и у нее появился свой пантеон – первые захоронения революционеров на Красной площади появились после подавления сопротивления юнкеров в Москве.

²⁶ Над братской могилой... 1917. С. 3.

²⁷ Каплун 1919. С. 12-13.

В.И. Ленин в речи на открытии мемориальной доски на братской могиле 7 ноября 1917 г. так охарактеризовал роль и место культа «революционных мучеников» в Советской России:

«Мы открываем памятник передовым борцам Октябрьской революции 1917 г. Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм. Товарищи! **История России за целый ряд десятилетий нового времени показывает нам длинный мартиролог революционеров** (выделено мной. – Л.А.). Тысячи и тысячи гибли в борьбе с царизмом. Их гибель будила новых борцов, поднимала на борьбу всё более и более широкие массы. На долю павших в Октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы. Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обещавших этим героизмом массы победу. Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг – “победа или смерть”. И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы»²⁸.

Очевидец похорон Дж. Рид запечатлел разговор со студентом:

«Молодой студент заговорил с нами по-немецки:

– Это братская могила, – сказал он, – завтра мы похороним здесь пятьсот пролетариев, павших за революцию.

Он свел нас в яму. Кирки и лопаты работали с лихорадочной быстротой, и гора земли все росла и росла. Все молчали. Над головой небо было густо усеяно звездами, да древняя стена царского Кремля уходила куда-то ввысь.

– Здесь, в этом священном месте, – сказал студент, – самом священном во всей России, похороним мы наших святых. Здесь, где находятся могилы царей, будет покоиться наш царь – народ...»²⁹.

Как справедливо замечает С.А. Еремеева,

«неожиданное на первый взгляд решение о создании некрополя в центре столицы рождается на перекрестке нескольких культурных контекстов: желания превратить в достойных и «правильных» покойников тех, кто погиб при смене власти (внецерковная религиозность); присвоения им значения героев, павших в боях за общее дело, и приравнивание их к военным героям, чей статус был к тому времени высок (идеология европейских национальных государств, в том числе и России). К этому же добавлялись обертоны христианской жертвы (православие). Это странное действо на Красной площади в шоковой ситуации смены власти, возможно, смогло удовлетворить наибольшее число людей. Авторитетность такой практики подтвердили позднейшие подражания ей на местах»³⁰.

С первых дней Октябрьской революции стал складываться культ Ленина как вождя Революции. Какое место в этом культе занимает ре-

²⁸ Ленин 1969. С. 171.

²⁹ Рид 1987. С. 272.

³⁰ Еремеева 2014. С. 32.

волюционное мученичество? Колоссальное влияние на Ленина имел роман «Что делать?». В разговоре с Н. Валентиновым (деятель социал-демократического движения) он так отозвался о Чернышевском:

«Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?». Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал. Когда вы читали “Что делать?”? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют»³¹.

Ленин считал, что «величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления»³². Аскетичный образ жизни Рахметова, системность и рациональность, желание стать примером для окружающих – эти черты Ленин стремился воплотить в своей жизни.

Г.В. Чичерин, нарком иностранных дел в 1918–1930 гг., писал: «Чему трудно было научиться у Владимира Ильича – настолько он в этом превосходил всех своих собеседников – это его умению во всем, до последних мелочей проводить полнейшую систематичность. Где бы он ни находился, вся его работа, все дела были всегда строго систематически распределены. Такая же строгая система господствовала в его книгах, в его бумагах, вообще во всей его личной жизни. И в нашей советской работе он был учителем строгого проведения систематичности. Он всегда требовал, чтобы всякое дело было в порядке, чтобы строго применялась нумерация, чтобы законные формы были соблюдены, и на всякую подаваемую ему бумажку он прежде всего смотрел критическим взглядом и указывал на имеющиеся в ней формальные дефекты, являющиеся нарушением законных форм, то есть существующей системы. И в этом отношении он учил тому, что нет мелких дел, что никакой мелочью нельзя гнушаться, что строгая систематичность работы должна быть проведена также и в мельчайших деталях каждого дела. Систематичность, строгую обдуманность, рациональность он считал необходимым проводить и в личной жизни. Он настаивал, чтобы те, кто с ним работал, своевременно отдыхали, принимали нужные меры для сохранения своего здоровья, чтобы их жизнь была урегулирована, рациональна и обдумана, без господства случайностей и халатности. Все должно быть строго обдуманно, не должно быть распущенности, небрежности. Все должно быть строго целесообразно, эта целесообразность должна господствовать над настроениями и над инстинктом – вот чему учились у него те, кто с

³¹ Валентинов 1953. С. 103.

³² Вождь, 1991. С. 41.

ним работал. Деловые соображения должны господствовать над личными, всякий личный момент должен отступать перед интересами дела... Думай только о деле, не думай о личных соображениях, пусть сознательно поставленная цель господствует над личными чувствами и над личными обстоятельствами – вот чему учились у него работавшие с ним <...> В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы, – одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированного производства — над слепой стихией»³³.

Партийный деятель и дипломат В. Воровский писал о Ленине:

«Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы выгесан весь из одной глыбы, и нет в нем линий раскола. Все в нем сосредоточено, как бы пригнано к одной большой общей задаче – служению делу пролетариата и руководству им на пути к социализму. И с какой бы стороны вы ни подходили к нему, вы неизменно наткнетесь на ту же единую, но грандиозную идею, охватывающую его целиком и не оставляющую места другим интересам»³⁴.

Интересна также характеристика Ленина, данная Н. Бердяевым³⁵:

«Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе. Ленин был человеком судьбы, роковой человек, в этом его сила».

Адепт новой веры, подчинивший свою жизнь проповеди «новой благой вести» (марксизму) – таков психологический портрет Ленина. Максим Горький в очерке «Владимир Ильич Ленин» писал: «его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина могли бы назвать святым»³⁶. Сложившийся в СССР псевдорелигиозный культ Ленина имел своим фундаментом культ революционных мучеников. Отправная точка складывания культа Ленина – покушение на него эсерки Фанни Каплан 30 августа 1918 г. на заводе Михельсона в Москве. Ранение Ленина советская пропаганда истолковывала как добровольную жертву человека-спасителя, сознательно подвергавшего себя опасности, отказываясь от телохранителей. Можно согласиться с тем, что культ Ленина берет начало в публичном признании его добровольной жертвы на благо народа³⁷. Более того, истоки болезни Ленина первоначально искали в отравлении свинцом от пули Каплан, которая оставалась в теле Ленина до операции 1922 г.³⁸

³³ Чичерин 1924. С. 19-20.

³⁴ Воровский 1920. С. 15.

³⁵ Бердяев 1990. С. 152.

³⁶ Горький 1920. С. 193.

³⁷ Тумаркин 1997. С. 82.

³⁸ Эта версия породила создание медицинской комиссии (1969), в которую вошли известные ученые (Е.В. Шмидт, С.А. Саркисов, Е.И. Чазов и др.), с целью

Уже с 1920 г. начинается складываться ленинская агиография – в честь 50-летия Ленина Агитпроп издал огромным тиражом в 200 тыс. экземпляров его биографию, написанную старым большевиком В. Невским, позднее – первым директором Библиотеки им. Ленина и автором первой многотомной истории ВКП(б), издание которой было быстро прервано И. Сталиным, Г. Зиновьевым и Л. Каменевым. История детства Ленина интерпретируется в книге в мессианских и телеологических терминах, как жизнь чудесного младенца, спасителя. В ней, в частности, говорится: «когда трудящемуся народу жилось очень тяжело под гнетом помещика капиталиста, в городе Симбирске, в небогатой семье родился мальчик, которому потом выпало на долю вместе с рабочими и крестьянами отобрать у помещиков... землю, освободить рабочего... и начать коренное переустройство мира»³⁹.

Особое значение в культуре Ленина как «мученика революции» имел характер его болезни и его возраст – на момент смерти в 1924 г. ему было всего 53 года. Характерна речь Г. Зиновьева, на траурном заседании II Съезда Советов ССР в 1924 г.:

«Ильич связал себя с рабочей массой не только идеей. Нет. Здесь у нас, в Москве, по улицам ее, от Серпуховки до дверей его кабинета, идет кровавый след, след его живой крови, и эта кровь, живая кровь, связывающая его кабинет с рабочей Москвой, с рабочими окраинами, она вошла в то море крови, которым оплачивает рабочий класс свое освобождение. Но не только кровь свою влил Владимир Ильич в это море крови, которого как искупительной жертвы требует капиталистический мир от борющегося пролетариата. Он отдал этой связи свой мозг. Врачи, которые достали из мертвого тела Владимира Ильича пулю, которая в последние годы оставалась там как свидетель ненависти всех эксплуататоров к нашему вождю, эти врачи раскрыли и его мозг, этот удивительный, поразительный мозг, мощь которого не знает себе равного. И они сказали нам сухими словами протокола, что этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только кровь свою отдал по каплям, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его как крупитцы по всем концам мира, чтобы эти капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями борющегося за свое освобождение человечества»⁴⁰.

Похороны Ленина 27 января 1924 г. на Красной площади носили символический характер. Абсолютно логично и рационально, что Ленин был похоронен на Красной площади, которая выполняла с ноября 1917 г. функцию сакрального общероссийского пантеона новых святых

еще раз проанализировать историю болезни Ленина. Комиссия пришла к заключению, что «вокруг пули возникла гематома, что привело к сдавливанию сонной артерии, и именно в этом месте на внутренней стенке артерии начали образовываться атеросклеротические бляшки, т.е. стал развиваться атеросклероз, который в дальнейшем привел к нарушению мозгового кровообращения». – По воспоминаниям...

³⁹ Невский 1920. С. 3.

⁴⁰ У великой могилы, 1924. С. 250.

– революционных мучеников. II съезде Советов СССР 26 января 1924 г. И. Сталин произнес клятву в стиле православной проповеди:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!.. Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянёмся тебе товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!.. Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы не поощаем своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!»⁴¹.

Мотив мученичества четко осознавался и участниками траурных мероприятий по всей России. Исследователь коммеморативных особенностей массового прощания жителей Новосибирска, Томска, Омска и Барнаула с Лениным Е.И. Красильникова замечает, «хотя Ленин и умер “своей смертью”, но драматизм похоронного сценария героя не мог обойтись без религиозных мотивов мученичества в речах собравшихся. Этот шаблон, многократно применявшийся в предыдущие годы на “красных” похоронах жертв и “героев” Гражданской войны, стал неременной чертой “красных” похорон. Митинговавшие говорили: “Ты замучен тяжелой болезнью, трудной и длительной работой”. Дело революции было названо на этом митинге “святым”. Озвучена была и вера в то, что “наш учитель <...> сейчас пойдет к ранее павшим борцам, к своим ученикам”»⁴². Культ революционных мучеников во главе с Лениным транслировал идею служения людям, основанную «“на долге перед мертвыми, чью жизнь ты доживаешь и чье дело ты продолжаешь”, – культурный императив, формировавшийся посредством советских мемориальных ритуалов <...> Советский человек оказывался перед чреватым неврозом противоречием: для того чтобы стать бессмертным, нужно остаться в памяти народной. Для того чтобы в ней остаться, нужно совершить акт служения общему делу. В предельном случае этот акт состоит в созидании собственной смерти. Смерти особенной – красной, и – на миру. В конечном счете оказывалось, что для того чтобы избежать смерти (стать бессмертным), нужно погибнуть»⁴³.

Заметим, что реальная жизнь Ленина – жизнь адепта новой веры, подчинившего все интересы проповеди «новой благой вести» – марксизму. В этом отношении жизнь Ленина становится хорошо понятна через призму народнического идеала. Аскетичный и воздержанный образ жизни Рахметова, системность и рациональность, его стремление самому сделаться примером для окружающих, все эти черты Ленин стремился воплотить в своей жизни. После его смерти стал складываться

⁴¹ Сталин 1947. С. 46-51.

⁴² Красильникова 2014. С. 70.

⁴³ Адоньева 2001. С. 153.

ся ленинский миф, имевший фундаментом культ революционных мучеников, борцов за свободу. Развиваясь этот миф принял формы квазирелигиозного культа вождя Революции. Однако, ход истории многократно трансформировал этот миф, сообразуясь с потребностями политической ситуации, от бессмертного вождя до порождения темных сил.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II. Л.: Лениздат. 1991. 384 с.
- Авдоньева С.Б. Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб.: «Петербургское Востоковедение». 2001. 176 с.
- Андреева Л.А. «Православный строй» и коммунистический режим. Революционные события и православие // *Общественные науки и современность*. 2010. № 6. С. 105-114.
- Безансон А. Интеллектуальные истоки ленинизма. М.: Изд-во «МИК». 1998. 304 с.
- Бердяев Н. А. Русская идея // *Вопросы философии*. 1990. № 1-2.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. 1990. М.: Наука, 224 с.
- Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. М.: Наука, 1997. 826 с.
- Б.п. А.Д. Михайлов в крепости: (Последние прошения и письма) // *Былое*. 1917. № 3. С. 210-216.
- Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: изд-во имени Чехова. 1953. 370 с.
- Вождь: (Ленин которого мы не знали). Саратов, Приволжское книжное изд-во. 1991. 288 с.
- Воровский В. В.И. Ульянов-Ленин // *Красноармеец*. 1920. № 21-22. С. 15-16.
- Горький М. Владимир Ильич Ленин // *Коммунистический интернационал*. 1920. № 12. Стб. 1927-1936.
- Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. Ростов-на-Дону, «Донская речь». 1906. 333 с.
- Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви. 2003. - 539 с.
- Еремеева С.А. «В вихре великом не сгинут бесследно»: новая смерть для борцов за новую жизнь // *Вестник Омского ун-та. Сер.: исторические науки*. 2014. № 4. С. 32-34.
- Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. 264 с.
- Жукоцкий В.Д. Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков // *Общественные науки и современность*. 2004. № 3. С. 89-101.
- Каплун Б. Открытие временного памятника героям революции // *Пламя*, 1919. № 70. С. 12-13.
- Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: Книжный дом «ЛИБС РОКОМ». 2011. - 296 с.
- Красильникова Е.И. Прощание с В.И. Лениным и дни памяти вождя в административных центрах Западной Сибири (1924-1941 годы): коммеморативные практики // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2014. Т. 13, вып. 1: История. С. 67-76.
- Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Московский рабочий. 1988. 544 с.
- Круглова И.Н. Жертвенность как символическое бытие: Ж. Бодрийяр, Ж. Лакан, Р. Жирар // *Вестник Красноярского гос. аграрного университета*. 2013. № 10. С. 308-311.
- Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. В 55 т. Т. 37. М.: Изд-во политической литературы. 1969. 748 с.
- Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2003. 548 с.
- Над братской могилой // *Известия*. № 22, 23 марта 1917.
- Пименова Л.А. Идея свободы во Французской революции XVIII в. // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/LIBERTE.HTM>
- По воспоминаниям Е. Чазова // *Аргументы и факты*. 1988. № 8.
- Поспелов Г. Илья Репин (1844–1930): народовольческая серия // www.irina480.narod.ru/hudoj/repin/orepe/kritika/seriy.htm

- Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону: Тип. «Донская речь». 1907. 312 с.
- Рид Дж. Избранное: в 2-х кн.: Кн. 1. М.: Политиздат, 1987. 543 с.
- С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (публ. В.С. Антонова) // Русская литература. 1963. № 2. С. 161-166.
- Степняк-Кравчинский С. Подпольная Россия. М.: Изд-во «Проспект». 2014 (ebook). 191 с.
- Собуль А. Первая Республика (1792-1804). М.: Прогресс., 1974. 378 с.
- Сталин И. В. Сочинения. М.: ОГИЗ. 1947. Т. 6. 170 с.
- Стенографический отчет по делу о пропаганде в Империи. Заседания Особого присутствия правительствующего Сената. СПб.: Тип. М. Стасюлевича. 1878. 634 с.
- Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект. 1997. 288 с.
- У великой могилы. М.: Изд. газеты «Красная звезда». 1924. 642 с.
- Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга. 2000. 671.
- Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания в 2-т. Т. 2. М.: Мысль. 1964. 320 с.
- Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М.: Просвещение. 1990. 416 с.
- Фирсов С.Л. Перевернутая религия: советская мифология и коммунистической культ (к вопросу о новом революционном сознании и «освобожденном» человеке // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2003. № 1. С. 91-109.
- Чичерин Г.В. Молодежь должна учиться у Ленина // Молодая гвардия. 1924. № 2-3. С. 17-20.
- Lavigne E. Introduction à l'histoire du nihilisme russe. Paris: G. Charpentier. 1880. 401 p.

REFERENCES

- 1 marta 1881 goda: Kazn' imperatora Aleksandra II. L.: Lenizdat. 1991. 384 s.
- Avdon'eva S.B. Kategoriya nenastoyashchego vremeni (antropologicheskie ocherki). SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie». 2001. 176 s.
- Andreeva L.A. «Pravoslavnyj stroj» i kommunisticheskij rezhim. Revolyucionnye sobyitiya i pravoslavie. // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 6. S. 105-114.
- Bezanson A. Intellektual'nye istoki leninizma. M.: Izdatel'stvo «МИК». 1998. 304 s.
- Berdyayev N.A. Russkaya ideya // Voprosy filosofii. 1990. № 1-2.
- Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. 1990. M.: Nauka, 224 s.
- Bulgakov S.N. Trudy po sociologii i teologii: V 2-h t. M.: Nauka. 1997. 826 s.
- V.p. A.D. Mihajlov v kreposti: (Poslednie prosheniya i pis'ma) // Byloe. 1917. № 3. S. 210-216.
- Valentinov N. Vstrechi s Leninyim. N'yu-York, izdatel'stvo imeni CHEkhova, 1953. 370 s.
- Vozhd': (Lenin kotorogo my ne znali). Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izd-vo. 1991. 288 s.
- Vorovskij V.V. I. Ul'yanov-Lenin // Krasnoarmeec. 1920. № 21-22. S. 15-16.
- Gor'kij M. Vladimir Il'ich Lenin // Kommunisticheskij internacional. 1920. № 12. Stb. 1927-1936.
- Gosudarstvennye prestupleniya v Rossii. T. 3. Rostov-na-Donu: «Donskaya rech'». 1906. 333 s.
- Dunaev M.M. Vera v gornie somnenij: Pravoslavie i russkaya literatura v XVII–XX vekah. M.: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2003. 539 s.
- Eremeeva S.A. «V vihre velikom ne sginut bessledno»: novaya smert' dlya borcov za novuyu zhizn' // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki. 2014. № 4. S. 23-34.
- Russkaya Reformaciya XX veka: stat'i po kul'turosofii sovetizma. M.: Novyj hronogpaf, 2008. 264 s.
- Zhukockij V.D. Russkaya reformaciya XX veka: logika istoricheskoy transformacii ateisticheskogo protestantizma bol'shevikov // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 3. S. 89-101.
- Kaplun B. Otkrytie vremennogo pamyatnika geroyam revolyucii // Plamya. 1919. № 70. S. 12-13.
- Kont O. Obshchij obzor pozitivizma. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. 296 s.
- Krasil'nikova E. I. Proshchanie s V.I. Leninyim i dni pamyati vozhdya v administrativnyh centrakh Zapadnoj Sibiri (1924–1941 gody): kommemorativnye praktiki // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. Tom 13, vypusk 1: Istoriya. S. 67-76.

- Kropotkin P.A. Zapiski revolyucionera. M.: Moskovskij rabochij. 1988. 544 s.
- Kruglova I.N. ZHertvennost' kak simvolicheskoe bytie: ZH. Bodrijar, ZH. Lakan, R. ZHirar // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2013. № 10. S. 308-311.
- Lenin V.I. Rech' pri otkrytii memorial'noj doski borcam oktyabr'skoj revolyucii 7 noyabrya 1918 g. // PSS. 5-e izd. V 55 t. T. 37. M.: Izd-vo politicheskoy literatury. 1969. 748 s.
- Mironov B.N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (HVIII – nachalo XX v.): V 2 t. T. 1. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2003. 548 s.
- Nad bratskoj mogiloy // Izvestiya. № 22, 23 marta 1917.
- Pimenova L.A. Ideya svobody vo Francuzskoj revolyucii XVIII veka // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/LIBERTE.HTM>
- Po vospominaniyam E. Chazova // Argumenty i fakty. 1988. № 8.
- Pospelov G. Il'ya Repin (1844–1930): narodovol'cheskaya seriya. Revolyucionnaya zhurnalistika semidesyatykh godov. Rostov n/D.: «Donskaya rech», 1907. 312 s.
- Rid Dzh. Izbrannoe: v 2-h kn.: Kn. 1. M.: Politizdat, 1987. 543 s.
- S. Stepyak-Kravchinskij ob Ippolite Myshkine (publ. V.S. Antonova) // Russkaya literatura. 1963. № 2. S. 161-166.
- Stepnyak-Kravchinskij S. Podpol'naya Rossiya. M.: Izd-vo «Prospekt». 2014 (ebook). 191 s.
- Sobul' A. Pervaya Respublika (1792–1804). M.: Progress, 1974. 378 s.
- Stalin I.V. Sochineniya. M.: OGIZ. 1947. T. 6. 170 s.
- Stenograficheskij otchet po delu o propagande v Imperii. Zasedaniya Osobogo prisutstviya pravitel'stvuyushchego Senata. SPb.: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1878. 634 s.
- Tumarkin N. Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoj Rossii. SPb.: Akademicheskij proekt, 1997. 288 s.
- U velikoj mogily. M.: Izd. gazety «Krasnaya zvezda». 1924. 642 s.
- Uorner U. Zhivye i mertvye. M.; SPb.: Universitetskaya kniga. 2000. 671.
- Figner V. Zapechatlennyj trud. Vospominaniya v 2-t. T. 2. M.: Mysl', 1964. 320 s.
- Firsov S.L. Perevernutaya religiya: sovetskaya mifologiya i kommunisticheskoy kul't (k voprosu o novom revolyucionnom soznanii i «osvobodhdennom» cheloveke // Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2003. № 1. S. 91-109.
- Hrestomatiya po istorii SSSR. 1861–1917. M.: Prosveshchenie. 1990. 416 s.
- Chicherin G.V. Molodezh' dolzhna učit'sya u Lenina // Molodaya gvardiya. 1924. № 2-3.
- Lavigne E. Introduction á l'histoire du nihilisme russe. Paris: G. Charpentier. 1880. 401 p.

Андреева Лариса Анатольевна, профессор РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник ЛГУ им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник Института Африки РАН; larchen1969@gmail.com

Secular sanctity: cult of revolutionary martyrs in Russian history

In the article the formation of a quasi-religious cult of revolutionary martyrs as one of the forms of "transfer of sacredness" is considering. The formation of this phenomenon in the Narodnaya Volya's movement of the second half of the 19th century in the Russian Empire is investigated. Particular attention is paid to the study of Lenin's biography through the prism of the Narodnaya Volya's ideals both lifetime and posthumous perception of V.I. Lenin as a martyr of the Revolution.

Keywords: cult of revolutionary martyrs, secular sanctity, quasi-religiousness, Narodnaya Volya, Russian Empire, V.I. Lenin

Larisa Andreeva, Prof., Dr. Sc., Senior Research Fellow, Pushkin Leningrad State University; Senior Researcher, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences; larchen1969@gmail.com

ПОЛИТИКА АНГЛИИ НА БОЛЬШОМ КАВКАЗЕ В 1918–1920 гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ А. РОУЛИНСОНА И К. БЕХГОФЕРА¹

В статье предпринята попытка реконструировать события в связи с их освещением непосредственными участниками и свидетелями. Для сравнительного анализа выбраны мемуары очевидца событий английского журналиста К. Бехгофера и участника военной миссии Англии на Кавказе А. Роулинсона, находившихся на Кавказе примерно в одно и то же время (1918–1920 гг.), т.е. уже после фактического отделения кавказского региона от России и еще до полного включения в ее состав. Их социальный опыт, взгляды, убеждения и профессиональная принадлежность определили полярность оценок эффективности английской политики в регионе.

Ключевые слова: *Большой Кавказ, К. Бехгофер, А. Роулинсон, международные отношения, травелог, эго-документы*

Английское военное присутствие на Кавказе в 1918–1920 гг. было следствием победы Антанты в Первой мировой войне и Российской революции 1917 г., приведшей к фактическому отделению национальных окраин бывшей империи от ее Центра. Вследствие утраты большевиками контроля над Кавказом, регион стал ареной международного противостояния. Одним из его участников была Великобритания, для которой Кавказ в прошлом уже был объектом геополитического интереса. Глубокий социально-политический кризис в России стал удобным моментом для английского вторжения в пределы Северного и Южного Кавказа, которые мы объединим категорией «Большой Кавказ»².

В научной литературе проблема английского военного присутствия на Кавказе рассматривается главным образом в контексте геополитического соперничества. Для британского правительства гражданская война в России была шансом развить средневосточное направление внешней политики и установить контроль над Каспием и Закавказьем. Тема английской интервенции поднималась неоднократно. В советской историографии интерес к проблеме возникает уже в 1920-е гг.: именно тогда советские специалисты стали проявлять интерес к роли иностранного участия в событиях Гражданской войны³. Историки раз-

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

² Это понятие из географии было впервые заимствовано политологами. Понимание целостности Кавказа позволило посмотреть на макрорегион с учетом взаимосвязи внутренних политических процессов и изучать его как единое пространство международной политики. Напр.: Большой Кавказ двадцать лет спустя... 2014.

³ См., напр.: Раевский 1927.

ных поколений изучали геополитическое противостояние в пределах Большого Кавказа и отдельные аспекты английской политики в разных частях региона⁴. Помимо прочего, отмечалась дискуссионность вопроса интервенции в Россию среди британской военно-политической элиты⁵. Отличались также оценки английского вторжения на Кавказ непосредственных свидетелей и участников событий. Целью данной статьи является сравнительное изучение их восприятия как самого Кавказа, так и политики английской администрации, проводимой в регионе.

В свете поднимаемой проблемы, которая является частью предметного поля истории международных отношений следует остановиться на специфике исторической базы. Традиционно ученые отдают приоритет актовым и официальным источникам. Под таким подходом к изучению событий профессор Флорентийского университета Эннио ди Нольфо понимал исключительно «историографическую реконструкцию отношений между династиями, дипломатическими корпусами, министрами иностранных дел». Это положение действительно для значительной части работ по истории международных отношений. Эго-источники или источники личного происхождения долгое время занимали в этой области истории маргинальное положение. Вместе с тем они позволяют заглянуть за фасад событий и реконструировать антропологический контекст истории международных отношений⁶.

В статье рассматривается микроисторическая сторона международной жизни на основе сравнительного анализа двух эго-документов: воспоминаний англичан, побывавших на Кавказе и наблюдавших военно-революционную реальность кавказской жизни в 1918–1920 гг. Первый фигурант – разведчик Альфред Роулинсон (1864–1934) – был сыном британского археолога-ориенталиста и офицера армии Ост-Индской компании Генри Кресвика Роулинсона, который горячо отстаивал идею английского противостояния России в Южной Азии и предсказывал поглощение Коканда, Хивы и Бухары Российской империей. Альфред Роулинсон проявил себя, как и отец, на разных общественных поприщах: был известен как гонщик и авиатор, вошел в историю как участник и чемпион в составе команды по поло Летних Олимпийских игр 1900 года. В ходе Первой мировой войны, в 1915–1917 гг. А. Роулинсон под руководством адмирала Перси Скотта занимался организацией противовоздушной обороны Лондона⁷. На Кавказе он впервые оказался в 1918 г. в составе экспедиции «Данстерфорс» под руковод-

⁴ Асоян 2005; Архипова 2016; Волков 1954; Гаджиев 1960; Гурко-Кряжин 1926; Дарабади 2006; Доного 2012; Лавров 1979; Морозова 2015; Амбарцумян 2017.

⁵ См., напр.: Дарабади 2006; Лавров 1979; Амбарцумян 2017.

⁶ Эннио Ди Нольфо 2003. С. 11, 20.

⁷ Rawlinson 1924.

ством Лионеля Денстервиля, затем прибыл в 1919 г. в составе Разведывательного корпуса (Intelligence Corps). Во второй приезд его полномочия включали в себя контроль железной дороги Тифлис – Баку, а также сбор сведений о положении на Северном Кавказе. Воспоминания о службе на Ближнем Востоке и Кавказе были написаны непосредственно после возвращения, и уже в 1924 г. были доступны читателю.

Вторым источником сравнительного исследования стали воспоминания английского журналиста и писателя Карла Бехгофера (1894–1949). Заметного вклада в развитие английской литературы он не внес, был журналистом второго плана, однако личностью неординарной и увлекающейся. Его биография насыщена путешествиями, приключениями и необычными знакомствами. Приезд в Россию в 1919 г. был не первым и не последним его визитом в эту страну. Свои впечатления и наблюдения он изложил в трех книгах: «Россия на распутье», «В деникинской России и на Кавказе, 1919–1920», «По голодающей России», «Дневник скитальца: Некоторые воспоминания о путешествиях по Индии, Дальнему Востоку, России, Средиземноморью и другим местам».

Знакомство с Россией не ограничивалось туристическими впечатлениями. Примечательным фактом биографии английского журналиста стало знакомство с русским поэтом Николаем Гумилевым. Владение русским языком позволило Бехгоферу делать литературные переводы. Так в 1920 г. он стал одним из европейских переводчиков поэмы Александра Блока «Двенадцать»⁸. С другой стороны, хорошее знание русского языка позволило более детально изучить обстановку в период его путешествия на Кавказ, что во многом определило его большую погруженность в кавказский контекст.

Два художника пишущих с одной и той же натуры представят абсолютно разные картины. Так и в данном случае – оба автора различных по содержанию текстов синхронно пребывали в одном и том же регионе, наблюдали одну военно-революционную реальность Кавказа. Сравнение их работ позволяет выявить моменты общего и особенного в восприятии и фиксации наблюдаемых реалий, а также проанализировать причины как расхождения, так и сходства конструируемых образов. Жанрово сочинения Роулинсона и Бехгофера можно отнести к тревелогам – я-повествованию, где обязательно наличие рассказчика-путешественника. Пространство в текстах этого жанра представлено в виде бинарных оппозиций: противопоставления путешественника и мира, родного и чужестранного, внутреннего и внешнего, прошлого и настоящего и т.д.⁹ Имея различный социальный опыт, оба автора ощущали принадлежность к общей культуре. Поэтому в текстах сквозит

⁸ Лучинский 2015.

⁹ Никитина, Тулякова 2013. С. 191.

ориенталистское отношение и понимание своего цивилизационного превосходства, а жизнь и порядки кавказских народов были непонятны и экзотичны. Однако на общей наблюдательной площадке авторы расположились с разных сторон и каждый имел собственный угол обзора. Бехгофер был лишь наблюдателем и оценивал ситуацию со стороны, а Роулинсон находился внутри событий и характеризовал события как непосредственный их участник.

Уже в названиях анализируемых трудов вырисовывается разница в отношении к геополитическому контексту описываемых событий. Бехгофер озаглавил свое сочинение «В деникинской России и на Кавказе, 1919–1920»¹⁰, Роулинсон – «Приключения на Ближнем Востоке, 1918–1922». В первом случае речь идет о Кавказе если не как части России, то как о регионе с ней связанным, вторым автором он понимается как часть Ближнего Востока. Военный представитель Британской империи, Роулинсон понимал кавказское направление как часть ближневосточного вектора английской внешней политики. Логика восприятия пространства сложилась под влиянием исполнения служебных обязанностей, «Приключения» фиксируют длинный и сложный маршрут передвижений между Константинополем и Энзели, динамику и частую смену местопребывания. Такая подача формирует у читателя ощущение единого геополитического пространства.

Персия стала отправной точкой «приключений», именно оттуда в августе 1918 г. в Баку прибыла миссия Лионеля Денстервиля, под началом которого служил Роулинсон. Группа «Дастенфорс» установила контроль над персидским портом Энзели в начале лета. Описывая положение дел на момент своего прибытия в Баку, автор подчеркивал организующее начало британской миссии. Дело в том, что город пребывал в хаосе безвластия и атмосферы опасности со стороны напавшей турецкой армии. Правительство Центрокаспия самостоятельно не могло ни организовать оборону, ни навести порядок в пределах города, поэтому первое поручение, которое он получил, было изучение ситуации в сфере хранения и организации доступа к вооружению и принятие необходимых мер к исправлению ситуации. Выражением царящей анархии стала проблема с кораблями, которые большевикам так и не удалось увести в Астрахань. Одиннадцать судов стояли в свободном доступе и без охраны. Опасность усиливалась количеством хранимых на них боеприпасов. По выражению Роулинсона оно превышало тот объем, которым располагали британские войска в Месопотамии¹¹.

¹⁰ Bechhofer 1971.

¹¹ Rawlinson 1924. P. 72. Людские ресурсы англичан в Баку были ограничены, что подчеркивается в тексте, поэтому использование такого количества вооружения было проблематичным.

Как военный представитель английского государства на азиатской территории, Роулинсон не скрывал имперские возможности и не сомневался в правах британской миссии. Это подтверждается рядом описанных им эпизодов. Так, меняя служебную квартиру, он прибыл в новое более просторное жилище, но владелец попытался не пустить англичан. В ответ Роулинсон попросил помощника разбить киркой деревянную входную дверь. «Таким образом мы получили во владение отличную квартиру с видом на арсенал и Каспийское море»¹². Такой способ разрешения конфликтной ситуации, с гордостью представленный на страницах воспоминаний, передает довольно характерную для представителей британской колониальной администрации черту – чтобы не случилось, слугам империи следовало демонстрировать смелость¹³, особенно на «диком» Востоке.

Автор не стесняется применения силы в отношении чужой собственности, напротив он горд тем, что слом двери воодушевил его людей и испугал владельца жилища: «...он упал на пол как кролик и побелел как лист бумаги, страдая по-видимому от сердечного приступа, на который мы не обратили внимания, он пополз по площадке, хватая меня за колени, заверял, что, если я остановлю шум, который его нервы не могут выдержать, он откроет переднюю дверь для нас ключом»¹⁴. Описанный эпизод можно отнести к разряду хрестоматийных и иллюстрирующих методы колониального управления. Историк П. Брендон приводит пример из жизни писателя Джорджа Оруэлла, служившего полицейским в Бирме. Он вынужден был пристрелить слона даже когда последний уже успокоился и не представлял опасности, но выстрел продемонстрировал местным жителям силу сахиба¹⁵. Однако здесь различие в восприятии и оценке. Для интеллектуала Дж. Оруэлла мера была вынужденной, он не испытывал чувства гордости по поводу содеянного. Для профессионального военного силовое решение было единственно возможным и правильным. Реакция Роулинсона и отношение к некрасивой ситуации были типичными для англичан на Востоке.

Функциональные обязанности Роулинсона в период его пребывания в Баку обусловили и специфическое представление о городе – пространство конструируется исходя из военной целесообразности: порт, главный штаб командующего, квартира, занятая Роулинсоном, арсенал и т.д. Этот образ подчинен образу жизни участников британской военной миссии. Роулинсон редко останавливается на характеристике представителей местного населения, с которыми приходилось встречаться

¹² Rawlinson 1924. P. 79.

¹³ Брендон 2010. С. 435.

¹⁴ Rawlinson 1924. P. 79.

¹⁵ Брендон 2010. С. 437.

или сотрудничать. Вообще часть жизни, не имеющая отношения к британскому военному управлению, его не занимала. Население им обезличено: это лишь многонациональная толпа полуголодных людей, которые оказались не в состоянии воевать, среди них – русские, армяне, курды, татары, персы, дагестанцы... «Все они были в состоянии крайней нищеты, в лохмотьях. Поэтому наиболее насущной необходимостью было их покормить»¹⁶. Обращает на себя внимание практичность поставленной задачи, несмотря на презрение, она гуманна.

Локальные проблемы занимали британского представителя только в пределах интересов военной миссии: так, его возмущение и недоумение вызывало поведение местных защитников города, которые покинули большой участок фронта и открыли туркам доступ к городу. Напротив, подробно и с чувством собственной значимости он писал о трудностях службы. Значительная работа была проведена, по его мнению, в сфере хранения вооружения, которое приходилось инвентаризировать, в т.ч. на отобранных у большевиков судах: количество, калибры и т.д. В «Приключениях» описываются сложности взаимоотношений с правительством Центрокаспия и местным населением, фиксируется постоянное наличие турецкой угрозы. Такого рода информация создает бинарную оппозицию, где с одной стороны хаос кавказского контекста, а с другой – порядок английской армии.

Профессиональная деформация обуславливала сосредоточение на той части реальности и тех фигурантах, с которыми автор имел дело по долгу службы. Малочисленность персоналий выдает натуру военного разведчика. Единственный, о ком он говорит в связи с пребыванием в Баку, это военный министр Яков Багратуни, так как с ним пришлось плотно сотрудничать. Ему дана положительная характеристика, особенно в связи с тем, что, несмотря на недавнюю ампутацию ноги, Багратуни активно работал, отдавал приказы¹⁷ и, с точки зрения британского разведчика доблестно и профессионально исполнял служебный долг. В большинстве же случаев автор не утруждал себя именами рядовых представителей английской миссии, называл просто звания, должности или же давая прозвища. В Баку из Решта была перенесена штаб-квартира британского консула. Он прибыл со штатом секретарш, среди них была девушка черкесского происхождения с «золотыми волосами». Не называя имен, Роулинсон передает историю со взрывом в штабе, именуя девушку как «наш друг с восхитительными волосами».

Трудной для английских военных была проходившая под натиском успешного наступления турецкой армии эвакуация в сентябре 1918 года. Роулинсон понимал фатальность сложившегося положения и расцени-

¹⁶ Ibid. P. 71.

¹⁷ Rawlinson 1924. P. 69.

вал требования правительства не выводить войска как «истерические и фантастические»¹⁸. Это одна из немногочисленных критических оценок действий власти, позволяющих говорить о понимании автором того, что Лондон был далек от кавказских дел, и поэтому военным представителям на месте приходилось часто решать и действовать самостоятельно.

С большим трудом удалось увести пароход со всеми боеприпасами и добраться до Энзели, а 15 сентября 1918 г. в Баку уже были турецкие войска. Отступление из Баку описано детально, в эпицентре событий – героизированная фигура самого Роулинсона. Ощущения провала миссии не было, и даже присутствовал некоторый подъем, особенно на фоне полученной награды от генерала Маршалла¹⁹. Чувство долга органично сочетается с восприятием произошедшего как опасного приключения. Тот же эмоциональный настрой демонстрирует предисловие к первой главе, составленное Лионелем Денстервилем, который, подтвердив правдивость изложения событий в травелоге, поведал читателям о случае, когда он видел, что операция по подрыву моста на турецкой линии опасна, и полковник Роулинсон может не вернуться. Однако схема была проработана детально и «имела шансы на успех в руках лидера, для которого опасность была крайне привлекательна»²⁰, поэтому он дал одобрение на реализацию. Денстервиль был, по сути своей, авантюрист, и разведчику Роулинсону в полной мере было присуще то же качество, он воспринимал риск как неотъемлемое условие службы.

К третьей части «приключений», озаглавленных как «Разведывательная служба в Закавказье (февраль – август 1919)» вступление составил фельдмаршал Джордж Милн. Выражая государственную позицию, он не отделял Кавказ от ближневосточного направления британской политики: «В Великобритании мало известно о тяжелой работе британских войск в 1919 и начале 1920 г., когда британский флаг гордо развивался от Мерва до Смирны, когда образцовым портом был Батум, когда можно было передвигаться по железной дороге, контролируемой британскими офицерами от Константинополя до Египта»²¹. Милн разделял мнение полковника Роулинсона о главной задаче англичан на Кавказе – навести порядок и проконтролировать эвакуацию немецкой и турецкой армий. Военное присутствие представлялось как целесообразным для внешней политики Британской империи, так и полезным для народов занимаемых территорий. Ни Роулинсона, ни авторов предисловий, как военных практиков, не интересовали политико-диплома-

¹⁸ Ibid. P. 85.

¹⁹ Последний, будучи командующим английскими войсками в Месопотамии, был против проникновения в Закавказье, но на этом настоял Восточный кабинет Военного комитета. См.: Безугольный 2011.

²⁰ Rawlinson 1924. P. 21–22.

²¹ Ibid. P. 108.

тические процессы, в свете которых и происходило их пребывание на Ближнем Востоке. И Милна, и Денстервиля, и Роулинсона объединяла психология добросовестных исполнителей, выполняющих даже неудачные приказы в предлагаемых условиях, поэтому они были сосредоточены в своих оценках на военно-стратегическом направлении.

Батум Роулинсон назвал самой непривлекательной частью «Закавказской России», по инерции продолжая считать Закавказье частью рухнувшей империи. В его описании образ Батума неказист, архитектура скудная, отмечено только главное предназначение портового города – транспортировка нефти. Его поездка в Тифлис связана с невероятной роскошью личного поезда покойного императора, в котором ему предоставили место. Тифлис произвел более сильное впечатление, чем Батум, он назвал его самым интересным городом на Кавказе.

Роулинсон подчеркнул, что Грузия исторически имела собственную государственность, пока не была включена в состав Российской империи. После большевистского переворота она стремилась к независимости, но, к разочарованию англичанина, население разделяло утопические социалистические идеи, не принесшие желаемого результата. Людей он воспринимал как «смешанную толпу», с которой уже приходилось иметь дело в Месопотамии. Из всего этнического кавказского многообразия особенно привлекательными оказались грузины. Он отметил наличие многочисленной аристократии – богатой и хорошо образованной. Высокий уровень культуры грузинской аристократии и одновременно «дух, который отличает британскую армию, и который делает ее желанной во всем мире» автор подтверждает следующим случаем. Однажды Роулинсона пригласили на ужин в одну гостеприимную и благородную, но голодающую грузинскую семью. Стремясь не нанести урон чести хозяев, англичане снабдили семью продовольствием за возможность пользоваться их огромной кухней. Высоко ценя благородство происхождения, они видели в этой семье себе равных, поэтому старались действовать тактично. Эта ситуация, в которой англичане великодушны и благородны, представлена в свете специфической самоидентификации автора. Имагологическая составляющая его воспоминаний сформирована под влиянием идеи «национального характера». Формирование образа «чужого» в кавказских пределах происходило на основе воспринятого коллективного и личного жизненного опыта. Идеология британскости была имперской и колониальной. Имперский дискурс формировал не критичное отношение к догме о цивилизационном превосходстве британцев в массовом сознании²². Британцы прибывали на Кавказ, как на Восток, уже с ощущением «бремени белого человека», образ «другого-чужого» был в общих чер-

²² Симонов 2014. С. 138–146.

тах сконструирован до встречи с ним. При последующем контакте эти стереотипы только уточнялись и корректировались. С другой стороны, семейное воспитание, интеллектуальный и жизненный опыт отца Роулинсона, усиливали влияние социума.

Образ «другого» в кавказском контексте на страницах «Приключений» довольно размыт. Как отмечалось, этническое многообразие фиксируется, но не раскрывается, не детализируется и слабо наполняется конкретными фигурантами. Важнее сама британская миссия, которая предстает в рамках бинарной оппозиции как остров цивилизации и упорядоченности в море революции, хаоса и войны. Еще одной важной чертой образа «другого» является ситуативность: он мог формироваться и корректироваться в зависимости от положительного и/или отрицательного опыта общения, как в случае с Я. Багратуни.

Северный Кавказ в структуре Большого Кавказа в «Приключениях» занимает незначительное место. Когда Роулинсон пишет о кавказском регионе, то имеет в виду прежде всего территорию Южного Кавказа. Северный Кавказ представлен как территория по ту сторону Кавказского хребта и как часть России, к Ближнему Востоку отношения не имеющая. Отметим удивительное для разведчика незнание: отметив, что многие прошедшие здесь народы оставили своих представителей, потомки которых жили изолированно в горах, благодаря чему сохранили свои язык и культуру, Роулинсон называет таким племенем «потомков шотландских крестоносцев», которые затерялись в Кавказских горах по пути из Палестины в Европу. По слухам, доходившим до него, они жили где-то в западной части южных склонов и на тот момент сумели сохранить гэльский язык²³.

На Северном Кавказе Роулинсону и его спутникам было поручено осмотреться и составить представление о действиях Добровольческой армии. Никакой информации не поступало, и английские представители никак не могли согласовать действия с Деникиным. Как представляется Роулинсону, встреча с «деникинцами» состоялась в селении Ларс. Впечатление они произвели настолько скверное, что он охарактеризовал их как «сброд без дисциплины, живущий вымогательством и преступлениями». Он предположил, что эти люди, возможно, просто спекулируют именем А.И. Деникина, не имея к нему отношения²⁴.

Здесь разведчику пришлось контактировать с ингушами, с которыми встретились, проехав Ларс. Они сообщили, что те, кого англичане встретили в Ларсе, «разграбили и перевешали много их соплеменников». Они встретили англичан радушно, снабдили продовольствием.

²³ Rawlinson 1924. P. 127.

²⁴ Rawlinson 1924. P. 130.

Роулинсона впечатлил героизм ингушей, проявленный при сопротивлении нападающим, что ситуативно сформировало положительный образ в сознании автора. Пребывание на Северном Кавказе было кратковременным. Если по территории Южного Кавказа можно было передвигаться на императорском поезде, то возвращаться из разведывательной операции на севере, особенно мимо Ларса, пришлось на самой высокой скорости и без остановки²⁵. При этом, став очевидцем осетино-ингушского конфликта, Роулинсон не осознал зависимость военно-политической ориентации на большевиков или белое движение от этнического противостояния. Для английского колониального мышления эти распри были слишком локальными и незначительными.

Образ России и русских конструируется из противоречивых характеристик. С одной стороны, участвуя в разведывательной операции на Северном Кавказе, Роулинсон отмечает, что англичане «смогли оценить бесконечные ресурсы Российской империи»²⁶. Маркирующим признаком были хорошо построенные тоннели и мосты, часто встречающиеся в Закавказье. Признаком и даже символом развала империи были руины дворца наместника, по которым гуляла породистая гончая, каких разводили специально для императорской семьи. Роулинсон забрал ее с собой, и в дальнейшем она жила в его английском доме. С другой стороны, подчеркивается отсутствие порядка в современной России. По дороге на север и обратно в Тифлис они не встретили ни самих русских, ни их пограничных постов: «русские были или пьяны, или напуганы, или и то и другое...»²⁷.

В сочинении Карла Бехгофера нет широкого геополитического размаха. Если Роулинсон смотрел на Кавказ как на часть Ближнего Востока, то Бехгофер оценивал его как самостоятельную территорию, но еще имеющую связь с Россией. При сравнении текстов следует учесть разницу в целях поездок: Роулинсон в регионе пребывал по долгу службы, Бехгофера сюда привлекло профессиональное и обывательское любопытство. Он ехал как свободный путешественник лично разобраться в происходящем и обновить уже имевшиеся впечатления от прошлых поездок в Россию. Журналист имел возможность много общаться, наблюдать, размышлять, над ним не довлела необходимость решать практические задачи военно-политического характера.

Автор предисловия к труду Бехгофера Альфред Циммерн, первый профессор первой в истории кафедры международных отношений (открыта в университете г. Эйберсвит, Уэльс в 1919 г.), позиционировал Бехгофера как единственного независимого свидетеля событий в боль-

²⁵ Ibid. P. 131.

²⁶ Ibid. P. 128.

²⁷ Ibid. P. 131.

шевистской России и постреволюционном Закавказье. Он критически оценивал состояние общественного мнения в Англии, доминирующие в массовом сознании представления о внешней политике правительства считал идеализированными, а книгу Бехгофера характеризовал как разоблачительную по отношению к действиям Великобритании в России и Закавказье и полагал, что она необходима английской публике для формирования адекватного отношения к произошедшим событиям²⁸.

Травелог Бехгофера отличается более четкой очерченностью границ конструируемых хронотопов и их антропологической наполненностью. Первая выявляемая пространственно-временная протяженность связана с пребыванием в Батуме. Бехгофер не был лишен ориенталистских стереотипов, но создаваемый им образ города далек от мрачных зарисовок разведчика Роулинсона: «Зеленые плодородные холмы ведут вниз к бескрайнему морю, за ними расprostерты снежные вершины Кавказских гор»²⁹. Наблюдая Батум примерно в то же время, что и Роулинсон, состояние дел журналист представил иначе. России в его истории и социокультурном пространстве больше, и многое представлено в позитивном ключе: в экономике, в налаживании административного управления, в том, что, отобрав у Турции неприглядное село, Российская империя развила его до уровня порта. На месте, где среди лесов было несколько турецких и курдских лачуг³⁰, русские развели чайные и апельсиновые плантации. Во-вторых, этнокультурная пестрота не только констатируется: Бехгофер передает локальные особенности и дает более полное представление об этническом и религиозном составе населения. Он справедливо подчеркивает многообразие как существенную черту пространства Батума, пишет об «исключительной смеси людей», ставшей свидетельством и залогом его экономического развития.

Бехгофер не был военным и государственным лицом, поэтому не был инкорпорирован в круг присутствующих на Кавказе соотечественников. Если сравнить имагологические конструкции в его сочинении и воспоминаниях Роулинсона, то именно англичане в восприятии Бехгофера являют собой образ «другого».

Как отмечает Е.С. Сенявская, понятие «они» наполняется различным содержанием в зависимости от ряда обстоятельств: историческая память, конкретно-историческая ситуация, жизненный опыт и мировоззрение отдельных людей³¹. Все эти факторы срабатывали в данной ситуации, что определило расхождение в оценках и конструируемых образах. Военный деятель наблюдал ситуацию изнутри английской

²⁸ Bechhofer 1971. P. XVIII.

²⁹ Ibid. P. 7.

³⁰ Ibid. P. 5.

³¹ Сенявская 2006. С. 10.

миссии на Кавказе, он был включен в нее, журналист находился на другой наблюдательной площадке и видел все происходящее извне. Поэтому представление, навязываемое читателю Роулинсоном, об упорядочивающем начале британской военной миссии уравнивается состоянием дел, которое представил журналист Бехгофер.

Британские офицеры в его оценке были профессиональны как военные и негодны как управленцы. Очевидно, что административную работу наладить они не смогли и среди населения были непопулярны. Журналист называл в качестве главных недоработок, которые наносили непоправимый вред делу миссии, незнание языка и игнорирование особенностей местной жизни. Английская культура, как и у Роулинсона, несет в себе упорядочивающее и цивилизаторское начало, только Бехгофер приводит примеры, когда на практике ее представители не справляются с основными функциями. Для поддержания порядка и налаживания элементарной коммуникации с населением приходилось прибегать к помощи переводчиков, которых находили среди местных – евреев, бывших русских офицеров и т.д. Сами офицеры не владели ни русским, ни одним из кавказских языков, профессиональных переводчиков в штате не имели, поэтому действовали дилетантски и скорее мешали, чем помогали организации мирной жизни³². Даже при высокой значимости порта, в Батуме управление осуществлялось неэффективно, именно по причине некомпетентности английских кадров.

Логичным представляется утверждение автора, что для разрешения трудностей такого порядка необходима активная помощь из Лондона. Таковой не поступало, и то, о чем Роулинсон прямо не писал и не выражал открыто своего отношения, т.е. необходимость проявлять инициативу и принимать решения самостоятельно, у Бехгофера представлено многочисленными эпизодами неорганизованности действий англичан. Офицеры для поддержания порядка запускали привычные колониальные механизмы. Так, немного снизить преступность удалось только после нескольких публичных казней³³. Необходимость демонстрации силы присутствует в «Приключениях» Роулинсона и является нормой. Для Бехгофера агрессия – скорее признак административной и организационной беспомощности английских представителей.

Следующим пунктом пребывания Бехгофера стал Тифлис, где ему удалось встретиться и пообщаться с представителями грузинского правительства. Общение получилось информативным и журналисту удалось составить представление о состоянии дел Грузинской Республики.

³² В качестве примера Бехгофер приводил судебное заседание, на котором обвиняемый не смог доказать своё алиби суду из-за неквалифицированной работы переводчика. – *Bechhofer* 1971. P. 15.

³³ *Ibid.* P. 35.

Министр иностранных дел Е.П. Гегечкори³⁴ откровенно подтвердил, что в одиночку добиться независимости они не в состоянии, и нужна поддержка Англии. В этом контексте Бехгофер скептически отзывается об исторических правах и перспективах на независимость, полагая, что Грузия не тянет на роль независимого союзника. Прекрасно зная русский язык, он смог уловить особенность сознания большинства представителей кавказской политической элиты. Гегечкори и многих других он справедливо характеризовал как людей возвращенных Российской империей и получивших образование в российских университетах.

В travels Бехгофера организация работы англичан предстает с совершенно другой стороны, так как уточняются детали, на которые Роулинсон, по определению, внимания обратить не мог. Например, Бехгофер пишет о специфической ситуации с формированием британской администрации в Грузии. Дело в том, что министр иностранных дел Дж. Керзон назначил первым уполномоченным Великобритании в Закавказье с центром в Тифлисе Оливера Уордропа – человека, который с юности был знаком с Грузией и сделал много для популяризации её культуры в Великобритании. Вполне естественно, что правительство сочло именно его кандидатуру наиболее приемлемой. Настрой Уордропа другие народы считали прогрузинским, поэтому данное назначение вызывало возмущение, в частности с негативной реакцией пришлось столкнуться в Армении и Батуме (среди негрузинского населения). Однако Бехгофер отмечал, что Уордроп не позволял себе ангажированности, чем разочаровал грузинское правительство.

Косвенно о слабой осведомленности английской администрации о местной жизни свидетельствуют некоторые повседневные зарисовки. Автор отмечает, что на бытовом уровне в Тифлисе к англичанам относились с недоверием: например, по прибытии в город в конце ноября 1919 г. Бехгофер обратил внимание, что багаж англичан осматривается внимательнее, чем у других граждан³⁵.

В Армении английскую администрацию представлял ирландец по происхождению капитан Джордж Грейси, хорошо знакомый с местной жизнью и знавший турецкий и армянский языки, но условий для полноценного несения службы у него не было: британское правительство не обеспечило штат сотрудников, не предоставило автомобиля, хотя та же должность в Баку предполагала наличие помощников и служебного транспорта. Как и в Грузии, Бехгофер общался с представителями власти республики. Министр иностранных дел Армении А.И. Хатисов сообщил ему, что, невзирая на полученные сведения о нуждах Республики Армения, Англия помощи не оказала. Такую тенденцию в англий-

³⁴ Ibid. P. 49.

³⁵ Ibid. P. 47.

ской политике журналист называл антиармянской, отмечал, что Грейси действовал в противовес этой политике, благодаря чему сохранял дружественное отношение населения к союзникам³⁶. Бехгофер с осуждением писал об обещаниях британского правительства в отношении Армении, приводил высказывания министра иностранных дел Бальфура о необходимости защиты армян от турецкой угрозы, как части ближневосточной политики. Ситуация на месте резко диссонировала с громкими официальными заявлениями. Критически автор оценивал высказывания Ллойд Джорджа о том, что армяне могут сами защитить себя и собрать армию в 40 тыс. чел.³⁷ Журналист рассматривал такую позицию как игнорирование реального положения дел во внешней политике.

Бехгофер также обратил внимание на особенность организации британской администрации в Баку и специфику решаемых ею проблем. Представителем Великобритании в Баку был генерал Джон Уолтон, брат британского вице-консула в Ростове-на-Дону. В своей деятельности он отдавал приоритет урегулированию проблем с добычей и транспортировкой нефти. Когда Бехгофер прибыл в Азербайджан, стала очевидна близость победы большевиков: Добровольческая армия сдала Петровск и Дербент и панически отступала. Передавая политические настроения, журналист констатирует, что в Баку было много сторонников России, а аппарат правительства Азербайджана вел работу на русском языке³⁸. Англичане не решали проблем азербайджано-армянского напряжения, и оно только усиливалось, чего боялась азербайджанская администрация, которая не хотела давать повода для присоединения армян к большевикам. В целом, о прорусских настроениях вслух говорить опасались, так как подобная позиция расценивалась как поддержка большевизма. Скорый уход англичан и падение Баку были столь очевидны, что Бехгофер поспешил покинуть город³⁹.

Общим в текстах Роулинсона и Бехгофера стало слабое освещение обстановки на Северном Кавказе. Оба фиксируют политический распад Большого Кавказа, который до падения монархии существовал в едином наместничестве. Если Южный Кавказ описан как относительно единое геополитическое пространство, то Северный Кавказ оказывается от него оторванным. Бехгофер относил его скорее к «Деникинской России», но связь между двумя частями макрорегиона у него более выражена. Так, в связи с процессами, протекавшими на Южном Кавказе, центром политических событий в Дагестане он называл Горскую Республику, скептически именуя это государственное образование «ма-

³⁶ Ibid. P. 245.

³⁷ Ibid. P. 284.

³⁸ Ibid. P. 32.

³⁹ Ibid. P. 316.

леньким гнездом интриги». К ее существованию имели отношение и закавказские представители, и турецкие политики. Северный Кавказ характеризовался большим, чем Закавказье, этническим многообразием и особенностями вхождения в состав Российской империи. Здесь попытки держав, в т.ч. Великобритании, создать буферное государство не увенчались успехом. По выражению Бехгофера, «слишком много поваров испортили бульон» – из Горской Республики не получилось ни буферного государства, ни плацдарма для панисламистов⁴⁰.

А. Роулинсон и К. Бехгофер – носители представлений двух социальных групп – военно-политических деятелей и интеллигенции, что определило различие в их описаниях. Позиция в отношении пережитого у Роулинсона двоякая: выполнение служебного долга и участие в опасном приключении. Он не погружается в политический контекст событий, сосредоточившись на конкретных военных действиях и на исполнении обязанностей разведчика, о чем во вступлении предупреждает читателя. Это сказалось и на оценках политических событий на Большом Кавказе. Бехгофер написал воспоминания, в которых дает политические оценки действиям европейских держав на Кавказе и английских представителей в регионе, подчеркивает их ответственность за события на Кавказе. Изначально он хотел разобраться и увидеть реальную картину событий. Возможно, именно поэтому его книга получилась откровенной и более драматичной, чем описание Роулинсона. Изучение и сравнение воспоминаний двух англичан позволило детализировать и уточнить знания о действиях британской администрации на Кавказе. Очевидно, что Бехгофер более критично относился к внешней политике государства, нежели Роулинсон. Сказалась и независимость суждения интеллектуала, и отсутствие государственного заказа.

При этом оба представителя Великобритании фиксируют политическое разобщение внутри Большого Кавказа, ставшее следствием падения российской монархии, в пределах которой существовал такой консолидирующий институт как Кавказское наместничество.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амбарцумян К.Р. Английское военное присутствие в пределах Большого Кавказа в 1918–1920 гг. и его итоги // История: факты и символы. 2017. №3. С. 168–176.
- Асоян Т.М. Территориальные проблемы Республики Армении и британская политика: 1918–1920 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГИС, 2005. 289 с.
- Архипова Е.В. Британский след на Южном Кавказе (1918–1919 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 216–223.
- Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. М.: Литрес, 2011. 390 с.
- Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики идентичности / под ред. Г. Гусейнова. М.: НЛЮ, 2014. 336 с.
- Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997. М.: АСТ, 2010. 957 с.

⁴⁰ Ibid. P. 306.

- Волков Ф.Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. 1917–1924 гг. М.: Госполитиздат, 1954. 400 с.
- Гаджиев И.Б. Совместная борьба бакинского пролетариата и трудящихся Дагестана против английских интервентов в деникинской контрреволюции в 1919–1920 гг. Махачкала: [б.и.], 1960. 54 с.
- Гурко-Кряжин В.А. Английская интервенция 1918–1919 гг. в Закаспии и Закавказье // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 115–139.
- Дарабади П. Геополитическое соперничество на Кавказе в начале XX века (геоисторический очерк) // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 195–208.
- Доного Х.М. Британская Политика На Ближнем Востоке: Английская Миссия в Дагестане. 1918–1919 // *Avrasya İncelemeleri Dergisi (AVİD)*. 2012. № 1/2. С. 161–192.
- Лавров С.В. Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5. С. 78–92.
- Лучинский Ю.В. Карл Бехгофер в России: реконструкция творческой биографии // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сборник научных статей / отв. ред. А.Н. Еремеева; редкол. И.И. Горлова, Т.В. Коваленко, А.В. Крюков и др. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 101–111.
- Махмуриян Г.Г. Политика Великобритании в Армении и Закавказье в 1918–1920 гг. Ереван: Лусакн, 2002. 309 с.
- Морозова О.М. Британское присутствие на Кавказе в 1918–1919 гг. // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Еремеева; редкол. И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 111–121.
- Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель // *Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков (2013)* / под ред.: И. Щемелева. Вып. 5. СПб.: Астерион, 2013. С. 191–200.
- Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927. 192 с.
- Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Симонов А.В. Империя и колониализм в полемике британских интеллектуалов во второй половине XIX – начале XX века // *Интеллигенция и мир*. 2014. № 2. С. 138–146.
- Эннио Ди Нольфо. История международных отношений: методологические проблемы // Уральский вестник международных исследований. 2003. Вып. 1. С. 9–34.

REFERENCES

- Ambartsumyan K.R. Anglijskoe voennoe prisutstvie v predelah Bol'shogo Kavkaza v 1918–1920 gg. i ego itogi // *Istoriya: fakty i simvoly*. 2017. No.3. P.168–176.
- Asoyan T.M. Territorial'nye problemy Respubliki Armenii i britanskaya politika: 1918–1920 gg. : diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, MGIS Press, 2005. 289 p.
- Arkipova E.V. Britanskii sled na Yuzhnom Kavkaze (1918–1919 gody) // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2016. No. 3. P. 216–223.]
- Bezgol'nyi A.Yu. General Bicherakhov i ego Kavkazskaya armiya. Neizvestnye stranitsy istorii Grazhdanskoi voiny i interventsii na Kavkaze. 1917–1919. Mosvow, Litres Publ., 2011. 390 p.
- Bol'shoi Kavkaz dvadtsat' let spustya: resursy i strategii politiki identichnosti / ed by G. Guseinov. Moscow, NLO, 2014. 336 p.
- Brendon P. Upadok i razrushenie Britanskoi imperii 1781-1997. Moscow: AST, 2010. 957 p.
- Volkov F.D. Krakh angliiskoi politiki interventsii i diplomaticheskoi izolyatsii Sovetskogo gosudarstva. 1917–1924 gg. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 400 p.
- Gadzhiev I.B. Sovmestnaya bor'ba bakinskogo proletariata i trudyashchikhsya Dagestana protiv angliiskikh interventov v denikinskoi kontrevolyutsii v 1919–1920 gg. Makhachkala: [S.n.], 1960. 54 p.
- Gurko-Kryazhin V.A. Angliiskaya interventsiya 1918–1919 gg. v Zakaspii i Zakavkaz'e // *Istorik-marksist*. 1926. No. 2. P. 115–139.

- Darabadi P. Geopoliticheskoe sopernichestvo na Kavkaze v nachale XX veka (geoistoricheskii ocherk) // Kavkaz i globalizatsiya. 2006. No. 1. P. 195–208.
- Donogo Kh.M. Britanskaya Politika Na Blizhnem Vostoke: Angliiskaya Missiya v Dagestane. 1918–1919 // Avrasya İncelemeleri Dergisi (AVİD). 2012. No. 1/2. P.161 – 192.
- Lavrov S.V. Politika Anglii na Kavkaze i v Srednei Azii v 1917–1921 gg. // Voprosy istorii. 1979. No. 5. P. 78–92.
- Luchinskii Yu.V. Karl Bekhgofer v Rossii: rekonstruktsiya tvorcheskoi biografii // Britantsy i narody Yuga Rossii: problemy vzaimovliyaniya: sbornik nauchnykh statei / ed. A.N. Ere-meeva, I.I. Gorlova, T.V. Kovalenko, A.V. Kryukov. Krasnodar: Ekoinvest Publ., 2015. P. 101–111.
- Makhmuryan G.G. Politika Velikobritanii v Armenii i Zakavkaz'e v 1918–1920 gg. Erevan: Lusakn Publ., 2002. 309 p.
- Morozova O.M. Britanskoe prisutstvie na Kavkaze v 1918–1919 gg. // Britantsy i narody Yuga Rossii: problemy vzaimovliyaniya: sbornik nauchnykh statei / ed by A.N. Ere-meeva, I.I. Gorlova, T.V. Kovalenko, A.V. Kryukov i dr. Krasnodar: Ekoinvest Publ., 2015. P. 111–121.
- Nikitina N.A., Tulyakova N.A. Zhanr traveloga: kognitivnaya model' // Homo Loquens: Aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov (2013) / ed by I. Shchemeleva. Issue 5. St. Petersburg, Asterion Publ., 2013. P. 191–200.
- Raevskij A. Angliiskaya intervenciya i musavatskoe pravitel'stvo. Iz istorii intervencii i kontrevolyucii v Zakavkaz'e. Baku, 1927. 192 p.
- Senjavskaia E.S. Protivniki Rossii v voynah XX veka: Jevoljucija «obrazu vraga» v soznanii armii i obshhestva. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2006. 288 p.
- Simonov A.V. Imperiya i kolonializm v polemike britanskikh intellektualov vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka // Intelligentsiya i mir. 2014. No. 2. P. 138–146.
- Ennio Di Nol'fo. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: metodologicheskie problemy / Ennio Di Nol'fo // Ural'skii vestnik mezhdunarodnykh issledovani. 2003. Issue. 1. P. 9–34.
- Bechhofer Roberts C.E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. N.Y.: Arno-Press, 1971. 324 p.
- Rawlinson A. Adventures in the Near East, 1918–1922. N.Y.: Dodd, Mead and Co., 1924. 353 p.

Амбарцумян Каринэ Размиковна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет; karina-best21@mail.ru

British policy in the Greater Caucasus in 1918–1920 in the memoirs of A. Rowlinson and K. Bechhofer

In the article, the author tries to investigate events in connection with their interpretation by participants and witnesses. For the comparative analysis, the memoirs of two historical figures are chosen: the English journalist K. Bechhofer and the military leader A. Rowlinson. The first of them was the witness, the second – a participant in the military mission of England in the Caucasus at about the same time (1918–1920). This period was the time after the disengagement of the Caucasus region from Russia and before full inclusion in the Soviet state. Their social experience, views, persuasions and professional affiliation determined the polarity of assessments regarding the effectiveness of British policy in the region. Comparative research has allowed finding common features of perception, generated by elements of Orientalist and imperial consciousness, and specific features in the understanding of the British administration work in the region.

Keywords: Great Caucasus, A. Rowlinson, K. Bechhofer, foreign affairs, intellectual history, travelogue, ego documents

Karine Ambartsumyan, PhD in History, Associate Professor, North Caucasus Federal University; karina-best21@mail.ru

Т. А. СИДОРОВА

СЕРИЯ КНИГ «MEDIAEVALIA» КАК ОТРАЖЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья представляет собой аналитический обзор серии книг «Mediaevalia. Средневековье как историко-культурный феномен», издающей источники и научную литературу о Средневековье (2015–2017).

Ключевые слова: *российская медиевистика, серия книг «Mediaevalia. Средневековье как историко-культурный феномен», содержание и оформление публикаций*

Книгоиздательство – сложный, технически трудоемкий процесс, протекающий по своим законам, требующий особых навыков, тонкого художественно-эстетического вкуса, и, конечно, глубоких академических знаний предмета и его контекста, а также – неперемennого уважения к автору и будущему читателю. Все эти качества-достоинства присущи серии книг «Mediaevalia. Средневековье как историко-культурный феномен», выходящей в издательстве «Центр гуманитарных инициатив» с 2015 г. (составитель и главный редактор – кандидат исторических наук А.К. Гладков, старший научный сотрудник ИВИ РАН).

За два года опубликовано более двух десятков книг, представляющих обширную географию отечественной медиевистики: Москва, Санкт-Петербург, Иваново, Саратов, Омск, Казань, Нижневартовск, Ставрополь, Нижний Новгород, Брянск, Тюмень. Серия «Mediaevalia» выделяется строгим отбором проблематики, тщательностью проработки материала, солидным библиографическим сопровождением, неформальным составлением полновесных аннотаций, великолепным дизайнерским оформлением, богатым иллюстративным материалом, достойными форматом и шрифтом. Во всём чувствуется творческий подход, ответственное отношение к делу, профессионализм.

Выбирая книги для домашней библиотеки, историк прежде всего руководствуется соображениями значимости их содержания для научной работы и преподавания. Медиевист, читающий университетский курс по истории Средних веков, заинтересован в литературе поистине огромного спектра. Но при этом есть и личные приоритеты читателя, связанные с его специализацией, конкретной темой научного исследования. Во всех случаях серия «Mediaevalia» является надежным ориентиром в исследовательском пространстве отечественной медиевистики, направляя внимание в нужное русло – к доброкачественным, профессионально выполненным, актуальным, современным научным работам,

написанным хорошим литературным языком. Кроме того, читая эти книги можно составить панорамное представление о направлениях развития отечественной науки о Средневековье, понять, над чем работают коллеги в столице и регионах, какие проблемы разработаны достаточно основательно, какие нуждаются в дальнейшем исследовании.

Как известно, историку нужна не только «обязательная», но и «сопредельная» литература ближнего и дальнего круга. Для историографа, например, знание о мире «его историка», для меня – Фредерика Уильяма Мейтленда – выходит далеко за пределы изучения его научно-наследия и интеллектуальной биографии и распространяется на обширный пространственно-временной и персональный историко-историографический контекст. И чем этот контекст шире, тем полнее и ярче раскрываются жизненный путь и особенности личности «моего историка», а отсюда – внимание к судьбам ученых, прямо или косвенно связанным с ним, в частности, к биографии и наследию А.Н. Савина, сопрягающихся в моем сознании с «миром Мейтленда». Публикация «Дневника» известного русского историка¹ для меня дорога уже тем, что Савин считал себя учеником Мейтленда, встречался с ним, работал под его руководством в британских архивах² и писал о своем английском наставнике (А.Н. Савину принадлежит первая в отечественной историографии глубокая и проникновенная статья о Мейтленде, положившая начало становлению мейтлендоведения в России)³. Подобный индивидуально-личностный подход, обусловивший пристальное внимание к публикации А.В. Шаровой «Дневника», прослеживается и в рецензии И.Г. Воробьевой, отметившей значение этого текста в связи с фактом преподавания всеобщей истории с 1918 г. в Тверском университете учеников Савина – Н.И. Радцига, С.Д. Сказкина, С.В. Фрязинова, и учеников его учеников – А.Я. Гуревича и М.М. Фрейденберга⁴. Вместе с тем, ценность этой публикации, открывающей серию, очевидна для российской исторической науки в целом. Полная версия комментированного текста дневниковых записей Савина востребована и «всеобщниками» и «отечественниками»: тираж (500 экз.) уже разошелся и требуется переиздание книги.

Как историографа, мое внимание не могла не привлечь монография А.В. Свешникова «Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества»⁵. Опираясь на материалы многочисленных архивных документов, автор детально ре-

¹ А.Н. Савин. Университетские дела... 2015.

² Сидорова 2014. С. 251–252.

³ Савин 1900; 1907.

⁴ Воробьева 2016. С. 142–143.

⁵ Свешников 2016.

конструирует жизненный путь, научно-педагогическую деятельность профессора И.М. Гревса, рассматривает пути формирования Петербургской школы медиевистов, выделяя этапы ее развития (с 1900 до 1930-х гг., т.е. в течение тридцатилетия), исследует основные практики конструирования школы как сообщества, акцентирует внимание на проблеме конфликта в жизни научной школы («казус Карсавина») и завершает книгу разделом «Научная школа медиевистов И.М. Гревса как дискурсивное пространство»⁶. С проблемой научной школы я вплотную соприкоснулась в процессе работы над монографией о Мейтленде и критическом направлении в национальной историографии, и хорошо помню, как сложно было определить сам факт наличия «школы Мейтленда», вычленив критерии ее определения и квалифицировать сущность этой школы, поэтому позволю себе высказать несколько соображений по поводу «нового понимания научной школы», новой модели школы – «антропологической» в монографии А.В. Свешникова⁷, сам факт выдвижения которой является историографическим событием, предполагающим обсуждение. Вместе с тем, априори можно предположить, что сказать новое слово в области, столь основательно разработанной в историографии, о чем свидетельствует пространный список литературы, приводимый Свешниковым, крайне затруднительно.

В обоснование «антропологической» модели научной школы автор выдвигает восемь ее «фундаментальных элементов»⁸. Несмотря на логику выстроенной системы, ряд позиций представляются небесспорными. Так, Свешников утверждает, что без институциональной привязки научная школа не функционирует (пункт 1). В целом это так, но перестает ли функционировать школа для тех ее членов, которые покинули ее местонахождение, с учетом такого распространенного явления как академическая миграция, присущего российской и западной науке в XIX–XXI вв.? Представляется, что они «увозят» научную школу с собой – ее идеологию, методологию, методiku, проблематику, исследовательские установки – в другие учебные заведения, продолжая при этом считать себя представителями «материнской» научной школы и сохраняя с ней связи в форме участия в конференциях, совместных публикациях, переписке с коллегами и т.п. Сам факт «перенесения», «отрыва» научной школы от изначальных «официальных институций» возможен и даже полезен, например, для молодых университетов, формирующих научные традиции, где встречаются носители идей разных

⁶ Публикация в приложении одного из многочисленных мемуарных текстов И.М. Гревса «Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX века» является несомненным украшением книги. – Свешников 2016. С. 343–364.

⁷ Свешников 2016. С. 34–41.

⁸ Там же. С. 37.

научных школ, которые либо создают «дочерние» научные школы, либо, реже, новые, но на базе «своей» школы, либо остаются единственными носителями «своей школы» в новых условиях. Допустимость такого положения вещей в принципе подтверждается пунктом 5 аргументации Свешникова о наличии «устойчивой коллективной идентичности», о том, что школа ««жива» лишь тогда, когда есть ученые, считающие себя ее представителями» и, следовательно, их местонахождение не является столь уж существенным, а момент «дистанционности» не отвергается. В пункте 6 утверждается, что научная школа должна быть признана в научной среде, что «сам факт существования школы... нуждается в социопрофессиональной легитимации коллег». Конечно, признание необходимо, но вопрос в том, как скоро оно проявится. Скажем, в случае с междисциплинарной школой Мейтленда это признание пришло с опозданием почти на сто лет, но независимо от этого школа была. «Сходство проблематики, методологии, методики научного исследования в рамках своей дисциплины» (пункт 7) является неременным условием и фактором существования школы, пишет автор монографии, но, как показывает практика, при этом дисциплины могут быть разными, например, – история, история права, право, как это было в исследованиях представителей школы Мейтленда. Об общей для членов школы академической дисциплине говорится также в пункте 2, и это верно, так должно быть в идеале, но можно ли признать наличие школы, если сама академическая дисциплина находится на стадии формирования и еще не обрела академического статуса? В том же пункте 2 говорится об отличии научной школы от кружка, но кружки бывают разными. Общепризнанная Казанская научная школа антиковедения профессора А.С. Шофмана, выросла из научного кружка «Античный понедельник», переросшего затем в научный семинар, которым Аркадий Семенович руководил в течение 20 лет, и который в начале декабря 2016 г. отметил своё 50-летие. Десятки «понедельниковцев» много лет живут и работают в разных городах страны, сохраняя верность «своей школе». В системе доказательств новой «антропологической» модели научной школы отсутствует один важный пункт об учениках, без которых, понятно, научной школы быть не может. О научной школе, являющейся важнейшей формой подготовки ученых, в конечном счете судят не только по достижениям учителя, но и его учеников. Автор монографии уделяет большое внимание проблеме «учитель – ученики», но, следуя своей модели, исключает из их числа тех, кто не занимался исследованием Средневековья⁹, хотя достиг высот в других областях истории (получается, что изменение темы исследования автоматически исключает таких учеников из числа членов школы, но так ли это?).

⁹ Свешников 2016. С. 81.

Анализ содержания монографии А.В. Свешникова дает основание полагать, что предложенная им новая «антропологическая» модель научной школы И.М. Гревса, тяготеет к «классической» «лидерской» школе, что подтверждается и признанием автора в том, что в его монографии «хронологические рамки исследования совпадают с годами жизни главы петербургской школы медиевистов И.М. Гревса»¹⁰. В связи с этим, по лидерским научным школам в целом есть несколько вопросов: а) продолжает ли функционировать такая школа после ухода из жизни лидера, формально или по сути?; б) каковы допустимые пределы трансформации лидерской школы после смерти ее основателя?

Вопросы и размышления, не совпадающие с теми или иными позициями автора монографии, отнюдь не умаляют ее достоинств и научной значимости, напротив, с учетом точек зрения именитых предшественников и появлением новых работ в этой области¹¹, подчеркивают актуальность обращения к проблеме не только российских, но и зарубежных научных школ и необходимость дальнейшей разработки теоретической scholarly тематики.

В числе многочисленных достоинств серии «Mediaevalia» следует выделить публикацию масштабных исследований по истории и историографии Англии, выполненных на основе докторских диссертаций авторов – работы А.Ю. Серегинной «Английское католическое сообщество в XVI–XVII вв.: виконты Монтегю» и В.Н. Ерохина «Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI–первой половины XVII в. в современной британской исторической науке».

Книга А.Ю. Серегинной справедливо анонсирована как «первый в мировой историографии труд, исследующий механизмы, делавшие возможным сосуществование религиозного меньшинства – английских католиков – с протестантским большинством в Англии второй половины XVI – начала XVII в.»¹². Сама постановка темы звучит несколько «неожиданно» на фоне традиционного внимания к протестантской проблематике в истории Англии эпохи Реформации и постреформационного периода. В кратком введении автор подчеркивает, что английские католики «вплоть до последних двух десятилетий неизбежно оказывались на “обочине” национальной истории»¹³. Монография Серегинной восполняет этот пробел, и на основе солидной источниковой базы воссоздает более полную картину социально-конфессиональной и политической жизни Англии XVI–XVII вв. посредством скрупулезного изучения истории жизни и деятельности представителей династии

¹⁰ Свешников 2016. С. 41.

¹¹ Свешников 2016. С. 14–33.

¹² Серегина 2017. С. 4.

¹³ Там же. С. 7–8.

Монтегю и ее окружения. В процессе чтения монографии последовательно раскрываются новые страницы бытования английского католического меньшинства в условиях победившей Реформации и после нее, его роли в жизни английского двора, парламента, Тайного Совета, политике и дипломатии, своеобразии и эволюции католической культуры. С точки зрения последнего аспекта большой интерес представляет часть III «Католики из окружения Монтегю в контексте трансформации европейского католицизма раннего Нового времени».

С исследованием А.Ю. Серегинной в определенной мере перекликается работа В.Н. Ерохина «Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке»¹⁴. В центре внимания автора находятся различные направления современной британской историографии, представители которых занимались исследованием тех или иных аспектов английской Реформации (происхождение, начальный этап, ход, положение в англиканской церкви, пуританское движение и т.д.), особенности ее освещения средствами социальной истории, а также исследование методологических подходов британских историков к изучению национальной Реформации. Книга преимущественно посвящена английской Реформации, но автор также уделил внимание теме католицизма в освещении современной британской историографии, которой посвящена глава IV «Британские историки о трансформации католицизма в Англии в эпоху Реформации», где рассмотрено положение католиков в Англии в XVI – начале XVII вв., а также изменения в английском католическом обществе в первые десятилетия XVII в., сформулированы отдельные проблемы исследований британских историков по указанной тематике¹⁵. Название монографии и содержание работы свидетельствуют о ее историографической направленности, что, на мой взгляд, следовало четче отразить в аннотации, ориентирующей читателя на конкретно-историческую проблематику. Вместе с тем, работа представляет несомненный интерес с точки зрения систематизации и обобщения историографической практики британских коллег в области изучения английской Реформации и постреформационного периода на современном этапе. В заключении позволю себе несколько пожеланий автору: по логике вещей, в объемной книге о британской историографии (752 с.) необходим указатель имен и весьма желательно наличие Summary, названия работы и оглавления на английском языке.

Тему Реформации в Западной Европе продолжают монографии А.Д. Щеглова «Реформация в Швеции: события, деятели, документы»¹⁶

¹⁴ Ерохин 2016.

¹⁵ Там же. С. 597–720.

¹⁶ Щеглов А.Д. 2017.

и Т.Г. Чугуновой «Уильям Тиндел: Слово, церковь и государство в раннем английском протестантизме»¹⁷, вышедшие в новой рубрике серии «*Medievalia*» «500-летию Реформации посвящается».

Монография А.Д. Щеглова о раннем этапе Реформации в Швеции, является не только первым, но единственным в современной российской исторической науке фундаментальным трудом в данной области. Чтобы оценить его значимость, достаточно назвать дату публикации книги его далекого предшественника Г.А. Деметьюва «Введение Реформации в Швеции» – 1892 год¹⁸! Историография истории средневековой Швеции пополнилась детальным исследованием религиозно-политического аспекта национальной истории – Реформации на стадии ее зарождения и раннего развития, глубокий анализ которого в самое ближайшее время, несомненно, будет представлен специалистами по изучению западноевропейской Реформации как феномена, прежде всего скандинавистами. Я же поделюсь первыми впечатлениями, сложившимися в процессе внимательного прочтения книги.

Содержание монографии А.Д. Щеглова, в основу которой положен дополненный и переработанный текст его докторской диссертации, демонстрирует глубину проработки темы, обоснованность и взвешенность авторских позиций и суждений по сложным и дискуссионным проблемам шведской Реформации; опору на солидную источниковую базу (в т.ч. неопубликованные рукописные списки документов, выполненные в XVI–XVII вв.); превосходное знание и владение обширным историографическим материалом; подробное изучение комплекса вопросов, связанных с Вестеросским риксдагом; реконструкцию жизненного пути и детальное изучение богатого богословско-исторического наследия, особенно «Шведской хроники» Олауса Петри – духовного лидера шведских реформаторов. Каждая из восьми глав книги, а также документы, опубликованные на языке оригинала в Приложении¹⁹, достойны стать сюжетами отдельных развернутых отзывов. Не умаляя значимости других важных аспектов, выделю два: 1) глубокое исследование процесса формирования шведской модели Реформации «сверху», «королевской Реформации», «введения Реформации», изучению которого во многом подчинен весь текст книги, и 2) обоснование положения, согласно которому Олаус Петри был не столько реформатором, сколько историком. Автор убедительно показал неразрывную связь Реформации в Швеции с политическими преобразованиями в стране, ее роль в становлении и развитии национальной монархии, влияние идей М. Лютера на короля-реформатора Густава Васу, роль и личное заинте-

¹⁷ Чугунова 2017.

¹⁸ Щеглов 2017. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 305–342.

ресованное участие которого в подготовке и проведении Вестеросского риксдага, принятии итоговых документов и их воплощении в жизнь трудно переоценить²⁰. Акцентируя внимание на тезисе А.Д. Щеглова – «Олаус Петри был не столько реформатором, сколько историком», хочу подчеркнуть, что личность этого выдающегося деятеля эпохи шведской Реформации в монографии освещена всесторонне: он предстает перед читателем как реформатор, проповедник, полемист, историк, испытавший влияние идей М. Лютера, древних (Полибий, Есевий Кесарийский, Филон Александрийский, Иосиф Флавий) и современных ему авторов (Ф. Меланхтон), а также поборник идей гуманизма и культуры Возрождения, как ренессансный человек²¹. Тезис «Олаус Петри был не столько реформатором, сколько историком» на страницах книги звучит неоднократно²² и подтверждается тщательным анализом исторического труда О. Петри «Шведская хроника», при написании которого отчетливо проявилось использование им типично исторических принципов и подходов: стремление к беспристрастности, объективности, исторической истине, взвешенность, нейтральность и толерантность суждений, отказ от официального ура-патриотизма, абстрагирование от конфессиональной полемики²³. Вместе с тем, автор книги совершенно справедливо обосновывает и другие характеристики Олауса Петри – «общественный деятель, богослов, историк», «не только богослов, но и историк», «правовед, богослов, историк», «историк и реформатор», «историк»²⁴, что позволяет составить представление об О. Петри как неординарной, крупной, масштабной личности.

Труд Т.Г. Чугуновой «Уильям Тиндел: Слово, церковь и государство в раннем английском протестантизме» порадует российских медиевистов, особенно англоведов и специалистов в области изучения религиозно-политической истории периода Реформации в Англии, глубоким анализом наследия отца английской Библии (заслуга которого состоит в обращении к первоисточникам, использовании оригинальных текстов Священного Писания на древнегреческом и древнееврейском языках в процессе перевода Библии на английский язык²⁵), создателя литературного английского языка, политика, реформатора, богослова и историка. В центре внимания автора – жизнь и деятельность Тиндела, реконструкция интеллектуального портрета мыслителя, исследование религиозно-политических воззрений и творческого наследия, изучению

²⁰ Щеглов 2017. С. 7, 8, 54, 67–71, 81–84, 137–159, 288, 289 и др.

²¹ Там же. С. 181–194, 197–287, 272, 277, 278, 11 и др.

²² Там же. С. 250, 269, 299, 300.

²³ Там же. С. 271, 285, 286, 287, 297, 301, 302.

²⁴ Там же. С. 11, 198, 205, 273, 301, 296, 194, 197, 200, 201, 202, 212, 214, 271, 272, 274, 278, 283, 300.

²⁵ Чугунова 2017. С. 63, 306.

которых в отечественной исторической науке уделялось несправедливо мало внимания²⁶. Автор детально исследует взгляды Тиндела, нашедшие отражение и в его реформационной трилогии, основные идеи которой (доктрина об оправдании верой, необходимость изучения Библии с благоговением и верой – в «Притче о нечестивой Маммоне»; обличение пороков католической церкви, обмирщения духовенства, интерпретация важнейших понятий Библии – в «Послушании христианина и как христианские власти должны управлять»); о возможности развода короля, невмешательстве церкви в дела светской власти – в «Практике прелатов») свидетельствуют о том, что английский реформатор, испытав влияние доктрин Дж. Уиклифа и лоллардов, М. Лютера, Э. Роттердамского и других мыслителей, не стал при этом эпигоном, а созданные им концепции имели большое значение для совершенствования национального государства, власти, церкви²⁷. В религиозной полемике рубежа 1520–1530-х гг. между У. Тинделом и Т. Мором обе стороны по своему выглядят очень убедительно, и в вопросе соотношения разума и веры Тиндел демонстрирует близость к гуманистам, но, как справедливо подчеркивает автор монографии, Тиндел и Мор представляли два различных течения религиозной мысли XVI в., две программы реформирования церкви: если Т. Мор настаивал на необходимости морального оздоровления церкви, то У. Тиндел считал, что она настолько испорчена, что ее невозможно вылечить и следует искоренить²⁸.

Новаторство У. Тиндела прослеживается, как показывает Т.Г. Чугунова, не только в его подходах и переводе Священного Писания на английский язык, его понимании ключевых библейских концептов, но и в интерпретации и трактовке идеи договора применительно к христианской догматике и социально-политической организации Средневековья. Это идея «договорного богословия» (договор, в основе которого лежит догмат о спасении верой, заключается между Богом и людьми; крещение есть заключение договора с Богом, причастие – закрепление этого соглашения; закон Бога, обязательный для христианина, зиждется на любви и вере; через двустороннее соглашение преодолевается отчуждение между Богом от Его Творением; политическая окраска учения о договоре: светские власти – исполнители закона Бога, который predetermined их для управления людьми) и учение об одном порядке (учение о двух порядках – делении христианского сообщества на духовенство и мирян – не было механически скопировано у М. Лютера; у Тиндела оно трансформировалось в учение об одном порядке: в земной жизни духовная власть должна быть полностью подчинена светской;

²⁶ Чугунова 2017. С. 18.

²⁷ Там же. С. 82, 83, 85, 87–89, 307.

²⁸ Там же. 2017. С. 100, 103–105, 106, 108, 110, 111.

получила развитие идея разделения власти: вечное правление принадлежит Богу, временное – королю, никакое – духовенству; теория божественного происхождения королевской власти преобразовалась в договорную теорию; Тинделу принадлежит ведущая роль в выработке теологического обоснования королевской супрематии в Англии)²⁹. Нельзя не отметить выполненный автором квалифицированный перевод на русский язык одного из самых значительных трактатов Тиндела «Практика папских прелатов» и ряда фрагментов сочинений английского реформатора, которые составили обширное Приложение к книге.

Среди англоведческих исследований по урбанистике выделяется своей основательностью монография Л.Н. Черновой «Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв.»³⁰. В композиционном отношении книга структурирована настолько продуманно, что читатель получает возможность, ознакомившись с оглавлением, составить четкое представление о ее содержании: властные полномочия городской элиты, социальный статус деловых людей, их занятия и образ жизни, социальные устремления и ценностные ориентиры. Автор также формулирует методологические основания своей работы, подчеркнув плодотворность изучения темы в русле «локальной истории» и «новой социальной истории», позволяющих анализировать весь спектр урбанистических проблем и системно исследовать Лондон и его деловой мир XIV–XVI вв. в динамике, как микро- и макромир³¹.

С интересом, думаю, многие прочитают книгу Е.Д. Браун «Войны Роз: История. Мифология. Историография». Справедливо характеризуя Войны Роз как «сплошную историографическую проблему», автор предлагает продуктивный трехслойный подход к ее реконструкции через восприятие современников (на примере джентри), с точки зрения англичан XVI в. и с позиции профессиональных историков³². Значительное внимание уделено развенчиванию традиционнотрадиционизированных представлений о Войнах Роз – мифу Йорков и тюдоровскому мифу. В качестве «фокус-группы» Е.Д. Браун выдвигает джентри и посвящает ему главы I и II, в которых раскрывается «мир джентри» – его социальный статус, ценностные ориентации, культурная специфика, а также особенности восприятия Войн Роз. Достоинством анализируемой работы является обращение к истории джентри на примере трех семей – Пастонов, Стоноров и Пламптонов³³. Книга Е.Д. Браун существенно расширяет границы наших представлений о Войнах Роз, включая их

²⁹ Чугунова 2017. С. 204, 205, 206, 212–214, 269, 270–272, 276, 279, 281, 287.

³⁰ Чернова 2016.

³¹ Чернова 2016. С. 10, 27, 13.

³² Браун 2016. С. 11, 168–174, 153–168, 13.

³³ Браун 2016. С. 12, 18–35.

хронологию и устоявшуюся оценку как исключительно серии вооружённых династических конфликтов между группировками английской знати в борьбе за власть между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов – Ланкастеров и Йорков.

В серии «*Mediaevalia*» есть книги, предлагающие новый срез исследования проблем, разработанных в отечественной исторической науке основательно и фундаментально. Я имею в виду проблему социальной истории, изучению которой посвящены широко известные в российской исторической науке, труды Л.П. Репиной³⁴. Т.В. Мосолкина в книге «Социальная история Англии XIV–XVII вв.»³⁵ предложила увидеть эту проблему через призму урбанистики, объединив в своей работе социально-экономические, социально-политические и интеллектуальные аспекты развития ряда английских городов (Бристоля, Йорка, Лондона), рассмотренные в русле локальной и новой социальной истории с опорой на многочисленные источники. Кроме того, книга насыщена интереснейшими и редкими фактами из истории городской повседневности: семейный уклад в городе в период Реставрации, город как среда обитания (Лондон во второй половине XVII в.), досуг и развлечения горожан второй половины XVII в., болезни и медицина в городе XVII в., влияние стран Востока на быт англичан в XVII в. и др.³⁶

Среди тем, сохраняющих для меня «сквозной» интерес, – западноевропейский Ренессанс, прежде всего Возрождение в Италии, и абсолютная монархия во Франции и Англии. Из числа книг этого круга отмечу монографии Д.А. Шевляковой «Цвет Тосканы: Лоренцо Великолепный и поэтика слова в ренессансной Флоренции» и С.А. Польской «Христианнейший король. Образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.)». В книге Д.А. Шевляковой, вышедшей в «*series minor*», содержится обширный исторический и литературоведческий материал по Лоренцо Медичи и его эпохе, а также прекрасные иллюстрации³⁷. Перед нами не просто увлекательное повествование о жизни и деяниях Лоренцо Великолепного, но серьезное научное исследование, автор которого демонстрирует отличное знание источников и обширной историографии вопроса, четко формулирует

³⁴ См., напр.: Репина 2001; 2009; 2011.

³⁵ Мосолкина 2017.

³⁶ Там же. С. 290–302, 308–318, 345–355, 363–377. Название раздела 8 в части II книги – «Власть в городе: город как орган и организм» – отсылает к совместной работе Ф. Поллока и Ф.У. Мейтленда (Pollock F., Maitland F. W. *The History of English Law Before the Time of Edward I*. Cambridge. 1968. Vol. I. P. 635). Определение «город как орган и организм» принадлежит Мейтленду и использовалось им применительно к раннесредневековому английскому городу, но, как выяснилось, оно вполне приложимо и к началу XVII в.

³⁷ Шевлякова 2017.

проблему своего исследования – поиски соотношения природного и культурного начал в творчестве Лоренцо Медичи³⁸, предопределяя таким образом вектор изучения – литературный, поэтический аспект многопланового наследия великого флорентийца.

Книга С.А. Польской «Христианнейший король. Образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.)»³⁹, несомненно, привлечет внимание широкого круга исследователей проблем французской монархии и процесса становления абсолютизма во Франции и Западной Европе. Солидная источниковая база (коронационные *ordines*, законодательные документы, актовый материал, юридические, политические, исторические и богословские трактаты, реестры и описи аббатств и др.) и актуальная проблематика (становление и развитие королевского культа, сакральность королевской власти, церемониальный и символический аспекты проблемы, матримониальные стратегии, трансформации французской модели за пределами королевства) свидетельствуют о фундаментальном характере исследования. Репрезентативные стратегии высшей политической власти в средневековой Франции глубоко исследованы с позднекаролингского периода до окончания Столетней войны. Автор констатирует единство публично-правовой, процедурно-церемониальной и сакральной природы королевской власти во Франции, самой мощной державы средневековой Европы. Исследованные аспекты проблемы – семантическая, церемониальная, теистическая, правовая – понимаются в контексте диалога государства и общества посредством сформированных образных представлений, в котором эти репрезентации выступают в качестве важной формы публично-правовой коммуникации⁴⁰.

На протяжении последних десятилетий вопросы гендера и идентичности активно разрабатываются в отечественной историографии и группируются вокруг известного Альманаха гендерной истории «Адам и Ева», основанного Л.П. Репиной в 2001 г.⁴¹ и издаваемого Центром гендерной истории Института всеобщей истории РАН. «Mediaevalia» опубликовала интересное исследование А.Г. Суприянович «В слезах и во славе: гендер, власть и идентичность в средневековой Западной Европе»⁴², посвященное этой проблематике. В книге, представляющей собой сборник работ автора, появившихся в печати в 2002–2011 гг., анализируются тексты развитого и позднего Средневековья, раскрывающие поиски гендерной и социальной идентичности их героев (интер-

³⁸ Шевлякова 2017. С. 7–24.

³⁹ Польская 2017.

⁴⁰ Польская 2017. С. 443–444.

⁴¹ См.: Репина 2001.

⁴² Суприянович 2017.

национальных по составу, в основном французов и англичан, и элитарных по социальной принадлежности), преследующих цель получения ответов на главные вопросы: «Кто я есть, и какова цель моего существования в этом мире?», «Кто я есть как мужчина или женщина?». Автор, изучив разные по жанру источники – рыцарские романы, жития, откровения – выделяет три взаимосвязанных критерия поведения их героев, относящихся к их социальному статусу, полу и возрасту, которые устанавливали пределы прав и положения в социальной иерархии, дееспособность и, в конечном счете, определяли решение проблем, стоящих перед ними⁴³. Данная работа значительно конкретизирует наше понимание Средневековья, рассмотренного через призму социокультурных представлений о «мужском и «женском».

В научных изданиях иллюстративный материал, тем более качественные иллюстрации в цвете встречается не так часто, тем ограднее его наличие в книгах серии «*Mediaevalia*». Приведу лишь три примера. В книге Е.Д. Браун «Войны Роз: История. Мифология. Историография» в специальной вкладке представлена галерея великолепных портретов Генриха VI, Эдуарда IV, Елизаветы Вудвиль, Ричарда III, Генриха VII, Елизаветы Йорк; гравюра У. Фейторна 1640 г., на которой изображены Ричард III и Генрих VII, автограф переписки Пастонов, современный вид манора Стопор, свиток Эдуарда IV 1461 г., возводящий его родословную к королю Артуру. Книга А.Ю. Серegiной «Английское католическое сообщество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю» в специальной вкладке содержит 14 иллюстраций с изображением видов замка Каудрей, резиденции Монтегю в аббатстве Бэтл, деталей гравюр Дж. Бейсайра, портретов виконтов Монтегю, надгробия первого виконта Монтегю в церкви Мидхёрст, капеллы в замке Каудрей, стены капеллы замка Каудрей с остатками лепных украшений и статуи святого. В научных изданиях, как правило, редки и фотографии ученых, тем ценнее присутствие в книге А.В. Свешникова «Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества» фотопортретов выдающихся российских историков.

Удачная находка редакционной коллегии «*Mediaevalia*» – публикация малой серии (*series minor*), позволяющей издавать книги небольшого объема, в рамках которой внимание привлекают несколько книг, среди них – открывающее серию исследование К.Р. Кобрин «Средние века: очерки о границах идентичности и рефлексии»⁴⁴. Разные по тематике сюжеты этой книги – история Уэльса XI в., историография XII–XIII и XX вв. – объединены автором понятиями «Средние века», «идентичность» и «рефлексия», что вполне допустимо для книги очерков.

⁴³ Суприянович 2017. С. 10, 11, 12.

⁴⁴ Кобрин 2016.

Сам К.Р. Кобрин называет это «метасюжетом». Однако при всей убедительности аргументации автора – главы I и II очевидно связаны между собой проблематикой средневекового Уэльса, достаточно редкой темой в отечественной историографии, – тогда как глава III, посвященная авторскому пониманию, рефлексии⁴⁵ трудов Э. Канторовича, О.Г. Эксле и М. Блока, с «метасюжетом» сопрягается опосредованно. Вместе с тем, эти три самостоятельные «рефлексии» по поводу известных работ известных зарубежжых медиевистов XX века – «Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии» Канторовича, «Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья» Эксле, «Апология истории, или Ремесло историка» М. Блока⁴⁶, – вплетенных в широкий социокультурный и биографический контекст, представляют большой историографический интерес. Мой особый интерес к этой главе книги К.Р. Кобрин вызван пристальным вниманием к «теории двух тел» и «корпорации одного лица» «моего историка» Ф.У. Мейтленда в ходе исследования им проблемы «короны как корпорации» и доказательства одного из ключевых постулатов его концепции – системообразующей роли королевской власти в развитии английской государственности⁴⁷. Показателем признания его авторитета для «теории двух тел» служит весьма красноречивый факт – в своей главной книге Канторович ссылался на работы Мейтленда 64 раза⁴⁸.

Среди редких в нашей историографии работ – книга М.Е. Лошкаревой «Особая страна: из политической и правовой истории средневекового Уэльса (XII–XIV вв.)». Автор освещает широкий круг проблем, мало изученных или практически не изученных в отечественной медиевистике: англо-валлийские отношения, политическая мифология, правовая культура средневекового Уэльса. Медиевисты существенно пополнят свой арсенал знаний главным образом по истории Уэльса VIII–XIII вв. и политической мифологии XII–XIII вв. и после потери независимости⁴⁹. Внимание историков права, несомненно, привлечет раздел, посвященный анализу исторического контекста и содержания Закона валлийского короля Х в. Хауэла Доброго⁵⁰, который оставался действующим источником права в Уэльсе вплоть до 1536 г.

Исследование Д.Н. Старостина «Между Средиземноморьем и варварским пограничьем: Генезис и трансформация представлений о власти в королевстве франков»⁵¹ представляет большой интерес не только

⁴⁵ Кобрин 2016. С. 8, 9.

⁴⁶ Канторович 2014; Эксле 2007; Блок 1986.

⁴⁷ Сидорова 2014. С. 428–446.

⁴⁸ Канторович 2005. С. 515.

⁴⁹ Лошкарева 2017. С. 11–51, 55–71, 175–195.

⁵⁰ Лошкарева 2017. С. 73–112.

⁵¹ Старостин 2017.

для медиевистов, но и антиковедов, в фокусе изучения которых находятся проблемы позднеримской и ранневарварской Европы (конец V – конец VII вв.), ставшей центром возникновения и развития романо-германского синтеза, который присущ Франкскому королевству Меровингского периода, считающегося своего рода эталоном для изучения Раннего Средневековья. Автор сконцентрировал внимание на социально-политическом аспекте романо-германского синтеза, раскрывающегося посредством глубокого проникновения в суть текстов исторических, агиографических сочинений и судебных документов Меровингской Нейстрии, которые рисуют три разные картины представлений о месте франкских королей в историческом процессе: 1) в восприятии авторов нарративных источников двор франкских королей становился средоточием власти, единственной инстанцией, в которой могли разрешаться конфликты, местом, где достигалось согласие и равновесие интересов; 2) авторы житий подчеркивали роль монархов в основании монастырей, как опоры королевской власти, указывая при этом на их относительную независимость, и признавали королей единственными законными правителями Галлии; 3) судебные протоколы отобразили гибкость власти монархов в правовой практике и использование королями процессуальных средств, как инструментов достижения согласия сторон, демонстрируя наличие высокого уровня правовой культуры в королевстве франков эпохи Меровингов, в противовес распространенному мнению о царившем в те времена правовом хаосе⁵². Сопоставительный анализ этих представлений позволил Старостину не только выявить многообразие и различия во взглядах на власть во Франкском королевстве, но также обнаружить их совпадение: политическая власть королей из династии Меровингов основывалась на согласии между правителями, знатью и церковной иерархией⁵³. А использование принципа дополнительности и его корреляция с принципом историзма обусловили создание полной, насколько позволили материалы источников, картины представлений о генезисе и трансформации представлений о власти в королевстве франков конца V – конца VII в. и роли королевской власти в процессе формирования раннесредневекового общества.

Книга А.В. Тарасовой «Неведомое море, дьявольский коршун и небесные острия: природа глазами ученого монаха Северной Франции X в.»⁵⁴ привлечет внимание тех читателей, которые интересуются проблемой формирования мировоззрения человека Средневековья на стыке первого и второго тысячелетий. Кропотливая работа с разнообразными источниками второй половины X – начала XI в., подобрать кото-

⁵² Старостин 2017. С. 81–82, 144–146, 187–190.

⁵³ Старостин 2017. С. 81, 146, 177–187, 188, 197, 200.

⁵⁴ Тарасова 2017.

рые, по признанию автора, было достаточно сложно, и добытая по крупицам скрытая информация⁵⁵ послужили основой реконструкции восприятия и осмысления «orbis terrarum» известными учеными клириками «Возрождения X в.». Первостепенное внимание уделено анализу воззрений на окружающий мир, природу, животных знаменитого ученого, педагога, церковного и политического деятеля Герберта Орильясского (папы Сильвестра II), а также агиографа Адсона, историографа Рихера Реймского, Аббона Флерийского, Аймоина Флерийского, Дудона Сен-Кантейского и др. Автору удалось показать роль античного наследия в становлении представлений о природе ученых монахов X в., запечатлеть картину мира ученых монахов, в которой причудливо переплетались реальные и фантастические образы, выявить особенности восприятия природы каждого из них, в т.ч. эстетические, передать гамму ощущений – настороженность, страх перед морем, благоговение, любовование, удовольствия от созерцания окультуренной среды, обоняния запахов трав и цветов⁵⁶, – свидетельствующих о живом, достаточно светском отношении к окружающему миру, несмотря на сословную принадлежность и род деятельности ученых священников.

Бесспорным достоинством серии «Mediaevalia» является комментированное издание источников, в частности, сочинения Бернара Андре (1450–1522), французского гуманиста, английского придворного поэта и историографа, учителя принцев Артура и Генриха (будущего Генриха VIII) «История жизни и достижений Генриха VII». Уникальность этого памятника состоит в том, что он содержит сведения о начале правления Генриха VII и, в сочетании с хрониками, позволяет реконструировать королевскую родословную, раскрыть проблему легитимности новой династии Тюдоров⁵⁷. В книге имеется интересный иллюстративный материал, в т.ч. сокращенное генеалогическое древо Генриха VII, портреты и бюст монарха, портрет Елизаветы Йоркской (супруги Генриха VII), посмертная маска Генриха VII, семейный портрет короля и королевы вместе с детьми, надгробие Генриха VII и Елизаветы Йоркской в Вестминстерском аббатстве и др. Перевод с латинского, вступительная статья и пространные комментарии выполнены Д.В. Кирюхиным.

Как показывает практика, многие книги серии «Mediaevalia», изданные в течение двух лет (2015–2017) и успешно выполняющие научную и информационно-просветительскую функции, пользуются большим спросом специалистов и широкой читательской аудитории. Они востребованы крупнейшими научными библиотеками России, а также научными библиотеками ведущих вузов страны, осуществляющих под-

⁵⁵ Тарасова 2017. С. 11, 12, 65.

⁵⁶ Там же. С. 194–99, 208–211.

⁵⁷ Бернар Андре. История жизни и достижений... С. 11, 13.

готовку студентов-историков, и могут достойно представлять исследования отечественных медиевистов за рубежом.

Коллеги старшего и среднего поколений, пережившие 1990-е – начало 2000-х гг., помнят (и хранят) внешне неброскую печатную продукцию тех лет. Но сейчас, к счастью, российская медиевистическая мысль, всегда соответствовавшая высоким международным академическим стандартам, получила возможность достойного полиграфического оформления. Книги серии «*Mediaevalia. Средневековье как историко-культурный феномен*» – наглядное тому доказательство.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бернар Андре. История жизни и достижений Генриха VII / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Д.В. Кирюхина. М.; СПб.: Центр Гуманитарных Инициатив. 2017. 144 с.: ил. (*Mediaevalia* [series minor]).
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Изд. 2-е, доп. / Пер. Е.М. Лысенко. Примеч. и ст. А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. 259 с. (Памятники исторической мысли).
- Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.; СПб.: Центр Гуманитарных Инициатив. 2016. 208 с.: ил. (*Mediaevalia*).
- Воробьева И.Г. [Рец. на кн.]: А.Н. Савин. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Отв. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 524 с. (*Mediaevalia*) // Вестник ТвГУ. История. 2016. № 2. С.142–145.
- Ерохин В.Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М.; СПб.: Центр Гуманитарных Инициатив. 2016. 752 с. (*Mediaevalia*).
- Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серegiной. М.: Институт Гайдара, 2014. 744 с.
- Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. А.Ю. Серegiной, под ред. М.А. Бойцова. М., 2005. 519 с.
- Кобрин К.Р. Средние века: очерки о границах идентичности и рефлексии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2016. 218 с. (*Mediaevalia* [series minor]).
- Лошкарева М.Е. Особая страна: из политической и правовой истории средневекового Уэльса (XII–XIV вв.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2017. 203 с. (*Mediaevalia* [series minor]).
- Мосолкина Т.В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2017. 416 с. (*Mediaevalia*).
- Польская С.А. Христианнейший король. Образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.). М.; СПб.: Центр Гуманитарных Инициатив. 2017. 496 с.: ил. (*Mediaevalia*).
- Репина Л.П. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Адам и Ева: альманах гендерной истории. Вып. 1. М., 2001. С. 5–13.
- Репина Л.П. Социальная история в историографии XX в. М.: ИВИ РАН, 2001.
- Репина Л.П. Парадигма социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) // XX век. Методологические проблемы исторического познания. Сборник обзоров и рефератов в 2-х частях / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М., 2001.
- Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ. 2009. 320 с.
- Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ. 2011. 560 с.
- А.Н. Савин. Университетские дела. Дневник 1908–1917 гг. / Отв. ред. А.К. Гладков; Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Шаровой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2015. 524 с. (*Mediaevalia*).

- Савин А. Н. Английский юрист в роли историка // Журнал министерства народного просвещения. СПб. 1900. № 11–12. С. 210–232, 419–443.
- Савин А. Н. Памяти Мэтланда // Русская мысль. М., 1907. Кн. 10. С. 80–106.
- Свешников А. В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2016. 415 с.: ил. (Mediaevalia).
- Серегина А. Ю. Английское католическое сообщество в XVI–XVII вв.: виконты Монтегю. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2017. 544 с.: ил. (Mediaevalia).
- Сидорова Т. А. Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. Конец XIX – первая половина XX вв. СПб.: Алетейя. 2014. 696 с.: ил. (Pax Britannica).
- Старостин Д. Н. Между Средиземноморьем и варварским пограничем: Генезис и трансформация представлений о власти в королевстве франков. М.; СПб.: Центр Гуманитарных Инициатив. 2017. 224 с. (Mediaevalia [series minor]).
- Суприянович А. Г. В слезах и во славе: гендер, власть и идентичность в средневековой Западной Европе. М.; СПб.: Центр Гуманитарных Инициатив. 2017. 264 с. (Mediaevalia).
- Тарасова А. В. Неизвестное море, дьявольский коршун и небесные острия: природа глазами ученого монаха Северной Франции X в. М.; СПб.: Центр Гуманитарных Инициатив. 2017. 232 с. (Mediaevalia [series minor]).
- Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб.: Центр Гуманитарных Инициатив. 2016. 366 с. (Mediaevalia).
- Чугунова Т. Г. Уильям Тиндел: Слово, церковь и государство в раннем английском протестантизме. М.; СПб.: Центр Гуманитарных Инициатив. 2017. 446 с. (Mediaevalia).
- Шевлякова Д. А. Цвет Тосканы: Лоренцо Великолепный и поэтика слова в ренессансной Флоренции. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2017. 240 с.: ил. (Mediaevalia [series minor]).
- Щеглов А. Д. Реформация в Швеции: события, деятели, документы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2017. 384 с.: ил. (Mediaevalia).
- Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. и предисл. Ю. Е. Арнаутовой. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 360 с.

REFERENCES

- Bernar Andre. Istoriya zhizni i dostizheniy Genrikha VII / Per. s lat., vstup. st., komm. D. V. Kiryukhina. M.; SPb.: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. 2017. 144 s.: il. (Mediaevalia [series minor]).
- Braun E. D. Voyny Roz: Istoriya. Mifologiya. Istoriografiya. M.; SPb.: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. 2016. 208 s.: il. (Mediaevalia).
- Vorob'yeva I. G. Reti. na kn.: A. N. Savin. Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917 / Otv. red. A. K. Gladkov; publ., vstup. st. A. V. Sharovoy. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. – 524 s. (Mediaevalia) // Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya». 2016. № 2. S. 142–145.
- Erokhin V. N. Stanovlenie natsii. Religiozno-politicheskaya istoriya Anglii XVI–pervoy poloviny XVII v. v sovremennoy britanskoj istoricheskoy nauke. M.; SPb.: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. 2016. 752 s. (Mediaevalia).
- Kantorovich E. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii / Per. s angl. M. A. Boytsova i A. Yu. Sereginoy. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2014. 744 s.; Kantorovich E. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii / Per. s angl. A. Yu. Sereginoy. Pod red. M. A. Boytsova. M., 2005. 519 s.
- Kobrin K. R. Sredniy veka: ocherki o granitsakh identichnosti i refleksii. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2016. 218 s. (Mediaevalia [series minor]).
- Loshkareva M. E. Osobaya strana: iz politicheskoy i pravovoy istorii srednevekovogo Uel'sa (XII–XIV vv.). M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2017. 203 s. (Mediaevalia [series minor]).
- Mosolkina T. V. Sotsial'naya istoriya Anglii XIV–XVII vv. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2017. 416 s. (Mediaevalia).
- Pol'skaya S. A. Khristianneyshiy korol'. Obrazy vlasti v reprezentativnykh strategiyakh frantsuzskoy monarkhii (IX–XV vv.). M.; SPb.: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. 2017. 496 s.: il. (Mediaevalia).

- Repina L.P. Gendernaya istoriya segodnya: problemy i perspektivy // Adam i Eva: al'manah gendernoy istorii. Вып. 1. М., 2001. С. 5–13.
- Repina L.P. Sotsial'naya istoriya v istoriografii XX v. М., 2001.
- Repina L.P. Paradigma sotsial'noy istorii v istoricheskoy nauke XX stoletiya (Obzor) // XX vek. Metodologicheskie problemy istoricheskogo poznavaniya. Sbornik obzorov i referatov v 2-kh chastyakh / Otv. red. A.L. Yastrebitskaya. М., 2001.
- Repina L. P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriya. Izd. 2-e, ispr. i dop. М.: Izd-vo LKI. 2009. 320 s.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. М.: Krug". 2011. 560 s.
- A.N. Savin. Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917 gg. / Otv. red. A.K. Gladkov; Publ., vstup. st. i komm. A.V. Sharovoy. М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2015. 524 s. (Mediaevalia).
- Savin A. N. Angliyskiy yurist v roli istorika // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. SPb. 1900. № 11–12. С. 210–232, 419–443.
- Savin A. N. Pamyati Metlanda // Russkaya mysl'. М., 1907. Kn. 10. С. 80–106.
- Sveshnikov A.V. Ivan Mikhaylovich Grevs i peterburgskaya shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva. М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2016. 415 s.: il. (Mediaevalia).
- Seregina A.Yu. Angliyskoe katolicheskoe soobshchestvo v XVI–XVII vv.: vikonty Montegyu. М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2017. 544 s.: il. (Mediaevalia).
- Sidorova T.A. Frederik Uil'yam Meytlend i angliyskaya istoriografiya kriticheskogo napravleniya. Konets XIX – pervaya polovina XX vv. SPb.: Aleteyya. 2014. 696 s.: il. (Pax Britannica).
- Starostin D.N. Mezhdru Sredizemnomor'yem i varvarskim pogranich'yem: Genezic i transformatsiya predstavleniy o vlasti v korolevstve frankov. М.; SPb.: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. 2017. 224 s. (Mediaevalia [series minor]).
- Supriyanovich A.G. V slezakh i vo slave: gender, vlast' i identichnost' v srednevekovoy Zapadnoy Evrope. М.; SPb.: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. 2017. 264 s. (Mediaevalia).
- Tarasova A.V. Nevedomoe more, d'yavol'skiy korshun i nebesnye ostriya: priroda glazami uchenogo monakha Severnoy Frantsii X v. М.; SPb.: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. 2017. 232 s. (Mediaevalia [series minor]).
- Chernova L.N. Pod sen'yu Svyatogo Pavla: delovoy mir Londona XIV–XVI vv. М.; SPb.: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. 2016. 366 s. (Mediaevalia).
- Chugunova T.G. Uil'yam Tindel: Slovo, tserkov' i gosudarstvo v rannem angliyskom protestantizme. М.; SPb.: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. 2017. 446 s. (Mediaevalia).
- Shevlyakova D.A. Tsvet Toskany: Lorentso Velikolepnyy i poetika slova v renessansnoy Florentsii. М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2017. 240 s.: il. (Mediaevalia [series minor]).
- Shcheglov A.D. Reformatsiya v Shvetsii: sobytiya, deyateli, dokumenty. М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2017. 384 s.: il. (Mediaevalia).
- Eksle O.G. Deystvitel'nost' i znanie: ocherki sotsial'noy istorii Srednevekov'ya. / Per. s nemetskogo i predislovie Yu.E. Arnautovoy. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 360 s.

Сидорова Тамара Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, Сочинский институт (филиал), Российский университет Дружбы народов; tасidorova-05@mail.ru

The book series “Mediaevalia” as a reflection of research field in Russia

The article is an analytical review on the book series “Mediaevalia. The Middle Ages as historical and cultural phenomenon”, which publishes sources and academic works on the Middle Ages (2015–2017).

Keywords: Medieval Studies in Russia, series of books “Mediaevalia. The Middle Ages as historical and cultural phenomenon”, content and design of publications

Tamara Sidorova, Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History of Sochi Institute – Branch of the Russian University of Peoples' Friendship; tасidorova-05@mail.ru

В. М. ХУСАИНОВ

ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЯ САКСОНА ГРАММАТИКА «ДЕЯНИЯ ДАНОВ»

В статье дан критический анализ первого полного перевода на русский язык сочинения датского историка конца XII – начала XIII в. Саксона Грамматика «Деяния данов»¹. Невозможность установить, по какому изданию выполнен перевод, многочисленные ошибки и неточности в переводе и научном аппарате к нему, использование модернизирующей текст лексики заставляют прийти к заключению, что рассматриваемое издание является скорее любительским опытом, чем профессиональным научным переводом средневекового источника.

Ключевые слова: Саксон Грамматик, «Деяния данов», археографическая традиция, источниковедение, перевод

Публикация на русском языке источников по истории средневековой Скандинавии, особенно Дании, страны, которая достаточно редко становится предметом исследований российских историков, привлекает особый интерес не только у профессионалов-скандинавистов (и шире – медиевистов), но и у широкой публики, знакомой с шедеврами скандинавской средневековой литературы в ряде великолепных отечественных переводов. Первая половина 2017 года оказалась в этом смысле весьма плодотворной – вышли два издания переводов: антология средневековых источников по ранней истории Норвегии под общей редакцией С.Ю. Агишева² и перевод выдающегося памятника ранней датской историографии – «Деяний данов» датского историка рубежа XII–XIII вв. Саксона Грамматика, выполненный А.С. Досаевым и подготовленный к изданию И.А. Настенко. Монументальное сочинение Саксона Грамматика «Деяния данов», составленное в жанре «истории народа» (*ab origine gentis*), представляет читателю череду датских правителей от Дана, первого мифического конунга Дании, до короля Кнута VI (1182–1202). «Деяния данов» являются одним из основных и наиболее информативных источников по средневековой истории Дании и Северной Европы, что делает их предметом всестороннего изучения как с точки зрения чисто исторических дисциплин, так и филологии, литературоведения, правоведения, культурологии и пр.

Полный текст труда Саксона сохранился до наших дней благодаря первому печатному изданию (*editio princeps*), сделанному по ныне утраченной рукописи датским гуманистом Кристиерном Педерсеном

¹ Саксон Грамматик. Деяния данов... 2017.

² Не только саги... 2017.

(ок. 1480–1554) в 1514 г. в Париже³. До последнего времени исследователями использовалось, как правило, издание 1931 года под редакцией Й. Ольрика и Х. Рэдера⁴. Однако сразу же после выхода в свет оно подверглось серьезной критике, главным образом за отсутствие систематического использования непрямо́й текстуальной традиции и стремление издателей приспособить текст Саксона к нормам классической латыни без должного учета средневекового узуса⁵. Поэтому часть исследователей по-прежнему обращалась к изданию 1839–1858 гг. под редакцией П.Э. Мюллера и Х.М. Вельскова⁶ или даже к *editio princeps*. В XXI в. вышло новое издание «Деяний данов», в котором новая редакция латинского текста, подготовленная К. Фриис-Йенсеном на современном научном уровне, сопровождалась параллельным переводом на датский язык⁷; позднее оригинальный текст был переиздан с переводом на английский язык⁸. В настоящее время исследователи работают преимущественно с редакцией К. Фриис-Йенсена, которая считается наиболее точной реконструкцией первоначального текста Саксона Грамматика.

Подготовка первого полного перевода на русский язык произведения Саксона Грамматика – работа многотрудная как ввиду сложности стиля и объема произведения, так и с точки зрения его научной интерпретации – была анонсирована несколько лет назад, но о ней было мало известно в среде скандинавистов: насколько я знаю, ни переводчик не публиковал промежуточные результаты работы и не выступал на профильных конференциях, ни сам текст уже перед публикацией не проходил обсуждений и рецензирования в академическом сообществе. Всего этого следовало ожидать от научного перевода источника, на что претендуют издатели. Опубликованные тома подтвердили опасения – официальных рецензентов у издания нет, и само оно скорее является лишь любительским опытом, чем профессиональной научной работой.

Начнем с первого и главного – какой текст положен в основу перевода? В одном из последних анонсов (апрель 2017 г.) было сказано, что перевод выполнен по первому печатному изданию 1514 г. Педерсена. Заявление об использовании донаучного *editio princeps* казалось ошибкой: ведь с XVI в. было опубликовано несколько критических редакций латинского текста, а совсем недавно новое, с которым и принято сейчас работать⁹. Тем не менее, когда публикация вышла в свет, это

³ Danorum regum heroumque historiae... 1514.

⁴ Saxonis Gesta Danorum... 1931.

⁵ См.: Weibull 1934; Weibull 1935; Weibull 1936; Svennung 1940.

⁶ Saxonis Grammatici Historia... 1839–1858.

⁷ Saxo Grammaticus 2005.

⁸ Saxo Grammaticus 2015.

⁹ *Editio princeps* считается достаточно точным, но не безошибочным изданием единственной сохранившейся рукописи, близкой к конечной версии труда Саксона

заявление было повторено издателем И.А. Настенко во вступительной статье: «Итак, издание Педерсена в отсутствие сохранной полной рукописи является главным источником при реконструкции оригинального текста “Деяния данов” Саксона Грамматика. Именно его мы использовали в качестве основного при издании книги» (Т. 1. С. 10). Действительно, издание 1514 г. лежит в основе любой современной реконструкции оригинального текста, но почему для перевода на русский язык необходимо использовать *editio princeps* при наличии современных критических изданий, осталось для читателя совершенно непонятным после прочтения вступительной статьи¹⁰. Казалось бы, несколько проясняют ситуацию замечания переводчика А.С. Досаева, который перечислил использованные им публикации текста Саксона: по его утверждению, за основу перевода был взят текст, изданный не в 1514 г., а в 1839–1858 гг.¹¹ Полагаю, что в данном случае при явном противоречии слова переводчика стоит считать приоритетными. Однако его пояснение не снимает главного вопроса: почему за основу перевода не были взяты последние редакции латинского текста? Если даже публикации 2005 и 2015 гг. были издателям недоступны (в российские библиотеки они до сих пор не поступили), то на сайте Королевской библиотеки в Копенгагене выставлено в свободном доступе оцифрованное критическое издание 1931 г.¹² Но и его по неуказанной причине переводчику А.С. Досаеву «не удалось получить», как он сам с сожалением пишет¹³, в то время как издатель И.А. Настенко знаком с электронной публика-

Грамматика (называемой исследователями редакцией *x*) и впоследствии утерянной. К. Фриис-Йенсен на основе прямой и косвенной текстологической традиции с использованием специальных методов реконструкции предпринял попытку максимально приблизиться к редакции *x*. Таким образом, восстановленный им текст учитывает всю существующую текстологическую традицию «Деяний данов», в т.ч. опыт предыдущих изданий, что делает обращение только к *editio princeps* или любому другому предшествующему изданию в настоящее время нецелесообразным.

¹⁰ До выхода латинского текста в редакции К. Фриис-Йенсена в 2005 г. обращение к *editio princeps* не было лишено смысла ввиду неоднозначной реакции научного сообщества на издание 1931 г. Так, британский историк и переводчик Э. Кристиансен при подготовке своего перевода сделал выбор в пользу первого издания 1514 г. (см.: Saxo Grammaticus 1980–1981). Однако в настоящее время наличие изданий 2005 и 2015 гг., содержащих новую научную редакцию текста Саксона Грамматика, делает, на мой взгляд, неизбежным выбор в пользу последней.

¹¹ Саксон Грамматик 2017. Т. 1. С. 408.

¹² Saxo Grammaticus. Gesta Danorum... // URL: [http://www2.kb.dk/elib/lit/dan/saxo/lat/or.dsr/colophon.htm](http://wayback-01.kb.dk/wayback/20100504153334/http://www2.kb.dk/elib/lit/dan/saxo/lat/or.dsr/colophon.htm)

¹³ Саксон Грамматик 2017. Т. 1. С. 408. Эта ремарка переводчика исключает возможное предположение читателя о том, что создатели рецензируемого издания вслед за критиками считают латинский текст в редакции 1931 г. недостаточно корректным, вследствие чего они обращаются к более ранней редакции 1839–1858 гг. или даже к *editio princeps* (как сделал Э. Кристиансен).

цией¹⁴, и ее наличие позволило ему отказаться от публикации в русском издании параллельного латинского текста¹⁵. Что же помешало редактору поделиться с переводчиком ссылкой на эту публикацию в сети Интернет? Вопрос об источнике перевода окончательно запутывает указание переводчика на то, что он использовал латинский текст К. Фриис-Йенсена 2005 г. для «структурирования текста (деления текста на главы, параграфы и стихи)»¹⁶, а также издание 2015 г. («предисловие, указатель, ключ к стихотворным размерам и литературные параллели») ¹⁷. После этой информации читатель неизбежно впадает в недоумение – получается, что последняя редакция латинского текста, подготовленная Фриис-Йенсеном в 2005 г., равно как и издание 2015 г., все же были доступны переводчику и даже использовались им, но он, тем не менее, переводил текст по изданию XIX в. (или всё же XVI в.?). О причинах этого решения читателю приходится лишь догадываться.

Что касается самого перевода, то с точки зрения норм русского языка он кажется достаточно гладким. Латинский текст переложен на хороший русский язык (а не на «латинизированный русский», когда сквозь русскую лексику ясно просматривается латинский синтаксис). Степень же соответствия латинскому оригиналу далека от требований к научному переводу, о чем можно судить по следующему примеру. Читаем в переводе¹⁸: «Когда с этим было покончено, Абсалон рассказал вождям нашего войска о том, что обещал житель города Карентии по имени Гранза.... Там был и Гранза, который, сидя на коне, [первым увидел, как к ним приближаются чьи-то корабли, и] ещё издали принял кричать им, спрашивая, чей это флот»¹⁹. При сравнении с оригиналом видно, что в оригинале нет таких слов, как «нашего войска», «житель города Карентии по имени Гранза» (только «Гранза Карентийский»), «первым увидел, как к ним приближаются чьи-то корабли». При этом только в последнем случае переводчик поставил квадратные скобки, обозначающие, что расположенный в них текст не принадле-

¹⁴ Саксон Грамматик 2017. Т. 1. С. 11.

¹⁵ По этому поводу можно высказать только глубокое сожаление. В открытом доступе есть устаревшие на сегодняшний день редакции. Латинская редакция 2005 г. отечественной публике недоступна, и ее появление в русском издании (безусловно, с соблюдением авторского права и всех юридических норм) было бы весьма полезно. Кроме того, параллельная публикация всегда предоставляет читателю возможность сравнить предлагаемый вариант перевода с оригинальным текстом.

¹⁶ Несмотря на это заявление, нумерация параграфов и стихов в рецензируемой работе не всегда соответствует изданию 2005 г., напр.: Saxo 14.39.37–39 и др.

¹⁷ Саксон Грамматик 2017. Т. 1. С. 408.

¹⁸ Там же. Т. 2. С. 224.

¹⁹ «His expletis Absalon Granze Karentinensis promissione ducibus exposita... Illic Granza equo unsidens uoce eminus missa, quisnam classi preasset, rogabat» (Saxo 14.39.35).

жит Саксону. Вопрос о том, почему в двух других случаях квадратные скобки опущены, остается неясным. Вызывает сомнение и необходимость во втором предложении такой большой конъектуры, которая является домыслом переводчика (у Саксона нет никакого намёка на то, что Гранза увидел датские корабли первым). Лексической ошибкой можно считать перевод косвенного вопроса «...quisnam classi p̄resset, rogabat» – «...спрашивая, чей это флот», поскольку глагол *praesum* означает «предстоять, возглавлять» и управляет существительным в дательном падеже, а местоимение *quisnam*, очевидно, стоит в именительном. Соответственно перевод должен звучать так: «...спрашивал, кто же возглавлял флот». Подобные неточности, необоснованные дополнения переводчика и мелкие ошибки встречаются повсеместно.

Следует сказать, что Саксон Грамматик был великолепным стилистом, его язык приближается к лучшим образцам серебряной латыни. Он преднамеренно избегает использования привычной для его эпохи лексики, заменяя ее понятиями I в. н.э. (например, епископ – *antistes* или *pontifex*, а не *episcopus*; христианство или церковь как организация – часто *publica religio*; церковь как строение – *basilica* и т.д.). Вероятно, средневековый читатель воспринимал текст Саксона как нарочитую антикизацию. Представляется, что современный переводчик «Деяний данов» в поисках оптимального варианта перевода вынужден постоянно лавировать между двумя полюсами, а именно между воспроизведением характерной для Саксона стилистики²⁰ и современным русским языком²¹. А.С. Досаев в большинстве случаев склоняется ко второму полюсу, но иногда заходит на этом пути слишком далеко, используя нехарактерные для датского историка термины. В русском переводе часто можно встретить такие слова как епископ (перевод латинских слов *antistes*, *pontifex* и т.п.), рыцари (*milites*, *equites*), герцоги (*duces*), тинг и сейм (*concio* и аналогичные), лен (*beneficium*) и т.д. Если в случае с епископом речь идет только о стилистическом несоответствии, то во всех остальных приведенных примерах – о возможном несоответствии использованного при переводе термина социальным реалиям того времени. Вопрос о том, что вкладывал антикизирующий свою латынь Саксон в эти понятия, остается в современной историографии открытым. Учитывая склонность датского историка к архаизации своего стиля, было бы вполне логично предположить, что *milites* и *equites* – это не рыцари, а воины и всадники, *duces* – не герцоги, а вожди, bene-

²⁰ Для того, чтобы произвести на современного читателя тот же эффект, которое производило произведение Саксона на средневековых читателей, я полагаю, было бы уместно использовать русский язык XVIII в.

²¹ Первый путь с точки зрения научного перевода является приоритетным, но трудно исполнимым и едва ли востребованным современным читателем.

ficiūm – не лен, а благодеяние и т.п. В любом случае, каждое употребление такого термина в тексте Саксона требует внимательного изучения как текстологического, так и социального контекста. Автор перевода должен был, по меньшей мере, обозначить эту проблему, но никаких существенных замечаний по этому поводу найти не удалось.

Перевод изобилует странными топонимами и этнонимами (данными, судя по заметке переводчика, по первому изданию 1514 г.) – Сьяландия (сьяландцы), Фиония (фионцы), Скания (сканийцы), Ютия, Арузия, Калунда, Слаглоса, Виберга, Самса и т.п. Данист, конечно, поймет, что речь идет о Зеландии, Фюне, Сконе, Ютландии, Орхусе, Калуннборге, Слагельсе, Виборге, Самсё и т.д., но неспециалисту разобраться в использованных топонимах и этнонимах будет очень сложно, тем более что не все они должным образом прокомментированы. Нет порядка и в передаче личных имён: напр., имена третьего склонения Suno, -onis; Sueno, -onis; Ubbo, -onis передаются как несклоняемые Суно, Свено и Уббо, в то время как аналогичное с грамматической точки зрения имя самого писателя Saxo, -onis – как Саксон. Окончания имен второго склонения в большинстве случаев отпадают (Naquinus, i – Хаквин; Haraldus, i – Харальд; Siuardus, i – Сивард), в единичных – сохраняются (Magnus, i – Магнус). Передача топонимов, этнонимов и личных имён всегда является непростой для переводчика задачей, и эту проблему следовало оговорить в замечаниях переводчика.

Комментарий не представляет собой самостоятельное исследование, это главным образом выборочный перевод отдельных комментариев и заметок предшествующих издателей и переводчиков. В итоге примечания издателей XVII в. соседствуют с комментариями XIX и XX вв. со всеми вытекающими последствиями в виде разительного несоответствия научного уровня, достоверности и стиля. Перечень фольклорных и литературных параллелей, заимствованный из предыдущих изданий и занимающий 148 (!) страниц, на мой взгляд, не имеет большой ценности, поскольку в отсутствие латинского текста «Деяний данов» сопоставить предполагаемые параллели не с чем. Переиздание указателя стихотворных размеров, составленного К. Фриис-Йенсенем, кажется полностью бессмысленным, поскольку стихотворные пассажи были переведены на русский язык в прозе, а латинский оригинал читателю не предоставлен. Сомнительным выглядит решение дать перевод пояснений на полях из издания 1514 г., ныне безнадежно устаревших. Учитывая, что в труде Саксона хронологические ориентиры и заголовки отсутствуют, выполненные на современном уровне примечания на полях, помогающие читателю разобраться в тексте, были бы весьма кстати.

Необходимо упомянуть о непомерном количестве опечаток, а также об употреблении разговорных и жаргонных слов и выражений,

недопустимых в научном переводе средневекового текста (например, «скан», т.е. фотокопия, «однокашник», «подвальные сноски», «прикидка» и т. д.). Фактические ошибки также имеют место. Например, указаны точные даты жизни Саксона Грамматика (ок. 1140–1206/1220)²², которые на самом деле неизвестны. Сам Саксон назван священником в Роскилле²³, хотя идут споры о том, был ли он священником или воином-придворным. Издателя даже не смутил тот факт, что эта ошибочная информация противоречит представленному переводу вступления К. Фриис-Йенсена к оксфордскому изданию²⁴. В группе иллюстраций, подписанной как «Экспонаты Музея кораблей викингов при Университете Осло (Норвегия)»²⁵, сверху слева представлено изображение судна, находящегося в Музее кораблей викингов в Роскилле (Дания).

В рамках данной статьи невозможно высказать все критические замечания в отношении первого русского перевода «Деяний данов» Саксона Грамматика. Но сказанного, на мой взгляд, достаточно, чтобы признать рецензируемую публикацию не соответствующей уровню современных научных публикаций источников и их переводов. Как научную работу её не может спасти ни включенный в книгу перевод вступления К. Фриис-Йенсена к оксфордскому изданию 2015 г.²⁶, ни авторитет Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, оказавшего финансовую поддержку этому проекту. Очевидна необходимость подготовки нового перевода — профессионального и академического, выполненного с учетом отечественной традиции издания исторических памятников и опыта, накопленного мировым научным сообществом. Этого достойны как само произведение Саксона Грамматика, так и наша отечественная наука.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Не только саги...: Ранняя история Норвегии в средневековых памятниках / Сост. и общ. ред. С.Ю. Агишев; вступ. ст. и прим. С.Ю. Агишев, И.И. Аникьев, П.В. Лапо, А.Ю. Чернов; науч. ред. пер. А.В. Белоусов, Т.Л. Шенявская; пер. с греч. А.Ю. Чернова; пер. с лат. И.И. Аникьева, С.Ю. Агишева, П.В. Лапо, А.Ю. Чернова; пер. с древнеисл. и дат. С.Ю. Агишева. СПб.: Наука, 2017. 469 с. (Библиотека Всемирной истории). [Ne tol'ko sagi...: Rannaya istoriya Norvegii v srednevekovykh pamyatnikakh / Sost. i obshch. red. S.Yu. Agishev; vstup. st. i prim. S.Yu. Agishev, I.I. Anik'yev, P.V. Lapo, A.Yu. Chernov; nauch. red. per. A.V. Belousov, T.L. Shenyavskaya; per. s grech. A.Yu. Chernova; per. s lat. I.I. Anik'yeva, S.Yu. Agisheva, P.V. Lapo, A.Yu. Chernova; per. s drevneisl. i dat. S.YU. Agisheva. SPb.: Nauka, 2017. 469 s. (Biblioteka Vsemirnoy Istorii)]

²² Саксон Грамматик 2017. Т. 1. С. 4, 9.

²³ Ibid. С. 8.

²⁴ Ibid. С. 394.

²⁵ Ibid. С. 574.

²⁶ Указание на разрешение наследников датского исследователя и зарубежных издательств перевести на русский язык и опубликовать вступление отсутствует.

- Саксон Грамматик. Деяния данов / Пер. с лат. и комм. А. С. Досаев, ред. И.А. Настенко. М.: SPSL–Русская панорама, 2017. Т. 1: Книги I–X. 608 с. Т. 2: Книги XI–XVI. 616 с. (MEDIEVALIA: Средневековые литературные памятники и источники) [Sakson Grammatik. Deyaniya danov / Per. s lat. yaz. i komm. A.S. Dosayev, red. N.A. Nastenko. M.: SPSL–Russkaya panorama, 2017. T. 1: Knigi I–X. 608 s. T. 2: Knigi XI–XVI. 616 s. (MEDIEVALIA: Srednevekovyye literaturnyye pamyatniki i istochniki)]
- Danoru[m] Regu[m] herou[m]q[ue] historiae stilo elega[n]tia Saxone Grammatico natione Sialandico necno[n] Roskildensis ecclesiae praeposito. abhinc supra trecentos annos co[n]scriptae et nu[n]c primum literaria serie illustratae tersissimeq[ue] impressae / Ed. Christiernus Petri F. Parrhisii: In inclyta Parrhisorum academica: impressit... Iodocus Badius Ascensius: venundantur in aedibus Ascensianis, 1514.
- Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Danmarkshistorien / Udg. K. Friis-Jensen, overs. P. Zeeberg. København: Det Danske Sprog- og Litteraturselskab & Gads Forlag, 2005. Bd. 1: 693 s. Bd. 2: 683 s.
- Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. The History of the Danes / Ed. K. Friis-Jensen, transl. P. Fisher. Oxford: Clarendon Press, 2015. Vol. I–II.
- Saxonis Gesta Danorum. T. I: Textum continens / Ed. J. Olrik, H. Ræder. Haunia: Levin & Munksgaard, 1931. LI+ 609 p. T. II: Indicem verborum / Conficiendum curavit F. Blatt. Haunia: Einar Munksgaard, 1957. XXVII+890 p. URL: <http://wayback-01.kb.dk/wayback/20100504153334/http://www2.kb.dk/elib/lit/dan/saxo/lat/or.dsr/colophon.htm>
- Saxonis Grammatici Historia Danica / Ed. P. E. Müller, J. M. Velschow. Pars I: Textum et notas breviores. Haunia: Gyldendalianæ, 1839. Vol. I: XII+1–546 p. Vol. II: 547–1033 p. Pars II: Prolegomena et notas verbiores. Haunia: Gyldendalianæ, 1858. XCIX+387 p.
- Weibull L. Saxoupplagan av 1931 // Scandia: Tidskrift för historisk forskning. 1934. Bd. 7. S. 290–298.
- Weibull L. Saxo inför nutida textkritik // Scandia: Tidskrift för historisk forskning. 1935. Bd. 8. S. 251–293.
- Weibull L. Saxo inför Bestyrelsen av Det danske Sprog- og Litteraturselskab // Scandia: Tidskrift för historisk forskning. 1936. Bd. 9. S. 257–300.
- Svennung J. Anmeldelse af Olrik/Ræder 1931 // Arkiv för nordisk filologi. 1940. Bd. 55. S. 121–130.

Хусаинов Вадим Маратович, научный редактор, заведующий научной редакцией страноведения, Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия»

The First Russian Translation of the *Gesta Danorum* by Saxo Grammaticus

The article is a critical review of the first Russian translation of Saxo Grammaticus *Gesta Danorum*: Sakson Grammatik. Deyaniya danov / Per. s lat. yaz. i komm. A.S. Dosayev, red. N.A. Nastenka. M.: SPSL–Russkaya panorama, 2017. 2 vol. Critical review of the proposed edition reveals that it is rather an amateurish enterprise than a professional academic publication of a medieval historical source.

Keywords: Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum*, text publication, source criticism, translation

Vadim Khusainov, scientific editor, the head of the Country Studies' Department, Church Research Center the "Orthodox Encyclopedia"

В. В. ВЫСОКОВА

ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ, ИЛИ КТО ОНИ – БРИТАНЦЫ

В рецензии раскрывается вклад британского историка Энтони Кросса в изучение культурной памяти англичан о Петре Великом. Показано, что в его книге «Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII–XX веков» собран уникальный письменный и иконографический материал и воссоздана эволюция собирательного образа России, русских и Петра I в представлениях англичан с 1698 г. до современности. Особое внимание уделено специфике «английского взгляда» на Россию, отмеченного преобладанием негативных коннотаций образа «великого царя-реформатора варварской и дикой России» в британской культуре Нового времени. Выявляется троп превосходства британцев на протяжении XVIII–XIX вв. Показано, что переоценка Петра и России происходит лишь в научной петрографии XX в., а труд Э. Кросса вносит серьезный вклад в преодоление раздвоенности культурной памяти англичан между популярным мифом и историческим Петром.

Ключевые слова: британцы, историческая мифология, культурная память, образ Петра Великого, петрография

В кругу русистов имя Энтони Кросса хорошо известно. Вот уже более полувека этот английский историк верой и правдой служит делу изучения англо-русских культурных контактов. Его заслуги по достоинству признаны соотечественниками¹. Его фундаментальные труды² были переведены на русский язык, что свидетельствует о высокой их оценке российскими исследователями³. Значимым событием последнего времени стала публикация рецензируемого в данном обзоре русского перевода книги профессора Кросса “Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar Since 1698” (2000 г.).

Уже первое знакомство с этой книгой наводит на размышления о предмете и цели исследования. Казалось бы, о цели Э. Кросс говорит недвусмысленно в предисловии: 300-летний юбилей поездки Петра I в Англию в 1998 г. «английские ученые в основном оставили ... без внимания». Его книга, как надеется автор, «проложит новую тропу», «внедет вклад не только в петровские исследования, но и в историю англо-русских отношений». А вот разобраться с природой предмета исследования не так-то просто. Кросс намеренно уходит от слова «образ» Петра, хотя и отсылает читателя как к наиболее авторитетному аналогу –

¹ В 1989 г. он был избран членом Британской академии по специальности «русский, славянские и восточноевропейские языки и литература». British Academy. URL: <http://www.britac.ac.uk/users/professor-anthony-cross/>

² Кросс 1996; 2005.

³ Давидсон 2010.

сочинению Н. Рязановского «Image of Peter the Great in Russian History and Thought» (1985 г.). Кросс использует слово *reactions*, оно передано в русском переводе как «отзывы англичан на Петра и петровскую Россию на протяжении трех столетий» (с. 10). Автор ставит задачу рассмотреть «изменение реакций/откликов британцев на Петра (*changing British reactions to Peter*) с 1698 г.» Английское заглавие книги помогает разобраться с замыслом автора «Петр Великий глазами британцев: восприятия и представления» (*Perceptions and Representations*).

Особое место в книге занимают первые две главы, в которых освещаются обстоятельства визита Петра в Англию и его пребывания там с 11 января по 25 апреля 1698 г. Автор скрупулезно воспроизводит тексты газетных откликов, цитирует дневниковые записи людей, имевших контакты с Петром и т.п. Библиографическая и источниковая оснащенность книги – наиболее полная по теме «Петр в Англии» на сегодняшний день, а ее сильная сторона – обширный подстрочник, где автор делится с читателем своими критическими суждениями, результатами поисков в архивах и библиотеках. Кроссу удастся «выявить самые памятные встречи и самые значительные события и деяния» Петра в Англии, закладывая надежный фундамент для дальнейшего изучения темы. Кросс отбрасывает циркулирующие в историографии версии о встречах Петра I с И. Ньютоном, К. Рэном и Э. Галлеем и заслуженно отводит ключевую роль королю Англии Вильгельму Оранскому, который лично пригласил Петра посетить туманный Альбион и преподнес ему щедрый подарок – яхту «Ройал Транспорт» (затонувшую в 1715 г. и обнаруженную осенью 2015 г. в территориальных водах Швеции недалеко от Гетеборга⁴). Встречи первых лиц государств происходили в непринужденной атмосфере, чему во многом способствовало то, что Петр достаточно свободно говорил по-голландски.

Э. Кросс собрал уникальный материал, воспринимать который не просто. Это, возможно, связано со слабой встроенностью обширного и разнородного материала в исторический контекст, что можно проследить на примере первых двух глав. Международная ситуация конца XVII в. – а именно она стала определяющим фактором как для приглашения Петра в Англию, так и принятия им решения посетить ее – освещается автором, хотя и недостаточно полно. А вот кто такие англичане этого времени, восприятия и представления которых автор исследует, русскому читателю понять трудно. Вероятно, потому, что для автор – это самоочевидная вещь. Что же представляли собой англичане рубежа 1697–1698 гг., девять лет назад пережившие Славную революцию? Это было общество, глубоко расколотое на «предателей клятвы

⁴ Найденный фрегат *Transport Royal* – отец русского флота // Известия. 2015. 22 октября. URL: <https://iz.ru/news/593774/>

королям династии Стюартов» и на скрытых/явных якобитов. Автор не делает различий между неприсягнувшим новому режиму священником Дж. Кольером (С. 38) и приспешником «нового режима» епископом Солсбери Г. Барнетом (С. 52). Возможно поэтому при чтении книги все авторы, на которых ссылается историк, сливаются в общий поток имен и смесь высказываний о Петре.

Вероятно, самым важным фактором восприятия англичанами русского царя являлась напряженная внешнеполитическая обстановка вокруг самой Англии, которая только что вышла из войны с самым грозным своим противником – Людовиком XIV. Рисвикский мирный договор был заключен как раз во время пребывания русского царя в Голландии – 20 сентября 1697 г. (поэтому Вильгельм Оранский находился в Голландии, где, впрочем, был у себя дома, и первая его встреча с Петром состоялась 1 сентября 1697 г. в Утрехте). Десятилетняя общеевропейская борьба за возвращение Стюартов на английский престол была проиграна – Франция и ее союзники были вынуждены признать Вильгельма Оранского королем Англии. Каково было мнение англичан на этот счет понять из книги Э. Кросса практически невозможно. Очевидно, что английское общество было расколото на сторонников и противников войны. С момента принятия «Билля о правах» 1689 г. вопросы войны и мира в Англии находились в центре внимания публики. Не за горами была новая война – Война за испанское наследство. А это, как можно предложить, определяло оценки России и ее молодого царя.

Остальные прижизненные и более поздние оценки Петра в книге совпадают с общеевропейским стандартом петровского мифа, в котором преобладало «восхищение царем-реформатором» «дикого и варварского народа». Миф окончательно «затвердевает» (Кросс использует слово *consolidation*) в заказанном Елизаветой Петровной Вольтеру и сразу переведенном на английский язык сочинении «История России при Петре Первом» 1758 г. Автор дает множество интересных ссылок и наблюдений о бытовании мифа в Англии, однако в целом в книге воспроизводится общеевропейский миф о варварской и дикой России.

Следующим шагом в развитии темы является необходимость понять специфику «английского взгляда» через наиболее важные и достоверные тексты «путешествий по России» У. Кокса, Н. Роксолла и др. Между этими значимыми авторами Кросс вставляет литературные подделки, театральные пьесы и т.п. Поскольку материал организован по хронологическому принципу, трудно выяснить формирование традиции исторического письма в Англии XVIII – начала XX в. Можно предположить, что автор относит формирование классической исторической традиции только к XX в. и выносит ее за рамки «восприятий и представлений» англичанами Петра I. Подтверждает эту мысль Заключение, где кратко представлена научная англоязычная петрография XX в.

Голоса реальных англичан прорываются со страниц книги Э. Кросса. Примером может служить глава «Петр на английской сцене», где на последних страницах речь идет о (недошедшей до нас) пьесе Л. Ирвинга «Петр Великий», имевшей успех у публики в 1898 г. Сохранившиеся отзывы более чем красноречивы. Консервативная «Таймс» писала: «исторический Петр – это порочное, жестокое, черствое чудовище, распущенный пропойца, хотя и одаренный организационным гением и любовью к науке и изобретениями, позволившей ему стать величайшим из строителей империй, каких только свет видел». Для эстетствующего «Атенеума» Петр был «тираном с неодолимой волей и глубокой проницательностью». Характеристика Петра I в либерально-консервативном издании «Сэтеди ревью» с достаточно широким подходом сводилась к следующему: «сделать из него настоящего героя невозможно. Бесспорно, это невероятная случайность, что русский, принимающий цивилизацию так, как мальчик с воображением коробку с игрушками, родился настолько свободным от средневековых предрассудков и суеверий, словно американский миллионер XIX века» (с. 178–179). Обращает на себя внимание общий негативный тон восприятий Петра I этими очень разными по направленности изданиями. Надо сказать, что эти отрицательные оценки плохо коррелируются с выводами автора в главе, посвященной восприятиям Петра в XIX в. Симптоматичным является то, что Э. Кросс завершает эту главу разбором двух сочинений, создавших «более тонкий и достоверный портрет царя и его правления» в конце XIX в. (с. 160) – это сочинения американца Е. Шулера и российского подданного К. Валишевского.

Книг в англоязычном пространстве о Петре написано в XX в. много, замечает в заключении Э. Кросс, однако «борозда, которую вспахало большинство, осталась узкой в смысле источников и идей» (с. 209). Раздвоенность между популярным мифом и историческим Петром еще долго будет сохраняться, предрекает автор книги «Английский Петр». Он отсылает нас к аннотированной библиографии Д. и М. Иган 1985 г.⁵ и называет наиболее значимых англоязычных авторов последней трети XX в., способствовавших «здравому восприятию» Петра и его трудов: это два американца – Джей Олива (1933–2012)⁶ и ученик М. Карповича Марк Раев (1923–2008)⁷. Среди английских историков Э. Кросс высоко оценивает вклад Линдси Хьюз (1949–2007) и ее книгу «Россия в век Петра Великого»⁸. Кросс надеется, что эти работы «сумеют положить конец многим необоснованным и зловерным историям о Петре». Ре-

⁵ Egan D., Egan M.A. 1987.

⁶ Oliva 1969.

⁷ Raef 1963.

⁸ Hughes 1998.

цензируемая работа – серьезный вклад в это дело. Следующим шагом, скорее всего, станет уточнение «оптики» исследования – в фокусе должны оказаться сами британцы, их восприятие «другого». Созданный ими образ Петра и России является зеркалом, в котором, прежде всего, они увидят сами себя. С неизбежностью в центре внимания от Р. Хаклюта (с. 14) до О. Браунинга (с. 163) окажется троп превосходства англичан над другими (и не только над русскими); и – образ Петра как «европейца по уму, азиата в забавах, дикаря в ярости». В имагологии образ говорит больше о его носителе, чем первооснове, может быть именно поэтому мощно фундированная книга Кросса в аналитическом отношении скорее напоминает аннотированный перечень работ по теме, выстроенный в предметно-хронологическом ключе.

Перевод книги на русский язык выполнен М. Вишняковым на достаточно высоком уровне. Однако хотелось бы отметить ряд недочетов. Во-первых, автор перевода использует слова «английский» и «британский» по тексту как синонимы, хотя между ними есть существенная разница. Например, название третьей главы в оригинале звучит «Реакции британцев на правление Петра», в русском переводе дано как «отзывы англичан о Петре-правителе». Второй момент, это вольное обращение переводчика с хронологией. Кросс назвал свою книжку «Петр Великий глазами британцев ... с 1698 года», в русском переводе – «Петр Великий глазами британцев XVII–XX веков». Если первые два замечания не нарушают общего восприятия переводного текста, то следующее досадно снижает его понимание. Речь идет о часто встречающемся словосочетании «анекдоты о Петре». Слово *anecdote* в английском языке – это короткий и забавный или интересный рассказ/история о реальном инциденте или человеке. В то время как в современном русском языке это высмеивание через шутку/курьез какой-то черты человека или случая из его жизни. Получается, что Петр I был предметом постоянных шуток и насмешек англичан с 1698 г. Конечно, это не так. О Петре I ходили байки и легенды.

Книга Э. Кросса – нужная, важная и дающая надежные основания для дальнейшего развития темы «Петр I: образ России и русских глазами англичан». Автору удастся провести твердой рукой пунктирную линию на карте английского петроведения, что само по себе уже достойно уважения и под силу далеко не каждому русисту. Однако остается вопрос: кто они эти британцы, которые то тут, то там появляются на страницах «Английского Петра». Нам, русским, очень хотелось бы знать и понимать их лучше. А современный «английский исторический Петр» явлен нам замечательной во многих отношениях книгой выдающегося британского слависта Энтони Кросса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Давидсон А. Б. «Надо больше знать друг о друге, люди...» // Россия и Британия. На путях к взаимопониманию. М.: Наука, 2010. С. 5–28.
- Кросс Э. Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII–XX веков. М.: Европейский Дом. 2013. 230 с., илл.
- Кросс Э. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб: Академический проект, 1996. 384 с.
- Кросс Э. Британцы в Петербурге, XVIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
- Egan D., Egan M.A. Russian Autocrats from Ivan the Great to the Fall of the Romanov Dynasty: an annotated bibliography of English language sources to 1985. L.: Scarecrow Press Inc., 1987. 512 p.
- Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven: Yale Univ. Press, 1998. 604 p.
- Oliva L.J. Russia in the Era of Peter the Great. Prentice-Hall, 1969. 218 p.
- Raeff M. Peter the Great Changes Russia: Reformer or Revolutionary? D.C. Heath, 1963. 199 p.

REFERENCES

- Davidson A.B. «Nado bol'she znat' drug o druge, lyudi ...» // Rossiya i Britaniya. Na putyakh k vzaimoponimaniyu. Vol. 5. Moscow, Nauka, P. 5–28.
- Egan D., Egan M.A. Russian Autocrats from Ivan the Great to the Fall of the Romanov Dynasty: an annotated bibliography of English language sources to 1985. L.: Scarecrow Press Inc., 1987. 512 p.
- Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven: Yale Univ. Press, 1998. 604 p.
- Kross A. Angliyskiy Petr. Petr Velikiy glazami britantsev XVII–XX vekov. M.: Yevropeyskiy Dom. 2013. 230 s., ill.
- Kross A. Britantsy v Peterburge. XVIII vek. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin. 2005. 526 p.
- Kross A. U temzskikh beregov. Rossiyanе v Britanii v XVIII veke. Saint Petersburg, Akademicheskii proyekt, 1996. 384 p.
- Oliva L.J. Russia in the Era of Peter the Great. Prentice-Hall, 1969. 218 p.
- Raeff M. Peter the Great Changes Russia: Reformer or Revolutionary? D.C. Heath, 1963. 199 p.

Высокова Вероника Витальевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, vyssokova@mail.ru

The Image of Peter the Great in the English Culture, or who are Britons

The review reveals the contribution of the great British historian E. Cross to the research of the cultural memory of the Englishmen about Peter the Great (Кросс Э. Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII–XX веков. М.: Европейский Дом. 2013. 230 с., илл.). The author shows that E. Cross has managed to collect unique written and iconographic material and recreate the evolution of the collective image of Russia, Russians and Peter I in the representations of the British from 1698 to the present. Particular attention is paid to the specifics of the “English view” on Russia, marked by the predominance of negative connotations of the “great reformer king of barbarous and wild Russia” in the British culture of modern times, and discovers the path of British supremacy during the 18th – 19th centuries. It is shown that the reappraisal of Peter and Russia occurs only in the scientific petrography of the 20th century, and the E. Cross’s analysis of the cultural memory of the Englishmen is a serious contribution to overcoming the duality between the popular myth and the historical Peter.

Keywords: Britishness, Cultural memory, historical mythology, the image of Peter the Great, Petrography

Veronika Vysokova, Dr. Sc. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg; vyssokova@mail.ru

Л. В. СОФРОНОВА, А. В. ХАЗИНА

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ – ТАКИЕ РАЗНЫЕ... И ПОХОЖИЕ¹

В статье рассматривается коллективная монография ивановских ученых «Интеллигенция и интеллектуалы – такие разные... и похожие. Проблемы самоопределения и деятельности в XX – начале XXI века» в контексте развития историографии, затрагивающей проблемы интеллигентоведения. Предпринимается попытка выделить специфику исследовательских подходов и оценить вклад авторов монографии в исследование российских интеллигентов и западноевропейских интеллектуалов.

Ключевые слова: *интеллигентоведение, интеллигенция, интеллектуалы, социальной слой, социальный профиль, самоидентичность*

Специфика и соотношение понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы» представляет собой дискуссионную проблему, имеющую долгую традицию изучения представителями разных отраслей гуманитарного знания, как в отечественной, так и зарубежной историографии².

Один из центров изучения данной проблематики в России – Научно-исследовательский институт интеллигентоведения (НИИИ) при Ивановском государственном университете. Он вырос из научно-исследовательского центра по изучению интеллигенции, созданного в 1991 г. усилиями В.С. Меметова. Более чем за четверть века ивановскими учеными был накоплен значительный научный материал и опыт в изучении истории интеллигенции и интеллектуалов в разные периоды развития России и зарубежных стран³. В 2014 г. исследовательские студии НИИИ получили государственную поддержку в виде государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К по теме «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся действительности XX – начала XX вв.: виртуальность и реальность». Одним из результатов этого научного проекта стала публикация в 2016 г. рецензируемой работы.

Монография состоит из предисловия, четырех глав и избранной библиографии по тематике исследования. Уже с первых страниц становится очевидной некоторая тематическая мозаичность и приверженность авторов различным теоретическим подходам. В Предисловии

¹ Рец.: Меметов, Черноперов, Зобнин, Комиссаров, Смирнов, Усманов. 2016.

² Parsons 1969; Gella 1976; Bering 1978; Gouldner 1994; Dosse 2003; Черноперов, Усманов 2016; Севостьянов 2009; М.Черноперов, Усманов, Буданова, 2015.

³ Меметов 2012; Меметов, Комиссаров 2014; Черноперов, Усманов 2015; Смирнов 2015; Черноперов, Усманов 2016.

соавторы признаются, что «не во всем разделяют позиции друг друга»⁴. Действительно, отличия в методах изучения избранной проблематики у исследователей очень заметны в последующих главах, где обнаруживаются полярные оценки одних и тех же явлений и процессов. Вероятно, эти различия во взглядах лишней раз свидетельствуют, как отмечают соавторы, «о чрезвычайной сложности изучаемых объектов – интеллигентов и интеллектуалов». Однако, на наш взгляд, книга выиграла бы, будь она более монолитна в концептуальном плане. Очевидно, отсутствие методологического единства обусловило отсутствие в книге общего введения и общего заключения. По сути, четыре главы монографии представляются достаточно разнородными текстами.

Первая глава «Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: самоопределение, социальный профиль, судьба» наиболее точно отвечает теме монографии и представляется наиболее содержательной. Во вводной ее части авторы В.Л. Черноперов и С.М. Усманов рассуждают о разнообразии проблемного поля, связанного с исследованием интеллигенции и интеллектуалов, уточняют содержание понятий «интеллектуал» и «интеллигенция», проводят анализ исследовательских подходов. Соавторы критически оценивают другие теоретические модели, существующие в отечественной и зарубежной науке. По их мнению, для концептуализации проблематики интеллигентоведения недостаточно только конкретно-исторических, феноменологических исследований. В отличие от предшественников, они предлагают в качестве методологически оправданного подхода историко-социологический и политологический анализ процессов становления и функционирования интеллигенции/интеллектуалов как особого социального слоя. В этом контексте авторы полагают полезным использование научной концепции феноменологии интенциональности Эдмунда Гуссерля. Исследователи ссылаются на его идею о том, что сознание по самой своей природе наделено способностью «сущностного видения». Сознание всегда есть «сознание о чем-то», оно всегда направлено на предмет, хотя бы предмет уже и не существовал, а был бы вымыслом⁵. Поэтому именно для интеллигенции – как никакой другой социальной группы – бытие и созидательные усилия (реальность) так тесно и неразрывно связаны с ее идеалами (виртуальность). Более того, для интеллигенции ее идеалы – это и есть сама по себе несомненная и необходимая реальность. Именно идеалы задают векторы созидательной деятельности интеллигенции. При утрате идеала как источника вдохновения такого рода «мыслящие люди» перестают быть интеллигентами, вливаясь в другие социальные группы: бюрократия, технократия и др.

⁴ Меметов, Черноперов и др. 2016. С. 6.

⁵ Husserl 1928. S. 370.

В.Л. Черноперов и С.М. Усманов на основе социологического и политологического подходов представляют свою концепцию траекторий формирования и развития, как российской интеллигенции, так и западных интеллектуалов. Они предпринимают попытку наметить типологию и три модели социально-политического поведения российской интеллигенции, а также иные три модели социально-политического самоопределения европейских западных интеллектуалов⁶. Рассматривая основные варианты участия интеллигенции в политической и общественной жизни России XX в., соавторы выделяют такие способы взаимодействия интеллигенции и власти: «хождение во власть» (М. Горький, И. Эренбург), «вечное противостояние» (А. Солженицын), «башня из слоновой кости» (Пушкинский дом, Тартуская школа Ю. Лотмана, кружок протоиерея Александра Меня). Любопытно, что в качестве доказательства состоятельности предложенной ими типологии, соавторы предлагают рассматривать своего рода пророческие мысли С.Н. Булгакова, высказанные им в философско-художественном эссе «На пиру богов», подчеркивая, что в нем были не только угаданы многие векторы сближения и противостояния интеллигентов и власти, но также обозначены мотивы разделения на «своих» и «чужих».

Модели участия европейских интеллектуалов в политике и вовлеченности во власть, по мнению ученых, существенно иные. Это «бесильные люди» (Ж. Деррида, Р. Дарендорф), «независимые эксперты» (У. Эко, Ю. Хабермас), «аутсайдеры-нонконформисты» (А. де Бенуа).

Исследователи определенно разграничивают интеллигентов и интеллектуалов, приводя свои аргументы в пользу вывода о том, что это действительно разные феномены, не совпадающие как друг с другом, так и с прочими социальными группами современного мира, будь то политическая элита, бюрократия или технократия. Такая определенность нам импонирует еще и потому, что в работах интеллигентоведов не редкость преобладание слишком общих бездоказательных утверждений. В.Л. Черноперов и С.М. Усманов полагают, что внутри российской интеллигенции происходит постоянное расслоение на «своих» и «чужих». Вместе с тем западные интеллектуалы проявляют себя или как конформисты, или как нонконформисты. Если интеллигенты формируются в удалении от власти, то интеллектуалы, включая нонконформистов, весьма глубоко интегрированы в существующую политическую систему⁷. Думается, предложенная концепция является действительно новой, оригинальной и старательно аргументированной⁸.

⁶ Меметов, Черноперов и др. 2016. С. 22-41.

⁷ Там же. С. 44-45.

⁸ Ср. с предыдущей версией этой модели в книге: Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся... С.8-28.

В этой связи стоит сделать два замечания. Во-первых, не совсем понятно, почему В.Л. Черноперов и С.М. Усманов проигнорировали концепцию креативного класса, о которой пишут авторы других глав. Во-вторых, трудно согласиться с их довольно суровой оценкой творческого пути известного германского интеллектуала Р. Да-рендорфа⁹. Хотя В.Л. Черноперов и С.М. Усманов очень подробно аргументируют свой взгляд на наследие Дарендорфа в качестве примера «бессилия интеллектуала», заслуги германского ученого можно, на наш взгляд, оценить существенно выше – и по влиянию на мировую политическую науку, и по тем новым проблемам, которые он в свое время поставил.

Глава вторая («Интеллигенция и интеллектуалы в советское и постсоветское время») посвящена происхождению, становлению и развитию советской интеллигенции и ее трансформации в постсоветское время. Данный раздел отличается от первой главы тем, что ее авторы В.С. Меметов и В.В. Комиссаров обходят вниманием центральную проблему книги – соотношение понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы», материал главы касается только интеллигенции (в основном, советской), несмотря на упоминание интеллектуалов в ее названии.

Авторы стремятся вписать развитие советской интеллигенции в российскую историю, что приводит их к отрицанию того разрыва, который спровоцировали революционные события 1917 года. Поэтому для В.С. Меметова и В.В. Комиссарова олицетворением традиций русской интеллигенции становится советская интеллигенция. Интеллигенция русской эмиграции остается вне рамок их исследования.

В.С. Меметов и В.В. Комиссаров анализируют развитие понятия «интеллигенция» в советской и постсоветской историографии (первый параграф); рассматривают взаимосвязь интеллигенции и партийно-государственного руководства советского периода (второй параграф); исследуют влияние научно-технической революции и политических событий 1980–1990-х гг. на изменение социальной структуры, места и роли интеллигенции в ней (третий и четвертый параграфы). Однако остается не вполне ясным, в каком жанре написана данная глава. Несмотря на заявленные названия (как главы, так и параграфов), авторы тяготеют исключительно к историографическому ракурсу, не опираясь на исторические и социологические источники.

Совсем иной ракурс исследования представлен в третьей главе коллективной монографии – «Трансформация современного мира в критике западноевропейских интеллектуалов». Ее автор Д.А. Смирнов представил исторический очерк интеллектуальных исканий германских и французских интеллектуалов XX в. в контексте социальных и духовных перемен данного периода. Здесь сразу необходимо отметить, что

⁹ Меметов, Черноперов и др. 2016. С. 35.

исследователь не делает различия между этими национальными традициями. Кроме того, говоря о западноевропейских интеллектуалах, он не рассматривает ни английских, ни итальянских мыслителей. Д.А. Смирнов полагает, что для западноевропейского интеллектуального пространства в начале XX в. ключевой была тема самоопределения интеллектуалов. Источниками его построений служат труды и общественно-политическая деятельность Ж. Бенда, В. Беньямина, Меллера ван ден Брука, К. Шмитта, Э. Юнгера, Г. Бена. Автор резюмирует, что итогом осмысления интеллектуалами политических и социальных трансформаций в первые десятилетия XX в. стали следующие изменения в их собственной среде: неизбежная включенность интеллектуалов в актуальные политические дискуссии и их политическое самоопределение; критическое отношение к интересам социального большинства и/или государства и отказ от защиты общих ценностей как их социальная стратегия; стремление к тактическому сотрудничеству с другими социальными меньшинствами и выработка принципов защиты своих прав.

По мнению Д.А. Смирнова, в послевоенные десятилетия шел процесс объединения западноевропейских интеллектуалов правого и левого толка вокруг идеи европейской интеграции. Интеллектуалы-сторонники правых идеологий предложили опирающимся на них политикам развивать экономические программы как средство создания фундамента общества «всеобщего благоденствия». Интеллектуалы-сторонники левых идеологий сделали ставку на формирование общественного мнения и критическое отношение к социально-политическим процессам для защиты общества от любых деструктивных действий. Требование контроля над информацией, полагает Д.А. Смирнов, в равной мере было присуще как правым, так и левым интеллектуалам.

В последнем параграфе автор анализирует сложную метаморфозу социально-политического самоопределения западных интеллектуалов в контексте эволюции европейского единства в конце XX – начале XXI в. Проследив воздействие сетевизации общества на интеллектуалов и возникновение креативного класса¹⁰, ученый приходит к выводу о том, что интеллектуалы Европы пока не осознают себя как единый социальный слой. Для их новой самоидентификации недостаточно идей креативности и интеграции в информационное общество. Однако автор прогнозирует, что именно интеллектуалы Европы останутся созидающей силой для сохранения политического, социального и культурного единства континента. К сожалению, эти итоговые соображения практически не аргументированы и остаются просто предположениями.

В итоге, решая проблему соотношения понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы», автор указывает на активное участие западных ин-

¹⁰ Меметов, Черноперов и др. 2016. С. 144.

теллектуалов в социально-политических и духовных процессах Западной Европы. По его мнению, это сближает их с российской интеллигенцией. В русле своих исследований Д.А. Смирнов считает необходимым отметить, что данные понятия дополняют друг друга.

Особняком стоит четвертая глава (автор – А.В. Зобнин). Скорее она напоминает приложение к монографии, поскольку посвящена более частной проблеме научного творчества американских интеллектуалов. Впрочем, анализ А.В. Зобнина вполне профессионален, последователен, насыщен материалом, обработанным с использованием математических методов, и выглядит достаточно убедительно.

Только в первой главе, которая подготовлена В.Л. Черноперовым и С.М. Усмановым, мы обнаруживаем полноценное, основательно проработанное заключение, которое полностью соответствует проведенному анализу. В других главах книги итоговые соображения, представленные под рубрикой «Вместо заключения», оказываются недостаточно фундированными, несколько поверхностными.

Рецензируемая монография производит в целом благоприятное впечатление. Отчасти, и потому, что исследователи сразу предложили несколько более или менее разработанных версий участия российской и советской интеллигенции в общественно-политической жизни нашей страны в XX в. Но, пожалуй, главным достижением авторского коллектива можно считать анализ самосознания и деятельности европейских интеллектуалов нашего времени. Они действительно – и разные, и похожие. Здесь у авторов и в самом деле имеются различные исследовательские подходы. Так, А.В. Зобнин и Д.А. Смирнов каждый по-своему показывают читателю многие черты общности западных интеллектуалов. В.Л. Черноперов и С.М. Усманов акцентируют их отличия.

Заключительная часть книги содержит очень качественный список отечественных и зарубежных исследований по изучаемой тематике, на который могли бы обратить внимание многие ученые различных гуманитарных дисциплин. В целом рецензируемая монография находится на уровне достижений современной науки, а по некоторым аспектам, отмеченным нами выше, это – по-настоящему новаторское исследование. Весьма качественным представляется и выполненное издательством «Ивановский государственный университет» оформление книги.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: коллективная монография / отв. ред. В.С. Меметов, В.Л. Черноперов. Иваново: Ивановский государственный университет, 2014. 276 с.
- Меметов В.С.* Философия, интеллигенция и власть // *Интеллигенция и мир.* 2012. № 3. С. 149-150.
- Меметов В.С., Комиссаров В.В.* Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблемах дефиниций // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 1. С. 70-79.

- Меметов В.С., Черноперов В.Л., Зобнин А.В., Комиссаров В.В., Смирнов Д.А., Усманов С.М. Интеллигенция и интеллектуалы - такие разные... и похоже. Проблемы самоопределения и деятельности в XX – начале XXI века: коллективная монография / отв. ред. В.С. Меметов, В.Л. Черноперов. Иваново: Ивановский государственный университет, 2016. 200 с.
- Севостьянов А.Н. Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса. М.: Книжный мир, 2009. 192 с.
- Смирнов Д.А. «...Как из подожженного магниевого порошка»: прошлое на моментальном снимке в руках интеллектуала // Интеллигенция и мир. 2015. № 1. С. 75-87.
- Черноперов В. Л., Усманов С. М., Буданова И.А. Российские интеллигенты и европейские интеллектуалы XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью // Интеллигенция и мир. 2015. № 4. С. 9-31.
- Черноперов В.С., Усманов С.М. Российская интеллигенция XX века: от идеалов к реальности // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире: Материалы XI Международной научной конференции: в 2 х томах. Т. 1. 2016. С. 96-101.
- Bering D. Die Intellektuellen. Geschichte eines Schimpfwortes. Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. 488 s.
- Chernoperov V. L., Usmanov S. M. The Powerlessness of Intellectual: Ralf Darhrendorf's Experience // American Scientific Journal. 2016. № 7. P. 64-67.
- Chernoperov V.L., Usmanov S.M. Russian intelligentsia in the Socio-Political Transformations of the XX Century: Between Ideals, Virtuality and Creation Reality // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № 3. P. 65-70.
- Dosse F. La marche des idées. Histoire des intellectuels — histoire intellectuelle. P., 2003. 358 p.
- Gella A. An introduction to the Sociology of the intelligentsia // The Intelligentsia and The Intellectuals. Theory, Method and Case Study / ed. By A. Gella. California (USA), SAGE Publications, 1976. 236 p.
- Gouldner A. W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by David B. Grusky. Westview Press, 1994. P. 711-722.
- Husserl E. Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins / Hrsg. von M. Heidegger. Halle: Niemeyer, 1928. 498 s.
- Parsons T. The Intellectuals: a Social Role Category // On Intellectuals (ed. Ph. Rieff). NY, 1969. P. 3-26.

REFERENCES

- Intelligenciya i intellektualy v izmenyayushchejsya social'no-politicheskoy dejstvitel'nosti: kolektivnaya monografiya / отв. ред. V.S. Memetov, V.L. Chernoperov. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2014. 276 s.
- Memetov V.S. Filosofiya, intelligenciya i vlast' // Intelligenciya i mir. 2012. № 3. S. 149-150.
- Memetov V.S., Komissarov V.V. Sovetskaya intelligenciya v sovetskoj istoriografii: eshche raz o problemah definicij // Intelligenciya i mir. 2014. № 1. S. 70-79.
- Memetov V.S., Chernoperov V.L., Zobnin A.V., Komissarov V.V., Smirnov D.A., Usmanov S.M. Intelligenciya i intellektualy – takie raznye... i pohozhie. Problemy samoopredeleniya i deyatelnosti v XX – nachale XXI veka: kolektivnaya monografiya / отв. ред. V.S. Memetov, V.L. Chernoperov. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2016. 200 s.
- Sevost'yanov A.N. Diktatura intelligencii protiv utopii srednego klassa. M.: Knizhnyj mir, 2009. 192 s.
- Smirnov D.A. «...Kak iz podozhzhennogo magnieвого порошка»: proshloe na momental'nom snimke v rukah intellektuala // Intelligenciya i mir. 2015. № 1. S.75-87.
- Chernoperov V. L., Usmanov S. M., Budanova I.A. Rossijskie intelligenty i evropejskie intellektualy HKH stoletiya: osobennosti vzaimodejstvija s obshchestvom i vlast'yu // Intelligenciya i mir. 2015. № 4. S. 9-31.
- Chernoperov V.S., Usmanov S.M. Rossijskuaya intelligenciya HKH veka: ot idealov k real'nosti // Intelligenciya, ee grazhdanskije pozicij v sovremennom mire: Materialy XI Mezhhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2 h tomah. Т. 1. 2016. S. 96-101.
- Bering D. Die Intellektuellen. Geschichte eines Schimpfwortes. Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. 488 S.

- Chernoperov V. L., Usmanov S. M. The Powerlessness of Intellectual: Ralf Dahrendorf's Experience // American Scientific Journal. 2016. № 7. P. 64-67.
- Chernoperov V.L., Usmanov S.M. Russian intelligentsia in the Socio-Political Transformations of the XX Century: Between Ideals, Virtuality and Creation Reality // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № 3. P. 65-70.
- Dosse F. La marche des idées. Histoire des intellectuels — histoire intellectuelle. P., 2003. 358 p.
- Gella A. An introduction to the Sociology of the intelligentsia // The Intelligentsia and The Intellectuals. Theory, Method and Case Study / ed. By A. Gella. California (USA), SAGE Publications, 1976. 236 p.
- Gouldner A. W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by David B. Grusky. Westview Press, 1994. P. 711-722.
- Husserl E. Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins / Hrsg. von M. Heidegger. Halle: Niemeyer, 1928. 498 S.
- Parsons T. The Intellectuals: a Social Role Category // On Intellectuals (ed. Ph. Rieff). NY, 1969. P. 3-26.

Софронова Лидия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; Lidiasof@yandex.ru

Хазина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; Annh1@yandex.ru

Intelligentsia and intellectuals - so different... and so similar

The article reviews a collective monograph of the scholars from Ivanovo, entitled “The intelligentsia and intellectuals. Being so different and so similar. Problems of self-identity and activity in the 20th – early 21st century” within the context of the development of historiography concerning the problems of intellectuals. The authors make an attempt to distinguish the research peculiarities and approaches as well as to evaluate the monograph's contribution to the inquiries of Russian intelligentsia and Western European intellectuals.

Keywords: intelligentsia, intellectuals, social stratum, social profile, self-identity

Lydia Sofronova, Doctor of History, Professor, Department of General History and Classical Disciplines and Law; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Lidiasof@yandex.ru

Anna Khazina, PhD in history, Head of the Department of General History and Classical Disciplines and Law; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Annh1@yandex.ru

С. Б. КРИХ

ИЗУЧЕНИЕ РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рецензия посвящена коллективной монографии казанских историков «Рим и Италия: историческое прошлое в современных измерениях», которая затрагивает проблемы рецепции Античности и Средневековья в Италии Нового времени и в Советской России. Такой тип исследования – почти новинка для российской историографии, и отсюда – как плюсы данной работы, так и её основное затруднение – теоретическая неуверенность в обращении с историографическим материалом.

Ключевые слова: рецепция, Рим, Италия, современная историография, античность, средневековье

Казанской исторической школе удаются небольшие книжки, в т.ч. коллективные монографии¹. Тезис может показаться несколько пренебрежительным, но это совсем не так: небольшая книга требует немало умения сказать именно то, что нужно, в ней обилием фактического материала сложно прикрыть скудость концепций, наконец, именно её с наибольшей вероятностью прочитают целиком. Соответственно, казанцам удаётся предложить и небанальные темы для своих работ, или как минимум нетривиальный взгляд на уже известную проблему.

В данном случае новизна связана с приложением сил к делу изучения рецепции античного (и отчасти средневекового) наследия, у истоков которого не только в Казани, но и в нашей стране стоит один из авторов книги – Е.А. Чиглинец². Импонирует и тот факт, что перед нами попытка рассмотреть в разных контекстах одну, сравнительно небольшую тему.

Исследование выстроено следующим образом: сравнительно подробное теоретическое предисловие (С. 3–12), четыре главы (из которых первая и четвёртая играют роль уже смыслового введения и заключения) и небольшое заключение³. Предисловие написано Г.М. Мягковым и Е.А. Чиглинцевым, которые в самом начале предлагают определиться с терминами, задавая следующую их цепочку в качестве основной: коммуникация, актуализация, рецепция, коммеморация. Последовательно раскрывая эти термины применительно к своей тематике, авторы указывают и на то, как они были использованы в каждой из

¹ Сразу на ум приходит пособие: Малёванный 1987, из совсем недавних монографий: Ахмадиев, Георгиев 2016, Межкультурный диалог...

² См. Чиглинец 2015.

³ Рим и Италия...

последующих глав. Следует отметить то, как авторы ненавязчиво обосновывают актуальность своего исследования: присоединяясь к мнению Ч. Мартиндейла, согласно которому именно изучение рецепции позволяет избежать крайностей историцизма и презентизма, они тем самым делают заявку на вклад в решение одной из центральных проблем современной исторической науки⁴. Конечно, небольшая монография не может предоставить ответа на столь глобальный вопрос (и потому здесь неуместно обсуждать реалистичность заявленной стратегии), но сама по себе отсылка показывает, насколько хорошо были продуманы координаты данной работы на большой методологической «карте» исторического исследования.

Остальные теоретические выкладки, приведённые во второй части предисловия, показали нам скорее «коллекционным» подбором связанных друг с другом, но не систематизированных (возможно, и не приводимых в систему) отдельных подходов: авторы нашли возможность упомянуть и образ прошлого М. Хальбвакса, и «места памяти» П. Нора, Ю.М. Лотмана и многих других. При этом они высказали согласие с тезисом В. Вжосека о том, что «чем дальше мы уходим в глубину веков, тем меньшее напряжение между академической историей и образом прошлого, функционирующим в социальном пространстве» (С. 9), в то время, как текст книги, на наш взгляд, позволяет говорить о другом: прошлое актуализируется неравномерно (образ Франциска Ассизского может в какой-то период и на какое-то время оказаться важнее образа Леонардо), а динамика этой актуализации как раз и является отдельным объектом исследования. К этому расхождению теории и конкретики исследования мы вернёмся в конце рецензии.

Первая глава «Ранний Рим и Италия: коммуникативный аспект» (С. 13–52) написана Л.М. Шмелёвой, и в общем, это история того, как в VIII–III вв. до н.э. древняя Италия стала Римом – в культурном и политическом смысле (экономики периода автор касается меньше – таково состояние наших источников и отчасти историографии), само собой, отдав этому слиянию множество своих сил и достижений. Это тем более интересно, что во второй и третьих главах мы сможем увидеть уже то, как античный Рим станет частью современной (XX в.) Италии.

Можно высказать такое, по внешности вторичное замечание: наряду с прослеживанием указанного культурного (в самом широком смысле слова) взаимодействия римлян и итальянцев, что можно назвать

⁴ В оригинале Мартиндейл писал о противопоставлении двух иллюзий – вульгарного историцизма и вульгарного презентизма, но авторы, полагая (не без оснований), что «вульгарный» будет звучать на русском отсылкой к советским традициям критики «буржуазной историографии», предпочли менее буквальный перевод. См. Martindale 2013. P. 171–172.

нарративом коммуникативным, Л.В. Шмелёва в значительной мере остаётся в нарративе конкретно-историческом – поэтому рассказ о захвате Римом Италии иногда начинает доминировать. Характерный пример (С. 33): указание на различную датировку дарования жителям Цере римского гражданства Т. Моммзенем (351 г. до н.э.) и И.Л. Маяк (353 г. до н.э.). Имеет ли это какое-либо значение для исследования коммуникации? Если и да, то из текста это не следует.

Увлекательное чтение представляет собой вторая глава «Коммеморативные практики в Италии XX в. Францисканский юбилей 1926 года» (С. 53–77), написанная Э.М. Дусаевой и повествующая о том, каким образом становление фашистского режима было связано в том числе и с освоением практики коммеморации, в данном случае – использования памяти о Франциске. Э.М. Дусаева убедительно показывает, как секулярная и либеральная идеология Рисорджименто обнаружила в начале XX в. свою главную слабость – она апеллировала к просвещённому меньшинству и не могла по-настоящему объединить нацию, в объединении настоятельно нуждавшуюся и потому склонную к внутри- и внешнеполитическим авантюрам. Поэтому Муссолини, отнюдь не отличавшийся религиозностью, сознательно пошёл на сотрудничество с католической церковью (С. 55–56).

С опорой на итальянскую прессу тех лет дано описание празднеств и памятников, поставленных Франциску Ассизскому (С. 57–64), а кроме того, показано, как образ итальянского святого был подготовлен к его широкому восприятию благодаря появлению исторической литературы о нём и трансформации событий Первой Мировой в творчестве Г. Д'Аннунцио (раздел «Почему Св. Франциск», С. 64–73).

В начале главы помещено довольно категоричное заявление: «Человек так устроен – любая историческая отсылка действует магически авторитетно, и практически у каждого найдется свой «пантеон исторических героев», помогающих ориентироваться в настоящем, становясь его неотъемлемой частью» (С. 53). На наш взгляд, монография как раз и посвящена исследованию того, почему те или иные (отнюдь не «любые») исторические отсылки наделяются буквально магическим авторитетом (и, добавим от себя, потом утрачивают его), а такие абстрактные апелляции к вечному устройству человека чем-то напоминают обыгранное ещё Пушкиным выражение «силоу вещей». Но, пожалуй, это единственное относительно серьёзное замечание, которое можно высказать к данной главе, да и кто из читающих эти строки сам не испытывал стилистических затруднений, формулируя вводный абзац?!

Третья глава «Имперский Рим и его актуализация в Италии 20 – 30-х гг. XX в.» (С. 78–110), автором которой является М.В. Григер, насыщена многочисленными примерами, показывающими, как фа-

шистский режим, в том числе и в период, когда он уже обрёл силу, эксплуатировал, пожалуй, самую благодатную для него историческую эпоху. Автор касается как визуального конструирования образа великой древней империи (выставки, археологические изыскания, почтовые марки, кинематограф), так и празднования двухтысячелетних юбилеев Вергилия и Горация (на эту тему кратко писала и Э. Ираче в своей «*Itale glorie*»), показывая, какими способами актуализировались (или практически фальсифицировались) выгодные для пропаганды факты жизни и творчества древних поэтов и игнорировались те, что противоречили новому «римскому мифу»⁵. Особый интерес представляет пассаж о стадиях моделирования отрицательного образа евреев в итальянской истории, который написан автором с увлечением, поскольку пересекается с основной тематикой его собственных исследований. Правда, большой отрывок, посвящённый еврейской общине в древнем Риме (С. 92–96) – это, всё-таки, слишком заметное отступление от магистральной темы главы. Роли в дальнейшем анализе фашистской версии истории еврейства эти страницы не играют, и такая справка выглядит ненужным отвлечением перед действительно интересным рассмотрением статей Э. Амадеи и Ф. Клементи.

Итог главы, на наш взгляд, заслуживает того, чтобы его процитировать: «Фашистская пропаганда подавала “римский миф” если не как стержень, то, по крайней мере, как фундамент нового итальянского государства. Однако с позиций сегодняшнего дня представляется, что другая метафора более точно отражает функцию “римского мифа”: он играл роль связующего вещества, которое заполняло пустоты между эклектическими элементами фашистской идеологии и жизни фашистского государства» (С. 110). Остаётся лишь сожалеть, что на протяжении главы автор не расставил «указатели» в виде промежуточных выводов, которые позволили бы читателю аргументированно убедиться в том, что этот итог вполне правомерен.

Наконец, написанная Е.А. Чиглинцевым четвёртая глава «Образ Рима в творческом наследии О. Мандельштама» (С. 111–126), наименьшая по размеру, отличается и наибольшим изяществом изложения. Зная, как мало стоят общие наукообразные вводные замечания и понимая, насколько избыточны они в небольших книгах, опытный исследователь сразу переходит к сути дела, ясно показывая читателю (надо полагать, и с творчеством Мандельштама, и с античной темой у него же в любом случае знакомого), что мы можем говорить не только о теме античности, но и об особом образе Рима (и, что немаловажно,

⁵ Полезным дополнением к главе (да и книге в целом) может служить следующая статья: Чиглинцев 2014.

его соотношении с Италией) в стихотворениях и отчасти статьях поэта (С. 115). Глава эта соотносится с другими статьями и докладами автора, в которых он рассматривает рецепцию античности в советский период, но она же даёт более камерный обзор взгляда на связь древнего Рима и современной Мандельштаму Италии так, как она виделась из Советской России человеку, который был внутренне чужд и новому режиму, и формируемой им культуре.

Небольшая монография требует и сжатого отзыва, поэтому пора сказать, как книга в целом воспринимается читателем. Наверное, из побуждений формальной строгости можно было бы высказать замечание по поводу того, что рассказ о рецепции античного наследия явно доминирует над примерами рецепции наследия средневекового (в самом широком для Италии смысле, включая Возрождение), но книга вполне очевидным образом не претендовала на энциклопедическую полноту охвата материала, поэтому нужно оценивать не то, что могло бы в ней быть, а насколько удачно сочетается то, что есть. Нет сомнения, вторая и третья главы соотношены друг с другом гораздо лучше, чем первая и четвёртая, как с ними, так и с магистральной темой, но это обстоятельство можно рассматривать не только как на допустимую сюжетную натяжку, но и как оправданный ход: изучая итальянскую рецепцию античности только внутри итальянской традиции, очень легко потерять меру соотношения её с другими культурными явлениями (например, с русской рецепцией античности) и с исторической реальностью (например, с италийской политикой Рима).

Иными словами, не стоит спешить и обвинять авторов в поспешном подборе материала – книга гораздо более целостная, чем это кажется при формальном подходе. И всё-таки, если бы в первой и четвёртой главах были расставлены эти точки соотношения с материалом предстоящим и предшествующим, читатель смог бы проследить эти связи более органично и вынести для себя гораздо больше полезного по результатам знакомства с книгой. И сейчас мы попробуем показать, почему это имеет значение.

Книга вполне убедительно показывает нашему читателю, пока ещё в вопросах рецепции исторических культур осведомлённому мало (чего греха таить), что пути этой самой рецепции весьма разнообразны, но отнюдь не хаотичны. Если первая мысль по результатам знакомства с книгой легко читается и аргументируется, то вторая требует не только такого рода прямолинейной формулировки, но и выведения некой системы взаимосвязей. Простым изложением уже имеющихся концепций на эту тему вопрос не решить – при всём уважении к выдвинувшим их учёным (тому же Ч. Мартиндейлу или Л. Хардвик и Ч. Стрею), они не часть нашей историографической традиции, и их общие положения не

должны быть усвоены, да и не могут быть по-настоящему усвоены до тех пор, пока мы сами не проработаем достаточного исторического материала. Только тогда пройдут проверку теоретические положения, высказанные другими, и возникнут концепции, которые будут органичны нашим отечественным работам.

Заслуга авторов монографии в том, что они пошли на риск этой ранней стадии рождения собственной исследовательской методологии. Отсюда неоднократно отмеченные выше переходы от рассмотрения рецепции к рассмотрению истории как таковой в первых трёх главах – они показывают, до какой степени авторам ещё непривычен новый ракурс исследования. То же самое касается отчасти и выводов.

Бесспорно, когда Е.А. Чиглинец показывает, как Мандельштам соотносит Древний Рим с Италией времён Муссолини, это хороший, сильный ход – рецептивный взгляд не просто со стороны, а ещё и из России на основную тему монографии, это как раз то, чего не хватало читателю, чтобы увидеть сложность и глубину культурных переключек. Но достраивать структуру этих переключек и открывать их тонкие линии пересечений читателю придётся самому. В заключении монографии совсем кратко сказано о том, что поэт увидел в фашистской Италии тиранию, сходную с той, от которой он пострадал (С. 128; в тексте IV главы, на С. 113 сказано определённой: которая его уничтожила). Что ж, наверное, читатель с близкими научными интересами сможет сделать из этого вывод: актуализация фашистским режимом римского наследия подтолкнула Мандельштама к актуализации тираноборческих элементов античной культуры, которые по факту были приложены им не столько к итальянскому, сколько к советскому культурному контексту. На наш взгляд, существенно даже не то, совпадает ли этот вывод полностью с мнением автора главы, сколько то, что менее подготовленный читатель (например, студент), скорее всего, не сможет самостоятельно сформулировать для себя такого рода итоги. Коль скоро монография, судя по аннотации, предназначена для разных читателей, то именно поэтому формулировка выводов была бы особо ценной. Наконец, и в целях научной полемики адекватная репрезентация собственных достижений оказалась бы более чем полезной.

Конечно, эти пожелания не могут омрачить общего благоприятного впечатления от книги. По нашему мнению, казанцам удалось затронуть тему, потенциал которой для нашей исторической науки ещё далеко не исчерпан. Может быть, серия подобных коллективных монографий была бы не менее интересной, чем уже вышедшее издание?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахмадиев Ф.Н., Георгиев П.В. Афинская демократия и европейские революции: политические идеи в русской историографии всеобщей истории второй половины XIX – начала XX вв. / Под ред. Е.А. Чиглинцева. Казань: Издательство «Яз», 2016. 108 с.
- Малёваный А.М., Чиглинцев Е.А., Шофман А.С. Классовая борьба в древнем мире. Казань: Издательство Казанского университета, 1987. 112 с.
- Межкультурный диалог в искусстве: теория и практика: монография / М.Г. Юнусова и др. Казань: Издательство «Яз», 2016. 124 с.
- Рим и Италия: историческое прошлое в современных измерениях / М.В. Григер, Э.М. Дусаева, Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев, Л.М. Шмелёва. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 136 с.
- Чиглинцев Е.А. Античные истоки патриотических представлений в фашистской Италии // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 156. Кн 3. С. 185–191.
- Чиглинцев Е.А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XX вв. Изд. 2-е. Казань: Издательство Казанского университета, 2015. 164 с.
- Martindale Ch. Reception – a new humanism? Receptivity, pedagogy, the transhistorical // Classical Receptions Journal. Vol. 5. Iss. 2. 2013. P. 169–183.

REFERENCES

- Akhmadiev F.N., Georgiev P.V. Afinskaiia demokratiia i evropeiskie revoliutsii: politicheskie idei v russkoi istoriografii vseobshchei istorii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. / Ed. E.A. Thiglintsev. Kazan': Izdatel'stvo «Iaz», 2016. 108 p.
- Malevani A.M., Tchiglintsev E.A., Shofman A.S. Klassovaiia bor'ba v drevnem mire. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1987. 112 p.
- Mezhkul'turnyi dialog v iskusstve: teoriia i praktika: monografiia / M.G. Iunusova etc. Kazan': Izdatel'stvo «Iaz», 2016. 124 p.
- Rim i Italiia: istoricheskoe proshloe v sovremennykh izmereniiakh / M.V. Griger, E.M. Dusaeva, G.P. Miagkov, E.A. Tchiglintsev, L.M. Shmeleva. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. 136 p.
- Tchiglintsev E.A. Antichnye istoki patrioticheskikh predstavlenii v fashistskoi Italii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2014. T. 156. Book 3. P. 185–191.
- Tchiglintsev E.A. Retseptsiia antichnosti v kul'ture kontsa XIX – nachala XX vv. Izd. 2-e. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2015. 164 p.
- Martindale Ch. Reception – a new humanism? Receptivity, pedagogy, the transhistorical // Classical Receptions Journal. Vol. 5. Iss. 2. 2013. P. 169–183.

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; krikh@rambler.ru

The study of reception of Antiquity and the Middle Ages in current Russian historiography

This review is devoted to the collective monograph by a group of Kazan' historians which is dedicated to the receptions of Antiquity and Middle Ages in modern Italy and Soviet Russia. This type of study is relatively new Russian historiography, and this fact is simultaneously the strength and the main weakness of the reviewed monograph – theoretical uncertainty in the work with historiographic material.

Keywords: reception, Rome, Italy, modern historiography, Antiquity, Middle Ages

Sergey Krikh, Dr.Sc. (History), Prof. of the Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; krikh@rambler.ru

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

ДЮЛА СВАК

«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО» КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ДИАЛОГА

У этой работы нет другой цели, кроме публикации приведенных открытых писем середины 1980-х годов Д.С. Лихачёву и Н.В. Рязановскому и ответ Д.С. Лихачёва, и таким методом наметить один из возможных путей, ведущих к научному диалогу. Но так как в этих письмах речь идёт о Петре I, тревожные вопросы о единовластии сохранили свою историографическую актуальность.

Ключевые слова: *Ключевые слова: открытое письмо, Д. С. Лихачёв, Н. В. Рязановский, Пётр I, единовластие*

В память о Д.С. Лихачёве и Н.В. Рязановском

В какой бы поисковой системе мы ни работали, везде мы встречаемся с бесчисленным количеством открытых писем. В последние десятилетия такие письма постепенно стали одной из самых распространенных форм гражданских обращений. В жанровом плане они напоминают «риторический вопрос» в том смысле, что их авторы как правило не ждут ответа, ведь они именно потому и выбирают обращение к общественности, а не частное или официальное письмо, что не могут надеяться на (положительный) ответ адресата. Однако значение открытых писем бесспорно, поскольку в большинстве случаев они эффективно привлекают внимание к проблемам, занимающим и затрагивающим какую-либо политическую или иную общность. Конечно, это не означает, что такие тексты возникают только по поводу важных вопросов, к тому же можно заметить и определенную девальвацию: пишется много писем, причем часто по парциальным или маловажным проблемам. Как бы то ни было, «открытые письма» могут считаться важным средством гражданского общества во всеобщей, региональной или местной борьбе за демократические ценности, против разрастания власти. В этом смысле они близки к жанру так называемой «петиции».

Наряду с описанным выше главным направлением, которое имеет в основном общественно-политический характер, существуют и совершенно иные по жанру открытые письма. Один из известнейших примеров таких писем можно найти в литературе, это военное стихотворение Константина Симонова «открытое письмо», ставшее поразительно твердой лирической исповедью о верности, солдатской дружбе и стойкости.

Открытые письма писали (или, во всяком случае, подписывали) и историки, мне и самому приходилось в содружестве с коллегами протестовать в этой форме или обращаться с открытым письмом по поводу обиды не личного характера¹. Однако и в этих случаях ни я, ни мои коллеги не ожидали ответа.

Вместе с тем мне хотелось бы рассказать и о двух исключениях, имеющих некоторое отношение к нашей профессии. Об этих двух историях, которые разворачивались параллельно, но все же были связаны друг с другом, я уже писал в книге «На службе у Клио...», рисуя мини-портреты двух мэтров, уже ставших классиками русистики, Дмитрия Сергеевича Лихачёва и Николая Валентиновича Рязановского².

С академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым я встретился в первый (и, к сожалению, в последний) раз в 1985 г. Наш разговор во время обеда начался как интервью, а позже, после многомесячных размышлений, я придал ему форму открытого письма. Тогда я был молод, хотя и не совсем новичок, как раз достиг Иисусова возраста, и мне пришло в голову, что поднятая проблема «весомее» и может претендовать на внимание широкой публики. И я не ошибся, поскольку редакция ведущего тогда еженедельника для интеллигенции «*Élet és Irodalom*» выделила мне для публикации целую колонку³. Более того. Дмитрий Сергеевич не только удостоил меня ответом (который также был опубликован в «*Élet és Irodalom*»⁴), но и оказал мне большую честь, поместив этот ответ в «Раздумьях о России»⁵. Я горжусь этим и сейчас, будучи вдвое старше, чем тогда. С тех пор произошло много разных событий, прошло 33 года, разрушились биполярный мир и Советский Союз, но вступивший в 66-й год своей жизни Дюла Свак и сегодня не изменил бы ни строчки. Быть может, и в наши дни будет небесполезно обратиться к этому обмену письмами, поскольку, несмотря на смену эпох, затронутая в нем тема сохраняет свою актуальность. К сожалению, она вечно молода. Поэтому ниже я полностью публикую два письма, которые еще никогда не публиковались вместе.

Ниже публикуются мои вопросы и раздумья о Петре I (Документ 2), сопровождаемые моим письмом к Д.С. Лихачёву (Документ 1) и его ответ (Документ № 3).

¹ Szvák, Gyula. “Egy elmaradt találkozó. Levél a *Lityeraturmaja Gazeta* főszerkesztőjének”, *Élet és Irodalom*, 2011.05.27.

² Свак. 2014.

³ Szvák, Gyula. “Aggályos kérdések I. Péterről (Levél Dmitrij Lihacsovna, a leningrádi Puskin-házba)”, *Élet és Irodalom*, 1986.05.09.

⁴ Dmitrij Lihacsov válasza, *Élet és Irodalom*, 1987.07.03.

⁵ Лихачёв. 2001. С. 442-444.

Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Прилагаю к этому письму статью для нашей "Литературной газеты" ("Едет он кродалом"), подготовленную на материале нашего будапештского разговора. В этой статье я подробно написал о том, почему из нашей беседы в итоге получилось не интервью. Мне хотелось бы надеяться, что Вы не против этой формы обработки материала, а также что я верно передал Ваши мысли о Петре I.

Для меня, и не только для меня, было бы очень полезно и поучительно, если бы Вы дали это письмо достойным ответом.

Желаю Вам хорошего здоровья и дальнейших выдающихся творческих успехов.

С глубоким уважением:

Дюла Свак
Дюла Свак.

ДОКУМЕНТ № 2

ВОПРОСЫ И РАЗДУМЬЯ О ПЕТРЕ I

(Письмо академику Д.С.Лихачеву в ленинградский Пушкинский Дом)

Когда в ноябре прошлого года мне посчастливилось лично встретиться с Вами, я сразу начал расспрашивать Вас о Петре I. Я мог бы поинтересоваться чем-нибудь другим, мне было бы интересно узнать Ваше мнение о новых спорах вокруг "Слова о полку Игореве", я с удовольствием поделился бы сомнениями по поводу моей книги об Иване IV и, по всей вероятности, получил бы большую пользу, разузнав у Вас, крупнейшего в наши дни знатока средневековой русской культуры, несколько работ которого было опубликовано и в нашей стране, о новейшей литературе по проблематике "Московия и Запад". И все же я интересовался реформами, положившими конец Московской Руси. Можно было расспросить Вас о русских классиках или о Вашем бережном покровительстве связям росткам новейшей советской литературы, больше же всего меня занимала Ваша личная судьба, типичная судьба русского советского интеллигента двадцатого века. Вместо этого я задавал вопросы о гниющем голыми руками серебряные тарелки, владевшим дюжиной ремесленных профессий, непрерывно трудившимся на благо своей страны "наре-мастеровом", который, наряду со значительным количеством вырванных собственными руками зубов, оставил после себя и во многих отношениях новую и бесспорно европейскую ведущую империю.

Действительно, я мог бы спросить что угодно и на все получил бы ответ, ведь нам редко выпадает возможность взять интервью у живого классика той или иной отрасли науки. И когда в порыве между утомительными совещаниями Европейского культурного форума Вы терпеливо, но без усталости человека, достигшего восьмидесятилетнего возраста, помешивали приготовленный безнадежно по-венгерски "русский" крестьянский суп, я по Вашим глазам увидел, что Вы силитесь с нестерпимым: годящийся во внуки коллега даже за обедом идет от

Вас великих откровений. А ведь я боялся этой встречи. Прошло почти 10 лет с тех пор, как я с горячностью начинающего в одной из моих статей вступил в спор с Вами. Мне я уже глубоко оскален о тоне этой статьи. Правда, у меня и сейчас имеется сомнения относительно того, применимо ли понятие проторенессанса к какому-либо периоду средневековой русской культуры, но с тех пор я научился уважать Ваше мнение, особенно Ваше, мнение человека, который некогда пострадал за научную правду и которому не всегда бывало легко бороться за неё и позже.

Поэтому я был рад тому, что вы не упомянули об этой полемике, и сам старался избегать вопросов, запечатлев в себе возможность нового спора. И вот, всё же я спросил о Петре I.

Тогда, честно говоря, я не продумал до конца, но теперь уже уверен, что мною руководило два обстоятельства. Отчасти меня подвел и петровскому опыту модернизации профессиональный интерес, ведь после изучения "семи голодных веков" средневековой Руси, прошедших без коренных реформ, неизбежна постановка вопроса: каковы были возможности и границы такого вмешательства сверху в Россию того времени? Но косвенно, может быть, впечатления моего поколения сделали меня особенно восприимчивым к историческим урокам выступлений против стагнации. Ведь наше поколение вступило на порог зрелости во второй половине 60-х годов, как раз вместе с реформой, последовавшей за многими "голодными годами", поэтому оно озабоченно и внимательно изучает пелли и с большой долей чувствительности — средства подобных начинаний.

Я, конечно, знал, хорошо знал, что огонька пары Петра всегда вызвала бурные чувства у русских мыслителей, но тайком я надеялся, что Вы, Дмитрий Сергеевич, если и не разделите моих оговорок, то хотя бы поддержите некоторые мои вопросы. Признаюсь, я исходил из того прияти-

- 3 -

тивно-утрожденного предположения, что тот, кто связан со старой, то есть допетровской культурой такими сильными эмоциональными нитями, кто так самозабвенно изучает проявления гуманизма в средневековой русской литературе, возможно, терпит не к любой несущей новое реформе, или хотя бы терпит по отношению к бесчеловечным методам.

Уже князь Щербатов, который первым связал "повреждение нравов с петровскими реформами, не отрицал, что без царя Россия лишь к 1890-ым годам достигла бы того уровня, на который её поставил Пётр I почти на двести лет раньше. Больше того, и знаменитый дворянский писатель и историк Карамзин в "Записке о старой и новой России" не оспаривает выдающихся способностей первого русского императора, хотя в этом произведении он обосновал концепцию "двух наций" (согласно которой, насильственные петровские заимствования как бы разделили общество на две части, на "безнациональный" высший слой и оставшихся русскими угнетённых), во многом взятую на вооружение и славянофилами. Именно славянофилы в 1840-ых годах резко осуждали Петра I за то, что он повёл свою страну по западному пути и оторвался от "исконной" русской почвы. Правда, обычно и они не оспаривали человеческого величия царя и ценности некоторых его реформ.

Конечно, можно сказать, названные выше были консервативными мыслителями (хотя Вы, Дмитрий Сергеевич, лучше меня знаете, что такое утверждение, а тем более подмена прилагательных "консервативный" и "реакционный", без оговорок не соответствовало бы действительности), а прогрессивные силы в России всегда брали под защиту дело Петра. Только без соответствующих комментариев это утверждение было бы ещё дальше предидущего. Правда, Гершен однажды назвал Петра I "коронованным революционером" и, например, Белинский тоже не скупился на одобрительные эпитеты, однако уже Радищев, чувствуя, что историческая личность оценивается судьбой народа и что самодержавие

как таковое в принципе противоречит интересам эксплуатируемых, передавал революционной мысли окончательный критерий, принятый сначала декабристами, а позже революционными демократами и большевиками. С другой стороны, в царской России мы встречаем немало историков-монархистов, прямо обожествлявших этого члена дома Романовых.

К их числу принадлежал и один из крупнейших представителей русской исторической науки, XIX века, Сергей Соловьёв, который на долгое время заложил фундамент той официальной оценки Петра, определённые составные части которой до наших дней можно встретить на страницах различных исторических книг. Суть этой концепции - внешне являясь угрозой, которая почти закономерно выработалась в созревшем для реформ русском обществе "народного воцеления", который твёрдой рукой способствовал тому, чтобы "при громе Полтавской битвы родился для Европы новый великий народ", и "в европейской истории наступила новая эпоха". Однако не все профессиональные историки, последователи Соловьёва, разделяли это возмущение высшего представителя т.н. государственной школы. Другой выдающийся историк дооктябрьского периода, Василий Ключевский, прямо считал одной из аномалий русской истории то, что расширение территории обратно пропорционально внутренней свободе; а министр Временного правительства, бывший перед этим профессиональным историком, Павел Милюков, просто назвал петровские реформы полным банкротством.

Роскопавшая марксистская историография в лице Михаила Покровского пришла к поразительно сходному результату, но на основе в корне иных теоретических и политических соображений. В исторической мысли 1920-ых годов деятельность Петра лишалась благоприятной оценки под знаком партийного подхода. В это время на первый план вышли

- 5 -

интересн угнетённых классов, да и в плоскости философии истории т.н. волнина личности на короткое время отошли на задний план.

С тех пор, особенно после дискуссии о нации в ВНР, начатой Эриком Мольнаром, и мы, венгры, убедились в том, что историю нельзя изучать только с классовой точки зрения. Венгерскими читателями, может быть покажется новость, но исторические последования уже однозначно показали, что во время Петра I помещики крестьян почти утроились из-за введённой тогда подушной подати, к тому же налоговые и рекрутские тяготы впервые установили в России во всей полноте систему крепостной зависимости крестьян, реализовавшуюся на уровне, близком к рабовладельчеству. К этому надо добавить опустошения в результате бесконечных войн, строительство Петербурга и создание флота, потребовавшие немногим меньшее количество жертв, нули недавно основанных, опиравшихся на принудительный труд мануфактур, и можно сказать, что русский крестьянин никогда перед этим не попадал в такое бедственное положение. Недаром фольклорная сокровищница народа не изобилует песнями о "хорошем" гаре Петре, зато возникло тем больше легенд о царь-антихристе и предсказаний, обещавших скорый конец света. Несмотря на это, было бы, видимо, несправедливо подводить итог царствования Петра только на основании этих фактов.

Я был рад, что Вы, Дмитрий Сергеевич, упомянули культуру как важнейшую область, многим обязанную великому реформатору. Здесь можно отметить возможность (и обязанность) учиться за границей, школы, идея создания первого университета, основание первой академии, первый журнал, и этот перечень можно ещё продолжить. Безусловно, мне ближе подход к государственному деятелю со стороны культурных несправедливостей, нежели другой, встреченный мной в недавно прочитанной книге, автор которой считает основной заслугой Петра то, что в то время в Европе без ведома

чара не могла выстрелить ни одна пуля. Из чего следует, что на протяжении Петра, обеспечившее выход к Балтийскому морю и, за исключением одного года, пребывавшее в беспрестанных войнах, можно смотреть и с империозной точки зрения. И в этом нет ничего предосудительного, если придерживаться того же при рассмотрении этого вопроса. В рамках эклектицистской внешней политики царизма в XIX в. было понятно, если и не может быть одобрено, что государственный национализм оправдал историческое вмешательство, даже у такого выдвигавшегося историка, как Соловьёв.

Однако времена меняются и меняются оценки. Часто даже в жизни одного человека происходят перемены, которые значительно изменяют его прежние позиции. Достаточно сослаться на хорошо известного венгеро-русского читателя Алексея Толстого, между новеллой которого "Первый день царя Петра" и романом "Петр I" (больше того, отдельными вариантами последнего) наблюдаются существенные различия в оценках. После этого может показаться несерьезным, но личные мотивации заставляют меня признаться, что я и сам вижу эту проблему несколько иначе, чем примерно десять лет назад, когда в связи с интересной книгой профессора Памменю я именно на страницах "Лет от провала" выступил в полемике о значении царя Петра I. Тогда я считал морализированным познание Пала Е. Фекора, который назвал трагической дисгармонией между целями и средствами, использованными для их осуществления. Мне казалось, что отрезанные бороды и головы, замученная насмерть царевич и миллионы обездоленных были необходимыми жертвами великой реформы, модернизации страны. Конечно, это была сильная полемика. Мы с большими удовольствиями прочитали бы сталкивавшиеся друг с другом мнения более компетентных историков, однако в то время о Петре I не очень то спорили даже в советской науке и публицистике.

- 7 -

Теперь, когда Вы, Дмитрий Сергеевич, назвали, как Вы выразились, "нетерпеливость" в качестве почти единственной ошибки Петра, Вы также присоединились к тому направлению исторической науки, представителями которого признают в условиях ретроградного, "тёмного" средневековья только насильственное вмешательство сверху. Знал, вслед за Лениным и Марксом, что Пётр I "боролся против варварства варварскими средствами", они одновременно считают закономерными эти средства, а тем самым и "нетерпеливость", требующую множество жертв.

Может быть, Вы согласитесь со мной в том, что учёт задним числом альтернатив развития – крайне развлекательная и поучительная историческая игра. Я уверен, что Вы не разделяете той фаталистичной точки зрения, согласно которой, всё, что произошло, должно было произойти именно так, как произошло. Поэтому, вероятно, разумно задать вопрос, который я уже не мог задать Вам: только ли Пётр I и только ли с петровской "нетерпеливостью" мог решить в первой четверти XVIII века задачи, стоявшие перед Россией? Несколько легче ответить на вопрос, в какой степени "нетерпеливость" решила эти проблемы, ведь это можно рассмотреть с помощью традиционных средств, которыми располагает историк. Говоря грубо: окупились ли принесённые жертвы? И вообще: имелись ли предпосылки "модернизации" в европейском смысле этого понятия?

Читая мой вопрос, Вы, может быть, не считаете необычным, что при размышлениях о Петре I я всё чаще вспоминаю упомянутую выше постановку вопроса, принадлежащую Ключевскому. А ещё чаще мне приходит в голову, возможно, эпизодная, но глубоко гуманная позиция 20-их годов, выразившаяся в словах Гедаля: "И я хочу Интернационала добрых людей, я хочу, чтобы каждая душа была на учёте и дали бы ей косяк по первой категории."

Боясь, Дмитрий Сергеевич, что в моём письме я слишком много внимания уделил личности. А ведь именно в связи с Петром I учёные выяснили, как много было сделано в области "европеизации" России до него, во второй половине XVII в., следовательно, Пётр не привёл свою страну "из тьмы к свету". Однако никто не отрицает, что личность царя наложила глубокий отпечаток на свою эпоху. Вы сказали, что в России, прежде всего из-за огромности территории, значительная роль человека, стоящего на вершине власти, в жизни государства - историческая закономерность. Таким образом, с точки зрения страны не всё равно, кто этот человек: авантюрист или личность европейской культуры, какой был Пётр I. Вы просили, чтобы я отдельно подчеркнул это в нашем разговоре. И хотя интервью в конце концов не получилось, я выполняю эту Вашу просьбу.

Между прочим, именно из-за этой Вашей незавершённой мысли из материала нашей беседы сложилось не интервью, а это письмо. Пролетел обеденный перерыв, Вас создал зал совещаний, и я уже не мог поделиться с Вами своими сомнениями, которые, как мне кажется, являются сомнениями венгерского исторического сознания. Вероятно, из нашего своеобразного исторического развития следует, что венгерская историческая мысль - за редкими, зато трагическими исключениями - менее толерантна по отношению к великим "вождям". Очевидно, в этом играет роль и то, что осуществившийся в нашей стране вид европейского абсолютизма был иностранного происхождения, поэтому обладатели этой власти вызвали естественную антипатию в национальном мнении. Позже на этот в основном эмоциональный глубокий слой общественного мнения накладывались упрощённые учения героической эпохи марксизма о первичности масс по сравнению с индивидуумом и о реакционности всех коронованных правителей в результате чего в перспективе в нашем взгляде на историю не сложилось своего рода оракульное понимание исторической личности. А в последнее

- 9 -

время в нашем историческом мышлении всё глубже пускает корни та предвещая прогресс структурная особенность модели феодализма западноевропейского типа, что в этом регионе общество складывалось снизу вверх, в отличие от обществ восточного типа, организуемых сверху вниз. Таким образом, наше историческое мышление, и смотря в прошлое, склонно предпочитать инициативу снизу, гражданскую деятельность в противовес изменениям, идущим сверху. Учитывая эти идейные традиции, может быть, понятно, что я с удовольствием попросил бы Вас более подробно изложить Ваше проинтервьюрованное выше мнение.

Я делал это сейчас, когда вместо интервью посылаю Вам, уважаемый Дмитрий Сергеевич, это письмо, как это сделал мой ныне покойный профессор, Йозеф Перени, обратившийся к академику Грекову. Шёл 1950 год, и неверная интерпретация распространявшегося тогда социалистического соревнования привела к возникновению неприятной ситуации в Институте истории АН ВНР. Дело в том, что у нас вошло в моду соревнование по заполнению карточек для конспектов, когда пришло прояснившее суть дела письмо Б.Д.Грекова, которое было принято как инструкция для венгерских историков. Оказалось, что пель состоит не столько в осуществляемом стахановскими методами накоплении последовательских карточек, сколько в сравнении научных результатов. С тех пор, конечно, прошло много времени, и я нуждаюсь не в инструкции, а в анализе важной проблемы исторического мышления с учётом всех возможных точек зрения. Мне оказало бы большую помощь, если бы мы смогли выйти за рамки всегда несколько протокольного интервью и дать всестороннюю и свободную от идеологизации оценку одной из ключевых фигур русской истории.

С уважением:

Дела Слак.

Глубокоуважаемый Дюла Свак!

Мне очень жаль, что наш разговор о Петре Первом в фойе Вудапештского форума культуры нам не удалось довести до конца: меня завали звонки на заседание. Вопрос о том была ли деятельность Петра I прогрессивной или губительной для русской культуры чрезвычайно запутан в литературе и общественной мысли XVIII - XX в., но запутан он вовсе не безнадежно. В коротком ~~написанном~~ ответе на Ваше письмо по этому поводу моим ^{мыслям} ~~мыслям~~ будет тесно ^{подвести} ~~подвести~~ для мотивированного изложения своих взглядов, но ~~написанными~~ все-таки некоторые основания под будущие ответы возможны.

Прежде всего, вопрос должен был поставлен так: ~~написанным ли~~ ^{совершил ли} Петр I некий переворот в общих тенденциях русской культуры или делая Петра I шли в общем русле ее развития. Я стою на последней точке зрения. Петр продолжил и ускорил то, что было заложено в русской культуре. Европейизация России началась со Смутного времени и Россия всегда была связана с другими странами: Скандинавией, Византией, западно-славянскими странами, южнославянскими странами и пр. Петру не пришлось "прорубить окно" в Европу. Он открыл широкие двери главным образом на северо-запад Европ^ы. Но и здесь он не произвел "открытия". Интерес к Англии начался еще в XVI в., интерес к Голландии был широк еще при Алексее Михайловиче. Первоначально Петр I вводил в России венгерское платье, но и это не новшество. Интерес к Венгрии существовал на Руси уже в XI - XII вв.

Идея "просвященной монархии", "царя-труженика" была изложена еще до Петра ^{стихах Симеона Полоцкого -} Алексея Михайловича.

Петр сменил в России всю знаковую систему (символы, эмблемы, гербы, знамена), познакомил с идеями басен Эзопа, перенес столицу поближе к естественным путям в прибалтийские страны и пр. Но уже в XVII в. эта смена "знаковой системы" была глубоко подготовлена в России.

Второй вопрос. Не слишком ли дорогую цену заплатил народ за все "благоденствия" Петра? Да, слишком дорогую. Не говоря уже о многом другом, Петр устал трупам болота, на которых строился Петербург. Можно было бы, не так торопясь, прийти к таким же результатам несколько медленнее - растянув реформы на весь XVIII век. Но это мы рассуждаем с современной

точки зрения, мы, умудренные большими историческим опытом. А реально, если бы и не было "торопливого" Петра, то легко возникли бы другие исторические деятели, только менее талантливые и способные к государственному творчеству. Дело в том, что деспотизм - одна из отрицательных сторон любой "просвещенной монархии". ~~Деспотизм~~ "Просвещенная монархия" не просто стремилась осуществить счастье народа, - она навязывала это счастье часто насильственными способами. "Король-Солнце" Людовик XIV тоже не был ягненком. Да это было бы и невозможно в системе "идеологического государства", какой представлялась Франция при Людовике XIV. Можно было бы привести и другие примеры.

Петру удалось провести сближение России с северо-западной Европой, ~~и~~ сближение, которое было неизбежным и зародилось ранее. На Западе в эпоху Петра существовало два стиля - классицизм и барокко. В России со второй половины XVII в. господствовало только барокко, которое приобрело формы, позволявшие барокко стать заменителем ренессанса. Барокко было типичным не только для искусства, но для характера науки, мышления, поведения человека и т. д. Петр был типичным представителем барокко. Петр - человек ~~типичный~~ барокко со всеми его противоречиями, контрастами, темпераментом, загадочностью и т. д.

Обвинять в чем либо Петра нельзя. Его следует понимать, как следует понимать его эпоху и нужды, перед которыми очутилась Россия на грани столетий.

Можно ли считать Петра типичным для русской истории? Только в той мере, что в огромной России все реформы, ~~и~~ все исторические перемены требовали больших усилий и совершались с большим трудом и большими жертвами

В уважении

ваш

А. Михалев

6 VII 86

Я не хотел бы разбирать эти письма с точки зрения историографии деятельности Петра I, позже это стало одним из главных вопросов моей докторской диссертации, там я рассмотрел его подробно⁶. Здесь, быть может, сто́ит лишь отметить, что этот обмен письмами стал частью вековых споров о Петре I и связанной с ним научной литературы.

Открытое письмо, претендовавшее на внимание широкой публики, все же носило явно специальный характер, и сформулированные в нем вопросы не остались риторическими, а вызвали соответствующий отклик. Тем самым это письмо стало средством плодотворного диалога между историками и литературоведами, венграми и русскими, между двумя разными поколениями. Благодаря крупной личности и крупному ученому, Дмитрию Сергеевичу Лихачёву.

И на этом история еще не заканчивается. В 1987 г. я получил от Фонда Сороса билет на самолет, летевший в Калифорнию. И оказавшись там, я отправился в Беркли, к Н.В. Рязановскому, дуайену англосаксонской русистики. Перед этим я, как принято, представился в письме и сослался на переписку с академиком Лихачёвым. После этого профессор Рязановский принял меня и уделил мне полтора-два часа своего времени. В то время я заканчивал свою книгу «Петр I: аргументы за и против»⁷ и был знаком с новой, значительной монографией принимавшего меня ученого об историографии царствования Петра⁸. Я наивно думал, что этого будет достаточно для содержательного разговора о великом преобразователе. Но разговора не получилось. Не сумев преодолеть разочарования, я снова обратился к помощи открытого письма: раз уж не сложился содержательный обмен мнениями, то, по крайней мере, пусть хотя бы я сформулирую свое мнение.

Так и получилось, в номере «Élet és Irodalom» от 16 октября 1987 г. была опубликована моя статья⁹, которая в русском переводе звучит так:

Дюла Свак: Русский в Калифорнии
Письмо Николасу Рязановскому в Университет Беркли

⁶ Szvák, Gyula. 2001.

⁷ Szvák, Gyula, szerk. 1989.

⁸ Riasanovsky. 1985.

⁹ Szvák, Gyula. "Kaliforniában orosznak lenni. Levél Nicholas Riasanovskynak a Berkeley-i Egyetemre", *Élet és Irodalom*, 1987.10.16.

Русский в Калифорнии

Письмо Николасу Рязановскому в Университет Беркли

Уважаемый Николай Валентинович!

Я обратился к Вам на русском языке, назвав Вас по имени и отчеству, и тогда, когда мне выпала честь быть Вашим гостем в Вашем любимом кафе неподалеку от университетского городка, так что употребленное мною здесь странное обращение нуждается в объяснении лишь для венгерских читателей моего письма. С тех пор, конечно, прошло некоторое время, и я, признаться, несколько растерялся: было ли это так естественно для Вас на самом деле? Ведь Вы никогда не жили на русской земле, Ваши работы о русской истории, в том числе монографии, посвященные славянофилам или Петру I, написаны по-английски, как по-английски Вы обращались к своим студентам в течение почти сорокалетней преподавательской деятельности. Конечно, я хорошо знал, что Ваши родители были русскими, отец — профессор московского университета, обладавший международной известностью специалистом по истории восточного права, мать — автор нескольких романов на русские темы; но к кому же я обращаюсь в Вашем лице? К белогвардейскому историку, как Вас квалифицировали в прежней советской исторической науке, или к западному буржуазному историку, в которого Вы были переименованы позже? Трудно разобраться в человеке, который считает родными три языка и который называет себя представителем мировой науки, причем в Соединенных Штатах, впитавших в себя столько разных народов.

- 2 -

В подобных случаях человека лучше всего характеризуют его взгляды, поэтому, после обмена формулами важности, я попытался узнать мнение моего собеседника. Должен признаться, сделать это оказалось нелегко, но за три недели, проведенные в Америке, я уже успел понять: Вы не единственный человек, несомненно делившийся со мной своими мыслями. Было слишком наивно или, может быть, слишком оптимистично надеяться на то, что встреча двух историков, занимавшихся русской историей и публиковавших работы по одному и тому же вопросу, создает все условия для взаимно обогащающей дискуссии. В данном случае, однако, кажется, что я коснулся темы, лабильной даже для американца.

Между прочим, выбор темы был достаточно очевидным. Как раз недавно я сдал в печать свою книгу о Петре I, в ходе работы над которой мне часто приходилось обращаться к обзорной работе Николааса Ризановского "Оценка Петра Великого в русской истории и русской мысли". И, как выяснилось, Вы решили посвятить мне почти два часа своего времени, загруженного разнообразными делами, тоже благодаря царю Петру. Правда, хочу сразу уточнить: этот жест важности был адресован не столько мне, сколько академику Д.С.Лихачеву, еще точнее - нашему обмену письмами, состоявшемуся на страницах еженедельника "Блет эш продalom". Вы считали письмо академика Лихачева настолько значительным, что сожалели о том, что уже не сможете включить его в Вашу книгу. Однако должен откровенно признаться: несмотря на все мои усилия, я оказался не в состоянии выяснить, каково же личное мнение Николааса Ризановского по этой проблематике. Одно я знаю точно (поскольку неоднократно спрашивал Вас об этом): мнение Д.С.Ли-

- 3 -

хачева о Петре I Вы считаете прогрессивным, существенным шагом вперед по сравнению с односторонней оценкой, господствовавшей ранее в советской науке. Только эта оценка, данная представителями - назовем ее настоящим именем - сталинотской концепции истории, как Вы сами показали в своей книге, была как раз двухсторонней. Петр необычайно высоко оценивался как царь, сделавший Россию ведущей европейской державой, и в то же время осуждался за утешение народных масс. Другой вопрос, что это последнее утверждение всегда было достаточно шаблонным и само по себе не подрывало в основном позитивной оценки. Этот факт еще раз доказывает отрыв т.н. сталинской концепции истории не только от основ марксизма, но и от т.н. ортодоксального марксизма, как обычно называют историческую концепцию 1920-х годов. В исторической оценке 1930 - 1950-х годов доминирующими становятся уже не классовые соображения, сохранявшиеся при этом на уровне фразеологии, а имперские интересы, независимые от классов. Это означает утверждение гегемонии буржуазной, националистической по своим истокам интерпретации истории, смешанной с унаследованным у дворянской историографии культом героев, вызванным к жизни политическими устремлениями того времени и военными нуждами. Следовательно, Вы, Николай Валентинович, были правы, утверждая, что оценка Петра тогда была все же однозначно позитивной, какой и должна была быть в условиях массового единоличного правления. Но в то же время и не правы, точнее, Ваше утверждение было бы до конца справедливым, если бы оно относилось к Ивану IV. Иван IV действительно успешно превозносился исторической наукой того времени, которая в его случае на самом деле готова была отказаться от классовых соображений. Иначе

- 4 -

дело обстоило при оценке Петра, которому Сталин не обиделся прощать угнетения масс, а на самом деле симпатии по отношению к европейцам. К этому нужно добавить, что Иван IV воевал против немецкого рыцарского ордена, а Петр I "только" против шведов, и по сравнению с Петром Иван оказался гораздо более пригодной для исторических манипуляций фигурой. Впервые в истории русской исторической мысли. Так что было бы все же целесообразным придерживаться той точки зрения, согласно которой оценка Петра I в рамках т.н. сталинской концепции истории была объективной.

И не только в рамках этой концепции. Вы пишете в своей книге - и в этом я могу с Вами согласиться -, что двойственная оценка Петра в советской исторической науке сохранилась до последнего времени. С той разницей, что исчезли питаемые коенофобией выпады против необычных "европейских" привычек Петра, что все больше внимания уделяется личности Петра, ее кокажениям и вытекающим отсюда ошибкам, больше того - преступлениям. Высококачественной формулировкой этой "новой" концепции стала биография Петра, вышедшая в 1973 г. из-под пера Николая Ивановича Павленко. Конечно, трудно сопоставить монографию и письмо на двух страницах, поэтому я могу лишь в общем воспринять Ваши слова о том, что мнение академика Лихачева является шагом вперед по сравнению с прежними оценками. Действительно, когда Д.С.Лихачев пишет, что русский народ "заплатил слишком дорогую цену за благодеяния Петра", то слово "слишком" означает решительное осуждение деспотизма. При этом акцент деспотизма рассматривается как неизбежные со стороны на исто-

- 5 -

рические закономерности. И хотя Вы, уважаемый Николай Валентинович, отказались признать существование каких-либо закономерностей в истории, все же, определив происшедшее не случайным, Вы в конце концов согласились с такой интерпретацией.

Теперь я могу признаться, что не удивлен этим. Возможно даже, что я поднял в разговоре с Вами тему Петра не просто из-за нашего общего интереса к ней. Дело в том, что в Соединенных Штатах я получил множество нуждавшихся в осмыслении впечатлений. Здесь я хотел бы упомянуть лишь первое и, наверное, не самое важное из них. Знаете, кто был первым американцем, с которым я столкнулся в Америке? Президент Рейган. Вооруженный у входа в аэропорт Лос-Анджелеса. Раньше я часто ездил в другом направлении, сходство было потрясающим, в обоих местах тревожным для венгерского историка. Буквально поразительные совпадения продолжались и позже. Длинная очередь, недоверчивые взгляды, диктаторское, коллективное изучение синего - не красного - паспорта. В другом месте нечто похожее, может быть, переживали и Вы, уважаемый Николай Рязановский. Здесь, во всяком случае, тамошний чиновник гораздо быстрее пропустил летящего рядом со мной белого киноафриканца, чем меня, приезжего из Восточной Европы. Конечно, все это мелочи, возможно даже понятные. Гражданин маленькой страны может открыть и более существенные и тревожные параллели. Например, то, что могут быть выявлены поразительно похожие черты в механизме управления и функционирования больших стран, какими бы различными ни были силы и правила, управляющие им.

- 6 -

Из нашего разговора, уважаемый Николай Валентинович, выяснилось, что Ваша точка зрения гораздо ближе к позиции академика Лихачева, чем моя. Я сказал Вам, что на мои взгляды в целом влияют результаты, накопленные за последние три десятилетия венгерской исторической наукой: оттеснение на задний план национального угла зрения и отказ от абсолютистских, сверхцентрализованных моделей управления. Для меня Петр I был воплощением именно этой последней модели, поэтому я скорее могу согласиться с оценкой Петра в советской науке 20-х годов. Конечно, я признаю, что Петр был реформатором, и Россия гуще нуждалась в реформах. Поэтому я и не ставлю его в один ряд с другими тиранами, например, с Иваном IV, как это делал М.Н.Покровский. Я даже рискнул утверждать, что для прогрессивного русского мыслителя т.н. петровский опыт модернизации гораздо важнее петровского деспотизма. Но поскольку мною, венгерским историком, не руководят русские национальные соображения, я, конечно, не могу пройти мимо деспотического характера петровских реформ или, если хотите, абсолютизм для меня слишком большая цена за просвещение, к тому же очень спорное.

Для меня было поучительно видеть, что Вами в Вашей оценке руководили иные соображения. Однако разгадать эту загадку я не смог. Чем же мотивируется Ваша положительная оценка Петра? Высказываете ли Вы это положительное мнение как американец или как русский? И если как русский, то как историк-монархист или как сторонник партии реформ? Вы оказали бы большую честь нашим читателям и мне лично, если бы поделились с ними своими мыслями об этом.

С глубоким уважением:

Du Cha
Дюла Свак

Эту статью я послал и профессору Рязановскому, который, однако, не пожелал воспользоваться своим правом на ответ. Таким образом, ни письменного, ни устного диалога не получилось. В 1987 г. Прошло десять лет. С помощью своего бывшего научного руководителя в аспирантуре, Руслана Григорьевича Скрынникова, я приступил к организации первой международной конференции в будапештском Центре русистики. Набравшись смелости, я пригласил на нее и Николая Рязановского, который принял приглашение и в 1998 г. прочитал на конференции «Место России в Европе / The Place of Russia in Europe» доклад «The Image of Peter the Great in Russian History and Thought and its Present Condition»¹⁰. В этой форме он ответил мне, когда почувствовал, что пришло время, ответил в своем стиле, жанре, в своей манере, можно сказать, выбранным им «оружием», на международном форуме специалистов, в сообществе русистов.

Таким образом, диалог, спровоцированный «открытым письмом», состоялся и в этом случае, причем в присутствии широкого круга специалистов. (Не говоря уж о том, что профессор Рязановский посетил и нашу следующую конференцию¹¹, а мне оказал честь, написав предисловие к моей книге, опубликованной в Америке¹²).

В этой работе у меня не было другой цели, кроме публикации приведенных выше писем, и таким методом я наметил один из возможных путей, ведущих к научному диалогу. Конечно, историк не может удержаться от того, чтобы по прошествии трех десятилетий оглянуться на прошлое, которое в момент написания этих текстов было его настоящим. Не следует забывать, что 1986/87 гг. были временем больших ожиданий, тяги к реформам. Особенно в СССР. Ни советский (русский), ни даже американский (русский) ученый не могли освободиться от этого влияния эпохи. Поэтому Дмитрий Лихачёв и Николай Рязановский и смогли прийти к общему знаменателю. А я оказался в одиночестве, упрямо обвиняя Петра I за произвол, в то время как мои оппоненты благословляли его имя за осуществленные им реформы. Прошедшее с тех пор время показало, насколько прав был Дмитрий Сергеевич, когда говорил о сложной судьбе реформ в русской земле. А я, как «хорошо информированный пессимист» (этим определением меня украсил позже А.Н. Медушевский¹³), а еще в большей степени как исследователь своеобразного исторического пути России не мог оши-

¹⁰ Riasanovsky. 1999. 180-186.

¹¹ Riasanovsky. 2001. 9-19.

¹² Szvák, Gyula. *False Tsars*, foreword by Nicholas Riasanovsky. 2000).

¹³ Медушевский. 2018. С. 66-79.

биться настолько, чтобы мои тревожные вопросы о единовластии не сохранили свою актуальность и в 2018 году.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Riasanovsky, Nicholas V. *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought* (NY – Oxford, 1985).
- Riasanovsky, Nicholas V. “The Image of Peter the Great in Russian History and Thought and its Present Condition”, in: Szvák, Gyula (ed.), Место России в Европе / The Place of Russia in Europe. Ruzsisztikai Könyvek V (Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1999), 180-186.
- Riasanovsky, Nicholas V. “The Place of Russia in Eurasia. Some Brief Historical and Historiographical Remarks”, in: Szvák, Gyula (ed.), Место России в Евразии / The Place of Russia in Eurasia. Ruzsisztikai Könyvek IX (Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 2001), 9-19.
- Szvák, Gyula. “Aggályos kérdések I. Péterről (Levél Dmitrij Lihacsovnak, a leningrádi Puskin-házba).” *Élet és Irodalom*, 1986. 05. 09.
- Szvák, Gyula, szerk. Furkósbottal Európába? I. Péter: érvek – ellenérvek. Budapest: Új Génius, 1989. (344 o.)
- Szvák, Gyula. *False Tsars*, foreword by Nicholas Riasanovsky (New Jersey: Center for Hungarian Studies and Publications, 2000). (182 p.)
- Szvák, Gyula. *IV. Iván és I. Péter utóélete*. Ruzsisztikai Könyvek VIII. Budapest: ELTE Ruzsisztikai Intézet, 2001. (256 o.)
- Szvák, Gyula. “Egy elmaradt találkozó. Levél a *Literaturnaja Gazeta* főszerkesztőjének.” *Élet és Irodalom*, 2011.05.27.
- Лихачёв, Д.С. «Письмо о Петровских реформах», в: *Раздумья о России* (СПб.: Логос, 2001), с. 442-444. – Lihachyov, D.S. «Pis'mo o Petrovskih reformah», v: *Razdum'ya o Rossii* (Spb.: Logos, 2001), s. 442-444.
- Свак, Дюла. *На службе у Клио и у власть предержащих (этюды по россиеведению)*. Ruzsisztikai Könyvek XXXVIII. Budapest: Russica Pannonicana, 2014. (200 с.). – Svak, Dyula. *Na sluzhbe u Klio i u vlast' prederzhashchih (ehtyudy po rossievedeniyu)*. Ruzsisztikai Könyvek XXXVIII. Budapest: Russica Pannonicana, 2014. (200 s.).
- Dmitrij Lihacsov válasza. *Élet és Irodalom*, 1987.07.03.
- Szvák, Gyula. “Kaliforniában orosznak lenni. Levél Nicholas Riasanovskynak a Berkeley-i Egyetemre.” *Élet és Irodalom*, 1987.10.16.
- Медушевский А.Н. Венгерский Центр русистики: наблюдатель, исследователь и летописец нашего времени // Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште / Общ. ред. и сост. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2018. С. 66-79. – Medushevskij A.N. Vengerskij Centr rusistiki: nablyudatel', issledovatel' i letopisec nashogo vremeni // Idei i dela. K 65-letiyu professora Dyuly Svaka i 30-letiyu izucheniya istoricheskoy rusistiki v Budapeshte / Obshchaya redakciya i sostavlenie M.S. Petrovoj. M.: Akvilon, 2018. С. 66-79.

Свак, Дюла, профессор, доктор исторических наук, доктор Honoris Causa РАН, основатель и руководитель Центра русистики Будапештского университета им. Эвеша Лоранда

An “open letter” as a mean of historiographical communication

This paper does not have any other purpose than to publish open letters written in the mid-1980s to D.S. Likhachev and Nicholas V. Riasanovsky, as well as the answer from D.S. Likhachev. This way one of the possible routes leading to scientific dialogue is outlined. As these letters were about Peter I, disturbing questions about autocracy have to this day retained their historiographical relevance.

Keywords: open letter, D.S. Likhachev, N.V. Riasanovsky, Peter I, autocracy

Szvák Gyula, Professor, Dr. Sc. (History), Doctor Honoris Causa of the Russian Academy of Sciences, head and founder of the Centre for Russian Studies at Eötvös Loránd University (Budapest)

О. КАШИНСКАЯ

**К ИСТОРИИ ОДНОГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ПРОЕКТА
ЧЕРНОВИК СТАТЬИ А. З. МАНФРЕДА
«СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ»**

Публикуется текст машинописной копии черновика статьи «Современная буржуазная историография» из фонда А.З. Манфреда в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Данный документ относится к истории неосуществленного проекта статьи А.З. Манфреда.

Ключевые слова: А.З. Манфред, Французская революция, XIV Конгресс МКИН

Альберт Захарович Манфред (28 августа 1906 – 16 декабря 1976), выдающийся отечественный историк, специальное историческое образование получил в аспирантуре Института истории РАНИОН, где занимался в семинаре академика В.П. Волгина (1879–1962). Большое значение для дальнейшей научной деятельности А.З. Манфреда имело и его участие в семинаре слушателей РАНИОН и Института красной профессуры, которым руководил академик Н.М. Лукин (1885–1940). Семинар был посвящен истории французского социалистического движения в годы Третьей республики. А.З. Манфред избрал тему «Социалистическое движение в 70-х годах после Парижской Коммуны». Этой проблеме он позднее посвятил свою кандидатскую диссертацию. Занятия в семинарах этих двух крупнейших ученых сыграли большую роль в формировании А.З. Манфреда как историка.

Основные труды А.З. Манфреда посвящены истории Франции, прежде всего – Великой французской революции. Другая тема – внешняя политика Франции, которой посвящена его докторская диссертация «Внешняя политика Франции от Франкфуртского мира до союза с Россией (1871–1891)» и монография 1952 г., в которой дано наиболее полное для того времени изложение истории дипломатических отношений, приведших к заключению франко-русского союза¹.

Публикуемый документ находится на хранении в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ, в личном фонде А.З. Манфреда (фонд 772), где сосредоточено 1381 ед. хр. за 1920–1970 гг. Основные материалы фонда – творческие работы историка и материалы к ним (публикуемый документ относится именно к данному разделу); выписки из газет, книг, архивов; документы о служебной и общественной деятельности; а также материалы личного характера и переписка. Фонд поступал на хранение в НИОР РГБ частями. Первая часть была обрабо-

¹ Подробнее см.: Далин 1989; Намазова 2007; 2011; Чудинов 2016.

тана в 1981 г., в 1982 г. составлена опись (Т. 1), а все материалы размещены в 52 картонах. Вторая часть передана в 2004 г., и в 2007 г. к ней составили опись (Т. 2). Эти материалы ныне составляют 62 картона².

Особенностью публикуемой машинописной копии является отсутствие даты, но ее содержание позволяет отнести материал к осени 1975 г., к периоду после XIV Международного конгресса историков, проходившего 22–29 августа 1975 г. в г. Сан-Франциско (США).

XIV конгресс историков проходил в знаменательное время – после подписания в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В Сан-Франциско отчетливо проявилось стремление значительной части зарубежных историков к научному диалогу с советскими учеными. Подготовка конгресса велась в течение нескольких лет Международным комитетом исторических наук, под руководством представителей Советского Союза (акад. А.А. Губер, а после его кончины – акад. Е.М. Жуков)³. Была разработана программа конгресса, организованного по четырем группам: «Большие исследовательские темы», «Проблемы методологии», «История по хронологическим периодам» и «Международные аффилированные организации и внутренние комиссии»⁴. Советские ученые представили основной доклад по первой Большой теме конгресса «История и общество», который привлек большое внимание участников конгресса.

Как описывают авторы подробного отчета о работе конгресса, несколько сот человек заполнили зал, где проходило заседание, и обстановка была весьма напряженной:

«Уже перед началом его проявили себя силы, стремившиеся нарушить нормальный ход конгресса, – в зале появились провокационные листовки относительно “положения историков в Чехословакии”. Эксперт из ФРГ Х. Винклер использовал обсуждение советского доклада для нападок на марксизм-ленинизм и клеветнических рассуждений относительно положения исторической науки в социалистических странах. Он заявил о своей поддержке действий чехословацких буржуазно-националистических эмигрантов в США и ФРГ, повторил фальсификаторские суждения о характере действий социалистических стран в 1968 г. в связи с событиями в Чехословакии. Это вызвало возмущение многих участников конгресса. Председательствовавший на заседании западногерманский историк Т. Ниппердэй (ФРГ) сделал эксперту замечание о недопустимости подмены обсуждения научных вопросов политическими дискуссиями»⁵.

Однако критический градус дискуссии на этом заседании, как позднее и на других секциях, продолжал оставаться высоким.

² НИОР РГБ. Ф. 772 Описание фонда по описи архива Альберта Захаровича Манфреда в период с 1920 по 1970 гг.

³ Чубарьян 1975.

⁴ Тихвинский 1973.

⁵ Сахаров, Хромов 1976.

Во второй половине XX в. в историографии Французской революции обозначились четыре направления: 1) левореспубликанское, продолжавшее традиции Ж. Жореса и А. Матьеза; его крупнейшим представителем был Ж. Лефевр (1874–1959); 2) марксистское, центральной фигурой которого являлся А. Собуль (1914–1982); 3) ревизионистское, связанное в первую очередь с именами Ф. Фюре (1927–1997) и Д. Рише (1927–1989); 4) сравнительно-историческое, во главе с Ж. Годшо (1907–1989)⁶. Эти идейные течения и были в центре критики историка, вернувшегося с Конгресса⁷.

В своей монографии А.З. Манфред пишет о Французской революции XVIII в. как событии «громадной динамической силы», которое, оказав большое длительное влияние на последующее развитие общества, навсегда сохранилось в памяти человечества⁸.

При подготовке материала к публикации были сохранены особенности документа. Опечатки и ошибки исправлены. Там, где смысл выражений остался неясным, дается примечание.

Черновик статьи А.З. Манфреда «Современная буржуазная историография»

[...]* То же самое примерно наблюдается и в Италии. Ряд известных историков-марксистов – Виятри, Прокасси – играют значительную роль в университетах страны. В далекой Японии, в Токийском университете в течение ряда лет ведущая роль принадлежала историку-марксисту Такахаси** и его ученикам. Этот список, естественно, можно было бы продолжить и назвать еще ряд известных историков-марксистов или близких к марксизму в Англии, США, Бельгии, ФРГ, Канаде, Австралии и других странах капиталистического мира.

Было бы, конечно, ошибочно полагать, будто между историками-марксистами зарубежных стран нет споров, дискуссионных проблем, расхождений во мнениях по тем или иным вопросам исторической науки. Без этих творческих дискуссий, без обсуждения нерешенных вопросов не было бы развития науки, движения вперед.

⁶ См., в частности: Терехов 2006. С. 8.

⁷ Позднее А.З. Манфред вновь обратился к обозначенным спорным вопросам историографии Французской революции XVIII века. См.: Манфред 1978.

⁸ Манфред 1983. С. 18.

* Так в тексте документа. Начало документа отсутствует.

** Кохахири Такахаси [1912–1982] – японский историк, был председателем Национального комитета историков Японии. Автор фундаментальных трудов: «Структура революционной буржуазии» (1950), «Исследования об историческом формировании современного общества» (1974), принадлежал к «французскому» направлению японской историографии, которое объединяло историков, проявлявших особый интерес к истории Французской революции XVIII в. и сопоставлению ее с революцией Мэйдзи в Японии в XIX в. См.: Тихвинский, Чистозвонов 1983.

Общеизвестно большое и плодотворное влияние, которое оказывал и оказывает ныне марксизм на развитие ряда ученых, еще не перешедших целиком на позиции марксизма-ленинизма, но с большим вниманием прислушивающихся к голосу своих коллег, историков-марксистов, и относящихся с уважительным вниманием к марксистско-ленинской мысли в целом.

Пожалуй, в наиболее наглядных формах этот процесс может быть проиллюстрирован на примере французской исторической науки, кстати сказать, играющей едва ли не лидирующую роль в современной зарубежной историографии. Кто не помнит, какое значительное влияние на творчество крупнейших французских историков XX столетия Альбера Матъеза и Жоржа Лефевра оказали идеи марксизма и исторический опыт Великой Октябрьской социалистической революции. И Матъез, и Лефевр первоначально испытали воздействие теории научного социализма. Не непосредственно от ее основоположников, а в интерпретации Жана Жореса. «Социалистическая история французской революции» Жана Жореса, созданная им в начале XX века, и являлась тем произведением, через которое передовые французские ученые раньше всего почувствовали могучую силу марксовской мысли. И Матъез, и Лефевр считали – и подтвердили это в ряде заявлений – себя учениками Жана Жореса. Позже непосредственное влияние Великая Октябрьская социалистическая революция и исторический опыт строительства социализма в нашей стране оказали на методологию, ход мышления, исторические концепции и Альбера Матъеза, и Жоржа Лефевра.

Можно ли называть этих выдающихся историков марксистами? Вероятно, нет. Но вместе с тем невозможно отрицать огромное влияние на их научное творчество марксизма, и их справедливо квалифицировать как прогрессивных ученых, испытавших большое благотворное влияние идей научного социализма. С существенными модификациями это должно быть сказано и о старшем поколении крупнейших французских историков, создателей журнала «Анналы» Люсьене Февре, Марке Блоке, Фернанде Броделе. Люсьен Февр и Марк Блок принадлежат уже прошлому. Но Фернан Бродель – один из самых крупных и авторитетных современных французских историков, автор большого двухтомного синтетического труда о Средиземноморье в средневековую эпоху, о капитализме и условиях материальной жизни в XVI–XIX вв., автор весьма своеобразный, стремящийся в каких-то вопросах найти собственные пути исторического синтеза, который многократно гласно заявлял о том значении, которое он придает марксистской теории. В одном из своих выступлений Бродель заявлял: «Ясно, как дважды два четыре, что Маркс является родоначальником современной исторической науки».

Фернан Бродель приезжал в Советский Союз, выступал в Институте истории Академии наук и свое выступление предварил характерным для него заявлением: «Если меня будут называть буржуазным ученым и квалифицировать как буржуазного ученого, я уйду, я не буду выступать».

Наш друг, французский прогрессивный историк Клод Виллар совсем недавно почти в категорических выражениях потребовал, чтобы историки-марксисты вообще отказались от термина «буржуазный ученый». Я не по-

шел бы так далеко, как Клод Виллар – этот термин имеет право на существование, и он может быть подтвержден примерами, опирающимися на работы ряда историков за рубежом. Но в мысли нашего французского товарища есть, на мой взгляд, зерно истины. Мы иногда слишком решительно и категорично зачисляем того или иного ученого в определенный лагерь. Реальная действительность показывает, что под влиянием идейной борьбы, происходящей в наше время во всем мире, имеются – и их не так мало – крупные ученые, которые находятся как бы на полпути, они уже сумели понять большую творческую силу марксистской теории, но они еще не пришли целиком к марксистскому учению. Процесс не завершен. Они находятся в движении. И размашистое и не всегда до конца обоснованное наклеивание этикеток не облегчает этим ученым сближение их взглядов с позицией, взглядами марксизма-ленинизма.

В работах ряда крупных ученых можно встретить одновременно ссылки и на Маркса, и на кого-то другого из мыслителей немарковского или антимарковского направления. В начавшем выходить четырехтомном большом коллективном труде «Социальная и экономическая история Франции» под редакцией Фернана Броделя и Эрнеста Лабруса*, редакторы во «Введении» ссылаются на широкое распространение в современной науке марксовских идей. Но у тех же авторов можно встретить и ссылки на Кейнса.

Недавно умерший крупнейший специалист по истории международных отношений и дипломатии академик Пьер Ренувель, безусловно, испытал влияние марксистского метода. Он требовал, чтобы анализ истории дипломатии и развития международных отношений не ограничивался изучением документов, создаваемых в тиши министерских кабинетов. Можно ли его считать марксистом? Конечно, нет. Однако нельзя не учитывать его стремление преодолеть в какой-то степени узкие рамки позитивистской школы и стремление найти более плодотворную методологическую почву для решения стоявших перед ним задач.

Но когда идет речь о Пьере Ренувеле – это речь о прошлом. Сказанное мне хотелось бы лишь подчеркнуть, что по-видимому, на современном этапе острой идеологической борьбы, все большего возрастания идей марксизма-ленинизма было бы вряд ли правильным и полезным оперировать жесткими или слишком широкими определениями, отказываясь от дифференцированного, конкретного, непредвзятого подхода к анализу творчества того или иного крупного ученого историка. По-видимому, следует считаться с тем реально сложившимся положением вещей в исторической науке, когда отдельные большие ученые, не являющиеся марксистами, политически, быть может, расходящиеся по тому или иному конкретному вопросу, остаются в какой-то мере попутчиками передовой прогрессивной мысли и весьма возможно, в будущем потенциальными союзниками. Опыт, накопленный советскими учеными в течение последующих, примерно, десяти лет, показывает, что, как это подтверждается

* Histoire économique et sociale de la France / Dir. par Fernand Braudel, Ernest Labrousse. T. 1. Paris: Presses universitaires de France, 1970.

практикой, возможно в определенных, точно очерченных границах научное сотрудничество между советскими учеными историками и зарубежными историками, протягивающими нам дружески руку.

Вместе с тем нельзя не замечать, что в рядах современной зарубежной историографии появляются и иные тенденции, заслуживающие внимания с нашей стороны. В данной статье остаются вне поля рассмотрения открытые противники марксизма, антисоветчики, антикоммунисты, с поднятым забралом выступающие против марксизма, против передовой марксистско-ленинской науки. Об этих речь не идет, мы их знаем по именам и здесь не может быть никаких иллюзий. Это идейные противники социального прогресса, попытки мира и разрядки, это наши идейные враги, и к ним как таковым и следует относиться, речь идет об ином.

В последние годы обнаружилось, что в ряду историков, в свое время причислявших себя к левой общественной мысли и выступавших порой с произведениями, заслуживавшими поддержки, постепенно меняли свои позиции, передвигаясь в одном направлении – слева направо. Это историки, которые не стремятся афишировать свои антикоммунистические, антимарксистские тенденции. Политика борьбы против марксистско-ленинской методологии осуществляется в более тонких формах. По тому или иному частному поводу они готовы произнести вполне доброжелательные внешние фразы. В большей своей части они все в свое время были знакомы с произведениями Маркса и Ленина, с работами советских историков и прогрессивных зарубежных историков, их никак не заподозришь в неосведомленности или неподготовленности, скорее напротив – некоторые из них в свое время прошли через марксистскую школу. Ныне они претендуют на то, чтобы стать над марксизмом. В примерах нет недостатка, и сказанное могло бы быть проиллюстрировано на одном конкретном случае.

Если присмотреться внимательно к творчеству английского историка Ричарда Кобба: в свое время его труды встречали положительную оценку на страницах прогрессивной печати и сказать по правде, они того и заслуживали. Ричард Кобб, английский историк, профессор Оксфордского университета, специализировался по проблемам истории Великой французской революции, изучая преимущественно роль левых политических группировок революции, в частности, на высшем «якобинском» его этапе. Ричард Кобб является автором двухтомного капитального исследования революции армии, основанного на большом и остававшемся ранее неизвестным архивном материале*. Эта получившая высокую оценку прогрессивной исторической печати монография была опубликована в 1963 г., с тех пор в теме утекло немало воды, и за минувшие годы автор этого труда как бы незаметно совершил некую эволюцию. Как историка его стали больше занимать не проявления революционной доблести и самоотверженной отваги простых французских людей, крестьян, ремесленников, боровшихся и оборонявших свою страну от вторжения интервентов и внут-

* Ричард Кобб (1917–1996). Монография *Les Armées Révolutionnaires* была впервые опубликована во Франции в 1961 г.

ренной контрреволюции, а иные сюжеты, он начал публиковать этюды о тех или иных нарушениях законности, ...* об актах произвола, о насилиях, и постепенно, по крупницам, создаваемая им картина стала отличаться преимущественно темными и явно сгущенными авторской волей цветами.

Здесь нет нужды проследживать весь путь эволюции Ричарда Кобба. Скажем коротко, что этот автор, который когда-то так успешно начал, стал превращаться из добросовестного бытописателя французского народа в эпоху революции в его хулителя. Последующие произведения Кобба представляют собой клевету на французский народ, клевету на французскую революцию, клевету на историю героической освободительной борьбы. Я не читал – или мне не попадались на мои глаза – каких-либо декларативных заявлений Кобба, но практически его творчество убеждает в том, что из передовых представителей прогрессивной исторической науки Ричард Кобб превратился в ее врага. Надо сказать прямо, что его последние работы, его творчество в целом не имеет никакой научной цены, ибо внимание автора приковано не к тем историческим процессам, которые двигали общее развитие вперед, не к героической борьбе французского народа, а к коллекционированию действительных или мнимых фактов нарушения принципов гражданственности**.

Можно привести и иной пример. Два автора, которые, равно как и Кобб, еще недавно числились молодыми, два автора, также прошедшие в свое время школу марксистской выучки, Франсуа Фюре и Дени Рише, не так давно обогатившие историческую науку двухтомным сочинением. Оно было озаглавлено скромно «Революция». Не великая, не французская, простая революция, но скромность названия, превосходно ужившаяся с исключительным богатством и роскошью издания два тома, выпущенные издательством «Авет», были изданы на такой великолепной бумаге, с цветными иллюстрациями и гравюрами, в такой великолепной обложке, как давно уже не видела французская историческая литература. Впрочем, для того, чтобы это творение, слишком дорогостоящее для массового покупателя, могло бы получить приблизительно широкую распространенность, вскоре было, выпущено другое, более скромно оформленное издание в черной карманной форме, которое могло просвещать значительно более широкие круги читателей. В чем смысл и каково назначение этой работы? Ни тот, ни другой из историков не являются специалистами по Французской революции, а эта отрасль исторического знания достигла уже такой высокой степени развития, что без специальной и большой подготовки вряд ли можно сказать что-либо новое или имеющее научную ценность в освещении этих проблем. Предусмотрительно оба автора не снабдили свои книги научным аппаратом. Эти книги, если называть вещи своими именами, преследуют не столько научные, сколько политические и пропагандистские цели. Не случайно авторы отказываются называть французскую революцию великой, так, как ее называли 200 лет, так, как ее посто-

* Пропуск в тексте.

** См. также: Гордон 2007.

янно называл В.И. Ленин. С их точки зрения, эта революция не была исторически неизбежна, она не была необходима. Читая повествование Франсуа Фюре и Дени Рише, можно заподозрить, что эта революция являлась результатом нагромождения ряда ошибок. Будь представители старого режима монархии Людовика XVI посмекалистее, поумнее, проведи они вовремя некоторые необходимые реформы, и революции бы не было, она бы не произошла. Посеяв сомнение в исторически необходимой и закономерной революции, свергнувшей феодально-абсолютистский строй во Франции, авторы в повествовательной форме, шаг за шагом излагая ход событий, чем дальше идет их повествование, тем все более критически оценивают революционное творчество. Главные критические стрелы Фюре и Рише направлены против высшего якобинского этапа революции. Хотя Ленин здесь не назван по имени, но работа эта полемична, она заострена против ленинской концепции, против ленинской высокой оценки якобинской диктатуры и якобинства в целом. По суждению Фюре и Рише, якобинский этап французской революции, который марксистско-ленинская мысль с полным основанием считала и продолжает считать высшим этапом в развитии французской революции, превращается в цепь каких-то случайностей и ошибок. Фюре и Рише представили дело так, что якобинский этап революции не имел под собой никакой почвы. Пользуясь жаргоном автомобилистов-гонщиков, они утверждали, что на якобинском этапе революции Францию «занесло», машину забросило дальше, чем это было нужно. Становится естественным, что после такой интерпретации самого героического и плодотворного этапа французской революции, контрреволюционный переворот 9 термидора (27 июня 1794 г.) представляется счастливым, благотворным, а порой избавляющим страну от «произвола и насилия» крайних революций.

Американский историк Коббен уже давно берет под сомнение историческую необходимость революции*. Зачем она была нужна? Кому она была нужна? И этот вопрос охотно повторяет его ученик и последователь.

Дело доходит до того, что задаются риторические вопросы: А была ли вообще революция? Имела ли она какое-либо реальное содержание в истории? На только что – в августе 1975 г. – закончившемся XIV международном конгрессе историков в обширном докладе, подготовленном рядом ученых под редакцией известного французского историка профессора Роллана Мунье, меньше всего речь шла о знаменитой Декларации прав человека и гражданина, принятой 26 августа 1789 г. Профессор Роллан Мунье в своем итоговом заключительном слове счел более уместным сослаться на авторитет апостола святого Павла, чем на соответствующую статью Декларации прав человека и гражданина, сформированных в первый год свободы, 1789 г.

Естественно, возникает вопрос: а чем, собственно, вызвано это опоздавшее почти на двести лет крайнее раздражение, крайняя неприязнь к Великой французской революции? Почему за 15 лет до того, как будет празд-

* См. также: Меер 2008.

новаться двухсотлетний юбилей этой революции, буржуазной по своему объективному содержанию и конечным результатам, но являвшейся народно-демократической по своему характеру и именно благодаря решающей роли народа ставшей Великой революцией, почему теперь сочтено своевременным атаковать ее по всему фронту.

Разгадка довольно простая, стрелы, направленные против французской революции XVIII в., летят дальше, это стрелы против Великой Октябрьской социалистической революции, против могущественного Союза советских социалистических республик, против стран социалистического содружества, против мировой социалистической системы, против сил мира и социального прогресса, против революционного и национально-освободительного движения, против всех прогрессивных сил, с которыми связано будущее человечества.

Историки, продолжающие себя называть молодыми, хотя все они уже приблизились, а может даже и перешагнули за полувековой рубеж, эти «молодые» историки претендовали не только на то, чтобы заново осмыслить, оценить по-новому общепризнанные передовой исторической мыслью ценности прошлого. Они готовы сказать новое слово и в иных вопросах, вопросах методологии. Эта группа «молодых»*, непропорционально группирующаяся ныне вокруг журнала «Анналы», в прошлом ученики Фернана Броделя, поторопившиеся откреститься от своего учителя и образовать вполне независимую от него группу, пытается приобрести лавры основоположников нового теоретического учения, новой исторической теории. Мы здесь встречаем уже только что упоминавшихся Франсуа Фюре и Дени Рише, но не они выступают в ореоле лидеров этого течения. Апостолом новой школы выступил профессор Колледж де Франс Эмманюэль Леруа Ладюри. Молодой профессор не может жаловаться на незнакомство с марксистской теорией, с передовой прогрессивной научной мыслью. Он также проходил в свое время школу марксистской выучки, но счел нужным с ней расстаться. Леруа Ладюри претендует на то, чтобы сказать новое слово в исторической науке и без лишней скромности он предпочел бы, чтобы это называли постмарксизмом.

В чем суть этих воззрений? Леруа Ладюри и его единомышленники, и друзья склонны обвинять марксизм в односторонности. Марксизм придает весьма большое значение экономическим и социальным факторам – и в этом, они готовы великодушно признать, он сыграл в свое время положительную роль. Но это уже, по мнению сторонников постмарксизма, пройденный этап. Историк обязан принимать во внимание не только эти факторы, на которые указывал сто лет назад Маркс, но считаться и с рядом иных факторов, выпавших из поля зрения марксистских историков. В числе этих не учитываемых марксизмом факторов Леруа Ладюри и его друзья выдвигают на первое место изучение изменений климата, географической среды, внешних факторов, окружающих человека на протяжении всей его истории.

* Это слово вставлено по смыслу.

Спору нет, изучение климата в прошлом может представлять интерес для исследователя, не надо только генерализировать, придавать чрезмерное значение этим факторам, которые, кстати сказать, были давно известны исторической науке. Когда Леруа Ладюри не без воодушевления пытается теперь доказать важность изучения географической среды, географического и физического комплекса, окружающего человека, то он не замечает довольно неловкого положения, в которое он попадает. За двести лет до него на географическую среду, как известно, указывал Монтескье и сто лет назад Г.В. Плеханов, справедливо согласившийся с Монтескье, что географическая среда, конечно, должна приниматься во внимание историком, но столь же основательно разъяснял, что не нужно лишь превращать географическую среду в доминанту, в демиурга исторического процесса, что она представляет собой величину переменную и в зависимости от развития производительных сил может по-разному влиять на человеческое общество. Здесь нет необходимости напоминать еще сто лет назад указанный справедливо Плехановым пример, как менялась роль океана с изменением уровня прогресса на суше и ростом производительных сил на Земле.

Но приверженцы этого нового «передового» метода не ограничиваются открытиями и попытками выдать *выдавать** залежалый старый товар за последнюю новинку исторической мысли. Они идут и дальше. Характерной чертой для конкретной научной практики данных историков является расщепление единого исторического процесса на ряд локализованных и искусственно раздельных между собой процессов. Сторонникам этого направления хотелось бы представить исторический процесс как определенную сумму слагаемых: один из них рассматривает экономическую историю; второй рассматривает демографические изменения, происходящие в обществе; третий рассматривает политическую историю; четвертый – культуру и т.д. Единый комплексный исторический процесс оказывается разделенным и расщепленным на ряд как бы автономных и внутренне несвязанных между собой частных процессов.

К тому же наиболее предпочтительной формой приверженцы пост-марксизма считают не широкий исторический обзор большого протяженного во времени периода, а изолированное, локализованное исследование какого-нибудь небольшого региона; какой-то провинции или еще более ограниченного пространства.

Поклонниками нового течения поднята на щит монография их лидера по социально-экономическому развитию Лангедока в XVI столетии. Кто стал бы спорить, и такая локальная тема имеет право на существование, и она может быть выполнена лучше или хуже. Весьма возможно, что Леруа Ладюри выполнил эту тему, являющуюся его докторской диссертацией, тщательно и успешно. Разногласия начинаются не по вопросам о том, допустимы ли такие работы или нет. Спор возникает, когда работы такого рода генерализуются и объявляются, чуть ли не главными и основными в исторической науке.

* Так в тексте документа.

В тесной связи с приведенным примером находится и другой: стремление последователей «нового метода» придать преимущественное значение количественной истории. С помощью электронно-счетных и иных вычислительных машин, полагают они, возможен переворот в исторической науке, все можно подсчитать. Вычислительная техника, несомненно, имеющая определенные достоинства и воплощение, когда ею пользуются в разумных пределах, играет, бесспорно, полезную роль, но, когда провозглашается основой исторической науки, она вытесняет все остальное. Дай им волю, эти «молодые» ученые забросали бы книжный рынок сводками цифровых данных. Может быть, эти сводки в какой-то мере полезны. Беда в том, что за этим потоком порой хаотичных или плохо систематизированных цифровых данных пропадает единый исторический процесс.

Если задуматься над тем, к чему ведут эти новые методы, то, в конечном счете, они приводят, будучи последовательно и логично применены на практике, к отказу от исторического обобщения, от синтеза. Странники этого метода не скрывают своей антипатии к синтезу, им не нужны обобщения. Они пытаются провести своего рода раздробление исторического процесса, разбить его на остальные куски, отдельные части с тем, чтобы читатель, умеющий из прошлого извлекать определенные выводы для сегодняшнего дня и для понимания завтрашнего, был бы не в силах это осуществить. Нет единой исторической концепции, нет единого исторического процесса и, следовательно, нет исторических закономерностей. Конечный смысл этой интерпретации заключается в том, чтобы посеять [недоверие]** к развиваемой прогрессивной исторической мыслью идее об исторических закономерностях, о детерминированности исторического процесса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Далин В.М. Предисловие // Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1989. С. 3-9.
- Манфред А.З. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой Французской революции / Французский ежегодник, 1976. М.: Наука, 1978. С. 171-178.
- Манфред А.З. Великая французская революция. М.: Наука, 1983. 432 с.
- Меер Е.С. Проблема связи Просвещения и Французской революции XVIII века в работах А. Коббена. // Известия Российской государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 228-231.
- Гордон А.В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада (история с Ричардом Коббом) // Французский ежегодник, 2007. С. 215–255.
- Намазова А.С. К 100-летию со дня рождения Альберта Захаровича Манфреда // Россия и Европа. Вып. 4. 2007. С. 167–170.
- Намазова А.С. Альберт Захарович Манфред (1906–1976) // Историки России. Кн. 2. М.: Собрание, 2011. С. 202–215.
- Сахаров А.М., Хромов С.С. XIV Международный конгресс историков. // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 14-31.
- Терехов О.Э. Историческая мысль и историческая наука Запада XIX–XX вв. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. 170 с.
- Тихвинский С.Л. В Бюро и на Генеральной Ассамблее МКИИ // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 182–185.

* В тексте неразборчиво. Слово вставлено по смыслу.

- Тихвинский С.Л., Чистозвонов А.Н. // [Рец. на кн.]: Х. Кохахио Такахаши. От феодализма к капитализму: Проблемы перехода (на франц. яз.) // Вопросы истории. 1983. № 10. С. 164-167.
- Чубарьян А.О. Советские историки и XIV Международный конгресс исторических наук // Вопросы истории. 1975. № 6. С. 62-75.
- Чудинов Д.А. «Наполеон Бонапарт» А.З. Манфреда в оценках читателей / Французский ежегодник. № 49. 2016. С. 325-336.

REFERENCES

- Dalin V.M. Predislovie // Manfred A.Z. Tri portreta ehpoi Velikoj francuzskoj revolyucii. M., 1989. S. 3-9.
- Manfred A.Z. O nekotoryh spornyh i nereshennyh voprosah istoriografii Velikoj Francuzskoj revolyucii / Francuzskij ezhegodnik, 1976. M.: Nauka, 1978. S. 171-178.
- Manfred A.Z. Velikaya francuzskaya revolyuciya. M.: Nauka, 1983. 432 s.
- Meer E.S. Problema svyazi Prosveshcheniya i Francuzskoj revolyucii XVIII veka v rabotah A. Kobben. // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2008. № 65. S. 228-231.
- Gordon A.V. Sovetskie istoriki i «progressivnye uchenye» Zapada (istoriya s Richardom Kobbom) // Francuzskij ezhegodnik, 2007. S. 215-255.
- Namazova A.S. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Al'berta Zaharovicha Manfreda // Rossiya i Evropa. Vyp. 4. 2007. S. 167-170.
- Namazova A.S. Al'bert Zaharovich Manfred (1906-1976) // Istoriki Rossii. Kn. 2. M.: Sobranie, 2011. S. 202-215.
- Saharov A.M., Hromov S.S. XIV Mezhdunarodnyj kongress istorikov. // Voprosy istorii. 1976. № 3. S. 14-31.
- Terekhov O.EH. Istoricheskaya mysl' i istoricheskaya nauka Zapada XIX-XX vv. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006. 170 s.
- Tihvinskij S.L. V Byuro i na General'noj Assamblee MKIN // Voprosy istorii. 1973. № 1. S. 182-185.
- Tihvinskij S.L., CHistozvonov A.N. // [Rec. na kн.]: H. Kohahiro Takahasi. Ot feoda-lizma k kapitalizmu: Problemy perekhoda (na franc. yaz.) // Voprosy istorii. 1983. № 10. S. 164-167.
- CHubar'yan A.O. Sovetskie istoriki i XIV Mezhdunarodnyj kongress istoricheskikh nauk // Voprosy istorii. 1975. № 6. С. 62-75.
- CHudinov D.A. «Napoleon Bonapart» A.Z. Manfreda v ocenkah chitatelej / Francuzskij ezhegodnik. № 49. 2016. С. 325-336.

Кашинская Оксана Александровна, специалист по УМР кафедры Теории и истории гуманитарного знания, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет; kaf_sr_veka@mail.ru

On an unfinished project: a draft of the article “Modern Bourgeois historiography” by A.Z. Manfred

This is a publication of a typewritten copy of the draft of the article “Modern bourgeois historiography” from the fund of A.Z. Manfred in the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. This document refers to the history of an unfinished draft article by A.Z. Manfred.

Keywords: A.Z. Manfred, the French Revolution, XIV Congress of CISH

Oksana Kashinskaya, aspirant, Institute of Philology and History, Russian State University for Humanities; kaf_sr_veka@mail.ru

CONTENTS

RUSSIA IN THE WORLD

PREFACE.....	5
<i>The Russian Revolution in the world context</i>	
<i>Alexander Chubaryan</i> Russia and Europe: a view to the future in the context of the past and the present.....	7
<i>Alexandr Shubin</i> Waiting for the World Revolution.....	17
<i>Georgy Filatov</i> Perception of the Russian revolution of 1917 in the Portuguese press of the First Republic.....	34
<i>Vladimir Sapon</i> “The mystery man of communism” I.V. Stalin in the light of the American press in 1920–1923.....	48
<i>Russia and world in the space of interrelations and representations</i>	
<i>Elena Melnikova</i> “The Road East – the Road to Christianity” Rus’ and Byzantium in the Christianization of medieval Scandinavia.....	57
<i>Irina Konovalova</i> Old Rus in the system of local and transcontinental routes of the 12th c. (according to al-Idrīsī)	74
<i>Sergey Zanin</i> Communication, culture and representation An episode from the history of Russian–French cultural relations.....	88
<i>Andrey Mitrofanov</i> Russia as an “antipode of the French revolution”. The political bureau of the Directory and the genesis of “Russophobia” in France.....	102
<i>Nikolay Promyslov</i> The role of geographical factors in the construction of the memory of the French about the campaign to Russia in 1812.....	112
<i>Olga Zaichenko</i> Formation of the "Russian threat" complex as a reaction to the crisis of European self-consciousness in the first decade after the French revolution.....	131
<i>Andrej Shchelchikov</i> Latin American View of the Russian Empire in the 19th Century.....	149
<i>Anna Volodko</i> "The inscrutable power between us" – Maurice Baring and Russia.....	165
<i>Nadezhda Selounskaya</i> Is “The New Middle Ages” - a Russian Idea? Bicilli’s Medievalistica, medieval social movements and re-actualization of history.....	179
<i>Natalya Selunskaya</i> A Mythologem “Russian-European” as a subjective dimension of identity of the “first wave” emigrants.....	196
<i>Ekaterina Grantseva</i> Spanish’s views on Russia of the 20th century: transformation of the image of the country and problems of historiography.....	208

Denis Fomin-Nilov

The treachery, collaboration and resistance: comparative analysis of the Scandinavian cases and USSR's experience in the Second World war..... 222

German Gigolaev

The USSR and Italian Left in the 1950s: problems of perception..... 235

Memorable events and dates*Olga Porshneva*

The jubilee to the anniversary: interpretation of the war-revolutionary crisis of 1914-1921 in the context of two significant dates..... 248

Andrey Kuznetsov

The Revolution – 100 years later..... 262

Larisa Andreeva

Secular sanctity: cult of revolutionary martyrs in Russian history..... 278

Karine Ambartsumyan

British policy in the Greater Caucasus in 1918–1920 in the memoirs of A. Rowlinson and K. Bechhofer..... 296

Reading books...*Tamara Sidorova*

The book series “Mediaevalia” as a reflection of research field in Russia..... 313

Vadim Khusainov

The First Russian Translation of the *Gesta Danorum* by Saxo Grammaticus..... 332

Veronika Vysokova

The Image of Peter the Great in the English Culture, or who are Britons..... 340

Lydia Sofronova, Anna Khazina

Intelligentsia and intellectuals - so different... and so similar..... 346

Sergey Krikkh

The study of reception of Antiquity and the Middle Ages in current Russian historiography..... 354

Publications and translations*Szvák Gyula*

An “open letter” as a mean of historiographical communication..... 361

Oksana Kashinskaya

On an unfinished project: a draft of the article “Modern Bourgeois historiography” by A.Z. Manfred..... 384

CONTENTS..... 398

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «РОССИЯ В МИРЕ»

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
<i>Российская революция в мировом контексте</i>	
<i>А.О. Чубарьян</i> Дискуссионные вопросы Российской революции.....	7
<i>А.В. Шубин</i> В ожидании мировой революции.....	17
<i>Г.А. Филатов</i> Восприятие российской революции 1917 г. в португальской прессе Первой республики.....	34
<i>В.П. Сапон</i> «The mystery man of communism» И.В. Сталин в освещении американской прессы 1920–1923 гг.....	48
<i>Россия и мир в пространстве взаимосвязей и представлений</i>	
<i>Е.А. Мельникова</i> «Путь на восток – путь к христианству»: Русь и Византия в процессах христианизации раннесредневековой Скандинавии.....	57
<i>И.Г. Коновалова</i> Древняя Русь в системе локальных и трансконтинентальных путей XII в. (по данным ал-Идриси).....	74
<i>С.В. Занин</i> Коммуникация, культура и представления из истории русско-французских культурных связей.....	88
<i>А.А. Митрофанов</i> Россия как «антипод Французской революции». Политическое бюро Директории и генезис «руссофобии» во Франции.....	102
<i>Н.В. Промыслов</i> Роль географических факторов в конструировании памяти французов о походе в Россию в 1812 году.....	112
<i>О.В. Заиченко</i> Формирование комплекса “русской угрозы” как реакция на кризис европейского самосознания в первое десятилетие после Французской революции.....	131
<i>А.А. Щелчков</i> Латиноамериканский взгляд на Российскую империю в XIX веке.....	149
<i>А.В. Володько</i> «Непостижимая связь между нами»: Морис Бэринг и Россия.....	165
<i>Н.А. Селунская</i> Новое Средневековье – русская идея? Медиевистика Бицилли, средневековые общественные движения и актуализация истории.....	179
<i>Н.Б. Селунская</i> Мифологема “русский европеец” как субъективное измерение идентичности эмигрантов “первой волны”.....	196
<i>Е.О. Гранцева</i> Взгляды испанцев на Россию XX века трансформация образа страны и проблемы историографии.....	208

Д.В. Фомин-Нилов

Предательство, сотрудничество или сопротивление: сравнительный анализ скандинавских примеров и опыта СССР во Второй мировой войне..... 222

Г.Е. Гиголаев

СССР и итальянские левые в 1950-х гг.: проблемы восприятия..... 235

К памятным событиям и датам

О.С. Поршинева

От юбилея к юбилею: интерпретация российского военно-революционного кризиса 1914–1922 гг. в контексте двух знаменательных дат..... 248

А.А. Кузнецов

Революция спустя 100 лет..... 262

Л.А. Андреева

Секулярная святость: культ революционных мучеников в российской истории.. 278

К.Р. Амбарцумян

Политика Англии на Большом Кавказе в 1918–1920 гг. в воспоминаниях А. Роулинсона и К. Бехгофера..... 296

Читая книги...

Т.А. Сидорова

Серия книг «Mediaevalia» как отражение российского исследовательского пространства..... 313

В.М. Хусаинов

Первый перевод на русский язык Произведения Саксона Грамматика «Деяния данов»..... 332

В.В. Высокова

Образ Петра Великого в английской культуре, или Кто они – британцы..... 340

Л.В. Софронова, А.В. Хазина

Интеллигенция и интеллектуалы – такие разные... и похожие..... 346

С.Б. Крих

Изучение рецепции Античности и Средневековья в современной российской историографии..... 354

Публикации и переводы

Дюла Свак

«Открытое письмо» как историографическое средство диалога..... 361

О.А. Кашинская

К истории одного неосуществленного проекта. Публикация черновика статьи А.З. Манфреда «Современная буржуазная историография»..... 384

CONTENTS..... 396